

Νισρονανομιματα μι-μονανορ-
ρσιν - πο διεξιμι . μι jedne lico a
i διεξιμι wazie obmywacze str 267
Czysta z zlewa i prawa. 27 str

ΝΙΣΡΟΝΑΝΟΜΙΜΑΤΑ ΜΙ-ΜΟΝΑΝΟΡΡΣΙΝ

Με διεξιμι wazie obmywacze str i διεξιμι wazie obmy-
wacze.

235 Troza

50

198
ВСЕМИРНЫЙ
ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЬ,

или
ПОЗНАНИЕ
СТАРАГО И НОВАГО СВѢТА,

то есть:
О П И С А Н І Е
всѣхъ по сіе время извѣстныхъ земель
въ чешырехъ часпяхъ свѣта,
содержащее:

каждыя спраны крапкую испорію, положеніе,
города, рѣки, горы, правленіе, законы, военную
силу, доходы, вѣру, ея жипелей, нравы, обычаи,
обряды, науки, художества, руководлія, торго-
влю, одежду, обхождение, народныя увеселенія,
доможишіе, произраспенія, опшѣнныхъ живо-
пныхъ, звѣрей, пшпцъ, и рыбъ, древности, зна-
шныя зданія, всякія особливости примѣчанія
досшойныя, и пр.

изданное

Господиномъ Аббапомъ де ла Порпъ,

Biblioteka
Jakuba Antoniuka

на Россійской языкѣ
переведенное съ Французскаго.

pow. Białystok

Т О М Ъ П Е Р В Ы Й .

ИЗДАНИЕ ТРЕТІЕ.

ВЪ САНТ-ПЕТЕРБУРГѢ.
Въ Типографіи Ивана Глазунова,
и его издввепіемъ, 1813 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Писемъ содержащихся въ семь
Первомъ Томъ.

Biblioteka prywatna

Jakuba Antoniuka

Dobrzyńsko-DuСтран.

1.	Островъ Кипръ.	pow. Działgostok	1
2.	Сирія.	Nr.	20
3.	Продолженіе Сиріи.		37
4.	Конецъ Сиріи.		51
5.	Египешъ		63
6.	Продолженіе Египша.		82
7.	Конецъ Египша.		97
8.	Варварія, или Варварскія Государ-
спвы.		121
9.	Конецъ Варваріи.		138
10.	Греція.		161
11.	Продолженіе Греціи.		188
12.	Конецъ Греціи.		210
13.	Турція.		255
14.	Продолженіе Турціи.		329

94 (4/9) = 161.1

Вновь напечатано со втораго изданія, по одо-
бренію прежде-бывшей Санкшпепербургской
Цензуры, данному Омшября 16 дня 1798 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изданіи сея книги имѣлъ бы я случай говорить о пользѣ произходящей изъ путешествій, ежелибы не опасался наскучить изложеніемъ шакой вещи, о истиннѣ кошорой никакъ, думаю, сумнѣваться не можешь въ споль просвѣщенномъ вѣкѣ, каковъ нашъ, когда уже и въ древнія времена имѣли высокія мысли о спранспированіяхъ. Наиславнѣйшіе погдашніе мужи судили, что путешествіе есть училище, въ кошоромъ познаешь различностьъ жизней; въ кошоромъ почерпающія наставленія для понятія и разумнѣнія сего дивнаго мира; въ кошоромъ усматриваешь связь разныхъ людскихъ соспояній и доказываешь необходимость наблюдать каждому свои обязательства въ разсужденіи общесства; въ кошоромъ на конецъ часная премѣна воздуха и всегдашнее движеніе не меньше служатъ ко здравію шѣла, сколь полезны и разуму.

Не въ однихъ словахъ древніе мудрецы замѣкали основательностьъ шаковаго мнѣнія, какъ то чиняпъ часпо нынѣшніе. Они споль въ шомъ были удосповѣрены, что сами собирали получаемые опъ шого плоды, упошребляли многіе годы на

спранспивованіе, не уважали шрудовъ и опасностей, преодолъвали всѣ препяшспвіа, и спарались приобрѣшенными въ опдаленныхъ краяхъ знаніями не только принесли пользу своему опечеспву, но и прославляя себя, на вѣки прославишспрану, кошорой обязаны были рожденіемъ. Гомеръ, Ликургъ, Солонъ, Пифагоръ, Демокришпъ, Евдоксъ, Платонъ, Аришпшель изъ Грековъ, и многіе Цицерономъ вычисляемые изъ Римлянъ, служатъ пому доказашельспвомъ.

Испинна опъ ищущихъ ея никогда не сокрываешся. Нынѣ спранспивованіе признано не шокмо за наинужнѣйшую часпъ воспитанія юношеспва, но соснавлешп и опышность возмужавшихъ. Всякая земля, въ кошорой наслаждающъя добрымъ правленіемъ, приводящимъ жипелей въ соспояніе предпринимающъя пупешеспвіа, имѣшп великое преимущеспю предъ шою, гдѣ сіа часпъ воспитанія пренебрегаешся. Пупешеспвіа опворяющъ разумъ, возвышающъ его, обогащающъ, и исцѣляющъ опъ предразсужденій въ опечеспвѣ вкоренившихся. Домашнее ученіе не можеш принести шоликихъ выгодъ, не можеш доснавишп шаковыхъ познаній: нужно самому видѣшп людей и мѣста, дабы объ нихъ судишп. Польза опъ пупешеспвій управляемыхъ разумомъ, въ коихъ не

одни взору предспавляющіеш предмѣшпы должно разспашпривашп, но надлежишп изслѣдывашп нравы, склонности, вкусы, науки, шорговлю и пр. другихъ народовъ, не только изливаешся на самаго спранспвующаго, но проспираешся и далѣ. Наблюденія учиненныя опцомъ, просвѣщающъ дѣшпей, возбуждающъ въ пошомкахъ охоту къ приобрѣшенію равныхъ же свѣдений, и руководспвующъ къ познанію силы и слабоспи сосѣдей, къ ислѣдованію причинъ ихъ упадка или возвышенія, къ избранію и присвоенію шого, чшо полезно, и къ оптверженію всего вредъ нанеспи могущаго.

Но возможно ли всѣмъ пупешеспвовать? Конечно нѣшп; а ешп другой способъ, награждающій нѣкошорымъ образомъ сію невозможность, и коимъ пользовашся въ соспояній всякой, желающій приобрѣшп просвѣщеніе и усугубишп способность свою къ услугѣ опечеспва. Чрезъ сіе разумью я чпеніе книгъ, содержащихъ описанія пупешеспвій. На сіе можеш бышп возразашп одни, чшо у насъ шаковыхъ книгъ еще нѣшп, а другіе, чшо по великому оныхъ множеспву на иносшранныхъ языкахъ выборъ ихъ дѣлаешся шрудень, а на прочпеніе всѣхъ и жизни челошческой не спанеш. Сіе неудобштво повсюду примѣчено, и для оп-

вращенія онаго приняты мѣры. Нѣкоторое общество ученыхъ людей въ Англіи приняло на себя пирудъ выбрасть изо всѣхъ по нынѣ извѣстныхъ путешесствій все то, что признано за вѣрное многими въ однихъ мѣстахъ бывшими просвѣщенными людьми, и все то, что показалось имъ нужно для точнаго познанія каждой страны и народа, а приведа оное въ надлежащій порядокъ, составило всеобщую исторію путешесствій. Оную Г. Аббата Прево началъ переводить на Французскій языкъ, но не успѣлъ окончить похвальнаго своего намѣренія. По смерти его нѣкоторые ученые люди взялися продолжать, и уже умножили ее двумя томами, такъ что теперь вышло оной исторіи 20 превеликихъ томовъ въ четверть листа. Сія книга, приносящая неописанную пользу читателямъ, и возбуждающая всегдашнюю благодарность ко издателю, переводится нынѣ на нашъ языкъ, какъ по всѣмъ извѣстно. Но не смотря на проспанство томовъ помянутыя исторіи до нынѣ въ свѣтъ изданныхъ, не окончены еще въ нихъ всѣ Морскія путешесствія, и не достаешь слѣдовательно сухонутныхъ, то есть описанія той части сшараго свѣта, гдѣ случились наиглавнѣйшія произшествія рода человѣческаго; изъясненія переменъ, коимъ она была по-

двержена; исчисленія ошпашковъ драгоценныхъ зданій и достопамятностей, привлекающихъ въ нее путешесствователей изо всѣхъ странъ свѣта. Симъ самымъ нужнымъ мѣстомъ начинается *Всемирный Путешесствователь Г. Аббата де ла Портъ*. Онъ почеспись можетъ нѣкоторымъ образомъ не токмо продолженіемъ (по крайней мѣрѣ въ первыхъ томахъ) но и сокращеніемъ всеобщія исторіи: ибо сочинитель его описываетъ всѣ четыре части свѣта, и проспираетъ виды свои еще далѣе, нежели то чинила большая часть путешесственниковъ. Будучи предводитимъ свѣтомъ философіи, и держася правилъ строгаго наблюдателя, почерпаетъ онъ повсюду полезныя знанія, и сообщаетъ ихъ своимъ согражданамъ. Всѣ предметы, достойные возбуждять вниманіе въ разсудительномъ читателѣ, какъ то: законы, нравы, обычаи, вѣра, правленіе, торговля, науки, художесствы, произведенія природы и пр. однимъ словомъ познаніе всѣхъ земель и всѣхъ въ свѣтъ примѣчаніе заслуживающихъ народовъ, начиная отъ Азіатскихъ, соспавляютъ содержаніе его писемъ. Онъ упоминаетъ обо всемъ, что ему кажется достойнымъ истиннаго любопытства: а какъ желаніе его спремится единствен-но къ тому, чтобы для другихъ учинить

st l'Exilles A.F. (1697-1763)

muski auto iela pometi m. n.
Lescart.

полезнымъ свое сочиненіе, по и опускаешь все шакое, чпо не ведетъ ко исполненію сего похвальнаго намѣренія. Рѣдко говоришь онъ самъ о себѣ. Ни приуготовленія къ пуши, ни случающіяся обыкновенно мѣлочныя въ ономъ приключенія, не входяшь въ его описанія; ибо не спрашивующаго нужна повѣсть, но шѣхъ земель, по коимъ онъ ѣздишь. Упопребленный имъ крашкій, ясный, и ненадушный слогъ доказываетъ, чпо онъ искалъ бышь вняшенъ и вразумишеленъ людямъ всякаго соспоянія, и для сея причины избѣгалъ высокихъ выраженій и пышныхъ описаній, кой вмѣсно объясненія зашмѣваютъ иногда понятіе о вещи. Въ немъ всякъ понимаетъ все можетъ. Нѣшь мнѣ нужды выхвалять его; чпашель самъ будетъ ему судія; а скажу шолько, чпо сколь скоро появился на свѣтъ *Всемирный Путешествователь*, начали его переводить на другіе языки, и чпо, ежели многія изданія могутъ служить доказательствомъ о добростѣ книги, по сія, не бывъ еще доведена до конца, чешыре уже раза была напечатана.

Къ переводу сея книги побудила меня всегдашняя склонность къ шруду, и искреннее желаніе бышь полезнымъ моему опечесиву. Сверхъ шого былъ я во многихъ изъ описанныхъ въ ней земель, самъ

многое видѣлъ; а по сей причинъ и думаю чпо нахожусь въ соспояніи меньше погрѣшишь въ преложеніи ее на нашъ языкъ, и меньше въ переводѣ опъ испинны удалиться по невѣденію наспоющаго положенія мѣспъ и бышя вещей. Дабы еще полезнѣе и вняшнѣе для каждаго учинишь мой переводъ, спарался я нѣкопорыя мѣспя объяснять примѣчаніями, другія дополнять, ежели гдѣ случилось чпо важнаго по написаніи уже сочинишелемъ книги; въ иныхъ дѣлалъ перемѣны, по елику почель ихъ нужными, бывъ самъ очевидцемъ шѣхъ вещей, или доставъ вѣрнѣйшія извѣстія, (какъ по чпшавшіе подлинникъ могутъ примѣшишь уже и въ первыхъ двухъ Томахъ;) деньги, мѣры, вѣсы, разспоянія приводилъ я на Россійскія; сравненія и уподобленія предмѣшовъ дѣлалъ, сколь было возможно, съ вещами нами знаемыми; иногдаже ссылался и на наши книги, о коихъ зналъ, дабы, ежели чпшашель пожелаешъ чпо-либо обспояшельнѣе вѣдашь объ описуемой вещи, могъ скорѣе найши, чѣмъ себя удовольспшвовашъ. Наконецъ, вмѣсно ненужныхъ, по моему мнѣнію, но немалое мѣспо занимающихъ оглавленій каждаго письма, сочинилъ я при каждомъ шомѣ азбучный реэспрь всѣмъ доспопамяшнымъ находящимся въ немъ вещамъ, для способнѣйшаго оныхъ приисканія.

Не смотря на все мое попеченіе, не льщусь я ни мало, чшобъ переводъ мой былъ совершенъ, и чшобъ не нашлось какихъ неисправностей съ моей стороны въ столь пространномъ дѣлѣ; но надѣясь великодушнаго въ шомъ извиненія, остающа мнѣ шеперь желать, чшобы трудъ мой былъ награжденъ благосклоннымъ ошъ чшашателей приняшемъ сего перваго шома, за которымъ вскорѣ и безоспановочно послѣдуютъ и прочіе.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antonieka
Dobrzyniecko-Duże
pow. Białystok
Nr. _____

John Antommio
J. Kowalski Radz
В С Е М И Р Н Ы Й

ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЬ.

Biblioteka
Jakuba Ant.

Dobrzyniecko
pow. Biał.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Островъ Килрѣ.

Мы уже проспились, Государыня моя! а вы еще не знаете, куда я ѣду, какое разспойніе должно насъ разлучить, и когда мы ошпять увидимся. Я за нужно почелъ не опкрывать вамъ онаго до сихъ поръ: вы бы конечно не согласились на мое намѣреніе, а я весьма къ нему привязанъ. Родясь, какъ и вы, въ Марселіи, и будучи съ малолѣтства обученъ Воспощнымъ языкамъ, часно имѣлъ я случай разговаривать съ чужестранными, коихъ купеческіе промыслы со всѣхъ сторонъ привлекаютъ въ нашъ городъ. Вопъ опкуда произошло шо чрезмѣрное желаніе познать различные климаты, въ коихъ они живутъ, изслѣдовать ихъ разумъ, обычаи, законы, художесшвы, правы, вѣру, торги: зрѣлице несравненно превосходящее все шо, чшо мы можемъ видѣть въ приспанѣ наиболее ими посѣщаемой! Вопъ, Государыня моя! планъ, которой я себѣ сдѣлалъ, и которому думаю слѣдовать! Никакое препятствіе не проши-

Т о м ъ I.

I

випись моему намѣренію, все оному способствуешь. Вамъ я посвящу плоды моихъ наблюдений. Въмѣсто писемъ производимыхъ скукою начинающеюся опть уединенія, и которые бы конечно наскучили вамъ самимъ, получаешь вы будете наблюдений достойные чтенія, какими бы слогомъ они сочинены ни были.

Корабль отправляющійся въ Левантъ. способствовалъ моему намѣренію. Я на оной съѣлъ. Путь нашъ былъ благополученъ: и ежелибъ вздумалъ я описать вамъ бурю, то бы принужденъ былъ почерпнуть ея, или въ моемъ воображеніи, или въ романахъ. Я не стану также рассказывать о морскихъ разбойникахъ; ибо ни одного мы не видали; словомъ, прибыли мы спокойно къ нашему первому, какъ сказать, почлегу, то есть въ оспровъ *Кипръ*. Имя сіе производить мысли любоспращивныя: въ немъ изходящая изъ водъ *Венера* поселилась, въ немъ имѣла она дворъ свой. Имяна *Амафонна* и *Пафоса* блистаешь будущъ вѣчно въ льпописяхъ росвоши: а ежели опнишь у нихъ сіе достоинство, то они извѣстны будуще по своимъ развалинамъ, и по тому, что упоминаюся въ книгахъ стихотворцевъ.

По преданію жителей, *Кипръ* долгое время повиновался различнымъ Князьямъ, коихъ побѣдили *Египтяне*. Сии лишились равнымъ образомъ оспрова подъ владѣніемъ *Птолемея*. *Римляне* учинились въ немъ повелителями, и весьма мало имъ стоило сіе завоеваніе, приносящее неисчислимыя сокровища. При раздѣленіи Имперіи Кипръ достался Императорамъ *Восточнымъ*, а потомъ у одного изъ нихъ, *Исаака Комнена*, былъ опнишь *Рихардомъ I.*

Королемъ *Аглинскимъ*. Онъ съ начала хотѣлъ только освободить свяшую землю; но не сей одинъ разъ крестовые Герои покорили и опуспишили, вмѣсто непріятельскихъ, Христианскія спраны.

По потеряннн *Герусалима*, *Гюй Люзиньянъ*, памонннй Король, учинился Королемъ оспрова *Кипра*. *Рихардъ* ему оной подарилъ. Послѣ переходилъ онъ изъ рукъ въ руки, и между прочимъ, принадлежалъ *Шарлоттѣ*, которая не долго шакожь имъ владѣла; ибо опнишь его *Яковъ*, брашь ея побочной. Сказываютъ, что жена сего похитителя опила ядомъ и его самага, и сына его. Она была Венеціанка, изъ дому *Корнаровъ*, и окончила жизнь свою, какъ просполоудимка, въ земляхъ Республики, коюрой успувила Кипрскую корону. Доброша винъ въ немъ растушихъ побудила Султана прибратъ его въ свои руки. Можешь бышь принадлежалъ бы онъ и по сю пору Венеціанцамъ, естлибъ Турокъ не нарушилъ закона, предписаннаго *Алкораномъ*.

Кипръ имѣетъ около восьми сотъ верстъ * въ обширности, весьма плодороденъ, хотя и нѣтъ въ немъ большихъ рѣкъ. Сей недостатокъ награждается множествомъ ручьевъ, не малымъ числомъ рѣчекъ, и особливо изобильными дождями. Ежели бы жители переспали льнишь, вскорѣ бы разбогатѣли, но по нещастію они не меньше своихъ предковъ раз-

* Вездѣ, гдѣ говорится о миляхъ Французскихъ однимъ только примѣромъ, полагаю я ихъ, привода на Рускую мѣру, по 5 въ версту, хотя дѣйствительно онѣ и меньше.

вращены роскошною жизнью: что некогда быль образомъ наибольшее подаетъ намъ понышніе о древнемъ Кипрѣ.

Я спарался искашь оспашковъ его древностей, и для сей причины обратилъ пушь свой къ славному *Пафосу*, или лучше сказашъ, къ городу построенному на его мѣстѣ. Оной весьма пришесть и обширенъ. Въ окружности видны изломанные и разбросанные столпы, оспашки Венерина храма. Сей споялъ, говоряшь, на томъ самомъ мѣстѣ, куда вышла сія Богиня, оспая морскія волны. На оспаяхъ ея вмѣсто жертвы приносился огонь, и никогда кровію оныя обогрены не бывали; никогда въ жрецы ея не избирались, какъ люди знаменитой и даже Королевской породы, а въ жрицы женщины безпримѣрной красоты; что еще предпочтительнѣе и Царской крови. Вскорѣ оракуль сего свящилища учинился славенъ: онышны онъ давалъ полько на вопросы, онышящіяся къ свойспвамъ Богини; но для сей причины не меньше былъ вопрошаемъ.

Еспыли вѣришь спаринному преданію, то сей храмъ былъ съ начала дворець построенной *Афродиты*, Царицею великой красоты и не меньше склонною къ любовнымъ дѣламъ, сколь прелестною. Она привлекала ко двору своему множество молодыхъ людей, и всѣмъ удѣляла свои благосклонности. Придворныя ея женщины ей подражали, а симъ послѣдовали многія другія. Словомъ, Царство Афродиты было въкомъ ушѣхъ и разпускной жизни. Ни что не доказываешъ больше, сколь примѣръ ея овладѣлъ подданными, какъ почести возданныя ей послѣ ея смерти. Ей поклонялись, какъ дѣй-

ствительному божеству. Вопшь Афродита, изъ копорой удобно могли сдѣлать Венеру!

Основаніе города Пафоса приписываютъ *Циниру*, Царю Ассирійскому, и зышю *Пигмаліона*, Царя Кипрскаго. Другіе думаютъ, что построень онъ былъ *Пафосомъ*, сыномъ сего же самаго Пигмаліона и славной его спашуи. Безъ сумѣнія помянутая чудесная спашуя не иное что была, какъ невинная кака красавица, нравомъ и поведеніемъ совсемъ прошивная веселой и роскошной Афродитѣ.

Древній городъ *Аматуза* славенъ любовію *Венеры* и *Адониса*. Въ немъ они имѣли въ послѣдующіе времена храмъ, коего не оспалось ни малаго слѣда: а напрошивъ видна церковь, въ копорой опочиваютъ мощи *святаго Іоанна*, Египетскаго въ седмомъ вѣку Паптріарха. Рака его весьма великолѣпна, и священники разсказываютъ, что когда переносили тѣла мощи; что Епископъ, коего крости занимали оную опъ давныхъ лѣтъ, самъ изъ нея вспалъ, и успунилъ мѣсто Паптріарху.

Венера была не одно божество, почитаемое на семь островѣ. *Аполлонъ* имѣлъ также храмъ. Онаго по пынѣ видны оспашки близъ *Писколи*, деревни довольно примѣшной по своей величинѣ и пріятности. Жипели говорятъ, что сіи развалины суть оспашки дома одного человека, копорой обучалъ музыкѣ; а вы знаете, что *Аполлонъ* почитался изобрѣтателемъ сего свободнаго художества. Роца, копорая была ему посвящена, теперь еспь лугъ орошаемой однимъ водоводомъ. Недалеко опъ оной находятся ужасные виды, приводящія на память землетрясеніе. Философъ ошва-

жился бы шуда бросишься, дабы изъ близи оныя увидишь, но я по побужденію другаго рода философіи, довольствовался и тѣмъ, что по-смотриль на нихъ изъ далека.

Въ небольшемъ разстояніи отсюда лежить мысь *cutium* нынѣ *caro di gato* (кошечій мысь) называемой, по причинѣ кошекъ, коихъ монахи святаго Василія содержатъ для изпребленія змей, находящихся въ окружности. Сіи добрые опцы побуждены были на споль похвальное дѣло получениемъ весьма недурной деревни.

Желаете ли вы знать, Государыня моя! откуда происходитъ слово *Солецизмъ*? (*folescisme*?) Вы найдете начало онаго въ одномъ городѣ сей страны, то есть въ *Соліи*, прежде *Солосъ* называемомъ, коимъ построень былъ подъ смотрѣніемъ *Солона*. Сей Аѳинскій законодатель жилъ некопорое время при дворѣ *Филоклѣра*, Царя Кипрскаго. Столица сего Государя лежала на горахъ бесплодныхъ. Солонь совѣтовалъ ему перенести ея въ плодосную долину. Мнѣніе его было принято, и ему самому поручено надсмапривать надъ работою. Новой городъ сохранилъ имя своего основателя. Вскорѣ изобиліе и приятность мѣсна привлекли шуда со всѣхъ сторонъ жителей: но сіе смѣшеніе людей причинило смѣшеніе и въ языкѣ, коимъ шакъ испортился, что то въ пословицу вошло. Отсюда происходитъ сіе произведение слова, копорое ученой человекъ не упустилъ бы доказать цѣлыми стопами книгъ, а я довольствуюсь вамъ только намернушь.

Можетъ бышь слышали вы о славномъ *Источникѣ Любви*. Я не прежде его увидѣлъ, какъ прошедъ мимо горъ окруженныхъ пропастью. Сей источникъ есть ручеекъ текущій близъ *Акамоса*. Онъ возвращаетъ, сказывающъ, пьющимъ изъ него воду, поперянные силы, или умножаетъ настоящія. Сіе довольно походитъ на источникъ младости: но у меня было сполько добродѣтели, или можетъ бышь самолюбія, что я изъ онаго не пилъ.

Никозія есть столица сей страны. Въ ней живетъ правитель Турецкой, а прежде обитаема она была всемъ дворянствомъ Венеціанскимъ, находившимся на островѣ. Судя по развалинамъ, можно заключишь, что городъ былъ великолѣпенъ, а защищеніе его противъ Турковъ доказываетъ, что былъ и довольно укрѣпленъ. Сіи варвары доставъ его въ свои руки, предали мечу больше двадцати тысячъ обывателей. Дурныя женщины и малолѣпные дѣти были тогда сожжены; хорощія оставлены для Султанскаго серала, а главнѣйшіе граждане для украшенія пріумфа побѣдителей. Больше двадцати пяти тысячъ человекъ учинены пленниками, и проданы какъ невольники; но ни одна изъ женщинъ назначенныхъ въ сераль, не имѣла чести онаго видѣшь. Одна изъ нихъ, взявъ шихонько фитиль, зажгла и подорвала корабль, на коимъ ихъ везли, а ошъ него погибъ и шопъ, на коимъ ѣхалъ самъ Турецкой полководецъ. Таковое опчаяніе походитъ на геройство: но осмѣается знашь, позволено ли пошоплять шолікое число людей для избѣжанія невольничества? Можно легко повѣришь, что некопорыя изъ сихъ

прекрасныхъ пленницъ сераль предпочли бы, можетъ быть, смерти.

Въ окружностяхъ Никозіи видна небольшая гора, покрытая окаменѣлыми устрицами. Я опшорялъ оныхъ при или чешыре. Онѣ были такъ сжаны, что не безъ труда въ шомъ предъуспѣлъ. Я нашель ихъ наполненныя пескомъ, про которой сказала мнѣ одинъ человекъ, не великой, какъ видно, испыпанель еспешива, что шо была вода окаменѣлой устрицы, превратившаяся въ хрящъ. Мясо такъ изныло, что казалось нарисованнымъ на раковинѣ.

Фамагустъ, другое укрѣпленное мѣсто, будучи осаждено Турками, не прежде сдалось побѣдителямъ, какъ когда не оспалось уже въ городѣ ни одной мыши для прокормленія жителей. Оно одержало договоры съ честію сходные, но Турки измѣнически въ ономъ обманули. Они изрубили большую часть гарнизонныхъ офицеровъ, и съ Губернашора содрали съ живаго кожу, которую посоли, высушивъ, и набивъ соломой, опослали въ Цареградской арсеналь. Опшуда выкрадена она была сродственниками сего храбраго коменданта. Сказывають, что сія славная кожа и по сю пору хранится въ Венеціи.

Нынѣ доспуть въ Фамагустъ весьма прудень по недовѣрности жителей. Чужестранной, котораго увидяшь смопряцаго на городѣ, хопя и изъ дали, подвергается наказанію, опъ коего не можетъ инако спастись, какъ сдѣлавшись Туркомъ. Въ одно шолько время позволено въ него входишь, шо ешь, когда Консуль Французской дѣлаешь посѣщеніе Гу-

бернашору; но сія церемонія бываетъ одинъ разъ въ годъ. Я находилъ шога въ окружностяхъ, и Консуль, которой принялъ меня оплично, позволилъ умножишь число съ нимъ въ городѣ ходившихъ.

Въ ономъ нѣтъ ничего примѣчанія доспойнаго, кромѣ нѣсколькихъ зданій, и особливо мечети Святой Софії, которая и огромна и великолѣпна. Оспрая башня, коею кончится ея вершина, производитъ довольно хорошее дѣйствіе. Окружности города пріяпны, земля богата, и изобилуетъ особливо шелковыми червями. Деревья, коими украшается, суть почти вездѣ шелковицы бѣлыя; но сказывають, что *саранга* причиняетъ имъ ужасной вредъ. Въ иные годы видали оной шамъ такое невѣроятное множество, что солнце опъ нее зашмввалось. Къ сему прибавляють, что онѣ опшановляються цѣлыя недѣли, и опшощають въ сіе время всю землю. Тогда нѣтъ больше сбора плодовъ; произращеніи земные чиняются добычею сихъ насѣкомыхъ. Въ бѣдствіяхъ шаковаго рода, жители имѣють прибѣжище къ святымъ, къ ходамъ, и къ молитвамъ. Однажды случилось, что прилетѣло множество пшницъ, величиною подобныхъ спеннымъ куликамъ, кои пожрали всю саранчу: по чему и заключили, что умоленное Небо ниспослало ихъ для освобожденія земли опъ сего наказанія. Опшанокъ ихъ разнесенъ былъ сильнымъ вѣтромъ. Народъ почель сіе за чудо, и съ шога времени Греки споль великое имѣють почтеніе къ симъ пшницамъ, что не позволяется ихъ убивать.

Недалеко отъ *Ларники*, довольно обширнаго города, находится мечеть, въ которой, думаютъ Турки, лежитъ *Магометова бабушка*. Они ходятъ туда призывать ее, но не сказываютъ, какимъ образомъ была она принесена въ Кипръ изъ самой средины Аравіи: преданіе не говоритъ объ этомъ ни слова, но вѣра Мусульманская награждаетъ сей недоспашокъ.

Христиане, недалеко отсюда, имѣютъ свой предметъ почтенія. Въ *Саливѣ* есть церковь Греческая, посвященная *Лазарю*, пому самому, котораго воскресилъ Иисусъ Христосъ. Говорятъ, что онъ погребенъ былъ на мѣстѣ, гдѣ построена церковь; и единственное доказательство, коимъ это утверждаютъ, есть большая скажина, носящая его имя.

Гора *Кроце* (*Крестовая*) есть наивысшая на всемъ островѣ Кипръ. *Святая Елена* избрала вершину ея, для построения церкви, и одарила, чѣмъ содержавъ придицать челоуѣкъ, опправляющихъ въ ней службу. Зданіе ничего особеннаго не имѣетъ: но часть истиннаго Крестна привлекаетъ туда спеченіе людей, коихъ и высота мѣста отъ того не удерживаетъ.

Славная *Мадона де Шекка* (*Шекская Богородица*) стоитъ въ приятномъ округѣ. Воздухъ около ея наполняется благовоніемъ отъ розъ, и множества пахучихъ кустовъ. Монастырь довольно украшенъ, и Игумень имъ управляющій, не уступаетъ почти Епископу.

Подъ монастыремъ находится пещера, въ коей бьетъ ручей воды имѣющей запахъ розы. Турки и Греки ходятъ туда мыться, и пить воды, почитаютъ ее за особенное лекарство

на разныя болѣзни, и напившись думаютъ, что дѣйствительно получили излеченіе.

На всемъ островѣ нѣтъ жилища, котораго бы пріятнѣе было *Морфу*, ни зданія превосходящаго церковь, на немъ построенную. Сей храмъ былъ посвященъ святому Мамасу, или Маманпу, которому приписываютъ невѣроятное дѣло, дабы избавишься отъ подагри. У него, говорятъ, всегда было на голпѣ чудо, коимъ освобождался онъ отъ поманутаго плашежа.

Ланито, прежде *Амабилисъ* (*милое*), есть прекрасное мѣсто, наполненное великолѣпными развалинами, и сохранившее сему имени. Я видѣлъ потомъ *Палекру*, мѣсто, на коемъ находился въ старину храмъ посвященной Царицы любви. Одинъ Кади (судья) побралъ послѣдніе онаго камня на построение дома для своихъ любовницъ. Сіе значить употребить вещь на то, къ чему она опредѣлена; ибо, можетъ быть почиталъ онъ ихъ всѣхъ за Венеру.

Цитреа, есть безъ сомнѣнія древняя *Цитера*; по крайней мѣрѣ сохранила она все ея наружныя пріятности. Она состоитъ вся изъ садовъ и увеселительныхъ домовъ, орошаемыхъ ручьями чистой воды, раздѣленными на многіе каналы; но все сіи усиленіи искусства уступаютъ однакожъ красотѣ природы: ибо въ семь округъ присутствуетъ она въ полномъ своемъ убранствѣ и со всеми прелестями.

Недалеко отсюда находится монастырь *святаго Златоуста*. Построенъ онъ на горѣ, на коей, сказываютъ, избрала жилище одна Книгиня, дабы избѣжать отъ насильствія ка-

валеровъ называемыхъ Храмовые (Templiers*.) Къ сему прибавляютъ, что Греки ей одолжены найденіемъ ручья, имѣющаго силу изцѣлять опъ шолудей и вередовъ. Она имѣла собаку, которую очень любила, и опъ кошко-рой сія болѣзнь приспала къ госпожѣ. Однажды собака сбѣжавъ съ горы, выкуналась въ семь ручьѣ; а какъ почувствовала опъ того свободу, то въ слѣдующіе дни продолжала шуда бѣгать, и примѣнили, что она совсемъ вылѣчилась. Княгиня вздумала испытать на себѣ лѣкарство, и равнымъ образомъ освободилась опъ болѣзни. Съ того времени ручей весьма часто посѣщается. Христиане и Турки равную къ нему имѣютъ вѣру.

Спаринной городъ Кипръ весьма упаль: нынѣ онъ ни что иное есть, какъ худая деревня окруженная разваленными зданіями. Сіе мѣсто прежде славящееся красою женщины, лишилось также оныхъ, какъ и прочихъ опмѣностей.

Недалеко опшуда возвышается гора, называемая Олимпомъ. Венера на ней имѣла храмъ. Я на шомъ мѣстѣ нашель развалины

* Темплеры суть первой изо всѣхъ военныхъ монашескихъ орденовъ, установленной въ 1118 году въ Иерусалимѣ Паганесомъ и Сенн-Адемаромъ, кои съ начала присоединили къ себѣ 7 человекъ для охраненія Св. Гроба и для защищенія молебщиковъ. Бадуень II. Король Иерусалимскій, далъ имъ свой домъ близъ церкви, гдѣ прежде стоялъ Соломоновъ храмъ. По чему и назывались они Храмовые, а дома ихъ Храмами. Сей орденъ уничтоженъ въ 1312 году для нѣкоторыхъ причинъ, о коихъ бы долго было здѣсь упоминать.

часовни. При подошвѣ горы спомпъ городъ Лескара, близъ коего собирался Ладанъ. Деревцо, на которомъ оной распеть, походитъ на шалфей, а цвѣты его на розовые; листья покрываются смолою, ни малаго свойства съ ладаномъ не имѣющею. Сей послѣдній есть сославъ опя, пригошьяемаго шеспью или восьмью разными образами, и помянушая смола ни мало въ него не входитъ. Есть также много способовъ собирать смолу. Иные употребляютъ шолсную изъ коровей шерсти веревку, которую два человекъ шацуютъ черезъ кусты, дабы опдѣлпть ладанъ опъ листьевъ. Вскорѣ вся веревка имъ покрывается, но шогда перьяетъ онъ свое качество опъ множества вмѣшивающейся въ него земли, песку и мѣлкаго камня. Другіе имѣютъ родъ плени сдѣланной изъ двухъ ремней, коею бьютъ по деревцу: смола приспаетъ къ ремнямъ, съ коихъ снимаютъ ее послѣ ножемъ, когда въ нимъ довольно уже оной прилипло. Мужики острова Кипра употребляютъ еще иной способъ: предъ возхожденіемъ солнца, гоняютъ они на паству козь въ сіи кусты: смола приспаетъ къ бородамъ живошныхъ, и они спустя нѣкоторое время, опспригаютъ бороду, и держатъ ее противъ огня. Что съ нее спекаетъ, есть наилучшій ладанъ, дѣланнымъ ладаномъ называемой. Монахи Греческіе собираютъ его нѣкоторымъ родомъ граблей.

Ладанъ продается или колобками, какъ рыбій клей, или швершывается на подобіе свѣчи. За самой чистой почищается шопъ, у котораго цвѣтъ, еспли его переломишь, чорень и свѣпящійся, которой опъ жару мя-

кнеть, свободно загораешь, и излучаешь запах не крепкой, но приятной. Сие лекарство почищается за превосходное въ поносахъ и касморкахъ, укрѣпляетъ желудокъ и кишки, а дымъ его также крѣпитъ мозгъ, и оспавливаетъ печеніе насморка. Тамашнія женщины, Турецкія и Гречанки, дѣлають изъ него шарикъ, и наизавъ, носятъ вмѣсто пучка цышновъ.

Другіе произрастенія острова Кипра мало его отличаютъ отъ сосѣднихъ странъ. Земля на немъ хороша, видъ ея приятенъ, и ограниченъ горами, умножающими неспроту положенія. Но змеи, аспиды, шаренгулы, находящіяся шамъ въ не маломъ числѣ. Пѣшіе люди ходящъ въ сапогахъ, и привязываютъ къ нимъ звонки, отъ коихъ сіи ядовитыя гадины бѣгаютъ. Единое средство выльчиться отъ угрызенія аспидовъ есть, отрѣзавъ пошчасъ часть уязвленнаго. Мнѣ сказали, что между горами вдающимися въ море, найду я человѣческія окаменѣлыя кости; куда я и ходилъ изъ любопытства. Я взялъ съ собою молотки и долоты, и дѣйствительно удалось мнѣ высѣчь изъ горы одну такую кость ручную, которая сильно соединена была съ камнемъ. Сперва жаль мнѣ было, что переломилъ я ее вынимая; но наконецъ успѣшилъ я съ скорѣе, что чрезъ преломленіе кости увидѣлъ мозгъ, которой ясно разсмотрѣть было можно, и которой также окаменѣлъ, какъ и все прочее.

Я нашелъ также кости разныхъ животныхъ, и зубы чрезвычайной величины. Жители сказываютъ, что зубы были пѣкакихъ чудеснѣйшихъ, называемыхъ *Алени*, или *Алане*,

которые хотѣли завладѣть островомъ Кипромъ. Корабли ихъ разбило, а пѣла были превращены въ каменя, по наказанію божеской справедливости. Сие превращеніе могло быть образомъ свойственнѣйшимъ природѣ; но должно бы искать онаго въ отдаленнѣйшихъ временахъ. Къ сему прибавляютъ, что спасшіеся отъ кораблекрушенія, приняли Христіанской законъ, и жили спокойно въ сей странѣ. По видимому почидали они себя вольными и свободными отъ всякихъ податей. Священный *Мамаитъ*, который дѣлалъ чудеса, дабы избавиться отъ плашежа подати, былъ, сказываютъ, изъ числа сихъ обращенныхъ Аланевъ.

Здѣсь находился не мало соляныхъ озеръ, изъ которыхъ Венеціане имѣли нарочитую прибыль: но въ рукахъ Турковъ сей доходъ весьма уменьшился.

На островѣ Кипрѣ родится камень *Алиантъ*, изъ котораго, сказываютъ, дѣлалось нестаряемое полотно: но способъ его прясъ, поперянь, и пинѣшніе Греки не такъ рачительны, чтобы возобновить столь чудное изобрѣтеніе. Яснѣе сказавъ, Государыня моя! все, что ни говорятъ о семъ мнимомъ чудѣ, есть суцная баснь, и вопль въ чей составъ весь сей вымысль! Ленъ, почищаемой нестаряемымъ, есть только сокъ каменистой, выходящій сквозь дыры аміанпа и прилипающій на поверхности его на подобіе волосевъ или моха, каковъ бываетъ на аршинокахъ. Онъ походитъ на шерсть, волосистъ, коротокъ, и не можетъ выдержать никакого орудія, чтобы не разпасться на самыя малые концы, и почти

въ прахъ: слѣдовательно не можно его ни пряснѣ, ни употребити на друую какую работу. Сей лѣнь или мохъ вообще бываетъ бѣлосѣровой. Въ первой разъ, когда бросають его на горячіе уголья, онъ раскаляется не зажигаясь, а сколь скоро его снимешь съ огня, приходишь въ прежній цвѣтъ. кромѣ того, чпо онъ часу спановиши сѣрѣ, пока совсемъ не изпребиши; чпо съ нимъ случится можеть въ короткое время, ежели его не скоро сняшь съ огня, когда бываетъ красенъ. Амѣантъ есть верхняя скорлупа каменныхъ горъ; лѣнь, мнимой несгораемой. распеть на сей твердой скорлупѣ. У него нѣтъ ни корня, ни листьевъ, ни цвѣтовъ, ни сѣмянъ. Сіе произведение, споль разглашаемое по баснословному преданію, есть почно шаково, какъ я его предспавляю, и какъ можно было удобно по разглядѣнъ, смотря на самое вещество, которое имѣлъ я передъ моими глазами. Не правда слѣдовательно, чпо Римляне дѣлали изъ него простыни, въ коихъ сожигали мерзвухъ, дабы возпрепятствовати пеплу ихъ мѣшанься съ золою коспра. Не правда также и то, чпо вьютъ изъ него свѣщильни, которые вѣчно горятъ, и коихъ снимаешь нѣтъ нужды.

Вины Греческіе опличаются во всей Европѣ: но *Килрское* имѣеть преимущество, особливо, когда пьютъ его на мѣстѣ. Въ перевозѣ получается оно вкусъ смолы, какова нѣтъ въ остающемся на оспровѣ. Послѣднее имѣеть весьма приятной запахъ, которой на морѣ ширяется. Я нѣль здѣсь вино спарѣ спѣ лѣнь. Вы не будете шому удивляться, Государыня моя! узнавъ о здѣшнемъ обыкновеніи, чпо

отець даетъ сыну, когда его женить, бочку сего спольшняго вина. Сколь скоро берутъ изъ нее вино, то доливають ее опять другимъ: но сіе рѣдко случается; ибо они весьма спараются сберечь сію драгоценную бочку къ свадьбѣ перваго сына или дочери.

Близъ Пафоса находятъ прозрачные камни: мѣста, гдѣ они изобилуютъ, называются *Алмазные мѣста*. Одинъ правитель Турецкой, обманушой симъ названіемъ, вздумалъ оныя выработывать и употребилъ безполезно не малое число денегъ прежде, нежели позналъ свою ошибку. Дабы оную наградишь, опдалъ онъ на опкунь Христіанамъ сіи мнимые сокровища. и почши споль же дорого, какъ бы они были и истинные. Послѣдователи его не прѣмѣнили ничего въ семь распоряженіи.

На семь оспровѣ все продается за деньги. Въ немъ покупають даже прощеніе за величайшія пресупленіи. Смершоубивство оппускается за небольшую подать на годъ. Всякое имѣніе невѣрно. Опсюда произходишь нераченіе и лѣность, за которою слѣдуетъ бѣдность. Земледѣльцы пахушь не больше земли, какъ чпобы стало шолько на ихъ прокормленіе. Они не спараются копить богатства, коимъ не допустили бы имъ пользоваться, и которое принуждены бы они были зарышь въ землю. Были примѣры, чпо отецъ умиралъ не опкрывъ сыну мѣста, куда спряхаль свое сокровище, ибо боялся вывесъ оное наружу прежде времени. Часпо случается, чпо сынъ богатаго опца для сей чрезмѣру спрогой предоспорожности, доходишь до бѣдности и просить милостины.

Т о м ъ I.

Отправление вѣры Христіанской свободно по всему оспрову Кипру. Въ немъ находится одинъ Архіепископъ, два Епископа, многіе монастыри и великое число церквей: нѣкопорыя изъ нихъ превращены въ мечети. Что касается до поповъ, они управляются Греческимъ обрядомъ. Все ихъ знаніе, да и самая вѣра состоятъ въ наблюденіи праздничныхъ дней и въ воздержаніи отъ мяса. Они могутъ жениться сполько разъ, сколько случается имъ овдовѣть, и не позабываютъ пользоваться симъ позволеніемъ. Съ монахами поступается нѣсколько поспроже. Женятся они сполько одинъ разъ, но жипели думаютъ, что они тѣмъ ничего не теряютъ. Епископы подвержены тѣмъ же правиламъ, и наблюдаютъ оное наравнѣ съ монахами.

Торговля, которая здѣсь весьма въ пренебреженіи, состоитъ, что касается до внѣшней, въ шелку, шерсти, красильномъ корнѣ маринѣ, умбрѣ и винѣ. Сей послѣдній предметъ довольно нарочитъ, и наилучшій въ землѣ. Другой, коего употребленіе не меньше велико, есть *Сурикъ*. Онъ распесть особливо около Пафоса; но я сумнѣваюсь однако, чпобъ Венера и дворъ ея имъ пользовались: пріятности и красота могутъ обойтись безъ его помощи.

Женщины сего оспрова, всѣ почти красавицы, и всѣ, даже и самыя дурныя, склонны къ любовнымъ дѣламъ, да можно сказать и къ распутной жизни. Случаются однако ревнивые мужья, которые не позволяютъ имъ ходитъ, какъ сполько въ церковь. Но часно и въ самой церквѣ рѣшатъ онѣ жребій мужей. Есть также и въ большемъ еще числѣ мужья, ко-

порые проспирають кропость и снисхожденіе до того, что женятся напой, у которой богатѣе любовникъ, предпочтительнее другой, у коей все приданое состоитъ сполько въ добродѣтели. Въ прочемъ, мало такихъ, кои бы ей слѣдовали, и добродѣтель ихъ никогда не прошивишия спому, что въ состояніи ее купить.

Самыя хорошія женщины оспрова Кипра не должны красотою своею ни искусству, ни убору. Образъ ихъ одежды ни великолѣпенъ, ни щеголеватъ. На головѣ носятъ плапокъ шелковой темнаго или сѣраго цвѣта, завязанной безъ всякаго раченія. Любя больше показывать ноги, нежели руки, носятъ онѣ короткое платье съ долгими рукавами. Богатыя одѣваются въ шелковые, а прочія въ бумажные или шерстяные. Мужчины бородъ не бръютъ, волосы стригутъ, и носятъ превеликія шляпы.

Я оканчиваю сіе письмо, Государыня моя! безъ всякихъ въ обыкновеніе введенныхъ учтивостей, какъ и прочіе начинаю буду также безъ привѣтствій.

Имѣю честь быть, и пр.

Biblioteka p
Jakuba A
Dobřanice
pos. B
Nr. ...

ПИСЬМО II.

Сирія.

Мѣста, по коимъ я намѣряюсь спрансповывать въ Азіи, не меньше прешерпѣли премьнь, какъ и оспровъ Кипръ. Повсюду въ нихъ представляются взору опустошенія времяемъ причиненныя, и плачевныя плоды господспвоанія Турецкаго, еще больше опустошающаго, вежели и самое время.

По небольшемъ переѣздѣ прибыли мы въ гавань *Александретты*. Воздухъ въ семь городѣ столь нездоровъ, что совсемъ не возможно тамъ жить во время жаровъ. Сіе принуждаетъ большую часть обывателей искать убѣжища въ деревнѣ, лежащей верстахъ въ двадцати на горѣ, въ коей они находящъ. чего въ городѣ лишены, то есть, хорошую воду, прекрасныя плоды и здоровой воздухъ.

Я шупъ не зажился и отправился въ *Алепъ*. Сей городъ нынѣ есть наивеличайшій не только въ Сиріи, но и во всей Имперіи Турецкой, выключая Царьградъ и Каиръ. Повелѣваетъ въ немъ Паша, имѣющій полную влассть въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Что принадлежитъ до духовныхъ, исправляетъ оныя Муфти, котораго можно сравнить съ Папріархомъ. Городъ построены на восьми небольшихъ холмахъ, и обнесенъ широкимъ и глубокимъ ровомъ, которой нынѣ превращенъ въ сады. Стѣна спара, и угрожаетъ паденіемъ: но зданія въ нупри на нее непохожи. Нѣкоторыя изъ нихъ великолѣпны, другіе по

крайней мѣрѣ твердо построены. Всякой домъ, сверхъ нижняго жилья, представляетъ взору ярусъ Ашипическаго ордена съ галлереею. Кровля на домахъ плоская, вымощенная камнями, или покрывшая подмазкою. Жители по большой части переносятъ на оную свои постели, и тамъ спятъ, дабы избѣгать обыкновенной въ покояхъ духоты. Въ галлерейхъ, окружающихъ площадку, сдѣланы небольшія дверцы, дабы съ одного дома свободно можно ходитъ на другой въ гости. Въ обыкновеніе введено въпахъ надъ дверьми и надъ окошками спихи, выписанные изъ Алкорана, или какого славнаго Турецкаго спихопворца. Сіи двери, окны, потолки и стѣны чисто раскрашены, а иногда и раззолочены. На каждомъ есть небольшой водомешъ, окруженной зеленью; а у знатныхъ людей, сей водомешъ находится въ залѣ подземнаго жилья, для сохраненія въ ней свѣжаго воздуха. Подлѣ оной дѣлаются другіе покои, или лучше сѣни, вымощенные камнемъ и служащіе вмѣсто конюшни лошадей.

Стѣна окружающая каждой домъ, не производитъ на улицахъ пріятнаго вида: въ прочемъ онѣ очень узки, но чисты и гладко вымощены. Люди, коихъ ремесло вредитъ можетъ чистотѣ, живутъ въ предмѣстіяхъ. По обѣимъ бокамъ улицы подѣланы возвышенія на двадцать дюймовъ, для выгоды пѣшихъ. Базары, или рынки, обнесены лавками, въ коихъ помѣщаются только повары, а лавочникъ и купецъ споятъ съ наружи. Примѣчанія достойно, что двери у сихъ лавокъ окованы вокругъ желѣзомъ, а замки деревянные.

Въ прочемъ, сей городъ опправляетъ великіе торги, по ітому чпо сюда привозятъ изъ Европы и Азіи моремъ и сухемъ путемъ, всякаго рода повары, а отсюда ихъ посылають во весь свѣтъ.

Главнѣйшіе зданія въ Алепѣ суть мечени, изъ коихъ нѣкопорыя великолѣпны. Въ одной изъ нихъ находилъ гробница, Турками почиасемая за гробницу Пророка *Захарія*. Она была закрыта спарою стѣною, но высвобождена спараніемъ Верховнаго Везира *Хурли*, копорой велѣлъ положить на нее слѣдующую надпись: *Гробница сего почтеннаго мужа, Вождяго Пророка Захарія, (да миръ Божій съ нимъ пребудетъ) бивъ долгое время скрыта и незнаема, почтена по повелѣнію Верховнаго Везира, подѣ царстования Государя нашего побѣдоноснаго Султана Ахметъ-Хана, сына Магометъ-Хана въ 1120 (1708) году Египры.*

У Турковъ принято также преданіе, чпо замокъ Алепской построень во время Авраамово, и чпо вышепомянушой Захарій въ немъ имѣлъ свое жилище: но какъ хотѣлъ воспріятиспвовавъ Государю сей земли развеситисъ съ женою, дабы на ея мѣсто взять другую; по пиранъ ему опрубилъ голову, по повелѣлъ однако оную бальсамировать и положить въ каменной сосудѣ съ сею надписью: *Сей сосудъ содержитъ главу великаго Пророка Захарія*. Сосудъ былъ опкрытъ въ первой разѣ, съ пятдесятъ шому лѣтъ назадъ, и нашли въ немъ шолько не малое количество благовоій.

Здѣсь называютъ *Ханами* нѣкопорые зданія, опредѣленные для спривствующихъ, кои имѣють въ нихъ одну шу выгоду, чпо могутъ

жить сполько, сколько удержатъ ихъ дѣла: они одни и ёсть поспопалые дворы въ сей землѣ.

Городъ снабжается водою попомощію водовода. Во всей Сиріи находится одна небольшая рѣка, называемая *Оронтъ*. Воздухъ въ Алепѣ чрезвычайно шонокъ, и даеть чужеспраннымъ нѣкопорой родѣ шолудей, называемыхъ *Алепская болѣзнь*. Она начинается небольшимъ пунырышкомъ причиняющимъ свербопу, и копорой въ короткое время спановилъся величиною въ палець. Въ семь положеніи продолжася цѣлой годѣ, и беспреспанно гнѣетъ. Сія болѣзнь шѣмъ хороша, чпо зараженные ею не должны уже опасася никакой другой: ибо шакowymъ гноеніемъ шѣло очищася опѣ всѣхъ мокротъ. Болѣзнь выходитъ безъ разбора на всякой часпи шѣла, а особливо на рукахъ. Я видалъ людей, копорые имѣли ее на носу, на губахъ, на подбородкѣ; и хопя выѣдешъ изъ сего края, не покинетъ она прежде, нежели пройдешь годѣ.

Въ окружноспяхъ Алепа находятися проспранныя равнины, почти дикія, и кои не заслуживаютъ описанія; но пребуетъ онаго напротивъ шого *Соляная долина*. Обширность ея чрезвычайно велика, и она наполнена удивительнымъ множеспвомъ соли, и никакого сообщенія съ моремъ не имѣетъ. Образъ выработыванія весьма простъ. Робяпы ломають ее небольшими цепами, въ коихъ набины гвозди: рослые люди кладутъ ея въ бочки, и безъ всякаго другаго приутошповленія носятъ на продажу въ Алепѣ

Около сего города естъ великое множествво дичины, и Турки очень любящъ охоту, а особливо съ соколами. Одинъ изъ нихъ пустилъ сокола на дикую утку, которая избѣгая непріятели, нырнула въ воду. Соколъ не опспаваль опъ нее, лешая надъ водою и бя крыльями по пому мѣсту, гдѣ она скрылась. Утка не могла бытъ долго подъ водою, показывалась и опять шуда уходила. Другой Турокъ, думая, что одного сокола мало, пустилъ своего на помочъ первому: но сей увидя съ неудовольствіемъ, что новой прилепѣлъ похитилъ у него добычу, оставилъ утку, и бросилъ на сокола съ такимъ спремленіемъ, что они бы изорвали одинъ другаго, естлибъ не поспѣшили ихъ рознять.

Оспавя Алепъ, чѣмъ больше приближаешься къ Евфрату, тѣмъ видъ земли пріятнѣе. Оспановимся нѣсколько при *монастырѣ Святаго Симеона*. Положеніе онаго величественно, а положенію соотвѣтствуетъ и зданіе. Въ семь-то мѣствъ сей неподражаемый сполжникъ препровождалъ жизнь свою споль чрезвычайнымъ образомъ: Сперва цѣлые десяти лѣтъ умерщвлялъ онъ себя въ дурной хижинѣ; потомъ взошелъ на столпъ, гдѣ прожилъ еще десяти лѣтъ, имѣя на шеѣ цѣпъ: наконецъ построилъ мѣсто на подобіе гнѣзда, на столпѣ вышиною въ сорокъ локшей, и пробылъ на ономъ еще тридцать лѣтъ. Сіе гнѣздо не имѣло въ окружности больше чешырехъ футовъ. Въ немъ святой провождалъ ночи на молитвѣ, а днемъ проповѣдывалъ слово Божіе, или припадалъ на колѣни; но чинилъ сіе споль часно, что нѣкто начель однажды до двухъ

тысячъ разъ, и скорѣ успаль счищать, нежели свяшой дѣлать колѣнопреклоненіи.

Должно переправиться чрезъ *Афрей*, дабы приѣхать въ *Корусъ*, городъ въ шарину великой и хорошо построенной. Камень, изъ котораго онъ созданъ, походитъ много на мраморъ. Между разными оспатками, видны развалины великолѣпнаго театра. Сей городъ получившій имя опъ *Кира*, считаешь въ числѣ своихъ Епископовъ славнаго *Теодорета*. Виды окружности естъ, чтобъ оспановить на ней взоръ; но далѣ нѣтъ ничего, кромѣ степи, чрезъ которую ѣздящъ въ *Бамбухъ*, или лучше, къ его развалинамъ, доказывающимъ древнее его великолѣпіе. Между прочими опмѣнны памъ основаніе и часпъ спѣнъ капища почишаемаго за храмъ *Мерзости*. Древніе писатели научаютъ насъ, что сія Богиня, выдуманная Сидонцами, была почишаема въ Бамбухѣ. Должно вѣрить, что Греческіе позорищи не были такъ же памъ неизвѣстны: ибо близъ сихъ развалинъ видны оспатки театра.

Вы слышали о *Горнолѣ Старцѣ*, инаково *Княземъ убійцевъ* называемомъ: шеперь нѣтъ совсемъ таково владѣнія, но оспатки сего проклятаго рода, находятся еще, сказываютъ, подъ именемъ *Дубинниковъ*.

Антіохія, древняя столица всей Сиріи, славилась великолѣпіемъ, а шеперь знаема сполько по своимъ оспаткамъ. Она была жилищемъ многихъ Императоровъ, и первымъ убѣжищемъ Христіанской вѣры. Въ 638 году у Греновъ опиялъ ее одинъ изъ намѣстниковъ Халифа

* *Омара*; Годефроа де Буллонъ взялъ назадъ въ 1097, а въ 1269 вновь завоевалъ ее Султанъ Бундокдари. Селимъ I. лишилъ Султановъ Египетскихъ власти надъ симъ городомъ, и съ того времени остался онъ и до нынѣ въ рукахъ у Турковъ. Не видно тамъ теперь никакихъ дворца *Селевка*, ея основателя, ни храма щаснаго, славныхъ; но до подошвы разоренныхъ зданій.

Селевкiя былъ въ старину городъ почти столь же великій, какъ Антиохiя, но нынѣ еще больше разоренъ. Время не пощадило здѣсь никакого зданiя, кромѣ одной каменной гробницы, на коей стоить спашуя бойца, поднимающаго лѣвою рукою щипъ, а правую собирающагося бросить копье.

По простонародному преданiю, *Говъ* былъ погребенъ на горѣ, носящей его имя. Она съ виду походитъ на сахарную голову, и лежитъ по срединѣ равнины недалеко отъ *Магары*. Мы нашли между развалинами сего города великую достопамятность, высѣченную въ мраморной горѣ: множество покоевъ, кои были украшены и поддерживаемы столпами, испорченными или временемъ или Варварами. Я умолчу о нѣкопрыхъ другихъ гробницахъ и многихъ древнихъ оспашвахъ, кои видѣлъ, осматривая окрестности Алепа; но не долженъ позабыть о силѣ

* Хотя сiе слово и ввели у насъ въ обыкновенiе писать Калифъ, можетъ быть отъ того, что въ первой развслучилось оно при переводѣ какой книги съ Французскаго языка, на копоромъ буквы X совсемъ нѣтъ; но я предпочелъ наслоящiй его выговоръ, слѣдуя произношенiю Турковъ и прочихъ восточныхъ народовъ.

нѣкопорога камня, находящагося въ одной улицѣ сего города: онъ, сказывающъ, возвращаетъ истощенному мужчине прежнее могущество, а беременнымъ и шерпящимъ женщинамъ спокойствiе: не возму однако я на себя побожиться за сiи два чуда.

Климатъ Сирiи весьма жарокъ, а особливо чепыре или пять мѣсяцовъ въ году, въ копорые никогда не идетъ дождь, и жилиши снать, какъ я уже сказалъ, на кровляхъ домовъ. Въ самую зиму бываетъ тамъ жарко въ полдни. Распускающiеся въ сiе время года цвѣты, дѣлающъ его весною. Сiя спрана приноситъ много плодовъ, но посредственной доброты, а вино еще и плодовъ хуже. Оно возбуждаетъ сонъ, и производитъ больше осполбелости, нежели веселiя.

Рогатаго скота мало въ Сирiи. Мы видѣли тамъ нѣкопорою родъ козы, у копорой уши длиною были въ цѣлой футъ*, а шириною по сравненiю: но ешо ничто въ разсужденiи хвостовъ Сирiйскихъ овецъ: они такъ долги, что привязывающъ подъ нихъ дощечки съ колесцами. Между ими есть такiе, копорые всащъ до пятидесяти футовъ.

Дикихъ козь и зайцовъ можно почестъ по ихъ множеству за главную въ здѣшнемъ краю дичину, а верблюдовъ за скоть наиболееишiй. Порода лошадей весьма испорчилась. Въ горахъ и между каменьями находятъ еще иногда

* Мѣры сей не почелъ я за нужно приводить на нашу, для избѣжанiя самыхъ мѣлкихъ дробей, безъ коихъ бы никакъ обойтись не возможно; ибо футъ содержитъ 7 вершковъ и $\frac{3}{16}$ части одного вершка.

Гиенъ, или дикихъ волковъ особаго рода. Сказываютъ, что сей звѣрь умѣетъ совершенно подражать человѣческому голосу, и что шаковая хипросия часто стоила жизни странствующимъ, кои не оспереглись. Онъ не прогааетъ однакожъ никогда человѣка, ежели не принуждаемъ къ тому голодомъ: но не столь бываетъ почипиеленъ къ падалицамъ и къ спадамъ.

Нѣтъ примѣра, чтобъ въ сихъ спранахъ видали бѣшеныхъ собакъ; а ничего однако не случается чаще бѣшеныхъ волковъ. Тотъ, кого шаковой волкъ укуситъ, необходимо опъ сей болѣзни умираетъ: но уязвленіе змей напропивъ того неопасно: и даже шѣ, коихъ колепъ Сколопедръ (*Стоногъ*) или Скорпионъ, шерпяшъ боль только минушу.

Я приспуаю, Государыня моя! къ той часпи, копорая наибольше занимашъ меня будепъ, по еспъ къ правамъ и обычаямъ. Во первыхъ должно вамъ данъ поняшіе о самихъ Сиріанехъ. Роспъ ихъ средній, довольно ровепъ, и шолстопа такожъ посредспвепная: кожа на нихъ обыкновенно бѣла, глаза и волосы черные; оба пола пригожи только въ молодоспи. Едва доспигнушъ они до зрѣлаго вѣка, по бороды безобразяшъ мужинъ, а женщины кажутся спары: по чему и выдаюшъ замужъ дѣвожъ лѣшъ по чепырнадцати и моложе.

Тонкой спанъ почипаепся между женщинами за уродспиво. Онъ ничего не щадяшъ, чтобъ растолсптъ и расширшъ. Поясы носяшъ легкіе, узкіе и нерачиво привязанные; а мужины напрошивъ спягиваюшъ оные, какъ можно больше. Они не почипаюшся ни силь-

ными, ни проворными, но не меньше опъ того сварливы, а особливо между чернью: рѣдко однакожъ доходяшъ до драки. Всякой депъ тысяча ссоръ произходишъ, но въ годъ не видишъ ни одного удара.

Въ женидѣбы любовь не мѣшается. Въ депъ свадьбы бываетъ первое свиданіе молодыхъ. Обыкновенно мать женихова управляетъ всею дѣломъ, и сватаетъ. Когда она нашла дѣвцу, копорую почипаептъ годною для своего сына; по немедленно стоворъ дѣлаепся, о цѣнѣ условливаюшся, позволеніе опъ Кади испрашиваепся и получаепся. Дѣло идепъ тогда, кому бышъ съ обѣихъ споронъ опцемъ и матерью посаженными. Должношъ ихъ соспоить купшъ и продашъ невѣспу. Иманъ, или попъ, спрашиваетъ у одного, хочепъ ли онъ ее получить за такое-то число денегъ, а у другаго, доволенъ ли онъ шѣмъ; и еспли оба согласны, складываетъ имъ руки, и когда денги заплапяташъ, шоргъ шѣмъ и заключаепся, и весь обрядъ кончипся прочпеніемъ молишвы изъ Алкорана.

Съ сего часа вольно жениху взяшъ къ себѣ невѣспу, но всегда увѣдомляетъ онъ о томъ напередъ ея семью. Тогда сродницы ведутъ ее въ назначенной ей покой. Для каждаго пола еспъ особья горницы, въ коихъ они веселяшся до вечера. Когда начнепъ смеркаться, мужины одѣваюшъ жениха, и даюшъ о томъ знапъ женщинамъ. Попомъ выводяшъ его на дворъ, гдѣ принимаюшъ его сродницы невѣспы, копорыя между шѣмъ поюшъ и плашущъ передъ женихомъ подъ ея окномъ. Невѣспа выходитъ къ нему на вспрѣчу на половину дороги,

но совсемъ ему не показывается; ибо покрыва съ погъ до головы краснымъ флеромъ; и часпо листъ золотой бумаги или шумихи вырѣзанной рѣзными узорами, закрываетъ унея лобъ и щеки: мужъ ее опводитъ назадъ въ горницу, и оспается съ нею наединѣ.

Законъ Турецкой позволяетъ имѣть до четырёхъ женъ, и сполькожь наложницъ; но какъ первыхъ надобно покупать, то рѣдко случается, чпобъ кто бралъ свыше двухъ: а число наложницъ напротивъ бываетъ иногда въ десятеро больше, нежели позволяетъ и законъ Пророка. Мужъ можетъ опослать жену, или развеспись съ нею, когда за благо разсудитъ, не сказавъ тому и причины. Онъ можетъ также продавать женъ своихъ, какъ невольницъ, еспли онъ безплоденъ; и вообще участь всѣхъ женщинъ у Турковъ еспь подлинная неволя.

Существенной обрядъ при смерти Турка еспь выпье женщинъ, которыя не переспаяють кричать до тѣхъ поръ, пока покойникъ похоронится. Другое обыкновеніе приколотъ, сколь скоро онъ умеръ, на срединѣ просыни, кусокъ покрывала Магомешова. Когда время къ выносу пришло, друзья и служители сего обряда идуть передъ гробомъ, а его несуть на плечахъ. За ними слѣдуютъ ближніе сродники мужеска пола, а за ними женщины. Мужчины поютъ молитвы изъ Алкорана, женщины воютъ.

Могилы одѣты камнемъ и обращены съ востока на западъ: тѣло кладется на правой бокъ, но такъ, чпобъ мершвой ни сидѣлъ, ни лежалъ: примѣчаютъ особливо должно, чпобъ

обращенъ онъ былъ лицомъ къ Меккѣ; а дабы не насыпалось земли во гробъ, покрываютъ оной долгими плитами, кои кладутся поперегъ. Иманъ присутствующій при погребеніи, бросаетъ первую горсть земли, молитъ за душу покойника, и приводитъ на память предсвоящимъ близкой ихъ конецъ. Самой ближній умершаго сродникъ ходитъ попомъ на могилу молился въ претій, въ седмой и въ сороковой день, и наконецъ когда годъ минетъ. Жены ходятъ также въ понедѣльники и вторники, бросаютъ на могилу цвѣтны, спрашивая у покойника, почпо онъ умеръ, когда онъ ничего не щадили, чпобъ ему понравиться.

Трауръ ихъ состоитъ въ ношеніи платья печального, въ неупотребленіи драгоценныхъ каменьевъ; и въ случаѣ смерти мужа, жены лишаются всего сего чрезъ цѣлой годъ. По опцѣ трауръ продолжается только шесть мѣсяцовъ. Вдова не можетъ выдти замужъ прежде сорока дней, которыя должно ей пребыть не выходя изъ дома и не говоря ни слова: а особливо надобно припворяться печальною, хотя бы она и не имѣла къ тому причины.

Въ сей странѣ считаютъ четыре рода Христіанъ, Грековъ, Армянъ, Сиріанъ и Маронитовъ, или Римскихъ Каполиковъ. Каждая секша имѣетъ своихъ Епископовъ и вольное опправление вѣры. Армяне споль крѣпко наблюдаютъ постъ, чпо не нарушатъ онаго, ниже для сохраненія жизни: но въ другихъ частяхъ вѣры не споль они строги.

Употребленіе покрывала свойственно всѣмъ женщинамъ Турецкимъ и Христіанскимъ, а разность только состоитъ въ ношеніи онаго,

да и по небольшая. Послѣднимъ позволяется ходишь въ баню, въ церковь, къ роднѣ и къ лѣкарю.

Браки между Христіанами назначаются съ младенчества, и обрученные никакого участия не имѣютъ въ выборѣ для нихъ чинимомъ. Когда время наспукаетъ къ отправленію свадьбы; сродники жениховы приглашаются на празднество къ отцу невесты, на которомъ назначаютъ и день вѣчанія. Тѣ же самые сходящія наканунѣ на ужинъ къ невестѣ. Женихи ни кпо не видятъ, хотя и показываютъ, что его вездѣ искали; ибо по обыкновенію долженъ онъ прятаться, но наконецъ приводятъ его въ самой худой одеждѣ, и по некоторыхъ спранныхъ обрядахъ, убираютъ въ свадебное платье. Около полуночи, сродники его, имѣя всякой свѣчу или факель, и пославъ передъ собою музыкантовъ, идутъ опять въ домъ невесты, гдѣ ихъ не пускаютъ только для вида, и чинится некоторой родъ сраженія, въ которомъ они одерживаютъ побѣду, хотя въ оной и напередъ уже ни кпо не сомнѣвался. Тогда невеста провожается въ домъ будущаго мужа сродниками. Она не должна замъ отвѣрять рта, чтобы ей ни говорили, не поднимаютъ глазъ, кпо бы ни вошелъ. Кланяется однако всѣмъ, и сидящая подлѣ нее женщина рассказываетъ ей о прибытіи каждаго, называя по имени.

Иногда Епископъ присутствуетъ при семь обрядѣ, которой, что принадлежитъ до главнаго, мало различуетъ отъ Европейскихъ свадебъ. Онъ попомъ обѣдаетъ, и когда выйдетъ, начинаются увеселенія, кончающіяся на

другой день: но молчаніе молодой должно продолжиться цѣлой мѣсяцъ. Во все сіе время она ни съ кѣмъ не говоритъ, кромѣ своего мужа, и въ некоторое только время: но и того спешенныя женщины не оставляютъ спать ей въ порокъ.

Марониты позволяютъ женамъ своимъ ѣсть вмѣстѣ съ собою, и показываться чужезпраннымъ: но другіе Христіане не споль снисходительны и поступаютъ съ своими, какъ съ служанками. Онѣ служатъ при столѣ, никогда за оной не садятся, и не могутъ пускатъ къ себѣ никакого мужчины, выключая сродниковъ, лѣкарей и поповъ.

Въ Алепѣ считаютъ около пяти тысячъ *Жидовъ*, которыхъ, какъ и вездѣ, весьма нечислы и живутъ дурно. Свадьбы ихъ много сходствуютъ съ Турецкими, кромѣ того, что заклеиваютъ невестѣ глаза клеємъ, и одинъ мужъ имѣетъ право разклеить оныя во время определенное обыкновеніемъ.

Посты ихъ препрудныя, но не частыя. Нѣтъ почти *Жида*, которой бы не предпріять одинъ разъ въ своей жизни, говѣшь отъ субботы по захожденіи солнца, до того же часа слѣдующей трипницы. Рѣдкіе въ помъ предъуспѣваютъ, большая часть отъ того отпказывается, а многіе и погибаютъ въ семь благочестивомъ и безразсудномъ предпріятіи.

Я возвращаюсь къ некоторымъ обычаямъ Алепскихъ *Турковъ*. Пиръ ихъ, разумѣется людей небогихъ, обыкновенно огромны, но не весьма вкусны. Жареная или вареная съ правами баранина, вареные голуби, живность начиненная пшеномъ и пряными кореньями, цѣлые

ягнята осыпанные пшеномъ же, миндалемъ, пишашами и изюмомъ, супъ главные блюда, соснавяющіе ихъ праздничные обѣды. Тѣ, кои наблюдають законъ, пьютъ только воду. Но всѣ вообще ѣдятъ много, и по окончаніи сытола охотно бы согласились опять сѣсть за другой, ежелибъ ихъ попросили.

Много пьютъ кофи, но безъ молока и безъ сахара. Всѣ мужчины, и многія женщины, курятъ пабакъ. Знашныя употребляютъ трубки, у коихъ чебуки обдѣланы въ серебрѣ, и бывають длиною въ пять или шесть футовъ. Другой предметъ распусты, есть *олій*. Оной изгоняетъ печаль, и увеселяетъ духъ: но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, изпробляеть память, воображеніе и силу: словомъ, онъ производитъ въ молодомъ человѣкѣ дряхлость спарика.

Кофейные дома оставлены для подростки. Увеселеніе шѣхъ, кои не могутъ безъ нарушенія благоприсойности въ оныя ходитъ, состоятъ въ шахматной игрѣ, и обыкновенно они въ ней великіе мастера: но ни въ какую игру не играютъ въ деньги, такъ что и пріемъ Христіанъ не могъ ихъ прельститъ.

Въ пирахъ имѣють *Борцовъ*, на подобіе древнихъ. Сіи мажутся масломъ, и схватываются нагіе. Не недостають у нихъ силы, но пріятности въ борбѣ совсемъ не знаютъ.

Вообще Турки имѣють нѣкоторое отвращеніе отъ всякаго насильственнаго упражненія. Они ни мало его не почищаютъ здоровымъ, включая знашныхъ, кои обучаются бросать *Джиритъ*, или шупоконечную палку. Что при-

надлежитъ до черни, свойство ея есть суцая унылость и припворное важничаніе.

Карестъ совсемъ здѣсь не знаютъ. Самыя знашныя госпожи ходятъ пешкомъ по городу и на гульбищахъ. Ежели дорога далека, носятъ ихъ въ качалкахъ на лошакахъ. Знашныя мужчины ѣздятъ верхомъ и въ городъ и по деревнямъ, въ предшесствіи нѣкотораго числа служителей: сіе обыкновеніе имѣеть можетъ быть нѣчто благороднѣйшаго, нежели привычка запираеться изъ доброй воли въ кающіеся коробки.

Сказываютъ, что Сиріане въ спарину отличались учтивостію; но теперь не можно примѣнитъ ничего такого, что бы оное доказывало. Здѣсь есть купцы, откупщики и Паши, копорые не умѣють ни читать, ни писать: есть однако много училищъ въ Алепѣ; но въ однихъ головою ни чему не учатъ, а въ другихъ очень мало.

Алепскія женщины убирають головы весьма странно. На затылкѣ у нихъ надѣта большая мѣдная шапочка, къ коей прицепленъ полопняной плапокъ, висящій на лѣвое плечо. Шелковые ихъ платья имѣють рукава широкіе, какъ у поповской рясы, и спадающіе до половины икры. Одна спорона у юпки подобрана до самаго колѣна, но носятъ онѣ порпки, копорые идуть до башмаковъ, сдѣланныхъ изъ дерева, и похожихъ на Капуцинскіе туфли.

Еще одно слово объ женщинахъ! Спарухи красятъ волосы красною краскою, называемою *Генна*, а брови сурмятъ соснавомъ имянуемымъ *Гаруатъ*. Генна служилъ также имъ для крашенія рукъ и ногъ, и для наведенія на оныхъ

разныхъ узоровъ. Цвѣтъ ея становился желтъ и непріятенъ, но употребленіе всенародно. Нѣкопорые спарики чернятъ также бороды, дабы моложе казаться; и симъ обыкновеніемъ послѣдуютъ всѣ здѣшніе жители. Разноситъ вѣры не препятствуетъ имъ быть согласными въ сихъ бездѣлицахъ, равно какъ и въ привязанности своей къ обрядамъ вышняго богослуженія, но и шѣ и другіе не радятъ о вещехъ онаго, и можно объ нихъ вообще сказать слова одного Муфтія, что, дабы предстать Турковъ похожими, надобно ихъ написать противными тому, чѣмъ они кажутся.

Имѣю честь, и пр.

ПИСЬМО III.

Продолженіе Сири.

Не оставляю я еще Сири, Государыня моя! и должно мнѣ говорить съ вами обо всемъ томъ, что находишь въ ней славнаго и заслуживающаго любопытство. Начинаю *Дамаскомъ*, столицею всея сираны. Долгое время былъ онъ столицею Королевства, носившаго его имя, послѣ покорень наследникомъ Магомедовымъ *Омаромъ*, а въ 1516, отнятъ у Мамелуковъ Султаномъ *Селимомъ I.* и съ того времени находишь въ Турецкомъ владѣніи. Дамаскъ, кажешь, не имѣетъ больше десяти верстъ въ длину. Улицы въ немъ узки, и выстроены изъ сыраго кирпича высушеннаго на солнцѣ. Не въ камнѣ здѣсь недоспашокъ, но въ проворствѣ жителей. Въ прочемъ, каждой домъ имѣетъ одинъ или многіе водометы, одѣшны мраморомъ, богатые покои, въ которыхъ попки и стѣны росписаны или раззолочены, и обыкновенно четверугольной проспранной дворъ, окруженной галлереею больше или меньше, но у имущихъ всегда съ лишкомъ украшенною. Богатство таковыхъ убранствъ, противорѣчитъ бѣдности зданія, и производитъ весьма чувствительное и странное несогласіе.

Турки сдѣлали мечеть изъ церкви Святаго *Іоанна Крестителя*. Зданіе сіе не мало, но ни одинъ Христіанинъ туда не ходитъ, да и смотрѣть на него имъ запрещено. Въ немъ сохраняется глава Святаго, и нѣкопорые другіе мощи, лежащія въ особомъ мѣстѣ, которое въ полномъ почтеніи, что смертню наказы-

ваеися и Турокъ мирянинъ, еспьли опважилися въ него войши. У Мусульмановъ носится по случаю сего преданіе довольно чудное: шо еспь, что въ спрашной судъ, Иисусъ Христосъ соидеть въ сію мечеть, а Магомень въ Герусалимскую.

Я мало говорить спану о замкѣ Дамаскомъ. Оной еспь обширное, но прошое зданіе и служишь больше ко укрѣпленію, нежели ко украшенію города.

Ничего нѣшь пріятнѣе окружности сей столицы. *Магометъ*, увидя ихъ съ нѣкоторой горы, не хотѣлъ сойти, и удалися говоря: *Одинъ только есть рай о редѣленной человекъ, а мой не въ селѣ мѣрѣ*. Ходяшь особливо съ нѣкоторымъ родомъ почшенія на поле Дамаска, которое еспь пространныя и прекрасная долина, и на которомъ, думаютъ, сошворень былъ первой человекъ. Вы не подумаете, конечно, Государыня моя! что не было у меня желанія побыванъ на ономъ. Я сравнивалъ новой Едемъ съ мыслию, какову вселяюшь въ насъ о древнемъ, и далъ волю моему воображенію. Можеть бышь, говорилъ я, здѣсь-шо прельцалъ змій: можеть бышь здѣсь и Адамъ прельцевъ былъ Евою. Мнѣ сильно хотѣлось найши какую либо опрасль опъ дерева, коего плодъ нанесъ намъ шолико бѣдъ и нещастій: я искалъ глазами убѣжища, гдѣ первой человекъ и первая женщина говорили о любви спольнѣжно, ежели въришь *Милтону*: но наконецъ, я худо видѣлъ шо, что дѣйствительно предспавлялось моему взору. дабы упражняшь въ шомъ, чего шамъ не бывало.

Недалеко опъ помянушаго поля находися больница, съ великолѣпною мечешью, и другими зданіями, привлекающими вниманіе. Домъ *Ананіи*, о которомъ говорися въ дѣянїяхъ Апостольскихъ, еще спойшь. Въ немъ еспь предѣлъ для Христїанъ, и моливенное мѣсто для Турковъ. Вопшь вещь самая доспойнѣйшая примѣчанія въ сечь домъ! Мѣсто, гдѣ *Святый Апостоль Павелъ* опдыхалъ послѣ своего видѣнїя, означено небольшимъ деревяннымъ спроенїемъ, или лучше сказашь, жершвенникомъ, находящимся въ сечь спроенїи.

Городъ Дамаскъ окружень пространными садами, но насаженными безъ порядка и искусства. Они и шѣмъ еще опличаюшся опъ нашихъ, что наполнены плодоносными деревьями. Въ окружностяхъ здѣшняго города видна пакже гора, на которой, думаютъ, *Авель* былъ убишь *Канноль*. Всякой здѣсь шагъ привоидишь на память какое нибудь мѣсто изъ Священнаго Писанїя: по чему я и имѣлъ при себѣ Библию, слѣдуя примѣру шого путешествователя, которой съ *Иліадою* осматривалъ Троаду.

Я познакомилсъ съ однимъ Французскимъ докторомъ, спранспвующимъ изъ любопытства. Онъ оказалъ важную услугу Пашѣ Дамаскому, а по сему и пользовались мы покровительствомъ сего правителя. Докторъ, которому я и другаго имени давалъ не буду, не видалъ еще Ливана, и хотѣлъ осмопрѣшь Балбекъ. Я радъ былъ воспользоваться случаемъ. Опсправилися мы, взявъ нужные предоспорожностши для сей дороги, въ *Сидонію*, городъ посспроенной *Юстинїаномъ*. Лежишь оной на вершинѣ каменной горы и не представляеть

ничего примѣчанія dospойнаго, ежели не изключишь его вины и монастыря обитаемаго двадцашью Греческими монахами, и двойнымъ прошивъ ихъ числомъ монахинь. Спѣна ихъ окружаетъ, и въ нупри никакая преграда не раздѣляетъ.

Мало есть горъ, копорыя бы превосходили славою *Гору Ливанскую*. Нѣтъ ни одной, о копорой бы Священное Писаніе упоминало чаще. Нынѣ она служишь жилищемъ наибольшей часпи Хрисціанъ *Маронитовъ*, по есть послѣдователей Лапинскаго обряда. На ней видно множество часовень, множество монастырей. Я оспановлюсь полько для *Канубинскаго Монастыря*, какъ знаменитѣйшаго своею древностію. Онъ есть престольное и обыкновенное жилище Маронитскаго Папріарха. Сіе зданіе проспранно, но непорядочно, частію высѣчено въ горѣ, въ коей выработана особливо вся церковь, имѣющая около двадцати пяти шаговъ въ длину, и десяти или двенадцати въ ширину, и есть можетъ бышь во всемъ Левантѣ одна, при копорой позволено употребленіе *Колоколовъ*. Турки не могутъ перпѣль звона, и ежели оспавляютъ оныя въ Канубинѣ, по единственню для того, что по опдаленію ихъ не слышатъ.

Число монаховъ въ семь монастырѣ проспирается до сорока. Они почипаюшь закоподашелемъ своимъ свяшаго Антонія, но слѣдуютъ правиламъ свяшаго Василія. Образъ ихъ жизни весьма спрогъ. Никогда не ядятъ они мяса, и спрашивующіе, приходящіе ихъ посѣщать, принуждены бываютъ подражать ихъ воздержанію. Мнѣ сказывали, что бѣдность

ни мало не входитъ въ причины споль опмѣннаго житія. Земли Папріаршескія и монастырскія довольно велики и доходы похвально употребляютъ: что оспанешся опъ нужнаго содержанія монаховъ, обращается на милоспину и на гостеприимство: да и сверхъ сего есть еще расходы, кои приводятъ на память, что сіи добрые зашворники обитаютъ въ нѣдрахъ церкви.

Нашъ водили въ пещеру *Святыя Марины*, дѣвицы жившія долгое время между Канубинскими монахами. Вы сами конечно заключите, что поль ея не былъ извѣспенъ. Вопъ пому доказательство! Одна распущной жизни дѣвка родила робенка, и вздумала оклевешать брата Марина, что онъ былъ опцемъ. Молчаніе мнимаго монаха показалось другимъ за признаніе грѣха. Онъ былъ изгнанъ изъ монастыря, и осужденъ воспитать робенка, коего споль несправедливо ему присвоили. Свяшная повиновалась, и уже по смерти ея узнали о ея невинности и чрезмѣрномъ милосердіи.

Мы посѣщали многія пуспныни, но большую часть оныхъ пропускали. Маронитъ, нашъ предводитель, увѣрялъ насъ, что число обитанныхъ въ старину пещеръ проспиралось до восьми сотъ. Нынѣ онъ всѣ бесполезны, да не думаю, что бы и впредь когда нибудь послужили ко употребленію. Каждой вѣкъ имѣетъ свои обычаи и моды, даже и въ вещахъ до ревности и благочестія касающихся. Нынѣ увѣрены всѣ, что не меньше заслуги предъ Богомъ чинишь себя полезнымъ роду человѣческому, какъ опъ онаго убѣгать.

Дошли мы наконецъ до Кедровой роши. Вы знаете, Государыня моя! сколь сіи деревья славны въ Священномъ Писаніи. Они часто служили Святымъ Пророкамъ и другимъ Еврейскимъ писанелямъ, для чипенія уподобленій и разныхъ присвоеній.

Кедры цвѣшуть въ снѣгахъ, и занимають самую возвышенную часть горы Ливанской. Толстою пресарѣлыхъ невѣроязна: но главной ихъ пень не высокъ. Въ пяти или шести фузахъ отъ земли, раздѣляется онъ на пять или шесть другихъ пней, копорые, естли взять каждой особо, соснавилъ бы прешолсное и превеликое дерево. Въмѣсто лисневъ имѣють они иглы, похожія на можжевельникъ, копорой называютъ кедромъ Французскимъ по видимому переродился онъ ужаснымъ образомъ въ нашихъ спранахъ. Самыхъ великихъ кедровъ горы Ливанской считаютъ двадцать; мы видѣли гораздо больше среднихъ, а еще больше малыхъ. Вершина сихъ послѣднихъ возвышается пирамидою на подобіе Кипарисовъ: а у большихъ напротивъ расширяется и соснавляется совершенной кругъ. Они одни приносятъ плодъ, походящій на сосновую шишку, выключая только то, что гораздо больше и цвѣшомъ темнѣе. Сіи шишки кедровыя содержатъ въ себѣ нѣкопорой клей, густой, прозрачной и падающій въ извѣстное въ году время каплями. Выходитъ изъ него также пахучая смола. Я не долженъ позабыть одного обстоятельствова, о копоромъ меня увѣряли на мѣстѣ: то естъ, что вълви самыхъ большихъ кедровъ, кои въ лѣшнее время распускаются колесомъ, при паденіи снѣговъ сжимающся, поднимають концы къ верху, и

предснавляютъ тогда видъ пирамиды: къ сему прибавляютъ, что природа вливаетъ въ нихъ сіе движеніе, дабы привесни ихъ въ соспоаніе выдержатъ тяжесть снѣга, копорой бы ихъ совсемъ подавилъ. Я не ошвѣчаю за сіе чудо, но въ здѣшнихъ мѣстахъ, кажется, ни кто о томъ не сумнѣвается.

Мы окончили путешествіе наше по горѣ Ливанской, и прошедь другую гору, соснавляющую часть *Анти-Ливанской*, очутились на полѣ *Бокатсколь*. На концѣ его лежилъ городъ *Балбекъ*, копорой мы желали осмолрѣть. Оной управляетъ однимъ Агою. Ему опдали мы писма отъ Паши Дамасскаго. Сіи два правителя жили съ нѣкопораго времени въ добромъ между собою согласіи, и писма доснавили намъ ласковой приѣмъ. Жилищемъ избрали мы домъ попа Маронитскаго; ибо въ сему городѣ находятся не только Христіане Маронитскіе и Греческіе, но и Жидаы. Число жителей вообще просширятся можетъ до пяти тысячъ, но въ спарину гораздо больше ихъ было; по чему лучшія земли, шеперь совсемъ запущены, выключая малую часть, копорая превращена въ сады.

Любишели древностей находятъ здѣсь, чѣмъ себя удовольствоватъ. Мало естъ городовъ предснавляющихъ оспатки столь великолѣнные. Съ самаго начала привлекло вниманіе наше обширное и почти разоренное зданіе, копорое называютъ замкомъ Балбекскимъ. Наружной его видъ естъ продолговатой чешвероугольникъ. Въ главномъ входѣ лѣстница совсемъ изпреблена. Оной былъ украшенъ рядомъ столбовъ, отъ коихъ оспались одни осно-

ваніи, и имѣль прои воропы ведущіе на шестипугольной дворъ. Съ сего двора ходили на другой пакой же. Зданіи, окружающіе и шопъ и другой, были вышиною около сорока пяти фузовъ, шириною во стодесять, а длиною въ восемьдесятъ пять; но на послѣднемъ дворѣ строеніе великолѣпнѣе превосходило первой. Мы примѣнили особливо развалины прешьяго зданія, кое должно было соспавлять главные палаты сего дворца. Оное окружено было столбами поодиною и вышиною превосходящими всѣ обыкновенные размѣры. Они соспавлены изъ прехъ кусковъ тѣсно соединенныхъ, но безъ помочи подмаски и извести, копорой также не употреблено во всѣхъ тѣхъ зданіяхъ, о коихъ говорю я буду, а ками вмѣсто оной желѣзныя связи, высѣвая для нихъ мѣста въ камняхъ. Сіи скобы были въ длину одного фуза, и способствовали къ швердоспи зданія, такъ что есть столбы, которые разбишы въ цѣлыхъ мѣстахъ, а въ тѣхъ, гдѣ были связаны, уцѣляли.

Подъ симъ обширнымъ монументомъ находится своды во семь проспранспвѣ зданія. Мы отважились пробѣжать оныхъ большую часть. Вообразите ли вы себѣ, Государыня моя! чинобъ я съ факаломъ въ горѣ, ходилъ спотыкался по развалинамъ; оспановлялся, гдѣ хотѣль оспановишсь докторъ; слушалъ его наблюдени; ему свои дѣлалъ, и не прежде изъ сей обширной могилы вышелъ, какъ отважившись тысячу разъ вѣчно въ ней оспалсь? Сіи своды сообщаются одни съ другими, и выкладены изъ большихъ дикихъ камней въ простомъ вкусѣ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца находилсь храмъ меньше обширной, но столь же великолѣпной и лучше сохраненной, представляющій продолговатой чешвероугольникъ. Около спѣнь его обведенъ Перисилль * состоящій изъ сорока столбовъ; то есть, двенадцати по бокамъ, восьми назади и восьми отъ входа, копорой также состоить изъ двухъ рядовъ и имѣеть въ глубину тридцать фузовъ. Высота каждаго столба есть пятьдесятъ два, а поперешникъ шесть фузовъ. Лѣспница, ведущая въ сѣни храма, совсемъ разрушена, но есть другія двѣ двери для входа. Зданіе имѣеть сто фузовъ въ длину, и то же число въ ширину, что и сѣни, то есть шестьдесятъ пять.

Вы удивитесь, что вхожу я въ сіи подробности, но докторъ не хотѣль намъ уступить ни одного вершка. Надобно признаться, что храмъ Балбекской достоинъ такого излішняго вниманія. Внутреннее его великолѣпие соопвѣтствуетъ наружному. Двойной рядъ дорожчатыхъ столбовъ Коринфскаго ордена, поддерживаееть капице, въ копоромъ видны хоры. Столбы размешаны порознь; числомъ ихъ двенадцать, то есть съ каждой стороны по шести. Другіе столбы, прешью вѣланые въ стѣну зданія, противоположены столбамъ капица, и представляютъ тѣ же

* Перисилль называется мѣсто окруженное столбами, или рядъ столбовъ въ нури или съ наружи какого зданія. Составлено оно изъ двухъ Греческихъ словъ Пери (около) и стилосъ (столбъ): и такъ можно бы кажется его перевестъ Околостолбіе.

размеры и тѣ же украшенія. Оспапокъ стѣны наполнены пустыми мѣстами, въ самой стѣнѣ сдѣланными и опредѣленными безъ сумнѣнія для испукановъ боговъ, или героевъ древности. Что принадлежитъ до хоровъ, украшенія ихъ союстъиспвуютъ украшеніямъ храма, но сами хоры больше возвышены и имѣютъ лѣстницу мраморную о принадлежащи спупенькахъ. Все наконецъ въ семь зданіи предвѣщаетъ и великолѣпіе его основателя, и доброй вкусъ вѣка, въ которой построено.

Другая вещь примѣчанія достойная есть величина камней, употребленныхъ на сооруженіе зданій, о коихъ я здѣсь упомянулъ. Я примѣтилъ, что при только камня въ стѣнѣ дворца имѣютъ больше спа восьмидесяти футовъ длины, то есть каждой около десяти сажень. Видны также въ одной каменоломнѣ мраморной, многіе куски опрубленные, но оспавашіяся безъ употребленія. Между ими найдены такіе, что имѣютъ до двенадцати сажень длины, и около четырнадцати футовъ ширины и толщины. Я долженъ признаться, что всегда прихожу въ удивленіе, когда подумаю, какъ сила или искусство людей могли передвигать и переносить въ дальніе мѣста подобныя громады.

Оспаается мнѣ сказать вамъ объ другомъ храмѣ, который гораздо меньше, нежели предвѣдущій. Видъ его округлой, и въ поперешникѣ не будетъ больше шридцати двухъ футовъ. Онъ не что иное есть, какъ куполь раздѣленной въ верху на два яруса; съ наружи Коринѣснаго ордена, а въ нуши смѣшаннаго съ Ионическимъ. Туловищи сполбовъ, естьли можно такъ

назвать, сдѣланы изъ одного куска. Вся окружность храма обнесена ярусомъ сполбовъ. Нижняя часть сего зданія превращена въ церковь Греческихъ Христіанъ, посвященную *Святой Варварѣ*. Попы говорятъ, что строеніе сіе есть та башня, въ которой Святая была заключена. Они перепоршили, на знаю для чего, всю архитектуру и рѣзбу въ нупри, которая была изъ мрамора, и покрыли ее подмазкою: а сіе доказываетъ, что и вкусъ ихъ не меньше разстроень, какъ воображеніе.

Таковы суть главнѣйшія древности, находящіяся въ Балбекѣ. Удивительно, что неизвѣстно время, въ кое онѣ были созданы. Дорической и Коринѣской ордень, въ нихъ употребленной, доказываютъ, что построены онѣ были во владѣніе Грековъ, или уже и Римлянъ. Докпоръ всилъ оба сіи мнѣнія, нашель справедливѣе послѣднее, и доказаль очень ясно, что *Антонинъ благочестивый* былъ истинный основатель начальнаго капища и дворца Балбекскаго: но одинъ Рабинъ, или Жидовской училель, у котораго были мы въ гостяхъ, увѣряль насъ, что Балбекъ основанъ *Соломономъ*, и что дворець, коего часть еще оспалась, есть часть самой, которой построиль сей Царь для дочери Царя Египетскаго, когда на ней женился. Сей дворець, прибавиль онъ, есть ни что иное, какъ домъ, или *башня Ливанская*, видимая изъ Дамаска, и о коей во многихъ мѣстахъ упоминаеть Священное Писаніе.

Что касается до Грековъ; они утверждають, что Балбекъ есть древняя *Никомидія*, а въ доказательство тому приводятъ ту мнимую башню Святой Варвары, о которой я

говорилъ. Правда, что Святая мучена была въ Никомидіи; но городъ сей находишся еще и по сю пору близъ Царяграда, и башня, въ которой была она заключена, конечно не перенесена въ Балбекъ.

Въ старину рассказывали, что *Венера* пребывала съ своимъ дворомъ въ семь городъ, и что она шупь одаряла прелестями и красою. Дѣйствительно женщины Балбекскія почитались наипрекраснѣйшими изъ всей Азіи, и были также наисклоннѣйшія къ любовнымъ дѣламъ: но нынѣ все сіе перемѣнилось. Кажется, что добродѣтель ихъ окоренилась на исчезающихъ прелестяхъ. Нѣтъ также здѣсь больше того великаго числа музыкантовъ, коихъ превосходные дарованія выхвалялись. Они исчезли вмѣстѣ съ красою женщинъ.

Мы оставили сей городъ, бывъ весьма довольны учтивостями Аги. Онъ намъ сверхъ того далъ охранителей и проводниковъ, кои повели насъ совсемъ въ противоположную сторону отъ той дороги, по которой мы съ начала ѣхали. Она представляла глазамъ нашимъ новые предметы, а когда сами они не вспрѣчались, мы повсюду ихъ искали. Я не стану исчислять всѣхъ мѣстъ, по коимъ мы странствовали, а упомяну объ одномъ заслуживающемъ всевозможное почтеніе любителя древности: то есть о селеніи *Банъ*. Докторъ мнѣ сказалъ, что его почитали построенымъ на развалинахъ перваго города въ свѣтѣ. Лежитъ онъ въ странѣ *Жибетовой*, на востокъ отъ Триполя. Вся сія область изобильно напоена, изрядно выработана, и населена однимъ Маронитами. Множество жителей, мужчинъ и женщинъ,

говорятъ еще Сирскимъ или Халдейскимъ языкомъ: но языкъ сей почти не употребляется какъ только въ церковной службѣ, а простонародной во всемъ Ливанѣ есть Арабской. Въ сей самой странѣ видны также ошашки города *Гадета*, славнаго храбростію своихъ жителей, и выдержанною чрезъ цѣлые семь лѣтъ отъ Сарацынъ осадю.

Недалеко отсюда находишся округъ прелестной, украшенной садами, и напоемой ручейками. Отъ тихости воздуха царствуетъ безпрестанная въ немъ весна. На семь-то мѣстѣ лежитъ селеніе *Едэльъ*, въ которомъ, по мнѣнію Воспочныхъ, былъ прежде рай земной. Еслии мысль ихъ справедлива, то изысканіи мои при Дамаскѣ были два раза неосновательны.

Народы Ливанскіе прежде покорены были одному Государю своей земли. Покольніе его погасло, и теперь Паша Трипольской правителя назначаетъ, но всегда старается избирать къ тому Маронита. Я не распространяюсь въ описаніи народовъ сихъ уединенныхъ Христіанъ; они по большой части бѣдны и невѣжи, но ревностно упражняются въ страннопріимствѣ, добродѣтели свойственной всѣмъ Воспочнымъ народамъ. Бѣдность ихъ не можно назвать всеобщою. Живущіе въ нѣкоторыхъ округахъ Ливана, пользуются богатствами произходящими отъ изобилія. Сія мѣсна плодородна хлѣбомъ, плодами, паствами, масличными и шелковичными деревьями, виномъ и проч. Деревья порядочно посажены, и повсюду представляють взору видъ приятной. Величина виноградъа чрезвычайна, и вкусъ удивительной.

Вопь еще нѣчто рѣдкаго! Въ спранѣ сей не знаютъ ни обмановъ, ни воровства, ни судебныхъ пляжебъ, ни плѣсныхъ наказаній, а еще меньше преступлений, заслуживающихъ оныя. Я искалъ причинъ сего чуда, и думаю, что нашель. Марониты суть Христіане уединенные, имѣющіе сосѣдами и врагами Турковъ и Аравлянъ. Ни что шакъ не сохраняешъ согласія и правосудія въ народѣ, какъ сильныя и несправедливыя непріятели. Ежелибъ Марониты жили гдѣ въ Европѣ, онибъ безъ сумнѣнія шакже поступали, какъ Христіане, кои не боялся ни Араповъ, ни Турковъ.

Я позабылъ сказать, что попы Маронитскіе женаты, выключая монаховъ. Я обѣдалъ съ однимъ приходскимъ священникомъ и всею его семьею, которая весьма была многочисленна. Они слѣдуютъ Лапинскому обряду, но исключили изъ онаго правило о холостыхъ попахъ, и дѣйствительно опъ шого рачительнѣе исполняютъ прочія свои должности.

Я къ вамъ пишу изъ Палмиры. Мы сюда приѣхали нѣсколько дней шому назадъ. Сей городъ заслуживаетъ особое описаніе. и составишь по сей причинѣ нарочное письмо, которое я къ сему же приобщу.

Имѣю честь, и проч.
Biblioteka przy
Jakuba Antoniuksa
Dobrynia-Duże
pow. Białystok
Nr. —

ПИСЬМО IV.

Конецъ Сиріи.

Я продолжаю, Государыня моя! водить васъ по развалинамъ: но не скучайте ими. Сіи оспашки суть почти единственныя сокровища здѣшнихъ спранъ, хотя владѣющіе ими не меньше опъ шого бѣдны и не меньше удивляются, что мы шакъ оныя уважаемъ. Едва взглянули ль они когда одинъ разъ на драгоценныя вещи, привлекающія насъ изъ споль опдаленныхъ мѣстъ, и подвергающія, дабы ихъ увидѣшь, великимъ трудамъ и опасностямъ.

Докторъ предъупредилъ меня о сихъ послѣднихъ прежде, нежели мы прибыли въ Палмиру. Проспранная степь опдѣляла насъ опъ сего славнаго города. Мы подвергались разграбленію шатающихся Аравлянъ, хотя и правда, что конвой Губернатора Балбекскаго придавалъ намъ бодрости. Я васъ избавлю опъ подробностей нѣкоторыхъ непременно нужныхъ приутошвленій; ихъ можно и безъ шого легко понять, когда дѣло идетъ о подобномъ нашему путешествіи.

Проѣхавъ безплодные перешейки Анпиливана, остановились мы въ *Каръ*, деревнѣ нарочито обширной и меньше разоренной, нежели сосѣдніе съ нею селенія. Не рѣдко случаетъ здѣсь, что найдешь деревню безъ жителей, и жителей не имѣющихъ покрова. Каждой обыватель съестъ сполько, чтобы спало ему. чѣмъ провормись; и когда случится недородъ, онъ принужденъ бываетъ переселиться въ другое мѣсто, или умереть съ голоду.

Худое Турецкое правленіе есть началомъ всѣхъ сихъ злоупотребленій. Оно задушаетъ, такъ сказать, размноженіе народа, о которомъ пророкъ ихъ, говорящъ, прилагалъ пошлкое пошленіе.

Надобно имѣть безмѣрную охоту, или нарочно сотворену бысть для того, чѣмъ снѣси скуки и непріятности снѣси ведущей къ *Палмиръ*.* Она есть преобширная равнина, на коей виденъ одинъ песокъ, а воды нѣтъ ни капли. По щаслію запаслись мы ею какъ для себя, такъ для лошадей и вьючныхъ скотовъ. При концѣ равнины находилъ разваленной водоводъ, которой снабжалъ въ шарину Палмиру водою. Многія четверугольныя башни привлекли взоръ мой. Докшоръ мнѣ сказалъ, что онѣ были кладбище древнихъ жилищей сего города. Однихъ сихъ монументовъ довольно бы было для поданія намъ великихъ мыслей о прежнемъ его богатствѣ; но сколь они мало значатъ въ сравненіи того, что увидѣли мы далѣе, то есть развалины самой Палмиры! Какія ужасныя громады основаній, столбовъ, карнизовъ вучами лежащихъ, или еще стоящихъ! Всѣ сіи безцѣнные остатки суть изъ блага мрамора, а столбы Коринтскаго ордена. Они производятъ видъ почтеніе всеяющей; видъ столь чрезвычайный, что никакъ представитъ себѣ въ мысли онаго не можно. Бѣдныя хижины, въ коихъ живущъ нынѣшніе Палмирскіе жители, служатъ ко умноженію еще великолѣпнѣйшихъ древнихъ развалинъ. Никогда не видано двухъ вещей столь себѣ противныхъ. Дабы имѣть

* Смолри Ежемѣсячныя Сочиненіи 1755. Генварь, стр. 26.

о томъ повѣстіе, припомните тѣ пакостныя избушки, которыя ко спыду нашему закрывали въ Парижѣ огромную галерею Лувра.

Мы принуждены были жить въ помянутыхъ хижинахъ. Нѣсколько дней отдыханія были бы весьма нужны для здоровья нашего: но докторъ былъ еще больше любопытенъ, нежели упомянутъ. Онъ началъ дѣлать изысканія свои на другой день по приѣздѣ, а я слѣдовалъ за нимъ, дабы воспользоваться его примѣчаніями. И такъ, не удивляйтесь, ежели изперію сіе письмо нѣсколькими учеными подробностями: ему одному вы будете одолжены. Я начну тѣмъ, что касается до древняго соспоянія Палмиры.

Начало сего города, говорилъ намъ докторъ, весьма неизвѣстно, а думающъ, что приписать его можно *Соломону*. Онъ, сказывающъ, построилъ городъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ отецъ его убилъ исполина *Голиава*, а построилъ безъ сумнѣнія по той причинѣ, чѣмъ вѣчнымъ учинилъ воспоминаніе сей побѣды. Правда, что въ Библии написано, что Соломонъ построилъ городъ въ снѣи, и назвалъ его *Телморъ*, или *Фалморъ*. * Въ *Иосифѣ* также мы читаемъ, что спусти нѣсколько вѣковъ, Греки и Римляне дали сему городу имя Палмиры, но что Сиріяне сохранили навсегда прежнее его званіе. Нынѣшніе жители показывали намъ между прочимъ сарай Соломоновъ, гробницу любимой его наложницы и проч. и говорили: „Все сіе сдѣлано Соломономъ, сыномъ Давыдовымъ, съ помощію духовъ.“

* Царствъ Книга 3. гл. 9. стл. 18.

Сей городъ началъ, кажется, знаемъ бытъ Римлянами и Греками весьма поздно; но имъ безъ сумнѣннѣя приписатьъ должно большую часть наилучшихъ его зданій. Коринтской ордеи, кошорой въ немъ повсюду виденъ, естъ поному доказательствомъ: ибо неизвѣстенъ онъ былъ ни Соломону, ни его архитекторамъ.

Городъ Палмира лежишь, или лучше сказашъ, былъ расположенъ весьма выгодно. Земля подъ нимъ плодоносна, хошя и окружена со всѣхъ споронъ проспанною и песчанною степью. Она ошдѣляетъ его нѣкоторымъ образомъ отъ всего свѣта, и по сей причинѣ городъ сохранилъ споль долгое время свою вольность. Римляне и Парвяне искали его союза, когда намѣрялись воевашъ между собою, но наибольше знашнымъ онъ учинился подъ владѣннемъ славной Царицы *Зиновии* (*Зенобии*). Сие произшествіе дѣлаешъ сполько чесни вашему полу, что не могу я, Государыня моя! преминуть, чтообъ не упомянушь здѣсь объ нѣкопрыхъ онаго обспояшельстввахъ.

Зиновія сказывала о себѣ, что произходитъ отъ крови Царей Египетскихъ, и сшипала *Клеопатру* въ числѣ своихъ предковъ; но не была она наслѣдницею ея слабостей. Напротивъ того никакая женщина и никогда не оказала поликаго мужества, и не имѣла поликаго отвращенія отъ покоя и нѣги. Она часпо хаживала пѣшкомъ по нѣсколку миль, предводилешъ спвою своимъ войскомъ, и не ошспавала отъ мужа своего *Одната* въ сраженіяхъ его съ *Персали*, *Готали* и другими неприятелями Римлянъ, по вступленіи его съ сими послѣдними въ союзъ. За оказанныя имъ

услуги былъ онъ сдѣланъ поварищемъ *Галлиену* въ правленіи Имперіи. Сей *Однатъ* родился въ Палмирь, но неизвѣстны ни состояніе его, ни порода, и былъ наконецъ убитъ. Враги *Зиновии* распустили слухъ, что она согласилась на смерть его, равно какъ и на убіеніе сына, кошорого *Однатъ* имѣлъ отъ первой жены: но по суцая правда, что *Зиновія* вступивъ въ правленіе подъ имянемъ дѣшей, коихъ имѣла отъ *Одната*, шѣмъ начала, что разорвала союзъ съ Римлянами. Она напала на нихъ и разбила ихъ войски, посланные противъ Персовъ. Сею побѣдою получила въ свои руки Сирію и Мессопотамію. Пошомъ завладѣла *Египтомъ*, кошорой пошипала наслѣднымъ своимъ имѣннемъ. Къ нему присокупила также лучшую часть меньшей Азіи; но не могла удержашъ отъ усиленій и щаспія *Авреліанова*. Сей Императоръ два раза побѣдилъ ее въ сраженіяхъ, и осадилъ даже въ самой столицѣ Палмирь. *Авреліанъ* послалъ ей сдѣланъ предложеніе о мирѣ. Она ошвергла ихъ съ надменностію и презрѣннемъ: но когда учинилась пѣнницею, вся ея гордость исчезла, и слабость довела ее до того, что измѣнила она наиревностнѣйшимъ своимъ помощникамъ, и между прочими славному *Лонгину*, сочинителю пракашапа о *Высокости мыслей*, кошорой *Боало* перевелъ на Французской языкъ. Она обвинила его шѣмъ, что онъ сочинилъ ей письмо, раздражившее споль сильно Императора, кошорой лишилъ его жизни: но должно прибавишь, что вишія умеръ какъ герой, а героиня рѣшилась жишь невольницею. *Зиновія* согласилась служишь *Авреліану* украшенемъ въ пріумфѣ; пошомъ

вышла она замужъ въ окружности Рима, и имѣла дѣтей, кои жили въ забвеніи отъ всѣхъ, какъ и она сама. Такимъ образомъ поминающая Царица, хвалившаяся, что происходитъ отъ крови Клеопатры, не избрала ее себѣ образцемъ ни въ печеніи жизни своей, ни при смерти.

Съ одной стороны Палмиру превышаютъ горы, съ другой владычествуетъ она надъ обширною равниною. На горахъ видно нѣсколько оспалковъ погребальныхъ монументовъ, подающихъ высокія мысли о прежнему ихъ великолѣпіи. Наибольшая выгода сего города есть изобиліе въ водѣ, которая чинитъ землю подъ нимъ плодородною, хотя всѣ окружности сухи, и ничего на нихъ не произрастаетъ.

Я повторю, что не можно сломать на великолѣпныя развалины Палмиры безъ воспорага, безъ почувствованія скората восхищенія, безъ удивленія смѣшаннаго съ почтеніемъ. Всѣ сіи чувствія особливо мною овладѣли, когда увидѣлъ я *Храмъ Солнца*, котораго вся почти связь цѣла, исключая нѣкоторыхъ развалинъ. Иные думаютъ, что расположеніе столбовъ сего зданія, и верхнія оныхъ части, кои шипъ по словамъ знающихъ были, но коихъ теперь уже нѣтъ, суть источники, изъ которыхъ почерпнулъ *Перро* * мысль своего перискилла.

* Перро (Клавдій) родился въ Парижѣ въ 1613 году, сперва былъ докторомъ, а потомъ прилѣпился къ свободнымъ художествамъ, и особливо къ Архитектурѣ; перевелъ Вишрувія; сочинилъ многія книги до Архитектуры, Физики и Естественной Истории касающіяся. По его рисун-

Я не больше о томъ знаю нѣтъ, кои на удачу такъ говорили: а кажется, что ни малѣйшаго нѣтъ сношенія, ни почнаго подобія между какимъ либо строеніемъ Палмиры, и удивительною фасадою *Г. Перро*. Древніе никогда не употребляли двойнаго ряда столбовъ, производящаго столь прекрасное дѣйствіе въ Луврѣ: можешь быть они и никогда не знали плоскихъ сводовъ, коихъ видъ такъ приятенъ, и строеніе столь хитро.

Какъ бы то ни было, великолѣпіе Солнца храма доказываетъ, что Палмиряне имѣли великое почтеніе къ сему свѣтилѣ. Сказываютъ, что, когда зданіе было повреждено Римскими солдатами во время взятія города Аврелианомъ, сей Императоръ назначилъ на починку его приспѣ фунтовъ золота изъ сокровища Зиновія, и тысячу восемь сотъ фунтовъ серебра, приказавъ собрать оное съ народа, не считая государственныхъ драгоценныхъ камней: но Турки, кои больше предаются оружію художествамъ, обратили сей храмъ въ крѣпость, окружили его отъ части стѣною, и построили четверугольную башню на мѣстѣ главнаго входа.

Другой монументъ достойной быть сравненъ съ первымъ, есть гробница, построенная съ 1750 лѣтъ назадъ. Надпись, которую истолковалъ мнѣ докторъ, означаетъ, что

камъ построены къ Парижѣ славныя ворота Св. Антонія, обсерваторія и великолѣпная фасада Лувра, Королевскаго дворца. Академія Наукъ приняла его въ свои Сочлены. Умеръ онъ въ 1688. имѣя отъ роду 75 лѣтъ.

созданъ онъ *Ямблихолъ*, сыномъ *Моцимовымъ* для сего употребленія. Сіе подаетъ высокую мысль о богатствѣ сего честнаго человека. Въ прочемъ кажется, что главное попеченіе жищелей Палмирскихъ клонилось ко украшенію ихъ городъ. Удивительно, что нѣтъ здѣсь никакихъ оспашковъ ни Театра, ни Риспаница, ни другаго какого мѣста опредѣленнаго на всенародныя игры. Извѣстно, сколь были склонны Греки и Римляне къ симъ родамъ позорищъ, и сумнѣваться почти не лзя, чтобъ и въ Палмирь не были оныя введены. Для чегожъ не оспашется теперь ни малаго слѣда зданій, имъ посвященныхъ? Конечно съ симъ городомъ случилось то же, что съ Парижемъ. Вообразите себѣ на минушу, что Парижъ пришелъ въ то же положеніе, въ какомъ находишься Палмира. Въ семь увидише вы тогда развалины, кои бы безсмертіе доставили и архипектуръ нашей и великолѣпную Королей: но какіе слѣды могутъ привести вамъ на память, чтобы когда нибудь представляли въ Парижѣ Цинну, Армиду, Нелюди-ма? Не скорѣ ли вы повѣрите, что сія столица, которая непрерывно содержипъ шри великіе театры, не имѣла ничего болѣе, какъ игру въ мячи?

Я спросилъ у доктора, какой могъ бытъ источникъ богатствъ Палмиры, построенной посреди степи? Онъ мнѣ опвѣчалъ, что сіе самое положеніе было первою оныхъ причиною. Не лзя въ помъ сумнѣваться, прибавилъ онъ, что чрезъ него лежала большая дорога въ Индію, прежде нежели Португальцы открыли Мысь Доброй Надежды, и слѣдовательно Палмира была городъ чрезмѣрно проѣзжий. Иосифъ

говоритъ, что изобиліе воды находящейся въ семь мѣсцѣ, и недоспашковъ оной въ окружностяхъ, обязали Соломона построити на сей землѣ жилие, предпочпительно другимъ мѣстамъ. Словомъ, что степь была для Палмиры источникомъ богатствъ и залогомъ безопасности.

Для сей же самой причины находисъ и толкое множество развалинъ въ Палмирь. Въ окружностяхъ нѣтъ города, гдѣбъ ихъ можно было употребити на строеніе. Сіи развалины занимаютъ около пятнадцати верствъ мѣста. Сумнѣваюсь я, чтобъ сія частница земли составляла весь городъ въ цѣлущее его состояніе: но по видимому захватывалъ онъ округъ верствъ на пятьдесятъ. Аравляне насъ увѣряли, что не можно земли копать въ околлицѣ, не находя въ ней основаній и оспашковъ строенія. На вершинѣ одной изъ самыхъ большихъ близвяхъ горъ виденъ спарой замокъ, не заслуживающій по наружности ни малаго вниманія; но любовыисство доктора и нестѣмъ воспламеняется. Онъ опважился шуда вскарабкаться по споячей почти и весьма прудной пропиккѣ; я послѣдовалъ его примѣру, и мы дошли до подошвы зданія, ничего чрезвычайнаго не имѣющаго. Сей замокъ естъ крѣпость построенная, какъ намъ сказали, сыномъ Эмира *Факардина*, пока опецъ его былъ въ Европѣ. Ровъ около него сухой, равно какъ и колодезь вырышой въ горѣ.

По разсмотрѣніи сей ямы (ибо надобно было что нибудь разсмотрѣть) докторъ повелъ меня къ ключу главнаго ручья, напояющаго сей округъ. Оной бьетъ изъ подошвы горы

и наполняетъ каналъ чистою водою, но вскорѣ пономъ скрывается въ песокъ: чего не было во время благоденствія Палмиры; ибо видно изъ одной древней надписи, высѣченной на жерпвенникѣ Юпитеровомъ, что попечение о семь ручьѣ ввѣрено было нѣкоторымъ власпелинамъ, избираемымъ народными голосами. Сверхъ того городъ получалъ воду еще чрезъ одинъ водоводъ нынѣ разоренной. Думаютъ же, что сей водоводъ вѣденъ съ самыхъ горъ Дамаскихъ, но есть около двухъ сотъ верстъ. На немъ есть нѣкая надписи, но докторъ не могъ ихъ прочесть по причинѣ ихъ ветхости. Надписи не рѣдки въ Палмирѣ, и по большей части послѣдуютъ Греческимъ переводомъ, которой способствуеетъ къ исползованію оныхъ: ибо о языкѣ Палмирійскомъ никакого нынѣ здѣсь преданія. Нынѣшніе жители знаютъ только по Арабски. И такъ, желанельно, чтобы какой ученой человекъ дошелъ по крайней мѣрѣ до опиррычія началъ сего языка, въ наши времена совсемъ забытаго.

Остаеися мнѣ упомянуть о славной *Соляной Долинѣ*, которая снабжаетъ солью Дамаскъ, Алепъ и сосѣдніе города. Природа сама приуготовляетъ оную безъ всякаго иждивенія. Земля ея напоена довольно глубоко, и надобно только вырыть яму на одинъ футъ; тогда дождь ее наполняетъ и превращается въ весьма бѣлую и чистую соль. Сія долина лежитъ верстахъ въ пятнадцати на Зюйдъ-Оспѣ, или между воспокомъ и полднемъ отъ Палмиры. Въ семь мѣсѣтъ, сказываютъ, Царь *Давыдъ* побѣдилъ Сиріянъ.

Вотъ плодъ изысканій моихъ въ семь славномъ и весьма мало посѣщаемомъ округѣ! Никакое мѣсто не можетъ лучше подать истиннаго понятія о вкусѣ и великолѣпіи древнихъ: но въ то же самое время, какая несообразимостъ между сими удивительными оспашками величества и бѣдными хижинами, кои ихъ теперь окружаютъ! Какая разностъ между подданными Зиновія и нынѣшними жителями сихъ развалинъ! Первые подражали великимъ образцамъ и въ добродѣтеляхъ своихъ и въ порокахъ. Они слѣдовали Египтянамъ въ великолѣпіи зданій и въ способѣ балсамированъ шѣла. Роскошь столь же далеко распространяли, какъ сосѣды ихъ Персы; Грекамъ были они обязаны познаніемъ наукъ и художествъ. Сочиненіе *Лонгина*, мною упомянутое, произведенное посреди ихъ, доказываетъ, до какихъ успѣховъ достигли они въ словесныхъ знаніяхъ. Известно въ прочемъ, что *Зиновія* была учена, знала многіе языки, какъ Греческой, Египетской, Латинской и проч. Она переводила съ Латинскаго на Греческой, и сочинила сокращенную Исторію Александріи и Леванна. Она была, однимъ словомъ, ученица достойная Лонгина, которой самъ достоинъ того, чтобы имѣть учениковъ во всѣхъ вѣкахъ.

Что касается до Арабовъ, или Аравлянъ, нынѣ живельствующихъ въ оспашкахъ Палмиры, наибольшее блаженство ихъ есть то, что пребываютъ въ здоровомъ климатѣ, и наслаждаются воздухомъ весьма чистымъ. Почему и мужчины и женщины очень здоровы, и не знаютъ почти никакой болѣзни. Пища ихъ, кои не совсемъ бѣдны, состоитъ въ ба-

ранинѣ и козляпинѣ. Мы также другой не имѣли; ибо не могли лучшей промыслинѣ. Я сказалъ уже, что древнѣе жили Палмиры подражали въ роскошѣ Персамъ. Нещасные ихъ наследники имѣютъ свой родъ щегольства. Они привѣшиваютъ къ носу и къ ушамъ золотые или мѣдные кольца, каждой по своему имуществу; красятъ себѣ губы синимъ, глаза и брови чернымъ, концы у пальцевъ краснымъ цвѣтомъ. Мужчины и женщины имѣютъ тонкой и ровной станъ, цвѣтъ въ лицѣ смуглой, но черпы порядочныя и прищипныя. Женщины носятъ покрывало, какъ и во всемъ Левантѣ, но здѣсь онѣ не чрезвычайно суровы. Ничего нѣтъ легче, какъ поднять оное: мнѣ самому не одинъ разъ позволяли онѣ дѣлать сей опытъ.

Близость Иерусалима обязывала насъ не опекладывать путешествія по Палестинѣ, и умножала сильное желаніе, которое всегда я имѣлъ посѣпить сію на вѣки памяти достоиную, по причинѣ чудесъ Всемогущаго, страну: но способной случай увидѣть Египетъ съ двумя Англичанами, которые звали насъ неопсупно съ собою въ Великой Каиръ, принудилъ меня опложить до другаго времени путешествіе въ столицу Иудей. Помянутые Англичане были ученые изъ Камбриджа, привлеченные любопытствомъ въ здѣшніе краи. Они имѣли съ собою искуснаго художника, которой срисовывалъ всѣ достопамятныя вещи представляющія здѣсь изысканіямъ путешествовашелей. Мы сколько же ради были воспользоваться ихъ просвѣщеніемъ, сколько они казались довольны нашимъ сообществомъ.

Имѣю честь, и про ч.

W. Labouch 1706-1726 je Egiptu pismem 001 f. 62
 рукопись Сиднея С. Sicard, которую досталъ от де-Бозомы

Bibliotek

63

Jakuba

ПИСЬМО V.

Dobryznu

row. V

Египетъ.

№.

Наконецъ приѣхали мы въ Египетъ, въ страну столь славную въ древнѣе времена, столь изобильную малыми кумирами и великими зданіями, мнимыми мудрецами и самозванными волхвами. Я прочелъ всѣ дивности, которыхъ господъ *Босюетъ*, *Ролленъ*, *Маллетъ*, и толкое множество другихъ писали о сей области и древнихъ ея обитателей. Я надѣялся изслѣдовать истинну похвалъ ихъ; но какая премѣна! какое чудное превращеніе! Проходя берега Ниловы, безпрестанно приходишь желаніе спросить: гдѣ же Египтяне? гдѣ Египетъ?

Остановились мы по приѣздѣ сюда въ *Каиръ*. Докшоръ имѣлъ писѣмы къ Французскому Консулу, а я къ одному банкиру, у котораго мы и поселились; по тому что нѣтъ постоялаго двора ни въ семъ большемъ городѣ, ни во всемъ Египтѣ. Правда, что есть Ханы, какъ и во всемъ почти Левантѣ; но они суть шакіе мѣста, въ кои проѣзжій долженъ привезти свою поспелую, поваренную посуду и кушаніе. *Каиръ* составленъ изъ прехъ городовъ, опдаленныхъ между собою цѣлыми пятью верстами: называютъ ихъ *старой Каиръ*, *Каиръ* собственно имянуемой, и *лристанъ* прозванная *Булакъ*. Сказываютъ, что старой Каиръ построень на мѣстѣ древняго города *Вавилона* на Нилѣ, а оной былъ основанъ нѣсколькими плѣнниками, избѣжавшими изъ Вавилона на Евфратъ, скрывшимися во Египетъ, и полу

чившими опъ правительствва позволеніе шупъ поселилсья. Они создали сей городъ, и дали ему имя того, изъ кошораго вышли.

Каиръ славившійся въ шарину своимъ великолѣпьемъ, былъ чрезъ долгое время жилищемъ Халифовъ, а теперь пребываетъ въ немъ Паша, присылаемой опъ Султана. Сей городъ расселился мало по малу, и вопъ что рассказываетъ о произведеніи нынѣшняго его имени. Нѣскольво вѣковъ назадъ, Египетъ управляемъ былъ Царицею великой красоты. Халифъ властвующій въ Африкѣ, въ нее влюбился, пребоавъ ее въ замужство и не могши къ шому склонить, принялъ намѣреніе завоевать ея владѣніи. И Царица и столица принуждены были ему сдатьсь; но какъ Халифъ имѣлъ отвращеніе опъ городской жизни, по повелѣлъ обнести каменными стѣнами по проспранное поле, на кошоромъ шлоало лагеремъ его войско. Вскорѣ застроили оное великолѣпными дворцами, домами и мечешми. Все сіе быль соединено съ ошатпомъ прежняго города, названо *Ел-Кагера*, слово Арабское, значущее, сказывающъ, *Побѣдоносной*. Пошомъ *Ел-Кагера* перевели *Ле-Каиромъ*, и наконецъ *Великимъ Каиромъ*, по причинѣ великаго числа жителей. Вы видите, Государыня моя! что естли любовь разорила нѣкоторыя города, по другіе должны ей бытиемъ своимъ. Великій Каиръ шлоитъ конечно древней Трои.

Дома въ немъ почти всѣ построены по одному рисунку, и съ наружи не весьма видны. Всѣ вообще, по крайней мѣрѣ большихъ господъ, имѣютъ двѣ залы, одну для всегдашняго употребленія, а другую для праздничныхъ дней.

У женъ также свои покои, но жилище ихъ не сообщается съ домомъ: входъ къ нимъ всегда запертъ, и ключъ въ рукахъ у хозяина. Когда женщины ходятъ принятъ или выдаютъ что, для сего естъ у нихъ опгородки, какъ въ женскихъ монастыряхъ, въ кошорыхъ не могутъ онѣ ни видѣть, ни бытъ видимы. Мужья не меньше ревнивы въ Египтѣ, какъ въ Азіи, и женщинъ также содержатъ въ неволѣ.

Всего больше удивили меня здѣсь воропы, сдѣланные на концѣ почти всякой улицы, кои запираются, сколь скоро ночь наступитъ. Они служатъ обузданіемъ для шапаящихся и злыхъ людей. Сверхъ того естъ здѣсь корпусъ Янычаръ опправляющихъ шу же должностъ, что наши объзды, но они въ ней еще проворнѣ нашихъ полицейскихъ.

Истинное великолѣпие Каира состоитъ въ мечешяхъ. Между шми, въ кошорыхъ мы были, видѣлъ я одну принадлежащую Арабамъ. Рѣзба, позолопа, и даже живопись заслуживаетъ зрѣніе; стѣны наполнены золотыми Арабскими надписями и одѣты фушовъ на восемь въ верхъ наилучшимъ зеленымъ и краснымъ порфиромъ. Сказываютъ, что сіе зданіе построено однимъ Везиремъ, единственно для того, чтооь потчивашъ шупъ шербепомъ Султана, тогда царшвовавшаго, на возвращеніи его пуши изъ Мекки.

Естъ другая мечешъ за полмили опъ Каира, кошорая въ великомъ почшеніи у Магометанъ. Они говорятъ, что *Омаръ*, первой ихъ Халифъ, прибывъ на мѣсто, на кошоромъ сей храмъ послѣ построенъ въ его честь, оставилъ шупъ напечатленіе ноги своей на

мраморъ. Зданіе не представляетъ въ прочемъ ничего чрезвычайнаго. Удивленія достойны въ немъ однакожь переходы изъ древнихъ столбовъ, но споль беспорядочно поставленныхъ, что во многихъ мѣстахъ спояшь они въ низъ головою.

Христиане имѣють также церковь въ спаромѣ Каирѣ. Показываютъ въ ней *Пещеру*, въ которой Богородица, говорящъ, опочила оупъ трудовъ понесенныхъ во время бѣга во Египетъ. Сіе мнѣніе споль швердо принято, что монахи святой земли платящъ нѣкоторое число денегъ за позволеніе служить обѣдни въ сей пещерѣ.

Залокъ Каирской, построенной *Саладиномъ*, представляетъ еще нѣкоторыя остатки величества и въ своемъ наивеличайшемъ упадкѣ. Въ немъ находящяся довольно хорошіе куски мозаика. Дѣланные въ такое время, когда еще не знали живописи ни въ Италіи, ни во Франціи.

Одно названіе *Житницъ Госифовыхъ* возбудило во мнѣ любопытство. Я хотѣлъ видѣть сіи достопамятныя строенія, почтивая ихъ весьма древними, но они суть дѣло рукъ Паши, имѣвшаго по же имя, что и Патриархъ, и спояшь изъ многихъ четверугольныхъ дворовъ совсемъ открытыхъ. Хлѣбъ не имѣетъ въ нихъ иной покрывки, какъ нѣкоторой родъ рогожь: но и по правда, что дождь идетъ рѣдко въ Египетъ. *Колодезь Госифовъ*, построенной тѣмъ же Пашею, заслуживаетъ можешь бытъ больше вниманія, нежели житницы: онъ ископанъ или высѣченъ въ каменной горѣ; хотя, правду сказать, камень шупъ шакъ мяковъ, что работа не могла бытъ шрудна. Въ немъ сдѣлана также лѣсница для быковъ, и въ са-

момъ дѣлѣ, они шуда сходящъ, не смотря на глубину около двухъ сотъ семидесяти шести футовъ. Я знаю сіе оупъ доктора, которой имѣлъ бодрость самъ мѣрящъ. Но я съ нимъ сходилъ шолько до половины бездны, по естѣ спю сорокъ шесть футовъ. Туннъ виденъ водо-емъ, въ которой вода поднимается съ низу помощью махины на колесахъ.

Я избавлю васъ оупъ множества мѣлкихъ подробностей. Ежели докторъ спанетъ когда нибудь печатая свои записки, онъ конечно не пощадишь чашапеля, а особливо не позабудетъ, думаю, говорить о множествѣ слѣныхъ *встрѣчающихся* въ великомъ Каирѣ *слѣпош* можно названъ здѣсь заразительною болѣзнію. По крайней мѣрѣ она въ городѣ наччае въхъ припадковъ, и происходитъ, по здѣшнему мнѣнію, оупъ извести употребляемой въ строеніи домовъ. Жестокіе здѣшніе въпры опрываютъ самыя понкія оной частицы, и заражаютъ глаза чувствительнымъ образомъ. Иные совсемъ лишаются взора, а у иныхъ шолько болятъ глаза нѣкоторое время, но и шѣ бы ослѣпли, естѣлибъ не предшкоряли принимая предосторожностей. Докторъ имѣя больше попеченія о себѣ, умѣлъ предшхранитъся оупъ сей бѣды, коей конечно и я бы не избѣжалъ, естѣлибъ онъ меня не научилъ.

Любопытство привлечшее насъ въ Египетъ, не одинъ Каиръ имѣло цѣлю. Мы *вознамѣрились* осмотрѣть древній *Мемфисъ*, или лучше сказать мѣста, на которыхъ думаютъ, что онъ былъ построенъ: ибо не ошталось ни малѣйшаго тому слѣда. Теперь онъ естѣ *просшая* деревня, лежащая на западномъ берегу

Egyptian
signatures
L. 111.

Нила, насупротивъ Каира. Между ими находится островъ *Родда*. На семъ видно зданіе, которое помощію сполба размѣченнаго, служить къ показанію ежедневнаго приращенія рѣки. Народные крикуны возвѣщаютъ оное жителямъ въ извѣстные часы. Думаютъ, что на семъ островѣ былъ спасенъ дочерью Фараоновою *Монсей*, пущенной маперью своею на воду.

Деревня, заснувшая мѣсто Мемфиса, называется *Гезе* или *Гизегъ*, и ничего въ себѣ не заключаетъ могущаго привести на память прежнюю его славу; а опличается только тѣмъ, что *Пирамиды* находятся отъ нея не далеко. При семъ одномъ имени, кажется мнѣ, что вниманіе ваше умножается. Въ самомъ дѣлѣ, пирамиды суть первое въ Египтѣ чудо, и въ одномъ только Египтѣ находящіяся подобныя. Самыя большія лежатъ въ десяти или одиннадцати верстахъ отъ Гизы. Расстояніе ихъ между собою будетъ около чепырехъ сотъ шаговъ; и докторъ съ восхищеніемъ далъ мнѣ примѣнить, что всѣ чепыре бока ихъ точно соотвѣтствовали чепыремъ главнымъ спранамъ свѣта, полуночи, полдню, воспоку и западу.

Всѣ сіи пирамиды не имѣютъ основаній въ землѣ нарочно складенныхъ: сама природа оныя соорудила. Поле, на которомъ онѣ стоятъ, есть камень урвненной желѣзными орудіями, и которое имѣетъ вершъ пять въ окружности. Оно не подвержено наводненіямъ Нила: чему вы не будете дивиться, когда узнаете, что возвышается восьмьюдесятью фузами надъ мѣстами омочаемыми сею рѣкою: но удивительно то, что находится на немъ множе-

ство усприць и раковинъ окаменѣлыхъ, и попадающихся оныя иногда даже на самыхъ пирамидахъ. Я спросилъ у доктора, какая бы могла быть причина? Онъ, показалось мнѣ, смутился отъ вопроса и бросился къ пошопу; но развѣ пирамиды, перервалъ я пошпчасъ его рѣчь, спарѣе пошопы? и развѣ могли онѣ успоить прошивъ его стремленія? Докторъ ничего на сіе не отвѣчалъ.

Вы безъ сумнѣнія читали, Государыня моя! какіе нибудь описанія о сихъ спрашныхъ громадахъ, и для сей причины не спану я входилъ въ мѣлкія подробности, а скажу только вообще, что тѣ двѣ пирамиды, кои другихъ превосходятъ, имѣютъ пять сотъ футовъ перпендикулярной высоты. Ширина ихъ основанія соразмѣрна съ симъ возвышеніемъ; я говорю соразмѣрна, уважая видъ пирамиды: что и предполагаютъ ширину сію весьма не малою.

Мы взяли съ собою нѣсколько Арабовъ въ проводники. Они показали намъ способъ всходить на верхъ, и спущаться въ сіи великія гробницы (ибо пирамиды ни что иное суть, какъ могилы.) Нужны шпшь были, отвага и проворство. Докторъ, какъ человекъ предосторожной, взялъ съ собою для себя и для меня двѣ веревочныя лѣсницы, кои были намъ великою помощію. Вы о томъ судить можете по слѣдующимъ обстоятельствомъ:

Мы вошли въ одно опверсшое, которое было закладено чрезъ нѣсколько вѣковъ. Сей проходъ глубиною футовъ во сто, одѣтъ прекраснѣйшимъ бѣлымъ мраморомъ. Онъ потерялъ часши своего блеска отъ дыма, свѣчь и факаловъ, коими спотришели принужденны

освѣщаются, идучи во внутрь зданія. Мы выспрѣлили нѣсколько разъ изъ нисполеповъ дабы выгнать *летучихъ мышей*. Ихъ тамъ было много, что кажутся для нихъ и построены сіи горделивые зданія. Вылепѣла ихъ такая куча и прямо намъ въ глаза, что чуть онѣ не зацѣпили и факаловъ. Мы увидѣли множество ихъ гнѣздъ, кои онѣ выспрѣловъ и приближенія нашего принуждены онѣ были оставишь.

Сей входъ довелъ насъ къ другимъ пяти проходамъ идущимъ къ тому же мѣсту, но есль къ двумъ палатамъ, изъ коихъ одна лежишь по срединѣ наверху, а другая подъ нею. Онѣ равно одѣшы мраморомъ, и имѣюшь около шрехъ фушовъ съ половиною во всѣ чепыре стороны. Мраморъ споль гладокъ, что надобно было высѣчь на немъ небольшія ямки для ногъ, безъ чего бы не можно было никакъ устояишь.

Но сіи трудности ничего не значащъ въ сравненіи съ представляющимися послѣ. Должно пройши или лучше пролезшь чрезъ три другіе канала, копорые и уже и склизче первыхъ, дабы пробратъ до верхней палаты. Сія вся одѣша гранитомъ. На лѣвой рукѣ стоишь гробница изъ того же мрамора, длиною въ восемь, а вышиною въ чепыре съ половиною футовъ. Кажется, что она прежде была покрыша, ибо по краямъ ея можно шо примѣнишь, но крышки шенерь уже нѣтъ, и гробница совсемъ пуста. Она чисто выдѣлана изъ мрамора, но безъ всякаго укрощенія, и звонитъ какъ колоколь, есльли ударишь по ней ключемъ. Въ бокахъ палаты, лежащихъ на полночь и на полдень, находящся два небольшіе опверстія, коихъ не могли мы вымѣряшь глубины: ибо

забросаны они каменьями, по видимому опъ любопытствующихъ узнашь оную. Докпоръ сообщил мнѣ свои догадки о сихъ двухъ свѣжинахъ. По его мнѣнію, (а онъ самъ слѣдоваль мнѣнію другихъ,) пирамиды опредѣлены были не шолько для сохраненія по смерпи шѣль шѣхъ Государей, копорые ихъ спроили, но должны были служишь могилою шакже и многимъ живымъ ревностнымъ подданнымъ, желающимъ съ ними погребшишь. Должно предполагать, что каждой изъ нихъ, вступаая, запасался особымъ для себя гробомъ. Что принадлежишь до способа, коимъ они получали пищу; вопъ какъ шо происходило: одно изъ помянутыхъ опверстій опредѣлено было для доставленія имъ пищи посредствомъ веревки, къ копорой привязывался ящикъ, или лукошко, а шпорое служило къ прошивному совсемъ упошребленію.

Оставалось намъ дойти до нижней палаты; куда не можно было достигнуть инаково, какъ спускаясь въ колодезь, въ копоромъ не находилось спупенекъ, а слезали въ оной и поднимались шочно шакъ, какъ дѣлаюшь у насъ шрубочисшы. Подумайше, сколько докпору и мнѣ трудна была сія дорога, и шупъ - шо особливо послужили намъ веревочныи лѣсницы; но что мы тамъ нашли? Каменья, обломки и на концѣ узкаго исхода мѣсто для спатуи, копорой тамъ уже не было. Между шѣмъ, какъ докпоръ вымѣриваль, я упражнялся совсемъ, въ другомъ. Удивлялся склонности, привлековой меня изъ шоль дальнихъ мѣстъ; дабы погребшишь на нѣсколько времени въ сей пространной могилѣ, и воспоминаая разсужденіе одного

Дожа Венеціанскаго, бывшаго въ Версалии, ни что пакъ меня не удивляло, какъ видѣть себя въ сихъ пирамидахъ. Мы вышли изъ оныхъ съ пакимъ же прудомъ, какъ и вошли.

Докпоръ, котораго прудности не опвращали, хотѣлъ осмопрѣть наружности зданія. Мы взошли на нихъ по ступенькамъ, кои выкладены были, когда ихъ строили. Дошедъ до половины ихъ вышины, нашли небольшой покой; нарочно, кажется, сдѣланной для отдыновенія. Наконецъ прибыли на площадку, воюю кончился все зданіе. Опшуда виденъ Каиръ, Ниль, и великое проспранство земли. Какъ пришло сходитьъ на низъ, ступенки намъ показались споль узки, что я по сю пору дрожу опъ опасности, копорой мы подверглись. Сошли мы ползкомъ, не смопря ни на шу, ни на другую спорону, и наконецъ по великомъ безпокойствіи и боязни, весьма обрадовался я, когда увидѣлъ себя на земль, и что вся бѣда кончилась однимъ спрахомъ. Докпоръ бралъ съ собою спурокъ, и вымѣря широту пирамиды съ одного угла до другаго, нашель семь сопь чепыре фуша, (323 аршина;) и слѣдовашельно приспа пашьдесять два, опъ средней почки до угла; а по шому и несправедливо многіе спранствующіе упверждали, что спрѣла пущенная горизонтально съ площадки не можеть пасъ инако, какъ на ступеньки пирамиды. Не бывъ хорошимъ спрѣлкомъ, можно всегда выпспрѣлишь изъ лука далѣ паша сопь шаговъ, а иные спрѣляютъ и на шысячу. Что касается до высоты зданія, мы ее мѣряли, сброся съверху спурокъ, копорой держаль на низу одинъ изъ нашихъ провожапыхъ, и нашли, что она

имѣла шолько шесць сопь фушовъ. (275 аршинъ.) Желаніе осмопрѣть другія пирамиды, въ насъ изчезло. Внутреннее ихъ положеніе должно бытъ почпи таково же, да въ прочемъ и не всѣ онѣ имѣють отверстїи. Чепыре главные посспавлены на одной линей, пррешья имѣеть шриспа шаговъ въ возвышеніи меньше двухъ первыхъ, и спю больше, нежели чепверспал. Онѣ окружены множествомъ другихъ, копорыя и мѣльче и опъ часпи разорены.

Признаюсь, что сіи монументы подають великія мысли о могущеспвѣ Египтянь, но еще больше доказывають древнюю неволю сего народа. Цари Египетскіе соорудили одними луковицами и хлѣбомъ зданіи, кои испощили бы всѣ сокровищи Франціи. Они обременяли своихъ подданныхъ, дабы имѣть чеспъ соединить, или скласъ въ кучу каенныя громады, и боропсья съ природою, перенося горы съ мѣспа на мѣспю. Пирамиды должны были служить могилою Монарху, копорой ихъ строиль. Съ таковою предоспорожностию надѣялся онъ сгнить нѣсколько лѣпъ позже; а сіе безъ сумнѣнїя спощло шого, что спобъ мучить миліоны людей.

Славная *Сфинксова* спашуя находитья пакже въ сихъ мѣспахъ. У нее шолько голова и шея наружъ, и сіи одни часпи имѣють двадцать семь фушовъ вышины. Разсудите, сколь велика долженспвовала она бытъ вся? На спинѣ есть у нее скважина, въ копорую, сказываютъ, лазили жрецы въ подземныя храмины. Нѣкопорые любопытные нашли у нее и на головѣ дыру, и конечно чрезъ нее даваль Сфинксъ, какъ шому вѣрили, свои опвѣшпы.

Близъ большихъ пирамидъ видны оспашки нѣсколькихъ капищъ; ибо кажется, что каждая изъ нихъ имѣла свое собственное. Догадываются, что сии развалины составляли часть древняго Мемфиса, и что пирамиды находились въ пущи сей столицы Египта; а можетъ быть были онѣ и кладбищемъ города. Наивѣроподобнѣйшее мнѣніе есть то, что *Мемфисъ* былъ построень при концѣ *поля Мумій*. Обширныя развалины, представляющіяся на семъ мѣстѣ, утверждаютъ сію догадку. Съ одной стороны разширялся онъ къ Нилу, а съ другой доизалъ до славнаго *Меривода Озера*.

Сіе озеро, называемое нынѣ *Хороновымъ*; (ибо думаютъ, что пущь сей славной перевозчикъ переправлялъ мертвые тѣла для отнесенія въ пирамиды на Муміево поле, за весьма малыя деньги,) сказываютъ, сдѣлано руками человѣческими, и вырыто при Царѣ *Меридѣ*, (*Мерисѣ*) отъ котораго и названіе получило. По обширности и глубинѣ походило оно на небольшое море. Ниловы воды текли въ него изъ верхняго Египта чрезъ широкой и глубокой каналъ, и судя по положенію, которое ниже Нила, озеро никогда не могло осохнуть; вода его не только служила въ доставленіи изобилія въ срединѣ самаго Мемфиса, но и пребываніе его дѣлало пріятнымъ. Отъ нея воздухъ всегда былъ свѣжъ, и слѣдовательно тѣмъ здоровѣе, что чрезвычайныя жары бывають тамъ продолжительны и часты. Дабы лучше пользоваться симъ пріятнымъ прохладеніемъ, Цари Египетскіе построили дворецъ по срединѣ самаго озера: многіе вельможи Двора ихъ, и нѣкоторыя частныя люди, получили позволеніе имѣть

также тамъ свои дома. Сверхъ того созданы были капища, обелиски и другіе монументы. Тутъ былъ, однимъ словомъ, другой Мемфисъ, не только можетъ быть обширней, но столь же великолѣпной, и пріятнѣе еще, нежели первой. Во время суши видны понынѣ его развалины, то есть, когда прибытіе водъ изъ Нила не весьма бываетъ высоко. Поверхность водъ въ озерѣ не можетъ безъ того опуститься на пять или шесть локтей, чтобы не обнажить города, которой производитъ удивленіе въ зрителяхъ. Желательно, чтобы озеро было осушено и вычищено какъ прежде. Какія бы нашлись тамъ любопытства достоинныя и нужныя къ познанію древности вещи. Но каналъ, въ которой выпускали воду для провѣденія до самаго моря, совсемъ исчезъ, или можетъ быть не годился бы уже ко употребленію. Отверстіе затворовъ дѣлалось, сказываютъ, около Февраля мѣсяца. Сколь скоро вода упадала на сажень, обнародовывали тогда позволеніе ловить всякому рыбу неводомъ. Сія ловля продолжалась цѣлой мѣсяць. Она была столь изобильна, что довольствовалась большую часть жителей Египта, привлеченнаго въ то время въ Мемфисъ любопытствомъ и увеселеніями.

По возвращеніи въ Каиръ, отправились мы, два дни спустя, въ *Александрію*. Бдучи дорогою, осматрѣли часть *Делты*, то есть островъ, составляемый двумя рукавами рѣки, разделяющей отъ самаго Каира до Средиземнаго моря. Называютъ его *Делтою* по тому, что онъ имѣетъ видъ буквы Греческой, носящей сіе имя, и похожей на треугольникъ. Что касается до Александріи, ее разделяють

на два города, *Старой* и *Новой*: но ни одинъ изъ нихъ не соотвѣшствуетъ значности, какую она имѣла въ древніе времена. Основана она *Александромъ Великимъ*, какъ по и понынѣ доказываесть ея имя, и одно полько оно и осталось опъ прежняго ея великолѣпія. Спроеніи по Турецкому обычаю заспунили мѣсто преизящныхъ зданій Греческой и Римской архитектуры.

Вы слышали, безъ сумнѣнія, о славной башнѣ *Фаросъ*. Теперь оная есть замокъ весьма дурной, на которомъ спойтъ фонарь, должеспвующій освѣщашъ корабли въ ночное время; но не доспаесть у него къ сему употребленію полько масла и работниковъ.

Напроеивъ сего замка находисся другой почпи такового же рода, называемой *Малой Фаросъ* (*Фарилло*) для опличенія опъ перваго, проименованнаго *Большимъ*. Оба они лежатъ при входѣ въ приспань, и оную защищаютъ. Послѣдній занялъ мѣсто великолѣпнаго зданія, построенаго *Птоломеемъ*, для библіотеки, споль славной и споль многочисленной въ спакое время, когда книги были очень рѣдки. Турки думая, что Алкоранъ ихъ можешь намѣспипъ всѣ книги, сдѣлали изъ Птоломеевой книгохранилищницы крѣпость.

Всего спеперь достоинѣ примѣчанія въ Александріи: *Клеопатринъ Обелискъ*, *Поллеевъ столъ*, и *Водохранилища*. Сии послѣдніе подъ домами выдѣланные, поддерживаючися двумя или тремя сводами, утвержденными на сполбахъ. Воду они получаютъ изъ Нила чрезъ нарочно сдѣланной каналъ: а изъ нихъ доспаютъ ее посредствомъ нѣкоторой махины, и нагружаютъ

ею верблюдовъ для перенесенія въ нужные мѣста. Число водохранилищъ едва было въ спарину довольно для всѣхъ жителей: но нынѣ большая часть оспаесть изъ нихъ безъ употребленія. Александрія, съ которой споронны ея ни возмешь, есть полько пѣнь того, что была въ спарину.

Обелискъ Клеопатринъ еще совсемъ цѣль и неразрушенъ. Ими, которой носить, и великолѣпныя развалины, которыми окружаесть, заспавляютъ догадываесть, что дворець сей Царицы, знаемой спакже подъ именемъ *Дворца Цесарева*, недалеко опъ онаго находисся. Вы, безъ сумнѣнія, знаете, что разумѣесть подъ именемъ *Обелиска*: то есть великой четвероспоронной камень кончащійся въ верху оспрымъ концемъ. Бываютъ они и большіе и малые. Клеопатринъ есть наивеличайшій во всемъ Египтѣ. На споронахъ его вырѣзаны были Героглифы, * но опъ времени большая часть оныхъ загладилась, а оспавшіеся хопя и видны, служатъ полько ко умноженію горести нашихъ мудрецовъ. Героглифы суть для нихъ загадки непроницаемыя, и я сильно сумнѣваюсь, чтобъ нашелся въ свѣтъ Едипъ, которой бы могъ исполковать ихъ темноту.

Столъ Поллеевъ есть монументъ превосходящій помянушой обелискъ величиною, и можесть бытъ достоинѣйшій вниманія любо-

* Героглифы суть изображенія содержащія какое скрытое знаменованіе, и служившіе прежде изображенія буквъ вмѣсто письма, а Египетскіе жрецы употребляли ихъ для сокрытія священныхъ вещей и спайнствъ своей богословіи.

пышныхъ. Неизвѣстно, по чему ли онъ носитъ се имя, что воздвигнуть въ честь сего славнаго Римлянина, или въ честь *Тита* или *Адриана*, кои оба спранспивали въ Египтъ. По расчисленію докшора (а ему повѣрить можно) вышиною сей сполпъ во спо четьрнадцатъ фушовъ. Одно шуловище его имѣеть около восьмидесяти девяти фушовъ, а въ поперешникъ девять. Онъ высѣченъ изъ краснаго гранита, и сосиоипъ изъ одного куска, капишель сдѣлана изъ другаго, а основаніе изъ сѣраго камня, похожаго пвердоспію на кремень. Подъ основаніемъ его находишя пусшота, ископанная однимъ падкимъ къ богатству Арабомъ. Сей человекъ вздумалъ, что сполпъ покрываетъ неисчешные сокровищи, и хотѣлъ его подорвать; но боченовъ пороха имъ употребленной, взорвалъ только нѣсколько каменьевъ, оспавя въ цѣлости больше прехъ частей основанія. Вопъ, Государыня моя! жребій наипрекраснѣйшихъ въ свѣтѣ вещей! Онъ всѣ зависяпъ ошъ наимапѣйшихъ приключеній. Ежелибъ сей Арабъ былъ споль хорошей инженеръ, сколь онъ любилъ богатство, не видапъ бы намъ шеперь наилучшаго монумента древности.

Спѣны, ограждавшія древнюю Александрію, разорены ошъ части, и имѣютъ вездѣ двадцатъ фушовъ толцины, и ошъ тридцати до сорока вышины. Ошъ мѣста до мѣста находишя на нихъ бащни, различающіяся между собою и видомъ и размѣромъ. Турки наклали въ дырахъ спѣны куски сполповъ, кои изъ далека походяпъ на нацѣленные пушки. Можно сказать, что въ шеперешнемъ положеніи вещей подобная артиллерія сошвъпшвуешъ крѣпости.

Мы ходили шакже смопрѣтъ двѣ церкви, *Святаго Марка* и *Святая Екатерины*. Ничего нѣтъ шемнѣ и неопряннѣ сихъ храмовъ. Въ послѣдней показываюпъ съ великимъ почпениемъ конецъ сполпа, на которомъ ошсѣчена глава у Святыя Екашерины. Но это еще не все. На семь кускѣ видны красные пяцины, ошъ набожныхъ шипелей почитаемые за кровь мученицы, чудесно сохранившую цѣпъ свой чрезъ сполько вѣковъ. Недалеко ошшуда находишя хижина свяшой, но не имѣеть дверей, и походитъ больше на возвышеніе сдѣлавшееся ошъ развалинъ города. Сказываюпъ, что есть и другая хижина шаккой же величины. Церковь свяшаго Марка имѣеть равнымъ образомъ свои благочешивые сокровищи. Показываюпъ въ ней старую деревянную кашедру, служившую, какъ упверждаюпъ, сему Евангелисту, первому Александрійскому Епископу: но почпение къ нему въ Венеціи несравненно превосходитъ, что касается до великолѣпія, воздаваемого въ преспольномъ его градѣ.

Вы сами догадаешесь, что докшоръ ничего не упустилъ осмопрѣтъ, даже и пещеръ служащихъ могилами. Оныя начинаюпся памъ, гдѣ кончашя развалины древняго города, и простираюпся на не малое распояніе по морскому берегу. Число ихъ нарочито велико, и всѣ онъ высѣчены въ камень, а величина вообще шакая, что можно положить два пѣла рядомъ: вышина зависипъ ошъ свойства камня. Нѣтъ въ прочемъ въ нихъ никакого украшения. Всѣ онъ были ошворены, и всѣ шеперь пусты: се есть плодъ жадности Арабовъ, кои думали найши въ нихъ сокрытые богатства.

Нѣкоторые путешествовавшие говорятъ объ одномъ подземномъ храмѣ, лежащемъ въ тридцати или сорока шагахъ отъ берега, прошивъ полуострова, составляющаго приспани. Мы вознамѣрились осмошрѣть оный; но послѣ заключили, что то была гробница, а не храмъ. Надобно было взять съ собою факаловъ, чтобы хорошенько ее видѣть. Входя въ нее малымъ отверстіемъ, сдѣланнымъ на косогорѣ. Сойдя около двадцати шаговъ, пришли мы въ четвероугольную не малую залу, у коей пополокъ и стѣны совершенно гладки. На полу лежипь песокъ и всякая нечистота: но это еще не храмъ. Другая дорога ведетъ въ оной. Наконецъ нашли мы круглое зданіе, коего пополокъ высѣченъ на подобіе свода; въ немъ чешыре двери, одни прошивъ другихъ, но входя въ только въ одни, а прочія при соспавляюпъ, каждая лощину въ стѣнѣ, опускающуюся ниже храма. Сии мѣста высѣчены пакже въ камнѣ, и споль велики, что могутъ вмѣститъ мершвое тѣло. И пакъ можно почестъ сей мнимой храмъ, за кладбище или гробницу какой нибудь знапной особы, а можешъ бытъ и Царскаго поколѣнія. Ходъ, ведущій къ другимъ, какъ казалось, подобнымъ зданіямъ, обманулъ насъ въ надеждѣ нашей, ибо онъ засорилъ отъ древности время, и почти неприслупень, какъ случилъ по видимому съ симъ, кое мы осмошривали, и со всѣми прочими зданіями того же рода.

Но время окончипь рѣчь о плачевныхъ предмешахъ, и оспавя погребальныя пещеры, осмошрѣть другія, копорыя гораздо сихъ пріятнѣе, то есть бани, сдѣланныя самою природою въ небольшихъ ущелинахъ берега. Кажешся

что и искусство ей помогло. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ надѣланы прелеспные уединеніи, откуда не будучи видимъ, можно видѣть все происходящее въ приспани. Въ иныхъ находяпся цѣлые покои и лавки совсемъ сухія, высѣченныя въ камнѣ: словомъ, съ помощію искусства сдѣланы увеселительныя мѣста изъ сихъ самородныхъ пещеръ.

Я окончу сіе письмо тѣмъ, что касается до новой Александріи, и мало объ ней говоря, все скажу. Сей городъ, споль въ шарину знапной разширеніемъ своей торговли, нынѣ естъ только приспань къ выгрузенію служащая. Обывашели ея, прежде споль богатые, и споль многочисленныя, соспавляюпъ теперь спаницу нищихъ, осужденныхъ живъ въ рабской и презрительной зависимости. Наогромнѣйшіе капищи преврапились въ небольшія мечепи, дворцы въ хижины. Спюлица древнихъ Государей учинилась пемницею невольниковъ: а по сей причинѣ справедливо уподобили нынѣшнюю Александрію сиротѣ, у копорой не оспалось инаго наслѣдства, кромѣ почпеннаго имени ея ошца.

Имѣю честь, и проч.

ПИСЬМО VI.

Продолженіе Егилта.

Дабы обстоятельно объяснить все, что касается до Египта, не довольно одного письма и самого пространнаго. Сія спрана представляеть, какъ я уже сказалъ, почти однѣ развалины; но развалины ея многочисленны, и достойны вниманія любопытныхъ людей. Ихъ можно уподобить алмазамъ зарытымъ въ кучѣ песка: трудно мимо ихъ идши, не покусаясь разрыть:

Пребываніе наше въ Александріи кончилось съ окончаніемъ изысканій о нынѣшнемъ состояніи сего города. Мы возвратились въ Каиръ, но возвратились уже не одни. Къ намъ приспали два Француза, коихъ видѣли мы въгружающихся за нѣсколько дней до нашего отъѣзда. Одному едва было двадцать лѣтъ, а другой могъ имѣть около пятидесяти. Я его почелъ опцемъ молодаго человека, но ошибся; ибо онъ былъ его Менпоре. Маркизь С. . . . спраншвовалъ съ своимъ учителемъ. Съ ними не мало было людей: предосторожность весьма полезная, когда идешь дѣло о путешествіи по Азіи, или Африкѣ: по чему и почли мы сію встрѣчу за приращеніе приятности и безопасности.

Знакомство скоро дѣлается между земляками, встрѣпившимися за восемь сотъ миль отъ отечества. Сверхъ того одинъ имѣли мы предметъ, одни склонности: новая причина быть всегда вмѣстѣ!

Маркизь совокупляетъ съ привлекающею наружностію, приятный и острый разумъ, и нравъ сошворенный для общесва. Онъ больше знаетъ, нежели ожидать можно отъ его возраста, и споль скромень, какъ бы ничего еще не зналъ. Видно, что умѣетъ онъ соображаться и времени и обстоятельствомъ. Въ Парижѣ можетъ быть былъ бы онъ, какъ тамъ называютъ, щеголь, пешиметръ: на брегахъ Нила сдѣлался наблюдатель, философъ. Господинъ З. . . его предводителъ, кажеися, человекъ ученой, но великой спорщикъ. Я предвижу, что у докпора съ нимъ будутъ частныя схватки, и напередъ шому радуюсь. Таковыя споры учають, или по крайней мѣрѣ веселятъ слушателей.

Маркизь спраншвовалъ подъ своимъ именемъ. Французской Консуль представилъ его Пашѣ Каирскому, онъ копорого принявъ онъ со всеми доказательствомъ опличности должной его природѣ. Мы воспользовались случаемъ, докпоръ и я, чтобы представиться сему Турецкому начальнику, и павже имѣли нашу часть въ воспочныхъ учивоспяхъ. Онъ намъ далъ провожатыхъ для спраншвованія по Верхнему Египту, то естъ въ верхъ по Нилу до самыхъ пороговъ, о копорыхъ такое множество историковъ и путешествователей говорятъ съ удивленіемъ. Я не медля скажу вамъ, въ чемъ состоятъ сіи мнимые чудеса.

Мы приготовились къ отъѣзду. Паша намъ далъ шесть янычаръ. Къ онимъ прибавили мы еще одного человека, бывшаго не одновратно въ семь пуши съ нѣкопорыми любопытствующими. Онъ совершенно зналъ мѣста, куда мы

сбирались, и былъ сверхъ того въ состояннй служишь намъ полначемъ. Чшо касается до судна, оное легко было найти: ибо мы дали рейссу, или хозяину, кошпору имъ править, все чшо онъ ни попреобовалъ: надежной способъ согласиться скоро, даже и съ Арабомъ!

Первой нашъ опдыхъ былъ въ *Саккарѣ* небольшомъ городѣ, гдѣ торгуютъ *Муміями*. Мѣсто, изъ коего оныя вынимаются естъ равнина, или лучше сказать, плоская каменная гора, около пятнадцати верспъ въ поперешникѣ. На ней находяшся кладбищи, въ кошпорыхъ сии Муміи обыкновенно поставлены на ногахъ въ ящикахъ, сдѣланныхъ изъ *Сикоморы*, или Египетской смоковницы, имѣющей, сказываютъ, свойство никогда не поршиться: но Арабы разламываютъ всѣ помянутые ящики, естли попадутся они имъ въ руки. Намѣренье ихъ не въ помъ состоить, чшобы вынуть изъ нихъ шрупы, но больше они цѣляютъ на золотыхъ идоловъ, коихъ клали въ спарину съ богатыми покойниками.

Въ сихъ же мѣстахъ находшся кладбище еще сего чудища. Называютъ его *Птичій Лабиринтъ*, по тому чшо въ самомъ дѣлѣ составляеть оно лабиринтъ, и въ спарину хоронили въ немъ нѣкопрыхъ птицъ, починаемыхъ опъ Египтянъ священными. Они ихъ балсамировали, какъ шѣла человѣчесіе. Сходящъ въ помянутой лабиринтъ однимъ опверспіемъ; но пошомъ представляются долгія дороги, соединяющіяся одни съ другими, и идущія во всѣ спороны. Оныя наполнены множествомъ пустыхъ въ стѣнѣ мѣспъ съ глиняными горшками, въ коихъ содержанся балсамированныя шщицы.

Нѣкопоря изъ нихъ сохранили всю живость и разноцвѣтность перьевъ; но въ прахъ рассыпаются, естли коснешся до нихъ рукою. Не мало намъ стоило шрудовъ и времени перейти лабиринтъ. Онъ совсемъ высѣченъ въ камнѣ, и шполь обширенъ, чшо можно заблудиться. По сей причинѣ взяли мы съ собою веревочку, какъ учили въ древніе времена Тезей, сходя въ лабиринтъ Крипской.

Недалеко опъ Саккары находяшся *Пирамиды*, шполь же возвышенныя, какъ самыя большія въ Мемфисѣ. Намъ сказали, чшо шрудно ихъ осмотрѣть, ибо всѣ входы занесло пескомъ; въ прочемъ, шрудъ сей былъ бы повпореніе того, чшо уже мы видѣли. Я шю же самое скажу и о пирамидахъ *Дакжурскихъ*, кои увидѣли мы на другой день нашего по Нилу пуши. Та, кошпоя лежитъ наибольше къ полудню, имѣеть прекрасной видъ, хощя и построена изъ кирпича сушенаго на солнцѣ.

Я упомяну здѣсь о деревнѣ *Ешленд-ел-арабѣ*, лежащей на берегу Нила, единшвенно по причинѣ особливаго шпроенія домовъ. У каждаго верхушка кончшся голубяшнею, и сіе самое изъ дали составляеть пріятной для глазъ видъ. Начиная опъ сей деревни до самаго перваго порога, шю естъ, почти на 700 верспъ вездѣ селенія построены шакимъ же образомъ. Въ нѣкопрыхъ округахъ сіе предписано нарочнымъ закономъ. Естли кто вздумаетъ его нарушишь, шопъ не можетъ ни женишься, ни жить домомъ. Вопъ причина закона, кошпорой долженъ вамъ показаться чуднымъ! Каль голубиной естъ единой навозъ для упшченія земли; опъ всякаго другаго живопнаго оной

сберегаются для жженія: ибо изъ его сажи дѣлается *нашатырь*.

Второй нашъ почлегъ былъ въ *Шехабадѣ*, или древней *Арсиноѣ*, столицѣ нижней *Тебиды*, (*Оиванды*). Въ ней видны великолѣпныя развалины, лежащія при подошвѣ горъ и на берегу Нила. Всего больше меня удивили прои великіе ворошы, изъ коихъ одни украшены столпами Коринтскаго ордена. Не примѣчается нищъ тѣхъ уродливыхъ каменевъ, какіе употребляли Египціане въ своихъ строеніяхъ; но камни здѣшніе сущъ посредственной величины, и таковы, какіе находятся во Франціи въ народныхъ зданіяхъ. Что касается до домовъ, оныя кажутся построены изъ кирпичей столь красныхъ, какъ бы сегодня употреблены были въ дѣло. Сей округъ естъ наипряпвѣйшій изъ всего Египта. Онъ самъ собою производитъ масличныя деревья, кои въ Александрии не инаво произрастающъ, какъ оупъ великаго щцанія огородниковъ.

Фаломъ естъ городъ довольно великой и не опдаленной оупъ развалинъ Арсинои. Жители его славящъ и по сю пору искусствомъ гнащъ розовую, или гуляфную воду, дѣлащъ рогожки для горницъ, и другія разныя работы, а особливо коженые мѣхи для ношенія воды. Здѣсь находилса небольшой монастырь Францисканской, коего монахи почитающса лѣкарями, и по сей причинѣ много уважающса. Недалеко опсюда лежищъ деревня *Несль*, извѣстная по безчеловѣчному ремеслу жителей, по естъ, по искусству дѣлащъ евнуховъ.

Проводникъ сказалъ намъ, что въ небольшемъ оупъ оной разстояніи видны ошашни

славнаго *Лабиринта*. Вы конечно читали, что оной построень въ то время, когда Египетъ раздѣленъ былъ на двенадцать Губерній или правленій, и подчинень шопокомущъ числу Царей. Сіе мѣсто заключало въ себѣ двенадцать огромныхъ дворцевъ, въ кои собирались сіи власшители для учрежденія дѣлъ Государственныхъ. Сказывающъ, что въ немъ находилось три тысячи покоевъ; что все зданіе высъчено было изъ камня, и что при строеніи его не было употреблено никакого дерева; что естли чужестранной однажды въ него войдешъ, никогда не можешъ выдти безъ проводника, и что славной Лабиринтъ Крипской, въ сравненіи съ симъ, былъ ничпо. Сверхъ того были въ немъ верхніе и нижніе покои, и въ послѣднихъ положены тѣла Государей, основавшихъ сей дворець. Всего мудренѣе было здѣсь то, что *Крокодилы* пользовались шопою же выгодою послѣ своей смерти, и вопъ какую сему рассказывающъ причину. Одинъ изъ старинныхъ Царей здѣшней земли, за коимъ гнались собственныя его собаки, находился въ опасности быщъ оупъ нихъ расперзанъ. Не видя инаго спасенія, бросилса онъ въ славное озеро Меридово, недалеко опстоящее оупъ Лабиринта, въ которомъ крокодилъ, случившійся къ спати, подставилъ ему спину, и перенесъ на другой берегъ озера. Царь изъ благодарности повелѣлъ воздаватъ ему божескую чешъ. Городу Арсиноѣ, которой погда строилъ, далъ имя *Города Крокодиловъ*, и хотѣлъ конечно, чтобъ сіи живошныя имѣли по смерти пакую же гробницу, какъ и онъ, въ лабиринтѣ. Намъ никакъ не лзя было войши

въ сіе древнее зданіе, долгопою времени разоренное.

Продолжая плыть въ верхъ по Нилу, увидѣли мы *Горы Абуффордскія*, кои весьма высоки, неприслупны, и всѣ каменные. Во многихъ мѣстахъ между сими горами опъзывается эхо столь ясно, что повпоряеиъ слова до самаго послѣдняго слога. Видны также по берегу многія пещеры, служившія убѣжищемъ пущыи-никамъ; но нынѣ оныя служатъ вершенами разбойникамъ.

Я не спану вамъ скучать мѣлочно, но долженъ описать одну деревню, называемую *Шехъ-Гариди*, по имени одного мнимаго Магометанскаго святаго, коего находилъ въ ней гробъ. Арабы увѣряютъ, что по смерти его Богъ, изъ особой милоспи, превратилъ его въ змѣю, которая не должна никогда умереть. Это еще не все! Сія змѣя исцѣляетъ больныхъ, и разпростираетъ попеченіи свои на всѣхъ шѣхъ, кто прибѣгаетъ къ ея помочи, посредствомъ приличныхъ жертвоприношеній. Она умѣетъ различать людей, и обыкновенно предпочитаетъ богачей. Еспьли кто изъ доспапочныхъ занеможетъ, змѣя учливо соглашается на зовъ его; но бываетъ упряма, когда дѣло идетъ о бѣдномъ. Сверхъ торжественнаго обѣщанія наградила ее за труды, надобно къ ней послать въ посольство дѣвицу, но котораябы не однимъ именемъ, а дѣйствительно была непорочна. Говорятъ, что сія змѣя великой знатокъ въ женской добродѣтели, и еспьли цѣломудренность посланницы преперѣла наималѣйшій уронъ, пресмыкающаяся гадина бываетъ неупросима. Ежелижъ напросивъ она

такова, какъ хочется змѣ, то сія бросается къ ней на шею, и засыпаетъ у нее на груди. Въ семъ положеніи переносится она съ великою честію и при народномъ восклицаніи въ домъ легковѣрнаго, но набожнаго больнаго. Арабы увѣряютъ, что изцѣленіе неопмѣнно слѣдуетъ послѣ перваго посѣщенія сего чудеснаго врача. Они прибавляютъ также, что змѣя, хотя бы въ куски была изрублена, попчасть соединится опять, по тому что должна жить вѣчно. Христіане ни мало тому не вѣрятъ, но думаютъ, что сей мнимой святой естъ дѣволъ. Въ чемъ еще больше утверждаются нѣкопорымъ между ими преданіемъ, которое говоритъ, что на семъ самомъ мѣстѣ изгнанъ Ангеломъ *Рафаелемъ* демонъ *Асмодей*.

По многихъ дняхъ плаванія, прибыли мы въ *Луксоръ*, спояцій на мѣстѣ *Тебъ*, (Θивовъ.) Слѣды сего славнаго города занимаютъ около 15 квадрапныхъ верстъ. Они простираются до самаго *Карнака*, которой теперь ни что иное естъ, какъ бѣдная, но окруженная огромными развалинами деревня. Она лежитъ на лѣвомъ берегу Нила, а Луксоръ на правомъ: по чему видно, что сія рѣка проходила чрезъ городъ Тебы.

Сей городъ Египетскій имѣлъ спо ворощъ, и нѣкопорые писатели говорятъ, что въ случаѣ нужды могъ выслать въ каждыя по десяти тысячъ рапниковъ. У господина Роллена находилъ описание великолѣпнаго Дворца, соспавлявшаго въ древніе времена часть сего города. Четыре дороги, кои шерялись изъ вида, и на концахъ коихъ спояли Сфинксы, сдѣланные изъ столь же рѣдкой матеріи, сколь при-

мѣсна была ихъ величина, приводили къ чепыремъ врашамъ уму непоспижимой высоты. Зала, копорая по видимому составляла средину сего неизмѣримаго Дворца, подперта была восьмьюдесятью столпами, каждой въ шесть охватовъ толщины, вышиною по сравненію, а между ими стояли обелиски, коихъ толкіе вѣки не могли разрушить. Живопись изліяла плушь всѣ сокровища своего искусства; и (что не меньше должно удивлять) краски еще не только не поиняли и тогда, когда уже зданіе обвалилось, но и сохранили всю свою живость. Тотъ же самой Историкъ повѣствуетъ, что есть великая вѣроятность, что сіе толкіаго издивенія стоившее зданіе есть храмъ *Мелноновъ*, и что въ немъ по видимому поставлена была статуя сего героя, убитаго *Ахиллессомъ* при осадѣ Трои. Не удивляйтесь, Государыня моя! что я ссылаюсь на Роллена и другихъ писателей. Мы запаслись въ дорогу ихъ сочиненіями. Дабы лучше себя представить нынѣшнее какой либо страны состояніе, надобно ее сравнивать съ тѣмъ, что она была въ древніе времена.

Остатки Тебанскіе, кои видѣли мы сами, не изровергають древнихъ объ ней начертаній. Я былъ изумленъ особливо величественностію одного храма, можетъ быть того самаго, копорой описанъ выше. Одного его довольно для поданія наогромнѣйшихъ мыслей объ Египетской архитектурѣ. Двѣ стороны храма замыкаются стѣнами, другія двѣ ограничиваются рядами столповъ. Числу ихъ надлежало быть по двадцати одному съ каждой стороны, но теперь всѣхъ осталось только тридцать

два. Всѣ они покрыты гіероглифами, изъ наживѣйшихъ красокъ, совершенно и до сего дня цѣль сохранившихъ. Поршникъ или входъ сего великаго зданія есть, что только можетъ вмѣстить воображеніе наивеличаваго. Дворъ кажется былъ также обнесенъ галлереею, коей видны нѣкоторыя остатки. Я не стану говорить о множествѣ столповъ еще стоящихъ: на копорыхъ наложены великіе камни, и изображены гіероглифы: но я увидѣлъ двѣ кучи ошдѣленныхъ, и кои по далекому между собою разстоянію, не могли быть покрыты. Наши ученые спушники заключили, что на семь самомъ мѣстѣ могла быть поставлена испускающая голосъ *Мелнонова статуя*. Она должна была, говорили они, быть не покрыта, и на чистомъ воздухѣ. Сіе положеніе было ей нужно для принятія первыхъ лучей солнца, по его возходѣ. Вамъ извѣстно, что когда была она ими озарена, испускала звукъ согласный и походящій на слова. Ежели это правда, какъ вся древность въ томъ увѣряетъ, нашъ знаменитый *Вокансонъ* * нашель бы доспойнаго себя соперника въ изобрѣшательсей статуи.

Но какъ бы то ни было, близъ сихъ двухъ кучъ столповъ лежиль опломокъ опрокинутаго и въ землю ушедшаго Колосса. Наружъ его споль мало, что не можно судить о истинномъ его образѣ и положеніи. Верхней части не доспаетъ, и видно, что она, паде-

* Славной механикѣ, сдѣлавшей между прочими вещьми куклу играющую на флейтѣ, и утку, копорая ѣла, варила въ себѣ пищу, и испускала калѣ, какъ живая.

ніемъ была отбита. Подножіе ея цѣло, и наполнено гіероглифами, для насъ невразумительными. Что принадлежитъ до Колосса, онъ сдѣланъ, кажется, изъ одного куска чернаго гранита. Думають, что это та самая славная статуя; но дабы могла она испускать звукъ, когда ударяли въ нее солнечные лучи, надобно было непременно ей быть пусшой, а сія кажется вся сплошная.

Я видѣлъ въ семь храмъ три большія фигуры съ изображеніями, коихъ ни кто изъ насъ распознать не могъ. Между ими посажено зеленое дерево: по правую руку сидитъ чело-вѣкъ, и держитъ въ рукѣ оружіе, коимъ, кажется, защищается отъ небольшой круглопродолговатой фигуры, покрытой гіероглифическими знаками. Сію фигуру держитъ передъ нимъ женщина стоящая по лѣвую сторону дерева. Онъ принимаетъ приносимой ею подарокъ. Позади его статуя, съ шапкою жреца на головѣ, протягиваетъ къ нему руку. Учитель Маркизовъ благочестиво заключилъ, что сіи предспавленіи означали паденіе Адама и Евы.

Не долженъ я въ молчаніи оставить двухъ превеликихъ Колоссовъ, находящихся недалеко отъ Мемнонова храма. Одинъ предспавляетъ мужчину, а другой женщину; въ прочемъ размѣръ ихъ равенъ. Каждая изъ сихъ статуй имѣетъ отъ основанія подножія до шема головы около пятидесяти фузовъ. Онѣ сидятъ на каменьяхъ, имѣющихъ въ вышину фузовъ пятнадцать, и столько же почти въ попере-шникѣ. Сіи статуи соспавлены изъ многихъ кусковъ сѣроваго и дресвянаго камня. Грудь

и лядвѣи у нихъ покрыты Греческими и Лаптинскими надписями, а подножіе гіероглифами. Думають, что вырѣзаны онія во свѣдѣтельство того, что голосъ Мемноновъ давалъ себя слышать. Всѣ сіи украшенія лежатъ въ окруженіяхъ Карнака на лѣвомъ берегу Нила: но напрошивъ, есть ихъ еще больше. Взоръ притупляетъ отъ неисчислимаго множества перистиловъ, вороствъ и другихъ зданій, представляющихся въ доль береговъ Нила, и въ великомъ кругу на землѣ.

Отъ Луксора до перваго порога находится нѣсколько городовъ довольно обширныхъ, но коихъ древніе имена славнѣе нынѣшнихъ. Таковъ на примѣръ между прочими *Сваенъ*, въ старину *Сіенною* называемой. Мы были на лежащемъ близъ его небольшомъ островѣ, копорой у древнихъ слылъ Слоновымъ. Стѣна сего зданія соспавляетъ родъ монастырской ограды, поддерживаемой столпами. Въ четырехъ углахъ находятся столпы стѣны, и во всемъ своемъ пространствѣ зданіе имѣетъ только одинъ столпъ, поспавленный по срединѣ. Въ нутри длиною оно въ восемьдесятъ фузовъ, шириною въ двадцать; имя носитъ *храма змея Кнуфиса*.

Я не упоминаю о развалинахъ *Сіенны*, кои великолѣпны, ни о многихъ другихъ, оставляя ихъ въ молчаніи; но обѣщавъ подробнѣе описать Нилковы пороги. Мы до нихъ добрались съ великимъ трудомъ и опасностію. Не одинъ разъ до того доходило, что должно было вооружиться, но дѣйствительнаго сраженія мы однако не имѣли, и признаюсь, что предметъ самъ собою не весьмаъ того спойлъ. Вся чу-

десность пороговъ состоишь въ двухъ граничныхъ горахъ, пресѣкающихъ. Ниль въ двухъ мѣстахъ, по коимъ вода течь принуждена. Паденіе перваго порога около трехъ фузовъ вышины, втораго нѣсколько ниже. Древніе повѣствуютъ, что падающая вода производила столь ужасной шумъ, что окрестные жители были опъ того глухи. Сіе кажется мнѣ съ лишкомъ увеличено.

Немного повыше большаго порога, виденъ островъ *Гезирет-елл-зействъ*, то есть *Филы* древнихъ. Между множествомъ древностей опшляется храмъ Изидинъ, наивеликолѣпнѣйшій монументъ, онъ почти весь цѣль. Виденъ также и другой, хотя и не столь великой, но не меньше достойной примѣчанія. Наши ученые спутники увѣряли насъ,* что оной былъ храмъ Ястреба.

Мы пробывли нѣсколько дней въ *Денуѣ*, или *Дери*, городѣ Нубійскомъ, лежащемъ верстахъ въ тысячѣ опъ Каира, между первымъ и вторымъ порогомъ. Жили въ сихъ мѣстахъ спановились очень дорого, и жили чрезвычайно проѣзжихъ обирають. Вся сія область Египта освободилась опъ власти Турецкой; да въ прочемъ шупъ и Турки не совѣспнѣ Арабовъ.

Наконецъ, малолюдное наше общество сдѣлало новые учрежденія для возвращенія въ великой Каиръ. По дорогѣ учинили мы нѣкоторыя наблюденія, опущенныя пуда ѣхавши. Осмотрѣли между прочимъ, славной *монастырь святаго Антонія*, перваго основателя холостой жизни. Въ монастырь не иначе входяшь, какъ лазя чрезъ ограду, то есть, поднимаясь съ помощію веревки: и вопъ какимъ образомъ сіе

дѣлается: Изъ опверстія одной весьма возвышенной башенки виситъ конецъ веревки до самой земли, а другой продеть свозъ бловъ, привязанный въ нупри ограды къ большому колесу. Въ оное спановились нѣсколько монаховъ для оборачиванія, и по мѣрь ихъ движенія веревка поднимается въ верхъ съ привязаннымъ гостемъ. Мы всѣ такъ были пуда подняты, одинъ послѣ другаго. Монахи принуждены принимать сію предосторожность, дабы избавиться опъ нападенія Арабовъ. Ограда монастыря, можетъ имѣть около пяти сотъ шаговъ въ окружности, и заключаешь въ себѣ и строенія и сады. Келей цѣлыхъ будетъ около сорока, прочія развалились. Сказываютъ, что во время святаго Антонія, было ихъ шриста, и во всѣхъ жили монахи.

Между Ниломъ и Чернымъ моремъ видна гряда горъ опъ самой Нубіи до Каира. Спорона опъ рѣки столь врупна и гладна, что можно ее почестъ за стѣну сдѣланную челоувѣческими руками. Въ ней есть одинъ только проходъ, но и шопъ состоишь изъ нѣсколькихъ узвухъ и безпкойныхъ пропировъ. Въ сихъ горахъ нахаживали прежде пѣ славные *Изулруды*, кои почисались за наилучшіе въ свѣпъ, и были крѣпче другихъ. Теперь не знаютъ совсемъ шого мѣста, и сказка выдуманная здѣсь по сему случаю, показалась мнѣ довольно чудна.

Сія мина была во власти одного Емира, коего небольшое владѣніе лежало въ здѣшнихъ горахъ. Емиръ имѣлъ также жену наипрекраснѣйшую изо всего края. Одного изъ сихъ двухъ предметовъ довольно бы было для возбужденія

жадноспи въ Туркѣ: но Паша Каирской вздумалъ захватить себя и по и другое. Онъ очернилъ Емира при Поршѣ, и выступилъ противъ него со всѣми войсками, кои Султанъ содержалъ въ Египтѣ. Емиръ защищался; но видя приближеніе конца своего, вознамѣрился погребсти съ собою и шайну мины, причиняющей оны часпи его бѣдспвіе. Она извѣстна была весьма малому числу людей: онъ всѣхъ уговорилъ предать себя смерти; что и самымъ дѣломъ было исполнено. Женщина пражне не хотѣла отстать отъ прочихъ, и отправила себя ядомъ, а Емиръ погибъ съ оружіемъ въ рукахъ, и не прежде, какъ предать смерти своего гонителя.

Мнѣ, кажешся, Государыня моя! что время и для васъ и для меня возвратиться въ Каиръ. Я пробхалъ въ семь писемъ гораздо больше двухъ тысячъ верстъ, считая разные наши путешесствіи по берегамъ Нила: но еще не все сказалъ, ибо много надобно было описывать; однакожь упомянушаго мною довольно для поданія вамъ нѣкоторыхъ понятій о томъ, что былъ въ старину Египетъ, и что онъ нынѣ. Я поставляю до претьяго писма все касающееся до его правленія, произрастеній, нравовъ жителей, обычаевъ и пр. Все сіе заслуживаетъ конечно не меньше вниманія, какъ разваленные дворцы, и изломанные испуканы, о коихъ я говорилъ, какъ по вамъ безъ сумнѣнія покажешся, съ лишкомъ проспранно: но можно ли говорить объ Египтѣ и не привестъ всего на память?

И мѣю честь и пр.

ПИСЬМО VII.

Конецъ Египта.

Египтяне имѣли поже самолюбіе, какъ Кишайцы и многіе другіе народы, по поводу древности ихъ Монархій. Они выводили начало ея отъ ста тысячъ лѣтъ. Сего безъ сумнѣнія много: но справедливымъ кажешся, что изъ всѣхъ странъ Египетъ просвѣтился прежде всѣхъ, первой имѣлъ форму правленія порядочнаго и политическаго, первой наконецъ былъ, гдѣ правленіе Монархическое получило свое начало. *Сынъ древнихъ Царей* было имя, которое давалось Царямъ Египетскимъ; но царствованіи большой части сихъ Государей покрыты для насъ непроницаемымъ мракомъ. Равно какъ никакое на землѣ поколѣніе не знаетъ своего перваго прародителя, никакой народъ не можетъ вѣдать своего перваго начала. *Менесъ* почитаетъ за надревнѣйшаго изъ Египетскихъ Государей. Онъ былъ законодатель, и оставилъ, говорятъ, законы свои письменные: можетъ быть сіи законы споль же долго сохранялись, какъ и основанная имъ Монархія.

Нѣтъ ничего постояннѣе Египтянъ въ формѣ ихъ правленія, законовъ, и обычаевъ: но сіе не значилъ однако, что ни одинъ послѣ Менеса законодатель не распроспранилъ и не привелъ въ совершенство поставленныхъ имъ законовъ. Учрежденіе богопочтенія введено съ самыхъ древнихъ временъ въ сей странѣ, и власпъ священнослужителей весьма проспранна. Они соспавляли первую степенъ въ Государствѣ,

были привязаны къ особѣ Государя, помогали ему своими совѣсами, имѣли надзираніе надъ дѣланіемъ денегъ, надъ вѣсами, мѣрами, и что всего больше, опредѣлялись начальниками къ сбору подашей. Богачествы ихъ были чрезмѣрны, и *Моисей* повѣспвуетъ, что они получали все отъ щедрости своихъ Государей. *Изисъ* (*Изида*) сестра и вдова *Озиридова*, дала имъ почти преть Египта въ наслѣдственное владѣніе. *Изисъ* за то награждена была почтеніемъ, кое къ ней жрецы внушили въ народъ, даже по ея смерти. Примѣръ ея во всемъ учинился закономъ. Она вышла замужъ за своего брата: всѣмъ Египтянамъ позволено было въ помъ ей подражать. Народы въ послѣдующіе времена оказывали гораздо больше повиновенія Царицамъ, нежели Царямъ; да и между простолюдимами мужчины при женидбѣ обѣщались во всемъ быть послушны своимъ женамъ. Сверхъ того законы, касающіеся до браковъ, были весьма древни. Ихъ приписываютъ Менесу. Многоженство не было нѣгда позволено, и прелюбодѣяніе наказывалось строго. Сіе наказаніе состояло въ томъ, что мужчинѣ давали тысячу ударовъ розгами, а женщинѣ опрѣзывали носъ.

Я не знаю, любили ли Египтяне пляббы; но по извѣстному, что малаго иждивенія стоило у нихъ плягаться. Царь давалъ содержаніе судьямъ, и спряччихъ головой не было. Египеть раздѣленъ былъ на чешыре степені: на жрецовъ, на воиновъ, на земледѣлащелей и на мастеровыхъ. По сей самой причинѣ, земли въ каждой провинціи были раздѣлены такъ же на чешыре равныя части, присвоенныя чешыремъ равнымъ состояніямъ, коими различались между

собою жителіи. Законы о казняхъ, то есть, законы на преступниковъ, были весьма строги. Самовольное убивство наказывалось смертію. Та же самая казнь опредѣлялась и тому, кто бывъ въ состояніи спасти челоука, некого хошѣли убить, его не спасъ. Принимались такожь и другія предосторожности для безопасности гражданъ и чужестранцовъ. Когда кто изъ первыхъ, или изъ послѣднихъ, погибалъ или чрезъ убивство, или другимъ какимъ случаемъ, наиблизайшій городъ отъ того мѣста, гдѣ найдено тѣло, былъ обязанъ учинить ему великолѣпныя похороны. Но что всего больше отличало древнихъ Египтямъ отъ прочихъ народовъ, есть ихъ обыкновение судить своихъ Царей по смерти. Когда Государь управлялъ несправедливо, лишали его погребенія: ужасное наказаніе въ такомъ народѣ, кошорой не иначе вѣрилъ безсмертію души, какъ, когда тѣло сохранено было въ цѣлости, и въ состояніи принять въ себя въ другой разъ душу! Отсюда произошло обыкновение бальсмировать мертвыхъ, и погребать ихъ въ мѣстахъ сокровенныхъ; отсюда произошло обыкновение строить пирамиды. Я уже сказалъ, что онѣ не что иное были, какъ гробницы, равно могущія сопротивляться и усиленіямъ времени, и предпріятіямъ смертныхъ. Онѣ всѣ почти по сию пору цѣлы, и большая изъ нихъ часть не были открыты.

Обычаи древнихъ жителей Египта имѣли нѣчто чуднаго, а иногда и противорѣчущаго. На примѣръ: въ нѣкоторыхъ провинціяхъ не смѣли убивать овецъ и ѣли козъ: въ другихъ почивали козъ, и ѣли овецъ. Арсиное обо-

жала крокодила, Гераклеополь *Ихневмона* (родъ выдры) перваго неприишеля сему звѣрю. Во всей странѣ свиньи почитались за живописное нечисное, но приносили однако ихъ на жертву Бахусу и Лунѣ, и тогда позволялось ѣсть ихъ мясо, и то только въ день закланія. Наконецъ Египтянинъ не смѣлъ ни ѣсть вмѣстѣ съ чужестранцомъ, ни употреблять вещи ему принадлежавшей; но не чинилъ онъ ни малѣйшей прудности ѣсть съ живописными. Пирѣ ихъ окончивались чуднымъ обрядомъ. Одинъ человекъ приносилъ въ покой гробъ, въ коемъ лежала деревянная фигура представляющая пруть длиною футовъ въ три. Онъ показывалъ ея каждому гостю, и говорилъ; „пей и веселись, ибо вопль „каковъ ты будешь послѣ твоей смерти.“ Не одинъ спихонворецъ спарался исполковать сію мысль, и не одинъ проповѣдникъ усиливался ее изпровергать.

Одежда Египтянъ была весьма проста. Мужская состояла въ льняномъ полукафтанѣ, опороченномъ бахромою, проспирающеюся до самыхъ коленъ. Сверхъ оной носили они родъ епанчи шерстяной бѣлой. Все, что ни имѣли на тѣлѣ, было мышо, сколь скоро они употребили. Женщины любили чрезмѣрно камень, дорогія парчи и благовонія. Содержаніе Царицы стоило весьма дорого. Имъ отданы были, на одни только благовонія и одежду, доходы рыболовца съ Меридова озера; что составляло на день около тысячи талеровъ. (шести сотъ рублей.) Египтянки имѣли великую власнь надъ разумомъ своихъ мужей: поверхносность, коею больше обязаны онъ были своимъ прелестямъ, нежели благоприспособности въ поведеніи. Муж-

чины были спихонправны и вѣжливы, но почитались, какъ и теперь, падкими къ прибыли и ненадежными въ торговлѣ. Утѣхи ихъ состояли въ пирахъ, въ церковныхъ обрядахъ, и особливо въ ходахъ. Праздникъ *Дианны* отправлялся въ *Бубастѣ*. Мужчины и женщины садились для переѣзда на одно судно. Первые играли на флейсахъ, послѣднія въ щелкушки. Онѣ часто оспанавливали судно, кликали на бережныхъ жищелей, ругали ихъ, говорили всякія скверносности, и чинили множество непристойностей. По прибытіи въ *Бубастѣ* предавались излишествамъ другаго рода, больше достойнымъ Венеры, нежели цѣломудренной *Дианы*.

Египецъ покоренный съ начала четьрми или пятыю завоевателями Азіи, попомъ *Александромъ Великимъ*, послѣ него *Римлянами*, достался наконецъ Воспочнымъ Императорамъ. У сихъ опнишь былъ наслѣдниками Магомета, переходилъ въ другія руки, и былъ снова покоренъ *Селмомъ I*. Императоромъ Турецкимъ, шѣмъ самымъ, копорой имѣлъ безчеловѣчіе похитить *Толумлая*, послѣдняго Судана. Съ сего времени Египецъ не перемѣнялъ уже повелителей. Онъ управляется Пашею, имѣющимъ пребываніе въ великомъ Каирѣ, и распоряжающимъ двадцатью четьрми *Бейами*, или Губернаторами, кои сами весьма сильны. Губернапоръ *Гиржи*, столицы Верхняго Египца, содержитъ обыкновенно тридцать тысячъ конницы, и имѣетъ великіе сокровища. Рѣдко однакожь случается, чтобъ сіи Бей, столь могущіе, не были прежде проспыми невольниками у своихъ предшествователей. Достоинство сіе не есть наслѣдственное. Опредѣляютъ ихъ

Паша. Быть сыномъ Бея, есть всегдашняя причина къ незаслупленію опцова мѣста. Когда копорой изъ Губернапоровъ не полюбишься правительству, пошчасъ общаюшъ шайно мѣсто его шому, кто возьметъ на себя шрудъ сбывъ его съ рукъ; но обыкновенно прибѣгаюшъ для исполненія сего къ его приближеннымъ, и всегда вѣрно сдерживаюшъ данное имъ слово; по чему и не шрудно бываетъ ихъ къ шому склонить. Но вопъ примѣръ заслуживающій бытъ упомянушъ; ибо доказываетъ, что доброе сердце начальника дѣйсшвуетъ иногда надъ душами его окружающихъ.

Назначена была цѣна головѣ нѣкопорого Бея Гиржи; но онъ въ шакую любовь пришелъ у своихъ подданныхъ, что они гошповы были защищашъ его и прошивъ Султана. Бей споль на сіе полагаешъ, что часшо посѣщашъ и самаго Пашу Каирскаго. Правда, что число шѣлохранишелей его было весьма велико, и что шаковая довѣренность имѣла больше видъ ругашельства надъ Пашею: но умеръ онъ своею смершю и въ самомъ прешарѣломъ вѣкѣ.

Войско земское, или *Миліція*, раздѣлена на многіе классы. Наиопличнѣйшій изъ оныхъ есть Янычарской. *Селиль*, ушановившій сіе войско, не почель за благо держашъ въ Египтѣ морскую силу. Не было шамъ ни морскихъ солдатъ, ни военныхъ кораблей. Въ каждомъ городѣ, хощя нѣсколько опмѣнномъ, находилъ Кади, кошорой судилъ расправы. Сверхъ шого въ Каирѣ есть полиціейшперъ, называемой *Гуал*. Власть его прешираешъ на рынки, народныя вѣсы, мѣры. Онъ имѣетъ право пошчасъ наказывашъ провинившихся въ прешу-

пленіи противъ предписанія объ оныхъ. Часшо ѣздилъ по городу, даже и ночью, и всегда при себѣ имѣетъ пятьдесять исполнишелей своихъ повелѣній. Сіе нѣсколько походилъ на наши дозоры.

Что касается до вѣры, въ запрудненіи производящіе по причинѣ оной, рѣшатъ муфшiemъ, и училешами закона. Они судяшъ: всѣ духовныя дѣла; имѣюшъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, участіе въ свѣтскомъ правленіи: мѣшаюшъ, какъ и вездѣ, въ случающіеся заговоры или буншы; приспаюшъ къ шой споронѣ, кошорая сильнѣе, и покидаюшъ ее, сколь скоро она перешетъ поверхность надъ соперниками.

Я долженъ упомянушъ объ Арабахъ, или *Аравлянахъ*, населяющихъ часши Верхняго Египта. Князья ихъ оспались во владѣннн самодержавномъ своей земли опъ самаго завоеванія Селимова. Нѣкошорые между ими даюшъ дань Султану: но сія подашъ плашится шолько одинъ разъ. Когда умираешъ опецъ, наслѣдующій по немъ сынъ долженъ заплашить нѣкошорое число денегъ Пашѣ: сіе называется купишъ земли умершаго опца. Арабы въ округѣ Каира совсемъ покорены Туркамъ. Каждое колѣно имѣетъ своего начальника, и живешъ въ палаткахъ. Ежели захочешъ имъ перейти въ другое мѣсто (что не дѣлаетъ почши, какъ съ намѣреніемъ и шамо прожишъ шолько одинъ годъ); они получаюшъ вольность пахашъ въ продолженн сего времени, нѣкошорую часть земли, кошорая имъ для шого назначается: опшуда переходяшъ въ другой округъ, и пошъ также вскорѣ оспавляюшъ.

Сверхъ Египтянъ, собшвенно такъ называемыхъ, Арабовъ и Турковъ, живутъ въ Египтѣ также Христиане и Жиды: но Жиды для опличенія должны носитьъ голубую чалму и фиолетовой кафшанъ: сей народъ не больше шамъ воленъ, какъ и во Франціи.

Нынѣшніе Египтяне почти во всемъ разспвуютъ ошъ первыхъ своихъ предковъ. Они были прудолубивы, проворны, щцашельны, просвѣщенны, выдумывали и въ дѣйсвіе производили наивеличайшіе предпріятіи. Нынѣшніе же наслѣдовали ошъ нихъ одно только суевѣріе и мошеничество. Ншъ ничего легковѣрнѣ сего народа. Онъ вѣришъ шалисманамъ, колдовшву, и всѣмъ глупосшямъ извѣсшнымъ подъ именемъ чернокнижія. Ежели похвалишъ ребенка при его опщѣ, и позабудешъ его благословишъ; отецъ начинаешъ шощчасъ подозрѣвать въ какомъ нибудь зломъ намѣреніи, и дабы воспрепятшвовашъ дѣйсвію чарованія, прибѣгаешъ немедленно къ суевѣрнымъ обрядамъ, какъ на примѣръ: бросаешъ соль на огонь, *и пр.* Въ Европу къ намъ по большой части изъ Египта приходяшъ шѣ штранспвующіе звѣздочепы, кои, дабы съ голоду не умерешъ, обманывають чернѣ; а предслѣдователи ихъ обманывали и заснавлиали дрожашъ многихъ Королей и ихъ Министровъ.

Одѣяніе Египтянъ почти не перемѣнилось. Оно, что касается до покроя, таково же, каково было еще во время Сезостриса. Сосшопшъ изъ полукафшанья, или больше изъ рода рубашки съ широкими рукавами, подшюсанной на брюхѣ, и дѣлаешъ обыкновенно изъ синяго сукна. Прощой народъ сверхъ онаго носитъ

кафшанъ изъ шершпяной матеріи темнаго цвѣша. Доспапочные и опмѣнные люди имѣютъ долую рясу изъ сукна шого же цвѣша, что и полукафшанье: но церемоніальное платьѣе есть бѣлая рубашка, довольно похожая на верхнюю одежду Каполицкихъ поповъ въ служеніи.

Женская одежда мало разспвуетъ съ мужскою, выключая что она короче, и что нижняя бываетъ шелковая; рукава у нихъ долгіе и висячіе: рубашка флеровая до пашъ; волосы подобраны подъ колпачекъ бѣлой шершпяной, а сверхъ обвивають ошъ его шипымъ плапномъ. За великую неприспойность почипаешъ въ женщинѣ, еспли она покажетъ все свое лице: надобно, чтоошъ по крайней мѣрѣ закрышъ бѣлы у нее ротъ, и хопя одинъ глазъ; словомъ, чтоошъ она была смѣшна, дабы казашъся чещпною. Сіе мнѣніе господшвовало во всѣ времена, и послѣдуемо во многихъ мѣспвахъ.

Что касается до женщинъ, опредѣлившихъ себя на угожденіе всему народу (коихъ здѣсь великое множество); ошъ ходяшъ съ опкрытымъ лицомъ, и носяшъ въ носу кольца, на коихъ привѣшенъ бисеръ. Сіе имъ служишъ вмѣсто убраншва, копорымъ въ прочемъ ошъ и ошъ другихъ опличаються: а больше всего узнашъ ихъ можно по шому, что имѣютъ обычай, идучи по улицѣ, пѣшъ, плясать, и иногда играшъ на нѣкопрыхъ инструментвахъ. Чашто садяшъ по большимъ дорогамъ. Сіе обыкновеніе должно бышъ весьма старо во многихъ земляхъ. Вы чипали въ Священномъ Писаніи, что Валаръ*, желая житъ съ своимъ свекромъ

* Бышя гл. 38. ст. 15.

Тудою, предъусъла въ семь намѣреніи, ожидая, его на большой дорогѣ, подѣ наружностію прелюбодѣйницы: но кажется, что тогда женщины сего рода закрывали также лице: инаково ошибка Тудина была бы весьма добровольная.

Женщины, я разумю шѣхъ, кои сами себя умѣютъ почищать, малою здѣсь пользующися вольностію. Онѣ имѣютъ однако позволеніе ходити въ гости одна къ другой, и шаковые посѣщеніи иногда продолжаются чрезъ цѣлой день. Наивеличайшее тогда для нихъ удовольствіе состоятъ въ томъ, чтобы переѣхавъ плащѣ, и убраться различными образами. Наибольшей знакъ почтенія или пріязни, которой хозяйка учинитъ можетъ гостѣ, естъ томъ, чтобы надѣвать передъ нею множество плащя. дабы показавъ шѣмъ больше различія въ уборахъ.

Египтянки имѣютъ свои особыя бани и въ оныхъ собираются могутъ въ опредѣленные часы. Иногда сіи бани служатъ имъ къ обманыванію своихъ надзирапелей. Входящъ онѣ въ нихъ въ обыкновенномъ своемъ плащѣ, а вонъ выходящъ уже въ другомъ, которое шайно велятъ шуда принести, и вновь возвращающіяся въ бани, не бывъ познаны. Онѣ равно могутъ, во время народныхъ увеселеній, выходить изъ домовъ, и бывающъ гдѣ похощающъ, хотябы по было днемъ, хотя ночью. Умѣютъ также, не говоря и не писавъ ни слова, назначитъ сходбище, и сдѣлавъ объявленіе любви не хуже Французенокъ, пользующихся всею возможною вольностію. Кладутъ въ плащокъ соль, хлѣбъ, пшено, кусокъ дерева, соломѣ, и пр. но каждую вещь порознь: образъ завязы-

ванія плащка, и каждая изъ положенныхъ вещей имѣетъ свое особое знаменованіе. Для любовника служивъ оно весьма яснымъ и пріятнымъ языкомъ. Я самъ испыталъ нѣсколько шаковыхъ призываній. Сперва ничего я не разумѣлъ, но послѣ научился сей шайнѣ: однакожъ чужеспранной всегда долженъ прищворяться, что ничего не понимаетъ. Въ прочемъ, дѣвки здѣсь гораздо скромнѣе, нежели замужнія, да можетъ бытъ нѣтъ ихъ скромнѣе и во всемъ свѣшѣ. Правда, что и причины тому важны: ибо, ежели оставящъ спези цѣломудрія, по жениха не найдутъ; а можетъ бытъ и жизни лишатся, когда въ день свадьбы будутъ не въ состояніи доказавъ доброе свое поведеніе.

Въ Египтѣ нѣтъ крытыхъ колясокъ, или возковъ. Знашныя женщины ѣздитъ въ дорогу и прогуливаются верхомъ. За ними слѣдуетъ множество дѣвокъ невольницъ на ослахъ; а въ Каирѣ всѣ вообще женщины, и знашныя и подлыя, только могутъ ѣздитъ на одномъ семь живошномъ. Древнее пророчество говоритъ: что сей городъ будетъ нѣкогда взятъ женщиною, ѣдущею на лошади; и для сей причины запрещено всему полу употреблять оныхъ: дѣпская предоспорожностъ, доказывающая, что и Турки не меньше Египтянъ суевѣрны. Послѣдніе чрезмѣрно завистливы и лукавы, недовѣрчивы къ своимъ соотчичамъ, равно какъ и къ чужеспраннымъ. Начальниковъ своихъ чрезвычайно почищаютъ. У нихъ сынъ передъ опцемъ сѣсть не смѣетъ, а особливо при людяхъ, прежде нежели о томъ многократно не будетъ прошенъ. Въ семь обыкновеніи разспиваютъ съ Египтянами больше всѣхъ

Французы. Другая добродѣшель и почпи одна, копорую Египтяне исполняютъ, естъ госпепрїимство: но и въ помъ обязаны они Арабамъ, кои сами не знаютъ никакой другой добродѣтели. Но я буду имѣть случай говорить вамъ обстоятельнѣе о семъ народѣ.

Турки имѣютъ въ Египтѣ *Дервишей* (монаховъ) разныхъ родовъ. Одни изъ нихъ живутъ въ сообществѣ, или монаспырями, и препровождаютъ жизнь спругую и уединенную. Другіе, принимая на себя имя Дервиша, остаются въ своихъ семьяхъ, и опсправляютъ рукодѣліи своихъ опцовъ; похоже на пѣхъ Французовъ, кои причислены и усыновлены опъ какого нибудь ордена монаховъ. Третьяго рода Дервиши спранспвуютъ по землѣ. Сїи просятъ, или больше, пребуютъ себѣ милоспїины: и какъ скоро запрубятъ въ ротъ, тогда уже не позволяется опказать имъ въ подаванїи. Каполицкіе монахи, живущіе подаванїемъ, не споль нагло упошребляютъ сей повелительной способъ: они прибѣгаютъ къ пакимъ увѣщанїямъ, кои обыкновенно производятъ желаемой ими успѣхъ.

Наконецъ, Государыня моя! Турки въ Египтѣ имѣютъ особое почпенїе къ *безумнымъ* и проспякамъ или блажнымъ, и почипаютъ ихъ за свяпыхъ. Я видалъ ихъ нагихъ прохаживающихся по улицамъ, или сидящихъ при дверяхъ мечетей; и что не меньше удивительно, видѣлъ я пакже, что женщины цѣловали у нихъ изъ набожности не спольво руки, но и пакіе мѣста, коихъ не позволяешь называть благопрїистойноспъ.

Жидаы имѣютъ многія синагоги въ Египтѣ, а особливо въ Каирѣ. Въ семъ одномъ городѣ счишаютъ ихъ до придцати семи, и между прочими одну, копорая спопитъ, спазываютъ, уже спысачу спесъ сптъ лѣтъ. Въ ней хранятся два древніе манускрипта законовъ, и одинъ Священнаго Писанїа. Жидаы думаютъ, что послѣдній написанъ рукою *Ездры*, копорой не смѣя изъ почпениа начерпашъ имя Бога, оставилъ пуспые мѣспа, и на другой день нашелъ, что имя Божїе было въ нихъ вписано невидимою рукою. Сей манускриптъ сохраняется въ шкафѣ, задернутомъ завѣсою, и поставленномъ въ десяти фупахъ вышины опъ земли. Великое множеспво лампадъ передъ нимъ горитъ беспреспанно, и сполько же спрого запрещено касаться до сего шкафа, споль было заказано наложитъ руку на ковчегъ Завѣпа. Что касается до обычаевъ *Жидовъ* здѣшнихъ, оци почпи паковыжъ, какъ и вездѣ.

Есть два рода Хрїспїанъ въ Египтѣ, *Греки* и *Копты*, но послѣдніе и многочисленнѣе и сильнѣе. Я уже спазалъ вамъ, что *Свяпый Маркъ* почипается первымъ Епископомъ Александрїйскимъ. Наспавленные имъ на пупъ испинны послѣдователи его переселились въ *Коптусъ* и въ сосѣдніе оному мѣспа. Думаютъ, что опшуда они и имя Копповъ получили. Они имѣютъ Папріарха живущаго въ Александрїи, гдѣ пребываетъ пакже и Греческїй. Хотя и Греки и Коппы разспвуютъ съ Римскою Церковїю, но не больше они согласны и между собою. Что касается до ихъ обрядовъ, оные почпи одинаковы. Думаютъ, что языкъ Копповъ есть весьма испорченной древней Еги-

пепской. Служба ихъ писана на семь языкъ, и только нѣкоторые изъ ихъ священниковъ въ соспоянїи оную располовають, а большая часть и читають ее не умѣють. Они выучають предолгїя свои службы наизустъ по частной наслышнѣ. Евангелїе и Апостоль читаются у нихъ на Коптскомъ и Арабскомъ языкахъ. Въ большіе праздники читаются у нихъ также поученїя на кафедрѣ; а всякой годъ Папїархъ дѣлають одинъ разъ небольшое увѣщанїе. Что принадлежитъ до поговѣ; невѣжесїво, въ коемъ они погружены, избавляють ихъ опъ проповѣдыванїя слова Божїя.

Хотя Александрійская Церковь раздѣлялась съ Римскою, но соглашались съ нею въ главныхъ частяхъ вѣры; принимаютъ тѣ же таїнствы и въ помя же числѣ, какъ Капоники: признають первенство Папы и пр. Но между нѣмъ имѣють обряды ей особенно свойственные, основывая оныя на причинахъ взятыхъ или изъ Ветхаго Завета, или изъ Евангелїя, или изъ Преданїя, которое научають ихъ, что и святой Маркъ поступалъ такимъ же образомъ. Крестятся они однимъ пальцемъ, снимають башмаки входя въ церковь, звоняють въ деревянные колокола. (могутъ бысть сочинитель хотѣль сказать чрезъ сіе, что вмѣсто звона бьютъ въ доску, какъ по чинился въ Греціи.) Между помями, кои у нихъ въ великомъ числѣ, называемой ими *Ираклигѣлостъ*, установленъ чуднымъ образомъ. Дабы склонить сего Императора, копорой обѣщаль оборону и безопасность Палестинскимъ Жидамъ, не сдержавъ своего слова, по тому что помянушые Жиды соединились съ Персіянами

для преданїя смерти Христїанъ, они обязались за себя и за все свое попомощво, постышсь за него цѣлую недѣлю въ году до самаго преспавленїя свѣта. Императоръ приняль ихъ предложенїе, и велѣль изпрещить всѣхъ Жидовъ Палестинскихъ. Сей мудреной постъ наблюдаются между ими и понынѣ.

Александрійскїе Христїане сохранили употребленїе обрѣзанїя для однихъ дѣвиць, а *Чаша подозрѣнїя* для женщинъ больше у нихъ не въ обычаѣ. Мужья подозрѣвающїе женъ въ блуддѣнїи, принуждали ихъ пить воду наспоянную горячею сѣрою, въ которую клали также пыль и масло изъ лампы церковной. Они думали, что ежели жена виновна, то пошерпншь ужасной боль во внутренностяхъ, и что по тому опкроешся правда. Сей обычай можетъ бысть подалъ поводъ къ сочиненїю комедїи *Очарованная чаша*.

Обыкновенїе крестить въ одну только великую пипницу, также уничтожено въ сей церквѣ, съ того времени, какъ одинъ младенецъ, котораго мать несла въ Александрію, занемогши на дорогѣ, окрещень былъ молокомъ и кровїю сей женщины, опасующейся, чтобъ не умеръ неокрещенной. Нынѣ крестяють они во всякое время.

Мало есть Христїанъ, которыебъ меньше оказывали почтенїя къ церквямъ, и которые бы долѣ въ нихъ пребывали, какъ Египетскїе: ибо препровождають въ нихъ цѣлыя ночи передъ большими праздниками, а день въ опдохновенїи и веселїяхъ. Христїанамъ Греческаго исповѣданїя они смертельные непрїатели, да и съ Европейскими не лучше поступають.

Ежели соборуютъ масломъ больного Копша, попь помазуютъ при семь случаѣ и всѣхъ предсшоящихъ, дабы въ нихъ не вселился злой духъ. Воздерживаются, какъ Жиды ошъ крови и живопныхъ задушеньхъ. Исповѣдъ у нихъ всеобщая, какъ была въ первоначальной Церквѣ. Имѣютъ обыкновеніе дѣлать себѣ порошокъ на рукахъ кресты, и когда у кого изъ нихъ спросишь, Христіанинъ ли онъ? то и показываетъ сей крестъ, копорой въ самомъ дѣлѣ естъ единое у нихъ шому доказательство. Они увѣрены, что душа идетъ на небо послѣ сорока дней; но молятся однакожь за умершихъ и по прошествіи сего времени. Не имѣютъ рѣзныхъ образовъ, кромѣ Респітія; но предъ писанными молятся въ землю. Крестятъ, подтверждаютъ, * и приобщаютъ дѣшею, спуская сорокъ дней по рожденіи, ешлы мальчикъ, а двадцать чепыре, ежели дѣвочка. Причащеніе соспоишь въ томъ, что попь омочивъ конецъ своего пальца въ сосудъ налишой освященнымъ виномъ, кладетъ оной робенку въ ротъ. Женятъ дѣшею семи и осми дѣшею; но новобрачные начинаютъ жить вмѣстѣ, когда минетъ имъ двенадцать. Обрѣзаніе въ употребленіи у сихъ Христіанъ, равно какъ у Турковъ и у Жидовъ.

Воскресные и постные дни наблюдаются съ великимъ раченіемъ. Въ послѣдніе они не ядятъ ни яиць, ни молока, ни коровьяго и

* Подтвержденіе естъ обрядъ церковной у Римлянъ, и одно изъ семи ихъ таинствъ, чинимое дѣшамъ ошъ Епископовъ, наложеніемъ руки на голову.

ниже деревянаго масла. Въ великую пяпницу воздерживаются ошъ всякой пищи цѣлые двадцать пять часовъ.

Дабы получить позволеніе ѣсть яиць въ постѣ, поднимаютъ на воздухъ Папріарха въ креслахъ, и просятъ его объ ономъ. Съ начала онъ отказываетъ; тогда спрашиваютъ у него, хочетъ ли онъ, чтобъ его бросили на землю? Сей вопросъ повпоряется при и чепыре раза. Наконецъ, Папріархъ даетъ позволеніе, какъ бы бояся, чтобъ не произвели они въ дѣйствіе своихъ угрозъ.

Копшы получаютъ скорѣ сего вольность развестись съ женою, и на другой женишься. Думаютъ нѣкоторые, что въ случаѣ отказа ошъ Папріарха, проспой попь можетъ разрѣшить на оное; а ежели и попь не захочетъ согласиться, тогда прибѣгаютъ къ Кадію. Сіе обыкновеніе наблюдается часто и всѣми Христіанами въ Турецкихъ обласяхъ. По чему ни гдѣ явной разводъ не бываетъ чаще, какъ въ Египтѣ. Я говорю явной, по шому что во Франціи, гдѣ таковой разводъ неизвѣстенъ, естъ другой не меньше существительной и еще чаще употребляемой.

Мнѣ помѣшали продолжать письмо для показанія слѣдствій бшпя объ закладъ, копорое приводитъ мнѣ на память сіе обыкновеніе у Агличанъ въ бѣганіи на лошадяхъ. То, о копоромъ хочу я говорить, въ великомъ здѣсь употребленіи между носильщиками пягоспей. Нѣсколько дней назадъ двое изъ нихъ ударились, что пронесли долѣ мѣхъ наполненной водою и пескомъ, въсомъ во сто придцать фунповъ, не отдыхая, не снимая съ себя ноши ни на

минушу, не облакачиваясь ни на что дорогою, и ниже не касаяся рукою до спѣны. Завладъ былъ о десятихъ писполяхъ. Первой носилъ мѣхъ шестидесять пять часовъ съ ряду. Онъ ходилъ во все сіе время и днемъ и ночью по городу, имѣя передъ собою барабанщика, и послѣдуемъ будучи народомъ, ѣлъ ходя, и дабы не заснуть, пилъ много кофе. Какъ многіе изъ идущихъ за нимъ шажке бились объ закладъ, одни за него, другіе за его соперника; но и примѣчали съ прильжаніемъ, наблюдавъ ли онъ всѣ условіи. Соперникъ его началъ исполнять свое дѣло спустя недѣлю, и носилъ ту же тяжесть шестидесять семь часовъ, ибо договоръ былъ на семдесятъ два: но мѣхъ лопнулъ прежде окончанія прешнихъ сушковъ. Его объявили однако побѣдипелемъ, и закладъ ему присудили. Товарищи его, и тѣ кои за него бились, водили его по всему городу въ кафтанѣ, которой надѣлъ на него Паша, и не было ни одного знашнаго чиномъ или богатствомъ жившеля, которой бы чѣмъ его не подарилъ. Сей родъ битья объ закладъ нѣмъ хорошъ для біющихся, что хопябъ проиграли, всегда подають великую мысль о своей силѣ, и купцы охоннѣе употребляютъ ихъ, нежели другіхъ, когда надобио носить большія тяжести и въ дальномъ распояніи; вмѣсто того, что Агличане побѣдами своими приобретаютъ одну только цѣну заклада.

Здѣсь находится большая часть нашихъ домовыхъ животнохъ, какъ лошади, ослы, лошаки; есть также дикія козы, верблюды и шивры. Но звѣрь, наибольше причиняющій разоренія, называется *Гиллолотамъ*. (морской конь.) Онъ

родился въ Египтіи и приходить въ доль по берегу Нила въ Верхній Египетъ, опускаетъ поля, поѣдаетъ и мнетъ жайвы: а особливо не спускаетъ людямъ, топчетъ ихъ, давитъ ногами, копорья у него и полспы и коропки, и пьетъ ихъ кровь. Здѣсь говорятъ, что ежелибъ поспавилъ у него въ брюхѣ челоука, то не могъ бы онъ доспать его рукою до креспца.

Ниль производитъ почти тѣ же роды рыбъ, кои находятся и въ другихъ рѣкахъ; но отличаетъ отъ прочихъ множествомъ *Крокодиловъ*. Для ловленія ихъ, кричатъ въ нѣкоторомъ распояніи голосомъ какого нибудь животного. Крокодилъ бѣжитъ топчасъ на крикъ. Тогда бросаютъ въ него желѣзной крюкъ, къ которому привязана веревка, и дають ему волю кинуться опить въ воду, гдѣ онъ перяетъ всю свою кровь. Послѣ вытаскиваютъ его на берегъ, спавилъ ему въ ротъ кляпъ, и связываютъ вмѣстѣ объ челюсти изъ предъоспорожности, что можетъ быть еще не издохъ. Кажется неосновательно, чтобъ могъ онъ быть умерщвленъ *Фараоновою мышью*. Такъ называется небольшое животное, величиною съ ласпочку, которое входитъ, по сказкамъ нѣкоторыхъ людей, въ брюхо крокодилово, и съѣдаетъ у него кишки: но вѣроятнѣе то быть можетъ, что оно изпробляетъ его яицы, когда найдеть. Рѣдко доходятъ сіи животные до Каира: чего монахи одного въ верхъ по Нилу лежащаго монастыря, не упускають приписывать покровительству Святаго Антонія и своимъ молишвамъ.

Есть другой родъ Крокодила совсемъ земнаго. Онъ живетъ и кроется въ пещерахъ и ущелинахъ горъ, лежащихъ при Нилѣ. Называютъ его *Вораль*. Длинною онъ въ четыре фута, толщиною въ восемь дюймовъ. Языкъ у него раздвоенной, и онъ имъ колеетъ, какъ змѣя: но сей звѣрь не опасенъ. Зубовъ у него нѣтъ, питаются онъ мухами и небольшими ящерицами, и спитъ сполько, сколько продолжается зима.

Лькари, сказываютъ, весьма уважаютъ *ужей* сей спраны. Оныхъ имѣется два рода: Одни походятъ на обыкновенныхъ, а другіе съ рогами, какъ улики, съ тою разностию, что оные тверды, какъ копыты. Оба рода желтоваты и такого цвѣта какъ песокъ. въ кошоромъ они живутъ: сверхъ того угрызеніе ихъ, равно какъ змѣиное и скорпионово. здѣсь не весьма опасны. Арабы допрогиваются до нихъ безъ всякаго страха, глядятъ ихъ, и носятъ за пазухою. Есть люди, кошорые ѣдятъ змѣй сырыхъ, и почищаютъ ихъ лучшими зимою, нежели льпомъ. По ихъ словамъ, мясо ихъ съ лишкомъ горячитъ въ жары. Вотъ одинъ порокъ, кошорой въ немъ находятъ! Что касается до *Саламандры*, другаго пресмыкающагося въ великомъ числѣ въ Египтѣ, жало его всегда смертельно. *Летучія мыши*, а особливо поселившіяся въ спарыхъ спроенїяхъ, чрезвычайно велики. Иныя изъ нихъ имѣютъ два фута съ конца одного крыла до конца другаго.

Въ здѣшней землѣ нѣтъ Фазановъ, но находятся великое множество куропапокъ, различающихся цвѣтомъ съ нашими. Бьютъ здѣсь много перепелокъ, куликовъ, фигаюдокъ. Болоты

наполнены дикими утками и гусями. Последніе не похожи на Европейскихъ. Для ловли утокъ, человекъ надѣваетъ на голову себя пускую шывку, идетъ по водѣ, и приближается къ симъ птицамъ, кошорыя не бояся шывки ждуть ее, и даютъ человеку способность схватить себя за ноги. *Струфоколитовъ* также много въ Египтѣ. Арабы вынимаютъ изъ нихъ сало, почищаемое ими за лѣкарство въ параличѣ, въ проснудахъ и насморкахъ. Иногда употребляютъ его, какъ мазь, иногда принимаютъ внутрь.

Ни гдѣ нѣтъ сполько *Цыплятъ*, какъ въ великомъ Каирѣ. Яицы насиживаются безъ курицы; по чему вдругъ выдуваются ихъ по семи и по восьми тысячъ. Къ сему употребляются нарочныя печи, наполенные до нужнаго спепени теплоны. Въ нихъ кладутъ на рогожахъ сполько яицъ, сколько надобно цыплятъ: но не должно класть больше двухъ рядовъ, одинъ на другомъ, а иногда кладутся и при въ самомъ горячемъ мѣстѣ. Въ двадцатой день, или наипозже въ двадцать впорой, цыпляты выдуваются. Въ первой день ничего они не ѣдятъ, а начинаютъ во впорой; и съ большимъ раченіемъ всегда непременно удаются.

Египтяне обожали многіе роды птицъ, но предпочтительнее *Ибиса*, нынѣ *Белсоромъ* называемую. Она весьма красива, и сверхъ того очень полезна. Сказываютъ, что очищаетъ она землю отъ множества змѣй, родящихся по спаденіи водъ. Есть также родъ большаго *Сокола*, кошорого не можно почестъ ни дикою, ни хищною птицею: часто мѣшается онъ

съ голубями, и живешь съ ними очень спокойно. Народы обожали въ немъ солнце, или *Озириса*; принимая ясновидѣніе и свѣтлосвѣтъ глазъ его за знаменованіе сего свѣтила, и построили ему многіе великолѣпные храмы. Сказываютъ, что и Турки не бьютъ никогда сей пшеницы. Они шакятъ имѣютъ нѣкоторое почтеніе къ *кошкамъ*, участвовавшимъ въ богочисленіи Египетскомъ. Усердіе къ нимъ просирилось до того, что солдатъ возвращающійся съ войны изъ чужой земли, обременялъ себя кошками и коршунами, хотя часто самъ не имѣлъ нужнаго пропитанія. Однимъ словомъ, ежелибъ хозяинъ видѣлъ весь свой домъ въ огнѣ, оставилъ бы его догорать, и позабылъ бы своихъ собесѣдниковъ дѣтей; для того только, чтобы спасти свою кошку. По сию пору находится не одна больница, заведенная для сихъ живописныхъ; и по прошиворѣчію споль основательному, сколь и чудному, *собака*, живописное споль вѣрное, споль привязанное къ своему господину, получаетъ только удары въ награжденіе. Ихъ множество шагаются по улицамъ; но въ дома никогда не входятъ. Чуднѣ всего, что разделены онѣ на подобіе селеній, кои между собою никогда не мѣшаются. Каждая живетъ въ округѣ, гдѣ родилась; и ежели которая пресупитъ сей законъ и перейдетъ изъ одной республики въ другую, то принимаема бываетъ такимъ образомъ, что поперяется охоту явившись тамъ въ другой разъ.

Безполезно, кажется, приводить на память, что Египетъ въ старину былъ весьма плодороденъ житомъ. Теперь уже онъ не шаковъ по назначенію о земледѣльствѣ. Всему

предпочищается вода изъ *Нила*, и дѣйствительно показалось она мнѣ весьма пріятна, хотя нѣсколько и сладковата. Дабы чаще ее пить и съ большимъ удовольствіемъ, Турки возбуждаютъ жажду бденіемъ соли. Они говорятъ, что ежелибъ Магометь опивдалъ сей воды, онъ бы изпросилъ у Бога милосвѣтъ никогда не умирать, для того только, дабы всегда пить Нильскую воду. Египтянинъ удаленный отъ отечества и долженствующій въ оное возвращеніи, не говоритъ ни о чемъ чаще, какъ объ удовольствіи, что спанетъ пить воду изъ *Нила*. Когда чужестранной возвращаешься въ Египетъ, бывши долгое время въ отсуствіи, ему говоряшь сіи въ пословицу обратившіяся слова: *Кто разъ пилъ Нилу воду, тотъ долженъ непремѣнно пить ее вѣдугорядъ*. Сія вода есть въ прочемъ источникъ наибольшаго богатства земныхъ. Выспупленіе ея изъ береговъ дѣлаетъ Египетъ плодороднымъ. Жишели увѣряютъ, что вода начинается подниматься вслкой годъ въ одинъ день, то есть 18 и 19 Іюня. Султанъ не можетъ пребывать никакихъ подапей, ежели вода не поднимется до извѣстной высоты, показываемой на *Меккасѣ*, о кошоромъ я говорилъ выше: сіе служить предвѣщаніемъ изобилія. Народъ предается радости, дѣлаетъ изъ земли кулу въ роснѣ человеческой, и бросаетъ ее въ воду. Въ старину кидали молодую дѣвицу, и смерть ея была даію благодарности, платимая сей рѣкѣ. Нынѣшній обычай не споль безчеловѣченъ, хотя и споль же смѣшенъ. Вопъ другой, но сей только чуденъ, что есть переправа Египтянъ чрезъ *Ниль*. Два человека

садяпся на снопь соломы, а передь ними плыветь корова. Одинъ изъ нихъ рукою держипся за хвостъ коровы, а другою правипъ привязанною къ ея рогамъ веревкою. Другой человекъ, сидящій позади перваго, управляетъ пушь небольшимъ весломъ. Еспь и другіе способы переѣзжають рѣку; но говорипъ одинъ изъ великихъ спихопворцевъ, чпо способъ наскучипъ еспь пошь, чпобъ все рассказывалъ. Господинъ *Волтеръ*, сколь онъ ни великъ, конечно не надѣялся, чпо приводяпся на память сочиненія его на берегу Нила. Сія спрана не произведшая можеть быть никогда никакого спихопворца, кажется мнѣ и не будеть во вѣки въ пошь положеніи, чпобъ чувствовалъ сладость нашихъ. Мы говоримся ея оставипъ и опѣзжаемъ въ Варварію. Такимъ образомъ приближусь я къ вамъ, Государыня моя! но учиню сіе полько для того, дабы опяшь удалипся; ибо съ береговъ Африканскихъ, собираемся мы ѣхатъ въ Архипелагъ. Нами всегда случаи управляютъ, и шеперь мы нашли шакой, копорый обязываетъ насъ ѣхатъ въ Триполь. Когда кшо путешествуемъ изъ любопытства, шому всякая дорога равна, лишь бы достигнуть до своей цѣли.

Имѣю честь, и проч.

ПИСЬМО VIII.

ВАРВАРІЯ,

ИЛИ

Варварскіе Государствы.

Теперь пришло у насъ спранспрововатъ по Варваріи. Я обѣщался уже избавипъ васъ, Государыня моя! онъ подробностей, кои мало возбуждають любопытства, или объ коихъ легко догадасться можно. Въ сіе число включипъ должно нѣкоторыя необходимыя приутопвленіи, домашніе сборы, несравненно нужнѣйшіе для пѣхъ, кои ѣздящъ, нежели для чипапелей. Наше сообщество еспъ по же самое, чпо и было. Съ общаго согласія положено осмопръшь Африканскіе берега, по еспъ Королевствы Трипольское, Тунисское, Алжирское, Марокское и пр. Однимъ словомъ, всѣ Государствы извѣстныя у насъ подъ именемъ Варварскихъ.

Римляне, по примѣру Грековъ, почитали Варварами всѣ чужеспранные народы: по сей причинѣ, когда покорили они совсемъ шучастъ Африки, копорая называлась *Мавританією*, имя ея перемѣнено было на Варварію, кое и по сю пору сохранило между нами сіе опечество *Аннибалово*.

Трипольское Государство не обширно, и въ семь писемъ упоминаеться полько, какъ шакая земля, чрезъ копорую ѣхали мы въ Тунишь. *Триполь*, Столица Королевства сего имени, лежишь на берегу Средиземнаго моря,

и разделяется на старую и новую городъ, изъ которыхъ послѣдній весьма люденъ, хощи и посредственной величины. На окружающихъ его спѣнахъ находилъ башни, видомъ походящя на пирамиды, и множество большихъ пунекъ. Старой городъ почти совсемъ разоренъ; но остались однакожъ въ немъ нѣкоторыя признаки древняго его великолѣпя. Меня особливо въ удивленіе привели одни триумфальные востры, коихъ по несчастію половина почти зарыта въ песокъ. Все сіе зданіе сооружено изъ блага мрамора: въ него не входитъ ни известъ, ни другая какая вещь, связывающая камень. Мраморъ кладенъ на свинцовыхъ листахъ и соединенъ желѣзными связями. Каждой камень имѣетъ около пяти или шести футовъ толщины. Есть другая причина, для которой надѣяться можно, что сіе зданіе не скоро будетъ разрушено, но есть суевѣріе жителей. Они рассказываютъ, что одинъ Князь хотѣлъ взять изъ онаго нѣсколько камней; что тогда случилось ужасное землетрясеніе, и что пошелъ песочной дождь, который засыпалъ всѣхъ работниковъ. То же почти самое рассказываютъ и о тѣхъ, кои хотѣли возобновить храмъ Иерусалимской.

Монахи Французскаго чина имѣютъ въ Триполь довольно изрядную церковь, и живутъ спокойно. Въ монастырѣ ихъ есть больница для Христіанскихъ невольниковъ. Она превеликую приноситъ помощь въ Триполь, ибо тамъ чаще другихъ мѣстъ бываетъ моровое повѣтріе, и причиняетъ обыкновенно не малое опустошеніе.

Все сіе владѣніе управляется *Десемъ*, подъ покровительствомъ Султана, которому платитъ онъ годовую дань. Республика сія держится еще частью торгомъ шелковыхъ шифовъ и шафраномъ, собираемымъ на горѣ *Горіонъ*, лежащей на полдень отъ города, и почтищаемымъ за наилучшій въ свѣтѣ: но главное богатство жителей происходитъ отъ морскихъ разбоевъ. Въ 1681 году *Г. дю Кенъ* имѣлъ повелѣніе преслѣдовать разбойниковъ. Султанъ, защищая сей народъ, предъусиль заключить съ Франціею праймантъ, но оной былъ вскорѣ нарушенъ Триполишанцами, коихъ потомъ наказалъ Фельдмаршалъ *д'Эстре*, бомбардированіемъ и опустошеніемъ ихъ города.

Главнѣйшіе города Королевства Трипольскаго суть *Калецъ*, *Елгана* и *Угела*. Первой великъ и хорошо укрѣпленъ, но почти пустъ. Во время Римлянъ онъ былъ опіиной городъ, и назывался *Талаломъ*, равно какъ и рѣка чрезъ него протекающая, которая беретъ начало свое въ песочной степи и впадаетъ въ Средиземное море. Вода въ ней такъ тепла, что надобно ее холодить около часа, дабы можно было пить: а рѣка текущая въ Елгамѣ еще и сей горяче, и требуетъ цѣлыя супки на осушеніе.

Вокругъ Угелы лежитъ степь знаемая по окаменѣлости цѣлыхъ деревьевъ, травъ, плодовъ, животныхъ и людей. Опіиуда привезены были во Францію къ *Г. Поитшартреню* нѣсколько окаменѣлыхъ, и ни мало неперемѣнившихъ цвѣта, въливей пальмоваго и масличнаго дерева съ листьями и плодами. Ему поднесли вмѣстѣ неокаменѣлыя въши тѣхъ же деревьевъ, и не

можно распознать ихъ между собою инаково, какъ прикосновеніемъ до нихъ и по ихъ шпакетамъ. Въ семь также Королевствѣ найдена ша прекрасная мраморная статуя, представляющая *Весталь*, которая теперь находится въ Версальской галлерей.

Вся морская сила сего малаго Королевства состоить въ одномъ кораблѣ, и въ пяти или шести небольшихъ галіонахъ. Говорять, что изъ всѣхъ варварскихъ Государствъ, Трипольское наивѣрнѣе наблюдаетъ шпакеты; можетъ быть по тому, что оно всѣхъ безсилнѣе.

Мы продолжали путь нашъ, но не удаляясь отъ береговъ моря. Можетъ быть къ спашѣ упомянушь здѣсь, каковъ былъ нашъ малолудной караванъ. Онъ весь состоялъ изъ нашихъ собственннхъ людей, и изъ одного проводника, показывающаго дорогу. Представьте себѣ, что сей человекъ ѣдетъ напередъ, за нимъ слѣдуютъ восемь лакеевъ, ведущихъ нѣсколько лошаковъ и двухъ верблюдовъ съ скарбомъ и пропитаніемъ; что Г. З. . . спорить съ докторомъ, а я разсуждаю съ Маркизомъ, и что докторъ временно бросаетъ на насъ взоръ свой для изпрошенія нашего подтвержденія на свои слова: тогда вы будете имѣть ясное понятіе о образѣ нашего путешествія.

Для достиженія до границъ Тунисскихъ, должно ѣхать чрезъ ужасную степь, на которой нѣтъ ни дровъ, ни воды. Лежащій за оною округъ почти споль же шруденъ для шпавующихъ. Деревни между собою раздѣлены озеромъ, или движущимися песками. Караваны моглибъ поглощены быть оными, есплибъ не находились шпуть пни пальмовыхъ деревьевъ, из-

рѣдка разсыанные для показанія дороги. На озерѣ видны небольшіе острова, и между ими одинъ довольно обширной, покрытой финиковыми деревьями. Сказываютъ, что посажены они были одною Египетскою арміею, которая послѣ и шпалась плодами съ нихъ.

Мы не безъ шруда доѣхали до *Гассы*, города построенаго въ пустомъ мѣстѣ посреди горъ. Дорога чрезъ окрестности его довольно шриятна, орошена шремя ключами. Оныя соединены составляютъ ручей, который шпелит раздѣляетъ между собою для поливанія своихъ огородовъ. Шпны домовъ въ крѣпости построены изъ обломковъ шпириннаго города. Въ немъ видны многіе олпари, и шполпы изъ мрамора гранита. Сей городъ былъ главнѣйшимъ въ *Югуртиновомъ* Королевствѣ.

Я довольствуюсь описать мимоходомъ наиславнѣйшіе мѣста, представившіеся мнѣ на пути. Въ *Еммѣ* находится множество древностей, и между прочимъ шпранной амфитеатръ. Въ семь городѣ *Гордіанъ* былъ избранъ въ Императоры. Наши ученые мудрецы согласились между собою въ шомъ, что амфитеатръ былъ имъ построенъ. Дѣйствительно великолпнѣемъ своимъ достоинъ онъ былъ дѣломъ его попеченія. Наружность его вся цѣла, но вънутри онъ нѣсколько испорченъ. Отъ Еммы верстѣ на пятьдесятъ въ передъ, видны повсюду великолпныя развалины. Таковы сушь на шримѣръ прекрасныя шриумфальныя ворошпы Коринтскаго ордена, составленные изъ великой дуги, и двухъ меньшихъ по бокамъ. Передъ ними сооруженъ входъ шого же ордена, подлѣ котораго видны при храма разваленные, но показывающіе

однакожь оспапки вкуса. *Медя*, небольшая морская приспана, имѣеть также множество развалинь: но я упоминаю объ ней для того, что въ спарину близко опсюда находилась башня, или загородной домъ, изъ котораго *Антибалъ* съѣз на корабль, убѣгая изъ Карфагены. Прежде приѣзда нашего въ Тунисть, осмотрѣли мы многіе другіе мѣсна, кои всѣ заслуживають вниманіе любительей древности, но коихъ подробности вамъ бы много наскучили.

Теперь мы находимся въ *Тунисѣ*, которой даеть имя всему Королевству. Сей городъ есть древній, и былъ по перемянкамъ во власи *Карфагеняны*, *Римляны* и *Вандаловъ*. Послѣдніе его разорили. Попомъ завладѣли имъ *Арабы*, а послѣ нихъ *Мавры*, выгнанные изъ Гишпаніи *Фердинандомъ* и *Изабеллою*. Одинъ изъ Князей сего поколѣнія, сверженной съ предпола дерзоспнымъ *Барберуссомъ*, былъ опять возведенъ на оной *Карломъ пятымъ*. Послѣ чего Государство сіе учинилось зависящимъ и плащащимъ дань *Гишпаніи*, у которой наконецъ опиялъ его *Семль II*. Съ того времени пребываетъ оно подъ покровительствомъ Султана и въ правленіи одного *Дея*. Сіе Королевство имѣеть въ длину около чепырехъ сотъ верстъ, и раздѣлено на восемь провинцій, кои всѣ вмѣстѣ составляютъ два уѣзда, зимній и лѣтній. Такъ называютъ ихъ по той причинѣ, что въ сіе время *Дея* объѣзжаетъ каждой изъ нихъ. Мы ѣхали чрезъ зимній округъ, пробираясь въ Тунисть, и имѣли также намѣреніе осмотрѣть и лѣтній, но прежде хонѣлось намъ увидѣть столицу.

Тунисъ лежитъ на прекрасномъ полѣ, и составляетъ продолговатой чепвероугольникъ, имѣющей около пяти верстъ въ окружности и при предмѣстїи, въ коихъ вмѣстѣ съ городомъ счищаютъ до двадцати тысячь жилыхъ домовъ. Посреди города находится превеликая площадь, окруженная лавками, изъ коихъ тѣ, гдѣ продаются благовои, опперны бываютъ до полуночи. Мало видно домовъ въ два жилия, а еще меньше такихъ, копорыебы были убраны. Нѣтъ въ нихъ ни обой, ни спульевъ, а есть только изрѣдка Мозаическія живописи, и нѣкопорыя Арабскія цыфры. Что касается до внѣшняго вида домовъ; всѣ кровли плоски, на подобіе площадовъ, по обыкновенію Восточныхъ народовъ: обыкновеніе несравненно предпочтительнѣе тому, которому по причинѣ климата или заспарялаго обычая слѣдуютъ въ Европѣ.

Стѣны *Туниса* имѣють шестидесятъ футовъ вышины. По онымъ разсыяны небольшія башни. Наиглавнѣйшее украшеніе города есть великолѣпная мечеть, съ высокою прекраснаго вкуса башнею. Крѣпость проспранна и спопитъ на холмѣ, на полдень отъ города. Она построена сперва *Карломъ пятымъ*, а послѣ *Дономъ Иоанномъ Австрійскимъ* побочнымъ его сыномъ: но теперь угрожаетъ паденіемъ. Показываетъ также мѣсто носящее имя сего Императора, на которомъ споялъ онъ лагерь, когда овладѣлъ *Тунисомъ*.

Въ городѣ есть не только многія школы, но и большія коллегіи, или училища, въ коихъ Алкоранъ заступаеть мѣсто всѣхъ книгъ, а вѣтра Мусульманская памѣщаетъ всѣ науки. Большая часть мечетей имѣють парочиные

доходы. Въ нихъ естѣ чины и достоинствы, походя на уряды Каптолицкихъ соборовъ, съ пою разноснью, кошоую разумъ повелѣваетъ между ими дѣлать. Нѣтъ ни въ Тунисѣ, ни въ окрестностяхъ ни одной водяной, ни въпренной мѣльницы, ни водопоевъ, ни колодезей, ни ручьевъ, а пьютъ воду сберегаемую въ водохранилищахъ: но вмѣсто того сады очень велики, со щцаніемъ прибраны и наполнены разными плодоносными, лимонными и померанцовыми деревьями. Печи и бани попяты масшикою, мирпомъ, розмариномъ и другими пахучими правами; чшо производитъ благоуханной воздухъ, и исправляетъ злое дѣйствіе поднимающихся паровъ изъ близъ лежащихъ болопъ. Озеро, или заливъ, надъ коимъ стоитъ городъ, имѣетъ въ длину 15, въ ширину 16 верспъ. Оное сообщается съ Гулешскимъ озеромъ, но споль узкимъ каналомъ, чшо галера пройши не можетъ. Дворецъ Деевъ лежитъ въ чепырехъ миляхъ оупъ Туниса. Увѣряютъ, чшо оной, включая бани и все принадлежащее къ нему жилью, имѣетъ въ окружности цѣлыя пяты верспъ. Мы самую малую часпъ онаго видѣли; да и для сего надобно было ждапъ дня аудіенціи. Воспочные Государи не позволяють ходитъ по своимъ Дворцамъ шакъ легко, какъ шочинишся въ Европѣ.

По нѣсколькихъ дняхъ опдыхновенія, принялись мы вновь за наши наблюденія. Бздили смошрѣпъ недалеко оупъ сей Сполицы, свяшилице *Сейды-дуда*, шо естѣ гробъ одного святаго весьма почитаемаго Маврами. Въ немъ естѣ при куска, лежащіе одинъ подлѣ другаго, Мозаическаго пола, выработаннаго со вкусомъ

и съ размѣромъ, и представляющаго лошадей, деревья, пшпцъ и рыбъ. Земля ихъ весьма хороша, и цвѣны расположены съ искусствомъ. Лошадь предспавлена въ благородномъ и гордомъ видѣ. Пшпцы сущъ соколы и куропашки, рыбы головы и кузнецы, деревья пальмовые и оливковые: всѣ они сдѣланы весьма похоже на наспоящіе. Сарацыны ли сіе дѣлали, какъ увѣрялъ дошпоръ? Римскіе ли Начальники, какъ утверждалъ Г. З. . . ? я шого не знаю, и ученые наши не могли въ шомъ согласишся между собою: но могутъ ли двое ученыхъ согласишся въ чемъ нибудъ на свѣпѣ?

За нѣскольکو миль ошпуда находится древняя *Аквиларія*. Близъ ея лежитъ гора, высѣченная съ великимъ спараніемъ, оупъ самаго моря до придцати фушовъ въ верхъ. Поддерживается оная сполнами и дугами. нарочно при высѣченіи оспавленными, а въ нѣкошорыхъ мѣстахъ просверлена шакъ, чшо воздухъ проходитъ свободно. Сіе мѣсто естѣ лония служившая на построеніе древней Карѣагены, и можетъ быть единственныя знаки, доказывающіе чшо была на свѣпѣ *Карѣагена*.

Въ самомъ дѣлѣ едва видны слѣды сей древней соперницы Рима. Нѣтъ больше ни приумфальныхъ воропъ, ни любопытства досшойныхъ оспашковъ архипешпуры, кои бы могли приводитъ ее на память. И чшобъ вспомнитъ о положеніи города. непременно имѣшъ надобно при себѣ спаричные описанія онаго. Карѣагена была построена на шрехъ довольно высокихъ горахъ; она проспиралась до *Салкарага*, гдѣ еще видны каналы споль хшпро сдѣланные, чшо веда въ нихъ входитъ чрезъ цѣ-

жение. Сими водоводами спущалась она въ водохранилищи Карфагенскіе, а водоводы шли чрезъ многія горы и долины больше прехъ соиъ вершнь. Всѣ водохранилищи расположены были одно подлѣ другаго и имѣли между собою сообщеніе. Величина ихъ была также одинакава. Каждой имѣлъ сно футовъ длины, двадцать ширины, и прицдцать глубины. Воиъ единая доснопамятностъ уцѣлѣвшая оиъ всеобщаго разрушенія, и воиъ все, что можно сказать нынѣ о семъ городѣ, возбудишемъ только писателей, и приведемъ Римъ на край его пагубы!

Мы старались также найти останки другаго города не столь великаго, какъ Карфагена, но славнаго самоубійствомъ Катона. Вы домыслишесь, что я хочу говорить о древней Утикѣ; но по однимъ только догадкамъ основаннми мы въ Бизертѣ. Слѣды огромныхъ зданій, нѣсколькихъ водохранилищъ, и великаго водовода, заставили насъ думать, что Бизертна въ старину была Утика. Сверхъ того окружности сего города насъ прельщили. Онѣ всѣ наполнены рощами масличныхъ деревьевъ, и весьма приятными лѣсочками.

Мы были въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, но я избавлю васъ оиъ описанія. Оныя состоявають часпъ лѣпняго округа, въ коемъ число ихъ больше, нежели въ зимнемъ, земля плодоснѣе, жишели ласковѣе и веселѣе. Увѣряюиъ, что изо всѣхъ Африканцовъ, общеснво ихъ и приятнѣе и удобнѣе. То же должно сказать и о обывателяхъ Туниса. Сно вропоснѣ нравовъ приписать можно психоснн климата. Воздухъ здѣсь весьма чистъ и здоровъ: рѣдко

бываетъ моровое повѣтріе, а прочія области Барбаріи опусшоцаешъ оное ужаснымъ образомъ. Земля и въ нихъ также плодосна, но Мавры очень лѣнны, и шеряюиъ охону къ работѣ, по причинѣ шернимаго ими оиъ Турковъ изнуренія. Сн послѣдніе не позволяюиъ имъ пахашъ земли свѣше того, что непремѣнно нужно для прокормленія. Мавры мало разумюиъ земледѣліе; едва на пашнѣ видно, гдѣ шель по ней плугъ. Упошребляюиъ они для нее безъ разбора быковъ, лошаковъ и верблюдовъ; мало пекушся о хожденіи за скопомъ, худо его кормяиъ, и ниже въ самое суровое время не спавяиъ подлѣ покрывку. Правда, что почишюиъ за ужасное пресшупленіе ошягошншъ ношею *серблюда* слыша силъ его; но выключая сіе, на все его упошребляюиъ и великую оиъ него имѣюиъ пользу. Ничего нѣшъ пише и услужливѣе сего живошпаго. Робеноекъ можешъ его влючишъ и веспи безъ всякой опасоснн. Верблюды носяиъ въ двое больше прошиъ самаго сильнаго лошака, и не причиняюиъ издержекъ; ибо могуиъ вытерпѣиъ голодь и жажду чрезъ нѣсколько дней.

Лошадн Барварскія извѣсшны почти во всей Европѣ. Онѣ малы, но сильны, и служашъ двадцать пять и прицдцать лѣтъ; въ чемъ превосходяиъ и Гишпанскихъ, но не одарены ни пакою скороснню, ни видомъ. Рогатая скопина, живноснъ, дичина годная къ сполу, не рѣдка также въ сей землѣ, но не имѣешъ пакого вкуса, какъ наша. Въ Тунисѣ говядину можно ѣснѣ только шестъ мѣсяцовъ; баранина сильно пахнешъ, а шеляиъ Мавры совсемъ не ѣдяиъ. Они дивляшся и тому, что Христіане буюиъ

ихъ не давъ имъ вырости; ибо въ большомъ быкъ, говорящъ, больше бываетъ мяса. Сіе разсужденіе происходитъ отъ лакомаго ѣдока, но я думаю, что не можно его почестъ и совсемъ за Варварское.

Хлѣбъ дѣлается въ Тунисѣ изъ сипной муки, и бываетъ бѣль. Зажишочные люди имѣють особое кушанье, которое часто употребляютъ. Оно состоитъ изъ вареныхъ дорогихъ правъ, и споль развеселяетъ воображеніе, что ежели кто съѣстъ онаго при золошника, бываетъ весель весь день, и не боится никакой опасности. Что принадлежитъ до подлага народа; оной питаются ячменною мукою, сваренною въ водѣ съ солью, которую размачиваетъ когда надобно въ водѣ и маслѣ. Бѣдные ѣдятъ еще хуже. Пища ихъ состоитъ въ смѣси сырой ячменной муки, воды и деревянаго масла, надавя въ нихъ соку изъ лимона. Сія пища и здорова и охладительна, но непріятна. Я говорю по опыту, ибо опробывалъ всѣ сіи кушанья.

Мавры несогласно съ нами думаютъ о садахъ. Ихъ сады не что иное супъ, какъ опгороженные деревья безъ дорогъ и раздѣлений. Они говорящъ, что прудъ садитъ деревья великъ уже и безъ того, чтобы прибавлять къ оному спараніе, какого пребуетъ соразмѣреніе. Близъ Туниса и Бизерты есть нѣсколько виноградныхъ садовъ, въ коихъ распень не худой виноградъ. Турки его продають Христіанскимъ невольникамъ; а сіи дѣлають вино, и сдѣланное продають очень дорого Туркамъ и Маврамъ, коимъ законъ запрещаетъ оное пить.

Тунисцы имѣють торги со многими Европейскими землями, а особливо съ Франціею. Изъ нее получаютъ они сукны, краску, сахаръ, перецъ, гвоздику, вино, водку, бумагу, желѣзо, сипаль, всякой поваръ и проч. Въ промѣнь отдають хлѣбъ, деревянное масло, бобы, чечевицу, воскъ, шерсть, кожи и сафьянъ. Всякой купеческой корабль, приходящій въ Тунисъ, салопуетъ шрема выспрѣлами пушечными *залокъ Гулетской*: а еспльи входитъ въ гавань военной корабль, то салоповатъ начинается Гулетина, и тогда шопчасъ запирають всѣхъ невольниковъ въ городъ. Причина шому ша, что ежели невольникъ найдетъ случай уйти на корабль, городъ не имѣетъ права пребывать его назадъ.

Два главнѣйшіе торга Тунисцовъ супъ *караваны Салевской* и *Гадемской*. Сей послѣдній городъ имѣетъ шолько двѣ улицы, но чрезвычайно долгія. Способъ торговли жителей его съ Арабами или Неграми, ихъ сосѣдями, есть чудной. Одни и другіе съзжаются на нѣкоторую гору въ *Нигрицин*, и каждый изъ нихъ держатся на своей споронѣ горы. Гадемцы всходятъ на половину горы, раскладываютъ повары, и возвращаются въ свой обозъ. Арабы съ своей спороны шуда приходятъ, разсмаприваютъ оставленное, кладутъ на каждую кучу шолько золошаго песку или порошоку, сколько хопятъ дать за шѣ вещи, и отдаются въ свой спанъ. Гадемцы приходятъ вдругорядъ; и еспльи положенной Арабами золошой песокъ, шойтъ назначенной отъ нихъ поварамъ цѣны, берутъ его и оставляють повары: а ежели напросивъ недовольны ко-

личествомъ золота, но не касаясь до онаго, уходяще назадъ. Арабы прибавляютъ золота, и не прежде сабираютъ шовары, какъ увидя, что уже золото ихъ взято. Что выдъ умеете о семь способъ торговли между двумя народами, которыхъ мы за благо разсудили назвать Варварами?

Королевство Тунисское населено Турками, Маврами, Жидами, Христианами. Турки составляютъ некоторымъ образомъ наименьшую часть жителей, но и шехъ названъ можно извергами изъ ихъ народа: Мавровъ держатъ они однакожь почти въ неволь. Сии послѣдніе живутъ въ городахъ, или въ намешахъ. Жиды занимаютъ въ Тунисъ отдѣленную часть города. Число ихъ простирается, сказываютъ, до девяти или десяти тысячъ. Есть здѣсь другой родъ жителей пользующихся такими же преимуществами, какъ и Турки; но естъ Христианскіе *Ренегаты*, кои Христиане принявше Магомешанскую вѣру. Они дарованиями своими достигаютъ до первыхъ должностей, а иногда и до достоинства Бей. Что касается до шавихъ Христианъ, кои не суть невольники, оные живутъ въ предмѣстїи, въ некоторомъ разстоянїи отъ города лежащемъ. Ни одинъ изъ нихъ не ходитъ по улицамъ послѣ пяти часовъ зимною, и послѣ осми лѣтомъ. Ежелибъ появился кто позже сего времени, то бы подвергъ себя грубіянству черни. Таковой законъ показался Маркизу весьма тяжель. Онъ вздумалъ его нарушить и уговорилъ меня идти съ собою. Я согласился, но по долгомъ сопротивленїи, ибо не хотѣлъ заснать сумнѣваться о моей отвагѣ, ни подвергнуть его одного чему-либо худому въ такой землѣ, гдѣ мы не имѣли

знакомства. Мы вышли тихонько, взявъ съ собою нѣсколько слугъ, и прошли довольно спокойно часть города. Смотрѣли на насъ съ удивленїемъ, но ни кто не говорилъ ни слова. Я примѣнилъ однакожь, что уже идущъ за нами изъ далека, и что вскорѣ пойду и ближе: Маркизь также о томъ не сумнѣвался, но мало безпокоился. Мы были въ осторожности и вышли на большую площадь. Я уже сказалъ, что она окружена лавками. Мы входили во многія изъ оныхъ, и не больше имѣвъ намѣренїя покупать, какъ знатныя госпожи съ пенсїемирами въ Парижѣ, купили однакожь нѣсколько бесполезныхъ бездѣлицъ, какъ и они; но когда хотѣли домой возвратиться, на людей нашихъ напали Мавры. Они думали пополамъ ихъ только, но люди наши приняли не шутя нападающихъ, и выняли свои пистоли, отъ вида которыхъ чернь сія разбѣжалась. Мы соединились съ своими, показывая по же намѣренїе, что и они. Дѣло отъ того учинилось важнѣе. Прибѣжали нѣсколько Турковъ, и грозили намъ крича во весь голосъ. Мы рѣшились не больше и ихъ щадить, какъ Мавровъ. Я въ великомъ былъ безпокойствѣ, видя Маркиза выдающагося въ опасностъ; да не меньше и самъ о себѣ думалъ. Прошло уже нѣсколько времени отъ началїя сей ссоры, когда новый шумъ больше прежняго заснвилъ меня заключить, что бѣда наша приближалась. Признаюсь, что я дрожалъ, а что принадлежить до Маркиза, онъ грозилъ заснрѣлить, ежели кто осмѣлился его не пропустить. Въ одной рукѣ держалъ онъ пистоль, въ другой шпагу. Я дѣлалъ шочно по же, что и онъ. Въ сіе время

увидѣли мы шоплу Турковъ вооруженныхъ и идущихъ въ порядкѣ съ однимъ Агою. Народъ разсыпался, и мы спасены были шѣми, опъ кошорыхъ ожидали на себя нападенія. Эпо были Г. З. . . и докторъ, кои, не видя насъ дома, и зная, какой мы подвергнувшись можемъ опасносши, ходили просишь о помочи, и получили оную по спаранію Французскаго Консула. Маркизь далъ награжденіе солдатамъ и самому офицеру; ибо Турокъ, какъ бы онъ ни былъ знаменъ, никогда не опказываетъ прииашъ подарка, а часпо и самъ онаго просишь.

Тѣ, коихъ здѣсь называютъ *честными людьми*, сунъ и учпивы и ласковы. Женщины пригожи и хорошо одѣшы. Онъ, когда выходитъ, закрываютъ лице. Народы здѣшніе, какъ я уже сказалъ выше о Египтянахъ, почишаютъ святыми бѣгающихъ по улицамъ безумныхъ. Ежели найдется между ими шакой, кошорой бы имѣлъ въ поведеніи своемъ нѣчто смѣшнаго или спраннаго; чпо шопчасъ прииашъ бываетъ за свяшаго. Кланяются ему въ землю, просятъ у него покровительсшва, ищущъ его дружбы, бояшя его гнѣва; недругъ его спановишя непришелемъ народу, и часпо несчастною жертвою слѣпаго суевѣрія; ибо опъ сихъ дураковъ зависишь прибишь каменіемъ всякаго, кшо имъ не полюбишя. Имъ все опдають, чпо понравишя, и самое наинесноснѣйшее для мужа безчесніе обращается въ славу, въ заслугу. въ чеспъ ежели наносишя оно опъ свяшаго. Мнѣ сказывали, чпо одинъ шакой съумасшедшій, видя невѣспу идущую въ день свадьбы, и находя по своему вкусу, выгросилъ ее на коропкое время у мужа, кошорой не только опдалъ невѣспу, но и по-

крылъ ихъ своею епанчею. Всѣ завидовали щаспю мужа, и его поздравляли. Я видѣлъ одного изъ сихъ свяшыхъ, коего дурачесшво состояло въ шомъ, чпо онъ спрѣлялъ ршомъ, какъ изъ пушки, цѣлой день ходилъ по улицамъ, паля и дрожа, какъ древнія Сивиллы. Вспушя въ покой, гдѣ я находился, шѣмъ онъ началъ, чпо наполнилъ его своимъ божешвеннымъ дыханіемъ, и во всѣхъ углахъ ршомъ спрѣлялъ. По смерши сихъ мнимыхъ свяшыхъ, дѣлають имъ на кладбищахъ гробницы, соспоишя изъ бесѣдки чешвероугольной, вышиною въ пшнадцашъ фушовъ, съ плоскимъ куполомъ, подмазаннымъ самою бѣлою извесшкою: чпо и опличаетъ сш гробницы опъ другихъ. Мавры имѣють шакже великое почпеніе къ долгимъ *бородамъ*. У кого борода не велика, шопъ, кажется имъ, не можешъ имѣть опраго разума, и неспособенъ къ управленію большими дѣлами.

Я буду имѣшь случай еще говоришь о обычаяхъ Варваріи. Мы почишаемъ весь сей народъ шолько морскими разбойниками, и судимъ объ нихъ по другимъ: но многіе народы могутъ имѣшь одинакую цѣль, и рознишь между собою, въ добродѣтеляхъ или порокахъ. Европа не одинъ подаетъ шому примѣръ,

Имѣю чеспъ, и проч.

Biblioteka
Jakuba Antonii
Dobrzyńskiego
pow. Białystok
Nr. 1000

ПИСЬМО IX.

к о н е ц ь

Варварскихъ Государствъ.

Алжирское владѣніе смежно съ Тунисскимъ, и мы оспая послѣдніе, поспчасъ приѣхали въ оное. Я сохраняю порядокъ, которой самъ себѣ предписалъ, не представляя глазамъ вашимъ, какъ только то, что можете заслужить вниманіе.

И такъ, перевезу я васъ въ одну минушу до *Бонны*, лежащей около сна верстѣ оспъ Туниса. Сей городъ, сказываютъ, еспъ древняя *Гиллона*: по крайней мѣрѣ въ окружностяхъ его видны развалины зданія, которое почищаютъ престольною церковію *Святаго Августина*, съ водомешомъ и испуканами, носящими его имя. Къ онымъ прибавить надлежитъ также одинъ обломанной испуканъ, предъ которымъ Французскіе и Испанскіе мапросы спановяся на колѣни, призывая имя сего Святаго Епископа. Вотъ единственное доказательство, что Бонна еспъ городъ, въ которомъ онъ родился и былъ Епископомъ!

Оспуда приѣхали мы въ *Константину*, по имени которой вся сія область называлась. Была она столицей Королей Арабскихъ. Великолпные оспатки подають намъ великія мысли о древней ея красотѣ. Сказываютъ, что наибольше оную приписываютъ должно одной дочерѣ Императора *Константина*, которая выстроила вновь и украсила городъ: по чему оной, и носитъ сіе имя, пережившее и свои достопамятныя зданія. Уездъ *Константин-*

ской весьма пространенъ, и населенъ не малымъ числомъ Арабскихъ колѣвъ, между коими еспъ одно, у котораго вся торговля соотноитъ въ томъ, что оспдавать въ наемъ женъ своихъ и дочерей первому, кто имѣнитъ ихъ захочетъ.

По многомъ безпокойствѣ приѣхали мы въ *Алжиръ*. Сей городъ даетъ имя свое всему оспъ него зависящему Королевству; но неизвѣстно, оспуда самъ оное получилъ. Государство здѣшнее было въ рукахъ у *Римлянъ*, владѣвшихъ имъ около чепырехъ сотъ лѣтъ; у *Вандаловъ*, выгнавшихъ изъ него Римлянъ, и кои сами попомъ выгнаны *Греками*. Сіи послѣдніе пользовались завоеваніемъ своимъ больше вѣка, и нашлись принуждены уснушить Арабамъ, кои еще ихъ короче имѣли его въ своей власни. Африканцы свергли иго и находились въ послушаніи у разныхъ поколпнй рожденныхъ между ими; но были снова поворены попомками тѣхъ самыхъ Князей Арабскихъ, оспъ коихъ прежде зависели. Сіи Князья, дабы не выпустили Африку изъ рукъ своего поколпнія, раздѣлили ее на многіе Королевства, а Королевства на провинціи, и поставили надъ каждою особаго Начальника. Королевство Алжирское было тогда раздѣлено на чепыре части, и оспдано чепыремъ Князьямъ, кои держались до тѣхъ поръ, пока жили въ согласіи между собою; и что васъ удивитъ, жили они какъ друзья, нѣсколько вѣковъ; но наконецъ тѣмъ наскучили, спали другъ на друга нападать, и взаимно одни другихъ изпребали. Многорые изъ нихъ нашлись принужденными призвать на помощь *Гилланцовъ*, кои изъ чепырешей сдѣлались повелителями, а наконецъ

овладѣли и Алжиромъ. Сей городъ прибѣгнуль къ славному морскому разбойнику *Барберуссѣ*, которой освободилъ его отъ Гишпанскаго ига, но наложилъ на него новое, и больше безчеловѣчное и больше несносное. Онъ чрезъ многія вѣроломства и проливіе крови сдѣлался Королемъ, и основалъ форму правленія, сохраняющуюся и до сего времени. Смерть сего похитителя споспѣшного, чпобъ объ ней здѣсь упомянуть.

Гонимъ будучи войсками присланными въ Африку отъ *Карла лятаго*, думалъ онъ, чпю остановить Гишпанцовъ хипросію, достойною заживнаго разбойника. Онъ набросалъ по дорогѣ золота, серебра, драгихъ каменьевъ и сосудовъ, надѣясь симъ средствомъ выиграть время для переправленія чрезъ рѣку *Гуксау*, помощію которой хотѣлось ему пресѣчь путь преслѣдующимъ непріятелямъ. Африканцы и Турки не воздержались бы отъ сей приманки, но Гишпанцовъ не могла она остановить въ погонѣ. Они попрали ногами сокровище, наспигли задніе его войски и въ куски изрубили. Барберуссъ, находясь уже на другомъ берегу рѣки, назадъ переправляется съ остальными, сражается какъ опчаянной, и лишается жизни со всѣми своими солдатами.

Смерть его не спасла Алжирцовъ отъ Турецкаго тиранства. Они избрали Королемъ *Шередина*, брата Барберуссова. Сей вскорѣ примѣшилъ, чпю правленіе его было ненавистно Алжирцамъ, опдалъ свои владѣнія въ покровительствѣ *Селиму I.* Цареградскому Императору, которой опсавилъ Шередину достоинство Вицера, и прислалъ къ нему двѣ тысячи янычаръ крѣпко вооруженныхъ. Многіе преслупники и

другіе Турки не имѣющіе прописанія, переселились изъ Леванта въ Алжиръ, и составили корпусъ войска споль многочисленной, чпю покорили Мавровъ и Арабовъ.

Одни Турки и Ренегаты допускаются служить въ войскѣ. Сіе имя носятъ корпусъ изъ двенадцати тысячъ челоувѣкъ, которой составляетъ силу, podporу и защиту всего Королевства. *Дей*, или Государь, *Бей*, или Правитель провинцій, Полководцы, Министры, корабельные Капитаны, словомъ, всѣ Начальники гражданскіе и военные въ сіе число включающіяся. *Дей* еспь уже не такъ, какъ были первые послѣдовашіе за Барберуссомъ, проспой Вицера, но Самодержавной Государь, раздающій награжденіи, опредѣляющій наказанія, повелѣвающій вооруженіями и войною, жалующій во всѣ чины, правящій всѣми Государственными дѣлами, принимающій отъ всѣхъ во всемъ опщепъ, и не опвѣспивующій ни предъ кѣмъ ни въ чемъ. Онъ долженъ бытъ избираемъ единогласіемъ отъ всего войска: самой послѣдній солдатъ имѣетъ право спарашья о семъ достоинствѣ. Султанъ Турецкой, не смотря на сіе, почитается по сию пору покровителемъ Алжирцовъ, но весьма мало мѣшается въ ихъ дѣла.

Нѣтъ ни одного пракира ни въ городѣ Алжирѣ, ни во всемъ Королевствѣ. Мы жили у Консула, которой весьма ласково насъ принималъ и угощалъ. Онъ былъ намъ очень полезенъ для множества причинъ, не опспавалъ отъ насъ въ изысканіяхъ нашихъ, и спасъ насъ не отъ одного грубіянства въ такой землѣ, гдѣ всякой, чпю не Турокъ, бываетъ подверженъ

презрѣнію и нахальству, ни чѣмъ неудерживаемой сволочи солдатъ.

Алжиръ построень на косогорѣ, и расшинушь къ пристани на подобіе амфиитеатра. Стѣны его оны часны изъ песаного камня, а оны часны изъ кирпича, окружены широкимъ и глубокимъ ровомъ; улицы почти всѣ покаты по положенію города, и споль узки, что на силу два человека рядомъ пройши могутъ. Говорятъ, что оны сдѣланы такъ умышленно, дабы защищити жищелей оны чрезвычайнаго солнечнаго зноя. Дома, построенные изъ кирпича и камня, почти всѣ четверугольные: у всякаго естъ пространный дворъ, около котораго находится четыре галлерей на столпахъ. На галлерейхъ сдѣланы площади, служащія къ разному употребленію: иногда дѣлають на нихъ и сады, и обыкновенно гуляють; и что всего больше, можно пройши весь городъ, переходя съ одной площадки на другую, и не имѣвъ нужды ни единожды сходить на улицу. Трубы изъ каминовъ такъ выведены, что походятъ на небольшіе куполы, выведенные на всякомъ углу площадки. Здѣсь они составляютъ украшеніе, а у насъ обезображиваютъ наилучшіе зданія. Всѣ дома превосходятъ Дворецъ Паши. Оны лежатъ посреди города и обнесены двумя прекрасными галлерейми, лежащими одна надъ другою, и поддерживаемыми двумя рядами мраморныхъ столповъ. Послѣ сего почестъ можно первымъ Дворецъ Деевъ; не худо такъ же построены казармы холосныхъ янычаръ Турецкихъ; ибо женатые жить въ нихъ не могутъ. Первымъ служатъ съ великимъ спараніемъ невольники, и содержаніе идетъ имъ на счетъ

Правительства. Невольники имѣють такъ же свои казармы, называемыя *Bauio*. Оныя суть превеликія спроеенія подъ сморѣніемъ надзирашеля и многихъ подчиненныхъ ему людей, изъ коихъ каждой имѣеть особливую должность. Они обязаны часно доносить Дюю о числѣ невольниковъ, и о расходахъ учиненныхъ на ихъ содержаніе.

Давно уже надлежало мнѣ говорить о мечетяхъ. Ихъ здѣсь считається большихъ десятихъ, и около пятидесяти малыхъ: но и тѣ и другія мечутся въ глаза своимъ великолѣпіемъ. Сверхъ того естъ въ Алжирѣ множество народныхъ школъ для дѣтей, и при училища для возмужавшихъ, желающихъ познать науки, какимъ въ Варваріи научиться можно. Я не могъ дойти до того, чтобы увидѣть способъ ученія и успѣхи учениковъ.

Въ городѣ нѣтъ совсемъ источника прѣсной воды, а засухи часно дѣлають безпольными и самыя водохранилища: но недоспаиновъ сей награждається однимъ водоводомъ, наполняющимъ не только превеликой нарочно сдѣланной чанъ, но и болѣе сиа трубъ, изъ копорыхъ у каждой прикованъ ковчъ для народнаго употребленія. Всякому вольному и невольнику позволяється пить изъ оныхъ невозбранно. Въ семь случаѣ царствуетъ между всѣми равность: всякой долженъ ждать очереди своей, и не оказывать неперѣливости. Надлежитъ однакожъ исключити изъ сего числа Турковъ. Они пьютъ, сколько скоро придуть. То же разумѣется и о Жидахъ, но въ противномъ смыслѣ. Жидъ пить не можетъ ни при Маврѣ, ни при невольникѣ Христіанскомъ.

Гробницы Деевъ и Пашей находятся внѣ города близъ однихъ воротъ. Онѣ имѣютъ десятип'фуповъ длины, и возвышаются куполомъ. Между оними естъ шестъ, которыя касаются одна до другой, и соснавлиютъ кругъ. Си послѣднiя суть могилы шестн Деевъ выбранныхъ одинъ послѣ другаго, и побиенныхъ въ одинъ день.

Я позабылъ совсемъ о теплыхъ баняхъ въ Алжирѣ находящихся. Число ихъ велико, а за входъ платящъ умеренно: содержатся же онѣ въ великой чистотѣ и исправности, убраны великолѣпно, и всегда наполнены людьми. Магометовъ законъ обязуетъ Турковъ къ частымъ омовенiямъ: а свойство климата дѣлаетъ оныя необходимыми и для шѣхъ, кои не слѣдуютъ Турецкой вѣрѣ. Алжирцы вообще нераспощивы, и любятъ воздержанiе. Государь имъ даетъ примѣръ. Главнѣйшее упражненiе его состоитъ въ томъ, чпобъ судитъ своихъ подданныхъ. Сiе чинится безъ письма, безъ издержекъ и безъ переноса дѣлъ въ вышнее мѣсто. Нѣтъ здѣсь ни спрянчихъ, ни прокуроровъ, и никакого рода ходатаевъ; нѣтъ никакихъ прощорей и убытковъ. Ежели доказано на жалобщика, чпо доносъ его лживъ, и чпо требованiе незаконно, пощчасъ получаетъ онъ въ наказанiе пять сотъ ударовъ палкою. Вѣрнѣйшiй способъ для предъупрежденiя несправедливыхъ ябедъ, нежели всѣ плашежи убытковъ и расходовъ.

Уголовные законы не меньше дѣйствительны гражданскихъ. Воръ или убiйца пойманной въ самомъ пресупленiи, приводится передъ Дея, и пощчасъ предается смертной казни.

Банкрутспвы, на обманъ основанные, также смертно наказываются: чпо рѣдко дѣлается у просвѣщенныхъ народовъ. У Алжирцовъ въ употребленiи сажатъ въ шюрму должниковъ, но испеченiи даннаго имъ для плашежа срока; но Дея въ то время увѣщаетъ заимодавцевъ поступать съ ними снисходительно. Онъ воспоминаетъ имъ многiе стихи изъ Алкорана, въ коихъ сказано, чпо когда должникъ бѣденъ и не въ состоянiи заплащитъ долгъ, долженъ быть опущенъ, и чпо сверхъ того надобно ему помочь подаенiемъ милоспины. Признайшесь, Государыня моя! чпо таковое поведенiе дѣлаетъ честь сему Варварскому народу, да принеслобъ оную и шѣмъ, кои даютъ ему сiе названiе.

Здѣсь не въ обыкновенiи оставлять свои упражненiя и занимать мѣста, дабы увидѣть, какимъ образомъ предаются смерти нашъ ближнiй. Пресупникъ, осужденный на казнь, идетъ безъ желѣзъ къ мѣсту оной, провождается однимъ только присавомъ, и почпи не бываетъ примѣченъ опъ народа. Естъ также нѣкоторая разность между здѣшнею и нашею полицiею. Здѣсь сiя команда опвѣчаетъ за воровство, и пощчасъ платитъ похищенные вещи: даже сосѣди, живущiе противъ покраденнаго дома, предаются смерти. Однимъ словомъ, Алжирцы шѣмъ щаспливы, (чпо рѣдко бываетъ въ другихъ мѣстахъ) чпо не только въ домахъ щщательно обережены, но и скорую получаютъ помощь, ежели кто нападетъ на нихъ внѣ дома.

Марабу, или попы сей спраны, весьма почитаются, но не имѣютъ никакого участiя

въ правленіи до вѣры принадлежащемъ, а еще меньше мѣшаются въ гражданскія дѣла. Алжирскіе Турки присматриваютъ за ними прилжно, ибо въ прошлые вѣки они захватили въ свои руки самодержавіе, и сдѣлали оное насльднымъ въ своемъ обществѣ. Сверхъ того, сіе Королевство населено различными народами, природными обывателями, Маврами, Арабами, Жидами, Турками, и наконецъ Хрисіанами.

Деревенскіе Мавры имѣютъ нѣкопоре сходство съ Арабами, шапаются какъ и они, цѣлыми семьями, и соспавляютъ опдѣленные колья. Они пакъ искусны въ изслѣдованіи доброты земли, что всегда выбираютъ наилучшую для произведенія каждой части года. Часто подъ однимъ наместомъ живутъ двѣ и при опрасли одного колья. Походная мельница, соспоящая изъ двухъ жерновъ и нѣсколько глиняныхъ горшковъ, соспавляютъ часть имущества или убранства ихъ жилища. Другой наместъ, а иногда и пошь же самой, покрываетъ вмѣстѣ лошадей, ословъ, коровъ, возъ, собакъ, кошекъ и птицъ. Все одѣяніе мужчинъ заключается въ шпукъ блага полспаго сукна, длиною въ при или чешыре аршина, въ копорую закушываются они съ ногъ до головы. Тѣ, кои позаживиѣ, носятъ родъ плаща и обыкновенно сберегаютъ его во всю свою жизнь. Когда заспаетъ ихъ дождъ на дорогѣ, они складываютъ со пицаніемъ сіе сукно или епанчу, кладутъ его на камень, и сами на него садятся нагіе. Такимъ образомъ не епанча его защищаетъ отъ ненастья, а напротивъ того онъ сберегаетъ епанчу отъ мокроты.

Мавры женятъ дѣшей своихъ въ споль младомъ возрастѣ, что не рѣдко между ими бывають маперы, коимъ нѣтъ еще самимъ одинацати лѣтъ отъ роду, а иногда и того моложе. Женихъ долженъ нѣкопорымъ образомъ купить невѣсту: по чему и въ обыкновеніе у нихъ вошло спрашивать: *что тебѣ стоитъ невѣста?* На сіе онъ опвѣчаетъ: *Добродѣтельной и скромной женѣ нѣтъ цѣны.* Когда приходитъ невѣста передъ его жилище, подружки ея подаютъ ей палку, копорую взявъ выпыкаетъ она въ землю сколь можетъ глубже, и говоритъ, что какъ сей палки не лъзи увезти инаково, какъ вырвать силою, пакъ и ее ни что съ мужемъ, кромѣ силы, не разлучитъ.

Арабы обвиняющіе на горѣ *Атласъ* и въ ближнихъ долинахъ, живутъ, сказываютъ съ большимъ опряпствомъ, нежели Мавры. Они обязаны изобиліемъ своимъ торговать съ городами Тунисомъ и Фецомъ. Многіе изъ нихъ упражняются въ земледѣльствѣ и въ ловлѣ дикихъ звѣрей: другіе въ астрономіи и стихопворствѣ, поютъ любовь свою, охоту и сраженіи. Всякой опмѣнившійся стихопворецъ увѣренъ въ полученіи награжденія отъ *Шейха*, или начальника въ каждомъ кольнѣ. Сіи Шейхи сами упражняются въ сочиненіи стиховъ и въ паствѣ стада своихъ. Они уподобляются жизни древнимъ Папприархамъ. Лучшія ихъ сочиненія собраны въ одну книгу, и дѣши учать оныя наизустъ: что и соспавляетъ у нихъ наиважнѣйшую часть воспитанія.

Что касается до *Жидовъ*, число ихъ велико, и всѣ они находятся въ чрезвычайномъ презрѣніи. Не позволяется имъ жить между

Магомешанами, хотя вольность сия дается всемъ другимъ народамъ. Жены ихъ принуждаются по улицамъ ходить съ открытымъ лицомъ, для различенія отъ Магомешанокъ, кои никогда не показываются безъ покрывала.

Турки всѣ военные люди, и почитаютъ себя благородными. Въ должностяхъ и достоинствахъ вслупаютъ они по старшинству. Христіанскіе *отступники* пользуются шими же преимуществами. Сколь скоро начинаютъ они явно исповѣдывать законъ Магомешанской, спощасъ и получаютъ плату, и могутъ добиваться всѣхъ должностей, даже и Деева достоинства. Чшо принадлежитъ до невольниковъ, число ихъ здѣсь очень велико: шѣ, кои имѣютъ оныхъ больше, отдаютъ ихъ въ наемъ и Туркамъ ѣздящимъ по морю, и чужеспраннымъ поселяющимся въ городѣ. Несправедливо думаютъ въ Европѣ, чшо Алжирцы употребляютъ обѣщанія, угрозы, битье, для принужденія невольниковъ къ принятию ихъ вѣры. Они боясь напроптивъ, чшобъ невольники не отреклись сами отъ своего закона, ибо въ семъ случаѣ Отцы искупленія не могутъ уже ихъ выкупить, да и сами они поперяютъ желаніе выкупиться. Въ прочемъ всѣ вѣры здѣсь терпимы; всѣ чужеспранные, вольные и невольники имѣютъ своихъ поповъ и церквей: но мало есть *Турецкихъ женщинъ*, кои бы имѣли какое-либо понятіе о вѣрѣ. Хотя онѣ молятся, хотя нѣтъ, хотя ходятъ въ мечети, хотя не ходятъ; у Турковъ все сіе почитается за одно. Наполковываютъ имъ съ малолѣтства, чшо онѣ сотворены единственно для умноженія ушѣхъ мужчины: чему онѣ охотно и вѣрятъ.

У Алжирцовъ нѣтъ ни концерповъ, ни собраний, и никакого народнаго или особаго позорища; игорь азартныхъ они не знаютъ, да и ни въ какую, какъ на примѣръ, въ шашки, за деньги не позволяется имъ играть. Посуды серебряной весьма у нихъ мало, да почти и совсемъ нѣтъ. Ложки деревянные, вилокъ не знаютъ, и споловъ не употребляютъ. Блюды спановятся на рогожку, которая съ кушаньемъ и уносится. Мебели очень просты и у самыхъ богатыхъ. Въ лучшемъ покоѣ первое украшеніе есть коверъ, и часно рогожка сдѣланная изъ проспника или пальмовыхъ листьевъ. Обои, спульа, зеркала, буфеты, карпины, всѣ изобрѣненія роскоши, у нихъ изгнаны. Женщины не бѣлятъ и не румянятъ лицъ, какъ наши, но чернятъ волосы и брови, а концы пальцевъ красятъ синимъ. Все сіе есть дѣло воображенія, и можетъ быть мы и не играемъ, еслии спанемъ сравнивать женщинъ нашихъ съ Африканскими.

Мы (по есть общество наше) ѣздили въ нѣкоторыя зависящія отъ Алжира города. Сіе Государство раздѣляется на три части или губерніи, называемыя отъ Турковъ Воспочною, Полуденною и Полуночною. Всякая изъ нихъ повинуется Бейю, а онъ самъ Алжирскому Дею. Мало есть каменныхъ городовъ и опмѣнныхъ зданій во всемъ Королевствѣ. Многочисленныя колѣны сельскія препровождаютъ жизнь спранствующую. Различаются они *Адуарали* или спановицами: такъ называется нѣкоторое число семей, кои соединясь вмѣстѣ, живутъ подъ наметами. Сіи Адуары перемѣ-

являют мѣста и положеніи, смотря по времени и выгодѣ земледѣльства и пасивы.

Я вдругъ опишу вамъ путешествіе наше въ *Фецъ* и *Марокъ*. Сіи два города лежатъ верспахъ въ пятидесяти одинъ отъ другаго. Каждой изъ нихъ есть столица особаго Королевства, и подчиненъ одному Государю. *Фецъ* раздѣляется на старую и новую городъ, но первой заслуживаетъ больше вниманія. Въ окружности онъ имѣетъ сорокъ пять верстъ; видъ домовъ потяже, чю и въ Алжирѣ. У жилищныхъ обывателей на дворахъ подѣланы водою въ мраморныхъ чанахъ, окруженные помаранцовыми и лимонными деревьями, кои чрезъ круглой годъ приносятъ плоды. Рѣка раздѣляется на шесть протоковъ, снабжаетъ водою въ дома въ городѣ, приспа шестьдесятъ шесть бань, обращаетъ въ одно время шестое же число мѣльницъ, и сколько же въ городѣ находится печей, въ коихъ безпрестанно пекутъ хлѣбъ. Я удивлялся строенію главной мечети. Она величественна и казиста, равно какъ и училище; и, чю всего удивительнѣе и достойнѣе воспоминанія, въ семь Варварскомъ училищѣ находится превеликая и драгоценная библиотека.

Городъ *Сале*, лежитъ на западномъ краю Африки, и есть наилучшій въ Королевствѣ *Фецкомъ*. Рѣка *Тверу* раздѣляетъ его на двѣ части, и составляетъ между ими пристань для купеческихъ судовъ: но входъ въ нее пруденъ, ибо пресѣкается порогомъ идущимъ въ долъ берега. Въ шой части города, копорая называется *Рабтъ*, находится двѣ главные, довольно широкія и торговыя улицы. Въ одной изъ

ихъ рынокъ, на копорой деревенскіе жители привозятъ продавать плоды и произрашеніи. По обѣимъ сторонамъ заспроена она лавками купеческими и масперскими. Другую улицу наполняютъ сапожники, или маспера *палушъ*, единственной у Мавровъ обуви. Сія послѣдняя вся покрыта съ верху хворостомъ, и зелеными въшьями, защищающими работниковъ отъ солнечныхъ лучей. Качество и количество масла деревянаго, дѣлаемаго въ Салѣ, соединяясь съ нечистою домовъ и жилищей, производитъ по городу несносную вонь: да и вообще все въ немъ гадко. Городъ окруженъ стѣною со многими воротами, кои спрегупса часовыми, вооруженными палкою. Сколь стѣны ни высоки, но не крѣпки, и отъ мѣста до мѣста поддерживаются небольшими четверугольными и высунувшимися башнями. Изъ всей сей стѣны, одна часть хочеть повалилась сама собою, а другая разрушилась бы отъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ. Между стѣнами и городомъ находится кладбища, кои стѣмъ больше занимаютъ мѣста, чю Мавры никогда не кладутъ въ одну могилу двухъ тѣлъ. Они боятса обезпокоить своихъ прародителей, и для избѣжанія шаковаго пресупленія, означаютъ каждой гробъ камнемъ, копорой служилъ знакомъ, чю путь не должно рыть земли. По чему видны весьма проспранныя мѣста, усаженныя камнями, похожими на врыпую концемъ въ землю доску. Поля, питающія живыхъ, не споль покрыты жапвою, какъ сіи кладбища камнями: но чю всего больше привлекаетъ любопытство, супъ Мавзолей, кои благочестіе или ослѣпленіе возстановило памяти съумасшедшихъ.

Въ милѣ отъ города находится старая четверугольная башня, вышиною во сто футовъ, копорая, какъ думаютъ, построена была *Португальцами*. Входя на нее по вскапу, но споль оплоному, что можно взѣхать и верхомъ. Поддерживающіе вскапъ своды сдѣланы изъ кирпича, и начинаютъ порпиться отъ времени. Стѣны соспроены изъ прекраснаго песанаго камня, и имѣютъ около семи футовъ толщоты. Я бы почель сіе зданіе за шпорму, еспьлибъ не увидѣлъ въ нѣдри оспашковъ живописи. Въ прочемъ, Мавры никакого употребленія не дѣлаютъ изъ башни, и не знаютъ, къ чему она въ старину служила. Сверхъ оной видны другія древности въ сихъ мѣстахъ, но всѣ онѣ представляють шолько развалины.

За городскими стѣнами расположены сады жипелей. Всякой беретъ шолько земли, сколько надѣется выработать; и еспьли наскучитъ, то опять ее оспавляетъ, и переходитъ съять на близъ лежащее поле, когда другой не захватилъ его уже прежде. Вообще, нѣтъ здѣсь почной собственности. Все принадлежитъ Императору; но въ семь всенародномъ грабежѣ, каждой думаетъ имѣть право присвоить себѣ Государево добро до шѣхъ поръ, пока не благоволитъ Монархъ пошребовать его назадъ. Все богатство садовъ состоитъ въ лимонныхъ и померанцовыхъ деревьяхъ, а деревья садятся рядомъ, и безъ всякаго старанія соспавляютъ пріятныя роши, гдѣ воздухъ бываетъ свѣжъ и благовоненъ.

Королевство Фецкое еспь наплороднѣйшій округъ въ Африкѣ, но половина земли

въ немъ лежитъ пуспа. Мавры не имѣютъ ни охоты, ни шпанія; отъ чего и производитъ, что повсюду представляется въ сей землѣ степь, даже и не далье отъ города, какъ въ одной милѣ, гдѣ поля чрезвычайно обширны, голы, и ни одного дерева не имѣющія, равно какъ и большія между городами и селеніями дороги. Проѣзжіе принуждены возитъ съ собою палатки, дабы прикрытись отъ солнца, и ночь препроводитъ не на росѣ. Случается проѣхать цѣлую область не встрѣтивъ ни одного человека.

Королевство Марокское почти въ двое больше Фецаго, но оно не шоль населено, сколько обширно. Замокъ его, служащій сералемъ Государю, имѣетъ, сказываютъ, пять верстъ во округъ, и почиается за наипрекраснѣйшій во всей Африкѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы пруды, а пополоки убраны зеркалами, такъ, что кажется плаваютъ въ зеркалахъ рыбы, дѣйствительно въ прудахъ находящіяся; но удивительнѣе сего суть водоводы, снабжающіе Марокъ водою, и текущія чрезъ цѣлыя двѣсти верстъ.

Я спрашивалъ у нашихъ ученыхъ о Древней Исторіи Феца и Марока. Они мнѣ объяснили, что сіи два Королевства включены были въ древней *Магританіи*, получившей имя отъ Мавровъ, первыхъ ея жипелей. Справа сіа была всегда подъ наисуровѣйшимъ деспотизмомъ. Когда *Римляне* перенесли въ нее свое оружіе, оной уже шамъ царшвовалъ, а шеперь еще больше усилился. Народы здѣшніе воспитываются въ шомъ заблужденіи, что всѣ лишующіеся жизни отъ собственной руки Госу-

даря, или по его повелѣнію, могутъ надѣяться получить опличное мѣсто въ Раю. Въ прочемъ, сія часть Африки претерпѣла тѣ же премѣны какъ и другія, по естѣ, что была она покорена Римлянами, Готами, Сарацинами, Арабами и пр. Покольніе Князей царствующихъ въ ней въ наше время, представляеть наивеличайшіе примѣры пиранства и безчеловѣчія. Одинъ изъ нихъ, называемой *Абдала*, умершилъ десятерыхъ своихъ родныхъ братьевъ по одному только подозрѣнію и спраху. *Мулей Исмаель*, одинъ изъ его преемниковъ, спарался бытъ справедливымъ: но производилъ справедливостъ чуднымъ и спрашнымъ образомъ. Арабы его украли у одного мужика пару быковъ, соспавлявшихъ все его имущество. Мужикъ принесъ на нихъ жалобу Государю. Исмаель велѣлъ всѣмъ своимъ людямъ проходить по одинакѣ мимо обокраденнаго, и предавалъ смерти тѣхъ, которыхъ узнавалъ и изобличалъ мужикъ; но наконецъ убилъ и его самого, въ наказаніе за убытокъ имъ себѣ причиненной. Другой *Абдала* не меньше перваго жестокій, вздумалъ наказать Начальника Негровъ. Сей будучи оснавленъ ошъ своихъ подчиненныхъ, спряшался въ мечеть, надѣлъ одѣяніе мнимаго священнаго, которой былъ тамъ въ почтеніи, и подъ симъ рубищемъ далъ себя весци предъ Абдалу. Государь съ почтеніемъ поцѣловалъ одежду его покрывающую, потомъ приказалъ ее снять съ него, вонзилъ ему копье въ грудь, и велѣлъ принести себѣ чашку, чтобы напишься его крови; но первой его Министръ, доспойной таковаго Государя, воспротвилъся тому, представляя, сколь унижилеленъ будеть сей пон

спунокъ для его достоинства; и просилъ, чтобы ему позволили выпить кровь, которая не можеть обезчестить подданнаго. А претій конечно не былъ споль безчеловѣченъ, какъ Абдала, и не нашель бы помощникомъ себѣ подобнаго Министра.

Имперія Морокская весьма обширна. Земля въ ней плодоносна, и наполнена горами и долинами. Всякой годъ три раза приносятъ она плоды, и споль разъ больше приносятъ можеть произрашеній, нежели нужно жителамъ: но лучшая часть оной не обработана. Вывозъ хлѣба опшуда запрещенъ, а хранится подъ землею оного сполько, чтобы пятъ лѣтъ пропитать всѣхъ жителей. Изобилуетъ также спрана сія виноградомъ, медомъ, воскомъ, шелкомъ, шерстью, хлопчатною бумагою, инбиремъ, сахаромъ, индигомъ и проч. Въ долинахъ распуны претрядные плоды; горы наполнены мѣдными рудниками, кои и соспавляютъ наиглавнѣйшую часть шорговли Марока съ Европейцами.

Жиды производянтъ сію шорговлю. Барышъ ими изъ оной получаемый, чрезвычайно великъ. Вы не будете о шомъ сумнѣваться когда узнаете, что здѣсь они и проворнѣе, и плутовашѣе, нежели въ какомъ либо другомъ мѣстѣ. Правда, что много предоспорожностей надобно имъ приниматъ; ибо всегда гоповы уморили ихъ подъ палками за наималѣйшій протспунокъ. Ежели Жидъ спойтъ на дорогѣ, по которой идетъ Мавръ; сей послѣдній или даеть ему пощечину, или ударъ кулакомъ, чтобы онъ опспунилъ, и Жидъ не имѣеть права думать объ опшценіи; по шому что

ежели осмѣлятся поднять руку, поспѣшь опрубяшь ему оную безъ всякаго суда: Ежелижъ захочешъ жаловаться, долженъ идти къ Губернатору, но подвергаешъ себя часто тому, что въ судѣ его же обвиняшъ. Жидаы Феціе и Марокскіе производяшъ опъ шѣхъ, кои выгнаны были изъ Гишпаніи и Португаліи. Они употребляютъ еще и языкъ сихъ двухъ Королевствъ.

Прочіе жители сущъ *Береберы* или *Варвары*, *Арабы*, *Мавры*, *Негры*, *Ренегаты*. *Береберы* почитаются старинными жителями здѣшней страны. Живущъ они въ шалашахъ по горамъ, и ни мало не перемѣнились ни во нравахъ своихъ, ни въ языкахъ. Сказываютъ, что языкъ ихъ есть пошъ самой, копорымъ говорили древніе Картагеняне.

Арабы также сохранили языкъ и старинные обычаи, въ шеченіи двухъ тысячъ лѣтъ. Они выводяшъ свое начало опъ побѣдителей Гишпаніи; опъ шѣхъ самыхъ, кои покорили ее въ три года, и владѣли семь сотъ лѣтъ. Сіи *Арабы* живутъ въ палаткахъ, и переѣзжаютъ изъ одного округа въ другой. Раздѣляются они на поколѣнія, или *Адуары*, въ копорыхъ старшій бываетъ обыкновенно начальникомъ, и состоявляютъ всѣ вмѣстѣ около пяти или шести тысячъ человекъ, управляемыхъ однимъ вождемъ, копорой ходитъ съ ними на войну въ силу получаемыхъ опъ Императора повелѣній. Они сущъ наилучшая конница въ Королевствѣ.

Мавры производяшъ, какъ *Арабы* и *Жидаы* опъ выгнанныхъ изъ Гишпаніи, и населяютъ морскіе берега. *Негры* спали весьма примѣшны

въ сей области со времени Мулея Исмаеля, копорой имъ много добра дѣлалъ. Что касается до *Ренегатовъ*, число ихъ мало, но нѣтъ можетъ быть такихъ злодѣевъ на свѣшѣ. Опспушение ихъ причиною, что они въ презрѣніи у своихъ господъ, кои почитаютъ перемѣну вѣры порокомъ даже и въ шѣхъ, копорые оправдываютъ свой природной законъ, дабы приняшъ исповѣдуемой его господиномъ. Я спрашивалъ у одного Салешинца, бывшаго долгое время плѣннымъ на Французскихъ галерахъ, какъ ему не пришло охоты сдѣлаться Христіаниномъ? „Доброй Мавръ, отвѣчалъ онъ, „мнѣ, никогда не можетъ быть добрымъ Христіаниномъ: а доброй Христіанинъ, прибавилъ, „указывая съ презрѣніемъ на одного опспушника, „да, не можетъ никогда быть добрымъ Мавромъ.„ Сіи Ренегаты по большей части *Испаліянцы*, или *Гишпанцы*, кои не находя безопасности въ своемъ опечествѣ, гдѣ они учинили какое нибудь преспушение, не имѣютъ инаго способа кормиться, какъ искашъ спасенія въ пакой землѣ, опкуда взять ихъ не могутъ. Вѣру Магометанскую приняли они по тому, что впавъ въ руки Мавровъ, захотѣли избавиться опъ ига невольничества, или можетъ быть, что склонность къ грабежу принудила ихъ соединиться съ народомъ исповѣдующимъ сей законъ. Не смотря на презрѣніе оказываемое къ симъ опспушникамъ, *Мавры* еще щасливы, что ихъ имѣютъ: ибо опъ нихъ учашся строитъ и управлять корабли. Есть между сими извергами и такіе, кои не чиняшъ запрудненія быть начальниками морскихъ разбойниковъ, грабитъ свое соб-

спивенное опечество, и привозить съ триумфомъ земляковъ своихъ опягченныхъ цѣнями, дабы преданъ ихъ игу наисуровѣйшаго невольничества.

Съ Христіанскими невольниками наиспрожже поспуають въ Марокъ и Феѣ. Они почти могутъ завидовать жребію невольниковъ Тунисскихъ и Алжирскихъ. Работы ихъ ужасны, и едва дають имъ время нужное для сѣденія хлѣба, котораго не больше имѣють, какъ чпобъ только не умереть съ голоду. Не рѣдко запрягають ихъ въ шелеги съ ослами и лошаками. Ночью запирають ихъ въ подземныя пюрмы, кои попомъ покрываютъ желѣзною дверью. Чѣмъ больше кажутся въ соспоаніи невольникъ дасть въ купъ, тѣмъ немилосердѣе съ нимъ поспуають. Сей выкупъ не всегда соспоишь въ деньгахъ. Короли Марокскіе не берутъ оныхъ больше опъ чужеспранныхъ съ того времени, какъ Гишпанцы обманули ихъ, заплапя мѣдною монетою вмѣсто серебряной.

Маэры, соспаляющіе наибольшую часть жипелей сихъ двухъ Королевствъ, вообще проворны, разумны, и великіе вымысленники; но сіи качествы не продолжаютъ далѣе двадцати лѣтъ. Чшо у насъ называется зрѣлымъ вѣкомъ, у нихъ шо уже старость. Они дѣлаются и глуны и нерадивы. Въ женщинѣ первымъ пригожствомъ почиается чрезмѣрная толщина, и объ ней только думаетъ мужчина, когда ищетъ женища. Дабы приобрѣсть сіе совершенство, ѣдятъ онъ сверхъ мѣры сочныя мяса; всѣ же не употребляютъ инаго, какъ звѣрей убиенныхъ кѣмъ илбудъ изъ ихъ народа. Охотники оборотятся въ спорону Мекки, и держа

за горло живошное, говорятъ: „Боже мой! „вошь жершва, которую тебѣ приношу; позволь, чпобы мы ее съѣли для наивеличайшей „швой славы!“, Попомъ зарѣзываетъ звѣря.

Сей народъ имѣетъ нѣкоторыя пословицы, изъясляющія довольно ясно нравъ его. Такова па примѣръ есть слѣдующая, которая доказываетъ скупость Мавровъ: *дареной уксусъ лучше купленого меда*. Они говорятъ, лошадь, женщина, книга, для изъясненія предметовъ, кои кажутся имъ наинужнѣйшими.

Полиція городовая въ Имперіи Марокской поручена попеченію Губернатора, которой есть судія, а иногда и палачъ. По утру призываетъ онъ на рынокъ, гдѣ Мавръ, которой убилъ быка своего, опрѣзываетъ кусокъ мяса и ему предспавляетъ. Губернаторъ смощря по наружной добротѣ мяса, успановляетъ цѣну, и прогуливается весь день по городу на лошака, имѣя за собою слугу съ палкою. Ежели найдеть кого въ преспупленіи, повелѣваетъ дасть ему нѣсколько ударовъ, когда самъ не захочетъ того исполнить своими руками. Терпящій не можетъ жаловаться на него въ вышнемъ судѣ, и получаемое наказаніе всегда почиается по справедливости заслуженнымъ. Одни только великіе преспупленія предъоспаляются правосудію Императора. Виноватой осуждается на лишеніе того члена, которымъ согрѣшилъ. Ведутъ его предъ Монарха, изъясляють его преспупленіе, приговоръ пошчасъ заключается, и исполнимелемъ онаго бываетъ пошъ, у кого случится ножъ наготовѣ. Онъ рубитъ какъ умѣетъ; и вы можете по сему заключить,

что осужденной принужденъ выперпѣшь въ рукахъ пакаго палача?

Вошь все, Государыня моя! что я могу вамъ сказать о сихъ разныхъ спранахъ. Караванъ нашъ упражняется шеперь въ размышленіяхъ о выборѣ дороги. Для меня все равно, лишь бы былъ я въ состояніи видѣшь и вамъ сообщить что нибудь новаго. Есть у насъ новость, копорая васъ мало пронеть, но чрезмѣрно печалишь меня и докшора. Мы разлучаемся съ Маркизомъ и господиномъ З. . . . Сей послѣдній не въ состояніи снести должайшей дороги: ослабѣвающее ежедневно здоровье принуждаеть его съ воспишанникомъ своимъ возврапиться въ Марселію.

Я есмь, и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniemo-Duże
pow. Białystok

№

Оставляя Африканскіе берега мы сами не знали, какую избрать дорогу. Намѣреніе наше было сморпѣшь Грецію и главные оспрова въ Архипелагѣ; но дабы не ѣздишь нѣсколько разъ черезъ одно мѣсто, желалось мнѣ начать путешеспвіе Албанскими берегами, съ самаго Венеціанскаго залива, и попомъ ѣхашъ на разные оспрова лежащіе при Македоніи, Епирѣ и Мореѣ, или спаринномъ Пелопонезѣ. Намъ дали знашь, что опшправляющіяся въ Дулценію, шорговой городъ въ верхней Албаніи, при Турецкіе корабли, кои должны брашь грузъ свой въ разныхъ приспаняхъ. Мы договорились объ цѣнѣ съ однимъ изъ шкиперовъ, копорой показался мнѣ снисходительнѣе прочихъ и копорой обѣщаль способспвовать намъ, сколь будетъ можно, въ удовольспвованіи нашего любопышспва.

Выѣхали мы съ благополучнымъ въпромъ, оставляя въ правой рукѣ оспровъ *Кандію*, копорой древніе называли *Критомъ*, славной въ испоріи своими спо городами, а въ баснословіи рожденіемъ *Юлитера*. Мы плыли довольно счастливо по *Морю Премудрости* (mer de Sapience): но когда выѣхали на высопу Корфуи, въ нѣкопоромъ разспояніи опъ Венеціанскаго залива, поднялся въпръ прошивнѣй, и продержаль насъ нѣсколько дней на якорѣ. Онъ въ концѣ уже чешвершаго дня началъ ушпшашься, и мы прибыли благополучно въ *Дулценію*. Сей городъ, вспарину называвшейся *Улцинуль*, не великъ, но богашъ и шорговой.

Италіанскіе корабли нагружаются въ немъ хлѣбомъ, деревомъ, и кожами. За нѣскольکو миль оупъ него находишся *Дринской залвѣ*, больше извѣстной подь именемъ *залива Аполлонин*, гдѣ сей городъ, основанной Коринѣянами въ честь Аполлону, спояль прежде. Въ семь мѣспѣ вышли на сухой пущь *Цесарь* и *Поллей*; первой для угнѣшенія, а другой для защищенія своего отечества. Я ходилъ въ *Дуррацио* или *Дуррахіумъ*, которой нынѣ не что иное, какъ разоренная и упоающая въ болопахъ деревня. Онъ обязанъ знапнѣспію своею *Цицерону*, препроведившему въ немъ время своей ссылкой.

Корабли наши вскорѣ отправилсь въ пущь, и мы приплыли въ *Зацено*, откуда видны *Акроцеравниція* горы, прозванныя *Химе-рическии*. Сія горы, споль часто поражаемыя громомъ въ писаніяхъ спихотворцевъ, теперь обипаемы попомками древнихъ *Македонянъ*, кои хощя и окружены ошвсюда *Ошпшо-манскою* державою, понынѣ еще умѣли сохранишь свою независимость. На землѣ пакъ мало находишся людей свободныхъ, что наималѣйшее селеніе, пользующееся симъ преимущесвомъ, заслуживаетъ бышь примѣчено. Сія горы, раздѣляющія *Адриатическое* море оупъ *Ионическаго*, лежатъ въ *Елирѣ*, славномъ Царствѣ, въ которомъ родился наихрабрѣйшій изо всѣхъ *Грековъ*. *Пирръ*, сынъ и наслѣдникъ *Ахиллесовъ*, давалъ въ немъ пакъ же законы; владѣніе его достпалось *Елену*, сыну *Пріамову*, за котораго выдалъ онъ жену *Гекпорову*, по смерпи сего князя. Сія спрана была по помѣ управлѣема другимъ *Пирроомъ*, воевавшимъ въ

Италіи, и которой успрашалъ *Римлянъ* жребіемъ *Троянцовъ*, ихъ предковъ.

Мы сошли съ корабля на оспровѣ *Корфу*, именовавшемся у древнихъ *Корцирою* и *Феакією*. На семь мѣспѣ, говорилъ я выходя на берегъ, *Улиссъ* выброшенъ былъ бурею, произведенною *Неппуномъ* въ угодность *Калипсъ*, коей сей Царь *Ипакской* презрѣль благосклонность, и на семь мѣспѣ споль дружески онъ былъ принятъ оупъ *Арсинѣю*. Городъ *Корфу* еспъ сплица оспрова, которой оупъ *Римлянъ* и *Грековъ* перешель во владѣніе *Венеціанское*. Онъ довольно великъ и хорошо укрѣпленъ. Часпъ называемая *Старой Городъ* покрыта мраморными развалинами, доказывающими великолѣпіе древней *Корциры*. Недалеко ошпуда лежишь небольшая, но пріятная и плодоносная долина, орошаемая многими ручьями. Одинъ *Колоеръ*, или *Греческой монахъ*, съ которымъ разговаривалъ я о древности сего города, и которой пропивъ обыкновенія сего рода людей, былъ нарочито свѣдомъ, сказалъ мнѣ, что славные *Арсиневы сады*, споль разхваленные въ *Гомерѣ*, были на семь самомъ мѣспѣ, и припомнилъ мнѣ приключеніе *Навзикаи*, дочери сего Царя, которая идучи на рѣку мышь плашье, вспрѣтила несчастнаго *Улисса*, спасагося оупъ кораблекрущенія.

Островъ Корфу, имѣеть около сина двадцати миль въ окружности. Земля его въ полуденной споронѣ гориста. Хлѣба родится мало, но изобилуетъ онъ помаранцами, лимонами, и виноградомъ, а особливо уважаеть здѣшней медъ и деревянное масло, коимъ жители производятъ не малой портъ. *Венеціане*

посылають въ Корфу Губернашоровъ и судей, коихъ перемѣняютъ всякой годъ. Въ городъ находилсѣ Архіепископъ, и оной всегда бываетъ дворянинъ изъ республики. Греки не имѣютъ своего Епископа, но только пропоіеря, начальствующаго въ ихъ церкви.

Мы оспавили въ споронѣ *островъ святыхъ Мавры*, вспарину *Левкадію* называвшейся, на кошоромъ еспъ крѣпоспъ и не мало деревень. Былъ онъ славенъ капищемъ Аполлоновымъ, и близъ его лежащею каменною горою, съ кошорой Левкадіане имѣли обыкновеніе свержать каждой годъ одного преступника, для опвращенія нещаспій, кои бы могли имъ угрожать. Съ сей самой горы бросались опчаянные любовники въ море; чшо и подало причину называшъ ее *Скочекъ влюбленныхъ*.

Я видѣлъ мимоѣздомъ *мысы Никопольской и Акційской*, гдѣ происходило морское сраженіе между *Августомъ* и *Маркомъ Антоніемъ*, кошорое рѣшило судьбу обладанія надъ вселенною. Я воображалъ себѣ нещаспную *Клеопатру*, когда она бвѣ приведена въ спрахъ видѣніемъ Римскихъ кораблей, искала спасенія у береговъ *Нила*, удалялася на гребль, и послѣдуема была слабымъ, но обожавшимъ еще ея любовникомъ. *Августъ*, въ знакъ побѣды, построилъ близъ города *Акціи Никополь*, кошораго оспались шеперь только развалины, равно какъ и города *Акціи*. Онъ приказалъ шакже, чшо бы съ большимъ прежняго великолѣпиемъ опправлялись *Акціатическія игры*, успановленные въ чеспъ Аполлону.

Оспровъ, или лучше камень, называемой *Валь дю Коллеръ (Кулова долина)* между свя-

пою Маврою и Кефалоніею, бвѣ славная *Итака*, гдѣ царшвовалъ мудрой *Улиссъ*. Въ немъ важны весьма способы, кои упошребилъ сей хипрой Князь для пропипанія людей въ шакомъ мѣспѣ, гдѣ нынѣ едва находятъ пишу козы, на горѣ обитающія.

Купцы наши нагрузили корабль коринкою въ Кефалоніи, а по томъ въ Занпѣ, не далеко опъ нея лежащемъ. *Кефалонія* еспъ оспровъ въ двое больше Корфуи, но меньше населенной и не споль плодородной. На немъ находилсѣ нѣсколько деревень и крѣпоспъ, коей жипели шоргуютъ симъ славнымъ изюмомъ, кошорой прежде родился шолько въ окружностяхъ *Коринфа*. Въ Занпѣ его больше собираетсѣ, нежели въ Кефалоніи, по причинѣ величины оспрова.

Занпъ, инаково *Зацинтонъ* называемой, имѣетъ опъ сорока до пятидесяти деревень обитаемыхъ Греками и Турками. Послѣдніе владѣютъ довольно укрѣпленною и содержащею въ спрахъ весь оспровъ, крѣпоспю. Теперь *Зацинтъ* не покрывъ уже дубровами, какъ говорилъ *Гомеръ*. Съ печеніемъ времени земля вся выработана, и еспшли недоспаешъ чего жипелямъ, по единаго лѣса. Сверхъ коринки, въ Занпѣ родилсѣ множеспво дынь, персиковъ, винныхъ ягодъ, оливковъ, словомъ, всякаго рода преизрядныхъ плодовъ.

Не далеко опшуда находилсѣ не большой оспровъ *Дуликіонъ*, опстоящей опъ *Ипаки* въ восьми миляхъ. Онъ принадлежалъ *Улиссу*, какъ и Кефалонія съ оспровомъ святыхъ Мавры. Сей Царъ имѣлъ въ немъ свой дворець, коего посю пору показываются еще оспашки.

Мы продолжали путь нашъ вдоль *Острова Строфадскихъ*, въ которыхъ *Гарлин*, гонимыя *Зетесомъ* и *Калансомъ*, сыновьями *Борговыми*, скрылись. Я спрашивалъ нѣсколькихъ Турокъ тамъ бывшихъ, неизвѣстно ли на оныхъ чего о сихъ живописныхъ, но не могъ получить отъ нихъ ни малѣйшаго объясненія. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что конечно я говорилъ о Греческихъ монахахъ, кои одни тамъ и живутъ. Я усмѣхнулся его простотѣ, и поперялъ желаніе осмошрѣть сій малые острова.

Въ слѣдующей день оставили мы въ лѣвѣ *Сфактерію*, гдѣ *Аѳиняне* одержали побѣду надъ *Спартанцами*, по помѣ *Мысль Премудрости*, къ коему по причинѣ морскихъ разбойниковъ, боялись приближиться, и на конецъ *Тенарской*, нынѣ *Маталанскій* мысомъ называемой, при которомъ находящіяся многія пучины, почитаемыя спихотворцами за адскіе врапа. Черезъ нихъ провели они *Геркулеса* для поиманія пса *Церберы*. Въ семь мѣсѣ и по нынѣ рассказываютъ подобную басню; но въ мѣсто *Церберы* говорятъ о дѣволѣ, а въ мѣсто *Геркулеса* упоминаютъ объ *Архангелѣ Михаилѣ*.

Видъ *Цериги*, или острова *Цитеры*, приптанной области *Венеціи* разогналъ въ насъ сумнительныя мысли, произведенныя *Тенаромъ*. *Елена*, красавица воспалившая часть *Азіи*, родилась на семъ островѣ. Вы конечно ожидаете, Государыня моя, какого приптаннаго описанія о сей спранѣ, воображая, что она должна быть непрекраснѣйшая на всей земной поверхности. Я самъ думалъ, что природа украсила ее наилучшими своими дарованіями: но *Цитера* издалека показала намъ кучею горъ бесплодныхъ

и дикихъ; однакожь одинъ бывшей въ срединѣ острова человекъ увѣрилъ насъ, что находящіяся тамъ прелестныя долины, изобилующія виноградомъ и масличными деревьями. Онъ имѣетъ двѣ приспани, которыхъ служашъ великимъ убыткцемъ купеческимъ кораблямъ отъ разбойниковъ, наполняющихъ часно море на полдень *Греціи* лежащее.

Отъ самаго *Занпа*, мы имѣли часно случай сходить на твердую землю въ *Мореѣ*, которая, какъ уже я сказалъ, есть древней *Пелопонезъ*. Я рѣшился на конецъ съ докпоромъ побывать въ ней; и шкиперъ высадилъ насъ на концѣ *залива Лаконическаго*, инако *Колохинскій* называемаго, въ самомъ ближайшемъ мѣстѣ къ *Мизитрѣ*. Мы взяли одного Грека въ *Дурацѣ* вмѣсто проводника. Въ первой день ѣхали мы плодоносною и выработанною долиною. На правой рукѣ была у насъ *Евротта*, ша славная рѣка, на берегахъ которой древніе *Спартане* приобучались къ понесенію трудовъ.

Докпоръ мнѣ сказалъ, что *Лакедемонъ*, гдѣ нынѣ стоить городъ *Мизитра*, былъ основанъ *Лакедемономъ*, сыномъ *Юпитера* и *Тайгеи*. Вы знаете, что *Ликурзь*, одинъ изъ Царей *Лакедемонскихъ*, прославился мудростію законовъ ему данныхъ. Жилъ онъ около того времени, когда *Ромулъ* основалъ Римскую Имперію. *Спарта* получила все свое величество отъ сего разумнаго законодавца, вскорѣ учинилась соперницею *Аѳинамъ*, и чрезъ долгое время повелѣвала всею *Греціею*.

Въ *Мизитрѣ* счисляютъ около пятнадцати тысячъ жителей, между коими очень мало

Турювь. Она защищается замкомъ, построенымъ на горѣ, гдѣ была крѣпость Спарши. Малое число слѣдовъ оставшихся отъ достопамятностей, украшавшихъ сей древней городъ, суть изломанные столпы, и разбросанные по полю карнизы, капишѣли и пр. Можно узнать однакожь разположеніе *Театра* и *Дромоса*. Первой имѣлъ двѣсти пятьдесятъ шаговъ въ наибольшемъ своемъ опверстии. Стѣны были изъ хорошаго песаного камня, а ступеньки мраморныя. Противъ театра видны обломки столповъ и кирпичной стѣны, кои выдавали намъ за останки *гробницы Павзаніевой*. Тутъ же стоялъ храмъ славы, на которомъ вырѣзаны были имена прехъ соотъ Спаршианъ, лишившихся жизни при защищеніи *Термопилъ*. Намъ показывали сей столпъ въ одной церкви въ городѣ, куда онъ послѣ перенесенъ. *Дромосъ* былъ круглая площадь, на которой молодые люди учились бѣгаться и управляли лошадьми: можетъ быть на сей же самой площади дѣвицы плясали наги и боролись съ молодыми мужчинами въ присудствіи спариювь.

Сія провинція гораздо больше просвѣщена нынѣ, нежели была во время *Венеціанъ*, кои потеряли ее въ 1715-году. Въ ней путешествовать можно столь же безопасно, какъ во Франціи и Англии. Управляетъ ею Паша, живущей въ *Триполисѣ*. Я отъ сего самаго Паши свѣдалъ, что содержишь она около семи сотъ тысячъ жителей, повинующихся Султану, и пятьдесятъ или шестьдесятъ тысячъ *Майнотъ*, или Менотовъ, прозванныхъ отъ небольшой пристани *Майны*, которую имѣють они

въ Колохинскомъ заливѣ, на полдень отъ Лакедемона. Сей народъ происходитъ отъ древнихъ Спаршианъ, живущъ въ горахъ Лаконійскихъ, и предъуслыли съ помощію сихъ угрѣсискихъ горъ, сохранишь себя въ независимости отъ Турювь, кои никогда не могли ихъ покорить. Въ концѣ прошедшаго вѣка Турки захватили ихъ пристань, которой послѣ сами лишились, и по сей причинѣ множество семей Майнотскихъ перешли на островъ Корсику, гдѣ перемѣстались съ природными жителями. Корсика была достояна по истиннѣ служивъ убѣжищемъ потомкамъ Спаршианъ.

Французы производящъ наивеличайшую торговлю въ Морѣ. Они тамъ имѣють въ разныхъ мѣстахъ одиннадцать или двенадцать купеческихъ домовъ, генеральнаго Консула въ Коронѣ, и двухъ Вицеконсуловъ, одного въ *Патрасѣ*, а другого въ *Наполѣ ди Романія*.

Изъ Мизиры поѣхали мы въ *Наполь*, или древній *Навлиумъ*. Городъ *Аргосъ*, сохранившій до нынѣ свое спаринное имя, лежитъ на другой сторонѣ залива. Я дорогою видѣлъ небольшую лужайку, на которой сражались приста Спаршианъ, предводимыхъ *Леонидасомъ*. Проѣзжая въ *Наполь*, по Спаршианской дорогѣ, видно возвышеніе, покрытое развалинами, кои починаются за останки *Дсорца Агамемнонова*.

Мы продолжали путь нашъ къ *Миценѣ*, которую основалъ *Персей*, освободившій *Андромединъ*. Нынѣ называютъ ее *Агосъ-Андреаносъ*. Между Миценою и Аргосомъ былъ городъ и роща *Немейская*, гдѣ убилъ *Геркулесъ* ужаснаго льва. Аргосцы отправляли въ оной

всякой годъ игры и сраженіи, прозванныя *Немейскими*, въ честь сему герою. Жители Аргоса почитались наиспраспнѣйшими изъ всѣхъ Греческихъ народовъ къ *Музыкѣ*. Сей вкусъ и по нынѣ царствуетъ между ими. Сколь скоро кончится работа, всѣ обыватели собираются у воротъ своихъ домовъ, или на берегу моря и поютъ наигрывая на лирѣ, копорая походитъ на древней сего имяни инструментъ. Мицена находилась во владѣніи Аргосскихъ, а по помѣ Лакедемонскихъ Царей. Новой городъ, заступившій ея мѣсто, не имѣетъ ни чего привлекающаго любопытство. Я не больше доволенъ былъ и *Коринѣмъ*.

Сей городъ, бывшій встарину украшеніемъ Греціи, и столицей *Ахайи*, и перь есть большая деревня, лежащая между морями Ионическимъ и Егейскимъ. Древней *Коринѣ* имѣлъ въ окружности около пятидесяти верстъ. Думаютъ, что онъ основанъ былъ разбойникомъ *Сизифомъ*, сыномъ *Еоловымъ*, а по разореніи своемъ вновь выстроены нѣкоторымъ *Коринѣемъ*, сыномъ *Пелопсовымъ*. Римляне взявъ его приступомъ весь выжгли. Множество спашуй золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ разпопились въ семь пожарѣ. Сии разные металлы, слившись въ мѣстѣ, составили родъ дорогой мѣди, названной попомъ *Коринѣскимъ металломъ*.

Дома построенные безъ всякаго порядка и искусства, заняли мѣсто дорогихъ зданій украсившихъ сей гордой городъ. Жители, коихъ число простирается до тысячи пяти сотъ человекъ, имѣютъ почти всѣ великіе сады изъ помаранцовыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Земля

приноситъ ячмень, пшеницу, оливки, и вино, съ копораго они получаютъ великіе доходы. Мы видѣли на одной высотѣ съ дюжину сполповъ, оспашки, сказываютъ, нѣкопораго древняго храма. Крѣпость лежитъ въ небольшой милѣ отъ города на каменной горѣ, съ копорой видна гора *Цитеронъ*, гдѣ поспрадалъ несчастной *Едипъ*. Видны отсюда такъ же вершины *Парнасса* и *Геликона*. Теперь сии горы суть сокровищи для бопаники, какъ были встарину для спихотворцевъ. По правую и по лѣвую руку крѣпости есть двѣ крѣпости, имѣющія каждая свой гарнизонъ и Агу, или особаго Коменданта. *Источникъ Пиренской* находится въ самомъ возвышенномъ мѣстѣ горы; вода въ немъ чиста и изобильна. Сказываютъ, что конь *Пегазъ* пилъ изъ него, когда былъ поиманъ *Беллерофонтомъ*, употребившимъ его въ сраженіи съ *Химерою*. Вамъ извѣстно, что намѣреніе было прокопать *Коринѣской* мысъ, или междуморіе, имѣющее только около 10 верстъ ширины отъ одного до другаго моря. Я видѣлъ, съ стороны *Лепантскаго* залива, ровъ, копорой было уже начали копать для сей причины, и копораго оспались еще по нынѣ нарочитые слѣды.

Пробираясь въ *Мегару* ѣхали мы по узкой дорогѣ, у копорой по одной сторонѣ лежатъ *Скиронейскія* горы, а съ другой ужасная пропасть, покрывшая морскою водою. Въ семь самомъ мѣстѣ держался славной разбойникъ *Скиронъ*, убитой *Тезеемъ*. Ежели городъ *Мегара*, почитающій основателемъ своимъ сына *Аполлона Мегарея*, находится не въ лучшемъ сосояніи, какъ *Коринѣ*, онъ имѣетъ по край-

ней мѣръ по преимуществу, что не переменилъ своего имени, какъ по случилось со многими другими. Славной *Евклидъ*, въ немъ родившійся, доволенъ бы былъ для учиненія его безсмертнымъ. Въ развалинахъ не нашелъ я ничего заслуживающаго любопытство, хотя въ древнія времена городъ былъ изъ самыхъ цвѣтущихъ въ Греціи.

Опъ Мегары считаеся спо верспъ до *Лепсини*, древняго *Елевзиса* названнаго по имени одного своего Царя *Елевзиною*. Докпоръ не унуцающій ни малѣйшаго случая для приведенія на память баснословія, сказывалъ мнѣ, что въ семь городъ пристала богиня *Церера*, когда искала дочери своей *Прозерлины*, похищенной Плутономъ. Царь ее принялъ весьма благосклонно, а богиня изъ благодарности помогла въ родахъ его женѣ, и была сама кормилицею младенца, названнаго *Триптолемомъ*. Она его попомъ обучила насъвать землю, и способствовала привести въ совершенство земледѣіе.

Елевзинцы построили великолѣпной храмъ *Церерѣ*, и учредили въ честь ея праздники, названные *Тесмофоры*, въ которыхъ молодыя дѣвицы носили на головахъ корзинки, наполненныя колосьями. Въ Лепсинѣ нѣтъ больше жилищей; спрахъ опъ разбойниковъ принудилъ ихъ всѣхъ опшуда выбраться, но сіе не удержало меня осмопрѣтъ прекрасныя мраморныя развалины, коими поле покрыто, а особливо въ помъ мѣспѣ, гдѣ споялъ храмъ *Цереринъ*. Украшеніе сполповъ лежатъ одни на другихъ: Дорической орденъ смѣшенъ съ Ионическимъ; руки, ноги опъ спашуй валяющя съ подножіями

сполбовъ. Я примѣшилъ грудную спашую изъ бѣлаго мрамора, которая конечно составляла часпъ богинина испуваня; на головѣ имѣла сна корзинку, около которой вырѣзаны волосы. Лице совсѣмъ испорчено. Лѣвое плечо покрыто долгими волосами, перевязанными лентою. На груди видна *Медузина* голова между двумя лентами. Все очень чисто выработано и доспойно бытъ прудамъ славнаго *Праксителя*, почипаемаго за мастера, здѣлавашаго сію спашую.

Мы спѣшили приблизиться къ *Аѣнтамъ*, которые наибольше возбуждали въ насъ любопытство, и были въ самомъ дѣлѣ главною цѣлью нашего пушешествія. Никакой городъ въ свѣспѣ не пріобрѣлъ больше славы оружіемъ, мудростію законовъ, вкусомъ къ художествамъ, и безконечнымъ числомъ великихъ людей во всякомъ родѣ, въ немъ родившихся. Докпоръ имѣлъ случай показатъ здѣсь всю свою ученость. Древность города *Аѣинъ* не оспорима. Баснословіе приписываетъ начало его *Палладѣ*; испорія даешъ ему основателемъ *Цекролса*, а *Тезей* и *Кодръ*, наслѣдники его, учинили городъ наивѣтущимъ въ Греціи. Онъ былъ попомъ управляетъ *Аргонтами*, за коими послѣдовало народное правленіе. Сія республика сохраняла чрезъ долгое время надъ всѣми прочими явную поверхность, и произвела споль же много героевъ, сколь и ученыхъ людей. Послѣ Римскихъ завоеваній, жили ея мало по малу начали удаляться опъ добродѣтелей своихъ предковъ: за поперяніемъ вольности послѣдовало изпребленіе художествъ и наукъ; и онъ имѣлъ пу же учаспъ, что и прочіе города, кои

до конца опустошило неисповсство Турковъ. Видны однакоже еще нѣкоторыя слѣды прежняго его соспоянія, и малое число развалинь доказываютъ, какъ его славу, такъ и варварство его побѣдителей.

Новые Асины имѣють поже положеніе, что и древніе, но гораздо меньше занимають мѣста. Крѣпость построена на утѣсистой камнѣ, лежащемъ на холмѣ, которой можеть имѣть около тысячи двухъ сотъ шаговъ въ окружности. Нѣсколько лѣтъ назадъ были въ оную при великолѣпные входа съ разными выпуклыми изображеніями. Я думаю, что онѣ были шѣ самые *Пролилен* или сѣни, коихъ сооруженіе стоило больше двадцати тысячъ талантовъ. (*) Въ нѣсколькихъ шагахъ, идучи вверхъ, находился *храмъ победы*, вправо отъ дороги ведущей къ Минервину храму. Онъ служилъ Туркамъ вмѣсто арсенала, равно какъ и другое большое зданіе, лежащее на противъ его. Столбы и шого и другаго, кои еще остались, суть Ионическаго ордена, и украшены выпуклыми изображеніями, весьма искусно высѣченными.

Мы пришли къ храму *Минервы*, которой зберегли Турки. Они здѣлали изъ него главную свою мечеть, но въ 1687 она разорена была бомбою, и намъ не досталось удовольствія видѣть ее въ цѣлости, какое имѣли путешествовавши бывшіе прежде насъ. Бомба взорвала нупрѣ зданія и рядъ столбовъ; другіе при ряда еще цѣлы, и составляютъ наипрекраснѣйшій монументъ древности во всѣмъ свѣтѣ.

(*) Двѣнадцать миліоновъ рублей.

Сей храмъ былъ изъ бѣлаго мрамора, довольно похожей съ вида на параллелограмъ. Длина его съ востока на западъ была двѣсти двадцать, а ширина сто футовъ. Сорокъ восемь столбовъ Дорическихъ, вышиною въ сорокъ два фута, составляли около храма преудивительную галерею; чело входа украшено было прекраснымъ изображеніемъ вснупленія Минервы въ Асины. На немъ видна была колесница богини, везомая конями споль высокаго искусства, что достойны они рукъ *Праксителей* и *Мироновъ*. *) Внутренность зданія представляла взору двойной рядъ мраморныхъ столбовъ, составляющихъ также галерею. Стѣны равно были мраморныя и украшены живописью и мозаикомъ. На верхней части высѣчены были сраженіе со Кенпаврами, жертвоприношеніе, ходы, торжественные обряды. Балдахинъ надъ престоломъ, во время Христіанъ, поддерживался четырьмя столбами, изрядно выработанными изъ порфира. Сей храмъ очень темень; но еще теменьше повидимому былъ, пока Греки не здѣлали на хорахъ отверстія, чрезъ которое свѣтъ входилъ въ средину зданія. Я поже самое примѣнилъ во всѣхъ языческихъ капищахъ, кои пощадило время до нашего вѣка: можеть быть теменнота необходимо нужна была для празднованія ихъ шаинъ.

*) Греческіе скульпторы или ваятели. Первой жилъ за 546 лѣтъ, а второй за 442 года до Р. Х. и оба были споль велики въ своемъ художествѣ, что мраморъ казалось, одушевлялся, проходя чрезъ ихъ руки. Миронъ между прочимъ здѣлалъ изъ мѣди корову

Желаніе и любопытство мое, такъ сказать, колебались между великимъ числомъ предметовъ, кои основались осмотрѣнь. Я просилъ показати мнѣ нѣ знаменитыя мѣста, гдѣ въ древнія времена сіяли съ такою славою *Периклеса*, *Алцибиады*, *Сократы*, *Платоны*, и пр. Мы сошли въ низъ сквозь множество драгоценныхъ развалинъ и мраморныхъ столбовъ, посреди коихъ Турки построили шалаши и караульни, *Театръ Бахусовъ* соединяется съ крѣпостию и лежитъ на косогорѣ холма. Природа и искусство произвели величественное и прелестное для представленія мѣсто, шириною въ двѣсти пятьдесятъ футовъ. Оркестръ имѣетъ около сна, а оркестровка зданія занята ступеньками, или лавками для зрителей. Теперь видны только чертлы, или основаніе сего великолѣпнаго театра, найдревнѣйшаго во всей вселенной. На немъ представляли трагедіи и комедіи *Эскиловы*, *Софокловы*, *Еврипидовы*, *Аристофановы*. Римляне подражали Грекамъ въ семь родѣ великолѣпія, а новые Италіяны пошли, хотя издалека по слѣдамъ Римлянъ. Изъ всѣхъ народовъ, упражняющихся съ успехомъ въ драматическомъ искусствѣ, одни Французы, кажется, не радуютъ о красотѣ театровъ, и о зданіяхъ для позорищъ, хотя и превзошли всѣ народы безпримѣрными сочиненіями для шаковыхъ представлений.

столь подобную живой, что и самые звѣри обманывались. Между работами Праксителя славилась и поспавлялась наилучшими: сатиры, два Купидона, двѣ Венеры и статуя знаменитой Греческой прелюбодѣйницы Фрины.

Другой достопамятной оспашкою, коюрой и цѣлье Бахусова театра, есть такъ называемой *Фонарь Демосиеновъ*, то есть небольшая мраморная башня, въ которой, говорятъ, сей великій ораторъ упражнялся въ ученіи краснорѣчія. Она немного шестнадцати футовъ съ половиною имѣетъ въ окружности, и покрыта куполомъ, коего верхъ изсѣченъ на подобіе чешуи. Шестъ столбовъ, въ десять футовъ съ половиною вышины, поддерживаютъ сію особаго рода башню: изображеніи на челѣ имѣютъ, какъ мнѣ показалось, нѣкоторое сходство съ прудами Геркулесовыми. Сей драгоценной монументъ удивительной работы, по несчастію включенъ въ гостиницу Капуциновъ, коихъ невѣжество и варварство, больше причиняющіе опустошенія, нежели время и война, совсѣмъ его испортили. Они заклали половину онаго въ монастырскую кухню, и покрыли подмаскою всѣ выпуклыя изображенія. Одинъ Англичанинъ имѣлъ шербѣнныя снятъ самъ подмаску, и очищать ее своими руками, бояся что бы неискусной работникъ ихъ не испортилъ.

Есть другая *Башня*, также мраморная осмиугольная, на коей высѣчены восемь главныхъ въправъ, каждой на шомъ боку, съ котораго дуетъ. *Широнъ*, или нордъ - вѣсть, представленъ покрытой епанчею съ полусапожками на ногахъ, и держитъ въ рукѣ опрокинутой сосудъ, а *Зефиръ* въ видѣ молодого человѣка съ босыми ногами и нагимъ чревомъ, несущаго цѣпъ въ полѣ своего плаща. *Борей* имѣетъ чертлы угрюмаго шарика, и закрываетъ лице полою своей епанчи. Сіи и прочіе въправы пред-

спавлены въ ростъ человѣческой, и хотябы имена и въ и не были шунъ написаны, легко бы можно было ихъ узнать по разнымъ присвоеніямъ, коими означилъ ихъ художникъ. Вънутри башня и шемна и дурна. Двенадцать Калоеровъ ходящъ въ нее для опшравленія службы, но чинящъ оное чуднымъ образомъ. Они спановящся около своего начальника, и вертящся каждой на своихъ ногахъ, въ равномъ ошъ него распоянн; чпо и самъ ошъ шакже дѣлаешъ. Они говорящъ, чпо дошелъ до нихъ сей обрядъ, ошъ древнихъ Аѣинянь, кои хотѣли чрезъ оной предшавищъ систему мира. Кровля башни составлена изъ двадцати чешырехъ равныхъ кусковъ мрамора, кои всѣ концами соединяющся въ верхнюю точку. Не хотѣли чрезъ шо означищъ двадцати чешырехъ въпроръ? Впрочемъ зданіе сіе достойно народа споль просвъщеннаго, каковы были Аѣиняне, и одного бы его было довольно для сохранения потомству памяти о славъ перваго въ Греціи города. Архитектура показала мнѣ вообще груба; но бареліевы, или выпуклыя изображенія, великой красоны, а особливо, головы удивительнаго искусства.

Съ стороны Елевзинскитъ воротъ, находящся ошашки огромнаго присына составляющаго часть одного поршника. Оной имѣлъ спю двадцать пять шаговъ въ длину, шо ешъ около одной стадіи, или поприща, а въ окружности больше пяти сотъ футовъ. Виднѣ всѣхъ прочихъ ошашковъ на семь мѣстѣ ешъ часть спнны украшенной спереди мраморными столбами.

Не далеко опшуда, внѣ спнны новаго города, былъ храмъ сооруженной Аѣинянами въ честь *Тезею*, по убіенн имъ *Маравонскаго вола*. Теперь шунъ церковь Свяшаго Георгія, въ которой иногда опшправляютъ службу Греки. Около зданія построены поршникъ, утвержденной на мраморныхъ столбахъ Ионическаго ордена. Сводъ сдѣланъ изъ большихъ кусковъ мрамора на подобіе перекладовъ, украшенныхъ рѣзбою. Съ обѣихъ споронъ фасады снней, внутри и снаружи предшавлены главные Тезевы подвиги. Въ одномъ мѣстѣ сей Герой низвергаешъ въ море разбойника *Скирона*; въ другомъ наклоняешъ съ усиленіемъ дерево, и привязываетъ *Скинниса*, другаго славнаго разбойника, кошорой самъ мучилъ симъ образомъ прохожихъ. Предшавленъ ошъ шакже побѣдипелемъ *Амазонкъ*, плняющимъ царицу ихъ *Иллолиту*. Въ нѣкопоромъ ошъ сего мѣста распоянн, идешъ ошъ въ препровожденн дочерей *Миносвыхъ*, держищъ за руку *Ариадну*, а на сестру ея бросаешъ нѣжные взоры. Сраженіе Кентавровъ и Лапиповъ, походъ Аргонавтовъ, низшесшвіе его во адъ съ *Пиршоусомъ* шакже не забыны. Всѣ сн рѣзбы суть дѣло рукъ мастрскихъ, и почти нимало ошъ времени не лишились своей красоны и шонкости.

Ученые имѣють причину сожалѣшъ здѣсь о множествѣ вещей. *Академія*, *Музеумъ*, *Одеумъ*, сн великія свнщилищи музы, предшавляютъ шеперь кучи развалинь, коихъ и видъ вперяешъ еще нѣкошорое почшеніе. Мы были въ *Стадіи*, гдѣ опшправлялись игры всей Ашпники: шеперь только видно мѣсто сей площади, имѣющей спю двадцать пять шаговъ въ длину, и

26 въ ширину. Гора Гилетта и понѣмъ славно своими пчелами. Медъ ихъ имѣеть вкусъ весьма пріятной, а цвѣтъ похожей на золото.

Мы не хотѣли оставить Аѳины, не осмотрѣвъ Пирея. По дорогѣ къ нему ведущей видно еще нѣсколько основанія стѣны, соединившей сію приспань съ городомъ. Въ заводи моглобы легко умѣститься около пятидесяти нашихъ кораблей, есплибы не была она ошь часпи засорена развалинами. Теперь она называется *Порто Леоне*; имя данное ей ошь Италіанскихъ мореходцовъ, по причинѣ споящаго въ приспанни презряднаго мраморнаго льва, кошорой издалека видень.

Въ Аѳинахъ считаютъ около пятнадцати тысячъ жителей, кои всѣ Греки. Сей народъ, въ древнія времена, прославившейся знаніями, свободными художествами, и даже своимъ непосредствомъ, шеперь еще въ наши дни нѣсколько подобень шому, каковъ былъ вспарину. Положеніе его перемѣнилось, но разумъ оспался и въ Аѳинахъ можно бы найши пріятности Алцибиадовы, краснорѣчіе Демосѳеново, и добродѣпель Сократову, ежелибы не были они ушѣняемы Турками. Они борягся мужественно съ оковами деспотизма и имѣють удивительное проворство въ сысканіи средствъ для избѣжанія умноженія податей, коими прочіе Греческіе народы обремьяются. Теперь въ семь городѣ находигся больше вишпеевъ, нежели было во время нападений *Филллы* на Пелопоннезъ; но по нещастію нѣль больше, какъ бывало вспарину, народныхъ собраній, въ коихъ бы могли они защищать и поддерживать правы своего опечесшва. Они не могутъ предаваться

сему спремленію, какъ въ однихъ кофейныхъ домахъ, въ коихъ говорятъ съ неменшею вольноспію, какъ и жаромъ. Сіи дома заведены на шѣхъ мѣстахъ, гдѣ былъ прежде Порпикъ, споль славной великими людьми, ходившими въ него учиться. Духовные въ Аѳинахъ почпи всѣ учены, и еспь между ими превосходные проповѣдники.

Судя по недоспапкѣ склонности нынѣшнихъ Аѳинянь къ живописи, не лзя и подумать, что городъ ихъ былъ опечесшвомъ *Апеллеса* (*) и *Зевксиса*. (**) Изо всѣхъ искусствъ съ наибольшимъ успѣхомъ упражняются они въ музыкѣ. Всѣ почпи играютъ на одномъ инструментѣ кошорой еспь родъ Гиппары, или Ципры. Женщины здѣсь весьма прелеспны, а мушны великіе волокиты: чернь гораздо

(*) Апеллесъ родомъ съ острова Коса, славной и первой въ древности живописецъ, жившій во время Александра Македонскаго. По признанію его самаго, лучшія его каршины были: 1. портретъ Александра великаго, держащаго въ рукѣ Юпитеровъ перунъ, споль похожій, что въ пословицу вошло, по свидѣтельству Плутарха, называють „Александра Филипова „сына непобѣдимымъ, а Апеллесова неподражаемымъ. 2. спящая Венера. 3. Венера входящая изъ моря.

(**) Зевксисъ, Греческой же живописецъ, родомъ изъ Иракліи, ученикъ Аполлодоровъ, но превозшедшій мастера искусствомъ. Онъ набогатясь переспалъ продавать свои каршины, говоря, что нѣтъ ничего на свѣтѣ, чѣмъ бы можно за нихъ заплапнуть. Умеръ, сказывають, страннымъ образомъ. Написалъ онъ спаруху въ такомъ смѣшномъ видѣ, что самъ не могъ воздержаться ошь смѣха, и до того хохоталъ, что постигла его смерть.

въживѣе, нежели въ прочихъ частяхъ Греціи; даже въ деревенскихъ жилищехъ видна пихоспъ, учившисво, честноспъ неизвѣспная въ деревняхъ Французскихъ. Чпю принадлежисп до проворспва и до спнокоспи, Аѳиняне мало опшличаюпся въ оныхъ опъ своихъ предровъ. Жиды, которые почпи всю торговлю другихъ городовъ имѣюпъ въ своихъ рукахъ, не наживаюпся въ Аѳинахъ, гдѣ находяпъ Хрисціанъ больше еще Жидами, нежели они сами.

Губернашоръ перемѣняетсѣ всякой годъ въ Марисъ мѣсяцѣ. Сверхъ онаго находисѣ еще Кади, коего должноспъ разбирапъ, рѣшисп споры, и осуждапъ виновашыхъ. Другой начальствуетъ при всѣхъ дѣлахъ касающихся до Магомеданской вѣры, и наспавляетъ гошоващихъ въ служиспели мечешей. Архіепископъ имѣетъ великую власпъ надъ Хрисціанами, и не теряетъ оной по доброму согласію, въ кошоромъ живетъ съ Турецкими градодержателами. Онъ содержитъ нѣкошорой родъ суднаго приваза, но Греки лучше любяпъ быпъ судимы Кадіемъ.

Одежда Аѳинянъ мало разиспвуетъ съ Турецкою. На головѣ по большей часпи носяпъ они шолько красную скуфью. Кафшаны ихъ корошны и уски. Вся обувь соспоспъ въ сапожкахъ, обыкновенно темнаго или чернаго цвѣта. Женщины рослы и очень бѣлошлы, рѣдко выходяпъ изъ домовъ, и когда случисѣ съ ними встрѣпшисѣ, благоприспнойноспъ шребуетъ усшуписп имъ ту сторону удицы, по кошорой онѣ идупъ, и оборотиспъ къ нимъ спиною. Главная шорговля города соспоспъ въ деревянномъ маслѣ, кожахъ, мылѣ, смолѣ,

и особливо въ винѣ, кошорое здѣсь весьма уважисѣ.

Наконецъ надобно было намъ рѣшиспъ остависпъ землю, въ коей обиспали вспарину спомъ славные люди, заслуживающіе своими дѣспопамашными подвигами, или безспершными трудами, почшение и уваженіе опъ всего мира. Мы сперва поѣхали въ Саламинну, опешесиво Солоново, обрапсѣ вправо опъ дороги Елевзинской, чрезъ долину пошрыпую масличными деревьями. Послѣ двухъ часовъ съ половиною пуни, прибыли мы къ каналу, опдѣляющему Саламинну опъ земли, принадлежащей Аѳинамъ. Сіи оспровъ былъ долгое время причиною споровъ между Аѳинянами и Мегарянами спаравшисѣ наперерывъ завладѣпъ онымъ: но наконецъ сіи послѣдніе принуждены были усшуписпъ, и помшщяпъ о защищени ихъ собственнаго города.

Приближаясь къ Саламинѣ, увидѣли мы въ правой рукѣ славную каменную гору *Керасъ*, на кошорой *Ксерксъ* спспавилъ серебряной шронъ, для осмотру морскихъ своихъ силъ. Сей государъ лспился опшвеспи въ свои владѣнны всѣ Греческіе народы плѣнными, но *Фемистоклъ* унизилъ его гордоспъ, и Саламинское сраженіе дало знапъ Персамъ, чего имъ должно было быпъ опъ народа, побѣдившаго соединенныя силы Азіи. Главная деревня оспрова, да и весь оспровъ, называется нынѣ *Кулури*. Шалашы, деревни, и селы соспавляютъ всѣ оспатки сего славнаго царспва *Теламона*, опца Аякова и Тевцорова.

Недалеко опъ Саламины, находисѣ оспровъ *Егинскій*, названной опъ имени *Егинны*,

любовницы Юпитеровой, породившей опъ него *Бака*, царя сего оспрова, и попомъ судію адскаго. Заливъ, въ коемъ лежатъ сіи два и многіе меньшіе оспрова, называется *Заливъ Егинской*: На одномъ изъ двухъ сосавляющихъ его усъе мысовъ, видны дващца девять столбовъ весма возвышенныхъ, кои суть останки разореннаго храма *Минервина*: опъ нихъ происходитъ даемое ему имя *Столбоваго Мыса*. Другой съ спороны Мореи называется *Мысъ Схилли*. На оспровѣ находися столь великое число *красныхъ куролатокъ*, чпо жисели принуждены всякой годъ весною, по повельнію начальниковъ, ходисъ въ поле, искапъ ихъ гнѣздъ, и бисъ яйца, опасаясь, чшобъ надмѣру великое множество сихъ пшисъ не пожрало весь хлѣбъ, и не причинило бы въ землѣ голода. Егина произвела многихъ великихъ мужей; ибо думаютъ, чпо *Ахиллесъ*, *Патроклъ*, *Аяксъ* и *Неоптолемъ* въ ней родилися; но въ послѣдующія времена, не было уже въ ней людей опшмѣнныхъ, чпо подало поводъ къ сей въ древней Греціи извѣстной пословицѣ: *Егина произвела на свѣтъ лучшихъ своихъ дѣтей въ первыхъ родахъ*. Сія пословица говориса о шѣхъ, кои съ робячества показывали добрыя начала, нечувствительнo спановилися хуже, и наконецъ совсѣмъ были ни къ чему годны.

Мы воропilisъ назадъ, и приближисль къ споліцѣ *Бестіи*, лежащей на одинъ день разспянія опъ Аевинъ. Городъ *Тебы* (*Фивы*) имѣлъ основашелемъ *Кадма*, сына *Агенора*, царя Феникійскаго. Разпроспранилъ его *Амфионъ*, посспроившій въ немъ, по словамъ спихотворцевъ, спѣны при звукѣ лиры. *Александръ*

великій разорилъ его до основанія, и всѣ *Тебанцы*, исключая попомковъ спихотворца *Пиндара*, родившагося въ семь городѣ, и конораго сей Царь весма уважалъ сочиненіи, преданы были мечу. Тебы были пакже опчизною *Геркулеса*, *Бахуса*, и двухъ славныхъ полководцевъ *Пелопида* и *Еламинида*. Городъ нынѣ соспоисъ въ спаринной крѣпоспи называемой *Кадмейскою*, въ копорой видѣли мы еще обвѣшчалья башни, и останки спѣны, а между прочими одну, про копорую жисели мыса намъ сказывали, чпо оставлена она была нарочно *Александромъ*, когда всѣ другія велѣлъ онъ срышъ. Тебы, въ спарину столь великой городъ, нынѣ едва при или чепыре шысячи жиселей имѣетъ, а досшопамятныхъ зданій одинъ водомешъ, можетъ бышъ шопъ самой, копорой древніе называли *Дирце*, и копорой былъ прославляемъ въ одахъ *Пиндаровыхъ*.

На другой день приѣхали мы въ *Ливадию*, небольшой городъ шоргующей пшеномъ, хлѣбомъ, и шерспяными шканьями. Наупріе оставили мы влѣвъ *Геликонъ*, а въ нѣсколькихъ опшуда миляхъ, очупидисъ при подошвѣ *Парнасса*, на копорой имѣлъ я любопытство взойти въ первой разъ въ моей жизни. Дорога и крута и шороховапа; я доспигъ однако до вершинъ двухъ хребтовъ, и хопя земля на нихъ вездѣ суха, но естъ небольшія лужайки, на коихъ росшущъ сосны, дѣлающія мѣсто сіе сноснымъ. Славной *Кастальскою Источникъ* шечетъ въ ущелинѣ между двумя холмами: вода свѣжа и припна. Я опдохнулъ нѣскорько времени на брегахъ его, размышляя о множескиѣ шѣхъ несчастныхъ спихотворцевъ, оскверняющихъ шѣ

величественныя мѣста, въ коихъ обитали Гомеры, Виргиліи, Тассы, Камоенсы, Корнеліи, Мильпоны, Расины, Боалы, и Лафонпены.

Я продолжалъ пушъ до деревни *Кастры*, гдѣ были славныя *Делфы*, основанныя, сказывають, сыномъ Нептуновымъ, *Делфомъ*. Греки называли сей городъ *Пулъ земли*, и *Пиндаръ* говоритъ, что Юпитерь пушилъ въ одно время двухъ орловъ одинаковой въ лешу скорости, одного на востокъ, другога на западъ, и что сии птицы встрѣтились въ Делфахъ, облетѣвъ кругомъ весь свѣтъ. Оракулы даванныя въ немъ Аполлономъ чрезъ усна пророчицы, учинили городъ наибогатѣйшимъ въ свѣтъ. Пріѣзжали въ него со всею споронъ, и вопрошающіе въ шапельницу не оставляли давать богатыя дары храму. Между развалинами, коихъ число весьма не велико около Кастры, видѣлъ я кучи мрамора, но кои не могли мнѣ дать понятія о зданіяхъ, бывшихъ въ семъ мѣстѣ.

Опшуду поѣхали мы въ *Салону*, и попомъ въ *Лепантъ*. Сей послѣдней городъ, вспарину именуемой *Навляктусъ*, былъ наикрѣпчайшей въ *Етоліи*. Положеніе его весьма выгодно, ибо построень онъ около горы, на вершинѣ коей лежишь крѣпость. Въ Лепантѣ есть превеликія сады лимонныя, помаранцовыя и кедровыя. Въ города здѣланъ водометъ, коего вода не уступаетъ Кастальской. Ей того полько не доспаешъ, что спихонворцы объ ней не пѣли. Торги городъ опправляетъ хлѣбомъ, пшеномъ, масломъ и шабакомъ, кои суть наглавнѣйшія въ немъ произраспеніи. Въ самой день нашего опъзда, прибыли мы въ Папрасъ, переѣхавъ заливъ *Лепантской* въ баркѣ.

Папрасъ или *Арое*, мѣсто нарочитое до завоеваній Магомешанскихъ, украшено было многими славными храмами, какъ напримѣръ Минервы, Цибелы, Венеры, Діаны и Калидонскаго Бахуса. Я нацель любопытства доспѣлыми одни только сады, гдѣ росшуть наилучшіе лимоны въ свѣтѣ, и множество гранатовыхъ, померанцовыхъ и кедровыхъ деревьевъ.

Деревня *Калата*, лежащая въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Папраса, есть помя *Калидонъ* древнихъ, при копоромъ *Мелеагръ*, сказывають, убилъ свирѣпаго вѣпра, опустошавшаго землю, и кошораго голову опдалъ прекрасной *Аталантѣ*. Сіе предпочтеніе, какъ вамъ извѣстно, шакъ разсердило дядей Мелеагровыхъ, что они похитили вѣпреву голову у его любовницы. Молодой побѣдитель наказалъ ихъ смертію за сію обиду; но за нихъ опомспила сеспра ихъ, мать Мелеагрова, брося въ огонь головню, къ коей привязана была жизнь ея сына.

Таже барка, копорая служила намъ изъ Лепанта въ Папрасъ, перевезла насъ и въ *Зантъ*, гдѣ мы опдыхаемъ уже нѣсколько дней, и опшуду вскорѣ поѣдемъ осматривать другія мѣста.

Я есмь и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuks
Dobrzyńsko-Duże
pow. Białystok
Nr. —

ПИСЬМО XI.

Продолженіе Греціи.

Оставя Зантъ, я переѣздить такое множество земель, что не возможно видѣть оныхъ больше въ столь короткое время. Теперь нахожусь въ *Негелонтѣ*, столицѣ *Евбейской*, и изъ оной вскорѣ выѣду для осмотра другихъ острововъ Греціи. Не скучая вамъ разказываніемъ того, что съ нами случилось всякой день въ путешествіи, опишу кратко только то, что видѣлъ достойнаго примѣчанія.

Островъ *Родосъ* (*Родѣ*) былъ первой, къ которому мы пристали. Онъ лежитъ верстахъ въ полупорасѣ отъ твердой земли *Азіи*, и имѣетъ около тысячи верстъ въ окружности. Имя и власности его не одинъ разъ перемѣнялись. Съ начала Греки называли его *Офиззою*, дабы означить симъ словомъ безчисленное множество змѣй, коими онъ былъ наполненъ; послѣ именовали его *Астерією*, *Колмбією*, *Макарією*, и *Родосомъ*. Сказываютъ также, что и славной *Колоссъ*, считающейся въ числѣ семи чудъ мира, далъ ему имя *Колоссы*. Вы знаете, какова была сія чрезвычайная статуя: Она имѣла семдесятъ локтей высоты, и была такъ огромна, что человекъ насилу могъ обхватить палецъ у ея ноги. *Харесъ*, искусной рѣщикъ, употребилъ двенадцать лѣтъ на сдѣланіе ея, и она спала въ великія денги. Спояла же надъ моремъ, имѣя на каждомъ берегу пристани ногу такъ, что корабль могъ идти между ими съ напаянными парусами:

но спояла только пятьдесятъ шесть лѣтъ; ибо землетрясеніе опрокинуло ее и разбило. Въ половинѣ седмаго вѣка, одинъ Египетской Суданъ, побѣдивъ Роданъ, увезъ найденные останки *Колосса*, воими нагрузилъ девятьсотъ верблюдовъ. И такъ мы видѣли только мѣсто, гдѣ онъ споялъ.

Городъ *Родосъ* есть столица острова *Фороней*, Царь *Аргосскій* основалъ его за семьсотъ лѣтъ до Рождества Христова. Имъ владѣли *Сарацыны*, когда *Кавалеры Святаго Іоанна Іерусалимскаго* поселились на немъ въ четвертомъ надесяти вѣкѣ, и взяли имя *Кавалеровъ Родоскихъ*. Испорія наполнена подвигами военныхъ монаховъ, и вамъ извѣстны славныя осады, кои выдержали они отъ *Турковъ*. Они отбили непріятеля, пришедшаго на нихъ со сто тысячами войска, но не возмogli возпротивиться щастію *Солимана II*, которой напавъ съ числомъ вдвое превосходящимъ вышепомянутое и четырьмястами кораблями, принудилъ ихъ къ сдачѣ по шестимѣсячной осадѣ, каковой кровопролитіе не знаемъ мы въ Испоріи.

Родосъ лежитъ на косогорѣ близъ морскаго берега, и обнесенъ двойною стѣною защищаемою многими башнями и бастіонами, кои дѣлаютъ его почти непреодолимымъ. Турки ничего не перемѣнили въ укрѣпленіяхъ, а обратили только церкви въ мечети. Старинной дворецъ великаго *Магистра* еще видѣть. Теперь онъ служитъ замкомъ верхнему городу, надъ коимъ стоитъ. Сіе зданіе очень огромно, сооружено изъ песаннаго камня, и кажется все цѣло: наружности его также неповрежде-

ны, но внутри оно испорчено опъ опущенія Турковъ, не старающихся ничего починивашъ. Дворецъ служилъ нынѣ шпормою для знатныхъ людей, коихъ поведеніе не понравилъ Ошшоманской Поршѣ.

Съ морскаго берега естъ ворошпы, называемыя *Георгиевскими*, на кошорыхъ видны многія надшисы, высѣченныя на камнѣ. Между прочими одна изъ оныхъ значилъ, что ворошпы и принадлежащія къ нимъ башни построены великимъ Магиспромъ, *Петромъ д'Обюссонъ*. На споронѣ виднѣ прикованной на цѣпи драконъ, величиною съ быка, и почти съ шавими же рогами, но рыло у него и корочѣ и оспрѣе. Онъ, сказывающъ, предспавляетъ, шого славнаго чудовища, убишаго однимъ Французскимъ рыцаремъ, коего исторія извѣстна, и кошорой послѣ шого былъ великимъ Магиспромъ ордена.

Мы не видали впрочемъ ни въ Родосѣ, ни въ его окружностяхъ, ничего шакое, чтообы заслуживало особое вниманіе. Показали намъ шолько одну деревню, называя ее древнимъ городомъ *Линды*, въ кошоромъ родился *Аристоксанъ*. Склонность моя къ сему шаспливому спихошворцу произвела во мнѣ удовольствіе при разсмашриваніи мѣстъ, въ кошорыхъ я самъ желалъ себя увѣришь, что онъ увидѣлъ свѣтъ: чувствование испышпанное мною часшо въ Греческихъ оспровахъ. Види себя подъ шѣмъ же самымъ небомъ, казалось мнѣ, что я шѣмъ же самымъ дышу воздухомъ, и шѣмъ же наполяюсь разумомъ, коимъ одарены были мужи, кошорыхъ удивляюся шрудамъ.

Земля въ Родосѣ плодотосна и пасшвами изобильна, равно какъ помаранцовыми, маслич-

ными и другими всегда зеленѣющимися деревьями. Воздухъ въ немъ умѣренной, и никогда облаковъ не видно: почему и вѣрили древніе, что оспровъ былъ посвященъ Солнцу.

Бдучи изъ Родоса въ *Кандію*, видѣли мы оспровъ *Скарланту*, въ старину называемой *Карлатъ*, опъ кошораго названа *Карлатиенскою* часть Средизмнаго моря, проспирающаяся къ Египту. Сія земля имѣла прежде чешыре города, кои нынѣ чешыре деревни. Видны тамъ мраморныя каменоломницы. Земля въ немъ довольно плодородна. Ежели вѣришь баснословію, *Ялетъ*, сынъ неба и земли, породилъ въ семь оспровѣ чешырехъ сыновъ опъ *Нимфы Азии*, своей жены, по естѣ, *Геслена*, *Атласа*, *Елиметея*, и *Прометея*. Другіе думаютъ, что *Протей* шупъ царствовалъ, и что *Виргилій* о семь произшесшвіи говоритъ, когда въ чешвершой книгѣ Георгикъ упоминаетъ о семь морскомъ богѣ.

Въ Скарпаншѣ обитающъ одни Греви: Турковъ тамъ со всѣмъ нѣтъ, кроме управляющаго имъ *Кадія*; да и шотъ не всегда живентъ, а приѣзжаетъ всяше при мѣсяца одичъ разъ, для разсмашрѣнія ссошъ бываемыхъ между обыващелыми для ошправленія судовъ, и для наказанія виноватыхъ: послѣ чего возвращается въ мѣсто своего пребыванія, оспровъ Родосъ. Хотя онъ и не весьма важной человекъ въ Имперіи, но не меньше сурово поступаетъ съ бѣдными жипщелыми. Когда случается, что Малшійскія галеры приходятъ къ оспрову, обыващели показывающъ великое безпокойствіе о защищеніи своего градодержателя; ибо обязаны опвѣшствовалъ за особу его Сулпану подъ

смертною казню, или подъ лишеніемъ вольности и имѣній.

Оспровъ *Кандія*, наицвѣщнее въ старину царство во всей Греціи, подъ именемъ оспрова *Крита*, значить нынѣ весьма мало. Въ немъ царствовали престарѣлой *Сатурнъ*, отецъ Юпитеровъ, и послѣ самъ *Юпитеръ*, котораго баснословіе здало богомъ. Вамъ извѣстно, что спихотворцы, украшая сію испорію, разславили о рожденіи и воспитаніи сего молодого Кнзя. Жители Крипскіе были тогда и невѣжи и дики: но *Радамантъ* и *Миносъ*, дѣти и преемники Юпитера, умѣли ихъ просвѣтити, и мудростию своихъ законовъ заслужили мѣсто судей, по смерти своей, во адѣ. Помянутые законы приняла опъ Крипчанъ, Спарша и другіе Греческіе города. Римляне взяли оные опъ Грековъ, а прочіе народы опъ Римлянъ. Такимъ образомъ Крипъ можешь славиться, что далъ законы всей вселенной. *Метеллъ* былъ первой, которой покорилъ его Римлянамъ; послѣ находился онъ подъ властію Императоровъ Греческихъ, которые отдали его *Маркизу Монфератскому*. Сей послѣдней продалъ *Венеціанамъ*, а у нихъ опняли Турки. Изъ спа прежде бывшихъ на семь оспровъ городовъ, едва оспалось теперь три, да и шѣ въ жалостномъ состояніи. *Ретимо* и *Дамаста* почищаются, послѣ столицы, наименше разоренными.

Кандія построена на развалинахъ стариннаго города *Гераклен*. Пристань ея была нѣсколько важна до нападенія опъ Турковъ; но теперь такъ завалена, что на силу и малые суда проходить могутъ. Внутри города пред-

спавляются предмѣты жалости и запустѣнія: повсюду видны только зданія разрушенныя, стѣны обнаженныя и готовящіяся къ паденію. Кажется, что Турки утѣшаются зрѣніемъ опустошенія причиненнаго ими чрезъ многіе годы кровопролитной осады. Они починили только проломы въ укрѣпленіяхъ, не помышляя, что все прочее обрушивается. Окружныя поля плодоносны, и произрастеніи ихъ состоятъ въ пшеницѣ, въ масличныхъ деревьяхъ, и въ превосходныхъ винахъ.

Ретимо меньше *Кандіи*, но пріятнѣе. Положеніе его выгодно, ибо построено онъ на краю каменихъ горъ, входящихъ весьма далеко въ море. Окруженъ стѣнами, но главная крѣпость состоитъ въ гнѣздѣ его. Одинъ ручей снабжаетъ съ изобиліемъ водою весь городъ. *Спрана*, въ которой находится *Ретимо*, частью покрыта горами, частью пріятными садами, въ коихъ насажены безъ всякаго порядка, помаращовые, лимонные, вишневые деревья, и сахарныя проски. Виноградные сады были прежде въ славѣ, но весьма упали съ того времени, какъ Турки симъ мѣстомъ завладѣли.

Дамаста ничего не имѣетъ передъ *Ретимомъ* примѣчательнаго. Она также окружена съ одной стороны садами, приносящими деревянное масло и сахаръ, а съ другой пустыми каменными горами.

Не видавъ еще ничего такого на оспровѣ Крипѣ, чтобы могло удовольствовать мое любопытство, захопѣлось мнѣ побывать на горѣ, только прославляемой спихотворцами. Мы шли очень долго и по весьма шрудной дорогѣ, по чрезъ утѣсистыя холмы, по по ущелинамъ

и безднамъ, гдѣ на всякомъ шагу въ опасности видѣли жизнь нашу. Не преодолѣли еще мы половины шрудовъ нашихъ, какъ увидѣли пространную долину; но сколь ни пріятно было зрѣніе около лежащихъ косогоревъ, предспавляющихъ прелесной природной амфишпашрь, я чупь не бросилъ совсѣмъ сего предпріятія, когда сказали мнѣ, что мы находимся еще очень далеко отъ конца пущи нашего. Жаркое любопышпство доктора меня ободрило, и прошедъ долину, перепрыгивали мы черезъ каменья и снѣгъ, какъ козы, коими сіи горы наполнены. Я видѣлъ ихъ висящихъ надъ нашими головами, и когда дивился уже и шому, что сіи живопшныя могли держаться, въ шое время скакали онѣ съ удивительною проворностію. Мы опдохнули нѣсколько времени въ одномъ монастырѣ, коего Гопическое спроеіе показалось мнѣ довольно порядочно. *Калоеры*, или монахи, въ немъ обитающіе весьма разкормлены. Мы шли потомъ еще цѣлой день, и наконецъ прибыли въ подошвѣ *Горы Иды*.

Всѣ пропасши, кои до шого мы видѣли, были ничшо въ сравненіи съ вновь представившимися взору нашему. Оспавалось еще около 15 верспъ, но надобно было лазить по болпшей части чрезъ каменья и шащипся по пещкамъ. Я самъ не знаю, какъ могъ преодолѣть шополікія препяшпствіи, и удивился когда взошелъ на вершину. Для самой наилубопышпнейшей вещи въ свѣтѣ не согласился бы я опять предпріятъ сію дорогу. Разсудилъ, имѣлъ ли я причину сожалѣть о шрудѣ моемъ, когда обойдя кругомъ, не нашелъ ни пещеры, ни источника, и ничего шакого, что бы могло пове-

селишь воображеніе. Въ которую спорону ни обращался, вездѣ видѣлъ шолько снѣгъ, песоки, каменья, и чрезмѣрно сухихъ козъ. Такъ сіяшо, гтворилъ я, ша славная гора, гдѣ Юшпперъ скрывался споль долгое время! Подобное убѣжище доспойно было власшпшеля боговъ, и не думаю, чтошбъ кто изъ смерпныхъ былъ въ сосшоянші предпріятъ его шамъ искапъ.

Мы позабыли, что намъ на возвращномъ пущи оспавалось шерпшь, когда збирались назадъ шппи. Сія ужасная дорога совсѣмъ бы намъ не полюбилась, ежелибъ предпріятъ оную не насшояла нужда. Проводники наши показывали намъ вдали, для ободренія, развалины древней *Гортинны*, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ *Иды* лежащей. Сего довольно было для понужденія насъ преодолѣть шяжеспъ споль шруднаго пущи. Мы пришли въ долину, гдѣ споялъ сей наибольшей и наибогатѣйшей во всемъ оспровѣ городъ. Основаніе его приписывается *Тауррусу*, которой подъ имянемъ Юшппера похшпилъ *Евролу*, дочь Агенора, Царя Феникійскаго. Я охопнѣ бы повѣрилъ, что заложилъ его *Гортинъ*, сынъ Радаманша, Царя Кршпскаго: но какъ бы шо ни было, онъ споль хорошо былъ укрѣпленъ, что *Аншбалъ*, по разбишп *Антшоха*, избралъ его убѣжищемъ. Развалины города супъ наилупчія изо всѣхъ мною виданныхъ. Нашелъ я здѣсь не одни шолько основанія и капшпшели мраморныхъ сполбовъ, но куски яшмы, порфира, и другихъ драгоцѣнныхъ каменевъ, покрытыхъ украшеніями и рѣзбою прешящнаго вкуса. Между обломками примѣпилъ два сполба гранишные изъ одного куска длиною въ осмашпцашъ фушовъ. Близъ оныхъ спшо-

яла дуга, яоторая, судя по красотѣ ея, служила при входѣ какого нибудь огромнаго зданія. Не возможно ограничить числа разломанныхъ спайку и сполбовъ, покрывающихъ долину. Все сіе было совершенно хорошо выработано, и того, что шеперь оспалось, довольно уже для поданія понятія о нѣжности и искусствѣ художниковъ надъ ними спрудившихся.

По долгомъ удивленіи симъ величественнымъ оспайкамъ, пошелъ я смотрѣть *Лабиринта*. Не подумайте, что я хочу говорить о той славной работѣ, кошорую построилъ *Адавъ* съ великимъ искусствомъ, что самъ насилу изъ него вышелъ, и въ кошоромъ онъ бы учинился жертвою своего художества, еспль бы не прибѣгнулъ къ удивительному изображенію, коимъ опворилъ себѣ путь на воздухъ. Большая часть историковъ писавшихъ о *Критскомъ лабиринтѣ*, представляютъ его удивительнымъ зданіемъ, построеннымъ на подобіе Египетскаго, въ кошоромъ одно искусство мастера приводило въ изумленіе. Онъ совсѣмъ онь древности вѣка разрушился, и по свидѣтельству житеелей, уже нѣсколько тому вѣковъ, что и слѣды его не примѣшны. И такъ шеперишной лабиринтъ въ *Кришѣ*, еспль не шопъ, въ кошоромъ *Тезей*, ведомой ипшкою *Ариадны*, убилъ уродливой плодъ любви *Пазифанны*. Вы о томъ судить можете по слѣдующему описанію.

Мы сошли съ факалами въ ущелину горы наполненной множествомъ подземныхъ ускихъ и темныхъ ходовъ. Опвершше въ оные и низко и негладко, и еспль произведеніе природы, въ кошоромъ искусство нимало не участвовало.

ло. Моженъ бытъ вспарину была шупъ просящая пещера, въ коей способнымъ нашли высѣчь дороги, а вѣрояшнѣе каженся, что мѣсто сіе было ломовище каменьевъ, взятыхъ на построеніе города *Горпины*, недалеко опшуда лежащаго.

Учинея нѣсколько шаговъ, пришли мы въ залу, коей спѣны, высѣченные въ горѣ, представляютъ пріятную пещеру каменьевъ и мраморовъ различнаго цвѣта. Пополокъ убранъ множествомъ мелкихъ окаменѣлыхъ лѣдинъ, кои играютъ въ глазахъ. Зала весьма просторна, и ведетъ по опшлогому спуску во множество дорогъ и улицъ, пересѣкающихся между собою. Ежелибъ неимѣлъ я надежныхъ проводниковъ, признаюсь, что не зналъ бы куда идыти: дороги перепутаны и такъ извились, что прошедъ немалое пространство вдругъ находишь ся ошпъ на томъ мѣстѣ, опкуда пошелъ. Я не могъ надивинься разнымъ слоямъ, или жиламъ земли, кои, каженся, нарочно для увеселенія глазъ въ нѣкопрыхъ мѣстахъ расположены. Въ улицахъ, гдѣ, видно, земля была съ лишномъ мягка, подѣланы спѣны изъ каменьевъ, вынятыхъ изъ шакихъ мѣстъ въ шойже горѣ, кои швержѣ и крѣпчѣ.

Въ концѣ *Лабиринта* нашли мы двѣ залы, гдѣ опдохнули. На спѣнахъ примѣшилъ я множество имянъ, начерченныхъ концемъ ножа, но не прежде самъ въ шомъ увѣрился, какъ разсмотря вблизи, ибо нѣкопрыхъ выходили изъ камня, и казались здѣланы выпукло, а другія вырѣзаны были въ камень; и сіи послѣднія высѣчены пожжѣ, нежели первыя. Я шогда узналъ, что работа сія производится минераломъ осо-

блываго рода, копорой мы называемъ *Сларъ*. Оной пробирается мѣшаяся съ водою, опдѣляется опъ нея нечувствительнo, и прилѣпляется къ спѣнѣ, на которой со временемъ дѣлается корку, и надписи на оной вырѣзанныя роспушѣ съ нею вмѣшѣ.

Вся сѣя подземная дорога имѣетъ около двухъ тысячъ шаговъ. Съ помощію факаловъ видны по обѣимъ споронамъ гнѣзды *Летучихъ мышей*, висящіе на подобіе обороченныхъ пирамидъ. Длинною они фузовъ въ пяшь и раздѣлены на разныя каморки, въ коихъ пищца гнѣздятся. Каль ихъ падающей внизъ соспавляется новую пирамиду, а во многихъ мѣспахъ досязаетъ до самыхъ гнѣздъ, висящихъ на сводѣ, и занимаетъ большую часть прохода. Съ двухъ споронъ дорога чиста и открыта. Летучія мыши не нападаютъ на прохожихъ, еесли не допронесся до ихъ гнѣздъ: ибо въ семь случаевъ вылетаютъ спадями, загашиваютъ факалы крыльями, наполняютъ пещеру крикомъ, и летая съ спремленіемъ изъ спороны въ спорону, заспавляютъ дрожанъ и самыхъ не успрашимыхъ. Тогда оспаетъ одно спасеніе, по естѣ паспѣ ницъ на землю, и бытъ до шѣхъ поръ неподвижну, пока онѣ не вберутся опяшь въ свои гнѣзды.

Дабы возврапиться къ древнему Лабиринпу, о копоромъ столь часто упоминаетъ Испорія, нѣтъ сумнѣнія, что онѣ долженсповалъ бытъ совсѣмъ инаковъ, нежели сѣ множество шемныхъ погребовъ, въ коихъ искусство почти не имѣло участія. Я скорѣ шому повѣрю, что Кришяне, нашедши въ сихъ подземныхъ ходахъ нѣкопорое сходство съ монументомъ, копорой

вспарину чинилъ славнымъ ихъ опечество, помогли нѣсколькo искусствомъ природѣ въ сохраненіи имени и подобія прежняго Лабиринпа.

Оспровъ Кришь орошается множествомъ испочниковъ и рѣкъ, копорыя чиняшь его весьма плодороднымъ, а особливо въ превосходныхъ винахъ, называемыхъ жипелями мѣспа *Малвоазія*. Нѣтъ въ немъ никакого рода живошныхъ вредныхъ и ядовитыхъ. Однѣ женщины здѣсь опасны. Утверждаютъ, что ежели укусятъ онѣ субами челошѣка, то рана бываетъ неизлечима. Сѣ свойство, соединяясь съ нѣкопорыми другими шаковаго же рода, увѣряетъ меня, что оружіе женскаго пола въ сей землѣ, не одна бываетъ прозьба и слезы.

Мы опправились изъ оспрова Канди на небольшемъ суднѣ, копорое нарочно наняли, дабы имѣть свободу выходишь на берегъ, гдѣ захочетъ, и кругомъ объѣхать *Цикладскіе Острова*. Имя сѣе, значущее *Круговые*, дано имъ пошому, что они расположены, пакъ сказать, около одного средопочія, копорое естѣ Делось. Оспрова, лежащіе внѣ сего округа, съ спороны Канди, разумѣются подъ симъ же именемъ, хопя древніе и называли ихъ *Спродскими*, по естѣ *Разбросанными*.

Я сперва остановился въ *Сантаринѣ* или *Санторенѣ*, копорой, по *Геродотову* преданію, почипался за землю весьма пріятную и назывался *Каллизта*, по причинѣ своей красоты. Теперь онѣ ужаснымъ образомъ опдалился опъ сего соспоянія: вмѣсто плодородной и жирной земли находится на немъ дивая каменная гора, насилу приносящая чѣмъ пропитанъ своихъ жипелей; вмѣсто пріятныхъ луговъ и прелесш-

ныхъ деревенскихъ видовъ заспунили перегорелые пески и ужасныя бездны. Входъ въ бухту походить на полумѣсяцъ, и былъ бы наибольшая и наилучшая морская гавань въ свѣтѣ, еслибы корабли могли въ ней приспавать.

Между двумя мысами, составляющими рога мѣсяца, находясь чепыре небольшіе острова произведенные волканами, или подземнымъ огнемъ въ началѣ нынѣшняго вѣка. Одинъ изъ нихъ появился по неожиданомъ изверженіи огня въ такомъ мѣстѣ, гдѣ до того море было столь глубоко, что не могли найти дна. По ужасномъ ревѣ и сильныхъ прясеніяхъ приведшихъ въ трепель жипелей, море извергло изъ вѣдръ своихъ клубы пламя и горячей маперіи, отъ коихъ померкъ дневной свѣтъ. Потомъ съ удивленіемъ увидѣли на поверхности воды гору, копорая нечувствителью выросла отъ подобныхъ же изверженій. Сей новой островъ сначала былъ только куча неровная и шороховатая камней, называемыхъ Пемзою, но солнце, такъ сказаъ, оную оживило, и земля соединясь съ перегорѣлыми минералами, учинилась способною къ произведенію плодовъ. Намъ же сіе разсказалъ одинъ спарикъ, копорой былъ въ 1707 году очевидцемъ тому, что я выше описалъ. Я бы легко повѣрилъ, что Санторинъ самъ частю шерпѣлъ отъ такихъ морскихъ изверженій, произведшихъ въ немъ столь великія перемѣны. Земля сколь ни бесплодна, имѣетъ около осми тысячъ Грековъ, въ бѣдности живущихъ. *Гора святаго Стефана* заслуживаетъ по моему мнѣнію, особое вниманіе по причинѣ покрывающихъ ее развалинь. Я не знаю имя города на ней споявшаго, но долженъ

спивовалъ оной бытъ и богатъ и великолѣпенъ, судя по множеству обломковъ мраморныхъ и граничныхъ сполбовъ.

Отсюда поѣхалъ я въ *Полкандо*, островъ почти спольже великой, но больше пріятной, нежели Санторинъ, и также сосполщей изъ одной горы каменной, но однако очень плодотворной. Въ нѣкопорыхъ мѣстахъ покрыва она на нѣсколько дюймовъ землю, и шупъ находится изобильныя жипвы: въ другихъ, гдѣ земля меньше, родится виноградъ, и приносящей хорошія вины. Сказали намъ, что есть одна пещера, копорую обыкновенно любопытные осматриваютъ. Я пробрался въ оную чрезъ спремнины и висящія каменя, копорыя могли насъ передавить. Сія *Пещера* убрана отъ природы сгустеніями подобными хрусталу и имѣющими видъ пирамидъ, цилиндровъ, а иныя изъ нихъ покрывы нѣкопорымъ родомъ позолоты, взоръ ослѣпляющей; но по большой частии супъ они цѣпа чернoblѣспящаго, коего видъ непрививень.

Я меньше былъ доволенъ *Серебренымъ Островомъ*. Сіе наименованіе дано ему предъ нѣсколькими вѣками, по причинѣ найденныхъ въ немъ серебряныхъ рудъ: а настоящее его имя было *Цилюнусъ*, то есть *Мѣль*, изъ коего составлена земля сего острова. Жипели не знаютъ другаго мыла для мытья. Прежде употребляли они мѣль сей на бѣленіе своихъ шпифовъ, и также въ лекарствахъ. Увѣряютъ, что женщины и дѣвки здѣшняго отдаются охотно приѣзжимъ за умѣренную цѣну, и что опцы и маперіи сами о томъ договариваются. Я нашелъ на островѣ только обгорѣвшія горы, ка-

мениспую землю, и одну деревню, въ копорой обыватели умирають съ голода.

Мелось, нынѣ *Мило*, естъ великая куча пемзы и минераловъ, ушученныхъ морскою водою, копорая въ нихъ входитъ, и дѣлаеть землю способною къ пашнѣ. Я не сумѣваюсь, что она была плодородна въ то время, какъ Феникиани владѣли островомъ, и естъли шеперь пуща, по приписать должно перемѣну наноснымъ перегорѣлымъ матеріямъ. Не смотря на сіе производить она хлопчатую бумагу, хлѣбъ, и вино.

Столица, такъже *Мило* называемая, построена вся изъ пемзы, копорая хопя легка и незревапа, но къ употребленію весьма хороша. Улицы такъ нечислы и воночи, что снести смрада не возможно. Сей городъ былъ знаенъ въ древности квасцами и горючею сѣрою, кои въ обѣими и понынѣ изобилуеуть. Сѣра видна по горамъ клубами, издали походящими на алмазы испускающіе блескъ. На острову естъ ручьи шеплой цѣлительной воды. Древніе писатели, коиъ я вожу съ собою, и кои служатъ мнѣ вмѣсто компаса въ моихъ путешествіяхъ, говорятъ, что *Мило* называлась *Меллида*, по причинѣ изобилія въ меду. Она славица порожденіемъ двухъ философовъ, *Сократа*, копорой вѣрилъ единому Богу, и *Диагора*, копорой совсѣмъ не признавалъ никакого.

Оспавя *Мило*, приближились мы къ *Аттиксъ* и оборотились къ *Кранахъ*, или *Еленину Острову*. Хопя кормчій нашего судна и увѣрялъ, что нѣчего шамъ видѣть: мы съ допоромъ не хотѣли никому вѣрить кромѣ себя. Сверхъ того намѣреніе мое было осмошрѣть и самыя ди-

чайшія горы. Я льщусь, Государыня моя, что и вы привыкаете нечувствительнѣ къ словамъ *удивленіе* и *неллодородіе*, но спарашься спану избавить васъ, сколько мнѣ можно будетъ, отъ скуки, копорую самъ испыталъ въ семь путешествіи. Кажеться, что оспровъ *Кранае* никогда не былъ обитаемъ: можетъ быть для сей самой причины *Парисъ* и избралъ его, когда бѣжалъ изъ Греціи похипя Елену. Сей князь, сказывають, оспановился на ономъ оспрову, и въ первой разъ вкусилъ плоды своего приобрѣтенія.

Напропивъ *Кранаи* лежиць оспровъ прозванной древними *Клиносъ* (*Цитносъ*) а нынѣ именуемой *Гермія*, по причинѣ бань его, и споль же плодоносной, какъ былъ вспаріиу. Земля на немъ ни суха ни камениста, какъ на сосѣднихъ оспровахъ. Поля покрыты жашвами, когоры виноградами, хопя по испини и не споль хорошими, каковы бывають на земляхъ больше песчаныхъ. Ростеть здѣсь такъже много шелковичныхъ деревьевъ, отъ копорыхъ жители получають великую прибыль, по причинѣ множества шелковыхъ червей ими питаемыхъ: по главная шорговля производится медомъ и воскомъ. Намъ показывали развалины одного города, нынѣ называемаго *Ебрео-Кастро* (*Жидовское спановище*) немалой красоты и чрезвычайнаго великолѣпія. Между мраморами, кои покрыва земля, видѣли мы множество бареліевовъ, и опломковъ драгоцѣнныхъ спапуй. Кажеться, что Варвары причинившіе паковое опусиошеніе, боясь, чтобъ послѣ нихъ не соединили разпоргнуныя части сихъ преизданныхъ испукановъ, изломали каждаго изъ нихъ

особо. *Термья*, столица оспрова, довольно велика, и почти вся населена Греками.

Сира не меньше *Термии* плодоносна. Она имѣетъ 175 верстъ въ длину, и хощя покрыта горами, естъ на ней поля производящія изобильныя жайвы. Сія горы, кои сушь всѣ каменные, имѣють пу чрезвычайность, что кажеться пощчасъ упадутъ. Столица, по имяни которой называеться весь оспровъ, лежишь въ милѣ отъ моря, на вершинѣ небольшой горы, и издали виситъ надъ водою. Между городомъ и весьма проспанною пристанью находятся развалины *Скироса*, древней столицы оспрова, гдѣ былъ воспитанъ *Ахиллесъ* при дворѣ *Никомеда*. Сія земля вспарину населена была *Дололами*, славными морскими разбойниками, коихъ мѣсто заступили Греческіе монахи. Здѣсь умеръ *Тезей* по изгнаніи своемъ изъ Афинъ; а *Ферекидъ*, полагаемой въ числѣ седми мудрецовъ, родился.

Тине, прежде называемой *Теносъ*, на полночь отъ *Сиры*, естъ нарочито великой оспровъ, имѣющей около чепырехъ сотъ верстъ въ окружности. На немъ много змѣй, почему и названъ онъ былъ сперва *Офиюзомъ*. Земля плодоносна; шелковичныя, гранатовыя деревья растутъ свободно, равно какъ и виноградъ, приносящей немалой доходъ жишелямъ, кои вообще прудолюбивы. Жишо и другаго рода хлѣбъ рошисъ здѣсь также изобильно.

Городъ *Тине* стоить на берегу залива, которой служилъ ему пристанью. Теперь находится на томъ мѣстѣ крѣпость и слобода называемая *Сан-Николо*. Первая лежишь на самомъ высокомъ мѣстѣ оспрова, и положеніе со-

спавляеть всю ея безопасность. Нѣсколько мѣлъ назадъ, какъ мнѣ сказывали, нашли, коная близъ города, храмъ *Неппуновъ*: но я ничего такого не видалъ, чтобъ оправдать могло сіе обрѣненіе.

Сколь ни пріятно мнѣ показалось пребываніе мое въ *Тинѣ*, немогъ я удержаться отъ удивленія приближаясь къ *Андросу*. Видъ сего оспрова естъ наипрелестнѣйшій. Представше себѣ проспанной и широкой заливъ, раздѣленной на двое мысомъ, выдающимся въ море. Сей мысъ, дѣлающей часть города, покрытъ спроеніемъ и садами, принуждающими проѣзжихъ оспанавливаться. Съ другой стороны видна плодоносна и прекрасная долина. Вся земля вообще изобилуетъ плодами всякаго рода. Повсюду представлются сады и огороды, напоаемые безчисленными ручьями. Самое пріятнѣе мѣсто лежишь позади одной горы при деревнѣ *Ариѣ*. Соспавляють ея многіе деревенскіе дома, осаженные пальмовыми деревьями, и каждой изъ нихъ уподобляеться пущынь. *Шелкъ* здѣшней почиаетъ за самой лучшей и самой тонкой. *Андросъ* не меньше и древностию своими, какъ красотою земли, примѣтень. Наипомѣннѣйшія находятся въ *Балеололѣ*, городѣ вспарину проспанномъ и великолѣпномъ. Множество сполбовъ, капишелей и лр. лежащихъ на мѣстѣ, гдѣ стояла крѣпость, заставили насъ думать, что были они оспашки *Храма Бахусова*. Намъ показали источникъ, въ коемъ сказывають, вода имѣетъ вкусъ вина. Мнѣ кажеться, что предубѣжденіе здѣсь сильно дѣйствуетъ. Ручей пекущей при храмѣ бога вина не доволенъ показался для жертвую-

щих; они приписали ему свойство, кое льстило больше ихъ воображенію, нежели вкусу.

Зіа есть *Цейя*, или *Зеосъ*, древнихъ. Въ ней родился стихотворецъ *Симонидъ*. Отъ чепырехъ сильныхъ ея городовъ оспались только развалины *Цертея*, на коихъ построена *Зіа*, столица оспрова. Судя объ обширности *Цертея* по слѣдамъ ея, она долженствовала бытъ весьма велика, ибо сверхъ мраморныхъ сполбовъ и другихъ оспашковъ архипектуры, находящихся въ обывательскихъ домахъ и по улицамъ, валяется много оныхъ по полямъ, а особливо на одной горѣ, за милою отъ пристани. Близъ моря я еще больше видѣлъ развалинъ около стѣны почти разрушенной, и принадлежавшей повидимому къ какой нибудь старинной крѣпости. Жители показали намъ опломовъ спашуи, къ коей имѣютъ они и по нынѣ нѣкошорой спрахъ на вѣрѣ основанной, пошому чшо почитають ее изображеніемъ *Немезиды*, (*Немезиды*) богини мщенія. Около ея видны куски мрамора и нѣсколькихъ сполбовъ. Оспровъ имѣетъ въ окружности около чепырехъ спшъ верспъ. Славился прежде доброшою шелка, и первая фабрика онаго приписываются *Палфилъ*, владѣтельница оспрова. Теперь торгъ сей почти ничего не значить: ибо дѣлають больше бумажныхъ шканей, нежели шелковыхъ. Спашають также рачительно о винахъ, кои весьма недурны.

Я не знаю, чшо вамъ сказашъ объ оспровѣ *Макронизи*. Онъ довольно великъ, но шакъ пущъ и бесплоденъ, чшо не видно на немъ инаго, кромѣ ящерицъ и саранчи. *Макризь* его меньше, но шакже не населенъ. Ни въ помѣ

ни въ другомъ не видно слѣдовъ древности. *Гуара* или *Жура*, превосходитъ ихъ шѣмъ, чшо имѣетъ родъ *крысь* рѣдкой величины. Видно, чшо предки сихъ мышей принудили жителей *Гуары* оспавить здѣшнюю спрану.

Сосѣдство *Евбея*, близъ коей лежатъ сіи оспрова, было причиною, чшо опложилъ я объѣхать кругомъ *Цивладскіе* оспрова. Я присталъ въ *Шатору* (Красной замокъ), нарочитую крѣпость, подъ пушки кошорой Турецкія галеры уходить въ случаѣ нужды. Вспарину на семь мѣстѣ спшялъ городъ. *Гомеръ* называетъ его *Каристосъ*. *Титаны*, дѣши земли, предписывали въ немъ законы, и между прочими *Бріарею* жители воздавали божескія почести. Пешпрое мраморъ былъ въ великомъ почшеніи, и назывался *Каристинскимъ*. Я ходилъ въ слободу *Еретриа*, прежнюю столицу оспрова, кошорая была славна по своей цѣлебной землѣ, прозываемой *Еретреанскою*. Наконецъ былъ я и въ *Негрелонтъ*, опкуда и къ вамъ пишу, намѣреваясь послать письмо, когда найду случай. Можеть очень случиться, чшо въ одинъ день вы не одно отъ меня получите, ибо сами разсудите, чшо не можно ихъ шакъ порядочно опправлять, какъ у насъ. Я иногда накопляю ихъ по шри, и посылаю всѣ на одномъ кораблѣ.

Негрелонтъ, нынѣшняя столица *Евбея*, имѣетъ только чепырнашцать верспъ въ обширности, но окруженъ проспранными предметами, въ коихъ живутъ Греки. Число ихъ проспирается до пятнадцати тысячъ человекъ. Наилучшее зданіе въ городѣ есть сераль *Калитан-паша* или Генерал-адмирала. Сіи пашашъ лежатъ надъ *Еврилою*, и предспавляютъ весьма

прекрасной видъ. Украшены онѣ галереями и входами изъ краснаго и лакированнаго дерева. Я удивился великому множеству деревянныхъ жилищей, спекающихся въ городѣ въ торговые дни. Всякой изъ нихъ приносишь со всѣхъ острововъ оспрова произрастенія на продажу; почему онѣя такъ бываютъ дешево, что почти ничто имѣть ихъ можно. Я съ роду не видалъ поликаго числа деревень вмѣстѣ. Сіе самое причиною, что земля здѣсь хорошо обрабатана, и приносишь изобильно плоды всякаго рода, а особливо хлѣбъ, вино, и масло. Островъ въ окружности имѣетъ тысячу верствъ, а ширина его не больше ста сорока. Славенъ онъ мысомъ *Кафанейскимъ*, на которомъ *Навиллій*, Царь острова, зажегъ огни для привлеченія Греческаго флота, бывшаго на осаду Трои. Хиростъ имѣла успѣхъ. Корабли впади въ пучину, но *Навиллій* узнавъ, что *Диомедъ* и *Улиссъ*, главные виновники смерти сына его *Паламеда*, спаслись отъ кораблекрушенія, бросился съ сердца въ море.

Я долженъ упомянуть здѣсь о *Еврилѣ*, славномъ заливѣ Егейскаго моря, отдѣляющаго *Авлиду* и *Беотию* (Віонію) отъ Евбеи. Оной такъ снѣсается въ шомъ мѣстѣ, гдѣ построена Негрепонская крѣпость, что галера насилу пройти можетъ. Около сего мѣста особливо примѣчаются шѣ удивительныя дѣйствія, кои и древніе и новѣйшіе тщетно старались изъяснить. Черезъ цѣлые осмнадцать или девятнадцать дней каждой новой луны, Еврипа имѣетъ порядочной въ дватцать чешыре, или дватцать пять часовъ, приливъ и отливъ, равно какъ и Океанъ: но въ прошчіе дни нарушаетъ

ся сей порядокъ, и приливъ съ отливомъ въ сутки случается одиннадцать, дватцать, тринадцать, а иногда и четырнадцать разъ. Я хотѣлъ самъ видѣть сіи чудныя перемѣны, и поѣхавъ въ одну мельницу, лежащую подъ замкомъ, примѣшилъ что въ полтора часа колесо перемѣняло движеніе свое три раза, въ слѣдствіе перемѣны печенія воды. Но что всего мудренѣе: вода между тѣмъ, какъ Еврипа приращаетъ и убываетъ, сполнитъ нѣкоторое время безъ колебанія, какъ въ болотѣ, такъ что брошенные въ нее перья и солома остаются неподвижны, развѣ вѣтеръ на нихъ подуеши. Если время, въ которое заливъ споль спремилель, что уноситъ самыя большіе корабли, хотя мастрозы и всѣми силами спараются пому возпрошивишься. Я нехочу объяснять здѣсь сего чуда природы; ибо помню, что и объ Аристопель говоряшь, будто онъ не могъ понять сему причины. Будучи оспорожнѣе его я не бросился въ Еврипу, дабы бышь вмѣщену въ шо, какъ утверждають о семъ философѣ, чего не могъ самъ въ головѣ моей вмѣстити.

Холодъ нынѣшней поры, и насморкъ мучающей докпора, принудилъ насъ можетъ бышь пробыть долѣе въ Негрепонѣ, нежели мы полагали: но спрана сія споль пріятна, даже и зимою, что я радъ отдохнуть здѣсь по споль долгомъ и трудномъ спраншвованіи, дабы приугововишься къ новому.

Я есмь и пр.

ПИСЬМО XII.

Конецъ Греціи.

Въ такой землѣ, какова Греція, всѣ мѣста посѣщаемыя путешествовавшемъ, супъ предмѣны посвященныя безсмертію. Проспой ручеекъ, камень, пещера приобрѣли знаменитость, или чрезъ сочиненія спихопворцевъ, или какимъ доспопамышнымъ произшествіемъ. И такъ не жалуйпесь, Государыня моя, на подробности послѣдняго моего писма, и слѣдуйте пожалуйше за мною съ прежнимъ снисхожденіемъ, въ шѣ мѣста, кои оспалось мнѣ осмопрѣшь.

Первой оспровъ, къ которому я приспалъ, въхавъ изъ Негрепонша, былъ *Хіо*, Турками *Сахесъ* называемой. Лежипъ онъ между оспровами Машелиномъ и Самосомъ, и имѣетъ около восьми сотъ верспъ въ окружности. Жипели его были прежде весьма сильны на морѣ; но поворили ихъ Аѳиняне, попомъ Спаршане, и напоследокъ Римляне. Сіи владѣли оспровомъ до времени Греческихъ Императоровъ, кои уступили его *Генуесцамъ*, а у нихъ опшиали уже Турки въ царствованіе *Селма*. *Хіо* былъ конечно двѣтущъ, судя по числу городовъ его, коихъ считалось припцать шесть, и кои превращены шеперь въ деревни.

Столица и велика и хорошо выпроена. Всѣ зданія поставлены порядочно, и имѣюшъ нѣсколько жильевъ, какъ и наши. Приспанъ его безопасна, замокъ нарочито укрьпленъ, и въ зависимости содержишь и городъ и весь берегъ. Главная церковь Госпической пріятной архипектуры; но внупри украшена Греческою живописью споль дурною, что нѣтъ у насъ ма-

ляра, копорой бы не написалъ лучше. Предспавлены на оной свяшые, какъ по узналъ я по надписямъ; ибо инаково никогда бы не догадался, что такое. На семь оспровъ не видали мы древностей примѣчанія доспойныхъ, кромѣ развалинь одного зданія, лежащаго въ шемной долинь за спю сорокъ верспъ опъ города. *Нелтунъ* былъ влюбленъ въ Нимфу оспрова *Схіо*, и можетъ бытъ сіе мѣсто какъ больше для него способное всякаго другаго, избрано было для сооруженія ему храма. Недалеко опшуда печепъ ручей, копорого вода, говоряпъ, дѣлаепъ *безумными*. Докпоръ опважился учинипъ опынъ, и я не примѣшилъ, чпобъ онъ хотя мало сощель съ ума.

Хіо еспъ одинъ изъ шѣхъ городовъ, кои споряпся между собою о чесни, что въ нихъ родился *Гомеръ*. Мнѣ показали одно мѣсто, на копоромъ, какъ увѣряюпъ, сей великій спихопворецъ учился первымъ основаніямъ своей науки. Оно еспъ водохранилище около дваццати фуновъ въ поперешникѣ. Показываюпъ шакже домъ, гдѣ жилъ шворецъ *Иліады*, когда сочинялъ свои спихи. Удивительное почшеніе сихъ простяковъ ко всему, что имѣетъ сношеніе съ симъ высокимъ по разуму мужемъ, вседило и въ меня къ показываемому шалашу шакія мысли, что я самъ охотно желалъ върипъ, что жилъ онъ шупъ. Спрана здѣшняя была шакже опчизною многихъ славныхъ людей, между копорыми считаюпъ *Гона* прагического спихопворца, испорика *Θεοπομπα*, и суюмуарца *Теохрита*.

Мало видалъ я оспрововъ споль плодоносныхъ, какъ *Хіо*; даже самыя горы, коими по-

крывається онъ съ полуночной стороны, въ немъ обработаны. Я не удивляюсь, что назвали его житницею Римскаго народа. Оливковые и помаранцовые деревья роснуть во множествѣ; вины его славны съ давнихъ временъ, прищипы и крѣпки. Виноградъ разрѣзавши сушатъ нѣсколько дней, и послѣ кладутъ въ пощилы.

Лентискъ, дерево приносящее *Мастику*, весьма здѣсь не рѣдко. Роды его различны, по разному качеству земли, на которой роснуть, но лучшими почитаются острова Хіо, и родится его споль много въ сей части Архипелага, что Султанъ всякой годъ получаетъ больше спа пшячь фуншовъ маспики. Вся рабоша около сего дерева состоишь въ разсаживаніи: для сего зберегають всегда множество молодыхъ сочныхъ опросковъ, кои лучше произрастають, нежели спарые. Они и опъ сѣмянъ шакже роснуть. Турки садяшь ихъ въ Генварѣ кустами по полю. Лиспы, кои не опадають и зимою, походяшь много на мирповые, нѣжны, пріятнаго запаха, и кислаго вкуса.

Мастика есть гумъ или смола, пекущая изъ пня, и главнѣйшихъ въщвей лентиска, иногда сама собою, а наичаще изъ чинимыхъ въ извѣстное время на деревѣ насѣчекъ. Наилучшею почитается спа, копорая сама изъ дерева выходитъ. Течеть она каплями, кои увеличиваються, и падають наконецъ опъ собшвенной своей шяжести. Спараються, чтобъ земля была чиста, дабы сія драгоцѣнная смола не смѣшалась съ чемъ другимъ. Въ первой разѣ собирають ее въ половинѣ Августа, и сіе продолжается восемь дней; потомъ вновь нарубають деревцы, и собирають опяшь въ концѣ Сен-

пьября. Маспики продолжаетъ печь цѣлыя шесть недѣль, и по прошествіи сего времени не позволяютъ уже оную собирать. Самая лучшая, копорую купцы называютъ *Салцоль*, должна быть небольшими зернами, свѣплыми, прозрачными, цвѣта блага склоняющагося на лимонной, и пріятнаго запаха. Она ломается пощчасъ на зубахъ, смыхается при огнѣ какъ воскъ, и загорается на угольяхъ. Подъ именемъ маспики *Салци* разумѣется спа, копорая бываетъ посредственной доброты. Употребляють оную, шю есть и шу и другую, принимая внутрь для укрѣпленія желудка, и для оспановленія рвошы и поноса. Входитъ она шакже въ составленіе многихъ лаковъ. На воспокѣ кладутъ ее въ шѣспо, копорое получаетъ со вкусомъ сего клея, бѣлизну пріятную глазамъ.

Вся маспики первого збора принадлежишь Султану, и должна опдана быть надзирашело къ шому приспавленному. Если донесется на кого, что онъ ушайлъ хоть малѣйшее количество, пощчасъ лишаютъ его имѣнія, и осуждаютъ на галеры. *Сезральскія женщины* наибольше издерживаютъ маспики; онѣ почти безпреспанно ее жують, дабы дыханіе здѣлать пріятнымъ и укрѣпить десны: жгутъ ее шакже въ курильницахъ. Молодыя женщины мнутъ ее языкомъ, дуютъ изъ нее пузыри на подобіе бубылочекъ, кои послѣ губами давяшь, опъ чего производить немалой звукъ. Когда бывають онѣ въ обществвахъ, за увеселеніе почитаютъ подойдя шихонько къ мушннѣ, раздавши губами сей пузырекъ у него подъ носомъ, дабы спуюкомъ испужашь и дашь послышашъ пріятной запахъ маспики.

Весь остров Хіо изобилень дичиною, и въ нѣкопрыхъ округахъ куролатки шакъ ручны, какъ куры. Многіе стараются ихъ выкармливать и гоняють по упрямя на поля для исканія пици. Ежели захочеша хозяину имѣнь ихъ дома прежде вечера, то кличешъ дудочкою, которую онѣ услыша идушь во всякомъ порядкѣ. Всякой хозяинъ опдаешъ своихъ общему спорожу, а сей въ вечеру и пригоняешъ ихъ домой.

Наибольшее богатство сей земли вспарину было ломня *Яшлы*: но мы на помѣ мѣспѣ видѣли шольво мраморъ, которой показался намъ весьма прекраснымъ.

Нѣшь въ Архипелагѣ острова, гдѣ бы свободнѣе и вольнѣе жили какъ въ Хіо, и гдѣ бы женщины были милѣе и пригожѣе. Онѣ много походяшь на Ипаліанокъ, а особливо на Генуесскихъ. Ихъ можно видѣшь и говоришь съ ними. Нравы здѣшней земли оспавляютъ ихъ во всякой вольности, но которую рѣдко упошребляють онѣ во зло. Жипели очень учпивы, и между собою и съ чужеспранцами, и имѣють шакже великую склонность къ музыкѣ. Праздничные вечера провождають въ увеселеніяхъ общихъ обѣимъ поламъ, и обыкновенно не прежде разсвѣта кончатся.

Самось, въ которомъ столица называется *Кора*, ешь и меньше, и нешоль плодородень, какъ Хіо; изобилуешъ онѣ однако плодоносными деревьями, а особливо оливковыми: но виноградъ очень рѣдокъ, хопя сосѣднія земли почпи онымъ всѣ покрышы. Сей островъ шянешся съ воспока на западъ, и съ небольшимъ пашьсопъ верспѣ имѣень въ округности. Пре-

даніе говоришь, чшо *Юнона*, которой посвященъ былъ Самось, въ немъ родилась и выдана за Юпишера; почему и увѣряли насъ, чшо имѣла она здѣсь великолѣпной храмъ, въ которомъ всякой годъ ошправлялся праздникъ, похожей на свадьбу. По сему повѣспованію заключилъ я, чшо найду какіе нибудъ оспатки древности и велѣлъ проводить себя на мѣспо спариннаго Самоса. Развалины города шполь еще видны и проспранны, чшо не лзя въ нихъ ошибишься. Лежашь онѣ на горѣ, около которой видѣлъ я много разбросанныхъ каменьевъ. Грекъ, проводникъ мой, показалъ мнѣ въ одной кучѣ развалинь оспатки храма Юнонина. Я пому повѣрилъ; ибо дѣйспвительнѣо сіе мѣспо ешь одно, на которомъ нашель я основаніи и куски мраморныхъ сполбовъ. Съ большимъ удовольспвіемъ смошрѣлъ я на слѣды древняго водовода, поспроеннаго изъ шполь крѣпкаго кирпича, чшо чрезъ двѣ пышячи лѣпъ оной еще шакъ цѣль, какъ бы севодни былъ здѣланъ. Я не видалъ ни какого монумента могущаго возбудишь любопытство: но всего больше поражаетъ чужеспранца, а особливо привыкшаго къ щегольскому убору женщинъ своей земли, неопряшность ошврашительная и чрезмѣрное нераченіе Самосскихъ жипельницъ. Лѣность ихъ и неспраніе объ уборѣ превосходить все шо, чшо бы я сказашь объ шомъ могъ.

Самось славится въ Испоріи порождениемъ въ немъ одного Философа, одной Сивиллы и одного Тирана. Первой ешь мудрой *Пивагоръ* ревностной зашщникъ системы преселенія душъ. Вторая была одна изъ провѣщательницъ, предсказавшихъ пришествіе Иисуса Христа, а

препийшъ пошъ славной пиранъ *Поликратъ*, копорой послъ преблагополучной жизни здѣлалъ пагубной опытъ, чпо никпо не долженъ себя почиташъ совершенно счасливымъ прежде смерши.

Оспровъ *Никарія*, близъ Самоса, равно какъ и окружающее его море, получили имя свое отъ *Икара*, дерзоспнаго сына Дедалова, копорой приблизасъ съ лишкомъ къ солнцу, распонилъ воскъ на своихъ крыльяхъ, и упалъ въ море близъ оспрова *Иктіозы*, названнаго съ того времени по немъ *Икарія*, или *Никарія*. Сей оспровъ, имѣющій около двухъ сопъ верспъ въ окружноспи, плодороденъ и хорошъ, но жипели его шакъ лѣнны, чпо вся почпи земля лежипшъ пуща. Воздухъ и вода споль чпсны и здоровы, чпо имъ можно приписашъ долговѣчную жизнь *Никарянъ*, изъ коихъ немалое число жипешъ близъ спа лѣшъ. Они имѣюшъ шу опмѣиносп, чпо не упошребляюшъ никогда поспелей, и чпо на всемъ оспрову не найдешъ ни одной. Ложашъ на землѣ, камень служипшъ у нихъ вмѣсто подушки, а плашь одѣяломъ. Архіепископъ Самосской, приѣхавши къ нимъ осмашривашъ церкви, не подумалъ привесши съ собою поспели, и шакъ здѣлали койкакъ оную изъ соломы для упокоенія его преосвященспва. Жипели не запасаюшся одеждою, кромѣ шой, копорую на себѣ имѣюшъ, и когда она со всѣмъ изнаоспшя, шо помышляшъ начинаюшъ, какъ бы здѣлашъ новую. Во всемъ оспровѣ не найдешъ куска хлѣба, кромѣ того часа, какъ обѣдаюшъ, или ужинаюшъ. Они меляшъ небольшими жерновами сполько жипа, передъ самымъ обѣдомъ, сколько спанешъ имъ на одинъ разъ; разшворяюшъ

муку, мѣшашъ хлѣбъ, пекушъ его на плоскомъ камнѣ, подложя подъ него огонь; и какъ хлѣбъ поспешъ, хозяинъ дома дѣлипшъ его на равныя часши и раздаешъ всей своей семь: беременная женщина получаешъ два учаспка. Вино ихъ обыкновенно смѣшено съ шрема часшми воды. Они наливаюшъ оное въ сосудъ похожей на большой ковшъ, и подаюшъ его кругомъ до пѣхъ поръ, пока всѣ не напыюшся. Вина не берегушъ въ бочкахъ, а въ большихъ кувшинахъ, кои покрываюшъ землею; на верху кувшина дѣлаюшъ диру, опускаюшъ шуда проспипку проверченную съ обѣихъ концовъ, и запшнувши пальцемъ верхней, вынимаюшъ проспш, и шакимъ образомъ достаюшъ вино.

Домы *Никарянъ* просшы и безъ украшенія. Въ оныхъ шолько видны чепыре спѣны и жерновы, о коихъ я говорилъ. Все прочее, чпо могушъ они имѣшъ, держашъ подъ землею. Между собою мало общеспва знаюшъ; и ештли придешъ нужда одному повидашся съ другимъ для дѣла, не подходяшъ никогда къ воропамъ того человекъ, къ копорому пришли, а ошпановся въ нѣкопоромъ разшоянш, кричашъ изо всей силы. Когда хозяинъ ошзовешся, шо пришедшей сказываешъ, какая ему нужда. Такимъ образомъ учреждаюшъ всѣ свои дѣла, а по сей причинѣ и голоса у нихъ бываюшъ шакъ сильны, чпо слышны изъ весьма опдаленныхъ мѣспъ.

Вы безъ всякаго сумнѣнія слышали о *Патмосѣ*, семъ славномъ оспровѣ, на копоромъ *Святый Иоаннъ* сочинилъ свой *Апокалипсисъ*. Теперь его называюшъ *Палмоса*. Дикоспъ и пишина въ немъ царспвуюшя, чиняшъ его истиннымъ мѣспомъ размышленія. Хошя въ ок-

ружностью имѣеть онъ опть полупораспа до двухъ сошь верспть, но жишелей едва наберепся приспа. Деревья, пріяпныя роци, зелень въ вѣмь въ немь неизвѣсны; все въ немь вселяепь задумчивость и печальныя мысли. Горы ничемь не покрыпы, долины сухи и пусты. Церковь святаго Іоанна нарочито хорошо выспроена и велика, но не спюль много возбудила въ насъ любопытства, какъ по мѣсто, на коемь, думающь, жилъ Свяпый Апостоль. Дорога идеть въ него между каменными крушыми и шороховатыми горами, и приводить къ одной бѣдной пустынь, построеной на косогорѣ, въ нѣкошоромь разстоянїи опть монастыря Греческихъ монаховъ. Часовня въ ней малинькая и украшена живописью, представляющею, сказывающь, жизнь святаго Евангелиста. Недалеко опть нея видѣли мы большую скважину, изсѣченную въ камень, коей сводъ поддерживаепся подпорю. Тутъ, говорящь, была пещера святаго, и мѣсто, на кошоромь писалъ онъ свою шайнспвенную книгу. Наши проводники показывая намъ съ великимъ почпенїемъ рацелины причиненныя въ камень единымъ временемъ, разсказывали съ важнымъ видомъ, какимъ образомъ Свяпый Духъ входилъ въ сїи щели, и наспавлялъ Святаго Іоанна, писатъ божеспвенныя свои шайны.

Противъ Палмозы лежишь небольшой оспровъ называемой *Сен-Миносъ* (Свяпый Миносъ) имѣющій ту опмѣнность, что кажеться разрѣзанъ въ срединѣ. Дорога прорышая опть природы въ наивышней часпи оспрова, дѣлаепть сїе раздѣленїе; одна половина плодородна, и приноситъ разные плоды, другая со вѣмь пу-

спа и камениста. Камень сей часпи еспть сърой мраморъ съ проблью.

Я вѣсьма былъ доволенъ пребыванїемъ моимъ на оспровѣ *Наксїи*, кошорой еспть наивеличайшїй изъ Цикладскихъ, и наибогачїйшїй изо вѣсхъ Архипелагскихъ оспрововъ. Вспари-ну назывался онъ *Дїонизїя*, опть имяни *Денниса* или *Бахуса*, имѣвшаго на немъ свое пребыванїе. Послѣ назвали его *Каллиполисъ* и *малая Сицилія* по причинѣ его плодородїя. Вспупя на сїю землю, я чупь не заплакалъ вспомя о нещастїяхъ *Аріаны* оспавленной вѣроломнымъ *Тезеємъ*. Мнѣ казалось, что я слышала жалобы сей опчаяннїи любовнїцы, наполняющеи горы и берега своими спенанїями, когда Бахусъ шпруной сожальнїемъ, предспалъ передъ нею для опданїя ей и руки своей и короны.

Новой городъ *Наксїя* построень на развалинахъ дрежняго. Стѣны его шолспы, и укрѣплены башнями. Крѣпость лежишь въ шой часпи, коя наибольше возвышена, и показалась мнѣ здѣланною по правиламъ. Церквей здѣсь много; соборная особливо хороша и проспранна.

Женщины вѣсьма разнспвуютъ съ Самоскими. Гордоспъ и шщеславїе господспвуютъ надъ ними въ высочайшемъ спенени; ни одна изъ нихъ не появишя на улицѣ, и ниже внѣ города, инако, какъ съ смѣха доспойнымъ оказанїемъ своихъ уборовъ и даже мебели.

Я ходилъ спопрѣшь находящїеся близъ замка оспалки наиглубочайшей дрежности, по еспть развалины *Бахусова* храма, кошорья покрывающь цѣлую гору окруженную морскою водою. Рѣдкость матерїала доказываепть великолѣпїе и красоту дрежняго зданїя. Куски яшмы и пор-

фира смѣшаны съ гранитомъ и самымъ лучшимъ мраморомъ. Косяки дверей ведущихъ во храмъ еще со всѣмъ цѣлы. Они соспавлены изъ прехъ кусковъ гладкаго мрамора, и каждой изъ оныхъ имѣеть осмнадцать фушовъ длины, одиннадцать полцины. Я ничего не видывалъ столь величественнаго, ни столь ошмѣннаго.

Наксія ошправляетъ немалой шоргъ, хотя не имѣеть приспаней. Изобиліе и плодородіе земли награждаетъ сей недоспанокъ. Поняшь не можно, какое множество плодовъ родится на семь оспровѣ. Берега покрыты виноградомъ; помаранцовыми и лимонными, а долины фиговыми и гранатовыми деревьями; хлѣбъ родится также изобильно. Тщаніе жипелей не ограничивается однимъ земледѣіемъ. Они приуготавлиють немало соли, и продають довольно дешево; упражняются также въ выработаніи шелка и хлопчатой бумаги, собираемыхъ во всѣхъ частяхъ оспрова. Пребываніе здѣсь столь пріятно, что многіе знатные люди, и цѣлыя фамиліи изъ Нѣмецкой земли, изъ Польши, изъ Ишаліи, на оспровѣ поселились.

Мнѣ спойло шруда оспавинъ столь прекрасную землю: но ушѣшался я, когда приѣхалъ въ *Паросъ*. Сей оспровъ, хотя едва имѣеть 350 верспъ въ окружности, почипался вспарину наилучшимъ между Цикладскими, и былъ въ союзѣ съ Персами противъ Грековъ. *Милтиаду* дано было повелѣніе ошъ Аѣинянь завладѣть имъ, но онъ не могъ шого исполнить, Рѣдкія древности, коими оспровъ наполненъ. дѣлають его предмѣшомъ любопытштва. Спѣны замка *Парекхін*, (такъ называется нынѣ спойлица) улицы, народныя и жипельскія зда-

ніи поспроены изъ оспашковъ древняго города. На всякомъ шагу вспрѣчаются въ спѣнахъ корнизы, капители, и цѣлыя сполбы закладенныя, какъ проспой рядъ каменьевъ. Въ иномъ мѣспѣ наипрекраснѣйшіе бареліевы, вмѣспѣ съ шуловищами спашуй подпираютъ входъ дома; въ иномъ изъ самаго лучшаго дорожчешаго сполба здѣланъ перекладъ у двери. Таковое зрѣлице возбуждаетъ сожалѣніе и слезы, предспавляя взору работу споящую шиликихъ шрудовъ и попеченія, смѣшанную съ проспыми каменьями и извесшью. Сполбы и спашуи мраморныя были повидимому весьма не рѣдки на семь оспровѣ, съ кошораго вывозился наилучшій мраморъ во всю Грецію. Я ходилъ спопрѣль сіи славныя каменоломни, снабжавшія всю Азію, чемъ украшашъ храмы боговъ; и приводилъ въ почтеніе память великихъ людей. Въ самой наидревнѣйшей видѣль я одинъ прекрасной Бареліевъ, высѣченной въ горѣ, но ошъ оной не ошдѣленной. Рѣщики изъ Пароса и ошвсюда приходящіе имѣли надъ чѣмъ упражнять свой разумъ и вкусъ въ сихъ богашыхъ и драгоценныхъ подземныхъ сводахъ. Сколь скоро работа окончевалась, шогда опрубали весь кусокъ въ надлежащей глубинѣ; и вдругъ предспавлялись глазамъ наилучшіе шруды искусствва и природы. Бареліевъ упомянушой мною, изображаетъ Бахусовъ праздникъ. Сей богъ въ видѣ молодаго челошва, окруженъ пляшущими и веселящимися людьми. Въ началѣ семнадцатаго вѣка найдены шѣ прекрасныя мраморныя плишки, на коихъ вырѣзаны главнѣйшія произшества Греческой испоріи ошъ созданія Аѣинъ. *Томасъ, Графъ Арондельской*, перевезъ ихъ въ Англію

и опдалъ въ универсишеть. Нынѣ называютъ ихъ безъ различія *Мраморами Оксфордскими, Аронделевыми* и *Паросскими*. Сей оспровъ славился также порожденіемъ *Архилоха*, знашаго спихопворца, изобрѣшателя спиховъ *Ямбическихъ*, и кошорой силою и жаромъ сочиненій своихъ, приносящихъ честь вкусу, принудилъ нѣкоего *Ликамба* повѣситься.

Оспровъ *Антиларосъ* описываютъ опъ сего верспахъ въ десяти. Онъ поже весь каменной, покрышой нѣсколькими дюймами земли, съ шю разностію, что камень на немъ не мраморъ, какъ въ Паросѣ. На всемъ оспровѣ спойнъ одна деревня съ небольшимъ числомъ жителей: но я осмѣлюсь сказать, что заслуживаетъ онъ вниманіе любопытныхъ больше другихъ земель. Ибо здѣсь находится шодико прославляемая древними и новѣйшими *Пещера охрусталѣшихъ соковъ* *). Разказываемыя объ ней удивительныя вещи побудили насъ, въ нее спуститься, хотя я и зналъ, какимъ чрезъ шо подвергнусь опасностямъ. Мы взяли чешыре челоука провожатыхъ, такъ что съ слугою моимъ и Грекомъ, кошорой намъ показывалъ дорогу, было насъ восмеро. Я описалъ вамъ Кришской лабиринтъ, но побывавъ въ пещерѣ Антипаросской, почишаю его за пріятное гульбище. Предспавше себѣ ужасную пропасть больше тысячи фушовъ глубины, въ кошорую не лзя спуститься, какъ по веревкамъ, или по веревочнымъ лѣсницамъ. Слезли мы шакимъ образомъ подъ проспранной сводъ, поддерживаемой многими сполбами, кои сама природа

*) Мы имѣемъ нѣскольکو ей подобную пещеру въ Оренбургской Губерніи при рѣкѣ Вѣлой см. Ежемѣсячныя сочиненіи 1760. Мартъ стр. 195.

сшворила. Тутъ нашли мы Греческую надпись слѣдующаго содержания: „Подъ правленіемъ Крипона, приходили въ сіе мѣсто Менадръ, Сокармъ, Менурапъ, Аншипашерь, Ипомедонъ, Аристеевъ, Филкасъ, Горгусъ, Филокрапъ, Онезимъ.“

Въ концѣ пещеры находится уская дорога, по кошорой мы пошли съ помощію многихъ факаловъ, и кошорая привела насъ къ безднѣ, ужасъ вселяющей. Я не понималъ, какимъ образомъ далѣе мы пойдемъ; но одинъ изъ провожатыхъ нашихъ ухватясь за желѣзной крюкъ вдѣланной въ гору, привязалъ къ нему веревку: попомъ взявъ одною рукою факалъ, а другою держась за веревку покапился, и шопчасъ пропалъ изъ глазъ, крича, что бы мы за нимъ слѣдовали. Я далъ спуститься еще двумъ изъ нашихъ людей прежде, нежели самъ опважился, но наконецъ, опустились и мы съ дошпоромъ въ сіе жерло съ помощію веревки.

Я съ удовольствіемъ слушалъ, пока остальные спускались, голосъ ихъ повпорлемой безчисленными ехами, кои всѣ вмѣстѣ производили спрашной шумъ. Когда всѣ мы соединились, шо шли нѣскольکو по ускимъ проходамъ, или улицамъ, и прибыли къ новой пропасти, поистиннѣ не столь крушой, какъ первая, но больше трудности предспавляющей, пошому, что не было уже у насъ ни лѣсницъ, ни веревочъ. Надобно было капиться на спинѣ хватаяся, какъ удастся, за каменья высунувшіеся около сей дороги. Во шпоромъ жильѣ, ешпли позволишся мнѣ шакъ его назвапъ, удивился я одной большей пещерѣ, коей сшны составлены изъ нѣкошораго рода весьма блестящаго

порфира съ красноватыми жилами. Полъ былъ изъ особаго сѣраго камня, въ которомъ примѣшались я множество заросшихъ окаменелыхъ раковинъ.

Мы были на половинѣ только нашего похода, и оставалось еще спуститься въ двѣ пропасты прежде, нежели могли достигнуть до предмета нашихъ желаній. До первой хотя она опасна и страшна, поначасъ мы добрались съ помощію по счастію случившейся ступи лестницы; но когда дошли до другой, явилось, что лестница была коротка: и какъ не знали мы глубины пропасти, отвага измѣнила намъ при семь случаѣ. Однакожь не хотя воротиться не видавъ ничего такого, чпобы могло наградишь труды наши, приняли мы намѣреніе привязавъ конецъ оставшейся у насъ веревки къ ближнему камню, и спуститься по ней до первой ступеньки лестницы. Наконецъ узнавъ я ступи, что уже нѣчего больше бояться пропасти по дорогѣ; но когда подумаль о ужасномъ разстояніи между пѣть мѣспомъ, гдѣ мы находились, и гдѣ пребываетъ свѣтъ, не могъ я обойтись, чпобъ не упрекнушь себя въ моей безразсудной отвагѣ. Я осмѣливаюсь вѣришь шеперь, что всѣ басни выдуманная о низшеспвіяхъ во адѣ, произошли отъ того, что были люди, прежде меня безразсудно отважившіеся сюда лазить.

Мы были уже близко славной пещеры, возбуждающей наше любопытство. Я по всѣмъ угламъ велѣлъ зажечь факалы, какъ по мнѣ присовѣщывали въ Парекхіи: но какимъ удивленіемъ былъ пораженъ, когда вспунилъ въ пещеру! Блескъ ослѣпляющій глаза не позво-

лилъ мнѣ различить предметовъ. Я думаль, что невидимая рука перенесла меня въ блистающее жилище солнца, или по крайній мѣрѣ въ споль прославляемыя палаты Цирцеи или Армиды. Удивленіе мое умножилось, когда глаза познакомились, такъ сказавъ, съ симъ блистательнымъ свѣтомъ. Я тогда могъ видѣть стѣны, сводъ и полъ пещеры, соспавленные изъ прозрачныхъ хрусталей, съ споль прекрасною различностію, что не думаль я, чпобъ искусство когда нибудь могло достигнуть до сего совершенства твореній природы. Сіе очарованное убѣжище имѣеть въ длину приставу фушовъ, почти сполькоже въ ширину, и восемьдесятъ въ вышину. Вода прокрадывающаяся во всѣхъ подземныхъ пещерахъ, и оставляющая вездѣ, гдѣ течеть, минераль называемой *Сларъ*, или лучше замыкающей въ себѣ хрусталь, естъ причина и начало чудесъ, кои хочу я описывать.

Полъ не только покрытъ гладкою поверхностію наподобіе льду: но капли воды, капающія съ свода соспавили съ теченіемъ времени, льсокъ хрустальныхъ деревьевъ, кои свѣтъ преломляющей отъ нашихъ факаловъ расписываль наживѣйшими красками. Между сими деревцами, или, ежели вамъ лучше полюбится, пучками маленькихъ оспроконечныхъ хрусталей, находились отдѣленные фигуры изъ той же матеріи, однѣ подобныя пирамидамъ, другія съ округлыми вершинами. Сверхъ того сіи фигуры, соединенныя между собою, дѣлали родъ стѣны, коей излучины представляли прелестное подобіе лабиринта.

Я обратилъ взоръ мой къ своду, и нашелъ, что оной былъ украшенъ множествомъ обороченныхъ пирамидъ. Величина и соснавъ сихъ прозрачныхъ пирамидъ безчисленное производили между собою различіе. Преломленіе и отбрасываемые лучи свѣта изъ нихъ изливающихся совершенно походило на цвѣты радуги. Что я невидаль посю пору, не можно сравнить съ красотою представляющеюся на стѣнахъ пещеры. Близъ свода время произвело многа плоскости хрупальныя, опдѣленныя опъ спѣны. Онѣ походять на волнистыя завѣсы фуповъ въ двенадцать ширины, изъ коихъ нѣкоторыя висять до самой земли. Ихъ можно уподобить перегородамъ соснавающимъ небольшие покои, одинъ послѣ другаго, коихъ не подражаемое соспроеніе уничтожаетъ все то, что искусство ни вымыслило наисовершеннѣйшаго.

Послѣ описанія моего кажепся, не лзя уже имѣть лучшаго понятія о сей удивительной пещерѣ; но я долженъ признапья, что выраженіи мои весьма далеко не достигли до существа, и что подобныя вещи никогда павковыми не покажущся, ежели ихъ самъ не увидишь.

Докторъ (ибо опъ него ничто скрыпья не можепъ), указаль мнѣ пирамиду особо спящую, на которой нашелъ я надпись много меня обрадовавшую. Мы не первые были, кои спу-скались въ пещеру. Господинъ Ноантель, Французской при Порпѣ посоль, сходилъ въ нее, и по приказу его вырѣзана на сей пирамидѣ, стоящей въ первой пещерѣ, слѣдующая надпись: «въ 1673 году Карль Францискъ Оліеръ

„де Ноанпель, со многочисленнымъ общеспвомъ „видѣль сіе чудо еспеспва, ходиль по самымъ „попаеннымъ и глубокимъ излучинамъ, и не „могъ довольно надивитъся толикой рѣдкости.„

Я вошелъ въ подробности о прудахъ понесенныхъ мною при сходѣ въ сію подземную пещеру; но мы прешерпѣли еще больше выходя назадъ: умолчу однако о семъ, дабы вамъ не наскучишь.

Оспая Антипаросъ, поѣхали мы въ *Сте-нозу*, копорая заслуживаетъ больше имя каменной горы, нежели оспрова. Видъ ея прешивень, и представляеть нолью пески и ущелины, сквозъ кои видно множество перескакивающихъ козь. *Никоперія* еспѣ другая такая же гора, но меньше первой, и имѣеть около 20 верспѣ въ окружности. На ней мы видѣли также козь, и я не понимаю, какимъ образомъ могушь онѣ пашаться. На всѣхъ сихъ оспровахъ находяпся часовни, поснавленные въ честь Святой Дѣвы.

Оспровъ *Адооргосъ* превосходитъ величиною предыдущіе. Жители его вспарину почипались за наилучнихъ аспрономовъ и географовъ своего времени; а пещерь оспалось имъ нолью по достоинство, что они хорошіе пахари. Здѣсь также дѣлалась лучшая пунсовая краска, но нынѣ секретъ сей для нихъ споль же скрыпъ, какъ и Аспрономія. Хотя они и не мудрецы, но по крайнѣй мѣрѣ прудолубивы, и наималѣйшая часть земли не лежишь у нихъ впуспѣ. Масличныя деревья роспуть совершенно хорошо на оспровѣ; жашвы и вины избыльны. Главной городъ споишь на высотѣ, при подошвѣ горы, копорая изда-

дека, вмѣстѣ съ городомъ, представляешь видъ амфионеатра. Находишься на оспрову въ самомъ неприспущномъ мѣстѣ монастырь Богородицы, и церковь, къ коей имѣюшь великое почтеніе. Надобно къ ней итти по весьма крупному косогору, и по опасности дороги заключишь можно, что жители весьма набожны. Другая примѣчанія достоинная здѣсь вещь есть одежда женщинъ. Они вообще не дурны, но носятъ долгія плащя съ висячими рукавами, кои скрываютъ ихъ спянь, и скрадываютъ часъ ихъ приятностей.

Я умолчу о *Калагерѣ*, *Керѣ*, *Скинозѣ*, кои супъ дикія горы незаслуживающія и того, что бы къ нимъ прислаивать. Я однако же осмолпрълъ ихъ будучи увѣренъ, что иногда и въ пусныхъ мѣстахъ находятся рѣдкія и удивительныя вещи. Впрочемъ сіи оспрова производящъ много произрастеній; и между другими праву *Лолатку*, (*legule*) коею богъ вина позволялъ своимъ послѣдователямъ биться въ его праздники. Я нарвалъ оной и ударилъ себя нѣсколько разъ, но почти не почувствовалъ ударовъ, хотя шумъ она произвела довольно великой.

Раклія, хотя и песчана, больше населена. Мы здѣсь нашли двухъ монаховъ изъ *Аморгоса*, копорые черезъ каменья водящъ сюда пасши изъ монастыря овецъ и козь.

Я спѣшилъ приѣхать въ *Ино*, и хотѣлъ приснасть въ самомъ шомъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ, сказывающъ, пещель *Гомеровъ*. Сей великій спихопворецъ, на пущи своемъ изъ *Самоса* въ *Аеины*, занемогъ и велѣвъ высадилъ себя на *Ино*, шупъ умеръ. Не могли возданы

памяши его иныхъ почестей, углубилъ я взоръ мой на землю, хранящую драгоцѣнные оспаши сего рѣдкаго человека. Ходя по берегу, дабы найши какой нибудь знакъ искомаго мною, я увидѣлъ девяти кусковъ мрамора, кои, думаю, положены на семь мѣстѣ въ честь девяти музъ управлявшихъ его сочиненіями.

Пошедъ далѣе на оспровъ, нашель я, что онъ былъ изрядно обработанъ. Городъ кажется основанъ на развалинахъ древняго *Тоса*, славнаго, безъ сумнѣнія, вспарину по какому ни есть приключенію дочери *Инаховой*, называемой *То*, копорая во образѣ пелицы переплыла опъ *Аргоса*, своего опечества, до успья *Нила*, или часпи Средиземнаго моря, названной *Ионическимъ моремъ*.

Въ *Мембларосѣ*, нынѣшнемъ *Намзіо*, и въ *Сикинѣ*, я нашель позже, что видѣлъ въ другихъ оспровахъ, что есть, землю запущелую, и народъ лѣнивой. Намъ сказывали, что *Намзіо* былъ открытъ *Аргонастами*, и что они построили на немъ храмъ въ честь *Аполлону*. Не могу я сказать, есть ли еще оспаши сего капища, но по правда, что видѣлъ я развалины очень спаринныя.

По долгомъ спранствованіи около *Делоса*, копорой есть средина *Цикладскихъ оспрововъ*, приѣхаль я наконецъ въ сей славной оспровъ, гдѣ, сказывающъ, *Латона*, гонимая ревнивою *Юноною*, родила *Діану* и *Аполлона*. Хотя я и знаю, что все сіе есть суцая басня, но не могъ не привести себя на память того плавающего оспрова, копорой *Нептуны* для *Лапоны* учинилъ неподвижнымъ. Съ того времени шакое возымѣли почтеніе къ *Діанѣ* и

Аполлону, что не хотѣли допустить рождающагося людямъ въ помѣ мѣстѣ, ни погребать мертвыхъ. Беременные женщины и мертвые перевозимы были въ сосѣдней оспровѣ. Подумайте, какво должно было бытъ почтение къ спранѣ посвященной богу свѣта, и сестрѣ его богинѣ ночи, по еспѣ къ двумъ пакимъ божесивамъ, коихъ люди спавяшъ наиполезнѣйшими. Въ слѣдствіе чего Греческіе города и Азіанскіе Государи не полагали предѣловъ щедростямъ своимъ: одни наперерывъ украшали ихъ храмы, другіе обогащали оныя великолѣпными дарами. Корабль, на коемъ опправлялись паковыя принощенія, назывался *Священной*. Спеченіе народовъ было спольже многочисленно здѣсь, какъ и въ Делфахъ, по причинѣ даваемыхъ тамъ Аполлономъ опѣшговъ.

Приближась къ мѣсту, гдѣ споялъ древній Делось, видѣли мы множеспво мраморныхъ кусковъ. Иныя частію вросли въ землю, иныя лежали на поверхности. Видно пакоже на одной высотѣ и основаніе Аполлонова храма. Новой городъ, построенной *Адрианомъ*, спеперь представляешъ сполько, равно какъ и древній, одни обломки сполбовъ.

Вы конечно слыхали о славномъ храмѣ, копорой создалъ въ честь Аполлону *Еризиктонъ*, сынъ *Цекролса*, перваго Царя Аѣнскаго, и на украшеніе копората всѣ Греческіе владѣтели складывались. Судите о пространствѣ храма по величинѣ испукана представляющаго сего бога, опъ копората оспалось еще нѣсколько кусковъ. Одна лядва, копорую я самъ мѣрялъ, имѣла десятиъ фузовъ длины. Сей страшной Коллосъ былъ, какъ увѣряюшъ, вы-

сѣченъ изъ одного куска чернаго мрамора. Ра сказываюшъ, что *Никіасъ*, полководецъ Аѣнской, спспавилъ въ семь же самомъ мѣстѣ, пальмовое мѣдное дерево, копорое упало и опрокинувъ разбило испукана.

Около храма видно множеспво небольшихъ жерпвенниковъ въ два фуза вышины, и въ при фуза поперечника. Нѣтъ почти мѣста на оспровѣ, копороебъ не было покрыто развалинами. Здѣсь споялъ славной порпикъ построенной *Филиллою*. Царемъ Македонскимъ; имя его еще видно на нѣкопорыхъ уцѣлевшихъ мраморахъ. Далѣ находяшся оспатки одного древняго театра, имѣющаго двѣспи пяпдеспиъ фузовъ въ длину. Онъ споялъ на оплогоспи горы. Теперь больше всего мечешся въ глаза башня въ девятиъ фузовъ полциною, копорая служила для поддержанія сего зданія.

Идучи на гору *Цинтусъ*, видѣли мы немалое число кусковъ мозаика, валяющихся съ сполбами изрядно выработанными. Сія гора, опъ копорой *Аполлонъ* получилъ имя *Цинтійскаго*, имѣешъ непріятной видъ, какъ и весь оспровъ, и шу особливоспъ, что мраморъ, изъ коего составлена, еспѣ гранишъ. Жипшели сосѣднихъ оспрововъ приѣзжаюшъ въ Делось какъ въ общую лонню за каменьями, какіе имъ нужны. Они разбиваюшъ наилучшіе сполбы, разрунаюшъ основанія изъ рѣдчайшаго мрамора, дабы изъ него дѣлашъ въ домахъ спупеньки, игопи, солоницы и пр. Толикое великолѣпіе, чинившее сей оспровъ наипрекраснѣйшимъ на поверхности земной мѣстомъ, не могло его спаспи опъ снѣдающаго времени. Теперь онъ

не иное что есть, какъ дикая, пуслая, безплодная и запущенная гора.

Проливъ раздѣляющій Делось отъ Реніи, весьма не широкъ. Сей послѣдней оспровъ обыкновенно называется *большой Делось*, по тому что дѣйствительно больше перваго, да и плодоноснѣе. Поля на немъ покрыты землею жирною и способною къ земледѣльству; но страхъ морскихъ разбойниковъ причиною, что никто на оспровѣ не живетъ. Народъ Миконской, обитающій на сосѣднемъ оспровѣ довольно спшуется посылать шуда свои спада.

Въ *Миконѣ* рождися хорошо только одинъ ячмень изо всего хлѣба. Въ частяхъ каменистыхъ оспрова росшеть такое множество фиговыхъ деревьевъ, что жипели дѣлають изъ винныхъ ягодъ наиглавнѣйшей свой шоргъ. Городъ построень худо, положеніе его совсѣмъ негодное, улицы весьма не чисны. Женщины пригожи, но замараны и лѣнны, и что всего спраннѣе, онѣ за пріятность почитають имѣть толстыя ноги. Дабы пріобрѣсть сей родъ красоны, обыкновенно надѣвають по чепыре и по пяши царь чулковъ. Мивона избилуешъ рогатымъ скотомъ, и посылаетъ часть онаго, какъ я уже сказалъ, въ Ренію, другую въ *Трагонизи* и *Сталодию*, небольшія въ сосѣдствѣ обласни, которыя и способны только къ прокормленію подобныхъ живошпныхъ.

Митилена, спаринной славной *Лезбось*, есть изъ наибольшихъ оспрововъ сего края, и изъ наибильнѣйшихъ плодами, а особливо пшеницею. Горы на немъ съ восшочной спороны покрыты кипарисами, букомъ и другими способными къ корабельному спроенію деревья-

ми. Онъ имѣетъ тысячу верспъ въ окружности, и сполица его *Кастро*, споишь на мѣстѣ древней *Митилены*, которой видны еще многіе слѣды. Въ нѣкоторыхъ частяхъ города находяшя обломки древнихъ мраморовъ, а по полямъ и шого больше. Попадающя часто оспалки сполбовъ, капишелей, бареліевовъ обезображенныхъ временемъ, и варварами.

Показывали намъ мѣсто на морскомъ берегу, на которое приходила жаловашся нѣжная и несчастная *Сафо*, на суровость нечувствительнаго *Фаона*. Мнѣ пришли тогда на память стихи, коими сія печальная Лезбіанка наполняла берегъ, и кои Митиленскія дѣвицы пѣвали въ праздники, усшановленные въ ея память. Сія мысль, сколь ни должна вамъ спранною показашся, довела меня до слезъ.

Митилена славится порожденіемъ многихъ другихъ великихъ людей, какъ *Питтака*, *Аллея* и *Арїона*. *Еликуръ* и *Аристотель* имѣли здѣсь свои школы, и всѣ древніе опзывались съ похвалою о семъ городѣ. Лезбіане почтались шакже за первыхъ музыкантовъ въ свѣтѣ. Греція обязана одному изъ жипелей сего оспрова, называемому *Герлендръ*, изобрѣтеніемъ *Лирь* о семи спрунахъ. Но развращеніе нравовъ было у нихъ споль безпредѣльно, что вошло въ пословицу.

„Здѣсь на оспровѣ, говорилъ мнѣ нашъ „кормчій, есть обычай, какого нигдѣ я не видывалъ. Вся собственность и все недвижимое „имѣніе принадлежипь дочерямъ, и особливо „спарией. Сыновья охотно соглашашся успу- „пашъ все сеспрашь для досшавленія имъ сча- „спливаго жребія. Они бы могли прібѣгнушь

„къ Турецкому закону, копорой допускаеть
 „всѣхъ дѣшей къ равному раздѣлу имѣнія; но
 „тѣ, кои бы захопѣли такимъ образомъ изба-
 „виться опъ опеческаго надъ собою права,
 „были бы навсегда лишены чести.

„Другое обыкновеніе, чуднѣе еще предъ-
 „идущаго, естли оно не ложно, опличаетъ
 „также оспровъ Мишилену. Въ нѣвоморомъ
 „опъ споллицы распояніи находится неболь-
 „шей городокъ, гдѣ всякой приѣзжій обязаъ,
 „сказываюпъ, взяпъ жену, хоши бы пробылъ
 „онъ тамъ и не больше одной ночи. Приво-
 „дяпъ къ нему дѣву. Ежели приѣзжій нѣ-
 „сколько познапнѣе, шо даюпъ ему самому
 „выбирапъ изъ многихъ; просполодимовъ же
 „принуждаюпъ довольствоваться пою, копо-
 „рую дадупъ, и копорая обыкновенно бываетъ
 „самая престарѣлая на оспровѣ, и пренебре-
 „гаемая уже жипелами. Тупъ приходипъ попъ
 „и вѣнчаепъ ихъ съ великимъ благочиніемъ;
 „празднуюпъ свадебной пиръ, и новобрачные
 „идупъ спать вмѣстѣ. Мужъ наупрѣе, коли
 „хочешъ, ѣдепъ въ свой пущъ, подаря что ни-
 „будь женѣ, буде въ соспоаніи; ежели же нѣпъ,
 „она и за шо бываетъ благодарна, что изба-
 „вилъ онъ ее опъ пѣжеспи дѣспива, копорое
 „за безчестіе почипаепся и сохраняпъ, и оп-
 „давалъ своему земляку. Не опмѣяно нужно
 „дмѣ чести дѣвицы, чтообъ первымъ мужемъ
 „былъ чужеспранной. Нужды нѣпъ, останетъ-
 „ся ли онъ послѣ, или приѣдетъ въ другорядъ;
 „ибо по прошеспвіи года можетъ она опяпъ
 „выппи замужъ, и хоши бы чужеспранецъ воз-
 „вратился, не имѣетъ уже права ее попотре-
 „бовать. Сей обычай, говоряпъ, весьма древень,

„и насилу Христианская вѣра могла переменить
 „въ немъ шо, чтообы предъ сожипіемъ оппра-
 „влено было бракосочетаніе, посредспвомъ ко-
 „шораго попы, новобрачные, и родспвенники
 „успокоеваюпъ свою совѣспъ.„ Послѣ мнѣ ска-
 „зывали, что сей обычай вывелся уже изъ упо-
 „требленія.

Тенедось, весьма малой въ сравненіи съ Ми-
 шилевою оспровъ, опспоанъ опъ пвердой
 земли, только въ 35 верспахъ. Видъ его кру-
 глой, и разными излучины берега, на коемъ
 главной городъ построень, предспавляюпъ
 пріятное зрѣлище. Прежде Троянской войны
 находился онъ въ цвѣтущемъ соспоаніи. Из-
 вѣспно также, сколь былъ онъ пагубоносень
 сей споллицѣ малой Азіи, когда Греки, наску-
 чившіе десятилѣтнею осадою, сокрылись за
 Тенедось, и ожидали знака къ наспупленію на
 городъ для совершеннаго онаго разрушенія.

Близость спраны, въ копорой произошло
 много достопамятныхъ приключеній, прину-
 дила меня выпипи на берегъ. Я вблизи хо-
 пѣлъ посмопрѣпъ на опечеспво *Гекторово*, и
 на мѣсто, гдѣ спояла *Троя*, но въ какое при-
 шель удивленіе, когда вмѣспо *Ксанта* и *Кси-
 моа*, показали мнѣ два почпи изсохшіе ручья-
 Ахиллесъ позбавилъ нѣсколько славы своей въ
 моемъ разумѣ. Я переспалъ имѣлъ сподъ вы-
 сокія мысли о сраженці его проппвъ *Ксимоа*,
 и о усиленіяхъ Вулкана въ изсушеніи сей мни-
 мой рѣки. Мы нащли между кустарникомъ и
 хижинами, нѣсколько кусковъ мрамора, и оспа-
 покъ сводовъ, копорые, какъ сказали мнѣ, со-
 спавляли часпъ дворца *Пріамова*. Нѣсколько
 лѣпъ назадъ находилось на семь мѣспѣ мно-

жестиво старых мраморов: но Сулпанъ велѣлъ почти всё перевесить, и вскоре не оспаненъ такимъ образомъ нисколько слѣда сего славнаго города, раздѣливаго на двое весь Олимпъ; да и то еще не совсѣмъ вѣрно, были ли сии оспанки развалины древняго Иліона, или *Александрій*, или *Троаса*, поспроеннаго Александромъ великимъ около могилы *Ахиллесовой*.

Оспавалось намъ осмошрѣшь изъ оспрововъ Греческихъ, нѣсколько ошмѣнныхъ, одинъ полько *Сталменъ*, вспарину *Лемносомъ* называнной. И такъ мы поплыли къ сей землѣ, гдѣ спихотворцы выдумали, что *Вулканъ*, сверженной Юпитеромъ съ высоты небесной, завелъ первую свою кузницу. Сѣра и квасцы, коими онъ наполненъ; и бывшая вспарину огонь извергающая гора, безъ сумнѣнія подали поводъ къ шаковой баснѣ.

Лемносъ очень плодороденъ, особливо виномъ. На немъ находится земля называемая *Сигиллата* (*), копорую почишаютъ наивосходнымъ лѣкарствомъ прошивъ язвы и насморковъ. Изъ нея дѣлаютъ капшышки съ Турецкою надписью, и сказываютъ, что Сулпанъ дарилъ оными, кого хочеть опшѣнить. Вспарину чинились разные обряды при выниманіи

(*) Terra sigillata, или печатная земля, называется пошому, что приписывается ей способная сила къ лѣченію болѣзней, и въ доказательство, что она испинная и не мѣшаная, ее печатаютъ. Кромѣ Лемноса родится она въ Самосѣ и Малшѣ: а какъ бываетъ рѣдка и дорога, то употребляють вмѣсто ея, находящуюся въ Шлезіи, называемую Голбергскою и Спригскою.

оной; но послѣ выдуманы новые, которые наблюдаются и понынѣ. Главнѣйшіе жили оспрова, Турки, Христиане, попы, миряне, ходятъ на одну высоту, производящую сію землю, гдѣ сказываютъ упаль Вулканъ, низверженной съ неба. Взойдя на самую вершину, начинаютъ они копать до пѣхъ поръ, пока найдутъ жилу. Попы наполняютъ ею цѣлые мѣшки, и даютъ оныя начальникамъ Турецкимъ въ оспровѣ. Когда набрали ее сполько, что думаютъ, спанеть на весь годъ, покрываютъ жилу, и посылаютъ въ Царьградъ часть взятой земли: доспальное продается купцамъ. Жителямъ запрещено подъ смертною казнью, вывозить ее изъ оспрова. Когда выныта земля изъ нѣдръ ея, то дѣлаютъ небольшие капшышки, вѣсомъ въ двѣ драхмы. Главнѣйше употребляютъ ее въ горячкахъ, и въ угрызенияхъ ядовитыми животноными. Почипаютъ ее также за наилучшее лѣкарство прошивъ яда. Сказываютъ, что *Галленъ* нарочно ѣздилъ въ Лемносъ, для познанія ея свойства, и что *Филоктетъ*, будучи раненъ въ ногу ядомъ напоенною спрѣлою, или уязвленъ змѣею, былъ оспавленъ для излеченія на семь оспрову.

Лемносъ имѣетъ припцапъ или сорокъ деревень, койхъ жили почти всѣ Греки, живущіе въ довольномъ изобиліи. Главные города суть *Миррина* и *Кохина*. Первой поспроенъ на развалинахъ древней сполитцы, а послѣдней на мѣстѣ *Гефестрии*, но почти совсѣмъ разоренъ.

Не имѣя больше ничего видѣть въ Архипелагѣ, возвратились мы въ Мипилену, гдѣ всегда случаются корабли въ Царьградъ: но въ безъ сумнѣнія желаю, чтобы я вамъ сказалъ

что нибудь о нынѣшнихъ Грекахъ. Сей народъ заслуживаетъ еще ваше вниманіе. Я ихъ нашелъ точно такими, какъ они описаны въ испоріяхъ, то есть, щещеславными, хипрыми, непоспоянными, падкими къ прибыткамъ, любившими новоспей, и мало наблюдающими кляпвы. Будучи опягчены игомъ своихъ побѣдителей, лишились онишой опмѣнной живоспи, которая дѣлала ихъ народъ разумнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ въ свѣтѣ. Однакожь не должно вѣрять, что бы они иногда не походили на то, что были прежде, и чтобы не случалось минуть, въ которыхъ не оказывалась бы спаринная ихъ живоспъ. Любовь вольности, къ коей они прежде споль были привязаны, также иногда въ нихъ возгараетъ. Триспа льшь неволи не могли укротить ихъ гордоспъ, и теперь они еще больше спѣсью набины, нежели были прежде. Нѣтъ между ими ни одного, который бы не почипалъ себя опраслю наидревнѣйшей фамилии. Ничего не случается чаще здѣсь, какъ вспрѣчалъсь съ сими мнимыми благородными, кои берутъ имена Палеологовъ, Комнѣновъ, Ласкарисовъ, Люзиньяновъ, Юспиніановъ и пр. Льноспъ ихъ соопѣвспивуетъ гордоспи; но нѣкоторымъ образомъ извинить ее можно подь владнѣемъ, при которомъ опасно показать себя ревнишельнымъ къ чему нибудь, и при которомъ богатство служишь только поводомъ, чтобы бышь угнѣпену.

Народъ сей, хопя покоренной пираничѣскому игу, управляется въ нѣкоторыхъ городахъ своими собственными законами; имѣетъ власпелиновъ, коихъ избираетъ всякой годъ,

и кои носятъ спаринное наименованіе *Архонтовъ*. Имъ поручено собираніе подапей и управленіе правосудія въ дѣлахъ гражданскихъ. Что касается до уголовныхъ, исправленіе оныхъ навсегда вѣряется начальникамъ присланнымъ опъ Султана.

Греки, когда находятъ прибыль, опдаютъ дочерей своихъ за Турковъ, но по сей причинѣ не меньше они бывають подвержены подапямъ, кои платитъ всякой Христіанинъ, въ силу повелѣнія Магомешова, на искупленіе души своей. Сія подапъ уравнивается съ имнѣемъ платящихъ, и бываетъ различна: самые богатые даютъ шестъ и до семи рублей, а подлой народъ рубль шестидесять пять копѣекъ. Платитъ оную всякой, кому минетъ чепыр-нашцапъ льшь; а кто не въ соспояннн дапъ, спотъ часно принужденъ бываетъ здѣлаться Магомешаниномъ.

Греки одѣваются почти какъ Турки, выключая нѣкоторые цвѣты, коихъ они носятъ не смѣютъ: на примѣръ запрещенъ имъ зеленый, который въ великомъ почпеннн у Магомешовыхъ послѣдовашелей. Христіанинъ нарушившій сіе запрещеніе опваживается на смерть, или на премѣненіе вѣры. Красныя и желныя чалмы также причиняють имъ нападки опъ военнослужащихъ, которые себѣ ихъ присвоили.

Женщины Греческія обыкновенно носятъ корсепъ изъ краснаго шпофа, или золотой парчи къ юпкѣ пришипой. Сей корсепъ такъ узокъ и сжатъ, что часно кажутся онѣ уродами. Юпка идетъ только до колѣнъ; внизу имѣють онѣ другую юпку, двумя пальцами до-

лѣ первой, и изъ подъ кофорой видны ноги. Рубашки ихъ и портики здѣланы изъ флера весьма тонкаго, полосатаго и разноцвѣтнаго. Волосы плешущь въ мѣлкія косы, кои висящъ по плечамъ, а голову убираютьъ природными цвѣтниками. Сіе украшеніе придаетъ много къ образу ихъ убора, состоящаго изъ бумажнаго полошна, сверхъ коста навиваютьъ онѣ искусно нѣсколько аршинъ клееной кисеи бѣлой, кофороая дѣлаеть плоскую чалму аршина въ полтора окружности. Но въ одеждѣ на всякомъ почти островѣ есть опшмѣна. Покрывало составляеть главнѣйшую часть ихъ убранства, и оплачаеть состояніе женщинъ, по есть, госножь опъ служанокъ, свободныхъ опъ невольницъ. Щегольство ихъ въ помъ заключаеться, чпобъ покрыть себя покрываломъ, приспойно, съ припнсноію, набожно, и щегольски.

Госпожи Греческія никогда въ люди не выходятъ безъ великой свиты; а еспли надобно бытъ при какой церемоніи, всегда онѣ ѣздящъ верхомъ. Законы земли и ревность мужей обяывають ихъ бытъ весьма скромными. Онѣ рѣдко оплачуются изъ домовъ, рѣдко принимаютъ гостей: а въ церквахъ имѣють свои особенныя мѣста. Женщины нарочито пригожи между знатными, но въ подлости вообще безобразны; лучше въ нихъ есть спанъ, но одѣваются такъ дурно, чпо не умѣють его и показанъ. Черные глаза почищаютъ между ими за прекраснѣйшіе. Брови и вѣки чернящъ, а употребляютъ на сіе составъ изъ сурьмы и чернильныхъ орѣховъ. Груды оспаляютъ въ еспешвенномъ положеніи, опъ чего и произходитъ, чпо онѣ вися безъ всякаго опряпства,

не имѣють для глазъ ничего припнаго, и сквозь тонкое покрывало всѣ видны. Попы нимало не кричатъ пропивъ сего обычая, въ коемъ ни удовольствіе не выгрываетъ, ни добродѣтель не шеряеть.

Одежда Жидовокъ почти такаже, какъ и Гречанокъ, выключая головной уборъ. Онѣ привязываютъ большой оловянной или мѣдной кружокъ, покрытой бѣлымъ апласомъ, вышитой серебромъ, или золономъ. На шеѣ, на рукахъ, и въ ушахъ носятъ также жемчугъ.

Турки въ большихъ городахъ не позволяютъ Франкамъ вести развращенную жизнь съ Греческими женщинами, развѣ по позволенію Кадія, которое получается за деньги. Безъ сей предосторожности сажаютъ ихъ въ пюрюму, и еспли хошя мало богатъ виноватой, споншь ему дорого полученіе вольности. Женщину, съ кофорою поймаютъ, привязываютъ на осла, обвертываютъ черевами какого нибудь издохлаго живошнаго, и возятъ по городу, крича чпо спсупаетъ съ нею такимъ образомъ за то, чпо заспали ее съ такимъ по. Ежели судья знаетъ, чпо нѣчего ему выиграть, онъ и не спараетъ изыскивать. Когда же на пропивъ шого подозрѣваетъ, чпо Греческая дѣвка живеть съ кѣмъ нибудъ, повелѣваетъ ее привести къ себѣ въ домъ, осмопрѣтъ спарухамъ, и ежели онѣ упвердятъ, чпо она непорочна, опдаеть ее сродникамъ; а ежели нѣтъ, жеспко наказываетъ, развѣ она опшупиетъ: чпо почти всегда дѣлаеться по желанію Кадія, и въ такомъ случаѣ признаеться она за честную дѣвицу.

Молодые люди между Греками, для доказанія любовницамъ своей горячности, нарѣзываютъ себѣ руки ножомъ. Турки сами подвержены сему дурачеству; я видалъ шакихъ, у которыхъ руки такъ были изпещрены, что не было мѣста безъ рубца; и сіе почиается у нихъ славными знаками спраспи ими чувствуемой.

Греки вѣнчаются въ присудствіи священника: но берутъ отца и мать посаженныхъ. Убравши невѣсту какъ можно лучше, ведутъ ее въ покой, гдѣ собраны родня и пріятели. Послѣ ходятъ за попомъ, которой спавитъ на шолѣ образъ какого нибудь свяаго. Близъ онаго кладутся два перстня, два вѣнца шерстяные, и зажигаются двѣ восковыя свѣчи. Женихъ тогда приступаетъ и занимаетъ первое мѣсто. Приносятъ попомъ блюдо, и поспрашиваютъ, подаритъ ли ему что? Одни даютъ деньги, другіе бѣлье, поваренную посуду, или иныя къ домоспроишельству нужныя вещи. Деньги кладутся на блюдо, а доспальное въ корзину: между тѣмъ курятъ ладономъ и другими благовоіями предспоящихъ, кои въ сіе время молятся. Женихъ и невѣста приближаются попомъ къ попу. Онъ благословляетъ перстни, надѣваетъ ихъ на мизинецъ и шому и другой, снимаетъ, и опять снова надѣваетъ; что повторивъ нѣсколько разъ беретъ вѣнцы, кладетъ имъ на голову, и также опять снимаетъ. Вѣнчающіеся держа другъ друга за руку ходятъ нѣсколько разъ около посаженныхъ отца и матери. Послѣ сего приносятъ спаканъ вина, женихъ и невѣста опиваются изъ онаго, а спаканокъ выпиваетъ посп, и спаканъ разбиваетъ.

Ясной факаль брака, посвященной спихопворцами для знаменованія супружеска, также не забытъ у нынѣшнихъ Грековъ. Несутъ его предъ молодыми въ спальню, гдѣ до тѣхъ поръ горитъ, пока его спанетъ. За худой бы признакъ почлось, еспьлибъ онъ погасъ по какому ни еспь случаю; поспому и спопряитъ за нимъ съ неменьшимъ пицаніемъ, какъ Веспали сперегли священной огонь.

Сколь скоро невѣста пришла къ жениху, по покрываютъ ковромъ рѣшетю, и она на него спупаетъ. Ежели рѣшетю, на которое она спарается спупитъ какъ можно спажелѣ, не прорвется подъ ногами, сіе принимается за подозрительной знакъ, и приводитъ мужа въ спревогу; но онъ бываетъ и спокоенъ и доволенъ, ежели опытъ удастся.

Греки почиаютъ бракосочетаніе за спашество, но не вѣрятъ, чтобъ узы его не были не разрѣшимы. Мужъ недовоной женою, поспчасъ выхаживаетъ, подавъ шолько челобитную Папріарху, разлученіе, за которое платитъ шесць рублей. Послѣ чего оба могутъ вспупитъ въ новыя обязательствы, такъ что ни кто слова не скажетъ.

Дѣвки Греческія не показываются до самой свадьбы, не ходятъ на пиры и праздники и ниже не бываютъ на свадьбахъ у своихъ сесперь. Время провождаютъ въ шипѣ съ невольницами своими, или спопря на прохожихъ сквозъ рѣшетки изъ оконъ, откуда могутъ все видѣть, будучи сами невидимы: но лишь выдутъ за мужъ, щедро награждаютъ прошедшую неволю, и пускаются на все, а особливо съ Франками.

Я упомяну, не наблюдая порядка, еще о нѣкопорохъ Греческихъ обыкновѣняхъ, какъ они придуть мнѣ на мысль. Дома вообще построены въ одно жильѣ: такимъ образомъ Греческой городъ, включая и мѣста занимаемыя подъ сады, скорѣе спрощены и бываютъ обширнѣе, нежели наши, но не такъ люденъ. Въ спальняхъ горитъ у нихъ во всю ночь лампада, у жилищныхъ по древнему обыкновѣнью, а у черни по набоженству; ибо лампада сія спавшись всегда передъ образомъ. У Грековъ нѣтъ кроватей, какъ у насъ, а кладутъ они на ночь перины на софахъ своихъ. Въмѣсто камина или печи спавляютъ посреди горницы жаровню, а дабы лица не жгло, выдумали *Тандуры*, то есть чепвероугольной споль, подъ которой спавтъ помянутая жаровня, и которой покрывается одѣлами и ковромъ до самаго пола со всѣхъ сторонъ. Около онаго садятся на подушкахъ. Можно положить вдругъ и руки и ноги подъ одѣло, которое захватывая огонь со всѣхъ сторонъ, сохраняетъ шеплошу пріятную, ровную, и довольно долгое время. Турецкія госпожи увидя Французскую посольшу съ большими фигурами, съ удивленіемъ говорили одна другой: *посмотрѣ на посольшу, она съ собою носитъ свой тандуръ*. Тандуръ служилъ главнѣйше для употребленія женщинамъ. Зимою онѣ днемъ шьютъ сидя около его, и принимаютъ гостей, кои также за него садятся.

Во всѣхъ хорошихъ домахъ и понынѣ, какъ бывало встарину, *кормилицы* господина или госпожи почищаются почти за родню. Вамъ извѣстно, что въ древнія времена женщина, которая выкормила младенца, не покидала уже

его, даже и послѣ самой его свадьбы. Она была его нянькою, наперсницею и совѣшницею; почему во всѣхъ Греческихъ и Лашинскихъ, сочиненныхъ на подобіе первыхъ, трагедіяхъ, никогда княжна не выходитъ на театръ безъ своей кормилицы. Съ дѣвками невольницами поспунають почто также, какъ и у древнихъ Грековъ, то есть съ великою пихоспїю и благосклонностїю. Онѣ шьютъ на госпожу, за нею вездѣ ходятъ, во многихъ случаяхъ дають совѣтъ, котораго часно у нихъ и пребуютъ. Куча невольниковъ и служанокъ, идущихъ по улицамъ за Греческою госпожею, для здѣшней земли есть тоже, что хорошей экипажъ въ Европѣ, съ пою разностїю, что здѣсь ни одна честная женщина не можетъ изъ дома выйти, не имѣя по крайнѣй мѣрѣ одной за собою служанки.

Греки такъ любятъ праздники, что и церковные обряды супъ для нихъ народныя увеселенія, кои опправляютъ они съ неменьшею радостїю, какъ и пышностїю. Но охотнѣе еще ходятъ на шавіе, кои бываютъ за городомъ: игры, пиры и пляски всегда въ оныхъ вмѣшиваются, и женщины въ полѣ имѣють больше вольностїи, нежели въ городѣ. Мушны пьютъ безъ мѣры, и пиры никогда не кончатся безъ пьянства: что уже и встарину называлось: *пить по Гречески*. Пьютъ они всегда цѣльное вино, и кружка идетъ кругомъ, вмѣстѣ со здоровьемъ, кое выдумаютъ они въ деревенскихъ праздникахъ. Они ихъ называютъ опдохновеніемъ разума, потому что вмѣшиваютъ шуть и пиры и пляски. Споль, смотря по числу гостей, дѣлаются похоже на подкову.

Начиненные и покрытые кожею своею жареные ягняты соспавляютъ главное кушанье. Приносятъ кувшины вина, наливають изъ оныхъ безъ мѣры, и вводятъ разныхъ игроковъ или шассеншилеровъ. Пѣнье начатое важными и послованными пѣснями, спановишся опчасу веселье и вольнѣ; послѣ принимающся за лиру, и гости вспаютъ для пляски.

Медъ, кошорой Греки собираютъ на горѣ Идѣ, и кошорой прежде почиали они священною пищею, и шеперь спавишся у нихъ, шакъ какъ вынимаютъ его изъ улья, за наилучшее кушанье. Любятъ они очень оливы, кои изобильно родятся въ Греціи, и особливо около Аеинѣ. Наканунѣ большихъ праздниковъ дѣлаютъ пироги, и посылаютъ другъ ко другу. На послѣдокъ между сими спаринными излишеспирами и древнею проспотою Греческихъ пировъ, нашель я у нихъ и вѣнцы изъ цвѣтковъ, представляющихъ споль живо радость пирующихъ. Оными любовники шакже украшаютъ головы и привѣшиваютъ ихъ на дверяхъ своихъ любовницъ. Дѣвицы и молодыя женщины, какъ уже я сказалъ, убираютъ головы цвѣтами; чшо дѣлаютъ и молодые мужчины, кои хопятъ показать себя щеголями, или волокинами.

Чшо вамъ сказать о вѣрѣ сего народа? Она конечно прѣшерпѣла шакъ же перемѣны, какъ и Имперія Греческая. Бывъ покрыта вмѣстѣ съ народомъ мракомъ невѣжества, и обезображена пысачію суевѣрій, сохранила она почши одни шолько обряды, одѣяніи и праздники, по коимъ познавать ее можно. Сей въ неволю покоренной народъ, кошорому Турки оспавили церкви, священниковъ и монашпыри,

и не видипъ и не шребуешъ ничего больше. Побѣдипели его предоспавили себѣ даже и право продавать ему всѣ саны и доспоинспивы, кои не могутъ быть опсправляемы, какъ Христіанами, шо есть церковныхъ владыкъ, и другіе касающіеся до вѣры чины.

Греки имѣютъ чепырехъ *Патріарховъ*: перваго въ Царѣградѣ, прочіихъ шрехъ въ Аншюхїи, въ Александріи, и въ Герусалимѣ. Они всѣ чепверо получаютъ инвестипштуру опъ Султана, или опъ его Миниспровъ. Сіе доспоинспво покупается, какъ и другіе чины, а дабы поднести ему цѣну, не всегда ждупъ и смерши наспоивага Патріарха. Сїи первосвященники другъ друга съ мѣспа спалкиваютъ, какъ дѣлали спаринные Греческіе Императоры. Для произведенія сего въ дѣйспвіе, довольно чшобъ какой хипрой и высокомѣрной монахъ учинилъ наговоръ съ нѣсколькими Епископами, и условился о цѣнѣ съ великимъ Везиремъ. Сколькобы ни бѣденъ былъ ищущій съспъ на Патріаршемъ пресполѣ, всегда находипъ онъ денѣги у Жидовъ, кои даютъ ему за великіе проценшы нужную сумму. Когда о цѣнѣ договоренось, идетъ онъ съ Епископами споровы своей къ первому Миниспру, а сей шопчасъ даетъ ему Дипломъ, или Грамоту, развѣ кшо другой посулипъ ему между шѣмъ больше денегъ. Въ силу сей новой грамоты, прежней Патріархъ свертается, а новой возводится на его мѣсно, съ повелѣніемъ Грекамъ ему повиноваться, и немедленно заплашпш долги, кои принужденъ онъ былъ сдѣлать для своего возведенія. Все сіе приказывается подъ страхомъ палки, опсбранія имѣній, и запворенія всѣхъ церквей. Сіе

повелѣніе посылается ко всѣмъ Мисрополисамъ, они сообщаютъ его своимъ намѣстникамъ, а сіи послѣдніе пользуются таковымъ случаемъ для вынужденія опъ поповъ и народа, не только требуемой Папріархомъ, но еще и большей суммы, подъ предлогомъ подарковъ, кои должно послать къ новой главѣ. Часто бываетъ, что Папріархъ, дабы скорѣе получить деньги, поручаетъ Турку собирать подать, сдѣлавъ нарочной для того между невѣрными торгъ, и отдавъ на опкупъ тому, кто дастъ больше. Немилосердой сборщикъ, въ силу полученной власти, изгоняетъ или запрещаетъ священнодѣйствовать попамъ не могущимъ заплащать, и умножаетъ тяжесть взяточковъ, особыми суммами, кои выбираетъ за свои труды. Всѣ сіи злодѣянія не пренебрегаютъ однако давая Папріарху почтеннаго титула: *ваше святѣйшество, и ваше высокосвятѣйшество.*

Духовенство у Грековъ раздѣлено на двѣ степени, по естъ на высшее и нижнее. Въ первой считаются владыки, во второй проспой священнической чинъ. Первые не могутъ жениться, избираются всегда изъ монаховъ, учинившихъ обѣтъ воздержанія, и составляютъ главное духовенство.

Папріархи и Епископы Греческіе обязаны наблюдать также самыя правила, которые наблюдали въ монастыряхъ своихъ, сколько позволено по можешь разноситъ ихъ упражненія. Запрещено имъ ѣсть мясо, а въ великой постъ и самую рыбу, вино и елей.

Выключая гордость, природной Греческихъ монаховъ порокъ, ведутъ они жизнь довольно

примѣрную. Они оппрекаются опъ міра, опъ хорошей ѣсвы, и опъ женщинъ, и споль крѣпки въ правилѣ воздержанія, что въ постные дни, естли придетъ въ разговоръ нужда упомянуть слово *мясо, рыба, и пр.*; они не упустиатъ къ нему прибавить: *не нарушая почитенія ко святому посту.*

Начальники въ великомъ почтеніи у сихъ монаховъ, но не употребляютъ во зло своей власти, а на противъ очень умеренны въ предписываемыхъ подчиненнымъ наказаніяхъ, опасаясь, чтобы спрогимъ съ ними поведеніемъ, не оскорбитъ ихъ и непринудитъ оставить монашеской жизни, вмѣстѣ съ Христианскою вѣрою; чему не мало естъ примѣровъ. Сверхъ обязательства быть во время опправления службы церковной, монахи имѣютъ и другія въ монастыряхъ должности. Одинъ смотритъ за плодами, другой за хлѣбомъ, третій за скотомъ и пр. Имъ помогаютъ находящіеся въ искусь. Монахи пахутъ землю; но и шѣ и другіе споль великіе невѣжи, что насилу умѣютъ читать свой молитвенникъ.

Есть также и женскіе монастыри; но жизнь монахинъ несравненно меньше спрога, нежели спарцевъ. Онѣ обыкновенно бываютъ вдовы, а иногда и покаявшіяся дѣвицы, кои начиная спарѣться, дѣлаютъ обѣтъ прильпиться къ добродѣтели, обѣ которой мало думали въ молодости. Живутъ онѣ въ монастыряхъ подъ предводительствомъ игуменей, кои не весьма бываютъ спроги, и посвящаютъ обыкновенно себя на послуженіе больнымъ. И Турки и Христиане принимаютъ безъ различія въ ихъ монастыри, и случаются между ними добросер-

дечными спарицами пакія, кои снисхождение свое къ немощнымъ проспирають далѣе границь милосердія Христіанскаго.

Жизнь *пустынниковъ* весьма строга. Многіе добровольно затворяются въ ущелинахъ каменныхъ горъ, и опрѣкаются око всѣхъ сообществъ. Живутъ правами распущими около ихъ пустынь, никогда не пьютъ вина, и ѣдятъ по единожды въ день, но пакъ мало, чпо величества ихъ пищи едва достаешь для возпрепятствованія имъ умереть съ голоду. Сіе излишнее воздержаніе и уединеніе, въ которомъ они живутъ, помѣшиваетъ ихъ разумъ, и ввергаетъ ихъ въ тысячи юродствъ.

Попы или мірскіе священники бывають женаты, или покрайній мѣрь имѣють право жениться; но когда овдовѣють, не позволяется имъ брасть другой жены. Равно и попады приуждены сидѣть во вдовахъ. Правило ихъ строгое велико, чпо едва въ пять или шесть часовъ можетъ быть прочитано: но многіе опъ него себя освобождаютъ, да хотябы и хотѣли исполнить сей долгъ, то не споль богаты, чпобъ могли купить пять или шесть книгъ въ десѣть, въ которыхъ заключается годовая служба. Въ однихъ только монастыряхъ порядочно устанавленныхъ, вся служба совершается исправно.

Духовенство второй ступи соспощъ изъ дьячковъ, подьяконовъ, діаконв, и священниковъ. Должно перейти чрезъ всѣ сіи степені, дабы достигнуть до Герейства: но все сіе можно здѣсь кончить въ чешыре дни, а иногда спавяшь въ попы робяшь мѣнь по пятнадцати. По учиненіи довольно слабого о

знаніи испыпанія, Епископъ приводитъ спавленника въ церковь, и спрашиваетъ у сослужащихъ своихъ, достоинъ ли онъ Герейскаго сана. Когда всѣ на то согласны, потчасъ его посвящаютъ; но ежели хотя одинъ возпрошится, спавленіе не чинится, или покрайній мѣрь опкладывается.

Попъ, которой вознамѣрится жениться, долженъ сперва извѣстить о томъ Епископа, назвавъ ему невѣсту, сказавъ гдѣ она живетъ, дабы могъ онъ освѣдомиться о жизни ея, нравахъ, а особливо пригожа ли она: ибо попады всегда должна быть хороша и добродѣтельна. Если недоспаетъ въ ней котораго изъ сихъ качествъ, она не можетъ льспиться надеждою быть попадею. Вы недолжны дивиться тому, чпо сказала я о красотѣ сихъ женщинъ: спавпость соспощія пребуешь, чпобъ попъ въ другую не влюбился, и чпобы прелеспи вѣрной супруги удерживали его въ границахъ наиспрожайшей должноти. Почему лишь появились въ олодкѣ пригожая дѣвка; гласъ народа назначаетъ ее потчасъ въ жены комунибудъ изъ духовенства, и родители шоропяся ее за него выдать. Здѣсь почипается за дѣло вѣры, чпобъ Греческія красавицы были посвящены, ежели не Богу, то по малой мѣрь его служителямъ. Изъ сего происходитъ, чпо когда кто хочетъ нанять женщину, говорится обыкновенно, чпо она превосходитъ красопою и добрымъ поведеніемъ всякую попады. Правда и то, чпо попады при природныхъ прелеспяхъ бывають весьма скромны. Бѣлое на головѣ покрывало, чистопа платья, споща во правахъ и въ разговорахъ споль сильно

привлекають, что часно бы были онѣ подвержены искушеніямъ волокипъ, ежелибъ не предохраняла ихъ онѣ того спрогоя добродѣшель.

Церковь Греческая, вспарину споль славишшаяся учипелами своими и мучениками, споль извѣспная по Апокалипсису и по посланіямъ Свяшаго Апостола Павла, произведшая поoliko свяшыхъ и зашщипниковъ вѣры, спонень нышъ подь игомъ Магомепанскихъ Императоровъ и Пашей, управляющихъ провинціями. Удивленія досшойны во многомъ числѣ Христіанъ исповѣдующихъ сію вѣру, милосердіе, воздержаніе, умерщвленіе и прощія добродѣшели перваго вѣка. Правда, что незнаніе ихъ велико и что по большей часпи различіе между своею и Римскою церковію полагають они въ нѣкопорыхъ шолько наружныхъ обрядахъ. Они не вѣдають, въ чѣмъ соспойнъ ихъ вѣра и Каполицкая и чему вѣрипъ, или нѣпъ. Попы вмѣспо того, чшобъ научашъ, сами имѣють нужду быпъ насшавлены. Папріархъ думашъ шолько, какъ бы удержашъ въ своемъ доспойнспвѣ, безпрешанно подверженномъ новымъ перекупамъ. Архіереи упражняють въ собираніи, чѣмъ прожипъ; и многіе изъ нихъ шакъ бѣдны, что обучаються художествамъ, дабы не умерепъ съ голоду. Можешъ быпъ, что въ одномъ здѣшнемъ мѣспѣ богашспво духовенспва не подвергнуто зависпи. Просные священники носипъ всегда черную одежду, и шапку шогожь цвѣпа, около копорой обвязывають бѣлой плапокъ. Онѣ шапки висипъ кусокъ чернаго сукна, и покрывашъ, часпъ спины: но все сіе просно и сошшвѣспствуешъ бѣдному соспойнію, въ копорое приводяпся они какъ малоспшо доходовъ, шакъ и множеспвомъ подашей

и плапешей. Попы и монахи носипъ разпушценные волосы.

Духовенспво Греческое получаешъ доходы свои не съ земли и не съ десятины, какъ Лапынское: для Епископовъ оные заключають въ окружноспи монастыря, а для поповъ въ погоспахъ ихъ приходахъ. Главной зборъ соспойнъ въ поданіяхъ и дачахъ за разныя службы, какъ шо молебны, панаиды, и пр.

Служба Божія, копорая опправляетъ по воскресеньямъ и праздникамъ, соспойнъ въ завшренѣ, обѣднѣ и вечернѣ. Вечерня поешъ въ вечеру, но слушають оную одни шолько почши церковники и монахи. Міряне ходипъ къ завшренѣ, копоруо въ большіе праздники начинають обыкновенно при насшупленіи ноци: а женщины довольспвуютъ молишъ въ однѣ обѣдни.

Греки прибѣжны къ службѣ, и почши всегда приносяпъ съ собою каждой по могущеспву своему, вино, хлѣбъ, свѣчи, масло деревянное и другія подобныя вещи: что все досшавешъ духовенспву. Они шакже много подають милоспшны нищимъ: но сіе досшавляешъ случай Туркамъ во зло упошребляпъ ихъ милосердіе: ибо посылають они своихъ невольниковъ Христіанъ къ церковнымъ дверямъ въ большіе праздники, и упошребляють на свои собспвенныя нужды, чинимыя симъ нещаснымъ подалія. Правда, что милоспшны шаковыя бывають не велики, ибо всѣмъ извѣспно, что невольники ими не пользуются.

Греки празднують Пасху съ великимъ веселіемъ. Въ сей день, когда встрѣчають между собою, вмѣспо обыкновеннаго привѣспствія, выговаривають сіи шолько слова: *Христосъ воскресъ*. Всѣ шогда цѣлуютъ, и повсюду

Воскресъ. Всѣ погда цѣлюющя и повсюду слышна пальба изъ пистолетъ въ знакъ радости. Сія веселости продолжающя до самаго Троицына дня.

Народъ не меньше священниковъ воздерживается отъ ядвня мяса въ запрещенные дни. Онъ за бездѣлицу почитаетъ смертоубивство, прелюбодѣянiе, блудъ, въ сравненiи съ нарушенiемъ поста, не ѣстъ ниже рыбы, и живетъ большую часть года, зеленою и огородными овощами. Постовъ у Грековъ чепыре въ году, Великой, Пепровъ, Успенской, и всѣхъ святыхъ, или Рожественской. Чернь отъ того пернисть: сухота его сравненна съ полщиною Турковъ, довольно показывается, что питаются они не одинаковою пищею.

Сей часъ пришли мнѣ сказать, что немѣленно отправляются два корабля, одинъ въ Марселю, съ кошорымъ и пошлю я сiе письмо, а другой въ Царьградъ, на кошоромъ думаю самъ ѣхать: ибо сей городъ есть теперь цѣль нашего любопытства.

Я есмь и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniowo-Duże
pow. Białystok
Nr. —

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniowo-Duże
pow. Białystok
Nr. —

Когда сказали мнѣ, что время наступаетъ къ отъѣзду, первымъ моимъ попеченiемъ было навѣдаться, нѣтъ ли между спутниками моими такого, котораго бы любопытство обязывало ѣхать въ Царьградъ. Я узналъ, что одинъ Французъ, недавно освободившейся изъ плѣна въ Тунисъ, намѣрился осмотрѣть Турецкую землю прежде возвращенiя своего въ отечество. Я поспѣлъ его нашель, и думая, что имѣетъ онъ нужду въ деньгахъ, говорилъ ему, что съ радостiю служишь ему буду во всемъ помѣ, что отъ меня зависишь. Онъ мнѣ поблагодаря сказалъ, что сверхъ нужныхъ для выкупу денегъ, получилъ онъ сколько изъ дому своихъ, что можетъ забыть неволю. Послѣ я свѣдалъ, что былъ онъ Малпийской кавалеръ; но самъ онъ въ помѣ прилѣжно скрывался.

Плаванiе наше было благополучно, и какъ въпръ способной дупъ продолжалъ, вскорѣ увидѣли мы Дарданельскiя крѣпости. Въ Царьградской горпъ вошли мы между безчисленнымъ множествомъ кораблей изъ всѣхъ частей свѣта. Я свель кавалера къ одному спарому Генуезскому купцу, съ коимъ отецъ мой имѣлъ дѣла. Вы послѣ увидите, сколь прибыльно было для насъ сiе знакомство, и сколь много помогло оно намъ въ познанiи нравовъ и законовъ сей земли.

Турки, народъ нынѣ столь сильной, и котораго владѣнiи соспавлены изъ шликаго числа

Королевствъ, имѣли какъ и Римляне, коихъ Имперію они разрушили на Воспокъ, весьма слабая начала. Они почитаютъ себя происшедшими отъ одного селенія *Гуновъ*, помѣстившагося около четвертаго вѣка, въ нѣкоторомъ округѣ Скиѣи, близь Кавказскихъ горъ, нынѣ малою Тапарією называемомъ. *Токсандръ*, первой ихъ Царь, извлекиши изъ забвенія, предуслѣлъ учинити ихъ опасными Персамъ и Грекамъ. Около девятаго вѣка сей къ войнѣ склонной народъ, разпространился по Африкѣ и Азіи подъ именемъ *Сарацинъ* и *Туркомановъ*, и завладѣлъ сими обширными спранами, а полководцы его раздѣлили по себѣ завоеванныя обласни.

Одинъ изъ ихъ славныхъ наслѣдниковъ былъ *Отманъ*, основатель имени и силы Ошпоманской. Захвативъ часпъ Визіи учредилъ онъ столицу своихъ владѣній въ Бурсѣ, первоначальномъ городѣ сей обласни. *Амуратъ* и *Баязетъ*, отъ него произходящіе, увеличили оныя, присовокупя къ нимъ чрезъ побѣду Македонію, Фригію, Карію, и Архипеллагъ. Гордясъ счастливыми успѣхами, Баязетъ угрожалъ нападеніемъ на Царьградъ и на всю Европу, когда самъ впалъ въ руки славнаго *Талмерлана*. *Монъ*, его сынъ, получилъ въ наслѣдство часпъ его владѣній. *Магометъ II.* одинъ изъ кровныхъ его Князей, приобрѣлъ оружіемъ славу превосходящую всѣхъ его предковъ. Онъ лишилъ престола Воспочнаго Императора, взявъ *Царьградъ*, и къ нему присоединилъ множествъ другихъ земель. Вопъ чпо могъ я свѣданъ наивѣрнѣйшаго о началѣ и завоеваніяхъ сего народа: со времени же помянутаго Магомета могущество Турковъ начало возраспанъ, и Европа часпю

попрясаема была отъ усиленій ихъ оружія до самой послѣдней войны, прославившей Россію, и избавившей Христіанскіе народы отъ прежняго опасенія.

Чпо принадлежитъ до *Царьграда*, столицы Имперіи, и копорой былъ уже столицею всего воспока, думаютъ, чпо поспроенъ онъ былъ за шестъ или за семь сотъ лѣтъ до Рождества Христова, *Бигасомъ* начальникомъ Мегарянъ, и чпо отъ него получили имя *Бизанціи* или *Византіи*. Другіе ушверждаютъ, чпо первое основаніе его положилъ *Павзаній*, и чпо когда переселенцы, коихъ онъ привелъ, вопрошали Оракула о мѣстѣ, гдѣ имъ расположишься, въ опвѣпъ получили: *построитъ городъ противъ царства слѣпыхъ*. Сей оракуль привелъ ихъ въ запрудненіе, ибо не знали они никакого слѣпаго народа во всей сей спранѣ: но вскорѣ поняли, чпо богъ такъ называлъ жителей Халкидонскихъ, копорые бывъ первые изъ пришедшихъ поселишься въ Босфорѣ, не видали, чпо Царьградское мѣсто представляло имъ положеніе въ тысячу разъ пріятнѣйшее, нежели ими избранное. И такъ поспроенъ былъ новой городъ между Пропонтишою, Мраморнымъ моремъ и заливомъ Босфорскимъ, копорой служилъ ему порпомъ.

Когда *Римляне* распространили завоеванія свои въ Азіи, Царьградъ сохранилъ имя и преимуществы вольнаго города. Первые основатели весьма его украсили; Императоръ *Съверъ* разорилъ; но *Константинъ* вознамѣрясь учинити его равнымъ Риму, вновь выпроилъ и лучше и больше прежняго, и далъ ему свое имя, назвавъ *Константинополемъ*. Выгодное

гбложение между Азією и Европою, обязало Императора перенести шуда столицу Имперіи, и здѣлашь его средопочіемъ шорга всего свѣта. *Французы и Венеціане* завоевали его у Грековъ, кои опять у нихъ опняли, но кажутся шолько для шого, чшобы предашь въ руки Туркамъ. Тогда вмѣсто Орловъ Римскихъ въ немъ мѣсяць поселился, и гордой Мусульманъ сидишь близъ чешырехъ сошь лѣшь на пресполь древнихъ вселенной повелишелей. Турки называютъ его шеперь *Стамбуль*.

Во владѣніяхъ Султановыхъ находишся шолько разныхъ народовъ, чшо каждаго область шребуешъ особаго описанія не шолько мѣстъ и произрашшеній, но нравовъ и обычаевъ жишелей. Но какъ въра и правленіе сушь одинаковы во всемъ проспраншвѣ Имперіи, я шспараюсь, гвора о столицѣ, соединишь въ одно мѣсто все шо, чшо имѣешъ она общаго съ разными областями, покоренными власши Опшоманской.

Мы начали *Портоль*, или приспанью, опъ кошорой жили недалеко, и кошорую выгодное положеніе чинишь наилучшею въ свѣшѣ. Сокровищи Индейскія и Китайскія привошяшся сюда чрезъ Черное, а изъ Евіопи, Египта и Европы чрезъ Бѣлое море. Въ ширину имѣешъ онъ около шести сошь шаговъ, глубокъ и во всякомъ мѣстѣ безопасень. Съ полуночной стороны защищашся *Перою* и *Галатого*, древнимъ Фракіишкимъ городомъ, нынѣ сосшавляющимъ предмѣстіе Царяграда, обшпаемое Христіанами: съ другой стороны городъ зашлянешъ его опъ полуденныхъ въшровъ: но на восшокъ въ опвшршіи своемъ, кошорое весьма

широко, подвержень онъ въшрамъ, коихъ шпремленіе причиняешъ иногда вредъ. Поршшь шакъ глубокъ, чшо самые большіе корабли могушь носомъ касашся до берега, когда спощашь на якорь, шакъ чшо для выгруски не нужны и шлюпки. Изъ предмѣстій проѣзжаюшь въ городъ на каикахъ, или большихъ лодкахъ, коихъ счишашся около осьми шысячь, и кои шо шолько и дѣлаюшь, чшо ѣздяшь взадь и впередъ.

Мы очень долго пробыли на водѣ, даже и послѣ шого, какъ довольно надивились уже обширности порша. Величешвенной издали видъ Царяграда, привлекалъ все наше вниманіе. Можешь бышь во всемъ свѣшѣ ешшь одно шолько шакое зрѣлище: шщепно бы было искашь положенія сего прекрасиѣ. Дома, Дворцы, мечеши съ своими минарешами, и куполами, сосшавляюшь великолѣпной амфитеатръ, коего полукругъ имѣешъ можешь около двадцати вершъ, включая поршъ и предмѣстіи. Не возможно окинуть глазами все сіе проспраншво. Кажешся, чшо видишь три или чешыре города одинъ за другимъ, изъ коихъ каждой чрезвычайно великъ. Я не могу лучше вамъ ихъ предшавишь, какъ въ видѣ шреугольника, въ кошорой съ праваго и лѣваго бока ударяюшь волны, а большой бокъ лежишь съ шпороны земли. Уголъ его кончишся садами Серала въ Фракіишскомъ Босфорѣ, соединяющемъ Мраморное море съ Чернымъ, или *Понтоль Евксинскимъ*. Прочіе углы лежалъ одинъ на полдень, близъ замка семи башень, другой на западъ въ концѣ порша, недалеко опъ мѣста, гдѣ былъ Дворецъ Констаншиновъ. Семь хол-

мовь какъ въ Римѣ, каждой украшенной огромною мечешью, и другими большими зданіями, сославляющъ съ востока на западъ поны великолѣпной амфитеатръ, показующій изъ далека столицу одной изъ наивеличайшихъ Имперій свѣта. Городъ обнесенъ высокою стѣною, на коей находилась двѣсти пѣтьдесять башень; и не смотря на опустошеніе причиняемое всякой годъ бурями и пожарами, дома не уступаютъ въ числѣ наипространнѣйшимъ городамъ, но по большей части построены въ одно жилье, ежели не считая поземнаго. По сей причинѣ онекъ послѣдняго Турецкаго при Французскомъ дворѣ посла, возвратясь ошвѣтсвовалъ Везиру, спрашивающему у него, больше ли Царяграда Парижъ: „Поставь на Царьградѣ другой такой же городъ, а на другой поставь третій, на третій четвертой, тогда и будетъ Парижъ.“

Внутренность Царяграда не соотвѣтствуетъ красотою наружности; улицы узки, не чисны, худо вымощены. Въ ненастное время весьма бы дурно было ходишь по нихъ, естли бы не были подѣланы по обѣимъ сторонамъ для пѣшихъ возвышенія. Въ иныхъ мѣстахъ надобно съ нихъ сойти, или прижаться къ двери дома, естли попадешся кто навспрѣчу; споль они узки. Христіанинъ почти всегда уступаетъ дорогу Турку. Я одного только зналъ Грека съ оспрововъ, которой осмѣлился въ шомъ поспоришь. Турокъ идущей навспрѣчу не удовольствовался бранью, но поднималъ палку его ударишь. Грекъ наложилъ руку на кинжалъ, и угрожалъ его убишь. Турокъ видя, что нѣкому за него спашь, уступилъ ка

прусъ, намѣряясь безъ сумнѣнія жестоко опоменишь кому другому, естли предсавишься случай. Христіанинъ съ лишкомъ при семъ ошважался; въ другихъ обстоятельспвахъ могъ бы онъ изпустишь душу свою подъ палкою.

На сихъ возвышеніяхъ прохожіе покрыты опъ дождя, ибо дома такъ построены, что верхнее жилье нависло на улицу. Они почти всѣ выкрашены на маслѣ, а построены изъ дерева и земли: что и бываешъ причиною частыхъ пожаровъ; да удивительно, что весь городъ по сю пору не выгорѣлъ до подошвы нѣсколько уже разъ.

Ежели исключишь нѣкоторыя монументы, созданныя во времена Греческихъ Императоровъ; все прочее доказываешъ невѣжество и варварство спроиспелей: но хотя Турки не превосходятъ наружнымъ украшеніемъ зданій, не уступаютъ они нашимъ архитекторамъ въ искусствѣ дѣлать ихъ покойнымъ и пріятными внутри. Вообще предпочитаютъ они рѣзбу и деревянную работу обоямъ. Все у нихъ выкрашено или позолочено: но нѣтъ иной живописи, какъ цвѣты и деревья, и по рѣдко. Сей вкусъ основанной на Магомеданскомъ законѣ, естъ такъже главною причиною, что у нихъ фарфоръ и порцелиновая посуда въ великомъ употребленіи. Не только пополки, оны, но часто и наружныя спѣны кіосковъ, или бесѣдокъ, покрыты плитками фарфоровыми или фаянсовыми. По шой же самой причинѣ ошвергаются по сю пору обои, предсавляющія людей и живописныхъ; я оныхъ нигдѣ во всей Имперіи не видывалъ. Мебли дѣлаются изъ бархата, или дорогихъ парчей. Полъ покрытъ

Персидскими коврами, или понкими рогожками, на коихъ выпыкаются узоры, дѣлающіе ихъ похожими на садовые цвѣшники.

Мы не видали еще и самыхъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ Царѣградѣ, какъ случился праздникъ поржеспуемой здѣсь каждой годъ: по еспь открытіе *Рамазана*, или Турецкаго поста. *Магометъ*, имѣя намѣреніе разпространить вѣру свою какъ можно больше, спарался особливо сберечи въ ней все то, что предпочтительнѣе наблюдаемо было въ прехъ вѣрахъ, Христіанской, Жидовской и Идолопоклоннической, изъ коихъ свою соспавиль. Опъ язычниковъ взялъ онъ погребальной обрядъ, опъ Жидовъ очищеніе или омовеніе, а опъ Христіанъ постъ и карнаваль.

Хотя намъ и не было нужды наблюдать Рамазана, но мы себя не лишили увеселеній, съ нимъ сововупляемыхъ. Знакомъ къ онымъ служилъ явленіе новой луны девяшаго мѣсяца Магомешпанскаго года. Крикуны возвѣщаютъ его народу съ минаретовъ, при играніи инструменговъ. Послѣ чего зажигають множество разноцвѣшныхъ фонарей на оныхъ *Минаретахъ*, кои сунъ высокія и понкія башни, служація при мечешяхъ вмѣсто колоколенъ; онѣ имѣють снаружи по двѣ и по три галлерей, одна надъ другою, съ коихъ и кричатъ крикуны. Улицы, базары, или рынки, бввають также освѣщены: народъ радуется и веселится. Барабаны и шрубы повсюду слышны. Иногда жгутъ по улицамъ фейерверки. Крикъ и пѣсни вселяють во всѣхъ радость. Всякому чужеспранному покажется, что празднуется какое либо знапное произшествіе. Всѣ лавки, кофейные дома,

бани и шинки опперпы. Въ нихъ по вѣрные Мусульманы ходить наблюдать постъ, и въ распушности спараются подражать пророку своему, имѣвшему припадки падучей болѣзни. Вѣра Магомешпанская шерпиль таковыя излишности, и духовенство даетъ собою примѣръ. Не могли пить вина, по крайній мѣръ при людяхъ, принимаютъ они *олій*, производящей въ нихъ тѣ спранныя засыпленія, кои называютъ они *возхищеніями*.

Нѣсколько знакомыхъ Генуезцу нашему Турковъ хотѣли поить насъ съ собою. Мы съ учтивостию передъ ними извинились, но не могли отговориться опъ одного Янычарскаго офицера, крайняго друга нашему хозяину, копорой позвалъ насъ опужинать съ своими поварищами. Онъ велѣлъ принести вина, и меньше часа всѣ наши Турки были мертвы пьяны. Мы оспавили ихъ распянувшихся по полу, и они того не примѣшили. Оспашокъ ночи препроводили мы смопря на дурачества черни, копорая пила и ѣла по рынкамъ и на площадяхъ, въ ожиданіи дня.

Рамазанъ, или постъ начинающейся симъ праздникомъ, продолжается опъ явленія одной луны до того часа, какъ увидятъ другую; и во все сіе время, каждой Турокъ обязанъ поспиться до захожденія солнца, а постъ ихъ такъ спрогъ, что споль долго, сколь видно солнце на горизонтѣ, не позволяется ни курить ни нюхать шабаку, ниже брать воды въ ротъ, а еще меньше пить, или ѣсти. Ежели кто, для болѣзни или другой какой причины, не можетъ наблюдать Рамазана въ опредѣленное время; топъ долженъ сообразоваться сему

общему учрежденію, когда здоровье, или кровныя нужды ему позволяють. Правда, что много едят шакихъ, кои пакъ, какъ и у насъ, увольняютъ себя отъ поста, и пьютъ и ѣдятъ какъ и въ другое время; но дѣлаютъ они сіе весьма тайно, попому что ежели примѣнятся кпо въ шаковомъ наблюденіи, легко могутъ подвергнуться палочному наказанію. Сія строгость дѣлается однако сносно забавами и распускою по ночамъ. Алкоранъ почными словами повѣдываетъ ѣсть и пить до самыхъ пѣхъ поръ, пока на разсвѣтъ можно будетъ разглядѣть бѣлую нитку съ черною. Для возпрепятствованія, чтобы не употребили на покой времени назначеннаго для пищи, въ каждой улицѣ ходятъ нарочные люди, будятъ и увѣщываютъ ѣсть, крича во весь голосъ, и ударяя въ небольшой барабанъ. Въ лавкахъ выставляются множество разнаго пирожнаго и заѣдокъ, для предупрежденія охоты ѣсть днемъ. Всѣ въ шомъ и упражняются, чтобы выдумали что нибудь пріятнаго вкусу, и возбуждающаго охоту къ ѣствѣ.

Когда Рамазанъ приближается къ концу, своевольство умножается. Кофейные дома опворены во всю ночь: повсюду видны музыканты, шупы, пѣвцы и всякіе другіе подобнаго рода люди, кои ходя забавляютъ пѣющихъ играми своими и дурачествами. Сколь скоро крикуны на минаретахъ повѣстятъ, что время по домамъ шши, все исчезаетъ; повсюду царствуетъ молчаніе, и кажется что совсѣмъ нѣтъ жишелей въ городахъ. Надобно великую имѣть нужду, чтобы выйти изъ двора. Всѣ тогда ложатся спать, Сей постъ весьма не-

пріятенъ масперовымъ; ибо они для работъ своихъ не могутъ споль легко превращать ночи въ день.

Я не долженъ позабыть объ одномъ обрядѣ наблюдаемомъ въ сералѣ въ сіе время покаянія. Въ одномъ покоѣ находилъ сундукъ покрытой зеленымъ бархапомъ, въ кошоромъ хранился одѣяніе, какъ сказываютъ, *Магометово*. Султанъ самъ вынимаетъ оное изъ сундука, цѣлуетъ его съ почтениемъ, и купаетъ въ большой золотой и снаружи камнями осыпанной лаханѣ. Вынявъ одежду выжимаютъ ее накрѣпко, а *водою* наполняютъ хрустальные карафины, и запечатываютъ Султанскою печатью. Послѣ сушатъ одежду до двадцатаго дня Рамазана; и Султанъ опять приходитъ самъ класитъ ее въ сундукъ. На другой день посылаетъ онъ по запечатанному карафину сей воды къ главнѣйшимъ Султаншамъ, вельможамъ Цареградскимъ, и къ начальнымъ Пашамъ Имперіи: что починается за великую опличность, и получающіе сію милость должны посылать съ своей стороны къ Его Величеству богатыя подарки, сверхъ того, что принуждены дарить также и посланныхъ съ симъ знакомъ благовольнія. Сію воду пьютъ съ великою набожносною, попому что она служила къ омовенію запасканнаго и спараго пророкова рублища.

Теперь я возвращусь къ зданіямъ украшающимъ Царь-Градъ. *Святая Софія*, построенная Императоромъ *Юстинианомъ*, посвященная *Юстинианомъ*, и посвященная Премудрости Божіей, есть зданіе, кое наибольше похваляется, и кое дѣйствительно кажется мнѣ

правильнѣ прочихъ. Во время владѣнія Греческихъ Императоровъ была она Соборною церковію. Турки превратили ее въ свою главную мечеть. Лежишь она на косогорѣ, или на скалѣ горы пропивъ Султанскаго серая. Длина ея будешь около двухъ сотъ пятидесяти, а ширина около двухъ сотъ фушовъ. Четыре быка чрезмѣрной толщины обезображиваютъ сіе огромное зданіе. Они построены Турками для поддержанія и предохраненія купола отъ землетрясеній.

Вошли мы на паперть шириною въ двадцать шесть фушовъ; въ оной здѣланы девять великолѣпныхъ дверей, съ весьма искусно выработанными мѣдными запорами. Сколь скоро ихъ отворяешь, вся мечеть совершенно видна, не входя въ нее. Самую церковь покрываетъ прекрасной куполь, получающій свѣтъ чрезъ двадцать четыре окна. Около карниза идутъ перилы мраморныя, на которыхъ была живопись: но всего любопытнѣе и лучше показалась мнѣ колонада внизу купола. Она состоишь больше нежели изъ двухъ сотъ столбовъ различнаго мрамора, поддерживающихъ широкую галерею, убранныю мозаикомъ. За куполомъ есть ша часть зданія, гдѣ у Христіанъ былъ олтарь: теперь только стоишь тамъ знакъ употребляемой Турками для показанія, въ которую сторону обратишься должно во время молитвы.

Я примѣшилъ, что всѣ мозаическіе образа, коими церковь была украшена, заблѣнены, кромѣ одного или двухъ Херувимовъ, коихъ Турки не могли можеть быть доспѣть. Генуезской нашъ пріятель сказалъ мнѣ, что законъ Магоме-

шанской отвергаетъ почианіе иконъ, и что по сей причинѣ все имѣющее какое либо съ ними сношеніе, не бываетъ терпимо у Турковъ. Они думаютъ, что сіи предсавленіи въ день спрашнаго суда, постребуютъ душъ у тѣхъ, кто ихъ написалъ. Когда разсуждашь о ревности воспочныхъ народовъ, тогда найдешь и другую причину отвращенія ихъ ко всему пому, что имѣеть подобіе человѣческаго образа.

Сказываютъ, что Императоръ Юстиніанъ упопробилъ на построеніе Святыя Софіи, серебряную спашую, возстановленную *Аркадіемъ Θεодосію*, и въ которой въсомъ было семь тысячъ четыреста фунтовъ, Послъ церкви святого Петра въ Римъ, сія мечеть есть наиприверснѣйшее строеніе въ свѣтѣ. Знамоки утверждають, что святая Софія имѣеть еще нѣчто величественнѣе; но теперь не осталось въ ней ничего изъ тѣхъ дорогихъ украшеній, сдѣланныхъ Христіанскими Императорами, кромѣ великой купели, или чаши, около которой изсѣчены слѣдующіе Греческія слова: *Нислонано-ми-мата ми-монанолсинъ*, то есть: *Не одно лице, но и грѣхи ваши омыайте*. Хитросишь сей надписи въ помъ состоишь, что естли вы зачнете ее читать съ другаго конца, найдете тѣже слова и тотъ же смыслъ.

Одно только присудствіе посла можеть дать право Христіанамъ войти въ святую Софію. Во всякое другое время не терпятъ ихъ въ ней развѣ какъ украдкою, или заплаца деньги кто шуда войдетъ. Для сего должно переговорить съ служителями Турецкихъ поповъ, коимъ ввѣрена мечеть.

Прочія Императорскія мечети, коихъ числомъ шесть или семь, построены по образцу святыя Софїи, и носятъ имя Султановъ, ихъ соорудившихъ. *Солманія*, *Ахметъ* и *Валиде* суть наилучшія. Первая построена *Солманомъ великимъ*, которой употребилъ на нее часть сокровищъ взятыхъ у Поляковъ и Венгерцовъ. Сей Государь положенъ при сей мечети въ особливомъ зданіи также съ куполомъ, и освещенномъ лампадами и свѣчами. Окны въ оной больше Софійскихъ, и столбы гораздо правильнѣе.

Валиде посвящена Султаншею, матерію Магомета Четвертаго. Въ сей мечети примѣчается нѣжность вкуса и искусства, какой нѣтъ въ прочихъ. Пространной куполь, къ коему съ четырехъ сторонъ присовокуплены крестомъ четыре полукупола, составляютъ сіе огромное зданіе. Внутри украшено оно лампадами и хрустальными паникадилами. Сводъ убранъ плитками фаясовыми; въ Перистилѣ столбы изъ бѣлаго мрамора съ сѣрыми полосами. Къ мечетямъ приобщены доходы, что и неудивительно; но то чудно, что начальникъ черныхъ евнуховъ, опредѣленныхъ для спражи Султаншъ, имѣетъ главное правленіе сихъ святыхъ мѣстъ, и раздаетъ всѣ чины и должности отъ оныхъ зависящія. Понятно не можно сей связи Серальскихъ дѣлъ съ духовными.

Мечети Турецкія всѣ спроехъ по одному рисунку, выключая тѣхъ, кои были созиждены во время Магмуса. Прочія одѣны во многихъ мѣстахъ плитками мраморными, споль искусно соединенными, что можно ихъ почестъ за одинъ камень. Великой куполь поддерживаемой столбами; водобой, изъ коихъ Мусулмане обязаны

мыться; большіе подсвѣчники съ свѣчами спространной шолщины; лампады и паникадилы, засвѣщаемыя для вечерней молитвы, ковры спспланнныя по всему полу, суть единыя оныхъ украшеній. Онѣ всегда спроехъ посреди двора, или монастыря, по которому Турки прогуливаются. Султанъ по закону не можетъ спспроехъ мечети, не сдѣлавъ значнаго какого завоеванія.

Когда Турки входятъ въ мечеть, омывшись напередъ и скинувъ шупли, они поднимаютъ очи къ верху, и поднеся руки къ чалмѣ своей кланяются, оборотясь къ знаку посвященному на спсторонѣ, въ которой лежитъ Мекка. Потомъ опускаютъ внизъ глаза, спановятся на колѣни, при раза цѣлуютъ землю, и читаютъ или шепчутъ молитвы, дѣлая разныя шлодвиженія, изъ коихъ нѣкоторыя повелѣны законами, а инныя чинятся изъ усердія.

Смотрѣли мы также *Гробницы Султанскія*. Первая, которую видѣли, была *Амуратова*. Сіе зданіе имѣетъ куполь покрытой свинцомъ и столбы. Спѣны внутри убраны фаясовыми плитками. Гробъ его спойтъ на возвышеніи и покрытъ покрываломъ, уже обшпавшимъ. Въ головахъ посвященъ подсвѣчникъ съ превеликою свѣчею, которая еще ни раза не была зажжена. Султанши лежатъ также въ гробахъ, но не споль великихъ, а гробы дѣшеі всѣ равны, какъ бы оныя померли въ однихъ лѣпахъ. Всѣ они спойтъ вмѣстѣ подъ тѣмъ же куполомъ, и покрыты такими же покрывалами. Женской поль съ мускимъ различествуютъ чалмами и плашками, въ головахъ на гробѣ придѣланными. Считаютъ спо двадцать гробовъ

съ дѣшми Амуралпа, коихъ всѣхъ Магометь, брашь его и наслѣдникъ, предалъ смерши въ одинъ день.

Всѣ гробницы почти одинаковы, и поспроены безъ дальняго великолѣпія, хопя обрядъ погребенія Сулпанскаго довольно величественъ. Одинъ Французской купецъ, который видѣлъ похороны послѣдняго Сулпана, слѣдующее мнѣ объ оныхъ сказывалъ. „Я удивился, говорилъ „онъ, поѣзду сего Монарха. Послѣ, какъ осмо- „прѣли шѣло его въ присудствіи *Янычар-аги*, „или начальника Янычаровъ, и выбалсамировали, „учинены очищеніи закономъ предписанныя, и „чипаны молишвы упопреляемыя Турками прежде положенія покойника во гробъ. Всѣ „ведможи и знашныя Турки находившіеся въ „Царѣградѣ собрались въ Сераль по первымъ „изъ пушекъ выспрѣламъ, учиненнымъ, въ раз- „ныхъ мѣспахъ въ знакъ поздравленія новому „Султану, и опданія послѣдняго долгу покой- „ному. Въ вечеру поднялись изъ Сералья; шѣло „покрышое краснымъ сукномъ, на коемъ напи- „шты золоштыя буквы, несено было Боспанжіями. „Чалма покойника лежала на семь покрывалъ, „и перо съ нее висѣло. Везиръ, Муфши, Яны- „чар-ага, и всѣ ведможи Имперіи, въ великолѣп- „номъ плашь, слѣдовали за гробомъ. За ними „вели Сулпановыхъ лошадей въ наибогашѣй- „шихъ уборахъ, наконецъ шли Янычары, и ве- „ликое множество народа..

Турецкой Офицеръ. у копорого мы ужинали, поручилъ Генуезцу, моему пріятелю, сказашъ намъ, что мы удовольствіе ему сдѣлаемъ, ешты ли будемъ ходишь къ нему иногда обѣдашь. Нужда въ человекѣ имѣющемъ власшь въ па-

комъ городѣ, гдѣ случается встрѣчашся съ грубымъ народомъ, поохошила насъ воспользо-вашся его предложеніемъ, и мы пошли къ нему обѣдашь на другой день. Я долженъ опдашь справедливосшь здѣшнимъ военнымъ людямъ. Не смотря на природную грубосшь неразлучную съ ихъ ремесломъ, они по большой части чело-вѣколюбивы, учпивы; чернь и попы, звѣрски обходяшся съ чужеспранными. Фанапизмъ и невѣжество пипаюшъ въ нихъ и гордосшь и дикосшь. Самой свирѣпой Янычаръ не споль опасенъ для Христіанина, какъ наикропчайшей Дервишъ.

Споль сосполялъ изъ баранины жареной, живносши, и разныхъ пшенныхъ кушаньевъ: что называется у нихъ *Пилавъ*. Было много разной рыбы, хопя Турки и мало ее ѣдашъ: но хозяйинъ хопѣлъ насъ оною поподчивашъ: также изъ опмѣносши давали намъ и пипъ во время обѣда; ибо у Турковъ обычаи ешты пипъ шолько при концѣ спола. Когда переспали спавишь мясное, шю начали нисипъ молочное, плоды и вареньи. До сего времени пили мы *Шербеть*, родъ пипья соспавленнаго изъ лимоннаго сока, вишенъ и другихъ варенныхъ въ сахарѣ плодовъ; послѣ налили намъ вина, опъ копорого разговоръ спашъ повеселѣ.

Хозяинъ возобновилъ вновь увѣреніи о гошповносши его къ нашимъ услугамъ, и обѣщашъ присылашь къ намъ всякой день, во время пребыванія нашего въ Царѣградѣ, двухъ Янычаровъ, для провожанія насъ по городу, прибавя, что ешты время ему дозволишь, и самъ показывашъ намъ будешъ доспойное любопытсшва. По ушру увидѣли мы исполненіе словъ

его. Два Янычара пришли къ намъ очень рано въ Галапу, и какъ иногда была пипница, копорая у нихъ шже, что у насъ Воскресенье, мы просили ихъ провести насъ на *Ипподромъ*, называемой Турками *Атъ-мейданъ*, посмотришь и играть и увеселеній молодыхъ Турковъ.

Когда мы пришли туда, площадь была уже покрыта конными Турками, и великимъ множествомъ зрителей. Она имѣетъ больше двухъ сотъ двадцати сажений въ длину, и пятьдесятъ въ ширину. Началь ея спросилъ Императоръ *Съверъ*, а окончилъ *Константинь*. Сражающіеся раздѣлены были на двѣ части, и спояли по краямъ площади. При наждомъ знакѣ выѣзжаютъ двое съ палками, кои называются *Джириты*, скачутъ одинъ прошивъ другаго, и бросають оныя палки съ удивительнымъ проворствомъ, попомъ продолжаютъ гоняться другъ за другомъ, дѣлая пречудные обороты. Иные бросались съ лошадей на землю, и опять садились съ непонятною легкостью, не оспанавливая однако лошади; другіе спускались на скаку подъ брюхо лошади; и оныя поднимались въ сѣдло, безъ малѣйшей такожь оспановки.

Не одно сіе видѣлъ я на Атъ-мейданѣ. Тутъ борятся также и играютъ въ кружки. Турки на всѣмъ бѣгу бросають кружокъ, копорой очень тяжель. Я нимало не повкусился ошвѣдать сихъ игоръ; надобно имѣть сполько проворства и привычки, дабы предупсть, что наилучшіе наши храбрецы съ шрудностью, думаю, могутъ въ нихъ ошличиться.

На Ипподромѣ видны нѣкоторыя оспанки древности, времянь Хрисціанскихъ Императо-

ровъ. Наилучше сбереженной есть *Обелискъ* четвероспоронной изъ Египейскаго мрамора. Граница, вышиною въ пятьдесятъ футовъ, наполненной героглифами. Изъ вырѣзанныхъ на немъ фигуръ и подписи на основаніи видно, что сія пирамида пославлена спараніемъ великаго *Θеодосія*. Въ нѣкоторомъ ошъ нея разспояніи спойтъ другой развалившейся обелискъ: но по оспальной его части и узнать не можно, что ошъ былъ прежде.

Между ими видѣтъ мѣдной сполбъ, вышиною въ двенадцать футовъ, спспавленной изъ прехъ вмѣстѣ свинныхъ змѣй, и коихъ головы дѣлали корону, но нынѣ уже не только она, да и часть сполба ошломана. Пріятель нашъ показалъ намъ послѣ еще два сполба, одинъ изъ бѣлаго мрамора, а другой граничной. Первой въ срединѣ города, и называется *исторической сполбъ*; вышиною будетъ футовъ въ полпораспа, но весьма пожаромъ поврежденъ. Вшпорой находилъ въ домѣ одного Турка, и для сей причины рѣдко чужеспранные его видятъ. Ошъ имѣетъ въ высоту пятнадцать футовъ, каждой изъ чепырехъ угловъ украшенъ орломъ, а пославленъ былъ въ честь Императору *Марціану*, и по видимому служилъ подножіемъ его спспуѣ. Число спковыхъ сполбовъ велико; въ спѣнахъ городскихъ ихъ множество. Между ими есть спкіе, что у насъ бы упошребили ихъ на украшеніе наилучшихъ зданій, а здѣсь они валяются въ развалинахъ. Турки пощадили, или не разбили наилучшихъ, но прочіе или вдѣланы совсѣмъ въ спѣну, или обколочены.

Знакомство наше съ Янычарскимъ офицеромъ шановилось часъ опъ часу пѣснѣе. Страніе его услуживъ всякой день подавало намъ новое побужденіе бытъ благодарными. Свѣдавъ, что Сулпанъ въ слѣдующую пятницу поѣдетъ на пшичью охоту, пригласилъ онъ насъ къ себѣ поутру. Мы съ радостію къ нему пришли. Сверхъ охоты обѣщавъ онъ намъ доставитъ удовольствіе увидѣть Сулпана, когда поѣдетъ онъ въ мечеть. Здѣсь обыкновеніе такое, что долженъ онъ неопмѣнно въ пятницу бытъ на народной молитвѣ. За нимъ слѣдуетъ превеликой поѣздъ, дѣлающій изрядное зрѣлище для чужестранца не видавшаго пышности двора Опшоманскаго. Около десяти часовъ, офицеръ повелъ насъ къ первымъ воротамъ Сераля, гдѣ спояли Янычары, собранные для спражи Сулпана. Мы долго смотрѣли на движеніи вельможъ и воинскихъ начальниковъ, ожидающихъ повелѣнія къ началію шестивія. Около полудня данъ знакъ, что Сулпанъ ѣдетъ. Топъ часъ Янычары построились въ два ряда. Число ихъ было около чепырехъ тысячъ, и всѣ пѣшіе; каждой изъ нихъ вмѣсто оружія имѣлъ палку. Ага или начальникъ ихъ, слѣдовалъ въ нѣкошоромъ за ними опдаленіи. Чепыре спа *Калиджи*, или приворошниковъ, шли за Агою; множество *Чаушей*, или разсылщиковъ посылаемыхъ съ Сулпанскими повелѣніями, ѣхали верхомъ. Двенадцать или тринадцать лошадей Сулпанскихъ ведены подъ усцы, а передъ ними около двухъ сотъ богатоубранныхъ разныхъ чиновниковъ Серальскихъ ѣхали также верхами. Уборы лошадей Сулпанскихъ, осыпанные камнями, весьма въ глаза намъ казались. Нако-

нецъ выѣхавъ самъ Императоръ изъ Сераля, посреди немалаго числа *Сулаковъ*, или пѣлохранипелей. Сидѣлъ онъ на прекрасной лошади, покрышой долгиъ золошымъ чепракомъ съ уборомъ осыпаннымъ алмазами и жемчугомъ; мы шли за нимъ до Святой Софіи. Тогда два Янычара пришли намъ сказать, что время ѣхать за городъ, еспыли хопимъ мы видѣть охоту.

Они провели насъ на поле, и поставили шагахъ во снѣ опъ дороги, на большой высотѣ, съ которой могли мы свободно все видѣть. Вскорѣ появился Сулпанъ, послѣдуемой одними только главными Турками, и тремя спами сокольниковъ, изъ коихъ каждой несъ многихъ пшичъ. Едва дано повелѣніе спускаетъ соколовъ, все поле ими покрылось. Сулпанъ споялъ все на большой дорогѣ, къ которой нарочно согнали прежде дичину. Часъ спуся поѣхавъ онъ назадъ, а мы съ нашими двумя Янычарами возвратились въ домъ къ офицеру. Опшопокъ дня препроводили мы въ увеселеніяхъ, и вспали изъ зашпола уже въ вечеру.

Теперь я спану говоривъ, Государыня моя, о *Сералѣ*, въ которой кромѣ Сулпана, евнуховъ, женщинъ, и служивелей, никакъ войши не можеть. Вамъ конечно полюбится все то, что я объ немъ развѣдалъ. Учасъ сихъ прекрасныхъ зашворницъ, коихъ воспочная ревность заключила въ несносную неволю, раждаетъ въ сердцахъ къ нимъ сожалѣніе. Я начну наружнымъ Сераля описаніемъ.

Дворецъ построенной на сканѣ горы, сошпавляетъ съ окружающими его садами, родъ шриугольника, всего уголь упираетъ въ море.

Занимаесть онъ земли около прехъ верстъ въ окружности, и обнесенъ высокими каменными стѣнами. Многія по онымъ башни и башереи, или больше рядъ пушекъ поставленныхъ подъ стѣною на берегу, препятствуютъ кораблямъ къ нему приближаться. Съ стороны Серали лежащей противъ Галапы и Перы сполна прекрасней *Kioskъ* на мраморныхъ столбахъ. Въ немъ Султанъ часто веселился съ своими женами, и садился на суда, когда ѣздитъ гулять или забавлялся рыбною ловлею. Сады не представляютъ ничего приятнаго снаружи: видно множество кипарисовъ и сикоморовъ, или Египетскихъ смоковницъ, коихъ безпорядочное между собою разстояние служитъ только для сокрытія отъ глазъ прекрасныхъ жипельницъ сего прохладнаго мѣста. Офицеръ насъ увѣрялъ, что ничего въ садахъ нѣтъ примѣчанія достойнаго, кромѣ множества плодоносныхъ деревьевъ безъ размѣру и узору насаженныхъ. Онъ говорилъ сіе не по наслышкѣ: но самъ препроводилъ въ сихъ садахъ молодость свою, бывъ Азамагланомъ, до самаго того времени, какъ вывели его опшуда и здѣлали Янычарскимъ офицеромъ.

Къ морю здѣланъ каналъ, по которому спекаесть и выбрасывается вся нечистота изъ Серали: онъ, сказывающъ, отдаесться на опкупъ рыболовамъ рублевъ за пять сотъ. Соръ кладется на долгіе деревянные лопки, кои спускаютъ сполъ проворно, что не можно одному свалиться на спорону. Рыболовы кладутъ его въ кадки, и трясутъ оныя такъ, что все тяжелое оспаесть на днѣ. Часто случаетъся что находятъ они дорогіе каменя, жемчугъ, золото,

серебро, и другія вещи. Многіе изъ сихъ рыболововъ обогащаются симъ пиягоспнымъ, и особливо во время зимы, пруднымъ ремесломъ. Боспанжи оное презираютъ, и довольствуются отдаваніемъ на опкупъ.

Они принуждены поспѣшь выходить изъ саду, когда услышатъ знакъ, коимъ возвѣщаесться, что Султанъ будетъ прогуливаться. Жизнію плашеть, кто опважился оспасться въ саду. Одинъ Султанъ смертію казнилъ огородника, котораго нашли спящаго подъ деревомъ. Переводчикъ Венеціанской жилъ въ одномъ домѣ въ Перѣ, изъ котораго видѣть былъ садъ Серальской. Однажды выспавъ въ окно зрительную трубку сморѣлъ онъ въ оной; Султанъ по примѣпилъ, велѣлъ поспѣшь идти и его повѣсить на томъ же самомъ окнѣ: чтобы и исполнилось, ежели бы былъ онъ подданной.

Сіи мѣста ужасны и для самыхъ Мусульмановъ. Никто не можетъ приближиться къ нимъ, не дрожа отъ страха, производимаго въ сердцахъ Государемъ, коего боясь, и которой утѣшаесться, видя всѣхъ унижающимися въ его присудствіи. Они бы хотѣли бытъ невидимыми и царствоватъ, есплибъ вещь была возможна.

Въ спроеніяхъ не больше видно разположенія, порядка и вкуса, какъ и въ садахъ. Оныя состоятъ изъ многихъ разныхъ и мѣлкихъ домовъ, поставленныхъ, такъ сказать, одинъ на другомъ. Главные ворошпы суть большее зданіе самой грубой Архипекшуры и безъ украшенія, и сіи по сполъ мало блистательные ворошпы дають имя *Оттоманской Портѣ*, не могу вамъ

сказать почему, ибо они самые простые, и скорѣ можно почестъ ихъ ворошами какого каменнаго сарая, нежели дворца. Сперегушь ихъ человекъ съ пятьдесятъ Капиджій, вооруженныхъ палками.

Мы вошли на проспранной и долгой дворъ, на коемъ по бокамъ спояшь огромныя зданія; изъ оныхъ одно занято подъ больницу, другое подъ ружейной магазейнъ, или арсеналь, прешье подъ монешной дворъ и пр. Капиджи наблюдаютъ, чшобъ не было на дворъ ни малъшаго шума. Съ сего двора входяшь на другой чепвероугольнѣе перваго, и имъющей около прехъ сошь шаговъ въ длину. Тутъ мы начали видѣшь Сулпанской дворець. На право спойшь большее зданіе съ пяпью куполами покрытыми свинцомъ; въ немъ кухни дворцовыя, а на лъвой рукъ конюшни; въ углу на лъвой же рукъ *Диванъ*, или зала совѣща, которая примыкаешся уже къ спроенію собспвенно *Сералель* называемому, гдѣ живешъ самъ Судпанъ. Посреди двора здѣланъ водоемъ осаженой деревьями, равно какъ и дворъ. Вельможи съ ужасомъ смонряшь на сіе мѣспо, ибо на немъ рубяшь головы шѣмъ, коими бывають недовольны. На семъ дворъ молчаніе наблюдается наиспрожайшимъ образомъ. Сперезешся онъ пяпьюдесяпью Капиджіями.

Никому неспозволяешся ходишь далѣе Дивана: но офицеръ разсказалъ намъ слыханное имъ опъ Евнуховъ. Нѣтъ ничего богашѣе ни великолѣпнѣе внушрешняго Серала. Раздѣленъ онъ на три часпи, на покои самага Сулпана, на покои женскіе, и на сады. Въ первомъ ешь великолѣпная баня, одѣшая бѣлымъ мраморомъ, и окруженная небольшими покаями шакже мраморными.

Въ каждомъ изъ нихъ печепъ теплая и холодная вода изъ двухъ виншовъ, и сіи покои служаць для Евнуховъ и другихъ чиновныхъ. Женская баня и выгодиѣе и лучше. Окружающіе ее покои намощены наикрѣпчайшимъ мраморомъ; а спѣны украшены живописью, зеркалами и раковинами. Тутъ амвра и мускъ возбуждаютъ беспреспанно къ любви, и роскошь кажешся основала въ нихъ свою сподлицу. Покои Сулпаншъ и Серальскихъ дѣвиць изобилуютъ всемъ служащимъ къ любоспранію; позолопа, каменя, дорогіе шпофы сушь наималъшнее въ оныхъ украшеніе.

Сподь прекрасная шемница могла бы ушѣшишь любезныхъ невольницъ, ешьлибъ имѣли они хопя надежду окончишь въ ней дни свои: но учасъ ихъ шакъ шѣсно связана съ самимъ Сулпаномъ, чшо лишь сполько преспанешъ онъ жипъ или царспвовашъ, шо распаются и онѣ съ ушѣхами. Описываютъ ихъ шогда въ *старой Сераль*, гдѣ онѣ имѣють всю свободу оплакивать прешняго своего повелителя.

Помянушой Сераль лежипъ посреди города прошивъ Апмейдана. Онъ былъ построень *Магометомъ сторымъ*, и весьма проспранень. Сулпанъ иногда ѣздишь въ него веселишься, и часпо берепъ изъ него въ свой Сераль женщипъ, кои покажутся ему любезны. Въ сераль заключены вмѣстѣ и самыя прекраснѣйшія женщипы, и самыя безобразнѣйшіе въ свѣтѣ мушщипы. Можно его назвашъ зборищемъ многлюднаго народа, котораго часпъ одаренная опъ природы пріятностями, опредѣлена на ушѣхи единаго человека; а другая напрашивъ будучи врагомъ любви и ушѣхъ, служишь ко

учиненію нещасными многихъ молодыхъ красавиць, ввѣренныхъ ея спражѣ.

Между населяющими сіе пребываніе прелѣсными женщинами, одні супъ уже Султанши, а другія спараются шолько бытъ въ числѣ оныхъ: но ни одна не имѣетъ названія супруги, или Императрицы. Сказываютъ, что *Тамерланъ* до шого спенени упошребилъ во зло побѣду, что пошущилъ на крайность и съ женою *Баязета*. Воспоминаніе сего поруганія ошалося въ памяти у Турковъ споль сильно, что съ шого времени Сулпаны не женятся, или по крайней мѣрѣ очень рѣдко. Монархи Турецкіе довольствуются упѣхами съ своими невольницами.

Султанши называются шѣ, съ которыми Сулпанъ удостоилъ раздѣлить свое Императорское ложе, и которыми умножили Опшоманское поколѣніе. Прочія ожидаютъ ошъ прелестней своихъ, чтошъ Государь почелъ ихъ достойными *платка* и преимущества передъ другими. Вотъ въ чѣмъ, какъ говорятъ, состоитъ сей обрядъ. Когда Сулпанъ вознамѣрился учинить новую побѣду, даетъ онъ знать о шомъ Евнуху, начальнику увеселеній. Сія счастливая новость шопчасъ разносится по всѣмъ покоймъ. Молодыя особливо приходятъ въ великую превогу. Въ назначенной часъ всѣ собираются въ одну долгую галерею, и каждая на перерывъ спарается привлечь на себя взоръ роскошнаго Монарха. Онъ ищущъ понравиться ему разными увеселѣніями, коимъ плодовишой разумъ сихъ женщинъ всегда даетъ видъ новости. Пріятность, съ какою производятъ онъ въ дѣйствіе все шю, что выдумываютъ

для его упѣхи, походить на шѣ дѣтскія игры, въ коихъ спихошворцы или живописцы представляютъ Купидоновъ, свачущихъ около Нимфъ. Ни Капулъ, ни Буше не произвели ничего прелестнѣе. Всѣ онѣ мѣшаютъ въ одну цѣль. Видно, до чего могутъ просшираться выдумки разума молодой женщины, ищущей прелестить человека, котораго любитъ она изъ одного тщеславія. Пляска, пѣніе, музыка, щегольство въ платьѣ, шупки въ разговорахъ, возшорги, нѣжность, любовь, словомъ все, что ни вымышлено наисладоспраснѣйшаго, совокупляется вмѣстѣ предъ глазами повелителя. Сулпанъ ходитъ мимо ихъ, спомринъ, разглядываетъ каждую до шѣхъ поръ, пока изъ нихъ не выберетъ одну. Онъ бросаетъ платокъ шой, шоторою наибольше доволенъ. Послѣ сего предпочтенія, въ минушу удаляются всѣ прочія, онымъ льспившіяся. Между шѣмъ новозбранная цѣлуется съ почтеніемъ платокъ, кладетъ его въ пазуху, и готовится сошвѣтствованію желаніямъ счастливаго Султана. Ни банъ, ни благоуханій драгоцѣннѣйшихъ для нее не шадятъ. Вечеру ведутъ ее въ покои Султана, гдѣ влезаетъ она, какъ говорятъ, на кроватъ съ ногъ, дабы шѣмъ больше показатъ почтенія. Одежда Сулпанова, и всѣ деньги, кои найдутся у него въ карманѣ, принадлежатъ ей; но сама она еще не Сулпанша: для получения сего имянн, надобно родить. Тогда даютъ ей особое жилище, служащихъ женщинъ, Евнуховъ, и довольные доходы, кои значаются ей изъ шоторой нибудь провинціи Государства.

Мнѣ не однажды сказывали въ Царѣ-градѣ, что обрядъ плашка уже не въ употребленіи; да думаютъ, что и никогда его не было. Другіе увѣряли, что дѣйствительно оной наблюдается, и сіе мнѣ споль повсемѣстно у Европейскихъ народовъ, что ежели и нѣтъ обыкновенія шеперь, то не можно почти сумнѣваться, чтобъ не было онаго вспарину.

Въ Сераль естъ два рода наперсницъ, *Одалски* и *Азаки*. Первыя одишь разъ шолько были удошноены допущенія въ Султанову постелю; а вторыя часно имѣли сію честь. Онѣ ходящъ въ покой его безъ всякаго зова, великую власнь имѣющъ при Дворѣ, и раздающъ милосши. Когда родящъ сына, Императоръ надѣваетъ имъ на голову корону, и велищъ поспавищъ балдахинъ въ ихъ покоѣ. Первая родившая наслѣдника имѣетъ чинъ великой Султанши. Доходы ея зависящъ ошь щедросши Государя, но ни одной нѣтъ, кошорая бы не имѣла по крайней мѣрѣ ста или полушораста тысячь рублей.

Султанъ Валиде, или *Султанша мать*, называется ша, коей сынъ возведенъ на престоль. Она лишается сего имени, когда онъ умираетъ, или низвергается. Валиде бывающъ шѣмъ въ большемъ уваженіи, что самъ Султанъ, въ силу закона, обязанъ ихъ почитащъ, даже что иногда безъ позволенія ихъ не можеть спать съ женщинами. Ежели случищся имъ пренебretchъ сіе правило, то оное принимаешся за явное къ матерямъ поруганіе, и между придворными вмѣняется за безчестіе. Валиде вмѣшивающъ въ правительствво, и ча-

сно совѣшуютъ съ Везиремъ и Муфтіемъ, имѣя всегда на головѣ и на лицѣ покрывало.

Наперсницы, ошь кошорыхъ Султанъ не имѣлъ дѣпей мужеска пола, получающъ иногда позволеніе, оставляющъ Сераль и выходящъ замужъ за Пашей. Въ семь намѣреніи собирающъ они богатстввы домоспроишельстввои своимъ и продажею Государственныхъ чиновъ. Для внѣшнихъ своихъ нуждъ употребляютъ *Жидовокъ*, коихъ допускающъ въ Сераль подъ предлогомъ леченія какой болѣзни и проч.

Мнѣ сказывали, что въ малолѣпствіе *Ахмета Перваго*, одна изъ шаковыхъ *Жидовокъ* пришла въ шакую милосщъ, что Везиръ чрезъ нее купилъ свое мѣсно, и что она учасщвовала въ выборѣ Муфтія, и другихъ минисщровъ. Сіе злоупотребленіе возбудило въ народѣ негодованіе. Янычары пребовали, чтобъ сія посредница была имъ выдана, угрожая разломатъ Серальскіе воропы, и выпашцищъ ее силою, естли добровольно не исполнящъ ихъ желанія. Буищъ пакъ возросъ, что принуждены были выдати имъ *Жидовку*. Бѣшеные Янычары раздѣли ея, сѣкли немилосердно, вопкнули ей зазженной факаль, и въ семь сосщояніи шаскали ея по всему городу. Попомъ разорвавъ шѣло ея по часщямъ, прибили онья у воропъ Минисщровъ, получившихъ чины свои чрезъ ея посредствво. Голова ея прибиша была надъ воропами Везиря, съ сею надписью: *вотъ голова, кошорая давала тебѣ совѣты*. Рука повѣшена у Муфтіева дома съ сими словами: *вотъ рука продасшая тебѣ твоей санъ*. Языкъ у дома *Станбул-Еффендія*, или великаго судьи Царградскаго, съ сими ругательнымъ изьясненіемъ:

вотъ языкъ, которымъ ты произнесъ многія несправедливыя рѣшенія! Ужасное смѣшеніе варварства, нахальства, и справедливости!

Повѣришь ли вы, что въ Сераля нѣтъ распорядженія наблюдающаго, какъ и въ правленіи Государства? Чины перваго Министра, Канцлера, Полицеймейстера и пр. имѣютъ главнѣйшія Султанскія. Въ Сераля челомя быютъ, судящъ, приговаривающъ, какъ въ городѣ. Посаженныя на сіи мѣста часто употребляютъ сирогость противъ своихъ соперницъ; и тогда обвиненныя прибѣгаютъ къ самовластію Султана. Безчестныя дѣла наказываются смертію. Виноватая кладется въ мѣшекъ, и бросається въ море. Начальницы быютъ и съгрупъ лозами за наималѣйшую прошибку. Мѣста наименѣе видныя, судя по наружности, но о коихъ наибольше женщины спараются, супъ спорожики, или надзирашельницы покоевыя, и оныя всегда почпи даются дѣвкамъ, кои превосходятъ прочихъ красою. Днемъ онѣ споятъ на караулъ у двери Султанскихъ покоевъ, а ночью спятъ на небольшихъ постеляхъ въ боковыхъ горницахъ. Сіи мѣста поному важны, что покидаютъ онѣ ихъ почпи всегда съ надеждою бытъ когда кибудь въ числѣ Султаншъ.

Но какіе бы чины ни имѣли сіи женщины, онѣ всѣ подъ властію евнуховъ и спарухъ, кои не оснавляютъ ихъ ни на минушу. Сіи послѣдніи называются *Кадуни*, и супъ надзирашельницы молодыхъ. Учатъ ихъ работатъ, спараются познаватъ ихъ нравы, дабы донести о томъ *Кадуни-Каиъ*, имѣющей властвъ и надъ ними и надъ ученицами. Кадуни обходящъ ввечеру всѣ спа-

ли, горницы и постели. Нѣтъ монахинь, копорыхъ бы такъ прилжно сперегли. Ежелибъ случилось, чтобъ примѣчено было нерадніе опъ нихъ или пошачка, евнухи спспавленные надъ спарухами и надъ молодыми, пошчасъ бы ихъ наказали, или бы донесли Султану.

Въ случающихся болѣзняхъ дѣвицамъ, помочъ подающъ женщины, кои ихъ мучатъ, развѣ самъ Султанъ пришлетъ дошпора. Но сей не можешъ ихъ видѣтъ, ни опъ нихъ бытъ видимъ. Ему не позволено и пульса у нихъ щупатъ инако, какъ чрезъ флеръ. Находящіяся въ покоѣ *Евнухи*, опворяющъ завѣсы, чтобъ полько рука могла пройши.

Сіи полу-люди возпалены, кажется, не укропимою ненавистію къ женщинамъ. Завидя наималѣйшимъ ихъ забавамъ, полько о томъ и помышляютъ, чтобъ разрушишь оныя своимъ присутствіемъ, и съ великимъ неудовольствіемъ позволяющъ имъ гулять по саду. Боспанжи по наималѣйшему данному опъ нихъ знаку, бѣгутъ къ спѣнамъ Сераля и поднимающъ превеликіе холстяные ширмы, спспавляя изъ оныхъ преграду между собою и женщинами. Нивогда Евнухи не бывающъ въ большемъ безпокойствѣ: они бѣгаютъ и пуда и сюда, какъ бѣшеные, крича и браня безпреспанно, по огородниковъ, по женщинъ, надъ коими ввѣрена имъ спража. Удаляютъ опъ нихъ всѣ предмѣты, могущіе разгорачишь ихъ воображеніе; заказываютъ имъ смотрѣтъ даже на нѣкоторыя крупныя плоды. Разсудите, Государыня моя, какое опвращеніе должны имѣтъ женщины къ такимъ чудовищамъ.

Еспьлибъ не боялся я васъ испужашь, попытался бы здѣлать начертаніе Евнуха; но довольно и того, что описалъ ихъ нравы, а прибавлю только, что еспь бѣлые и черные Евнухи. *Бѣлые* сперегушъ снаружи жилище Султаншъ. Начальникъ ихъ *Кали-ага* еспь какъ гофмейстеръ дворцовой, имѣющей въ своихъ повелѣніяхъ всѣхъ чиновныхъ. Особливо поручено ему смощрѣніе надъ бѣлыми Евнухами и Ичогланами. Ему вручаются челобитныя, подаваемые Султану. Одни только *черные евнухи*, да и между тѣми самые безобразнѣйшіе могутъ приближаться къ Одалискамъ. Начальникъ ихъ называется *Кизлар-ага*, (начальникъ дѣвицъ). Онъ великую власъ имѣетъ въ Сералѣ, а не рѣдко управляетъ и всею Имперією.

Подлѣ покоевъ Султаншъ находятся долги и узкіе сени, идущіе чрезъ все спроеіе, въ кошоромъ живутъ евнухи, прямо къ темницѣ брашъевъ, сыновъ, или родспвенниковъ Султанскихъ. Сія темница походитъ на крѣпость, и обнесена высокою стѣною, въ кошорой здѣланы двои двери, спрегомыя прилжно снаружи и внупри. Въ срединѣ еспь изрядной садъ, водометы, покои для Князей и для служащихъ имъ евнуховъ. Ничего не щадитъ для учиненія имъ заключенія сноснымъ. Съ давнаго уже времени смягчена спрогость, съ кошорою вспарину съ ними поспунаемо было: теперъ даютъ имъ и женщинъ для ихъ забавы. Правда, что сіи послѣднія не могутъ уже имѣть дѣшей по причинѣ лѣтъ своихъ, или пошому что прилжно спараются не допускашъ ихъ бытъ плодородными. Князья имѣютъ всякаго рода учипелей, и бывають поощряемы въ доспвиженію

совершенства во всѣхъ упражненіяхъ, приличныхъ ихъ соспоінію. Словомъ не доспаелъ имъ ничего кромѣ вольности. Свободу имѣютъ не только бывають въ главныхъ покояхъ большаго Серала, но иногда Султанъ беретъ ихъ съ собою въ увеселишельные дома, и сіи переѣзды бывъ для нихъ пріяшны, скрадывають опъ нихъ подлинное ихъ соспоіе.

Ншъ можетъ въ свѣтѣ города, гдѣ бы порядокъ наблюдался съ шакою почностию, какъ при семь дворѣ. Подчиненные всѣ вообще имѣютъ великое почпеніе къ начальникамъ, кои сами даютъ имъ въ помъ примѣръ. Повиновеніе ихъ слѣпо, а наказаніи жестоки и скоры. Въ семь безчисленномъ множествѣ людей разнаго пола и всякаго рода, царспвуетъ столь великая пищина, что можно уподобитъ сіе жилище, что касается до спокойствія, монастырямъ, въ кошорыхъ наблюдается наиспрожайшее безмолвіе. Таково еспь иочпеніе оказываемое къ повелителю, предъ кошорымъ наиглавнѣйшіе чиновники не смѣютъ даже глазъ возвести, а споятъ пошупя взоръ въ землю.

Сверхъ женщинъ, коихъ Султанъ содержитъ для ушѣхъ своихъ, еспь еще въ Сералѣ для службы его множество молодыхъ пажей. Называютъ ихъ *Ичогланами*, пошому что вспарину избирались они изъ дѣшей, присылаемыхъ изъ провинцій вмѣсто подаши, или изъ молодыхъ плѣнниковъ, взятыхъ на войнѣ. Теперъ наибольше берутъ ихъ изъ Турковъ, и еспь много пашихъ, кои ищутъ сего мѣста для дѣшей своихъ, плаща за то деньги. Прежде принятія ихъ представляются они Императору, кошорой повелѣваетъ ихъ спрого

осматривать. Надобно, чпобъ они были спройны и имѣли видъ приапнои. Находясь они подъ надзираемъ бѣлыхъ Евнуховъ, копорые поспуають съ ними съ крайнею суровосію, учають ихъ разнымъ языкамъ и упражненіямъ, и за наималѣйшую ошибку наказываютъ палками.

Ичогланы, не имѣющіе способности, или немогущіе снести поливкой суровоси, ошдаются въ корпусъ Спаговъ, гдѣ по смерть свою остаются рядовыми: а шѣ, кои опличаются способностію къ ученію и перпѣливосію къ побоямъ, занимають первыя мѣста въ Сераля, и напоследокъ въ Имперіи.

Робяшы, коихъ Турки полоняють на войнѣ, или коихъ владѣльцы, даники Сулпановы должны присылать, ошдаются въ сады, и называются *Азамогланы* или *деревенскіе дѣти*. Они не доходяють до чиновъ, какъ Ичогланы. Когда доспидаютъ до возраста, въ копоромъ могутъ носить ружье, помѣщаются въ корпусъ Янычарь: въ чемъ и замыкаются вся ихъ надежда. Одинъ только *Бостанжи-Баши*, или начальникъ Азамаглановъ, можетъ по должности чина своего ожидать всѣхъ доспоинствъ. Когда Сулпанъ желаетъ веселиться рыбною ловлею, или гуляніемъ, не бывъ принужденъ проѣзжать Царградскія улицы, онъ выходитъ чрезъ садъ, и садится въ шлюпку, копорую Бостанжи-Баши имѣеть въ гошовности, и на копорой долженъ онъ править рулемъ. Сии шлюпки, или родъ галіюша, идушь всегда на греблѣ, а гребцы на нихъ Азамогланы. Всякой разъ, когда въ греблѣ изломають весло, получаютъ награжденіе: почему и не упущаютъ брашь предоспорожно-

спи, чпобъ веслы не долго сопротивлялись ихъ усилію.

Между шѣмъ, какъ Сулпанъ окруженной полною Евнуховъ и Ичоглановъ, веселился поощреніемъ сихъ искусныхъ гребцовъ, Бостанжи-Баши одинъ имѣеть право сидѣть передъ нимъ для управления судномъ. Сей чиновникъ обязанъ по должности своей допрашивать плѣнныхъ, вывѣдывать ошъ нихъ способомъ пытки, скрываемыя шайны, и предавать казни осужденныхъ на смерть. Тюрмы, въ коихъ онъ заключаетъ виноватыхъ, называются *Пети*. Казнь дѣлается на дворахъ или въ садахъ Сераля; и при каждомъ опсѣченіи головы, паляють одинъ разъ изъ пушки, дабы дать знать народу, что чинится правосудіе.

Сверхъ садовниковъ Серальскихъ выбираютъ изъ корпуса Азамоглановъ, придворные *Повара*. Ошъ прочихъ служилелей различаются они бѣлыми колпачками. Работаютъ они начинаютъ предъ свѣтомъ, пошому чшо Сулпанъ иногда встаетъ очень рано, и можетъ случиться, чшо захочется ему ѣсть прежде назначеннаго къ шому времени.

Зимою и лѣпомъ обѣдаетъ онъ въ десять, а ужинаетъ въ шесть часовъ. Когда почувсвуетъ голодь, дается пошчасъ знать начальнику поваренъ, а сей посылаетъ повелѣніи подчиненнымъ; блюда же ставитъ онъ одинъ на Сулпанской споль. Сей государь садится поджавъ подъ себя ноги. На колѣни ему владуть полошнцо для покрывія плашья, а другое на лѣвое плечо для опиранія рукъ. Мяса не рѣжутъ, онъ самъ его беретъ и раздираетъ руками. Споль его соспоитъ изъ куска сафьяна, ко-

порой служить вмѣсто скаперши. На оной кладуть при или чепыре рода хлѣба всегда свѣжаго, и полько чпо вынятаго изъ печи, копорой Турки очень любящъ. Не упошребляешъ онъ ни вилокъ, ни ножа, а полько двѣ деревянные ложки, изъ коихъ одна служить для похлѣбокъ, а другая для разныхъ пипій соспавленныхъ изъ сахару и соку плодовъ. Онъ допрогиваешся до всваго кушанья, а какъ переспанешъ ѣшъ, шо блюдо шоичасъ снимаешся. Всякое мясо шакъ разварено и пригошвлено хорошо, чпо не имѣешъ онъ нужды, кромѣ пальцевъ, для ондѣленія его опъ костей. Обыкновенно споль соспоишъ изъ варенаго и жаренаго мяса, но подъ разными видами. Не жальюшъ ни соусовъ ни другихъ приправъ для учиненія кушанья припнымъ. Супы или похлѣбки шакже въ великомъ числѣ и различны. Дессершъ соспоишъ въ пирожномъ и заѣдкахъ.

Опобѣдавъ пѣешъ онъ чашу шербепа, копорую подносптъ ему одинъ Ага, и рѣдко пѣешъ за споломъ больше одного раза. Пока сидишъ, около его царшвуешъ глубокое молчаніе. Въ Турецкой землѣ ешъ пословица: *Слова идуть за мясомъ*. Пропивъ него споишъ куча *Карловъ* и *Нѣмыхъ*, увеселяющихъ его шупниками и спранными шѣлдвиженіями. Когда случается ему вымолвишъ слово или два; шо сіе не инако бываешъ, какъ ежели захочешся ему бросишъ хлѣбъ со спола, копорому нибудъ изъ предстоящихъ чиновниковъ: чпо почишаешся за великую милоспъ. Получившій дѣлишъ хлѣбъ съ своими поварищами, кои принимаютъ его съ великимъ почпеніемъ, какъ наивеличайшій знакъ опмѣны.

Вся посуда на споль Сулпана въ обыкновенное время бываешъ золошая; но въ Рамазанъ ѣсптъ онъ на желшомъ фарфорѣ, копорой почишаешся здѣсь за наидрагоценнѣйшій. Въ сей поспъ ѣсптъ онъ одинажды, какъ и всѣ Турки: но пища его не перемѣняешся. Рыбу рѣдко ему подаюшъ, а случается сіе иногда, когда онъ забавляетъ рыбною ловлею, и самъ поймаешъ. Было много Сулпановъ, копорые безъ зазрѣнія совѣспи пили вино: но нѣшъ ни одного, копорой бы нарушилъ законъ запрещающій ѣсптъ свинью.

Кушанье оставшееся послѣ Сулпанова спола оншосишся на споль чиновниковъ, шакъ чпо сей прибавокъ къ ихъ собспвенному обѣду, соспавляетъ имъ избыточной споль. Между шѣмъ какъ они ѣдяшъ, Сулпанъ веселишся съ шупами, но не инако съ ними изъясняешся, какъ черезъ знаки. Сулпанши ѣдяшъ въ поже самое время. Иногда угощаюшъ онѣ его съ великимъ изобиліемъ и вкусомъ. Посуды иной имъ не даюшъ, какъ бѣлую фарфоровую: но вольно имъ доспавашъ золошую и серебряную, когда хошяшъ положишъ на шо свое иждивеніе.

Нѣмые, о копорыхъ я выше говорилъ, соспавляюшъ особой родъ слугъ. Изъ нихъ нѣкопорые спояшъ всегда въ перьвыхъ покояхъ, дабы въ гошпвноспи бышъ для исполненія повелѣній Государевыхъ. Упошребляюшъ ихъ для всѣхъ шакowychъ исполненій въ Сералѣ. Они даюшъ себя выразумѣвашъ знаками споль ясно, чпо поняшъ можно всѣ ихъ мысли и рассказываюшъ цѣлыя испоріи со всѣми обспояшельспвами. Для ночнаго времени изобрѣли они

особой языкъ, состоящей въ одномъ полку прикосновеніи рукъ.

Сверхъ упомянутыхъ мною двухъ Сералей, былъ еще не далеко отъ Царяграда, Султанской домъ, называемой *Сади-Абатъ*, и Турки онымъ обязаны, сказываютъ, Французамъ. Въ 1722 году *Мегеметъ Еффенди* возвращаясь изъ посольства своего изъ Франціи, съ такимъ удивленіемъ рассказывалъ Везиру о увеселительныхъ домахъ Короля Французскаго, что сей Министръ возымѣлъ желаніе построить подобной для Султана, въ долину лежащей между горами и орошаемой рѣчкою впадающей въ порты: но все сіе строеніе разорено во время бунта въ 1730 году: а теперь наилучшей увеселительной домъ строитъ на каналѣ, и называется *Безикташъ*.

Осмотрѣвъ какъ построенные у сладкихъ водъ, такъ и по каналу, и другіе въ окружности Царяграда лежащіе дворцы, возвратились мы въ городъ, гдѣ осмалось еще множество мѣстъ достойныхъ нашего любопытства: какъ между прочими *Едикуль*, *Водоводъ Солмановъ* и *большой Базаръ*.

Едикуль есть пость славной семибашенной замокъ, въ которомъ Султанъ заключаетъ Принцовъ своей крови, Министровъ, Государственныхъ преступниковъ, а иногда и чужестранныхъ посланниковъ. Онъ лежитъ наискось отъ Серала близъ угла города обращеннаго на западъ. Семь башенъ окруженныхъ полными стѣнами, и защищаемыхъ пушками, составляютъ сію тюрьму; а прежде были онъ частію золотыхъ воротъ, такъ называемыхъ по причинѣ позолоты и украшеній. Сіи ворота на-

ходятся теперь близъ ведущихъ въ Едикуль. Турки ихъ заклали и испортили барельефы: но я видѣлъ еще слѣды оныхъ, хопя и покрыты они замазкою. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ снаружи нашли мы два превеликіе барельефа изъ благаго мрамора. Одинъ кажется представляеть Аврору идущую съ факаломъ будить молодого Цефела: другой девять музъ, близъ коихъ стоитъ конь Пегазъ. Оба они нѣжно выработаны и совершенной красоты.

Мы шли нѣсколько времени вдоль стѣны до дворца Константина великаго, извѣстнаго подъ именемъ *Блакеры*. Теперь оной не иное что, какъ развалины и оспавки стѣны, немогутъ дать ни малаго понятія о зданіи. Показали намъ также нѣсколько столбовъ мраморныхъ Коринтскаго ордена, но у которыхъ Турки отбили капишеля.

Въ изчисленіи зданій сей столицы не долженъ я забыть казармъ построенныхъ для Янычаръ, жилищъ для припасовъ городскихъ, большае пяти сотъ школъ для обученія юношества, чепырехъ сотъ караван-сераевъ, или постоянныхъ дворовъ для чужестранныхъ, прехъ или чепырехъ сотъ мечетей большихъ и малыхъ, водоемовъ, водоводовъ, бань, и множеству другихъ зданій посвященныхъ народной выгодѣ. Турки будучи скупы въ строеніи собственныхъ домовъ, распочають иждивеніи на народныя зданія.

Водоводъ снабжающей водою всѣ части города, былъ бы наипервымъ онаго украшеніемъ, ежелибъ прилагали больше попеченія для его починки и содержанія. Не могу я понять причины сего нераднія Турковъ: ибо сверхъ

приносимой великой пользы опъ водовода, копорого вода шекла въ девять сотъ сорокъ семь водомешовъ, построень онъ однимъ изъ ихъ Государей, великимъ Солиманомъ; и презрѣніе къ работъ рукъ Христіанскихъ не можеть служишь предлогомъ къ запущенію и паденію сего зданія.

Базаръ или *Безестень* естъ вещь зрѣнія достпойная по причинѣ великаго множества спекающагося въ него народа. Золошари, Алмазщики, купцы парчей, имѣющъ лавки въ разныхъ часпяхъ сего покрыпаго рынка. Продающся въ немъ разныя и дорогія вещи: а когда рынокъ освѣщенъ бываесть, какъ на примѣръ по ночамъ во время Рамазана, видъ его весьма пріятень. Близъ Безестеня видѣли мы *рынокъ*, гдѣ продающъ невольниковъ обоого пола: по спаранію жидовъ и разбойниковъ варварскихъ симъ товаромъ Царьградъ всегда изобилуесть. Турки ходящъ шуда покупащъ муштинъ, женщинъ, дѣвокъ, робящъ, но никогда не полагающся на слова продавца. Я видѣлъ самъ, чшо нѣсколько разъ раздѣвали одну и не очень пригожую Грузинку, въ цѣнѣ копорой купцы не могли согласишься. Она спаралась однакожь сама выспавлящъ себя, и словами привлекала шѣхъ, кого прелеспи ея привлечь къ ней не могли.

Продажа невольницъ естъ шакая шорговля, чшо наизнапнѣйшія Турецкія госпожи не спыдящся въ оной учаспвовашъ. Онѣ покупающъ маленькихъ дѣвочекъ и сами ихъ воспитывающъ. Учащъ ихъ пѣщъ, игращъ на инструментахъ, съ пріятностію казашъся, и дѣлающъ изъ нихъ прелеспныхъ женщинъ.

Сколь бы ни приманчивы были ихъ разговоры, споищъ полько имъ показашъся; глаза, ухватки, все въ нихъ возбуждаесть къ любви.

Я есмь и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobryniowa-Duże
pow. Białystok
Nr. _____

ПИСЬМО XIV.

Продолженіе Турціи.

Вы можете быть удивилесь, Государыня моя, что съ самаго нашего приѣзда въ Царьградъ ни слова я еще не сказала о нашемъ Послѣ. Онъ узнавъ, что мы имѣли желаніе прожить нѣсколько времени въ Турецкой землѣ, и объѣхавъ главнѣйшія обласни сей Имперіи, совѣтовалъ намъ воспользоваться опиравленіемъ двухтысячнаго корпуса Янычаръ, посылаемыхъ къ Пашѣ города Багдада, которой Персіане угрожали осадою. Мнѣ знакомъ, говорилъ онъ, начальникъ сего корпуса, и я надѣюсь, что по прозвѣ моей будетъ онъ къ вамъ имѣть уваженіе. Сіе предложеніе насъ обрадовало; пошуму, что сколь ни велико было наше желаніе увидѣть сію часть Азіи, боялися мы опасносней въ дорогѣ. Во всякой войнѣ продолжаемой съ Персіею, вся сія спрана подвергается разоренію военныхъ людей идущихъ изъ Цариграда въ Багдадъ. Жители принуждены оставили города и деревни, вооружаясь для защищенія отъ войска, и живутъ равно, какъ и оное, грабежемъ. Опиравленіе Янычаръ споль было намъ полезно, что мы не упустили воспользоваться онымъ. Посоль говорилъ о томъ въ шопъ же самой день съ ихъ начальникомъ: офицеръ далъ намъ также письма къ друзьямъ своимъ въ Багдадъ, и препоручилъ насъ главнымъ офицерамъ корпуса.

Въ день назначенной къ отъѣзду, переправились мы нѣсколько часовъ передъ войскомъ, въ городъ *Скутари*, которой желали осмошрѣть,

и гдѣ Янычары имѣли повелѣніе собираться. Вѣхали мы по каналу мимо *башни Леандровой*, названной, по мнѣнію нѣкошорыхъ, отъ имени Леандра, извѣснаго своимъ ушопленіемъ, описаннымъ Греческими спихопворцами. Турки же именуютъ ее *Двенъею башнею*, и сказываютъ, что заключена въ ней была одна Греческая Царевна за не приспойное поведеніе; что и походитъ болѣе на правду, ибо Леандръ ушопуль между *Сестонъ* и *Абидомъ*, коими имянами и по сю пору называются двѣ проливовлежачія крѣпости Дарданельскія при Бѣломъ морѣ. Башня заслуживаетъ примѣчаніе однимъ шолько колодеземъ прѣсной воды, посвященнымъ можете быть шѣни злополучнаго любовника *Героны*. Мы въ памянь ему напились воды, и мнѣ пришли при семъ случаѣ на мысль водометъ Воклюзской, и любовь Пешархова.

Напропивъ Семибашеннаго замка лежатъ оспашки древняго *Халкидона*. Сей городъ славнои чешвершымъ Вселенскимъ Соборомъ, нынѣ естъ небольшая деревня. Мы нѣсколько разъ въ оной были, и не нашли другаго удовольствія кромѣ гулянья: съ пріяшностію однако приводили себѣ на памянь, что въ семь мѣспѣ, гдѣ и по нынѣ стоишь церковь, въ которой сходился соборъ, рѣшенъ былъ вопросъ о двухъ еспешвахъ Исуса Христа.

Скутари взаимспвуютъ отъ великолѣпія споилицы, у которой лежатъ въ сосѣдствѣ. Древніе Короли Илирійскіе имѣли здѣсь свой дворъ: въ городѣ находяшси великолѣпныя мечети, и мраморныя гробницы осаженыя кипарисими.

Войско отправилось на другой день из Скушари. Начальник онаго называемой Магометъ Ага, оказывалъ къ намъ всякое уваженіе: что чинили и прочіе офицеры. Мусульманы имѣютъ родъ свяшаго почтенія къ своимъ сопутникамъ; право госпепрѣимства у нихъ не нарушимо и божественно. Мы слѣдовали по морскому берегу до не большой деревни, къ копорой прибыли на прешей день. Я поѣхалъ на передъ съ Малшійскимъ Кавалеромъ и чепырьмя Янычарами въ *Исмида*: ибо докторъ нашъ оспался боленъ въ Царьградъ.

Исмида, древняя *Никомидія*, лежитъ на опложинъ горы, при краѣ залива, проспирающагося въ Азію. Онъ былъ построень, *Никомедомъ*, Царемъ Виѣиніи, союзниковъ Римскимъ. Близъ сего города, *Аннибалъ* избѣжавъ всѣ спавленныя ему сѣщи, избралъ свое убѣжище у Царя *Прузіаса*; но опасаясь, чпобъ онъ его не выдалъ Римлянамъ, того прѣбующимъ, отправилъ себя ядомъ.

Никомидія была изъ первыхъ городовъ принявшихъ Христіанской законъ, и учинилась еще славнѣйшею по множеству мучениковъ пролившихъ въ ней кровь свою на защищеніе вѣры. *Константинъ великій* умеръ въ семь городъ. Нынѣ не имѣетъ онъ ничего опмѣннаго кромѣ названія столицы своей провинціи. Земля довольно изобильна хлѣбомъ, сосѣдніе лѣса доставляютъ ей много, дровъ коими жипели шоргуютъ.

Мы воспользовались взятымъ у войска передомъ и доѣхали до самаго *Исмика*, переправясь чрезъ рѣку *Сангарію* или *Сангаръ* древнихъ. *Исмикъ*, или *Никія*, сперва называлась

Антигонією, по имени основателя своего *Антигона*. *Лизимахъ* назвалъ ее *Никією* въ угодность женѣ своей дочери *Антипапровой*, копорой имя было *Никія*. Славилась она не однимъ только великолѣпьемъ и величиною: но больше тѣмъ, что держаны въ ней были два Вселенскіе Собора, одинъ при Императорѣ *Константинѣ*, другой при первосвященствѣ *Адриана перьваго*. Здѣсь была побѣждена и изпреблена, собранными изъ всего Христіанскаго міра Архіереями, *Аріева Ересь*. Жипели, хопя и Магометане по большой часпи, съ почтеніемъ говорятъ о семь важномъ соборѣ: но не споль объ немъ высокія имѣютъ мысли, какъ Христіане; ибо думаютъ, что соспавленъ былъ соборъ изъ однихъ монаховъ. Въ *Исмикѣ* есть спаринная Греческая церковь, довольно изрядная, копорую Турки преврапили въ мечеть. Главной поргъ сего города соспоятъ въ муравленой посудѣ, и въ рыбѣ ловащейся въ ближнемъ озерѣ.

Мы дождались Янычаръ въ *Боли*, столицѣ не большого округа *Наполи*, день ѣзды отъ *Никіи*. *Боли* окруженъ высокими горами, поккрытыми сосновыми и плодоносными деревьями, и лежитъ въ прекрасной долинѣ на берегу изобилующаго рыбою озера. Жипели показали намъ два водоема, каменной и деревянной. Они говорятъ, что вода перьваго окаменѣлыми дѣлаетъ вещи, а втораго разводитъ камень. Ежели епо правда, шо только и есть любопытнаго въ городѣ: однакожь справедливостъ словъ ихъ не весьма вѣрна.

Всего больше удивляло меня во всей Турецкой землѣ, что нынѣ ни бродягъ, ни ни-

щихъ по улицамъ, какъ во Франціи. Милосердіе къ бѣднымъ повелѣнное въ Алкоранѣ, равно какъ и въ Евангеліи, естъ добродѣтель гораздо въ большемъ употребленіи у Магомешанъ, нежели между Христіанами. Сверхъ особеннаго подаенія милоспины, здѣсь въ обычаѣ изощають немалыя суммы на полезныя заведенія, на починку дорогъ, на построеніе водохранилищъ для народной выгоды, на мосты, на больницы, на поспоялые дворы, бани, и на мечети. Кпо не такъ богаты, чпобъ могъ взять на себя сооруженіе паковыхъ великихъ зданій, шопъ принимаель въ часпъ другихъ милосердіе любящихъ людей. Въ деревняхъ на большихъ дорогахъ мужики спавяють передъ домами кружки съ водою для прохожихъ: другіе дѣлають по дорогамъ бесѣдки изъ вѣшвей, и дожидаются въ большіе жары пунешеспвующихъ, дабы ихъ уподчивають и упоить. Богатые ходяють въ пюрмы для изкупленія сидящихъ за долги: съ паковымъ же раченіемъ помогають бѣднымъ спыдящимся просипъ милоспины, семьямъ разореннымъ пожарами, коихъ всѣхъ состояніе поправляють подаеніемъ, и кои для шого спановяются при дверяхъ мечетей. Всего похвальнѣе шо, чпо Турки оказываютъ сію добродѣтель ко всѣмъ, не разбирая вѣры. Христіане и жида пользуются симъ подаеніемъ наравнѣ съ Магомешанами.

Сіе сожалѣніе проспираелься у нихъ даже и къ самымъ скотамъ. Собакъ кормяють они по улицамъ и на перекресткахъ: спелюють соломѣ, дабы не жеспко было имъ спать, а часпо дѣлають и канурки, чпобы не шерпѣли они опъ дожда и непогоды. Во многихъ городахъ

естъ заведеніе для пропитанія сихъ живошпныхъ. Иные дають мясникамъ и хлѣбникамъ по недѣлю и по мѣсячно деньги, чпобъ они ихъ кормили. Часпо видно сихъ послѣднихъ въ извѣспные часы, окруженныхъ собаками, и раздѣляющихъ куски хлѣба и мяса. Турки почишяють ихъ однакожь въ числѣ нечиспныхъ живошпныхъ, и еспшли собака на нихъ бросиелься, они думають, чпо осквернились, и обязаны омыться. Они отсторониваются опъ бѣгущей по улицѣ собаки, какъ мы опъ вырвавшейся лошади.

Въ Турціи, такъ же какъ и въ Египтѣ, любяють очень кошекъ, по причинѣ ихъ пользы, или можеють бышь пошому, чпо *Магометъ* ихъ любилъ смерпельно. Говоряють, чпо сей пророкъ однажды имѣя нужду вспасть съ мѣспа, опрѣзаль полу у плашня, на кошпкой лежала его кошка, дабы не помѣшались ей покоишься. Они почишяють такъ же за прислугу предъ Богомъ, даваль волю ппицамъ. Нѣкоторые ходяють во всякой шорговой день на рынокъ, покупають ихъ сошнями, и выпускають. Тоже самое правило обязываетъ ихъ поливать деревья и правы высохшія, кои на дорогѣ имъ попадутся, копать около произрасптъннй землю, чпобъ они больше соговъ изъ нея получали. Одинъ Сулпанъ увидя дерево, кошпое показалось ему подобнымъ дервишу, опредѣлилъ небольшой доходъ на его содержаніе.

Мы продолжали пупъ нашъ чрезъ *Гереди*, небольшую слободу извѣспную по ея сафьянамъ, и *Тузю* малой городъ, населенной одними почпи Усларями и Кожевниками. Мы пробыли

пусть при дни, дожидаясь опшавших на дороге Янычарь.

Первое примѣчанія доспойное мѣсто, въ копоромъ оспановились мы по выѣздѣ изъ Наполи, еспь *Амазія* въ провинціи *Сиваской* или *Туркомани*. Думающъ, что получилъ городъ сіе имя опъ одной Княжны имъ владѣвшей. Амазія лежишь въ долину окруженной холмами и очень высокими горами. Дома въ ней лучше Цареградскихъ; но народныя зданія не споль огромны и богаты. Воздухъ сухой и здоровой, жишели разумны и учпивы, земля изобильна плодами, хлѣбомъ и виноградомъ. Всѣ поля покрышы садами и огородами, чинящими пребываніе въ городѣ припнымъ. Намъ показывали дорогу высьченную въ камнѣ въ одной ближней горѣ. Сія работа споиля великихъ спрудовъ. Вопъ что рассказывающъ объ ней въ сей землѣ!

Одинъ человекъ чрезвычайной силы называемой *Ферга*, влюбясь въ нѣкую Княжну по имени *Хирину*, живущую въ Амазіи, предпріялъ въ угодность ея прорѣзать горы, и провести симъ способомъ воду въ городъ. Онъ ничего не щадилъ для окончанія работы, и уже много оной сдѣлалъ, какъ узналъ, что любовница предпочла ему одного соперника. Тогда въ опчаяніи разбилъ себѣ голову дубиною, приобрѣтя пѣмъ больше славы, нежели *Геркулесъ*, копорой промѣнялъ свою палицу на верешено, и пралъ, дабы понравиться любовницѣ. *Страбонъ*, искусной Географъ и разсудительной Испоріописатель родился въ Амазіи. Сей городъ часто бывалъ удѣломъ спаршихъ сыновъ Сулпанскихъ.

На дорогу ведущей оптуда въ *Токаль*, другой городъ Сиваской провинціи, увидѣли мы многія шайки разбойниковъ убѣгающихъ съ спременіемъ въ горы. Янычары наши гонялись за ними, и схвапья нѣкопорыхъ, принудили опкрышь свое убѣжище; подземные погреба, въ копорыхъ сохранялось ихъ пропитаніе, разграбили, и не прежде ихъ самихъ оппустили, какъ когда уже нѣчего было взять. Топашъ еспь немалой городъ, опкрышой со всѣхъ споронъ, но защищаемой крѣпостию построеною на крупной горѣ. Онъ многолюднѣе всѣхъ городовъ сей провинціи. Торговля въ немъ въ цѣпущемъ соспоянніи. Великую прибыль приносятъ ему Индейскія полошны, привозимыя чрезъ Аравию, и мѣдная посуда, копорая въ немъ дѣлаешя.

Проѣхавъ многія горы покрывыя сосновымъ лѣсомъ, и понеся великое безпокойспвіе, прибыли мы въ *Сивасъ*. У меня было письмо къ Пашѣ, копорой учпиво насъ принялъ, и не позволилъ, чтообъ мы жили въ другомъ домѣ, вромѣ его. Онъ пригласилъ пакже начальника Янычаровъ за свой споль. Послѣ обѣда ошавилъ онъ насъ и пошолъ къ женамъ своимъ, а я между пѣмъ разговаривалъ съ начальникомъ о чрезмѣрной власти Пашей въ ихъ Губерніяхъ. Правда, что подвержены они великимъ несчспіямъ, и что Сулпанъ гордо поступаешъ, когда пишешъ къ нимъ, или говоришь съ ними. Иногда дѣлаешъ онъ себѣ забаву изъ того, что унижаешъ ихъ наиподлѣйшими поруганіями, и случается, что приказываешъ ихъ бишь палками. Какоебъ повелѣніе ни наслалъ, должны они шопчасъ повиновашья, или опважишь себя

на вѣрную смерть. Какъ большая часть сихъ правителей принуждены покупать свои чины, и удерживающа въ нихъ подарками, по и награждающъ убийски свои наимилосерднѣйшими взятками. Сии безчинствы нѣкоторымъ образомъ терпимы. Единственнаго на нихъ средства есть опинуть у виноватаго собранна имъ сокровища: что дѣлается двумя образами. При смерти захватывается наследство, какъ принадлежащее Султану; при жизни, опинивается у нихъ должность, забирается все золото, серебро, драгоценныя вещи, невольники, и вообще все имѣніе. Сии скороспѣвые перевороты никого не удивляютъ, потому что здѣсь къ нимъ привыкли. Извѣстно всѣмъ, что порода не даетъ права къ великимъ чинамъ. Почему Турки и не говорятъ никогда о своихъ предкахъ, развѣ доидеть случай привести на память ихъ заслуги; что рѣдко удается. Но несчастіе подобное тому, какое претерпѣли ихъ опцы, можетъ возвести ихъ на высшія степени. Тогда прильпаятся они къ собранна имуществу, и къ сохраненію части онаго опъ завистливыхъ. Сіе служитъ имъ спасеніемъ въ кораблекрушеніи; претерпѣваемомъ на столь бурномъ морѣ. Сіе приводитъ ихъ также въ нужду дѣлать несправедливости и насильствія. Продажа чиновъ, и деньги пребуемая покровителями подъ именемъ подарковъ, извиняющъ ихъ и оправдываютъ.

Каждой Паша или правитель имѣетъ прехъ помощниковъ, муфтия, секретаря, и казначея. Послѣдній принимаетъ подачи, и дѣлаетъ плащеть войску; секретарь опправляетъ повелѣнія, и должность Канцлера. Власъ правителя

столь велика не только въ его провинціи, но и внѣ оной, что вездѣ, гдѣ онъ находится, повелѣваетъ какъ Государь, и наказываетъ смертью.

Мы пробывли два дни въ Сивасѣ. Я пользовался симъ временемъ для осмотра города и его окружности. Ни по богатству, ни по величинѣ, не значить онъ ничего. Спѣны, коими встарину былъ окруженъ, совсѣмъ развалились. По соседству съ Аравією приѣзжаютъ въ него караваны идущіе изъ Багдада въ Царь-Градъ.

Во время пребыванія нашего въ Сивасѣ видѣли мы странное наказаніе. Одинъ хлѣбникъ за продажу хлѣба ненадлежащаго вѣса, былъ прибитъ гвоздемъ за ухо къ двери своего дома цѣлые сутки. Турки чрезвычайное прилагаютъ стараніе, чтобы вещи нужныя для пропитанія были въ изобиліи и не дороги. У нихъ есть особой чиновникъ, которому поручено сохранять доброй порядокъ въ Безеспенѣ и бдѣть надъ доброю вѣрою въ торговлѣ.

Нѣтъ указа Императорскаго, которымъ бы мастера шелковыхъ матерій были сокуплены въ цехи; хотя и есть въ Царь-градѣ многочисленныя обществы имѣющія свои права и чиновниковъ наблюдающихъ порядокъ. Сии мастера слѣпо подражаютъ чужестраннымъ штофамъ; вкусъ покупающихъ служитъ у нихъ за правило для широты и выбору шелковъ, цвѣтовъ и рисунка. Всякой дѣлаетъ то, чѣмъ надѣется скорѣе продать товаръ. Правленіе позволяеть равно чужестранцамъ, какъ и своимъ, дѣлать и продавать въ Безеспенѣ и въ другихъ мѣстахъ все, что кто хочетъ не принуждая по-

купать привилегій, и вслушаться въ общество купцовъ. Сія вольность всегда была подтверждена наиразумнѣйшими Везирами; а народъ шѣмъ больше спарается ее сохранить, чю она ему прибыточна.

На продающихъ подложную позолоту, когда купецъ шребуецъ истиннаго золота, учреждена казнь; пошому чю нѣтъ шакого значока, кошорой бы не могъ быть обмануть. Продавецъ долженъ шавже вѣрно мѣрять на аршины, и не продаватъ шпофу одной доброты за другую, поддѣланныхъ цѣшповъ за настоящие: онъ принужденъ бываетъ взять назадъ шоварь въ силу закона Алкорана, кошорой говоритъ, чю всякая обманчивая продажа ешъ ничшо. Турки почишаюшъ нужными шольво двухъ надзирашелей въ шорговль: однихъ для опшданія правосудія жшшелямъ, не умѣющимъ разпознашъ недоспашка въ шоварь, другихъ для возпрещенія подданнымъ Султану употребляшъ заказанные шовары. Они въ первой разъ довольшвуются изрѣзаніемъ въ куски заповѣднаго плащя, угрожая сосланиемъ на галеры въ случаѣ шпоричнаго прешупленія. Въ домахъ всякой одѣвается какъ хочешъ, но внѣ оныхъ должно наблюдать предписаніе. Государь не запрещаешъ ввозишъ чужештранныхъ шпофовъ, кошорые плащяшъ великую пошлину, и въ шомъ состоишъ его прибыль: но упошребляюшъ ихъ впайнѣ, повинуясь закону. Симъ учрежденіемъ довольны и Государь и подданные.

Здѣсь, какъ у насъ, художники и масшеровые раздѣлены на цехи. Плосникъ не можешъ работашъ, чю дѣлаешъ каменщикъ; шюляръ, чю дѣлаешъ плосникъ, не подвергая себя

наказанію. Христіанамъ запрещено въ Царь-Градѣ лудишъ посуду подъ опѣшченіемъ руки.

Чиовникамъ полицейскимъ поручено шпрѣшъ во всехъ городахъ надъ мѣрами и вѣсомъ. На рынокъ можно послашъ робенка, не опасаясь, чшобъ его обманули. Иногда помянутые надзирашели нарочно ошпанавливаюшъ дшшвшшаго, и шмошрять качество и вѣсъ вещей ему проданныхъ, и ежели примѣняшъ, чю его обманули, шюмчасъ осуждаюшъ купца на денежной шштрафъ, или на палочное наказание, а часто и на шю и на другое. Законъ говоритъ: кто даешъ одною луковицею меньше, получишъ прищпанъ ударовъ палкою по пятамъ. Иногда кладушъ на шѣю обманушшему продавцу доску вырѣзанную съ колокольчиками, и водятъ его по городу; а когда онъ попросишъ позволенія опдохнушъ, принужденъ бываетъ платишъ нѣкошорое число денегъ. Такимъ же образомъ наказываюшъ лѣкарей, кои по незнашю своей науки моришъ больныхъ. Звукъ ошъ колокольчиковъ предостерегаешъ прохожихъ не вѣрять жизни своей людямъ, кои спараются оную сократишъ.

Сія предосторожность шѣмъ нужнѣе, чю ничего чаще не бываетъ въ Турціи бродятъ хвалящихся, чю умѣюшъ лѣчишъ всѣ болѣзни лѣкаршвами, кои сами изобрѣшаюшъ, или ошъ своей братьи перенимаюшъ. Одна Италіанка, кошорая мѣшалась пакже въ лѣчение больныхъ, была позвана къ женѣ одного Пашы. Она предложила пошнавишъ клешпирь: и какъ Турки не слыхивали о семъ лѣкаршвѣ, женщины шюлящія около постели своей госпожи, спрашивали, чю шакое? Италіанка шюлковала имъ,

сколь могла, о шприцѣ и о его употребленіи. Сія женщины зачали хохотать, когда окончила она описаніе: но просили однако, чѣмъ принесла его на другой день. Лѣкарство показалось имъ справно, и слѣдовательно подозрительно: почему и сомасидись онѣ, съ позволенія госпожи, здѣлать опытъ надъ шюю, которая его предлагала. Ишалиянка, предвидя, чѣмъ больная не скоро рѣшиши принять его, налила въ шприцъ составъ весьма горлчей. Когда вошла она въ покой, невольницы обступили ее, дабы увидѣть сіе неизвѣстное имъ орудіе. Она показала имъ какъ его употреблять, и какъ они уже переняли съ нимъ обходиться, госпожа приказала имъ здѣлать опытъ надъ самою лѣкаркою. Четыре сильныя невольницы ее схватили, и поставя въ положеніе принявъ предписанное ею лѣкарство, учинили, не смолча на ея крикъ, надъ нею опыты, опыты котораго внушенія у нея почти были сожжены. Послѣ чего выполкнули ее изъ покоя, смѣясь ея боли. На крикъ ихъ пришли Евнухи. Она принуждена была идти мимо ихъ; и какъ лѣкарство подѣйствовало въ шюю же часъ, то по освобожденіи опыты онаго, вонь умножала ихъ изумленіе. Не знала она куды дѣваться: Евнухи свѣдавъ все опыты женщины, провожали ее съ хохотомъ. Она бы желала скрыть свое приключеніе; но повсюду слухъ объ ней разнесся, и пропитность къ клещирамъ опыты часу больше возрастаетъ между Турецкими женщинами.

Мы пробывши чепыре дни въ дорогѣ изъ Сависа до *Дивриги*, въ провинціи *Діарбекской*. Сія дорога наполнена разбойниками, грабятца-

ми села и деревни. Янычары наши, которые и сами шюю только искали, чѣмъ кого ограбить, гонялись за ними даже въ горы, но жипели шюю ничего не выигрывали: ихъ шююкоже мучили Янычары, сколько и разбойники.

Дивриги лежатъ въ проспанной долині пресѣкаемой многими рѣками впадающими въ *Евфратъ*. Есть много садовъ въ городѣ: окружности его плодородны, но запущены, по причинѣ страха опыты горскихъ жипелей. Наиглавнѣйшая прибыль въ землѣ получается опыты *Железнаго* и *Магнитнаго* завода.

Далье между непроходимыми горами, но чѣрезъ кои должны мы были ѣхать, находящяся *Золотые* и *Серебряные рудники*. Прежде немалая опыты нихъ получалася прибыль; нынѣ они запущены, по недоспанку дровъ, или по бѣдности работниковъ, и здѣлались совсѣмъ бесполезными. Я изъ любопытства сходилъ въ *Киеббанской*, переправляясь чѣрезъ *Евфратъ*, шюющей подъ самымъ рудникомъ. Въ немъ видѣлъ я погреба, своды, работниковъ, но мало серебра и золота. Наилучшимъ рудникомъ почитается находящійся въ *Арганѣ*, большемъ селѣ за *Киебаномъ*, гдѣ шююкоже дѣлаются и изрядное вино. Товарищи наши не позабыли о себѣ въ семь мѣспѣ; они пограбили у жипелей погреба, перестили бочки, выпили кувшины, гдѣ шююкоже ихъ найши могли. *Тигръ* омываетъ подошву горы, на которой лежатъ *Аргана*: но опыты шююкоже узокъ и шююкоже въ семь мѣспѣ, чѣмъ походить больше на ручей, нежели на великую рѣку.

Выѣзжая изъ горъ увидѣли мы *Діарбекскую*. Сей городъ называвшейся прежде *Амидъ* или *Корамидъ*, даетъ имя *Діарбека* провинціи, въ

которой онъ столицей, и которая есть древняя *Месопотамія*. Городъ лежитъ на прелесной равнинѣ на берегу Тигра. Стѣна его построена однимъ Греческимъ Императоромъ, стоить повыше съ семьюдесятью двумя башнями, здѣланными, сказываютъ, въ честь семидесяти двумъ Апостоламъ. Сверхъ сей стѣны есть въ немъ крѣпость, въ которой правитель имѣетъ огромной Серай. Берега рѣки покрыты садами и цвѣтниками. Здѣсь дѣлается ужасное множество красного сафьяна, сукна и лопина погоже цѣпна. Всего больше въ обывателяхъ полюбилось намъ челоуколюбіе, щирость, и учтивость. Изъ всѣхъ Турецкихъ городовъ, и почти изъ всего Востока, въ одномъ здѣшнемъ мѣстѣ женщины, пользующія позволенною вольностію. Онѣ ходятъ на гульбищи вмѣстѣ съ Христіанками, и мужья ихъ ни малюго оупъ того безпокойствія не терпятъ.

Мы приѣхали въ *Мардинъ*, небольшой городъ на границѣ Курдиской. По истинѣ есть оной только крѣпость построена на восторѣ за бо верши оупъ Діарбекира. Выгодное положеніе, укрѣпленное сверхъ того валомъ и башнями, охраняетъ ее оупъ всякаго нападенія. Сказываютъ, что сей одинъ замокъ удерживалъ цѣлые семь лѣтъ, войско спрашнаго *Тилура* или *Талерлана*, и что сей побѣдитель Азіи принужденъ былъ оуспуститъ, дабы не лишился плодовъ своихъ завоеваній. Мардинъ славится виномъ, плодами, и особливо сливами, коиорыя чрезвычайно хороши. Онъ недалеко лежитъ оупъ *Арабата*, пойма славной горы въ Арменіи, на которой, какъ повѣствуется, оустановился по попомѣ Ноевъ ковчегъ.

Курдистанъ частію населенъ древнимъ народомъ, котораго начало мало извѣстно, но есть *Іезиды*. Одни ихъ производятъ оупъ Аравлянъ, другіе оупъ Халдеевъ. Живели всѣ склонны къ воровству и грабежу, и нѣтъ для нихъ пріятнѣйшаго упражненія, какъ нападать на караваны. Большая изъ нихъ часть ведетъ жизнь спраншвуюющую, гоняютъ съ горы на гору спада свои, и оспанавливаются тамъ, гдѣ найдутъ мѣста способныя для паствы. Живутъ они подъ круглыми палатками или кибитками, покрытыми чернымъ войлокомъ, и окруженными стѣною изъ просей и терновника, которой не допускаетъ дикихъ звѣрей въ оныя входитъ. Спятъ ихъ великимъ кругомъ, и внутрь загоняютъ скотину. Жены ихъ безобразны, но ошважны, сильны и дикы. Мужчины храбры, горды и безчеловѣчны. Вѣры ни какой не держатся, ни Христіанской, ни Магомешанской, ни Жидовской, ни Идолопоклонической: бесполезно бы было искасть во всей Азіи народа глупѣе и грубѣе Іезидовъ. Одни одѣты въ бѣломъ, другіе въ черномъ. Последніе за долгу почитаютъ веселіе жизнь воздержную, привлекающую къ нимъ оупъ всѣхъ почтеніе. Когда бѣлые съ черными встрѣчаются, бѣлые цѣлуютъ одежду у черныхъ, а сіи не обязаны плашитъ имъ поюже учтивостію. Привѣтствіе между черными состоитъ въ томъ, чтобы поцѣловать рукавъ у плашня, не говоря ни слова, но иные и говорятъ между собою, и дѣлаютъ словесныя поздравленія. Іезиды пьютъ вино, ѣдятъ свинину, и удерживаются сколь можно оупъ обрѣзанія. Въ вѣрѣ ихъ есть одинъ членъ, что не надобно проклинашь діавола, по-

ному что онъ, говоряшь, пиварь божія, и что можешъ бышь придеть опять когда нибудь у Бога въ милость. Нѣтъ у нихъ ни святаго писанія, ни постовъ, ни праздниковъ, ни храмовъ, ни часовъ опредѣленныхъ на молитву: но обыкновенно величаютъ они Бога на самомъ разсвѣтѣ, сложа вмѣстѣ руки. Они любяшь Христианъ, войхъ называютъ *Куловьями*, и за славу себѣ ставяшь почиташъ Иисуса Христа, коему приписываютъ великія чудеса. Въ мечети ходишь изъ одного любопытства; а еще бы охопнѣ ходили въ церкви, ежелибъ не боялись побой опъ Турковъ. Мершвухъ хороняшь безъ всякаго обряда, а поюшь нѣсколько стиховъ въ честь Иисуса Христа и Богородицы, наигрывая на двусмысленномъ инструмента, похожемъ на балабайку. Законъ имъ не позволяешъ плакать по смерти чернаго, а напрошивъ родня покойника должна веселишься, и препроводишь печальные дни въ пирахъ и унѣхахъ, для празднованія вступленія мершваго въ небо. Черные не брѣютъ бороды, за прошивное вѣрѣ почитаютъ зарѣзашъ какое животное, и шакъ далеко сіе проснираютъ, что ходя избѣгаютъ наступитъ ногою на муравья или другое какое насекомое, пошому что, говоряшь они, ешьли бы мы были на мѣстѣ животныхъ, шобъ не хошѣли бышь раздавлены. Въ семь они очень разняшя опъ нашихъ молодыхъ господъ, копорые разваляшъ въ позолоченныхъ карешахъ, давишь людей по улицамъ, какъ червей.

Ежели женщина Гезидская уличена въ прелюбодѣйствѣ; отецъ, братъ, или мужъ убиваетъ ее и съ любовникомъ, развѣ сей опшкупилъ деньгами. Ежелиже выкупъ не имѣетъ

мѣста, шѣло его лежишь въ палаткѣ у мужа и кто ни войдетъ, колепъ его саблею для показанія, въ какомъ омерзѣнн у нихъ шакое преступленіе.

Когда зовушь ихъ на пирь, ѣдяшь они съ жадностію; наѣвшись спяшь, а проснувшись опять начинають ѣсть. Они бы никогда изъ за сна не вспали, ежелибъ хозяинъ самъ не прогонилъ, говоря, что уже нѣчего ему дашь.

Во время пребыванія нашего въ Мардинѣ потеряли мы двухъ изъ нашихъ Янычаръ, коихъ змѣи ужалили. Сіи гады въ великомъ множествѣ въ здѣшнемъ округѣ, и шакъ опасны, что угрызеной человекъ въ минушу умираетъ.

По восьмичасномъ пуши спали мы лагеремъ при *Низибинѣ*, небольшемъ городкѣ, чрезъ копорой протекаетъ рѣка *Гермасъ*. Славилъ онъ *бѣлыми розами*, и сказывають, что во всѣхъ прищипши тысячахъ садахъ, кои находяшя въ Низибинѣ и въ его окружностяхъ, нѣтъ ни одной красной. Я въ шомъ шолько могу увѣришь, что я самъ красныхъ не видалъ.

Низибинъ построень *Немеродомъ*. Въ немъ родился святой *Апостоль Іаковъ*, и защитилъ, сказывають, городъ опъ Персовъ. Опъ сего мѣста до самаго *Ески-Мосула* или снараго Мосула, нѣтъ ни деревень ни жишелей, а продолжаетъ сухая и дикая степь. Въ сей послѣдней городѣ приѣхали мы наканунѣ *Байрала*, наглавиѣшаго у Турковъ праздника, копорымъ кончилъ ихъ постъ, и копорой соопшвѣшвуешъ нашей Пасхѣ.

Едва примѣняшь молодой мѣсяцъ, наступившій по Рамазанѣ, дають о шомъ знашь пушками жишелямъ. Крикъ и восклицанія народа

смѣшиваются тогда съ барабанами и трубами. Всякъ готовится къ празднику. Передъ разсвѣтомъ, вельможи государственныя (разумеется въ Царь-Градѣ) и главные чиновники собираются въ Сераль. Султанъ изъ онаго выступываетъ на разсвѣтъ, и ѣдетъ мимо ихъ въ мечеть. Когда же возвратится, садится на тронъ приготовленномъ въ залѣ Дивана, и принимаетъ поздравленія и подарки отъ верховнаго Везира и Муфтия, отъ лица вельможь и духовенства. Въ сей день улицы наполнены народомъ. Турки встрѣясь обнимаются, и желаютъ взаимно себѣ всякаго рода счастья: называютъ, что они и съ непріятелями своими мирятся, и прощаютъ всѣ обиды.

По площадямъ и перекресткамъ спавяютъ качели украшенныя цвѣтами и значками. Турки любятъ сію забаву, и за небольшое число денегъ качаются по цѣлому часу. Колесы или лопатки также въ употребленіи. Сколь ни велико имѣютъ отвращеніе къ фигурамъ, кои по ихъ мнѣнію, составляютъ часть идолопоклонства, однако ходятъ смотрѣть куколъ, коихъ весьма много въ Царь-Градѣ во время Байрама. Я ничего не говорю о сборищахъ въ ширкахъ. Они преслѣдуютъ всѣмъ симъ увеселеніямъ, и подлой Турокъ не вкушаетъ истинной утѣхи, какъ въ винѣ и съ женщинами. Шутки разнаго рода способствуютъ ко умноженію увеселеній сего праздника, продолжающагося три дни. Представляютъ комедіи похожія на ирищи. Иные показываютъ куколъ на снѣгъ, по естѣ приводя въ движеніе позади напянутой холстины небольшія плоскія фигуры, коими умѣютъ шакъ проворно дѣйсти-

вовашъ, что сіе зрѣлище гораздо приятнѣе нашихъ кукольныхъ комедій. Проворство и гибкость ихъ удивленія достойны. Ходятъ по веревкамъ напянутымъ или ослабленнымъ, промежду шпакъ, около веревки привязанныхъ. Положатъ на спину на острьѣ двухъ сабель, кладутъ себѣ на грудь большую наковальню, по коей нѣсколько человекъ ударяютъ молотами. Даютъ также разбивать у себя на головѣ превеликія камни; иные берутъ рукою или зубами раскаленное желѣзо, или босыми ногами ходятъ по доскѣ напыканной желѣзными иглами, и по ножовому воспрію. Приучаютъ они также змѣй, заставляють плясать ослы, собаки и другихъ животныхъ и учатъ пшеницу приносить брошенныя серебряныя деньги.

Мы видѣли въ Ески-мосулѣ пѣнь сихъ увеселеній. Сей городъ представляющей теперь взору только развалины и кучи камня, былъ въ первыхъ вѣкахъ міра, наивеличайшей въ Азій, и назывался *Нинивія*. Священное писаніе именуетъ его великимъ градомъ, и полагаетъ въ окружности его больше прищипки миль. *Нинъ*, первой Царь Ассирійской, положилъ основанія его на берегу Тигра, лишь около тысячи спуска по пошопѣ. Три колесницы могли ѣхать рядомъ по снѣгамъ его. По двухъ снахъ дѣлахъ былъ онъ разоренъ, при Царѣ *Сарданпалѣ Арфаксатолѣ*, Царемъ Мидій. Жители показывали намъ часовню поспроенную ими въ честь *Пророка Ионы*, посланнаго въ предкамъ ихъ отъ Бога для проповѣданія добродѣтели. Вотъ что здѣсь рассказываютъ о семъ великомъ происшествіи.

Нинивиты обращенные гласомъ Пророка, впади вноуь по чешыредесяти лѣшнемъ разкаянїи въ прежнїе пороки. Богъ изпровергъ городъ ихъ до основанїа, и они всѣ погибли подь развалинами. Я не скрою оупъ васъ, Государыня моя, чпо за удовольствїе почишалъ ходишь по всѣмъ улицамъ шакого города, въ которомъ былъ сей мужъ, посланной съ божескими повелѣнїями, и мнѣ казалось, чпо я слышала спрашнїя его слова, но чувствивала препенъ, котораго не можно почпи иидѣ испышати, какъ въ самыхъ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ произошли шаковыя спрашнїя приключенїи.

Мосуль, или новая *Нинивїа*, лежишь въ сорокѣ верспахъ оупъ Ески-мосуля надъ Тигромъ какъ и древняя: и по сей причинѣ нерѣдко и принимаешся она за насполящую Нинивїю. Многїа народнїя зданїи и обывапельскїе дома ее украшаюшь, и между прочими дворъ Паши, главная мечешъ и караван-серай. Торговля довольно въ ней цвѣшуца, производишся бумажнымъ полотномъ и Индѣйскими поварами.

Въ нѣкоторомъ разспоянїи оупъ Мосуля, находишся крѣпость называемая *Бидлисъ*, по имени одного полководца *Александрова*. Сказываюшь, чпо сей Монархъ находя сіе мѣсто выгоднымъ по его положенїю и добростѣ воды, оспавиль сего полководца, и повелѣлъ ему поспроишь крѣпость, которую бы никакъ взяшь было не можно. Возвращаясь изъ Персїи, ѣхалъ оупъ чрезъ сіе самое мѣсто, и хощѣлъ осмопрѣшь крѣпость: но заперли передъ нимъ воропы. Разгнѣвавшїсь за шаковое, по мнѣнїю его, поруганїе, осадилъ оупъ ее, и не могши взяшь, принужденъ былъ оспавишь. Тогда явился къ

нему *Бидлисъ*, принесъ ключи, и сказалъ, чпо оупъ счастливымъ себя почишаешъ, предуспѣвъ поспроишь непреодолимую крѣпость, попому чпо и самъ Александръ взяшь ее не могъ.

Оставя Мосуль продолжали мы пушь въ *Багдадъ* чрезъ *Керкиужъ*. Сей послѣдней городъ посредственной величины; но живущъ въ немъ Паши *Шерифурскаго округа*. Близъ онаго находишся мѣсто называемое *Могила Александрова*, но которая кромѣ имени ничего примѣчанїа доспойнаго не имѣешъ. Въ сосѣдствѣ видѣли мы монаспырь *Дервишей* ведущихъ весьма спрогую жизнь: ибо чпо у Христїанъ дѣлаешся, изъ истиннаго благочестїа, Турки исполняюшь по еще и со излишкомъ, будучи побуждаемы фанатизмомъ. Они имѣюшь разнаго рода монаховъ. Число ихъ опчасу умножаешся, попому чпо каждой воленъ заводишь новыя учрежденїи по своей мысли. Единая препона, могущая шому запрепятствовашь, еспъ недоспапокъ въ прокормленїи: но и сему помогаюшь, позволяя *Дервишамъ* просипъ милоспїины.

Стариннїя заведенїи сихъ Турецкихъ монаховъ, по большей часпи имѣюшь доходы; оные шакъ худо управляюшся, чпо главнымъ пользуются начальники; а по, чпо оспается, едва довольнымъ бываешъ для пропитанїа проспыхъ монаховъ, кои хопя и не дѣлали обѣна бѣдности, какъ наши, но живущъ нашихъ гораздо бѣднѣе. Бывъ смертельными непрїятельми шруда, праздносп еспъ ихъ наивысочайшее благо. Куришь шабакъ, спашъ и чиспишь шрубку, супъ вещи, въ которыхъ проводяшь они цѣлую жизнь. Нѣкоторые предаюшь себя на позорище народу: другїе упражняюшся въ

чернокнижии: всё прищворно презирають честь и ушъхи, всё же прилѣплены къ симъ вещамъ еще больше, нежели мѣрскіе люди. Говорящъ, что не должно краснѣть, а сами врадуютъ, когда предспавишся случай. По сей причинѣ купцы никогда не позволяють монаху подойти близко къ своимъ лавкамъ. Одежда ихъ походитъ на обыкновенную Турецкую, выключая высокой шапки, кошпорую носятъ они всегда на головѣ, и кошпора походитъ на голову сахара. Одни одѣты въ бѣломъ, другіе покрыты только лоскушками, и носятъ въ рукъ копье, а иные ходятъ почти совсѣмъ нагѣ. Сіи послѣдніе привлекають почтение прищворяясь блажными; ибо здѣсь, какъ въ Египтѣ, сумасшедшіе и дураки въ великомъ уваженіи. Начальникъ Дервишей имѣетъ надъ ними власнѣ неограниченную: но вольно имъ всегда опойши изъ монастыря, есплы сія жизнь наскучишъ. Не смотря на шаковую свободу, въ Европѣ больше еспѣ бѣглыхъ монаховъ, нежели Дервишей оспавившихъ монастырь въ Турціи. Повиновение имъ нимало не сягоспно; начальникъ съ ними поспушаетъ крошко. Онъ не забываетъ, что повелѣваетъ надъ равными себѣ, что онъ ихъ самихъ получилъ власнѣ свою, и что они не переспали бышъ свободными.

Способъ ихъ моленія имѣетъ нѣчто страннаго. Начинають они вершѣшся при звукѣ дудочки и барабана, произнося слово *Богъ*, и вершяшся съ великою скороспю, дѣлая кругъ. Голосъ ихъ часъ онъ часу умножаетъ, равно какъ и скороспѣ въ вершѣни, и до того доходитъ, что не имѣя больше силы падаютъ одни на другіхъ, лицемъ къ землѣ. Тогда настоятъ

приходишъ къ нимъ на помощь, и коронкою молишвою приводишъ въ память, или по крайней мѣрѣ вѣришъ, что чрезъ его молишву возвращается имъ чувствіе. Еспѣ другой родъ Дервишей, кои только вершяшся положенное время, ничего не говоря; иныеже споя на одномъ мѣстѣ наклоняющъ, кричащъ, выбивающъ изъ силъ, и падающъ.

Для государспва великую сягоспѣ дѣлаетъ шолікое множеспво бесполезныхъ и праздныхъ монаховъ; но правленіе ихъ шерпишъ изъ спраха, народъ удерживаетъ изъ усердія, а честные люди имъ насмѣхаютъ.

За нѣскольکو миль онъ монастыря Керкиукскаго нашли мы *ключъ нефти и смолы*. Я пакъ близко подошелъ къ послѣднему, что чуть не увязилъ ноги. Не понимаю, онъ чего составилъ сей ключъ, и оспавляю разспотрѣніе онаго испышпелаямъ еспеспва. Они могутъ больше въ помъ васъ удовольспвовать, нежели я.

Наконецъ прибыли мы въ *Багдадъ*, столицу древней *Халдеи*, гдѣ Паша собиралъ свои войски. Сія спрана прославляющаяся больше всякой другой священными и свѣтскими древноспями, была оспечеспвомъ *Авраама*, и оспавляла главную провинцію Ассирійской Монархіи. Въ ней споялъ *Вавилонъ*, наиогромнѣйшій и великолпнѣйшій городъ, какой только смертные могли поспроишъ, и кошпорого споль мало оспалось слѣдовъ, что не извѣсно и мѣсно, гдѣ онъ находился. Прѣхавшіе съ нами изъ Царя-Града офицеры предспавили насъ Пашѣ, и просили его о принашпи въ свое покровишеспво.

Багдадъ, хотя и построены почти на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ былъ Вавилонъ, не можеть однако почтяться за столицу Ассиріи; ибо сія лежала при Евфратѣ, а Багдадъ теперь столица надъ Тигромъ: но сіе не препятствуетъ ему приниману быть за новой Вавилонъ. Вамъ извѣстно, что *Нелуродъ*, произшедшій отъ Ноя, былъ основатель сего сильнаго города. *Селмираида*, по смерти мужа своего Нина, разширила его немало. Стѣны построила изъ жженого кирпича, соединяя оной *Битуминою*, или смолою нѣкошораго рода, испускающею въ шой спирани изъ земли, и употребила на сіе великое строеніе пристра тысячь работниковъ чрезъ круглой годъ. Городъ имѣлъ четьреста поприць въ окружности, и сто мѣдныхъ ворошь съ глубокими рвами: но ничто сравниться не можеть съ великолѣпными его садами, висающими, посредствою удивительнаго искусства, на воздухъ. Вавилонъ былъ долгое время столицею всего востока. *Киръ*, Царь Персидскій, напослѣдокъ имъ завладѣлъ, обратилъ печеніе Евфрата, и совсѣмъ его разорилъ.

Что касается до Багдада, онъ построенъ былъ однимъ Халифомъ, основавшимъ въ немъ престоль Аравійскихъ Государей. Называли его *Мединатол-саламъ*, то есть: *градъ мира и тишины*: но народъ прозвалъ его Багдадомъ, отъ имени одного пустытника, живущаго въ семь мѣстъ; и сіе послѣднее взяло верхъ, потому, что чернь почтываетъ иногда больше набожнаго лицемѣра, нежели Царя.

Халифы имѣли въ немъ дворъ свой чрезъ многіе вѣки, попомъ вналъ онъ во власъ Персіанъ, и наконецъ Турковъ, кои понынѣ имъ

владѣють. Сей городъ окруженъ крѣпкими стѣнами кирпичными и сто шестьюдесятью премя бастіонами. Считаютъ въ стѣнахъ его двѣнащатъ тысячъ пристра локшей. Дворецъ Паши огроменъ и великолѣпенъ, сады, кои лучше Султанскихъ Царе-градскихъ, насажены помаранцовыми, лимонными и кипарисными деревьями; разположеніе ихъ и порядокъ дѣлаеть пріятныя гульбищи. Похваляется также въ Багдадѣ красота и великое число бань, училищъ, караван-сераевъ. Мечети почти всѣ украшены мраморомъ, порфиромъ, и лазорью: а всего любопытнѣе при нихъ минареты, кои всѣ наклонились къ Меккѣ, и суевѣрной народъ думаетъ, что учинилось сіе чудомъ съ Неба во славу ихъ пророка.

Торговля весьма обширна, или по причинѣ соседства съ Аравією, Индією, и Персією, или проѣзда каравановъ изъ Алепа, смирны, и другихъ западныхъ областей Имперіи Турецкой. Все сіе привлекаетъ великое множество чужезспранныхъ. Жители его суть смѣсь Турковъ, Персіанъ, Аравлянъ, Жидовъ и Христіанъ Армянскихъ. Каполики имѣють своего Епископа и два мускихъ монастыря, Капуцинской и Кармелитской.

Амазонки, кои споль много построили городовъ на востокѣ, способствовали можеть спаться и въ созидаіи Багдада. Кажется, что женщины сего города въ наслѣдство получили свойспвы сихъ Героинь; онѣ ѣздятъ верхомъ, а у копорой нѣтъ лошади, та предпочитаетъ лучше сидѣть дома въ заперши, нежели показаться на улицѣ. Одинъ нашъ пріятель приимпиль, что всѣ женщины непопробной жиз-

ни, держапъ ногу въ спремѣ, и пѣмъ оплечающаюся опъ чеспныхъ, кои вкладываюпъ ноги полюво въ ремень, на которомъ висипъ спрема.

Въ пиапнащани верспахъ опъ Багада, на чиспомъ полѣ между Тигромъ и Евфрапомъ споишъ башня, опъ жипелей *Мегакою*, а опъ пушеспвующихъ *Бабелъмъ*, или *Вавилонскою*, называемая. Она еспъ ничпо иное какъ куча, подобная больше горѣ, нежели башнѣ. Разсмапривая ее прилѣжно показалося мнѣ, чпо видъ у нее чешыреспоронной, и каждой бокъ соопвъшпсвуепъ одной часпи свѣпа. Вокругъ ея будепъ больше спа тысячъ шаговъ, а пеперипня высокая ея около спа припцапи футповъ. Обошедъ кругомъ, влезли мы на верхъ, въ надеждѣ найши какіе либо оспанки зданія споль много касающагося до всего рода челоувѣческаго. Каждой шагъ возобновлялъ въ насъ воспоминаніе о дерзоспномъ предпріятіи праопцовъ нашихъ. Мы нашли многія пещеры, въ копорыхъ Магомешане вѣряпъ, чпо два Ангела, называемые *Гарутъ* и *Марутъ*, повѣшены за волосы. Они сказываюпъ, чпо сии два небесные духа будучи посланы на землю, для разсмотрѣнія дѣлъ челоувѣческихъ, о помъ полюво помышляли, какъ бы прельспипъ женіцинь. Богъ, наказуя за преспупленіе, заключилъ ихъ въ сихъ пемницахъ до самаго дня спрашнаго суда.

Все, чпо мы ни видали до сего часа, не могло удовольспвовашъ любопытспва нашего. Мы велѣли рыпъ въ разныхъ мѣспахъ; но лопатки не могли иппи въ землю глубже прехъ дюймовъ; а видѣли мы многіе ряды кирпичей, копорые кажуся сушены на солнцѣ. Я съ ве-

ликимъ прудомъ опколопилъ одинъ, и нашель, чпо былъ онъ полювиною въ чешыре пальца. Кавалеръ пакже здѣлалъ примѣчаніе, о копоромъ и мнѣ сказаль. Онъ увидѣлъ рядъ соломы или проспника изрубленаго, и перемѣшенанаго съ смолою и бипуминою, полювиною въ припальца, а другой пакойже рядъ сей смѣси полюженъ былъ черезъ семь рядовъ кирпичей. Прилѣжаніе наше къ симъ изысканіямъ заняло у насъ оспанокъ дня; и тогда объявлено было намъ, чпо время возврашпсья домой.

По прибытіи въ Багадъ, съ удивленіемъ увидѣлъ я Турецкихъ женіцинь на моливѣ въ Хреспіанской церквѣ, въ коей служили Капуцины. Я подслушалъ одну, копорая споя на колѣняхъ предъ престоломъ Богородицы, била себя въ грудь, преспирала къ образу руни и говорила: „О Марія! мапи великаго пророка „Исуса, молю тебѣ и прошу жизнию любезнаго младенца, держамаго побою въ обьяспяхъ, „копорою еспъ вѣнецъ главы пвоея и свѣспъ „очей пвоихъ, помилуй меня.“ Выходя изъ церкви опкрылъ я удивленіе мое наспоашелю, съ нами идущему, и онъ мнѣ опвѣчалъ слѣдующее: „Турки не всѣ равно ослѣплены своею вѣрою. „Многія поколѣнія учинились Магомешанами „изъ спраха или жадности къ прибыли, и многіе „между ими по сей причинѣ шайную чувспвуютъ въ себѣ склонносшь къ Хреспіанскому исповѣданію. Въ опдаленныхъ опъ споплицы обласпяхъ, вспрѣчаюпся Магомешане „призывающіе нашихъ сваяпыхъ съ неменьшимъ „благоговѣніемъ, какъ и своихъ собспвенныхъ. „Въ сихъ мѣспахъ Турки наказалибъ смерпню, „еспьлибъ кпо дерзнулъ хулипъ имя Исуса

„Христа. Сверхъ того, продолжалъ нашъ Ка-
 „пудинъ, много естъ людей въ Турецкой зем-
 „лѣ, кои не знаютъ сами, чему вѣрять. Когда
 „ихъ спрашиваютъ о вещахъ до вѣры касаю-
 „щихся, они отвѣчаютъ съ холодностію: богъ
 „знаетъ кто правъ, и кто виноватъ. Одинъ
 „Армянинъ пришелъ къ умирающему Турку;
 „сей послѣдній увидя его сказалъ: о Боже мой!
 „еслибъ былъ я почто увѣренъ, что вѣра се-
 „го Христианина лучше моей, я бы принялъ ее
 „опъ всего сердца.

„Сей духъ неизвѣстности приводитъ обы-
 „кновенно въ невѣріе: по сей причинѣ здѣсь
 „находишься секта нечестивыхъ, копорые оп-
 „вергаютъ съ презрѣніемъ всѣ вѣры. Она силь-
 „но дѣйствуетъ между главными законниками,
 „и учеными: но всѣ они покрайней мѣрѣ хоща
 „пѣмъ хороши, что не спараются умножать
 „числа своего, и разговариваютъ о заблужде-
 „ніяхъ своихъ только съ пѣми, кои уже оны-
 „ми заражены. Они любятъ искренно другъ
 „друга, и помогаютъ себѣ взаимно во всѣхъ ну-
 „ждахъ, когда могутъ. Если приѣдетъ къ нимъ
 „чужестранецъ шойже секты, не только они
 „его угощаютъ, но даютъ ему для провожде-
 „нія ночи молодую дѣвку и *лр.* Вопъ до чего
 „доводитъ невѣріе!

„Въ Турціи считается, продолжалъ онъ,
 „больше семидесяти двухъ сектъ. Одни дума-
 „ютъ, что единство Бога озлобляется, естъ-
 „ли даютъ ему инныя наименованія, кромѣ без-
 „конечнаго и непоспижимаго. Другіе утвержда-
 „ютъ, что онъ имѣетъ чувствительные и ве-
 „щественные члены. Инныя допускаютъ волю
 „въ чловѣкѣ, инныя опдаютъ все на предпопре-

„дѣленіе, и сихъ число естъ наибольшее. Естъ
 „и такіе, кои муку во Адѣ почитаютъ вѣчною:
 „другіе думаютъ, что Богъ умилоспивишься.
 „Одни утверждаютъ безсмертіе души, другіе
 „опвергаютъ и *лр.* но сіе различіе мнѣній не
 „производитъ здѣсь расколовъ: пошому что о
 „наружномъ богослуженіи всѣ вообще довольно
 „согласны.

Въ Багдадѣ распались мы съ нашими спут-
 „никами, коимъ вельно было итти на границу.
 Не надѣясь ихъ скорѣ опять увидѣшь, и опа-
 саясь съ другой стороны, чтобъ Персіане не
 пришли осадитъ сего города, рѣшили мы про-
 бытъ въ немъ сколь можно меньше, и возвра-
 тились въ Царь-градъ. Трудности наспоела
 найши караванъ, или какихъ провожатыхъ, съ
 коими бы могли мы предпріять сію дорогу съ
 безопасностію. Наконецъ согласились мы ѣхать
 вверхъ по Тигру до Діарбекира. Ежелибъ не
 удалось намъ сего исполнить, то должнобъ
 было пуспиться по Мосульскимъ степямъ; и
 тогда были бы мы непременно жертвою раз-
 бойникамъ. Папа вельль объявилъ хозяевамъ
 нашихъ судовъ, что они отвѣчаютъ за насъ
 своею головою. Таковая предоспорожностъ не
 бесполезна была, ибо я свѣдалъ, что сіи люди
 нарочно разбиваютъ суда, дабы заграбить имѣ-
 ніе проѣзжихъ.

Никогда намъ не было такъ безпокойно,
 какъ въ сихъ баржахъ. Не думайте, чтобъ онѣ
 были покрыты: напрошивъ походили онѣ на
 плоты здѣланные изъ большихъ бревенъ, на ко-
 ихъ привязаны были пузыри. Такимъ образомъ,
 когда рѣка текла быспрѣе, или вѣпръ спано-
 вился сильнѣе, всегда ноги у насъ были въ во-

дѣ. Безпокойствіе таковаго спранствованія не возпретило намъ однако пользоваться нѣкопорымъ увеселеніемъ, кое насъ забавляло немало. Ниже Мосула впадающъ въ Тигръ многіе *ручки нефти*, копорая разливается по верху воды какъ масло; мы ее зажигали, и вмигъ вся рѣка покрывалась пламенемъ.

Въ Діарбекирѣ пробыли мы одинъ день. Многочисленной караванъ пріугоповлялся къ отпѣзду. Разныя корпусы идущихъ изъ Наполи войскъ, часпо насъ превозжили, но разбойники показывающъся не смѣли, и до самаго Царя-града имѣли мы и время и дорогу хорошую. Мы пріѣхали въ сію столицу благополучно, и весьма были довольны, что осмопрѣли безъ всякаго приключенія шакія спраны, коихъ древняя слава возбуждаесть въ пупешествующихъ любителейшсво, но спранствование по копорымъ почпи не возможное, по причинѣ несчастій и перемѣнъ производимыхъ временемъ.

При въѣздѣ нашемъ въ городъ, цѣлая часпъ онаго была въ огнѣ. Когда случается пожаръ, что не рѣдко бываетъ, даешся знакъ съ минареша ближней мечети; и по всѣмъ улицамъ ходящъ люди съ фонаремъ, и бьютъ палкою по мосповой, крича *пожаръ*, и сказывая въ копоромъ мѣспѣ. Народъ шуда бѣжитъ, одни для поданія помочи, другіе изъ любопытшсва, а иныя для кражи. Янычаръ-ага потчасъ пріѣзжаетъ на пожаръ съ своимъ войскомъ: приносятся заливныя шрубы; всѣ носители воды по городу шуда собирающъся. Везиръ, всѣ вельможи и чиновачальники пріѣзжаютъ за самимъ Сулшаномъ. Сія предоспорожность необходимо нужна. Недовольныя часпо пользующъся ша-

ковыми обспояпельспвами безпорядка и сумяптицы, для начашія бунша. По сей причинѣ Сулшаны весьма не любящъ пожаровъ. Еспшли Янычары не подымающъ рукъ на самаго Государя, они мспящъся иногда надъ вельможами, на коихъ имѣющъ, по мнѣнію своему, причину жаловашъся; или по меньшей мѣрѣ предающъся всѣмъ крайносшамъ, не смощъря на часпые примѣры спрогоспи, съ каковою наказывающъся грабежи, шумъ и покушеніе на женской полѣ. Судъ очень коропокъ: караульные хватающъ виновашаго, ведущъ къ Везиру, а онъ шуже минушу повелѣваесть броситъ его въ огонь. Женщины обыкновенно бывающъ жерпвою сего невоздержнаго войска, когда мужа ихъ не съ ними вмѣспѣ; и часпо спрахъ претерпѣтъ обруганіе принуждаесть ихъ совсѣмъ не выходящъ изъ домовъ, гдѣ пламя ихъ захвашиваетъ прежде, нежели успѣющъ къ нимъ припши на помочъ.

Я есмъ и пр.

К о н е ц ъ

П е р в а г о Т о м а .

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok
Nr.

Biblioteka prywatna
 Jakuba Antoniuka
 Dobrzyniewo-Duże
 pow. Białystok
 Nr. —

РЕЗЮМЕ

собственныхъ Имянь и Вещей примѣчания
 доспойныхъ, содержащихся въ семь

Первомъ Томѣ.

Biblioteka prywatna
 Jakuba Antoniuka
 Dobrzyniewo-Duże
 pow. Białystok
 Стр.

	Стр.		Стр.
Аббуфолдскія горы	88	Водохранилищи	76
Абдала	154	Древности	
Абидосъ	291	Кладбище	79
Августинъ святой	138	Подземной храмъ	80
Августъ	164	Соспоянiе нынѣ-	
Авель	39	шнее	81
Авлида	208	Стѣны	78
Авраамъ	319	Александръ Великій	76.
Авреліанъ	55	101. 184.	316
Агамемнонъ	169	Алени	14
Агеноръ	184	Алепская болѣзнь	23
Агосъ Адрианосъ	169	Алепъ	20
Адонисъ	5	Алжирское государ-	
Адрианъ	78, 230.	ство	138
Адуары	56	Перемѣны	139
Азаки	282	Раздѣленіе	149
Азамогланы	288	Алжиръ	139. 142
Азія, Нимфа	191	Водоводы	143
Академія	179	Гробницы	144
Акамасъ	7	Доможительство	149
Аквиларія	129	Жипели	146
Акроцеравницкія го-		Мечети	143
ры	162	Обычаи	149
Акціаническія игры	164	Спроеніи	142
Акціейской мысъ	—	Суды	144
Акціумъ	—	Теплицы	—
Алане	14	Алмазныя мины	17
Александретта, го-		Алцей	296
родъ	20	Амабилисъ	11
Александрія	75. 236	Амазія	302
Бани	80	Амазонки	321
Башни	76	Амапуза	5

Томъ I.

	Стр.		Стр.
Амидь, городъ	309	Арсиной	163
Амиантъ, камень	15	Сады его	—
Аморгоб, островъ	253	Арфаксадъ	315
Амурантъ	256. 269	Архилохъ	222
Амфионъ	184	Архонты	173. 239
Ананія	39	Асмодей	89
Андромеда	169	Астерія, островъ	188
Андросъ, островъ	205	Апаланпа	187
Аннибалъ	121. 126. 195. 292	Апласъ, гора	147. 191
Аншигонія, городъ	293	Ап-мейданъ	272
Аншигонъ	—	Афрей	25
Аншиливанъ	43	Афродита	4
Башня	47	Ахаія	170
Аншипаросъ, островъ	222	Ахиллесъ	90. 184. 204
Славная пещера	—		236
Антіохія, городъ	25	Ахмешъ I.	283
Антіохъ	195	Аяксъ	184
Антонинъ благоче- спивый	47	Аѳиняне	166
Антоній свящый	94	Аѳины	173
Апеллесъ	181	Древности	—
Аполлонъ	5. 229. 231	Женщины	181
Арабы	103. 126. 147. 156	Жипели	180
Аравляне	61. 103	Испорія	173
Арапанъ, гора	310	Музыка	181
Арганъ	309	Одежда	182
Аргонавты	229	Правленіе	—
Аргосъ	169	Торги	—
Музыка	170	Бабель	322
Ариспощель	233	Багдадъ	317
Ариспощанъ	190	Древности	319
Ариадна	179. 196	Женщины	321
Аріева ересь	293	Жипели	—
Аріонъ	233	Положеніе	320
Аркадій	267	Торги	321
Арна, деревня	205	Баирамъ, праздникъ	313
Арое	187	Балбекъ, городъ	43. 47
Аронделевы мраморы	222	Балеополь	205
Арсиное	86	Бамбухъ	25
		Банъ	48
		Барберуссъ	126. 140

	Стр.		Стр.
Бахусъ	185. 219	Барварскія лошади	131
Театръ его	176	Венера	2. 5. 12. 48. 166
Храмы	205. 219	Храмы ея	5. 11. 12
Башня въпровъ	177	Венеціане	168. 192. 258
Баязешъ	256. 280	Верблюды	131
Безешень	300	Веспаль, шапуня	124
Безикпанъ	298	Византія	257
Безумные	108. 136. 211	Виргилій	191
Беи	101. 141	Водоводъ	Солима- новъ
Беллерофонтъ	171		298
Белзоръ, пшца	117	Вокансонъ	91
Беопія	184. 208	Волперъ	120
Береберы	156	Вораль	116
Бидлисъ, замокъ	316	Вулканъ	236
Бизанція	257	Гадемъ	133
Бизасъ	—	Караваны	—
Бизерпа, городъ	130	Гадешъ, городъ	49
Бишуминъ	320	Галата	258
Блакеры	293	Галліенъ	55. 237
Боало	55	Гарпіи	166
Бокапъ	43	Гарпанъ	35
Боли, городъ	293	Гарушъ	322
Бонна	138	Гасса, городъ	125
Борей	166. 177	Гверу, рѣка	150
Борцы	34	Гекторъ	235
Боссюешъ	63	Геликовъ, гора	171. 185
Боспанжи	288. 289	Генна	35
Боспанжи-баши	—	Генуесцы	210
Бубашъ	101	Гераклея, городъ	192
Булакъ	63	Герее	295
Бульонъ, Годефроя де	26	Геркулесъ	166. 169
Бундоқдари	—		185. 296
Вавилонской столпъ	322	Гермасъ, рѣка	313
Вавилонъ	63, 319	Геродотъ	199
Валиде	282	Герона	291
Валь дю комперъ	164	Геспенъ	191
Вандалы	126. 139	Геспестрія	237
Варвара, святая	47	Гезе	68
Варварія	121	Гизегъ	—
Королевшвы	—	Гимешпа, гора	180

	Стр.		Стр.
Гиппона	138	Старицы	249
Гиппопотамъ, звѣрь	114	Смарцы	—
Гиржа	101	Тщеславіе	238
Гишпанія	126	Гуали	102
Гишпанцы	139	Гуара	207
Гезирет-елл-геистъ	94	Гуксда	140
Генна, звѣрь	28	Гулеша, замокъ	133
Героглифы	77	Давыдъ, Царь	60
Голафъ	53	Дамаскъ	37
Гомеръ	165. 207. 228	Дамасша, городъ	193
Гордіанъ	125	Дедалъ	196
Горіонъ, гора	123	Дей	123. 126. 141
Горной старецъ	25	Деира	94
Горпина, городъ	195	Делосъ, оспровъ	229
Горшинъ	—	Древности	230
Готы	54	Исторія	229
Гр ки	109. 139	Храмъ Аполоновъ	230
Грція	161	Делпа	75
Вбра	246. 251	Делфъ	186
Доможительство	244	Делфы, городъ	—
Дома	—	Демосфеновъ фонарь	177
Духовенство	248	Дервиши	108. 317
Доходы его	253	Дери	94
Одежда	252	Джиришы	34. 272
Дѣвицы	243	Диванъ	278
Женщины	239	Дивриги	308
Обычаи ихъ	240. 244	Диррахиумъ	162
Одежда	239	Дирце	185
Наказаніи	241	Діагоръ	202
Кормилицы	244	Дианна	299
Любовь	242	Діарбекиръ, городъ	309
Одежда	239	Діарбекъ, провинція	—
Папріархи	247	Диомедъ	208
Подаши	239	Дионизія, оспровъ	219
Попы	250	Долопы	204
Пустынники	—	Дринской заливъ	162
Правленіе	238	Дромосъ	168
Свадьбы	242	Дубинники	25
Склонность къ пирамъ	245	Дулихиумъ	165
		Дулценіо	161

	Стр.		Стр.
Мардинъ, городъ	310	Месопотамія	310
Маркъ Антоній	164	Мешелъ	192
Маркъ св.	79. 109	Мизипра	167
Марокское государ- ство	153	Микона, оспровъ	232
Женщины	158	Женщины	—
Жисели	186	Мило, городъ	202
Исторія	153	Оспровъ	—
Невольники	158	Милпіадъ	220
Плодородіе	155	Милшонъ	38
Полиція	159	Минарепы	262
Сполица	150	Минервины храмы	174. 175
Марониты	31. 33. 40	Ниносъ	192
Марушъ	322	Мирина, городъ	237
Марціанъ	273	Миронъ	175
Масника	212	Мишилена, городъ	232
Машапанской мысъ	166	Мишилена, оспровъ	233
Мегара	171. 322	Древности	—
Мегарей	171	Положеніе	—
Мегаряне	183	Спранные обы- чай	234
Медея, морская при- стань	126	Мицена	169
Мединапол-саламъ	320	Моизъ	256
Медъ	246	Моисей	68
Меккіасъ	119	Монфератской мар- кизъ	192
Мелеагръ	187	Море премудрости	161
Меллида	202	Морея	167
Мелосъ, оспровъ	202	Морской конь	114
Мембларосъ, оспровъ	229	Морфу	11
Мемнонова стануя	91	Мосуль, городъ	316
Мемносовъ храмъ	90	Моцимъ	58
Мемфисъ	67. 74	Мраморъ Кариспин- ской	207
Пирамиды	68	Музеумъ	179
Положеніе	—	Мулей Исмаель	154
Менесъ	97	Муміево поле	74
Мерзоспи храмъ	25	Муми	84
Меридово озеро	74	Мысъ премудрости	100
Ловля	75	Мыши лешучія, смолр. лешучія	—
Меридъ	74		
Мерисъ	—		

	Спр.		Спр.
Навзикая	163	Никомедь	204
Навпактусь	186	Никомидия	47. 292
Навплий	208	Никонерия, оспровь	227
Навплиумь	169	Никополь	164
Наксия, городь	219	Никопольской	
Наксия, оспровь	—	мысь	164
Женщины	—	Нилова вода	119
Плодородіе	220	Пороги	93
Торги	—	Нинивія	315
Храмь Бахусовь	219	Новая	316
Намзіо, оспровь	229	Нинь	315
Наполь	169	Ноаншель	226
Нашапырь	86	Новые оспрова	200
Невольники	148. 158	Ньмые	297. 298
Невольницы	300	Обелискь	77
Невольничей рынокь	—	д'Обюсонь, Пешрь	190
Немвродь	313. 320	Одалиски	282
Негрепоншь	207	Оденашь	54
Величина	—	Одеумь	179
Зданіи	—	Озирись	98
Приливь и оп-		Олимпь	12
ливь моря	208	Омарь	28. 37. 65
Негры	156	Опій	34
Немезида	206	Оренбургская пещера	222
Немезись	—	Ороншь	23
Немейская роща	169	Ошмань	256
Игры	170	Ошпоманская Порпша	277
Неоптолемь	184	Офиуза	188
Непшунь	211	Офиузь, оспровь	204
Несль	86	Павель Апостоль	39
Нефшяные ключи	319	Павзаніева гробница	168
Нигриция	133	Пазифая	196
Низибинь, городь	313	Паламедь	208
Никария, оспровь	216	Палекра	11
Домы	217	Паллада	173
Жишели	216	Палмира, городь	52
Обычай	—	Жишели	61
Никиась	231	Исторія	52
Никия, городь	293	Климашь	61
Никозія	7	Обычай	62

	Спр.		Спр.
Положеніе	54	Пифагорь	215
Развалины	52	Повара серальскіе	289
Палмоза, оспровь	217	Подтвержденіе	112
Памфила	206	Поликандо, оспровь	201
Папуши	151	Пещера	—
Парекхія, городь	220	Поликрать	216
Парись	203	Помпеевь столпь	76
Парнась, гора	171. 185	Помпей	162
Парось, оспровь	220	Поншшартрень	123
Древности	—	Порто-леоне	180
Ломни	221	Поршугальцы	152
Мраморы	222	Пракситель	173. 175
Парфяне	54	Прозерпина	172
Пашмось, оспровь	217	Прометей	191
Пашрась	169. 187	ПроPILEI	174
Пашроклъ	184	Прошей	191
Пафось	2. 4	Прузіась	292
Паши Турецкіе	303	Пшоломеи	2. 76
Власть ихь	—	Рабашь	150
Пегазь	171	Радаманшь	192
Пелопидь	185	Ракля	228
Пелопсь	170	Рамазань	262
Пера	258	Ренегашы, или оп-	
Перисшилль	45	спутники	134. 148. 157
Перро	56	Ренія, оспровь	232
Персей	169	Решимо, городь	193
Персы	54	Римляне	54. 101. 121. 126.
Печашная земля	236		170
Пигмаліонь	5	Рихардь I.	2
Пилавь	271	Родда, оспровь	68
Пиндарь	185. 186	Родосскіе кавалеры	185
Пирамиды	68	Родось, оспровь	189
Дакжурскія	85	Городь	189
Саккарскія	—	Климашь	191
Пирей	180	Надписи	190
Пиренской источ-		Осады и взятіе	189
никь	171	Укрѣвленіи	—
Пиррь	162	Розовой испочникь	10
Пископи, деревня	5	Розы бѣлыя	313
Пишшакь	233	Роллень	63

	Стр.		Стр.
Ромуль	167	Правленіе	284
Сади-абашъ	298	Серальскія женщи-	
Саккара	84	ны	282. 279. 213
Саладинъ	66	Старой Сераль	279
Саламандры	116	Другіе серали	297
Саламина	183	Серебряной оспровъ	201
Сале, городъ	150	Сестонъ	291
Салкарага	129	Сивасская провинція	296
Салона	186	Сивасъ, городъ	305
Самосъ, оспровъ	214	Сивилла	215
Водоводъ	215	Сидонія	39
Женщины	—	Сизифъ	170
Развалины	—	Сикина, оспровъ	229
Сангарія, рѣка	292	Сикомора, дерево	84
Сангаръ, рѣка	—	Симеонъ столпникъ	24
Сан-николо, слобода	204	Симонидъ	206
Санпаринъ, оспровъ	199	Сира, оспровъ	204
Саншорень, оспровъ	—	Сирія	20
Саранча	9	Города	21
Сарданпалъ	315	Домы	—
Сапуриъ	192	Древности	22
Сафо	233	Женщины	35
Сахесъ, оспровъ	210	Жители	33
Сваенъ	93	Звѣри	27
Священной корабль	230	Климатъ	—
Северъ	257. 272	Нравы и обычаи	28
Сейды-дудъ	128	Одежда	35
Селевкія	26	Похороны	30
Селевкъ	—	Свадьбы	29. 32
Селимъ	26. 37. 101. 126	Секшы разныя	31
	140. 210	Сицилія малая, осп-	
Семирамида	320	ровъ	219
Сен-миносъ, оспровъ	218	Сиенна	93
Сераль Цареградской	275	Скарпанша, оспровъ	191
Внутреннее его		Скиннисъ	179
положеніе	277	Скиноза, оспровъ	228
Нѣмые и карлы	297	Скиронеискія горы	171
Описаніе Садовъ и		Скиронъ	171. 179
Зданій	276	Скиросъ, городъ	204
Обрядъ плашка	280		

	Стр.		Стр.
Скочекъ влюблен-		во время Рама-	
ныхъ, гора	164	зана	265
Скушари	296	Охопа	275
Слоновой оспровъ	93	Погребеніе	270
Смоляные ключи	319	Принцы крови	286
Собаки	118. 300	Сурикъ	18
Соколы	117	Сфакперія	166
Сократъ	202	Сфинксъ	73
Солецизмъ	6	Схилли, мысъ	184
Солиманъ II.	189. 268	Такапъ	
Соліа	6	Тамерланъ	256. 280. 310
Соломонъ	47. 53	Тангема	167
Солонъ	6. 183	Тандуры	244
Солосъ	6	Таурусъ	195
Соляная долина	23. 60	Тебаида	86
Спарта	167	Тебы	89. 184
Спаршанцы	166. 167	Тедморъ	53
Спроадскіе оспрова	199	Тезей	171. 173. 179. 196
Спадіумъ	179		204. 310
Спалименъ, оспровъ	236	Теламонъ	183
Спамбулъ	258	Темплеры	12
Спаподія	232	Тенарской мысъ	166
Спарецъ горной	25	Тенаръ	—
Спенноза, оспровъ	227	Тенедосъ, оспровъ	235
Сполбовой мысъ	184	Теносъ, оспровъ	204
Споногъ	28	Теокрипъ	211
Спрабонъ	302	Термія, оспровъ	203
Спрофадскіе оспро-		Термопилы	168
ва	166	Терпендръ	233
Спруфокамилъ, ппи-		Terra sigillata	236
ца	117	Тесмофоры, празд-	
Сулаки	275	никъ	172
Сулшан-валиде	282	Тигръ, рѣка	309
Сулшанши	280	Тимуръ	310
Сулшанъ Турецкой	265	Тине, оспровъ	204
Выбздъ въ мечеть	274	Типаны	207
Гробницы	269	Типъ	78
Образъ его жизни	289	Токапъ, городъ	303
Обрядъ въ Сераль		Токсандръ	256
		Топумпай	101

	Стр.		Стр.
Трагонизи	232	Исторія	256
Триполисъ	168	Комедіи	314
Триполь, городъ	121	Льбари	307
Трипольское государ- ство	121	Мануфактуры	305
Города	123	Милосердіе къ бѣднымъ	300
Древности	122	Къ скошамъ	—
Окаменѣлости	123	Многоженство	30
Морскія силы	124	Моленіе	269
Правленіе	123	Наказаніи	306
Триптолемъ	172	Пища	271
Троасъ, городъ	236	Полиція	305
Троя	235	Похороны	30
Тузія, городъ	301	Посѣ	262
Тунисское государ- ство	126	Провинціи	302
Безумные	136	Секты	324
Дворецъ	128	Увеселеніи	314
Древности	—	Турчанки	148
Женщины	136	Угела	123
Живошныи	131	Ужи	116
Жители	130, 134	Улиссъ	163. 165. 208
Заливъ	128	Улциніумъ	161
Климашь	131	Ушика	130
Обширность	128	Факардинъ	59
Переѣзны	126	Фамагустъ, городъ	8
Пища	132	Фаонъ	233
Сады	132	Фараонова мышъ	115
Спроеніе	127	Фарилло	76
Торги	133	Фаросъ	76
Укрѣпленіи	127	Фаюмъ	86
Училищи	—	Феакія	163
Тунисъ, городъ	126	Ферга	302
Турки	108. 255	Фердинандъ	126
Туркоманія	302	Ферекидъ	204
Туркоманы	256	Фецкое королевство	152
Турція	255	Города	150
Вѣра	262	Плодородіе	152
Дервиши	317	Фецъ, городъ	150
Женщины	321	Филиппъ Македон- скій	180. 231

	Стр.		Стр.
Филокипръ	6	Увеселеніи	
Филокшешъ	237	Укрѣпленіи	260
Филя	94	Цезарь	162
Фороней	189	Цекропсъ	173
Французы	258	Церберъ	166
Фрине	176	Церера	172
Халдея	319	Цериго, островъ	166
Халифъ	25	Цертея	206
Халкидонъ	297	Цея	—
Ханы	22	Цикладскіе острова	199
Харесъ, рѣчикъ	188	Цимонусъ, островъ	201
Харонъ	74	Цинтусъ, гора	231
Химера	171	Циниръ	5
Химерическія горы	162	Ципера	II. 166
Хирина	302	Циперонъ, гора	171
Хіо, островъ	210	Ципносъ, островъ	203
Величина	—	Ципрея	11
Города	—	Циперонъ	162
Женщины	219	Цыпляты	117
Исторія	210	Чауши	274
Образъ жизни	216	Чаша подозрѣнія	111
Плодородіе	—	Черное море	259
Произрастѣніи	212	Шарлотта	3
Сполица	210	Шато-ру	207
Храмовые кавалеры	12	Шейхи	147
Храмъ солнца	56	Шелкъ	205
Хурли	22	Шербетъ	271
Царь-Градъ	256	Шерединъ	140
Гробницы	269	Шерефуръ	317
Дворецъ	275. 292	Шехабалда	86
Домы	259	Шех-гариди	88
Древности	272	Широнъ, вѣспрѣ	177
Зданіи	267. 278	Югурта	125
Исторія	256	Юнона	215
Мечети	267. 268	Юпиперъ 161. 167.	192
Пожары	326	Юстиніанъ	39
Положеніе	259	Юспинъ	265
Портъ	258	Ямбилихъ	58
Рынокъ неволь- ничей	294	Ямбическіе стихи	222
		Янычар-ага	270

	Стр.		Стр.
Япетъ	191	Теодоретъ	25
Яшма, камень	214	Теодосій	267. 273
Ѣмаръ	105	Теопомъ	211
Ѣморъ	53	Ѣиваида	86
Ѣемиспоклъ	183	Ѣивы	89. 184

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka

Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok

Nr.

ВСЕМИРНЫЙ ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЬ,

или

ПОЗНАНИЕ СТАРАГО И НОВАГО СВѢТА,

по естъ:

О П И С А Н І Е

всѣхъ по сіе время извѣстныхъ земель
въ чепырехъ часпяхъ свѣта,

содержащее:

каждыя страны крашную испорію, положеніе,
города, рѣки, горы, правленіе, законы, военную
силу, доходы, вѣру, ея жипелей, нравы, обычаи,
обряды, науки, художества, рукодѣлія, торго-
влю, одежду, обхожденіе, народныя увеселенія,
доможипіе, произраспенія, ошмѣнныхъ живо-
пныхъ, звѣрей, пшиць, и рыбу, древности, зна-
шмыя зданія, всякія особливости примѣчанія
достойныя, и пр.

изданное

Господиномъ Аббапомъ де ла Порть,

а

на Россійской языкъ
переведенное съ Французскаго.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Типографіи Ивана Глазунова,

и его иждивеніемъ, 1813 года.

Biblioteka prywatna

Jakuba Antoniuka

Dobrzyniewo-Duże

pow. Białystok

Nr.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniec-Duże
pow. Białystok

Nr. 1

Вновь напечатано со втораго изданія, по одо-
бренію прежде-бывшей Санктпетербургской
Цензуры, данному Октября 16 дня 1798 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е

Писемъ содержащихся въ семь
Второмъ Томѣ

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniec-Duże
pow. Białystok
Стран.
Nr. 1

1.	Продолженіе Турціи.	1
2.	Конецъ Турціи.	38
3.	Грузія и Имерепія.	82
4.	Мингрелія, или Древняя Колхида.	112
5.	Арменія.	135
6.	Мидія.	150
7.	Персія.	166
8.	Продолженіе Персіи.	190
9.	Продолженіе Персіи.	210
10.	Конецъ Персіи.	227
11.	Аравія.	273
12.	Каменистая Аравія.	299
13.	Пустая Аравія.	327
14.	Палестина, или Обьпованная Земля.	360

ВСЕМИРНЫЙ
ПУТЕШЕСТВОВАТЕЛЬ.

ПИСЬМО XV.

Продолженіе Турциі.

По возвращеніи въ Царьградъ первыимъ моимъ попеченіемъ было, опдашь Послу опчепь о подробностяхъ моего путешествія. Онъ приглашалъ меня жить у себя въ домъ; но я, благодаря за его благосклонность, опговорился подь разными предлогами, не желая въ самомъ дѣлѣ опсавить дома Генуесцова, гдѣ былъ я гораздо вольнѣ. Сей пріяшель обрадовался моему возвращенію, и пошчасъ далъ знать Янычарскому офицеру, кошорой немедленно пріѣхалъ къ намъ въ Галашу.

Посреди ушѣхъ, доставляемыхъ намъ сими двумя друзьями, занемогъ я горячкою. По щасію, чпо въ Царьградѣ можно найши хорошихъ докторовъ. Во всякомъ другомъ городѣ принужденъ бы я былъ опдаться въ руки какого Турецкаго или Жидовскаго Ескулапія: чего я наибольше въ моихъ путешествіяхъ боялся. Мнѣ извѣстно было ихъ невѣжество, а по шому и спрашнѣ представлялись слѣдствія ихъ леченія. Моженъ бышь, видали вы, Государыня

моя! какъ у насъ лѣчатъ лошадей. Искусство, кое называемъ мы коновалствомъ, здѣсь, мнѣ кажется, заснупаетъ мѣсто врачебной науки. Не рѣдко видалъ я по здѣшнимъ улицамъ, чпо больного посадишь на углу на большой камень, и пускають ему кровь: но еще больше меня удивила, или яснѣе сказала, успрашила, величина инструмента, копорымъ открывають жилу. Турки не прихотливы въ семь случаевъ. Ежели лѣкаръ его изувѣчишь или уморишь, они говорятъ, чпо пому шакъ бытъ надлежало. Мы имѣемъ въ Европѣ образъ мыслей совсемъ различной, но можеть бытъ споль же безразсудной о людяхъ сего ремесла.

Между Греками въ Царѣградѣ и въ другихъ мѣстахъ есть обыкновеніе, копорое можеть служишь доказательствомъ суевѣрія и невѣжества сего народа. Когда у больного голова закружится, и жаръ вспушитъ въ мозгъ, шакъ, чпо онъ спанеть бредишь; родственники заключаютъ, чпо дѣволъ въ него вселился, опускають лѣкарей, и предають его въ руки попамъ, а сія немилосердно его мучають, или заклинаніями, или обливая безъ пощады свяпою водою, копорая вмѣсто помощи, умножаеть въ немъ жаръ. Они почтуютъ за сумасшедшаго пого, кпо присовѣтуеть пуспитъ ему кровь въ подобномъ случаѣ, и всѣ въ помя упражняются, чпобы увѣрять приходящихъ, сколь сильно боится больной съ дѣволомъ. Еслили больной умретъ, то не должно его класть въ свяпой земль, по тому чпо онъ худо защищался; ежели же выздоровѣеть, всѣ почитають за чудо и вся слава приписываеть попамъ. Я избавился опть моей болѣзни, пролежавъ нѣсколько дней

въ поспель, и больше беспокоился опть спраха, чпобы пияжелѣ не занемочь, нежели въ самомъ дѣлѣ поспрадалъ.

У насъ разсказываютъ споль спрашнымъ образомъ объ опустошеніяхъ чинимыхъ здѣсь всякой годъ моровою язвою, чпо боялся я, не она ли ко мнѣ пришла. Надобно пожить нѣскольکو времени въ Царѣградѣ, чпобы избавишь опть сего спраха. Язва у Турковъ не больше опасна, какъ у насъ горячка. Она продолжаеться у нихъ круглой годъ. Но надобно и въ помя согласишь, чпо сія болѣзнь здѣсь почти одна. Приснаеть она ко многимъ; многіе опть нее умирають, но большая частъ вылѣчиваються. Турки моглибъ предъосперечь опть сей губительной болѣзни, предписавъ карантинъ приходящимъ изъ Египта кораблямъ; ибо опшуда почти всегда навозяшь заразу: но они не только не принимаютъ предоспорожностей, чпобы ее не допустишь, да и не спараються о ея пресѣченіи. Спокойно смонряють, когда умираеть попяши и по шеспи сошь человекъ на день, и зачинають уже погда помышлять о средствяхъ, когда число умирающихъ доидеть до пысячи двухъ сошь. Посѣщаютъ зараженныхъ, какъ мы больныхъ посѣщаемъ. Плащѣ и вещи умершаго продають на рынкахъ, равно какъ и послѣ всякаго покойника. Торговля опть пого, ничего не шерпитъ. Язва не пренятспвуетъ ни введеннымъ въ обычай сборищамъ, ни обрядамъ вѣры, ни ауденціямъ Пословъ.

Осла несравненно меньше здѣсь опасна, нежели въ Европѣ. Правда, чпо и въ Турціи подвержены бы были, какъ у насъ, ея свирѣпости, ежелибъ не брали предоспорожностей, и

не прививали ее заранее дѣтямъ. Для сего избирается обыкновенно мѣсяць Сентябрь, по естъ время наступившее послѣ большихъ жаровъ. Ошправляютъ сіе ремесло старухи. Онѣ посылаютъ спрашивать по домамъ, нѣтъ ли охотниковъ привить себѣ оспы. Дѣтей собираютъ въ одинъ домъ по двадцати вдругъ. Стяруха приходитъ и приноситъ съ собою въ скорлупѣ Грецкаго орѣха оспианую матерію, опкрываетъ на кожѣ опверспіе иглою, и выпускаетъ ее: попомъ покрываетъ мѣсто орѣховою скорлупою и дѣлаетъ по же на другихъ частяхъ тѣла, но никогда на лицѣ, дабы его не обезобразить. Въ первые восемь дней дѣти здоровы, играютъ и бѣгаютъ, попомъ, какъ придетъ жаръ, лежатъ въ постель два дни, а спустя недѣлю, совсемъ выздоравливаютъ. Они не имѣютъ никогда больше двадцати или тридцати оспинокъ на всемъ тѣлѣ. Раны, кои нарочито гниютъ во время болѣзни, привлекаютъ въ себя весь ядъ, и дѣлаютъ, что рябинъ не оспаешся.

Лишь только я освободился отъ моей болѣзни, дали намъ знать, что Посоль говоритъ съ нами хочеть. Мы пошчасъ пошли къ нему, и онъ намъ объявилъ, что черезъ два дни будеть имѣть конференцію съ Великимъ Везиремъ, и что приглашаетъ насъ съ собою. Въ Турціи естъ обычай, что когда Посоль въ церемоніи, всѣ его земляки соспавляютъ его свипу. Намъ мѣсто назначили между Дворянами Посольства. По переѣздѣ Порша, были намъ даны лошади, и мы всѣ ѣхали порядкомъ къ Поршѣ, гдѣ живеть Везиръ. На крыльцѣ встрѣпили насъ нѣкопорые чиновные, и проводили въ одинъ покой, лежащій близъ залы аудіенціи, гдѣ подождавъ

немного, ввели насъ въ оную. Посоль сѣлъ въ креслы прошивъ Везирскаго мѣста, а самъ Везиръ вскорѣ пришелъ изъ другихъ дверей. Тогда пошчивали ихъ обѣихъ, и всю свипу закусками и кофемъ. Я съ неперпѣливостію ожидалъ, чтобъ намъ велѣли выдти. Мнѣ скучно было споятъ въ сей церемоніи, гдѣ сидятъ только одни Посоль и Везиръ. Разговаривали они между собою съ часъ, съ помощію Драгомана, или переводчика Поршы. По окончаніи конференціи велѣли намъ опять всупить въ залу. Везиръ, дабы больше оказатъ чести Послу, приказалъ всѣмъ намъ поднести шербеша и розовой воды, послѣ какъ уже они сами напились. Множеству амвры, коею задушень шербетъ, воспреняпспивовало мнѣ найши его споль же пріятнымъ, каковымъ онъ кажется Туркамъ. Я только прихлебнулъ и опдалъ назадъ. Товарищи мои по же учинили: но воды розовой мы не пошадими, и дали волю Чегодарямъ Везирскимъ липъ оной намъ на руки и въ плашки, сколько имъ хотѣлось. Попомъ Посоль вспалъ и пошелъ, а за нимъ слѣдовали и мы такимъ же порядкомъ, какъ и прежде.

Ошпоманскіе Государи не держатъ Пословъ, ни Резиденшовъ при чужихъ Дворахъ, а посылаютъ только изрѣдка къ нѣкопорымъ. Христіанскіе напрошивъ пого, бывъ не споль щекопливы въ разсужденіи мѣлочныхъ обрядовъ, сколь попечительны о пользѣ управляемыхъ ими народовъ, поспунаютъ совсемъ прошивнымъ образомъ. Они всегда имѣютъ при Поршѣ Пословъ, Миниспровъ, или Резиденшовъ, а въ главныхъ приспаяхъ Консуловъ, для покровительства шорговли. Когда Миниспры допуска-

юпся на аудіенцію къ Султану, Везирь даетъ имъ обѣдъ въ самомъ Диванѣ, потомъ надѣваюпъ на нихъ шубу, а на свипу *кафтаны*, родъ Турецкой церемональной одежды, сверхъ собспвеннаго ихъ плащя. Сей маскарадъ шѣмъ непріятенъ, чпо ежелибъ попотребовали ошъ Турецкихъ Пословъ надѣшь Европейское плащье въ пріемную аудіенцію, они бы ни подѣ какимъ видомъ на шо не согласились. Правду надобно сказать, чпо способнѣе надѣшь рясу на кафтанъ и шляпу на голову, нежели Французской кафтанъ на двѣ или шри шубы, и сбросишь чалму, подѣ которою голова вся выбрипа, и кошорую законъ Магомешанскій не позволяешъ снимашъ ни въ мечешѣ, шо еспъ передѣ Богомъ, ни передѣ Султаномъ, а еще меньше передѣ другими.

Еспъ еще другія неприяпности, коимъ чужестранные Министры подвергаются въ подобныхъ случаяхъ. Не могутъ они бышь при шпагахъ на аудіенціи, а оснавлиаютъ ихъ или прихавъ къ воротамъ другаго двора, или совсемъ съ собою не возяшь. При входѣ въ залу аудіенціи, берутъ ихъ подѣ руки и держашъ два Капиджи-Баши, какъ бы опасаясь ошъ нихъ чего худаго. Сей обрядъ наблюдаешся со времени *Баязета II.* по причинѣ нѣкотораго покушенія на сего Султана.

Когда шуба надѣша на Посла, шо ведупъ его въ помянутую залу, находящуюся уже въ нупри Сераля за шрешними воротами. Въ одномъ углу споишь въ ней спаринной шронъ, похожій на большую кровать, покрытую золошымъ ковромъ; балдахинъ и столбы его поддерживающіе, вышпшы золошомъ и унизаны жемчу-

гомъ и дорогими каменьями: но покой шакъ пемень, и все сіе шакъ спаро, чпо едва великодѣіе и богатштво убраншва глазами разсмопрѣшь можно. Султанъ сидишь посреди шрона, свѣся ноги на спупеньку, или больше на скамейку, на кошорой лежишь богатая подушка. Онъ бываешъ шакъ важень въ сіе время, чпо кажется неподвижнымъ. По правую у него руку споишь Везирь, Капитанъ-Паша, и другіе великіе чиновники, кои случашся въ Царѣградѣ. Вошедъ въ залу, Посоль дѣлаешъ при наклоненіи, говоритъ рѣчь и опдаешъ грамату, кошорая лежишь обыкновенно въ золошомъ мѣшкѣ, ближнему изъ предспоящихъ чиновниковъ. Сей передаешъ другому, и шакимъ образомъ доходишь она до Везира, кошорой владешь ее на споиликъ, споящій подѣ шрона. *Драгоманъ Порты* переводишь рѣчь Султану запинаясь, пошья и дрожа, а онъ даешъ знакъ Везирию сдѣлашь опвѣшь, кошорой Драгоманъ шакже переводишь Послу, но на ухо. Послъ чего Посоль опкланивается и выходишь не обращающъ къ Султану спиною: чего бы и не допустили учинишь держащіе подѣ руки Капиджи-Баши.

Съ самаго шого времени, какъ Европейскіе Государи начали посылашь Пословъ и Министровъ къ Поршѣ, не было ни одного Посольшва, кошорое бы съ шоликимъ почшеніемъ, уваженіемъ и опмѣною было принято и оппущено, какъ послѣднее Россійское, опправленное **ВЕЛИКОЮ ЕКАТЕРИНОЮ** къ Абдулхамиду, по славномъ для Россіи окончаніи войны, и по заключеніи споль выгоднаго для сей Имперіи мира. Посломъ былъ Генераль-Аншефъ *Князь Николай Васильевичъ Репнинъ*, пошъ самой, ко-

порого Турки чувствовали въ продолженіе войны храбрость, копорого испытали великодушіе, копорого неусыпности въ трудахъ воинскихъ удивлялись: пошь самой, копорой по полной мочи опъ главнокомандующаго Генераль-Фельдмаршала *Графа Румянцова*, споль доспойно наименованнаго *Задунайскиль*, заключиль съ нимъ въ *Каинарджѣ* миръ, и подписалъ прахпашь. Сами Турки свидѣтельствуютъ, что не помнятъ они и не слыживали опъ предковъ своихъ, чтообы когда нибудь присылаю было изъ Европы Посольство къ Султану, великолѣнне и многочисленне сего.

Имѣлъ бы я случай здѣсь обстоятельне объ ономъ говорить: но опасаясь съ одной стороны, чтобы не выдши изъ границъ краткости моего сочиненія, а съ другой надѣясь должно, что, какъ помянутое Посольство было составлено изъ людей избранныхъ и опличающихся знаніями и способностію, можешь быть, прудипся уже кпо изъ нихъ издашь въ свѣтъ шаковое подробное описаніе: по чему и бесплодно бы было мнѣ въ оное здѣсь мѣшаться *. И шакъ, скажу пошько въ нѣсколькихъ словахъ,

* Описание сего Посольства напечатано особливою книгою при Императорской Академіи Наукъ въ четвертую долю листа въ 1777 году, съ двумя гравированными изображеніями аудіенціи у Султана, и визишы у Визиря. Но какъ въ ономъ нѣшь именъ всѣхъ составлявшихъ Посольство, да и ни гдѣ шого въ свѣшъ издано не было; по я надѣюсь чипашелямъ угодность сдѣлашь, прилагая здѣсь обстоятельной всѣмъ списокъ съ показаніемъ тогдашнихъ ихъ чиновъ.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniewicza
Dobrzyniec - Duża
pow. Białystok
Nr. —

что пошь опличностей по разумнію Турецкому, копоры бы не были оказаны Россійскому Послу, и какихъ ни кому передъ шѣмъ, да и

Свита Посольства.

I. Маршалъ Посольства.

Государственной Коллегии Иностранныхъ Дѣлъ Совѣтникъ Посольства Яковъ Ивановичъ Булгаковъ.

II. Секретари Посольства.

Совѣтники Посольства. *Jakuba Antoniewicza*

1. Иванъ Христофоровичъ Вильдъ. *Dobrzyniec - Duża*
2. Аркадій Ивановичъ Морковъ. *pow. Białystok*

III. Дворяне Посольства.

1. Аршиллеріи Капитанъ Сергей Лавреншіевичъ Львовъ.
2. Флота Капитанъ-Лейтенантъ Василий Ивановичъ Плещеевъ.
3. Флота Капитанъ-Лейтенантъ Сергей Ивановичъ Плещеевъ.
4. Лейб-Гранодерскаго полку Приміеръ-Маіоръ Александръ Васильевичъ Поликарповъ.
5. Третьяго Гранодерскаго полку Приміеръ-Маіоръ Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій.
6. Новагинскаго пѣхотнаго полку Приміеръ-Маіоръ Александръ Ивановичъ Арсеньевъ.
7. Лейб-Гвардіи Семеновскаго полку Капитанъ-Поручикъ Графъ Левъ Кириловичъ Разумовскій.
8. Штаба Генералъ-Аншефа и Кавалера фонъ Берга Флигель-Адьютантъ Христіанъ фонъ Бергъ.
9. Лейб-Гвардіи Преображенскаго полку Адьютантъ Князь Николай Сергеевичъ Волконскій.
10. Лейб-Гвардіи Измайловскаго полку Подпоручикъ Михайло Александровичъ Новосильцовъ.

посла его бывшимъ опть другихъ Дворовъ По-
сламъ, дѣлано не было.

11. Того же полку Прапорщикъ Алексѣй Николае-
вичъ Чичеринъ.
12. Лейб-Гвардіи Коннаго полку Корнетъ Сергей
Адамовичъ Олсуфьевъ.

IV. Оберъ-Шталмейстеръ.

Опсшавной Подполковникъ Князь Семенъ Захаріе-
вичъ Херхеулидзевиъ.

V. Офицеры для посылокъ.

1. Кавалергардскаго Корпуса Кавалергардъ Капи-
танскаго ранга Николай Ельчаниновъ.
2. Астраханскаго Карабинернаго полку Рот-
мистръ Сарау.
3. Вологодскаго Пѣхошнаго полку Капитанъ Гри-
горій Мосоловъ.
4. Ярославскаго Пѣхошнаго полку Капитанъ Але-
ксандръ Маркловскій.
5. Лейб-Гранодерскаго полку Капитанъ Пепръ
Мансуровъ.

VI. Коммиссары.

1. Нарвскаго Пѣхошнаго полку Капитанъ Андрей
Львовъ.
2. Псковскаго Пѣхошнаго полку Капитанъ Иванъ
Румянцовъ.
3. Помощникъ Коммиссарской, опсшавной Пра-
порщикъ Иванъ Травинъ.

VII. Канцелярскіе служители.

1. Секретарь Воспочныхъ языковъ Панаіодоросъ
Никобуло.

Переводчики.

2. Иосифъ Крута.
3. Вилимъ Дандрій.
4. Антонъ Палладоклисъ.
5. Иванъ Северинъ.

Турки не давали ни кому Типула Импера-
тора, кромъ Короля Французскаго; а съ по-

6. Иванъ Вилкенсъ.
7. Семенъ Щепотевъ.
8. Иванъ Вальцъ.
9. Дмитрій Ханжерли.
10. Акшуріусъ Карлъ Маркловскій.

Студенты.

11. Князь Иванъ Ухтомскій.
12. Василий Озеровъ.
13. Ипполитъ Болкуновъ.
14. Иванъ Форсманъ.
15. Павелъ Милуковъ.
16. Андрей Шмишъ.
17. Антонъ Марини.
18. Иванъ Равичъ.
19. Прапорщикъ Олаусъ.
20. Изъ Кіевской Рейтарской команды 2 полмоча
и 6 Унтеръ-Офицеровъ.

VIII. Священникъ Посольства.

Иеромонахъ, Опещъ Дорофей Возмуло,
Пѣвчихъ 12 человекъ.

IX. Врачи.

Медикъ Ионатанъ Рожерсъ.
Лѣкаръ Иванъ Гохфельдъ.
Подлѣкаръ Будберцъ.

X. Офицеры для рисованія.

1. Дивизионной Квартермистръ Капитанъ Шрей-
деръ.
2. Пермскаго Карабинернаго полку Ротмистръ
Целнеръ.
3. Понернаго Бапаліона Подпоручикъ Клеманъ.

XI. Штатъ Его Сіятельства Посла.

1. Генеральсъ - Адьюшантъ Иванъ Романовичъ Ран-
цовъ.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobryniowa-Duże
pow. Białystok
№, —

сѣдняго съ Россією пракшапа начали давати и Всероссійской Монархинѣ пишуль *Императрицы*

2. Флигель-Адъютаншы: Баронъ Игелспромбъ, Василій Салыиковъ.
3. Оберъ-Аудиторъ Иванъ Алексѣевъ.
4. Секретарь Дмитрій Трощинскій.
5. Переводчикъ Яковъ Бодиско.
6. Канцеляристъ и 3 Писаря.
7. Сержантъ Смирной и 2 Гранодера.
8. Лейб-Гвардіи Измайловскаго полку 6 Гранодеровъ.

XII. Военная Комманда.

1. Сумскаго Гусарскаго полку Секундъ-Маіоръ Николай Ивановичъ Туполминъ.
2. Лейб-Гранодерскаго полку Секундъ-Маіоръ Николай Матвѣевичъ Гиббершовскій.
3. Куринскаго Пѣхошнаго полку Секундъ-Маіоръ Ираклій Ивановичъ Морковъ.
4. Черниговскаго Пѣхошнаго полку Капитанъ Иванъ Туполминъ.
5. Лейб-Гранодерскаго полку Капитанъ Александръ Гудовичъ.
6. Сумскаго Гусарскаго полку Поручикъ Сергей Вердеровскій.
7. Третьяго Гранодерскаго полку Подпоручикъ Иванъ Карлгофъ.
8. Кіевскаго Кирасирскаго полку Корнетъ Петръ Липхенъ.
9. Каргопольскаго Карабинернаго полку Корнетъ Бринкъ.
10. Уншеръ-Офицеровъ Пѣхошныхъ и Конныхъ 4
11. Гранодеровъ - - - - - 60
12. Кирасировъ - - - - - 30
13. Гусаровъ - - - - - 30
14. Липаврщиковъ - - - - - 2
15. Трубачей - - - - - 8
16. Музыканповъ - - - - - 10
17. Флейщиковъ - - - - - 4
18. Барабанщиковъ - - - - - 4

или *Падшахъ*, пи: е: пошь самой, копорой носить Сулпанъ.

19. Цирюльниковъ - - - - - 3
20. Масперовыхъ при командѣ - - - - - 7
21. Масперовыхъ при Посольствѣ, по еспъ плопниковъ, порпныхъ, сѣдельниковъ, сапожниковъ, кузнецовъ и пр. - - - - - 60

XIII. При подаркахъ.

Золопыхъ дѣлъ Масперъ Марпино.

Ученики его: 1. Егоръ Осиповъ.
2. Иванъ Губолкинъ.

Скорняшники: 1. Семенъ Ивановъ.
2. Иванъ Семицѣшовъ.

Шаперники при палаткахъ 1. Афонасій Ивановъ.
2. Афонасій Степановъ.

XIV. Доль Посольской.

1. Метрдопель - - - - - 1
2. Камердинеровъ, Тафелдекарей, Кофишенковъ, Кондипоровъ, Музыканповъ и пр. 25
3. Поваровъ, Приспѣшниковъ, Хлѣбниковъ и пр. 19
4. При конюшнѣ: Гусаровъ, Конюховъ, Кучеровъ и пр. - - - - - 33
5. Порпныхъ и другихъ Масперовыхъ - - - - - 8
6. Гайдуковъ - - - - - 6
7. Швейцаровъ - - - - - 2
8. Скорородовъ - - - - - 4
9. Егерей - - - - - 2
10. Лакеевъ - - - - - 18

XV. Служителей Свиты Посольства. 120

По прибышии въ Царь-градъ присоединены были къ Посольству всѣ находящіеся при Повѣренномъ въ дѣлахъ, Спашскомъ Дѣисвительномъ Совѣщникѣ Г. Петерсонѣ, Совѣщники, Переводчики, Канцелярскіе служители и пр. что все вмѣстѣ, и присовокупя къ сему служителей нанятыхъ въ прибавокъ къ своимъ шамъ, соспавляло болѣе семи сотъ человекъ.

Турки вообще презираютъ чужестранныхъ, а особливо Жидовъ и Хрисціанъ. Они всемъ надавали въ насмѣлку прозванія: Жидовъ называютъ *собиками*. Персіанъ *красноголовыми*, Армянь *ѣдунами дерма*, Ташаръ *ѣдунами ладалицы*, Арабовъ *бѣшеными*, Грековъ *бзрогиновыми*, Булгаровъ *ворами*, Рагузянцовъ *шлюнами*, Рускихъ *сердитыми*, Поляковъ *невѣрными* *наяними*, Нѣмцовъ *бзстыдными*, *богохулителями*, Испанійцевъ *тысяцесѣтными*, и: е: обманщиками, Голландцовъ *кулцами сыровъ*; Англичанъ *суконщиками*, Французовъ *лисицами* и пр.

Когда я совершенно уже выздоровѣлъ, готовился вдругорядъ пусшиться ѣздить по провинціямъ, но не споль уже далеко и не въ споль опасныя мѣста. Смирна, городъ опмѣнной въ Наполіи, споль славенъ, что не льзи почти не пожелаешь осмопрѣшь разсказываемыхъ объ немъ разныхъ любопытства достоинныхъ вещей. Мы наняли судно на каналъ. и опсправились съ шрема купцами, ѣдуцими шуда для шорговыхъ дѣлъ, и съ копорыми мы познакомились еще въ Царѣградѣ.

Мы держались берега Босфорскаго, оставя въ лѣвой рукѣ *Скутари* и *Халкидонъ*. За мысомъ Пропонидскимъ лежишь рукавъ, или заливъ преширокой, въ концѣ котораго находилъся *Исмида*, спаринная *Никомидія*. Мы проѣхали заливъ, имѣя на правой рукѣ оспровъ Прощеевъ, и вышли на сухой пунь за нѣсколько миль опъ залива *Монтоин*, въ самомъ шомъ мѣспѣ, гдѣ лежишь городъ сего имени. Онъ великъ и довольно населенъ. Жилиши весьма шрудолубивы, прилѣжаши къ одному земледѣлю, и сѣюшь всякаго рода хлѣбъ.

Монтоиню оставили мы въ часъ по полудни, и приѣхали ночевать въ Брусу, до копорой дорогу имѣли чрезъ поля нарочито вырабшанные. *Брусса*, инаково *Бурса*, *Бурція*, и *Пруза* называемая, была сподлицею и преспольнымъ градомъ Општоманской Имперіи прежде, нежели Турки овладѣли Царемъ-градомъ. *Прузіасъ*, Царь Виѣини, пошъ самой, копорой измѣнилъ *Аннибалу*, ищущему убѣжища въ его владѣнїяхъ бмъ основатель города. Иные увѣряютъ, что онъ поспроенъ Прузіасомъ, современникомъ Кировымъ, и сѣ мнѣше кажетъ мнѣ въроподобнѣе. Но какъ бы то ни было, Брусса въ наши времена есть городъ не малой, около десяти верспъ въ окружности имѣющій и весьма прїятно лежащій при подошвѣ горы *Омилла*, копорая есть наивышшая изъ горъ не только въ Виѣини, но и во всей меньшей Азии. Спѣны въ Брусѣ еще шѣ самыя, что были при Греческихъ Императорахъ. Турки не хошѣли ихъ разрушишь изъ почшенія къ *Орхану*, первому своему Султану, умершему и погребенному въ семь городѣ. Намъ показывали его гробницу, споящую въ одной великолѣпной мечешѣ, въ копорой всѣ горы мраморныя. Мечешъ Аладинава, есть одна изъ вещей любопытныхъ въ Брусѣ, велика, чешвероугольна и поспроена изъ шесаннаго камня. Сводъ ея сосшавленъ изъ двадцати пяти небольшихъ и вѣрной высоты куполовъ, производящихъ прїятное зрѣлище. Городъ окруженъ прекрасными садами, кои получаютъ воду съ изобиліемъ изъ шрехъ рѣчекъ, наполненныхъ форелью. Въ садахъ насажены кашшановые, орѣховые и шелковичные деревья, изъ копорыхъ послѣдніе питаютъ непонянное

множество червей. Жители трудолюбивы, искусны в шитье золотом и серебром по бархату и другим дорогим шпифамъ. Наилучшія Турецкія софы, подушки, ковры дѣлаются здѣсь. Мука, изъ копорой пекутъ хлѣбъ для Султана и Султаншъ, привозится изъ здѣшней провинціи, и мѣлится изъ хлѣба родящагося на землѣ собственно принадлежащей сему Государю. Хлѣбъ сей почитается за наилучшій въ Левантѣ, и муку мѣлится въ Виеннѣ несравненно мѣлче, нежели въ Царь-градѣ.

Мы остановились версты за три отъ Брусы въ деревнѣ *Каллиджи* для осмотра теплицъ, славящихся во всѣхъ сихъ окрестностяхъ. Турки построили въ ней многіе зданія, изъ коихъ и самыя послѣдніе намощены и одѣшны въ нупри мраморомъ. Главнѣйшее, называемое *Большая Баня*, покрыто куполомъ на подобіе мечети, и въ нупри украшено мраморомъ и порфиромъ. Вода текущая въ водоемы также мраморныя, естественна такъ горяча, что принуждены были провести въ оныя ручей холодной воды, дабы учинить ее сносною. Сія баня въ великомъ употребленіи, и пользующаяся ими съ успѣхомъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Узнавъ, что онѣ здоровы и для людей совсемъ небольшихъ, мы сами въ оныя ходили.

Наилучшія бани главнѣйшихъ Турецкихъ городовъ, походящія на здѣшнія, и я вамъ дамъ понятіе обо всѣхъ вообще, если опишу одну Брускую. Она состоитъ изъ двухъ большихъ залъ со сводами, со столбами и лавками разнаго мрамора. Каждая изъ нихъ имѣетъ маленькіе покоицы для различныхъ употребленій. Посреди первой сдѣланъ изъ порфира водоемъ,

а въ одномъ углу поставлена печь для сушенія бѣлья моющихся. Въ долъ стѣны разставлены стулья, или большія покрытыя коврами скамьи, на копорыхъ раздѣваются. Вымывшись въ поманутомъ водоемѣ, переходящъ въ другой небольшой и очень теплой покой, въ копоромъ пошьютъ, сколько кому угодно. Опшуда опять идущъ во вторую залу, гдѣ стоить превеликой мраморной водоемъ, а подлѣ его долгой шакой же полость, на копорой лежатся, и дають себѣ выпягивать и расправлять всѣ члены. За симъ дѣйствіемъ слѣдуетъ другое, опправляющее подлѣ бани въ небольшомъ покойцѣ, естественно нагрѣтомъ. Тутъ брѣютъ все тѣло, или вырываютъ волоса съ корнемъ нѣкоторымъ тѣспомъ называемымъ *Рузма*. Послѣ чего тѣ же банщики, кои расправляли соснавы, пруть тѣло съ головы до ногъ, кускомъ спамена или камлопа.

Вопъ, Государыня моя! все, что я могъ узнать собою о Турецкихъ баняхъ. Вы бы совсемъ инаково удовольствовались любопытствомъ, если бы спростовали сами по сей землѣ, и увидѣли бы наипрекраснѣйшее зрѣлище. Я говорю о сходбищахъ Турецкихъ женщинъ въ баняхъ. Не могу я вамъ инаго сказать объ нихъ, какъ то, что слышала отъ нѣкоторой Французской спарухи, поселившейся въ Царь-градѣ, и бывшей въ службѣ у одной Англиской при Портѣ Посольши. Она меня увѣряла, что знаетъ отъ самой Посольши, бывавшей часто въ поманутыхъ баняхъ, всѣ подробности, копорыя мнѣ рассказывала. Ежелибъ мужчина опважился войти какъ нибудь въ сіи женскія собранія, тотчасъ бы смертию былъ наказанъ.

Когда время идти въ баню наступаетъ, женщины Турецкія собираются въ оную, каждая въ препровожденіи невольницы, и имѣя два покрывала: одно закупываешь у нихъ все лице, кромѣ глазъ, другое покрываетъ головной уборъ и виситъ по спинѣ шакъ, чпо не можно различить госпожи со служанкою.

Пришедши въ баню, скидаютъ онѣ все платье, и въ семь природномъ соспоянніи, уподобляясь Граціямъ, или каковыми описывають намъ Языческихъ Богинь, препровождаютъ цѣлые чепыре часа времени, упражняясь каждая, въ чемъ хочеть. Однѣ нерадиво лежа разговаривають о городскихъ новостяхъ, а между шѣмъ невольницы ихъ, дѣвицы дѣшь по осмнадцать, сидя позади ихъ шакже раздѣшья, плещуть имъ косы; другія прохаживаються величественно по банѣ; иныя пьютъ шербеть. или чпо нибудь вышивають. Ихъ собираешся иногда до двухъ сотъ. Подумайте, еспь ли чпо на свѣшѣ, съ чѣмъ бы можно было сравнить шакое множество красавиць вмѣстѣ и безъ одежды? Сіе сборище почитаешся за увеселеніе между женщинами лишенными всякаго удовольствія. Онѣ смѣются, поють, играють, резвящяся какъ дѣши: но изліянія климата и спрранной вкусъ нѣкопорыхъ изъ нихъ, дѣлають иногда игры ихъ не весьма невинными.

Баня естъ шакже шеапръ роскоши и щегольства, какъ пріятноспей и красосы. Бѣлилы, благовонія, жемчугъ, каменья раскладены на уборныхъ столикахъ, или на подушкахъ. Женщины спорящъ, кто изъ нихъ шщеславнѣе и щеголевашѣе, и кто имѣеть больше сокровенныхъ пріятноспей. Баня естъ единственное для

нихъ мѣспо, гдѣ могутъ онѣ всемъ симъ похвасташъ, по меньшей мѣрѣ предъ особами своего пола; и не удивительно, чпо спараются показашъ въ блистающемъ образѣ въ шакомъ убѣжищѣ, внѣ коего всегда бывають закушаны.

Я опасаясь, чпобы вы не осердились на меня, чпо оспанавливаюсь шакъ долго въ простиной деревнѣ. Дабы намѣспить оное, не упомяну я совсемъ о двухъ дняхъ, употребленныхъ нами на дорогу въ *Лубади* или *Лубать*, городъ лежащій въ восьмидесяти верстахъ отъ Бруссы и въ пятидесяти отъ горы Олимпа. Видѣ его чепвероугольной, выпроенъ онъ дурно и жилиелей въ немъ мало. Въ спѣнахъ, или лучше, развалинахъ, видно нѣчпо похожее на башіоны. Куски мрамора въ нихъ вдѣланные, могутъ быть, какъ я не безъ основанія думаю, оспаншки города *Аполлоніи*.

Мы проѣхали чрезъ прекрасныя ровнины *Мизіи*, и спали лагеремъ на берегахъ *Гранника*. Сія рѣка, первой шеапръ славы *Александровой*, и копорую разбише *Даріево* учинило не меньше знашною Тигра и Евфрата, почти совсемъ была безводна въ наше время. Мы два раза чрезъ нее переѣзжали въ бродѣ, однажды въ *Мизіи*, а вдругорядъ на поляхъ *Фригійскихъ*, за полшора дни отъ *Лубана*. Помомъ ѣхали мы еще около семидесяти верспъ по разнымъ высотамъ и долинамъ, и прибыли въ *Баскулмбей*, большое *Фригійское* мѣстечко, въ копоромъ производилъ не малой шоргъ хлопчатую бумагою.

Въ семь мѣспѣ отспали мы отъ нашихъ поварищей, дабы осмошрѣть *Сарды* и *Тіатиръ* (*Сардисъ* и *Тіатиръ*) недалеко въ спорону отъ

Смиринской дороги лежащіе. Городъ *Сарды*, сія славная столица *Лидіи*, не послѣднее мѣсто занимала въ древности. Всякому извѣстно, какимъ образомъ *Гигесъ* умертвилъ *Кандавля*, и похитилъ престоль его. Сарды опшдалися Александру послѣ сраженія при *Граникѣ*, и переходили изъ рукъ въ руки по смерти сего завоевателя до самыхъ нѣхъ поръ, какъ подпали подъ иго Римское. Многіе Императоры добротворили сему городу различными образами, какъ по свидѣтельствуютъ и по нынѣ въ немъ надписи. Онъ былъ въ числѣ семи Церквей упоминаемыхъ въ *Апокалипсисѣ*. Земля его славила нѣкоторыми особыми произрашеніями. Драгоценный камень носящій его имя, и названной нами *Сардъ* или *Сардоникъ* найденъ былъ здѣсь въ первой разъ въ свѣтѣ.

Что принадлежитъ до развалинъ сего древняго города, судить можно, что лежалъ онъ на полуночномъ боку горы *Тмола*, надъ пространною долиною. Турки называютъ, сохраняя его имя, *Сартъ*, небольшую деревню, заступившую его мѣсто. Наилучшій древнихъ Сардовъ монументъ, по нынѣ оспавшійся, естъ развалины храма, построеннаго Римлянами. Я видѣлъ въ оныхъ пясть столбовъ Ионическаго ордена изъ камня, похожаго на шопъ, изъ котораго дѣлають аспидныя доски, но чрезвычайно пвердаго, вышиною фузовъ въ тридцать. Около валяюща множество круглыхъ кусковъ изъ того же камня, которые доказываютъ, что сіе зданіе украшено было многими числомъ другихъ столбовъ, но кои перебиты. Докпоръ нашель яму выкопанную въ землѣ при подножій одного изъ споящихъ столбовъ, а

проводникъ нашъ сказалъ, что она сдѣлана однимъ Англичаниномъ, которому хотѣлось узнать, далеко ли сполбъ идешь въ землю. Докпоръ слѣзь шуда по веревкѣ, и къ удивленію увидѣлъ, что сполба сполько же было въ землѣ, сколько наружъ, и что оной не имѣлъ ни подножія, ни другаго какого украшения.

Осмотря сіе мѣсто и прочія развалины, находящіяся здѣсь въ великомъ числѣ, равно какъ и надписи, взонли мы на гору *Тмоль*, дабы увидѣть крѣпость, коей естъ еще оспавки. Мы нашли многія надписи, доказывающія, что она построена была въ среднихъ вѣкахъ.

Тіапиръ (*Θιαπιρς*) естъ равно, какъ и Сарды, одна изъ семи Азіатскихъ церквей, о коихъ говоритъ *Апокалипсисъ*. Вѣра Христіанская введена въ немъ была самими Апостолами. Турки разоря сей городъ, выстроили его вновь подъ именемъ *Акиссаха*. Названіе *Тіапира*, оспалось только на нѣсколькихъ мраморахъ, вырытыхъ путешествователями въ прошедшемъ вѣкѣ. Мы читали многія изъ сихъ надписей, по коимъ не оспавается сумнѣнія о мѣстѣ, гдѣ споялъ городъ. Онъ доказываютъ также, что *Діана* была въ немъ особливо обожаема. Иныя изъ нихъ находилса на спѣнахъ, иныя оборочены въ низъ, иныя оспавлены бокомъ шакъ, что не могли мы ихъ прочесть. Тѣ, кои я разобралъ, сдѣланы въ честь людямъ оказавшимъ услуги отечеству въ опправленіи своихъ должностей. Караван-серай, въ которомъ мы жили, сохранилъ нѣкіе слѣды какого нибудь древняго монумента; ибо были въ немъ столбы съ подножіями и капищами, но оспавлены безъ всякаго порядка для поддержанія зданія, и кажутся

что поднимали ихъ, или приносили въ сіе мѣсто, когда нужда случалась. Мечети, бани, кладбища построены отъ части также изъ сихъ древнихъ мраморовъ, но съ равнымъ безпорядкомъ, и ни мало не служатъ ко украшенію города.

Въ Акиссарѣ не больше пяти тысячъ обывателей, которые по причинѣ торговли хлопчатой бумагой, распущено здѣсь въ великомъ изобиліи, не весьма убоги. Городъ напоенъ семью ручьями, кои протекая чрезъ разныя улицы, соединяются при концѣ жилья. Не найдешь ничего могущаго удовольствовашъ любопытство наше, прожили мы тушь только одинъ день, да и пошъ непріятно. На одномъ кладбищѣ примѣтили надпись, и хошѣли оную разсмотрѣть ближе. Лишь только принялись за нее, то окружили насъ Турки, негодуя, что мы пришли беспокоить, какъ они говорили, прахъ ихъ предковъ, и принудили насъ уйти: а робята гнались за нами, бросая изъ далека камнями.

Мы переправились чрезъ *Гермусъ* (*Сарабатъ*.) Сія рѣка беретъ свое начало во Фригии, орошаетъ поля Смирнскія, и соединяясь съ *Пактолемъ*, впадаетъ въ Фокидское море. Объ онъ весьма перемѣнились: ибо прежде, естли въришь спихошворцамъ, шекли по злупому песку. Плодоносность спраны ими напоемой, подала безъ сумнѣнія причину къ сей выдумкѣ. Я навѣдывался, не примѣчено ли въ нихъ золотиныхъ блесковъ или песку? Отъ вопроса моего захохотали мужики, думая что я надъ ними смѣюсь.

Какое удовольствіе, Государыня моя! спранствовашъ по сей пріятной спранѣ, имѣя *Овидія*

въ рукахъ! Кажется, что всѣ чудеса, произшедшіе въ сихъ обласпяхъ, въ глазахъ у васъ возобновляются. На одномъ мѣстѣ быстрая рѣка, гордясь богатствомъ мешалла, обращаемого своими волнами, величественно приближается къ морю: на другомъ играющій ручеекъ, прельщаясь красотою береговъ, печалился о мѣстѣ, чрезъ кои протекалъ, и желаетъ, какъ жется, назадъ возвратиться. Но полно говорить о предметахъ, до коихъ не достигъ еще мой взоръ, и оставимъ похвалу *Каистра* и *Менандра* до шѣхъ поръ, пока не будемъ сами на берегахъ сихъ прелестныхъ рѣкъ.

За милою или двѣ отъ *Гермуса*, спойшь городъ *Магнезія*, которой Греки называли *Магнетесъ*, по причинѣ множества находящагося около его Магнита. Въ семъ одномъ мѣстѣ во всей Турецкой землѣ, естъ домъ для съумасшедшихъ, куда привозятъ ихъ изъ разныхъ частей Имперіи. Построенъ онъ въ *Карии*, при подошвѣ горы *Силилы*, гдѣ *Сципіонъ Африканскій* разбилъ *Антиоха*, Царя Сиріи. Городъ великъ и многолюден; торговля его нарочита: ибо, не говоря о прибыткѣ получаемомъ отъ соседства съ Смирною, которая естъ наилучшій по торговлѣ городъ въ Азии, земля его плодородна, и приноситъ множество хлѣба и хлопчатой бумаги. Мы поропились въ *Смирну*, недалеко, какъ я уже сказалъ, отсюда лежащую.

Сей великій градъ естъ одинъ изъ наидревнѣйшихъ на Воспокѣ. Амазонка, называемая *Смирна*, сказывающъ, его основала, а Лидіане взяли и разорили. *Александръ Великій*, иные говорятъ *Антигонъ*, построилъ другой городъ въ двухъ часахъ (десяти верстахъ) отъ перваго.

Онъ часно подвергался разоренію отъ землепріясней, но выгодное положеніе, и способной для шоргу порпъ, побуждали Царей и Императоровъ всегда его возспановлять. Лежитъ онъ на косогоръ надъ моремъ. Заливъ служащій пристанью, естъ средина шорговли у Европы съ Азією, и имѣетъ сорокъ верстъ въ окружности. Корабли въ немъ защищены отъ вѣтровъ. Мы жили у самаго богатаго Жида, къ кошорому писалъ объ насъ пріятель нашъ Генуезецъ. Сей доброй Израильщанинъ принималъ насъ хорошо, и доказалъ, что и въ семь народъ можно найши великодушіе, и даже самую учтивость.

Время призывало къ гулянію. Онъ позель насъ на рейду, гдѣ видѣли мы странное приключеніе: У одного мапраса, купающагося въ морѣ, опорвала ногу морская свинья. Можеть бытъ, сей звѣрь видя его плавающего, почель за рыбу; ибо онъ людей очень любитъ, и охотно приближается играть къ кораблямъ. Вы знаете, что такое *Морская Свинья*. Она любитъ воздухъ и выбрасывается изъ воды, но дѣлаетъ сіе шакъ плавно и не шоропясь, что кажется, будно бы хочеть сдѣлать удовольствіе мореходцамъ, давая время на себя шопрѣшь. Сперва показывается голова, попомъ шуловище въ дугу согнутое, и наконецъ хвостъ, кошорой видно еще наружъ, когда уже голова и шуловище ушли опять въ воду. Выскакивая шакимъ образомъ, оборачивается обыкновенно въ шу спорону, съ кошорой вѣпръ имѣетъ душъ, и по пому корабельщики заключаютъ, откуда дѣйствительно имъ ждашь онаго. Въ порпашъ Смирны и Царяграда шакое множествво водится

сихъ водяныхъ звѣрей, что свача одить за другимъ, иногда ударяются они объ шлюбни, а иногда и въ суда попадають. Вотъ какъ ловятъ ихъ мапрасы вѣдучи по морю. Имѣють они долгой шестъ, на концъ кошорого придѣлано копьцо на подобіе змѣинаго жала. Желѣзцы прикрѣпленные къ самой иглѣ жала сжимаются, когда копь пробиваетъ кожу животноаго, а расходящяся, когда попянетъ шестъ шакъ, что чѣмъ больше звѣрь бѣтсся, тѣмъ сильнѣе копь въ него входитъ. На другомъ концѣ шеста привязана долгая веревка для слѣдующаго употребленія. Звѣрь получа рану отъ копья, чувствуетъ боль и бросается съ яростию въ море; тогда ловець даетъ ему сколько веревки, сколько онъ попянетъ; а какъ послышшь, что звѣрь спокоенъ, по суда, что ослабѣлъ уже отъ поперянной крови, отъ коей дѣйствительно вода морская краснѣетъ, попянетъ къ себѣ мало по малу веревку. Ежели свинья приближась къ кораблю, опять шпанетъ усиливаться, чтообъ освободиться отъ копья, опускають вновь веревку, и сіе продолжается до шѣхъ поръ, пока она совсемъ уже ослабѣвъ, дастъ себя припянуть къ самому кораблю. Въ Смирнѣ поймали одну, кошорая имѣла въ длину около десяти фушовъ, и была шолщиною въ человека; въсила она около чешырехъ сошъ фуншовъ, и имѣла по сороку два зуба въ каждой челюсти. Кожа ея безъ чешуи, голова долгая, глаза маленькіе, какъ у свиньи. На шеѣ имѣетъ опверстіе, коимъ дышетъ, и чрезъ кошорое, поиманная въ Смирнѣ, выбрасывала много крови. Кожу съ нее содрали, и сняли двѣ полосы жира, дюйма въ при шолщины. Ма-

спросы оной распропили. Я опшвдывалъ мясо, но оно очень не вкусно.

Въ Смирнѣ почти ни кто не живетъ кромѣ купцовъ, изъ копорыхъ иные собрали неисчепные богатства; да и ничего нѣтъ въ городѣ любопытства достоинѣе, какъ *Базаръ*. Оной состоитъ изъ огромнаго зданія, длиною больше спа шестидесяти сажень, и получаетъ свѣтъ чрезъ многіе небольшие куполы, въ коихъ подѣланы окна. Сводъ и стѣны построены изъ песанаго камня. На семь рынкъ собрано все, что Воспокъ и Западъ производитъ наидрагоценнѣйшаго; шелковые и бумажные шпофы, полошны, сукны, мѣхи; Брезильское дерево, сахаръ, корица, индиго, кошениль, Аравійскія благовонія, лаки, Кипайской фарфоръ: все въ немъ находится въ изобиліи. Смирна была бы наипрекраснѣйшій городъ въ свѣтѣ, ежели бы частныя землеспрасенія не причиняли въ немъ ужасныхъ разореній. Сказываютъ, что прежде послѣдняго прясенія, улицы въ немъ были широкія, свѣплья, и намощены камнями. Та, копорая называется *Улица Франковъ*, гдѣ живутъ Европейцы, превосходила прочія красопою, и нынѣ еще она другихъ лучше, но дома уже ни споль велики, ни такъ порядочно построены, какъ были прежде.

Караван-серай, находящійся близъ базара, пространенъ и величественнаго вида и имѣетъ множество покоевъ изрядно расположенныхъ. Лежитъ онъ на косогорѣ вышины, когда идешь въ крѣпость, и построенъ изъ оспашковъ одного древняго rispалища, копорое высѣчено было глубоко въ горѣ, на Западъ отъ крѣпости. Длина его около спа, а ширина около осмнадцати сажень.

При концѣ города къ Порпу, виденъ небольшой изъ великихъ каменевъ Порпикъ, гдѣ спояла, сказываютъ, *Гомерова статуя*, а по общему мнѣнію, онъ и самъ здѣсь родился. Имя *Мелисгена*, присвоенное сему великому Спихотворцу, происходитъ отъ рѣки *Мелиса*, омывающей стѣны Смирны. Одна молодая женщина, называемая *Критенсъ*, была изгнана изъ города *Куль*, за нѣкопорую случающуюся въ женскомъ полѣ слабость. Оспашковъ спыда не допустилъ ее искашь помочи въ красопѣ, копорая бы принесла ей великую прибыль. Она долгое время спранспивовала по полямъ, питаясь плодами и кореньями, и родила сына на берегу Мелиса. Робенокъ послѣ того ослѣпъ, и для сей причины названъ былъ Гомеромъ. Смирнскіе Греки украшаютъ сію повѣспь множествомъ басень, доказывающихъ, сколь они желаютъ, чтобы наипервѣйшій Спихотворецъ починался рожденнымъ между ими. Они также похваляются, что *Святый Поликарлъ*, копорой писалъ объ Апокалипсисѣ, былъ у нихъ Епископомъ.

Въ городѣ считаютъ около шридцати тысячъ душъ. Турки соспавляютъ половину сего числа, а Греки шрепъ. Прочіе же жипели супъ Жиды, Армяне и *Франки*, имя даваемое Турками всѣмъ чужестраннымъ Европейцамъ, живущимъ въ ихъ Имперіи. Здѣсь шерпятъ всѣ вѣры, и въ шой же самой частпи города, гдѣ мечеть, споятъ наровнѣ Церковь и Синагога.

Послы и Консулы живутъ въ Турецкой землѣ, какъ Нязья, а купцы въ Смирнѣ, какъ господа, а особливо *Агличане*, кои богатѣе прочихъ. Многіе изъ нихъ имѣютъ загородные дома,

держашь лошадей и собакъ, и ѣздяшь на охоту. У всѣхъ почти открытой споль, всѣ за долгу спавяпть принимапть ласково чужеспранныхъ, и доспавляпть имъ всякаго рода увеселеніи. У шпро проводяпть они въ дѣлахъ до шорговли касающихся, а оспанпокъ дня въ упѣхахъ. Всѣ живущь между собою въ согласіи, копорого разноспть вѣры и земли не разрушаепть, ниже въ военное время.

Земледѣліе сполько почти въ почпеніи, какъ и шорговля. Поля изрядно обработаны, земля приносипть съ изобиліемъ хлѣбъ, хлопчатую бумагу, вино и оливки. Мясо, дичина, рыба, всѣ съеспные припасы весьма хороши и продающься очень дешевою цѣною.

Въ развалинахъ спариннаго города, копорые лежатъ въ чепырнадцати верспахъ ошь нынѣшняго, находяпть одного спраннаго звѣрка, называемаго *Хамелеономъ*. Хозяинъ нашъ водилъ насъ къ одному Греческому попу, своему припелю, копорой множеспво оныхъ у себя собралъ. Я разспатривалъ ихъ съ прилъжаніемъ, и видѣлъ перемѣны принимаемьы ими на себя ошь различія предметовъ: но всего легче берущь они цвѣшы гуспые, какъ зеленой, вишневой, черной и пурпуровой. Часпо оные цвѣшы смѣшнвающься испещряющься бѣлыми и красными пяпнамя. Попъ намъ показалъ, чпо помянупья перемѣны производяпсь чувспвительнѣе, когда больше раздражнишь звѣрка. То правда однако, чпо на правѣ спановипсь онъ совсемъ зеленъ, а какъ скоро пересадишь его на полошно, зеленой цвѣшь начинаепть слабѣпть, и видны въ нѣкопорыхъ мѣспахъ бѣлые пяпны. Цвѣша онъ не перемѣнаепть, когда спипть; но какъ

умрепть, спановипсь бѣденъ и синевапть. Хамелеонъ съ виду много походитъ на большую ящерицу, но ноги у него долѣе и плеча возвышеннѣе. Голова его не имѣепть никакого движенія, а глаза весьма живы, и удивительнѣе скоро вочающься. Пипаепсь онъ мухами, кои приспающть къ его языку, копрышому нѣкопорымъ родомъ клея.

Оспавляя Царь-градъ, не имѣли мы намѣренія ѣздипть далѣе Смирны: но *Ефесъ*, находящійся ошь сполько на полшора дни разспоянїемъ, возбудиль въ насъ любопытспство. Мы пробралисъ сквозь каменья горы *Мимаса*, копорую просѣкъ, сказывающъ Апосполь Павелъ своимъ мечемъ. На другой день увидѣли мы *Ефесъ* на берегу *Каистра*. Сія небольшая рѣка совсемъ похожа на *Меандру*, недалеко ошь нея шекущую. Чиспья ея воды извивающься ко прекрасному лугу, и одобряющъ оной. Лебеди оспавили *Каиспръ* съ шого времени, какъ не спало въ Греціи спихошворцевъ.

Мы пришли внѣ себя ошь удивленія, увидя *Ефесъ*. Ужасное множеспво мраморовъ, копрывающихся окружныя поля, привели намъ на памяпть спаринную красопу сего славнаго града, соспоящаго нынѣ изъ крѣпоспи и бѣдной деревни. Ежелибъ я не опасался выдапть себя за мудреца, я бы сказаль вамъ, Государыня моя! чпо *Ефесъ* былъ основанъ Амазонками, и нарочипо разширенъ *Андроникомъ*, сыномъ Кодровымъ; чпо Архипекшоръ *Ктезифонъ* началъ сооружапть шопть знаменипой *Храпль Діанинъ*, копорой почипался въ числѣ седми чудъ свѣта; чпо больше двухъ сопъ лѣпть упошреблено на его поспроеніе, и чпо всѣ города

меньшей Азии складывались на сіе зданіе. Онъ имѣлъ, какъ увѣряюшь, чешыгреста двадцать пять фушовъ въ длину, двѣспи двадцать въ ширину; былъ украшенъ сто двадцатью семью сполбами въ шестьдесятъ фушовъ высопы, и что всего удивительнѣе, поставлены оныя были сто двадцатью семью Царями. Безумной *Еростратъ*, желая приобрѣсти безсмертіе знашнымъ какимъ пресшупленіемъ, зажегъ сей храмъ въ шу самую ночь, когда родился *Александръ Великій*. Тоняне, копорые превосходили всѣхъ въ архипешпурѣ, и копорымъ художештво сіе обязано изобрѣшеніемъ одного ордена, превзошли сами себя въ сооруженіи сего монумента.

Ефесь также славенъ прештымъ Вселенскимъ Соборомъ, держаннымъ въ семь городѣ, въ пятомъ вѣкѣ прошивъ *Несторія*, признававшего единое шолько еспештво во *Иисусѣ Христвѣ*. Турки называютъ нынѣшнюю деревню *Аязалукъ*. Лежитъ она посреди драгоцѣнныхъ развалинъ, гдѣ на всякомъ шагу попадаюшся куски спашуй, сполбовъ и пр. Въ шѣхъ самыхъ мѣспяхъ, гдѣ церковь осуждала съ шоликою ревностію испребителей иконъ, инаго повсюду не видно, кромѣ изломанныхъ представлений боговъ древности.

Сквозь помянутыя развалины пробрались мы до *Пещеры седьми отроковъ спящихъ*, находящейся въ низу горы къ спорошъ храма *Дианина*. Рассказываютъ, что семеро Христіанъ, убѣгая отъ гоненія *Діоклипіанова*, сокрылись въ сію пещеру, и спали въ ней двѣспи лѣтъ. Пробудясь нашли во всемъ пакою перемѣну въ Ефесь, что не шолько не узнали спроеній, но

не разумѣли и языка. Въ самой Франціи, паки долгой сонъ не произвелъ бы большей перемѣны.

Изъ пещеры Седьми Спящихъ, прошли мы во *Храмъ Дианинъ*, близко отъ нея лежащій. Оспалось въ немъ одно шолько основаніе. Въ оное спустились мы съ шрудомъ, по шому что земля мокра и болопна. Вскорѣ мы очутились подъ сводами, но ихъ сполько было, что могли мы заблудиться. Лешучія мыши, поселившіяся въ оныхъ и привлеченныя на насъ свѣшомъ факеловъ, принудили насъ оспавить сіе мѣспо. Мы возвратились въ Смирну, гдѣ сѣдши на одну Турецкую галеру, опправились въ Царь-градъ.

Отъ мапсоровъ судна нашего свѣдалъ я, что въ сполциѣ показалаь, во время опсущешвія нашего въ Наполіо, моровая язва, па ужасная болѣзнь, копорая опусшошаетъ ежегодно Царь-градъ, и что Сулпанъ собирался оптѣхашъ въ Адрианополь.

Я уже сказалъ, кажется, что Турки будучи увѣрены, что все случающееся въ свѣшѣ, должно случиться непременно, шопряпъ на сію болѣзнь безъ спраха, и принимаютъ ее безъ ропшанія. Сулпанъ не позволяеть однако женамъ своимъ быти споль сильными философами. Когда наспушаетъ дѣйспвительная опасность, посылаетъ онъ ихъ въ какой нибудь городъ своей Имперіи, и самъ шуда съ главными чиноначальниками переселяется: но сіе случается очень рѣдко. Мы вознамѣрились послѣдовать сему разумному примѣру. Прибывъ въ Дарданеллы, оспавили галеру, и взяли небольшое судно, дабы переѣхашъ на греблѣ въ Солонику, а опшуда надѣялись въ скоромъ времени быти въ Адрианополь.

Дарданеллы, такъ названныя опъ имени *Дардана*, перваго шамощнаго Царя, построившаго пущь городъ, сушь крѣпости защищающія *Каналь Елеспонтской*. Въ наше время состояющъ они изъ двухъ замковъ, весьма правильныхъ. Одинъ изъ нихъ въ Европѣ, другой въ Азій. Всѣ корабли должны оспанавливаться въ семь мѣсѣ для осмопра. Каналь, копорой не шире двухъ версѣ, такъ крѣпко сперегущъ, что не можно силою въ него войти, не подвергнувъ себя огню изъ пушекъ съ обѣихъ крѣпостей, коихъ выстрѣлы взаимно пресѣкаются. Галеры Султановы не исключаются также опъ осмопра. Далѣе при устьѣ пролива съ стороны Архипелага сносятъ еще два замка, въ коихъ сдѣланы подземныя бапарей; но каналь между ими такъ широкъ, что безъ опасности проѣхашь можно мимо оныхъ.

Мы бы могли выбратьъ дорогу короче и выйдши на берегъ въ какой нибудь приспанѣ во *Фракіи*; но не для чего намъ было спѣшить, и хотѣлось въ прочемъ осмопрѣть *Солонку*. (*Солунъ* *.)

Вскорѣ мы прибыли въ заливъ Термейской, надъ копорымъ лежишь помянушой городъ, столица всей *Македоніи*, шого славнаго царства, опкуда вышель завоевателъ Азій. Римляне владѣли ею нѣсколько вѣковъ до самаго Императора *Андроника*, успутившаго ее Венеціанамъ. У сихъ опняль *Македонію* *Амуратъ I.* и съ шого времени Турки спокойно ею владѣющъ. Они называютъ городъ *Солонки*. Стѣны его имѣющъ пятьдесятъ версѣ въ окружности,

* Къ жителемъ сего города священный Апостолъ Павелъ писалъ посланіе свое къ Солуняномъ.

и защищены бастіонами и редушами. Съ сухаго пупи естъ одна крѣпость, называемая *Семибашенная*, и походящая на Цареградскую: наибольше же уподобляющъ сей городъ Царюграду узкія улицы. Въ прочемъ, естъ въ немъ и большіе зданіи. Въ *Солоникѣ* счищаютъ сорокъ восемь мечешей, приидцашъ *Греческихъ* церквей, и приидцашъ шестъ синагогъ. Жиды производящъ шорговлю, копорая здѣсь весьма обширна.

Соборная церковь святаго *Діонисія* естъ великолѣпное зданіе въ два яруса, изъ копорыхъ въ каждомъ по церквѣ. Верхняя намощена была мозаикомъ, коего оспалася еще нѣкопорая частъ. Трудно предсавишь себѣ великое число сполбовъ мраморныхъ, яшмовыхъ и порфировыхъ, поддерживающихъ сей храмъ. Мы накли ихъ до шысячи, а перечли конечно еще не всѣ.

Земля подъ *Солоникою*, и вообще вся провинція изобилуетъ хлѣбомъ, лѣсомъ и рогапымъ скопомъ. Пріяшныя *Темлейскія долины*, споль прославляемыя стихошворцами, находящя въ пой частіи *Македоніи*, копорая носитъ имя *Тессаліи*. *Осса*, *Олимпъ*, *Пеліонъ*, *Пиндъ*, славныя горы, коими вооружались *Титаны* противъ боговъ, навсегда учинящъ сію спрану памяши достойною. *Македоняне* въ спарину слыли не меньше учеными, какъ и храбрыми: нынѣ они и прусы и невѣжды.

Мы прожили шолько недѣлю въ *Солоникѣ*, и опправились послѣ во *Фракію*. Переѣхавъ рѣку *Стримонъ*, разделяющую сію провинцію съ *Македоніею*, прибыли въ *Адрианополь*, копорой основанъ *Орестомъ*, сыномъ *Агамемнона*, Царя *Аргоскаго* и *Миценскаго*. Сей Князь, будучи гонимъ, какъ увѣряющъ стихошворцы,

фуриями, мстительницами смерти его мащери, и не могли пребывать въ своемъ опечеснѣвѣ, гдѣ все воспоминало ему о пресупленіи, перешель во Фракію, и основавъ городъ съ Греками, коихъ могъ собрать, назвалъ его *Ореста*. Оной сіе имя сохранилъ до самаго Императора *Адріана*, которой его распроспранилъ и украсилъ для слѣдующей причины. Потерявъ разумъ, и желая, за какую бы то ни было цѣну, излѣчиться отъ сей болѣзни, послалъ онъ вопросить Оракула, и получилъ въ отвѣтъ, что должно выгнать бѣснующагося изъ его дома. Императоръ повиновался, и изъ Оресты сдѣлалъ городъ совсемъ новой, назвавъ его *Адріанополемъ*. Въ началѣ тринадцатаго вѣка, при Феодорѣ Ласкарисѣ учинился онъ столицей Имперіи. Спуская нѣсколько лѣтъ, Амурашъ Турецкой Султанъ, подъ предлогомъ поданія помощи *Иоанну Палеологу*, Восточному Императору, завладѣлъ Булгарією, Сервією, частью Фракіи, и основалъ столицу свою въ Адріанополь.

Сей городъ имѣетъ завидное положеніе на небольшой высотѣ и въ пріятной доли, которую сама природа пощилась украсить. Текутъ чрезъ него при рѣчки выходящія изъ ближнихъ горъ, и приносящія съ собою изобиліе и плодородіе. Вы можете сами заключить, что столь выгодное положеніе, способствуя много къ чистотѣ воздуха, которой весьма здѣсь здоровъ. Жители пользуются совершеннымъ здравіемъ, и всѣ почти доживаютъ до глубокой старости. Мы получили письма отъ нашего добраго Генуесца чрезъ частно упоминаемаго Янычарскаго офицера, пріятеля нашего Царградскаго, которой должностію своею бу-

дучи привлеченъ въ Адріанополь, повсюду насъ водилъ въ семь городъ.

Турки называютъ оной *Адріанакъ*, *Едренегъ* и *Едерне*. Спрошеніи въ немъ не хуже Царградскихъ, а базаръ превосходитъ всѣ прочіе. Онъ имѣетъ своды удивительной величины и красоты. Есть много мечешей, изъ коихъ *Султана Селима* наибольше достойна примѣчанія. Вънутри поддерживается она множествомъ порфировыхъ и мраморныхъ столбовъ. Съ минаретовъ весь городъ виденъ. Въ городѣ премножество *дикихъ голубей* и *аистовъ*, которые здѣсь такъ почти ручны, какъ у насъ куры.

Почтеніе, каковое имѣютъ Турки къ симъ птицамъ, есть причина ужаснаго ихъ здѣсь распложенія: голуби вьютъ гнѣзды свои подъ овнами, а аисты на кровляхъ. Голуби почитаются за ихъ невинность, а аисты по тому, что лепшуютъ, по увѣренію жителей, всякую зиму на поклоненіе въ Мекку: но истинная причина есть та, что употребляютъ змѣй и всякую гадину. „Щаспливы шѣ дома, говорятъ „Турки, гдѣ они гнѣздятся; ибо предъохраняются ими чрезъ круглой годъ отъ пожара и „мороваго повѣтрія.. Спрого заказано ихъ убивать, по чему и живутъ они во всей Турецкой землѣ во всякой безопасности.

Не знаю я, не почтете ли вы Государыня моя! за желаніе съ моей стороны искусить вашу легковѣрность, когда расскажу вамъ включеніе одного невѣрнаго аиста, которое самъ я слышалъ отъ нѣкотораго Фрунцуза, почно въ слѣдующихъ словахъ: „Увидѣли мы, „разсказывалъ онъ, превеликое спадъ аистовъ, „кои взлещали очень высоко, и опять съ вели-

„кою поспѣшностію опускались. Всѣ мужики
 „собрались смопрѣшь, а насъ также повель
 „шуда проводникъ нашъ Боспанжи. Они всѣ
 „оспановидись на одномъ мѣспѣ и сдѣлали кругъ.
 „Въ спадаѣ мы примѣнили одного, копорой ле-
 „паль съ нехопѣніемъ, и на копорого другіе
 „смопрѣли, кажешся, съ омерзеніемъ. Сей самъ
 „влепѣль въ средину круга, повѣся голову, съ
 „видомъ злодѣя, надъ коимъ производися судъ.
 „Жребій его пошчасъ былъ рѣшенъ. Одинъ
 „аиспъ оспаяв свое мѣсно въ кругу, бросилсѣ
 „на него и ударилъ его носомъ: другіе ему по-
 „слѣдовали, и сіе наказаніе не прежде кончи-
 „лось, какъ когда аиспъ лишилсѣ жизни. Я
 „примѣнилъ, чпо онъ споялъ неподвижно на
 „своихъ ногахъ до пѣхъ поръ, пока не упаль,
 „будучи весь покрыпъ кровію. Боспанжи и
 „мужики, у коихъ спрашиваль я объясненія о
 „споль спранномъ произшесствіи, ошвѣчали
 „мнѣ, чпо помянушая пшица была самка, на-
 „казанная смершію за невѣрноссть къ своему
 „самцу; чпо давшій ей первой ударъ носомъ, былъ
 „ея мужъ, и чпо шаковой примѣръ спрогоспи не
 „рѣдко случается между сими пшицами. При
 „чемъ насчипали они мнѣ оныхъ множесшво.,

Въ окружностяхъ Адрианополя, и особливо
 между Греками, примѣчаются пѣ оспашки ве-
 селоспи, ша пріяшная простота природы, о
 коихъ чипаемъ мы въ спихопвореніяхъ *Гомера*
 и *Теокрита*. Я не могъ между прочимъ смо-
 прѣшь на пляску деревенскихъ Гречанокъ, не
 предспая себѣ въ мысли короводовъ Нимфъ,
 въ коихъ присущспвовала Богиня дѣсовъ на бе-
 регахъ рѣки *Евроты*, (нынѣ *Базиллотала*.)
 Самая прекраснѣшшая или ошмѣннѣшшая ведепъ.

панецъ, поепъ веселья пѣсни, на кои ошвѣш-
 спвуютъ вдругъ всѣ слѣдующія за нею дѣвицы.
 Ничего шакъ не случается часпо слышашъ въ
 поляхъ, какъ паспуха поющаго нѣжныя пѣсни
 къ своей любовницѣ. Они сберегли спаринные
 инспрументы, о коихъ упоминаютъ спихо-
 пворцы. Дудочки, свирелки, волынки соспа-
 вяютъ ихъ увеселеніе и удовольспвіе. Я ви-
 даль изъ нихъ многихъ, кои упражнялись въ
 плешеніи изъ цвѣповъ вѣнковъ на милыхъ ове-
 чекъ своимъ любовницамъ. Они почпи всегда
 лежатъ подъ пѣнію на берегу какого ручья,
 и проводяптъ между собою время въ разныхъ
 играхъ. Самые Турки, переняли у нихъ нѣко-
 торые древніе обычаи. *Кушакъ* большихъ го-
 сподъ, дѣлаемой изъ самой дорогой шкани, и
 вышпшой золономъ и шелками, приводиптъ на
 память поясъ Менелаевъ. Бѣлое *покрывало*,
 копорое Турецкія женщины носятъ на головѣ,
 предспавляетъ покрывало *Елены*. Сія Троян-
 ская Княгиня описана въ Гомерѣ, упражняю-
 щаяся шипьемъ посреди своихъ невольницъ:
 пожъ самое обыкновеніе и нынѣ наблюдаешся
 между Турецкими господами въ харамахъ и въ
 баняхъ. Я бы никогда не окончилъ, еспьли бы
 предпріялъ рассказывашъ обо всемъ, чпо на-
 шель въ обычаяхъ сей земли сходнаго съ обы-
 чаями первыхъ времянь.

Но довольно уже я сказалъ на сей случай.
 Вскорѣ примуся за нравы и обычаи Турецкіе.
 Въ семъ соспоятъ будепъ содержаніе перваго
 моего письма, но не прежде могу оное ошпра-
 вить, какъ по возвращеніи въ Царьградъ, куда
 полученные мною извѣспии о худомъ здоровѣ
 дошпора, спѣшишь меня понуждаютъ.

Я есмь, и проч.

ПИСЬМО XVI.

Конецъ Турціи.

Разности климатовъ приписывается разность во нравахъ и вкусахъ жителей. Путешествіе мое по Турецкой землѣ утвердило меня въ сей истинѣ. Турки разсыянные по столь обширнымъ обласнямъ, не вездѣ суть одинаковы. Европейскіе прудомобивы, сильны; Азіатскіе прусы, лѣнны, изнѣжены. Послѣдніе живутъ въ крайнемъ невѣжествѣ, въ разсужденіи наукъ и свободныхъ художествъ, а первые начинаютъ упражняться въ оныхъ, хотя еще и мало; да ежелибъ и возымѣли они нѣкоторой въ шомъ успѣхъ, не наградишь никогда нанесеннаго предками ихъ вреда, какъ ученымъ дѣламъ, изгнаннымъ ими изъ столь прекрасныхъ земель, въ коихъ процвѣтали науки съ шолкою славою, шакъ и художествамъ, чрезъ испребленіе или сокрушеніе наипрекраснѣйшихъ достопамятностей.

Жители Имперіи Турецкой суть смѣшеніе различныхъ народовъ. Есть въ оной природные Турки, Арапы, Тапары, Африканскіе, и даже Индейскіе Мавры, Персидскіе Магомешане, спирасивующіе народы Друзы, Лезиды, Курды, кои шапаются по полямъ и по лѣсамъ, не имѣя постояннаго жилища; Жиды, Христіане разныхъ вѣръ и спиранъ.

Турки вообще суть пышны, скупы, сердиты, лицемерны, прихворны, и предаются столь сильно пороку невоздержности, что не всегда женъ, хотя имѣютъ и многихъ, бываетъ имъ

довольно для ихъ успѣхъ. По скупости своей прибѣгаютъ они къ средствамъ всякаго рода, и часто къ непозволеннымъ, для приобрѣтенія богатства; равнымъ же образомъ и распочають оное, когда дѣло идетъ объ удовольствіи склонности къ роскоши или къ великолѣцію въ одеждѣ.

Одежда мужская состоитъ въ широкихъ шпанахъ, въ долгой рубашкѣ, похожей на женскую, каковы употребляются въ Европѣ, и въ *долманѣ*, или полукафтанѣ по самыя пятны съ короткими и узкими рукавами, которое подоясывають они кушакомъ. Сей *кушакъ* великую имъ приноситъ пользу; за него они завыкають плащомъ, кладутъ кийжалъ, а въ складкахъ причупъ шабакъ, деньги и письма. Сверхъ долмана, надвываютъ кафтанъ, называемой *фередже*, похожий на расу, съ долгими и широкими рукавами. Фередже льпомъ бываетъ изъ тонкой шерстяной ткани, а зимою подбитъ мѣхомъ. Они носятъ родъ чулковъ изъ сукна, кои приспегиваются къ шпанамъ, и туфли именуемые *палуши*. Въ головной уборѣ, кажутся мнѣ, не меньше входятъ маперіи, какъ и во всю ихъ одежду. Выпреной Французской головѣ конечно бы оной не понравился. *Чалмы* ихъ суть цѣлые куполы, и ими различаются у нихъ чины и должности.

Женская одежда, съ небольшою разницею, почти шакова же, какъ и мужская; но женщины спягиваются больше для показанія своего спана. Поясъ у нихъ заирается круглою пряжкой серебряною или золошою, а иногда и съ дорогими камнями. Портики или шпаны ихъ чрезмѣрно широки, туфли изъ сафьяна или

накой парчи. Когда онъ изъ домовъ выходятъ, надѣваютъ сапоги, у коихъ вмѣсто каблука прибила желѣзная подкова, похожая на полумѣсяцъ. Подъ верхнимъ плащемъ носятъ корсетъ или боспрокъ пришивной къ юпкѣ, ежели можно ее назвать симъ именемъ; ибо она вмѣстѣ съ корсетомъ надѣвается, но такъ, что грудь вся наружѣ, и покрыта одною только прозрачною рубашкою изъ нипянаго или шелкового полотна, но тонкостию похожаго на флеръ. Алмазы, извѣстные подъ именемъ розъ, суть главнѣйшее ихъ украшеніе. Онъ имѣютъ изъ нихъ зарукавы, серги, перья, ожерелья, часы карманные, шабаверки, тошовальни; убираютъ алмазами также и корсеты. Къ чему равно какъ и на чалмы употребляютъ много жемчуга. Сии вещи обыкновенно оспаются у нихъ, когда онъ овдовѣютъ; и въ самомъ дѣлѣ не имѣютъ онъ иныхъ богатствъ, или лучше сказать, пропитанія въ шаковыхъ обшояпельствахъ или въ случаѣ мужнина несчастія. По чему и докучаютъ сильно мужьямъ, когда примѣшатъ, что они въ соспоаніи купили имъ алмазовъ.

Въ семь соспоаніи убранство Турецкихъ женщинъ, когда онъ дома сидитъ на софѣ; но ежели случается нужда идти со двора, надѣваютъ родъ широкаго и долгаго серпука, также на рясу похожаго, въ которомъ закутаны съ головы до ногъ, а голову обвертываютъ бѣлымъ покрываломъ, оспаляя наружѣ только глаза и часть носа. Когда Турчанка идетъ по улицѣ, трудно узнать, хороша ли она или дурна, стара ли или молода. Всѣ онъ тогда ходятъ на куклу, не имѣющую ни легкой выпушки, ни свободной размашки. Примѣшатъ

только можно то, что ноги у нихъ крашенные, по тому, что рукъ не прячутъ. Но шаковая чрезвычайная скромность, есть приневоденная и пропивурѣющая ихъ нравамъ. Онъ пошчасъ объ ней позабываютъ, сколь скоро видятъ, что нѣтъ причины бояться мужа или законовъ. Турки несчастливѣе съ ними бываютъ шакого богача, которой содержитъ кокетку. Жены Турецкія всегда показываютъ наружную любовь, но рѣдко внутреннюю оную чувствуютъ. Мужья принуждены перенести всѣ ихъ своенравія. Ежели мужъ хочетъ приобрести склонность жены, со всемъ своимъ стараніемъ, не можетъ избѣжать лукавства и хитрости молодой женщины, которая льститъ его и шѣдитъ, чтобы шѣмъ лучше обмануть. Все ихъ приводитъ въ движеніе. Въ Царѣградѣ былъ однажды Турокъ, продающій мыло, которой всѣмъ женщинамъ вскружилъ головы. Везиръ принужденъ былъ, по просьбѣ многихъ Вельможъ, изгнать онаго изъ города. Всякой челоувѣкъ, съ какимъ ниесъ дарованіемъ или приятнаго вида, опасенъ для мужей, когда жены найдутъ случай съ нимъ познакомиться. Судите по поведенію ихъ въ шакое время, когда ни что имъ не мѣшаетъ, какую бы они волю взяли, ежели бы были совсемъ свободны. По деревнямъ часомъ видѣтъ ихъ можно совсемъ раздѣльныхъ купающихся въ рѣкахъ. Тогда боялся онъ только того, чтобы Турокъ ихъ не увидѣлъ; что касается до Христіанъ, нагя ходятъ къ нимъ на встрѣчу; ибо напередъ знаютъ, что Христіанинъ побѣжитъ, опасаясь быть пойманъ съ ними; ибо сіе почтено бы ему было за наивеличайшее пресупленіе.

Привѣтствіе Турковъ сполько же съ нашимъ различествуетъ, сколь и одежда. Они кладутъ себѣ на грудь руку и немного наклоняются, для показанія дружбы или уваженія. Для изъясненія же почтенія, подносятъ оную ко рпу, и потомъ къ чалмѣ, говоря привѣтствіе, чрезъ которое желаютъ всякаго рода благополучій. А если Турокъ приходитъ къ кому нибудь изъ знатныхъ, беретъ полу у его шубы и цѣлуетъ. Турки никогда и ни передъ кѣмъ не снимаютъ чалмы. Симъ образомъ, что у насъ починается за знакъ уваженія, у нихъ было бы принято за поруганіе.

Турки вообще умѣренны въ своей пищѣ. Оспавая въ спорону пиры, на коихъ они не рѣдко упиваются, въ обыкновенномъ житіи питаются бараниною, пшеномъ, огурцами и пр. Любятъ пряные приправы. При концѣ стола, пьютъ воду и кислое молоко. Шербетъ употребляютъ шѣ, кои имѣютъ нѣкоторой дощатокъ. Рѣдко они ѣдятъ одинъ у другаго, и не часно ходятъ по гостямъ. Какъ женщины не допускаются въ обществы; по все въ оныхъ проходятъ въ холодныхъ привѣтствіяхъ, а большая часть времени въ куреніи табаку. Хозяинъ великъ подаетъ гостямъ шубки, а иногда и самъ, смотря по людямъ, подаетъ оныя, попчиваетъ сластями, кофею и наконецъ шербетомъ. Потомъ кропятъ розовою водою, и окуриваютъ гостей кадильницею, въ которую кладутъ благовонія. Турки и дома и въ гульбищахъ не выпускаютъ почти шубки изо рта и глотаютъ дымъ, равно какъ и никогда не плюютъ, или дабы не сдѣлать нечи-

стошы, или по другой какой причинѣ. Чубуки у нихъ такъ долги, что шубка всегда лежитъ на полу на шарелочкѣ.

Во многихъ Турецкихъ городахъ спятъ на дворѣ, на кровлѣ домовъ, или на площадкахъ: зимою же въ нижнемъ жилѣ, гдѣ обыкновенно спитъ одна, а часно и двѣ жаровни съ угольемъ. По привычкѣ своей они ни малаго отъ того вреда не шербятъ. Ежели случится имъ проснуться ночью, пьютъ чашку кофе, копорая всегда у нихъ въ готовности, курятъ и ѣдятъ сладкое пирожное. Дабы заснуть, употребляютъ весьма простое средство: велятъ себѣ читать своихъ стихотворцевъ, или разсказывать сказки. Ежели сей обычай введется во Франціи, шамъ найдется еще больше помочи противъ бессоницы.

Механическіе художествы (оуправляются въ здѣшней землѣ съ не малымъ успѣхомъ. Превосходно особливо работаютъ скорнячники, выдѣлыватели кожъ и красильщики. Послѣдніе превышаютъ всѣхъ прочихъ. Турки имѣютъ шелковыя, шерстяныя и бумажныя фабрики. Часовщики у нихъ почти всѣ Армяне, Жиды или Франки. Завели было *Типографію* въ Царьградѣ, копорая была одна и первая во всей Имперіи, но не могла успѣть, не по тому, чтобы Турки не признавали ее за вещь полезную; но приводили ту причину, что чрезъ ея успановленіе, поморили бы съ голоду больше спа тысячъ писцовъ, употребляемыхъ въ Имперіи для переписки Алкорана и другихъ книгъ. Они не разсуждали при семъ случаѣ, что умножили бы шѣмъ число земледѣльцевъ, коихъ должно по справедливости предпочитать писцамъ.

Я сказалъ вамъ, что Турки не столько уже имѣютъ отвращенія отъ наукъ, какъ прежде. Они начинаютъ вѣрять, что Алкоранъ не одна хорошая книга на свѣтѣ, которую читать можно. Съ нѣсколькихъ лѣтъ мѣшающагося они и сочиняютъ; но пишутъ наибольше о собственной своей жизни. Ничего нѣтъ смѣшнѣе шаковыхъ сочиненій. Я изъ любопытства велѣлъ перевести жизнь одного Паши и одного Цареградскаго шинкаря. Последняя наполнена была приключеніями. Любовь (но какова должна быть любовь Турецкаго шинкаря) занимала двѣ трети сего спранныго сочиненія. Въ молодости былъ онъ морскимъ разбойникомъ, и разбогатѣлъ взятіемъ нѣсколькихъ Мальшійскихъ женщинъ, которыхъ продалъ въ Каиръ. Сраженіи его, побѣды надъ однимъ и другимъ полкомъ, учинили его славнымъ. Возвращаясь изъ Египта, потерялъ онъ свое судно отъ неискренняго мажоранова; и видя себя ни съ чѣмъ, сдѣлался докторомъ, будучи увѣренъ, что съ помощію безстыдства и наглости не безъ успѣха исправитъ сію должность. Въ новомъ родѣ жизни проѣхалъ онъ Турцію и Персію. По славѣ о достоинствѣ его, призванъ былъ въ Испаганской сераль, гдѣ чудесными лѣченіями пришелъ въ знатность. Наконецъ былъ невольникомъ, дворецкимъ, и напоследокъ учинился шинкаремъ.

Таково было содержаніе повѣсти, которая здѣсь предпочитается другимъ не по нужности спила, но для чрезвычайности приключеній и смѣлыхъ израженій, коими сочинитель украсилъ свою книгу. Часно въ ней упоминается о писмахъ писанныхъ имъ къ любовницамъ. Ни-

чего нѣтъ остроумнѣе, ни выгоднѣе, какъ любовное Турецкое письмо. Нѣтъ нужды ни въ бумагѣ, ни въ чернилахъ. Посылаютъ къ особѣ, къ которой надобно писать, мѣшечекъ. Въ немъ разложены по порядку жемчужина, камень, кусокъ дерева, перецъ, гвоздика, или другая какая вещь, коей имя на Турецкомъ языкѣ имѣетъ почное знаменованіе, а иногда означенъ и цѣлой спихъ. Я берегу для васъ одно шаковое писмецо. Первая въ немъ вещь есть изюминка, вторая соломинка и пр. Вотъ его исполкованіе:

Узюль, изюль, сіе знач: Очи мои,

Газиръ, соломинка, Позволь, чтобъ я былъ твоимъ невольникомъ,

Пуль, желшой нарцисъ, Будь чувствительна къ любви моей.

Жиро, фициль, Горю, пламя меня свѣдаетъ.

Кигатъ, бумага, Чувствы мои заблуждаются всякую минуту.

Шиль, золопая нипка, Умираю, приди скорѣе.

Сіе письмо безъ сумнѣнія подастъ вамъ великое понятіе о изобильности Турецкаго языка: но не ошибитесь, всѣ сіи слова по большей части суть Арабскіе, а Арабской языкъ дѣйствительно есть наибогатѣйшій въ свѣтѣ. Его употребляютъ въ Турціи и въ Персіи, а особливо для спиховъ и пѣсень, по тому что онъ весьма способенъ къ спихопворенію. Имена особливо значущіе жемчужину, яхонтъ, алмазь, имѣютъ наипрелестнѣйшіе знаменованія, какъ

на примѣръ: *наилепреласнѣйшая лача всѣхъ молодыхъ дѣвицъ; сіяющій шаръ или шаръ свѣта, и пр.* Хотя языкъ Турецкой и не богатъ, но имѣетъ прищносць и силу въ выраженіяхъ, и скорѣ можно ему научиться, нежели какому либо изъ Европейскихъ, коихъ шрудносци, иногда довольно чудные, не встрѣчаются почти въ Турецкомъ. Въ немъ одно шолько склоненіе для имянь, и одно спряженіе для глаголовъ. Нѣтъ ни различія между родами и членами, ни шрудносци соглашанъ прилагательное съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ: а со всемъ шѣмъ говорящъ имъ ясно, понимашо, и безъ обинжовъ. Краснорѣчіе его примѣшно, особливо въ разговорахъ. Крапкія и выпіевашья, а часшо оспрѣя и аллегорическія на Восшочной вкусъ рѣчи, сосшавляютъ его красоту. На примѣръ, говорящъ они: *всякой день выладеаетъ кирличъ изъ дому моего вѣка, для изъясненія, чшо всякой день приближаемся мы къ концу жизни нашей. Дабы сказать, чшо Богъ видипть и слышипть все, Турки говорящъ шакъ: Ежели бы ночью самой черной мушасей шелъ по самому черному мрамору; Богъ бы его увидѣлъ и услышалъ толотъ ногъ его.*

Турки прилежатъ къ Логикѣ и къ ученію языковъ Арабскаго и Персидскаго. Объ Юрисшуденціи не имѣютъ ни малѣйшаго пониманія, да и не можно шого шребовашъ въ шаккой землѣ, гдѣ воля судьи ещѣ наивышшій законъ. Вельможи Государшвенные вообще сущъ великіе невѣжи; а между посредшвенными людьми находитъ шакіе, кои учашъ Арабской философіи, и довольно разумѣютъ Математику. Чшо касается до Аспрономіи, они учашъ ее шолько,

шолько можетъ она руководшвованъ къ умозришельной Аспрологіи, или звѣздочешшву. Врачебная наука во всей Турецкой землѣ опшправляетъ ш Жидами, какъ шо было въ Европѣ въ непросвѣщенные вѣки. Нѣкоторые изъ сихъ дошпоровъ училися въ Италіанскихъ Универсшпешахъ. Въ Леваншѣ находитъ ш также много Французскихъ лѣкарей, которые сами себя дѣлаютъ дошпорами, ибо всякому вольно здѣсь упражнящъ въ семь ремеслѣ, почипающъ за неважное. Въ Царѣградѣ шчитаютъ нынѣ съ лишкомъ сто двадцашъ училищъ, но по большой часши учашъ въ нихъ распущной жизни. Музыка ихъ ещѣ, шакъ сказать, во младенчешшвѣ, да и не думаю, чшобъ она когда нибудъ пришла въ совершенство. Иманъ всячески спараютъ учинипть ее ненавистною, хотя *Дервиши* у нихъ лучшіе игроки на флейшахъ. Они боящъ, чшобъ мечети не запусшвли, и чшобъ моленія не опшложили для концершвовъ, какъ шо случаетъ во Франціи, гдѣ вечерни мѣшаютъ на оперы. Флейша называемая *тихая*, ещѣ изъ всѣхъ инструменшвовъ шощъ, кошорой Турки больше любящъ. Я видѣлъ въ Царѣградѣ родъ люшши, или лучше, балалайки о прехъ спрунахъ, на кошорой играющъ они проворно, но безъ вкуса и безъ мѣры.

Гаданіи и умозришельное звѣздочешшво, сущъ науки наибольше распросшранившіяся. По улицамъ и по перекресткамъ часшо попадаются ворожеи, предсказывающіе прохожимъ шаспше и нещаспше. Образъ проричанія ихъ не весьма шайншвенной. Я часшо оспанавлшвался шопрѣщъ на нихъ. Они берутъ горшпш бобовъ, разводящъ ихъ, шчитаютъ, и размошря число

бобовъ въ книгѣ гаданій, рѣшаешь доброй или злой жребій любопытствующиыхъ.

Женщины Турецкія вообще недурны. Природная ихъ бѣлизна сохраняется безъ пруда; ибо онѣ, кромѣ бани, рѣдко выходятъ изъ своихъ покоевъ. Лишеніе ушѣхъ и вольности причиною, что онѣ падки къ онимъ. Если найдушь средство показашь себя какому молодому невольнику, онѣ его ласкають, подкупають, и спараются снискашь съ нимъ то, чего найти не могутъ съ евнухами. Мужъ погда только вѣренъ бываетъ въ женѣ, когда она находится въ рукахъ у евнуха, или съ своими подругами. Магометъ, копорой зналъ ихъ слабоспъ, хотѣлъ, какъ я уже сказалъ, чтобы послѣдователи его имѣли, чѣмъ ушѣшиться въ ихъ невѣрности: онъ позволилъ имъ имѣть чепырехъ законныхъ женъ, и сколько наложницъ, сколько каждой въ соспояннн содержашь. Но не смотря на сіе, Турецкое Государство не людиѣ Европейскихъ. Частые бушпы почти ежегодно его опустошають. Число дѣшей не беспокоить ихъ ни мало: ибо они ничего не упускають для утвержденія за ними своего имѣнія; но по сей причинѣ не меньше въ сладоспрати провождають жизнь свою. Они охотно оспавляють по смерти неисчешные богатства своимъ наследникамъ, по тому, что всякой часъ могутъ лишиться и сокровищъ и жизни. Султанъ власпешъ надъ оними неограниченнымъ образомъ. Отсюда происходить, что дѣши больше надѣются на покровителей и друзей опцовыхъ, нежели на настояще ихъ имѣніи. Дѣйствительно часно случается, что сынъ богатаго Паши, принужденъ бываетъ

записашься въ солдапы, доставаешь себя хлѣбъ какимъ нибудь ремесломъ, и гнушья передъ человекомъ, копорой въ недавномъ времени самъ въ немъ искалъ милоспи. Таковое униженіе не должно васъ удивлять. Здѣсь за ничто почитають быть рождену опъ знапныхъ людей. Турокъ въ почшеніи бываетъ по мѣспу своему, по чину и по богатспву, коимъ владеешь.

Жена можетъ позвашь мужа въ судъ, если онъ не отправишь съ нею по крайней мѣрѣ однажды въ недѣлю супружескаго долга. Во Франціи жены опказывають въ ономъ мужьямъ по цѣлымъ годамъ, и судъ объ шомъ ничего не знаетъ: таковыя ссоры въ доможительствѣ не подвержены его разсмотрѣнію.

Разводъ, равно какъ и свадьба, дѣлается предъ свѣпскимъ судьей, и убѣганіе опъ исполненія должностпи мужа, если не одинъ предлогъ для жены требовать развода: иногда подають къ оному причину и способъ исполненія сего долга. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, жена беретъ, сказывають, въ руку шуфель съ ноги, и оборачиваетъ его подошвою въ верхъ: погда уже догадываются, что сіе значить.

Можно брашь назадъ оппущенную жену до двухъ разъ: но для шрепей мировой, законъ предписываетъ судебное условіе. Надобно, какъ сказывають, (ибо я ни за что не опвѣчаю, чего самъ не видалъ) чтобы женщина переспала съ другимъ мужчиною прежде, нежели возвратишься въ объятія своего супруга. Цѣль сего закона, если онъ дѣйствительно таковъ, если обуздашь непоспоянство мужей, и навлечъ нѣкопорой родъ безчестія на шѣхъ, кои съ лишкомъ часно употребляютъ во зло воль-

носпь разводиться. Сказываютъ, находились и такія женщины, копорыя видя, что выиграли въ промѣнѣ, не хотѣли возвращаться къ первымъ мужьямъ.

Когда богатой и сильной человекъ вздумаетъ увезти какую красавицу, вышедшую за просполоудима, не имѣющаго покровительсва; онъ прибѣгаетъ къ посредству пѣхъ старухъ во все мѣшающихся, кои имѣютъ доступъ въ харемахъ. Она идеть къ помянутой женщицѣ, и уговариваетъ ее просить въ судѣ о разводѣ. Невѣрная супруга предспааетъ предъ Кадіа, приводитъ двухъ свидѣтелей, копорые клянутся, что мужъ худо съ нею поступаетъ, и не даетъ ей нужнаго содержанія. Судья склоненной подарками, производитъ рѣшеніе о разводѣ, и такимъ образомъ женщина становится женою подговорившаго ее богача. Во Франціи есть другой родъ развода. Мужу дается кака нибудь должность въ провинціи, а жена остается въ Парижѣ.

Говоря объ Алепскихъ Туркахъ, я упомяну о нѣкоторыхъ подробностяхъ ихъ свадебъ. Въ столицѣ почти по же наблюдается. Женихъ долженъ самъ раздѣть невѣсту, и положить на постелю. У новобрачной между прочими жеманствами, есть по, чтобы заупасть множествомъ узловъ поясъ, такъ, что женихъ упражняется нѣсколько часовъ въ развязываніи оныхъ. Въ сіе время невѣста шепчетъ молитвы, и безъ сумнѣнія смѣется внутренно пруду бѣднаго мужа. Во многихъ Турецкихъ городахъ, холостые бывшіе на свадьбѣ, приходятъ назавтрее къ новобрачнымъ. Если ли найдуть они знаки дѣства на бѣлѣ, то

носятъ по улицѣ окровавленную проспину, и показываютъ ее прохожимъ, какъ неложное доказательство цѣломудрія невѣсты. Тогда увеселеніи удваются, и продолжаются нѣсколько дней; а престаюцца въ противномъ случаѣ, и новобрачную отдають назадъ сродникамъ. Сіе почитается споль великимъ безчестіемъ, что опщры и мапери, какъ по случалось не однажды, дочерей своихъ дають.

Евнухи имѣютъ позволеніе жениться и содержать наложницъ. Серали ихъ бывають иногда сполько же наполнены, какъ и у самыхъ Везирей. Сіе хвастовство, служащее сполько къ показанію пышности, не больше чрезвычайнымъ должно почитаться, какъ во Франціи многочисленная библиотека у опкупщика.

Законъ касающійся до наслѣдства, не различествуетъ по провинціямъ, какъ во Франціи. Султанъ беретъ свою пошлину съ наслѣдства, по есть при на спо, доспальное раздѣляется на семь частей. Изъ оныхъ двѣ принадлежатъ женѣ покойника, при дѣтямъ мужскаго пола, а двѣ дочерямъ. Вдова пользуется всемъ имѣніемъ, ежели дѣти малолѣтны: но сколь скоро достигаютъ они до пятнадцати лѣтъ, принуждена бываетъ отдасть каждому сыну и дочери ихъ части.

Что касается до Султана, хотя и нѣтъ у него ни малѣйшаго обязательства съ женами, всегда старшій его сынъ восходитъ на престоль, развѣ случится между родствениками другой его старѣе лѣтами. Прежде, нежели онъ предъ народомъ препояшетъ мечъ, что у нихъ почитается за коронацію, поздравленъ бываетъ уже въ Сераля Чиновниками, копорые

присягають ему по своему обычаю, цѣлуя полу его плащя. Пошомъ возвъщаютъ въ городѣ смерть покойнаго Сулпана и возшествіе новаго. Собирается Диванъ, и всѣ онаго члены идуть къ нему на поклонъ. Послѣ чего Сулпанъ садится на лошадь, и ѣздитъ по городу. Наконецъ ѣдетъ онъ въ мечеть; въ часъ города называемую *Эюль*, и шамъ *Муфти* препоясываетъ ему саблю: въ чемъ и соспоитъ коронація Турецкихъ Сулпановъ, какъ я сказалъ выше.

Сколь скоро Сулпанъ взойдетъ на престолъ, помышляетъ на ономъ утвердиться смертію или заключеніемъ наиблизнихъ своихъ сродниковъ: но обыкновенно берегаются нѣкопорыхъ изъ нихъ, пока не родится у него сынъ. Сей Монархъ есть деспотъ, какъ почти и всѣ Воспочные Государи. Воля его, или больше по, что взойдетъ ему въ голову, есть единственной законъ. Обѣтъ послушанія чинимой въ монастыряхъ, не столь строго наблюдается, какъ слѣпое повиновеніе ко всѣмъ повелѣніямъ сего Монарха. Турки думаютъ, что шъ блаженны, кои умерщвляются по его приказу. Одного Везира поздравляли съ великою милостію Государскою, и съ одержанными имъ побѣдами: „Правда, (опвѣчалъ сей Миниспръ, можетъ быть съ лишкомъ хипрой придворной) „я дошелъ до послѣдняго шпени щасія и „славы, до котораго дойши можешь подданной: „но не доспаешь мнѣ къ благополучію моему „одной вещи, по есть умереть по повелѣнію „его Сулпанова Величешва.“ *

* Сей Везиръ назывался Кара Мустафа, правилъ Имперією при Магомешъ IV. и дождался испол-

Между разными пышными шипулами, кои беретъ Сулпанъ, упомяну я только о главнѣйшихъ, на примѣръ: „Царь Царей, раздава- „пель коронъ, шънь Божія, Господь Господей, „блишательные врапа, врапа справедливости, „врапа блаженства и пр.“ Всѣ сіи надутые шипулы не препяшпвуютъ однако, что онъ самъ не зависилъ отъ Янычаръ. Нераднѣе правительсства въ укрощеніи сего нахальнаго войска, вперило въ него мысль, что можетъ оно дерзнуть на все въ свѣшъ.

Сулпаны имѣютъ обыкновеніе трудиться въ какой нибудь ручной работѣ, слѣдуя закону Алкорана, обязывающему къ пому всякаго чело- вѣка. Дабы приуготовить ихъ ко исполненію шпковой заповѣди, учатъ ихъ какому нибудь ремеслу прежде, нежели взойдутъ они на престолъ. Иной дѣлаетъ шуфли, иной зубочиспки, иной спрѣлы и пр.

Сулпанъ разговариваетъ только съ своими наложницами, или шупами. Ни одинъ изъ окружающихъ чиновныхъ не смѣетъ передъ нимъ вымолвить слова, выключая Верховнаго Везира, Муфшия, перваго Докшора, и нѣкопорыхъ особо уважаемыхъ Миниспрровъ. Прочіе приходятъ передъ него съ пошупленными глазами, сжавши руки, наклоняясь почти до земли, и въ семъ положеніи поздравляютъ его, не смѣя говорить, ни смопрѣшъ на него. Ежели бы Сулпанъ захотѣлъ опложитъ сію важновидность, онъ бы шопчасъ впалъ у всѣхъ въ презрѣніе.

Турецкіе Государи не имѣютъ герба: рогатая луна, есть больше знакъ Государства и ненія своего желанія; ибо былъ задавленъ въ 1683 году.

народа, нежели Монарха. Оной былъ принятъ уже, сказывающъ, въ древней Византіи, въ благодарности за то, что при помощи мѣсячнаго свѣта, избавилась она отъ ига *Филла*, отца Александра, которой хотѣлъ внезапно завладѣть городомъ ночью. Въ большой печати Султанской изображено только имя его и имя отца его съ приложеніемъ *Султана побѣдителя*. Онъ инаго не имѣетъ герба, какъ свое имя. Имъ клеймятъ монету, его пицуютъ въ началъ всѣхъ указовъ, и малюютъ на кормахъ у кораблей. Единой знакъ, по которому распознавать можно Султана съ проспымъ Туркомъ, есть перо изъ перьевъ цанли особливаго рода, осыпанное алмазами, и вошпнутое съ переди въ чалму. Сіе оплеченіе дѣлать онъ только съ лошадьми своими, кои также носятъ перья придѣланныя къ уздѣ. Всѣ чины распознаются по чалмамъ и нѣкоторыя сверхъ того по плащю. Гербы и кавалеріи споль же мало свѣдомы Туркамъ, какъ полезное предразсужденіе чести коему наши кавалерскіе ордены обязаны своимъ устанавленіемъ.

Когда Султанъ выѣзжаетъ изъ Серая; люди имѣющіе жаловаться на несправедливость, или хотящіе открыть какую важную тайну, спавяютъ себѣ на голову жаровню съ огнемъ, или держатъ зажженной факаль. Султанъ увидя сіе, долженъ поспѣшь допустить его передъ собою. Здѣсь часто виданы примѣры правосудія въ шаковыхъ случаяхъ.

Для однихъ только большихъ господъ не наблюдается въ Турціи приказной порядокъ, учрежденной для наказанія виновныхъ; а для чужденныхъ людей есть приказъ правосудія. Сей

приказъ, называемой *Диванъ*, составленъ изъ Верховнаго Везира, которой въ немъ главнымъ, изъ двухъ Кадилескеревъ, или судей Европейскаго и Азіатскаго, изъ другихъ чиновниковъ, имѣющихъ Везирскіе чины, и изъ секретарей. Султанъ никогда въ немъ не присудствуетъ, но можетъ все видѣть и слышать чрезъ решепчатое окошко, сдѣланное надъ самымъ Везирскимъ мѣспомъ. Дабы въ королѣвскихъ словахъ дать понятіе похвальное о семъ судѣ, довольно сказать, что наибѣднѣйшій просполюдимъ находить въ немъ управу на самаго большаго господина.

Всѣ принадлежащіе къ Дивану, да и Янычары, коихъ больше чепырехъ тысячъ споятъ на второмъ дворѣ серая, гдѣ находится оной Диванъ, и гдѣ Янычаръ-Ага принимаетъ отъ нихъ челобитныя, угощаются на иждивеніи Султанскомъ. Я имѣлъ случай бытъ въ сералѣ въ такой день, когда Янычары брали жалованье. Сіе позорище показалось мнѣ очень спранно. Предъ Диваномъ клали на мостовой шапки съ деньгами, и они бѣгали, какъ сумасшедшіе, ихъ поднимаютъ. Сказываютъ, что еспьли они не скоро бѣгутъ, то сіе служитъ знакомъ бунта. Единой способъ укротить ихъ въ шаковомъ случаѣ еспь шопъ, чшобъ опдать имъ головы Миниспровъ, которыми они недовольны.

Сверхъ сего главнаго приказа, находятся еще частныя суды, называемыя *Кадилескеры*, или верховныя суды, одинъ для Европейскихъ, а другой для Азіатскихъ областей, бдящъ надъ всеми шаковыми судьями, чшобъ они наблюдали справедливость. Они опредѣля-

юпъ и свергаюпъ Кадіевъ, когда сіи не исправляюпъ своей должності, и часпо осуждаюпъ ихъ на палочное наказаніе, или на денежной шипрафъ. Желаніе все визнапъ, побудило меня не одинъ разъ быпъ при судѣ сихъ частныхъ судей въ разныхъ городахъ Имперіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣюпъ они право осуждапъ на смерть безъ апелляціи. Сія спрогость особливо наблюдаепся прошивъ воровъ: нѣпъ для нихъ ни спасенія, ни уменьшенія въ наказаніи: по чему и бываепъ меньше воровства въ Царѣградѣ, нежели въ Парижѣ. Въ Турецкой землѣ шопъ, кого обокрали, доносипъ шопчасъ судѣ, а сей долженъ сыскивапъ виноватаго. Ежели воръ скроепся, шо принуждаюпъ жишелей улицы, гдѣ покража учинилась, заплашипъ покраденное; а внѣ городовъ, обязаны къ шаковому покражи возвращенію ближнія деревни; но не заключите по сему, чшобъ обокраденной получалъ назадъ пошерянное: нѣпъ, здѣсь какъ почши и вездѣ, рѣдко судьи выпускаюпъ изъ рукъ, чшо имъ однажды попалось.

Топъ же самой законъ наблюдаепся и въ смерпоубійствахъ. Ближніе жишели опъ мѣспа, гдѣ оно исполнилось, плашипъ цѣну крови убиеннаго: по чему всякой и спараепся схватипъ, или сыскапъ преспуника. Сей спрогой законъ шо производипъ, чшо всякъ убѣгаепъ опъ ссоръ, и прилагаепъ попеченіе о успокоеніи раздоровъ, начинающихся у себя въ соѣдствѣ.

Лавки должны быпъ запершы при захожденіи солнца; дозоръ имѣепъ повелѣніе брапъ подъ караулъ всѣхъ, кого вспрѣшипъ ночью на улицѣ. Везиръ, да иногда и самъ Сулшанъ, хо-

дяпъ по городу, имѣя при себѣ палача для неопложипельнаго наказанія преспуниковъ. Турки обыкновенно говоряпъ, чшо ночью однимъ шолько собакамъ приспойно ходипъ по улицамъ. Правда, чшо и наполнены онѣ ими не шолько ночью, да и днемъ; шага не лзя спущипъ безъ шого, чшобъ не вспрѣшипъ ихъ цѣлыми спаницами, а часпо и идши опъ нихъ не лзя. Сіи собаки супъ самой негодной породы, и производяпъ ужасной вой, особливо во время язвы.

Говоря о судахъ, позабылъ я упомянупъ объ одной вещи, копорая великую честь дѣлаепъ Туркамъ. Нѣпъ у нихъ спряпчихъ, ни подьячихъ. Всякъ самъ ходипъ и говорипъ по своему дѣлу: а чшо касаепся до записей и крѣпостей, оныя совершаюпся у судьи, или у Муфшя.

Казни довольно часпы. За наималѣйшую вину, наказываюпъ палочными ударами. Кладупъ виноватаго на спину, и два сильныхъ мужика буюпъ до шѣхъ поръ по пяпамъ, пока не прикажупъ имъ перестапъ. Большіе и малые подвержены сему наказанію, копорое не наносипъ безчестія въ народѣ, состоящемъ изъ невольниковъ. Палочное наказаніе не обходипся безъ денегъ; должно плашипъ и шому, кшо бѣепъ, и шому, кшо считаепъ удары. Приговоръ къ смерти, учиненной самимъ Сулшаномъ, исполняепся немедленно, и преспуникъ недолго шерпипъ. Нѣмые приносипъ къ нему шнурокъ. Опъ власпенъ самъ себя удавипъ; а ежели не хочепъ, шо они оказываютъ ему сію услугу.

Сія казнь упопребляется для Везирей, Пашей и вельможъ. Проспой человекъ уличенной въ воровствѣ, въ смертоубивствѣ, или въ другомъ подобномъ злодѣйствѣ, не опдѣлывается снуркомъ. Его въшаютъ или сажаютъ на коль.

Послѣдній упомянутой мною родъ смерти, не будучи исвѣспень въ Европѣ, расскажу я вамъ, что не безъ ужаса самъ видѣлъ недавно. Помимали одного невольника, (копорой по нещасию былъ не евнухъ,) съ женою его господина. Мнѣ случилось идти по улицѣ, какъ вели его къ судѣ. Вскорѣ потомъ вывели его изъ дома Кадя, и мнѣ сказали, что идетъ уже на казнь. Дѣла здѣсь скоро рѣшались, говорилъ я самъ себѣ: но переспалъ тому дивиться, когда узналъ, что виноватой былъ голъ, господинъ его богатъ, а судья всегда имѣетъ, куда влаетъ деньги. По приведеніи осужденнаго на мѣсто казни, раздѣли его, и положили брюхомъ на голую землю. Палачъ разрѣзалъ ему бритвою нижній проходъ, и вволопилъ обухомъ жердь длиною футовъ въ восемь и довольно полспую. Когда конецъ жерди вышелъ у него въ правое плечо, подняли его съ земли, привязавъ руки къ оной жерди, и въ семь жалкомъ соспоинн чернь не преспавала еще поносилъ его ругательными словами. Сіе одно начертаніе можетъ представилъ вамъ безчеловѣчье здѣшняго варварскаго народа.

Теперь я пройду главнѣйшіе чины Государства. *Муфти* еспь Начальникъ Духовенства. Султанъ его назначаетъ, надѣвая на него при семъ случаѣ дорогую шубу, и положила ему за пазуху мѣшокъ съ червонными. Сверхъ того

опредѣляетъ ему жалованья писполь по десяти на день (около двадцати рублей); что почпи не превосходитъ доходовъ и посредспвеннаго во Франціи Епископства. Онъ имѣетъ свободной доспуть въ сераль, и Султанъ его вспрѣчаетъ, чиня нѣсколько шаговъ въ передъ. Онъ одинъ пользуется правомъ цѣловать своего Государя въ лѣвое плечо. Главное его упражненіе соспоинъ въ шомъ, чтообъ опвѣчатъ на шребуемые совѣпы или вопросы, касающіеся до закона. Онъ не судитъ, но рѣшеніи его имѣютъ великую силу, и Султанъ оказываетъ къ нимъ уваженіе. Въ старину сей Начальникъ Духовныхъ дѣлъ, споль былъ силенъ, что Государя его боялись. Нынѣ опворили глаза на паковое злоупотребленіе. Въ Турціи, какъ и вездѣ, *Муфти* рѣшилъ, но Султанъ даетъ волю *Везирю* дѣйсповать по своему произволію.

Вся сила Государства заключается въ особѣ сего перваго Министра, копорой одинъ управляетъ Имперією. Онъ судитъ безъ аппеляціи, учреждаетъ портовлю, распоряжаетъ доходами, повелѣваетъ войскомъ. Государь, копорому и безъ того еспь много дѣла въ сераль, полагается на него во всѣхъ сихъ мѣлочахъ; но при малѣйшемъ неудовольствіи приказываетъ его задавить. Таковая спрогая полипка предъупреждаетъ неудобности, могущія произойти опъ чрезмѣру великой силы.

Верховный Везиръ хранитъ Государспвенную печать, и носилъ ее всегда у себя за пазухою, какъ главнѣйшій знакъ своего доспоинства. Онъ представляетъ чинъ свой съ великою пышноспію. Дворъ его соспавленъ больше,

нежели изъ двухъ тысячъ человекъ. Ежели случается выѣзжать ему на войну, Султанъ находясь передъ войскомъ, снимаетъ съ своей чалмы перо, и вкладываетъ оное въ чалму Везиру: по чему и признается онъ за главнаго вождя силъ Опшоманскихъ. Сей Министръ имѣетъ сполько непріятелей, сполько завидующихъ его щастію, что почести можно за нѣкопородное чудо, какимъ образомъ избѣгаетъ онъ спавимыя себѣ сѣпи. Обыкновенная хитрость противъ него употребляемая есть та, чтобы взбунтовать на него Янычарь, кои подъ предлогомъ какого либо неудовольствія просятъ головы его, или низверженія съ Везирства. Тогда, сколь бы ни любилъ его Султанъ, не возможно почти ему спасти его. Многіе изъ Султановъ лишились престола, по той только причинѣ, что поупрямились оспаривать на мѣстѣ Везирей, коихъ изшребленія требовалъ народъ.

Прочіе Государственные Вельможи, Губернапоры, главные чиновначальники, разумются подъ именемъ *Пашей*. Первыише изъ нихъ пользуются правомъ имѣть нѣкопородъ знаковъ, опличающихъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ. Оной соспоитъ въ шестѣ, на которомъ привязанъ лошадиной хвостъ, и именуется *Бунчукъ*. Предъ первоспашейными возятъ по три шаковыхъ знака, по чему и называются они *Трехъ-бунчужными Пашами*. Сверхъ того имѣютъ они знамена, музыку и многочисленную свиту соспоющую изъ разныхъ чиновниковъ, на подобіе Государственныхъ. Начало помянутаго знака производятъ Турки отъ слѣдующаго: одинъ изъ ихъ Генераловъ, хотя со-

единишъ Янычарь, которые расперяли свои знамена, вздумалъ опрубить хвостъ у лошади и привѣситъ оной на концѣ копыя. На сей знакъ, разсыпанные войски собрались, ободрились, и одержали полную побѣду надъ непріателемъ.

До высокихъ чиновъ доходятъ не по рожденію и не по богатству; а напрошивъ сіи преимущества единые, кои содержатся въ почтении у просвѣщенныхъ народовъ, бывають обыкновенно въ Турціи препною людямъ, знатнымъ породою и богатствомъ, къ доспигенію на верхъ чести. Чѣмъ правленіе самопроизвольнѣе, тѣмъ есть больше причины опасаться, чтобы подданные не усилились надмѣру. Въ слѣдствіе сего правила, если Паша при жизни своей придесть въ подозрѣніе своимъ богатствомъ, Султанъ отдастъ за него замужъ дочь свою, или другую какую сродницу. Таковая честь не дешево покупается, и часно бѣдной мужъ спановишся игралицемъ сей гордой красавицы. Ему не вольно жаловаться на ея своеправіи, ни на ея дурачествы. Изъ почтениа къ крови Опшоманской, не можетъ онъ опказаться ни въ чемъ, чего у него попребуютъ; разоряется на уборахъ и драгоценныхъ каменьяхъ. Когда онъ назначитъ ей долю изъ своего имѣнія, то приспугаютъ къ совершенію брака, которое въ томъ соспоитъ, что представлятъ ей Пашу. Невѣста обнажаетъ кинжалъ, (ибо всѣ Принцессы Султанской крови оныя носятъ) и укоряетъ его въ дерзости. Бѣдной женихъ бросается на колѣни, и въ наиуниженнѣйшемъ положеніи поздравляетъ себя съ честью, копорой удоспоенъ будетъ, сдѣлавшись ея мужемъ.

Оспашокъ дня и большая часнь ночи препровождается въ увеселеніяхъ, во время кошорыхъ Султанша не позабываетъ своего достоинства. На другой день по утру молодая идетъ въ поспелю, и минушу спустя приводится къ ней женихъ. Раздѣвшись въ молчаніи и съ доказательствомъ великаго почтенія, спановиши онъ на колѣни передъ поспелею, поднимаетъ одѣло, и гладитъ ноги Султаншѣ. Попомъ мало по малу приближается, а великородная супруга, нечувствительно забывая о достоинствѣ своемъ, принимаетъ его наконецъ съ горячностью въ объятія. Между прочими утѣхами, коими наслаждается сей щасливой мужъ, должно сочестъ и то, что обязанъ самъ давить всѣхъ приживаемыхъ съ нею дѣшей мужескаго пола: но съ того времени, какъ Турки начали просвѣщаться, и бытъ слѣдовательно челоѣколюбивѣе, позволяешся ему, связывающъ, душишь ихъ подушками.

Военная сила Ошпоманской Имперіи состоитъ изъ пѣхоты и конницы. Первая почитается наисильнѣйшею часнью войска, а вторая многочисленнѣе, ибо есть оной до ста тридцати тысячъ однихъ сражающихся. Конница Турецкая двойкаго рода. Лучшая состоитъ изъ *Занловъ* и *Тимариотовъ*. Сии суть небольшіе помѣщики, получившіе нѣсколько земли отъ Султана. На собираемой съ оной доходъ, кошорой бываетъ отъ чепырехъ до шести сотъ рублей, а иногда и больше, должны они держать лошадей, палатки, и сверхъ того обязаны вооружить столько челоѣкъ, сколько сотъ пашпрое имѣютъ.

За симъ корпусомъ конницы слѣдуютъ *Слаги* получающіе жалованье отъ Султана: но оное не для всѣхъ одинаково. Иные берутъ до шести гривенъ, а иные только по двенадцати и по пятнадцати копеекъ. Нѣтъ хуже сея конницы на свѣтѣ. Бьются они кучею, безъ порядка, и не такъ какъ Тимариоты и Заимы, кои раздѣлены на роты и предводимы офицерами. Ежели повѣришь офицеру, нашему приятелю, то ничто сравниться не можетъ въ храбрости и вѣрности съ *Янычарамъ*. Я думаю, что они храбры, а особливо когда командиръ у нихъ пушной; но что принадлежить до вѣрности, я бы за нихъ не поручился. Они столько много дали опытовъ прошивнаго, что, по моему мнѣнію, для Султана нѣтъ опаснѣйшихъ непріятелей. Наглосъ ихъ до того проспирается, что свергаютъ они своихъ Государей съ престола, и не одинъ разъ поступали въ Царьградъ съ такимъ же безчеловѣчьемъ, какоое въ спарину оказывала въ Римѣ Преторская спража, или Цесарева гвардія. Сей корпусъ состоитъ, говорятъ, изъ ста тысячъ челоѣкъ, получающихъ жалованье, не считая тѣхъ, кои покупаютъ ихъ званіе, дабы избавишь отъ податей: но сколько я могъ навѣдаться, то подлинныхъ Янычаровъ число во всей Имперіи не превосходитъ сорока тысячъ: ибо не всѣ они въ Царьградѣ, а посылаются въ главнѣйшіе города Имперіи. Согласіе между ими такъ велико, что пребывающіе въ столицѣ служатъ примѣромъ и образцомъ прочимъ. Сіе войско, гордясь преимуществами и силою, весьма въ слѣдствіе того склонно къ волнованію и бунтамъ. Наималѣйшее неудовольствіе

приводить его въ бѣшенство. Когда правленіе ему не полюбилося, злость его начинаетъ оказываться въ серальѣ, во время держанія Дивана. Ихъ въ такой день приводятъ обыкновенно на вѣснорой дворъ серальской во многомъ числѣ, и кормятъ пилавою, кошорой нарочно для нихъ готовилась на Султанской кухнѣ. Для показанія неудовольствія, они ползаютъ и опрокидываютъ ногами блюда, кои ставятся на голой землѣ. Опытъ уже научилъ, что должно неопластательно искасть помочи прошивъ сего неурядка, или успокоевая нагласить Янычаръ малою какою поманкою, или успрашая ихъ безчеловѣчнымъ наказаніемъ.

Янычары имѣютъ Генерала, называемаго *Янычаръ-Ага*, коего могущество равняется почти съ Везирскимъ. Они бьются съ великимъ жаромъ, бросаюся опчаянно въ наипаснѣйшіе мѣста; и въ помъ только и состоятъ главная сила Янычаръ: ибо устройства военнаго почти нѣтъ въ Оптоманскихъ войскахъ, и по тому рѣдко могутъ они успоаять прошивъ Европейскихъ, еспли въ первомъ нападеніи ихъ не сомнутъ. Въ прочемъ, нѣтъ сумнѣнія, чтобы побѣдами своими не были они обязаны сему правилу вѣры, споль сильно властвующему разумомъ черни, кошорое общаетъ рай Турку погибшему на войнѣ; по чему рѣдко попадаютъ они въ полонъ, и Турокъ скорѣе дастъ себя убить, нежели сдастся. Воинское искусство мало имъ извѣстно; осадами и артиллеріею управляютъ у нихъ по большой части ренегаты.

Вспомогательные войски состоявляютъ не малую силу своимъ числомъ. Египетъ, Тапарія,

Валахія и *лр.* ставятъ, во время войны большіе двухъ сотъ тысячъ конницы. Тунисть, Алжиръ, Триполь даютъ галеры и мапросовъ для морскихъ походовъ. Султанъ имѣетъ около двадцати двухъ кораблей военныхъ, опъ пятидесяти до ста пушекъ. Въ Царьградѣ стоятъ двенадцать галеръ, кои во время мира употребляются для опвезенія низверженныхъ Вельможъ въ заключеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ ходятъ съ *Калитанъ-Пашею*, или великимъ Адмираломъ, когда онъ ѣздитъ собирать подати съ Архипелага, что чинитъ вѣждой годъ. Я видѣлъ флотъ его въ Смирнѣ. Онъ состоятъ изъ двухъ военныхъ кораблей и пяти галеръ. Корабли были очень велики, но чрезъ мѣру тяжелы и худо построены. Сія громада почти неподвижна, еспли вѣсноръ не дуентъ съ кормы, и не могутъ слѣдовательно съ успѣхомъ дѣйствовать. Сверхъ того во всѣхъ почти знашнихъ городахъ, лежащихъ по Средиземному морю, содержатся въ готовности одна, двѣ и три галеры. Въ Смирнѣ ихъ три, въ Хіо двѣ, въ Родосѣ одна и *лр.* Экипажъ на нихъ многочисленный, и составленъ изъ Турковъ, Грековъ и невольниковъ. Во время войны, Варварскія области снабжаютъ Турецкой флотъ солдатами и мапросами.

Вообще воинская дисциплина, какова наблюдается теперь въ Европѣ, мало согласуется съ образомъ мыслей Турковъ. Долговременной миръ погрузилъ ихъ въ неописанную лѣность. Будучи довольны своимъ состояніемъ, и привыкши къ неограниченной роскоши, учинились они непріятелями всякому роду трудовъ и безпокойствія. Во время мира никакой службы

не опсправляютъ; развѣ въ однихъ только крѣпостяхъ, гдѣ нѣсколько Янычаръ, имѣя палку въ рукѣ, ходятъ ночью по валу, и кричатъ изъ всего горла, дабы показати, что они не спятъ. Спррой и ученіе совсѣмъ имъ не извѣстны. *Графъ Бонневаль*, учинившись Пашею, щещно спарался соспавити порядочной корпусъ, и приучити его къ движеніямъ Нѣмецкой дисциплины. Турки ругались его наспавленіямъ и находили смѣха достойнымъ, чтобъ людей такъ учить, какъ учать лошадей и собакъ. *

Сколь ни знаютъ былъ пріятель нашъ въ Магомепанскомъ законѣ, (ибо здѣсь не почитаютъ за важно знать свою вѣру) онъ не требовалъ однако, что бы мы почто полагались на его слова. „Мы пойдемъ, говорилъ онъ, къ *Дервишамъ*; мнѣ есть между ими знакомые, и вы „будете конечно ими довольны.“ Было тогда около восьми часовъ утра. Пошли мы съ нимъ въ монастырь къ симъ монахамъ, и онъ велѣлъ вызвать двухъ, про коихъ думалъ, что въ состояніи будутъ удовольствоваться наше любопытство. Какъ показалось намъ долго ихъ ждать, то взошли мы сами въ ихъ споловую, въ конпорой были они собраны. Янычаръ вступилъ шуда одинъ, опасаясь чтобъ наше присутствіе не произвело какого шума; но видя, что они всѣ веселы, далъ намъ знакъ за собою слѣдовать.

* Обстоятельно описано „Военное состояніе Оптоманской Имперіи, и ея приращеній и упадковъ, Графомъ де Марсильи. Сія книга напечатана на Россійскомъ языкѣ при Императорской Академіи Наукъ 1737 года въ листъ.

Дервиши въ домѣ своемъ совсѣмъ не пь, каковыми кажутся въ народныхъ собраніяхъ. Я почипалъ ихъ до сего часа фанатиками; а шущъ нашель, что они чрезмѣрно ласковы и разговорчивы. Они смѣялись и скакали около насъ, какъ спарые пакъ и молодые, не смотря на то, что мы были чужестранцы и Христиане. Я не хотѣлъ сперва вольное ихъ обхождение приписать дѣйствию вина: но какъ увидѣлъ на столѣ рюмки и бушылки, то позналъ, чего въ монастырѣ держатся. Намъ не было возможности говорить съ ними о вещахъ важныхъ. И такъ оставили мы ихъ, выпивши по рюмкѣ вина, дабы опказомъ не разсердить: ибо, ежели случится заспать ихъ въ пиру, должно пришвориться, что ихъ за то хвалишь, а инаково подвергнешся ихъ неистовству.

Офицеръ, не хопя, чтобъ мы ходили попусту, привелъ насъ къ одному Иману, своему пріятелю. *Иманы* здѣсь то же, что у насъ приходскіе попы. Они читаютъ молитвы повелѣнные закономъ, благословляютъ браки, ходятъ къ больнымъ, погребаютъ мершвыхъ, и избираютъ проповѣдниковъ для наспавленія народа. Прихожане каждой мечети, назначаютъ для сей должности людей просвѣщенныхъ и признанныхъ честными, и представляють ихъ Кадію. Сей приказавъ спавленіку прочесть нѣсколько мѣстъ изъ Алкорана, даесть ему власшь бытъ Иманомъ. Нѣтъ другаго обряда въ поставленіи ихъ, и они могутъ бытъ опять, когда захопятъ, мирянами, отказавшись опъ должности. Муфши надъ ними не имѣють власши. Всякой Иманъ не зависитъ

опть него въ своей мечетѣ, какъ у насъ приходской попь опть Архіерея.

Иманъ, о кошоромъ я упоминаю, узнавъ за чемъ мы пришли, оставилъ насъ у себя обѣдать. Говорено было много о Магомешѣ, объ Алкоранѣ, и объ предопредѣленіи, кошорому Турки вѣрятъ неограниченнымъ образомъ. Оно возбуждаетъ въ нихъ храброспъ въ сраженіяхъ, и чинитъ ихъ шерпѣливыми въ нещаспяхъ. Они вѣрятъ, слѣдую своему законодавцу, что Богъ еспъ единый, и испинный Богъ; что онъ сотворилъ свѣтъ, и что судитъ его будетъ при концѣ вѣковъ. Иисусъ Христосъ, по ихъ мнѣнію, былъ великій пророкъ, но не былъ сынъ Божій, по тому что, говорятъ они, Богъ будучи простое существо не могъ породитъ. Они называютъ также пророками Моисея, Адама, Пашріарховъ и всѣхъ великихъ мужей древняго и новаго завѣша. Они не чинятъ затрудненія давая имъ сіе наименованіе; ибо въ Алкоранѣ споинтъ, что было сто чепыре тысячи пророковъ. Что касаетсѣ до Жидовскаго Талмуда и до Новаго Завѣша, говорятъ, что Моисей и Иисусъ Христосъ принесли сіи священныя книги съ неба, и что опятъ взяли ихъ съ собою, а оставшіеся здѣсь суспъ только списки съ нихъ испорченые и совсѣмъ не вѣрныя. Магомешъ также съ неба получилъ Алкоранъ, но оставилъ его своимъ ученикамъ; и опть сего происходить по почщеніе, кое имѣютъ Магометане къ сей злочеспивой и баснями наполненной книгѣ.

Попъ нашъ говоритъ пакъ весело и шупливо, что мы слушали съ удовольспвіемъ, и показалось мнѣ, что онъ не больше вѣрилъ

вдохновеніемъ Магомешовымъ, какъ тому, что не можешъ погрѣшитъ Папа. *Еффендіи*, пакъ называютъ ученыхъ у Турковъ, явно между собою, и при спѣхъ, къ кому возимъюспъ довѣренноспъ, слѣдуютъ сектѣ Дейсповъ * а о законѣ своемъ говорятъ, какъ объ полипическомъ учрежденіи, кошорое должны всѣ разумные люди шеперь наблюдать, но кошорое введено было съ начала полипиками и людьми распаленными ревностію.

Мнѣ хотѣлось узнать, въ чемъ Магометане полагаютъ существо своей вѣры. Онъ намъ сказалъ, что заповѣдь объ омовеніяхъ почти заспуаетъ мѣсно всякой другой должноспи; что омывшись разъ или два, омывающыя они опть всѣхъ грѣховъ. Не всегда однако могутъ все шѣло, но довольно обыкновенно бываетъ, когда омочатъ въ водѣ пальцы, локши, и нѣкоторыя сокрытыя часпи. Ежели воды нѣтъ, служитъ имъ къ тому горспъ земли или пыли. „Я не оставлю однако васъ, говоритъ онъ, въ невѣдніи о нашихъ главѣйшихъ заповѣдяхъ. Магомешъ повелѣлъ намъ молишся пять разъ на день, обращаясь лицомъ къ Меккѣ. Приказаны также опть него подаяніе милоспины, посѣщеніе Мекки, и постъ Рамазанъ. Всякой Магометанинъ долженъ сходить одинъ разъ въ своей жизни въ Мекку: но часпо посылаютъ за себя кого другаго, какъ по у васъ, сказывающы, дѣлаетсѣ во Франціи, что опсправляютъ слугу въ домъ къ Вельможѣ для

Дейспами называютъ Секту людей, кои не исповѣдуютъ никакой вѣры, опшвергаютъ опкровеніе, а признаютъ только бытіе Божіе и нужду слѣдовать еспешественному закону.

„написанія своего имени, и что сіе служить
„между вами за самое посѣщеніе..“

Ежели вѣришь одной Турецкой пословицѣ,
по добродѣтели не много выигрываетъ отъ
сего свяшаго дѣла: вотъ она: *ежели человекъ
былъ одинъ разъ въ Меккѣ, говоря здѣсь, бе-
регись его; ежели былъ два раза, не естулай
съ нимъ ни въ какое дѣло; а ежели три, уда-
лись отъ него навсегда.*

„Мы обрѣзаніе не сполько почитаемъ за
„главную заповѣдь, продолжалъ нашъ Иманъ,
„какъ за преданіе, занятое у Аравлянъ, и са-
„моизвольное приношеніе вѣры. Въ день сего
„обрѣда, приугошворяють пирь. Всѣ сродники
„присылають младенцу подарки. Одѣвають его
„чиспо, сажаютъ верхомъ на верблюда или
„на лошадь, и везуть при звукѣ музыки въ ме-
„четь. Тамъ кладуть его на софу; и цирюль-
„никъ выпянувъ щипцами конечную плоть,
„опрѣзываетъ крайность бришвою, и показы-
„ваетъ предспоящимъ, говоря во весь голосъ:
„*Богъ великъ. Дѣвокъ водять въ мечеть шакого
„же возраста, по еспь, по седмому или восмому
„году, для приведенія ихъ въ Магомешанской
„законъ. Въ Персіи обрѣзываютъ и ихъ, но
„здѣсь онѣ уволены отъ сего спраданія..“ **

„Прибавше къ сему повелѣнные посты, и
„вы будете знать существо всей нашей вѣры.
„Я не сумнѣваюсь, чптобъ она не показала
„вамъ веселою, когда короче ее узнаете..“ По-
слѣ чего зачалъ онъ намъ рассказывать пысячи
басней, взятыхъ изъ Алкорана и изъ книгъ

* См. Систему или состояніе Магомешанскія
религии Князя Дмитрія Кантемира,, напеча-
танную въ Санктшешербургѣ 1722 года въ лис.

первыхъ наслѣдниковъ Магомешовыхъ. Говорилъ
онъ о славномъ раѣ, въ коемъ оба пола, по
каждой особе, будутъ вкушати наипохопливѣй-
шія сладости; ибо по дѣйствительная ложь,
хотя и принята у насъ вообще за правду,
чпто Магомешъ исключаетъ женщинъ отъ вся-
каго участія въ будущей блаженной жизни.
Онъ былъ очень вѣжливъ, и съ лишкомъ любилъ
прекрасной полъ, чптобы поспушить съ нимъ
споль безчеловѣчнымъ образомъ. Онъ обѣщаль
имъ напрошивъ прекрасной рай, копорой по
испирнибъ будетъ опдѣленъ отъ рай ихъ мужей,
но для сей самой причины и полюбился мо-
жетъ бытъ имъ больше.

Единая добродѣтель, копорой пророкъ пре-
буетъ отъ женщинъ для снисканія будущаго
блаженства, еспь ша, чптобы не жили онѣ
такимъ образомъ, копорой бы дѣлалъ ихъ без-
полезными на землѣ, и чптобы спарались сколь
можно о умноженіи числа своихъ правотѣр-
ныхъ. Умирающія дѣвицами, вдовы не выходя-
щія въ другорядъ замужъ, исключены изъ сего
прохладнаго мѣста: ибо, какъ женщины, по
его словамъ, не годятся ко управленію Госу-
дарспвенными и военными дѣлами, и не могутъ
ни распорякати ни поправляти свѣша, по
Богъ поручилъ имъ честную и удобную дол-
жность населяти его, распорякати породу че-
ловѣческую, и способспвовати ко умноженію
ушѣхъ нашего пола.

Подумайте, Государыня моя, какое дѣй-
ствіе произвеспи въ нихъ можетъ сія запо-
вѣдь Алкорана. Онѣ воспитываются безъ вся-
кихъ началъ, приводящихъ къ добродѣтели, и
попому недоспаешъ имъ шолько случая, пре-

давались распутной жизни. Между хипроссиями, употребляемыми ими въ любовныхъ дѣлахъ, обыкновенно прочихъ есть переодѣваніе. Преобразившись въ невольницъ, ходящъ онъ, когда наступитъ часъ бани, въ дома, нарочно для паковыхъ свиданій прибранные: иногда навязываются онъ и на чужестранныхъ, если попадется имъ недурной, и если найдутъ способъ внести его къ себѣ въ домъ. Меня уверяли, что сіи похотливыя, но безчеловѣчныя женщины, продержавъ у себя мужчину три или четыре дни тайно въ своемъ покоѣ, и видя, что уже онъ выбился изъ силъ, закалываютъ его кинжаломъ или оправляютъ ядомъ, и погребаютъ скрытно, боясь чтобы онъ не вывелъ наружу ихъ тайны, или желая насытить хотѣніи свои съ другимъ, кошорой больше въ состояніи доставить имъ удовольствія. Чужестранцу всегда должно остерегаться паковыхъ опасныхъ призывовъ; ибо ежели дѣло выйдетъ наружу, онъ бываетъ осужденъ на сожженіе, развѣ сдѣлается Магомепаниномъ. Сіи любовныя знакомства обыкновенно начинаются въ *Безестенѣ*. Какъ бываетъ въ семь мѣсяцъ всякое упрое великое спеченіе народа; Турецкія госпожи, коихъ мужья не весьма строго содержатъ, ходящъ цѣлыми кучами закутавшись въ покрывало, но такъ, что можно ихъ видѣть, если захочется самимъ имъ себя показать. Когда встрѣтятся съ ними мужчина по мысли, онъ полкаютъ его лопшемъ, какъ бы ненарочно. Ежели женщина полюбится ему, онъ отвѣчаетъ ей такимъ же образомъ, и съ обихъ споронъ улыбаются. Потомъ говорятъ нѣсколько любовныхъ словъ, дружба мало по

малу зачинается, и дѣло идетъ на ладъ. Иныя мужья, коимъ знакомы паковыя хипроссии, запираютъ своихъ женъ. Однимъ почти просполюдимкамъ позволяется ходитъ въ баню два раза въ недѣлю, и быть во время Рамазана на молитвѣ въ мечетяхъ. Знапныя госпожи, имѣя въ дому баню и часовню, не выходятъ почти никогда. Жизнь препровождаютъ во всегдашней праздности, не мѣшаясь ни въ какія домашнія дѣла. Иныя упражняются въ вязанъ и вышиванъ, иныя поютъ и играютъ на инструментахъ; а вообще всѣ утѣшаются по нѣскольку часовъ куреніемъ шабаку. Убираются онъ съ великимъ тщаніемъ, дабы перещеголять своихъ соперницъ, и не пренебрегаютъ ничего, что только можетъ доставить имъ какое либо преимущество надъ подругами; даже кладутъ въ платье и въ волосы палисманы. Вы видите теперь, что онъ исполняютъ совершенно то, къ чему Магометъ ихъ назначилъ.

Мысль сего пророка о сотвореніи перваго челоѣка есть также предметъ вѣры Мусульманской. По его словамъ, Богъ создалъ шло Адамово, кошорое находилось неподвижно, какъ прекрасная снапуя, посреди Едема. Душа его, сотворенная гораздо прежде, получила повелѣніе оживотворить сіе новое шло, и пошчасъ опправила въ пупъ. Но когда разсмотрѣла опредѣленное себѣ обипалище, то предсказывала творцу, колико было для нее не достойно жить въ кускѣ ломкаго и согниваемаго вещества. Богъ повторилъ повелѣніе: но душа не могла видѣть себя въ такомъ униженіи, продолжала ослушиваться. Тогда Богъ прика-

заль Архангелу Гавриилу взять свою дудочку и заиграсть. Опъ согласнаго звука инструмента, душа Адамова начала плясать и лешать около пѣла. Потомъ вспунила въ оное сквозь ноги, копорья первыя и пришли въ движеніе. Судя по сей сказкѣ, казалось бы, что Магомепане должны больше имѣть вкуса къ музыкѣ и пляскѣ, нежели по въ нихъ примѣчается.

Но пора окончивъ бредни сихъ легковѣрныхъ людей. Иманъ нашъ, копорой зналъ, чего держаться по поводу сихъ глупостей, дѣлалъ мнѣ съ своей спороны разные вопросы. Я его удовольствовывалъ, и мы разспались друзьями. Я часто буду имѣть случай съ нимъ видѣться, пока проживу въ Царѣградѣ. Двѣ причины поддерживать меня здѣсь долѣе, нежели я думалъ. Первая, болѣзнь моего докшора, копорой чунъ не умеръ, и за копорымъ сморѣлъ я какъ за челоуѣкомъ любви достойнымъ, какъ за единомземцомъ и какъ за другомъ. Вторая, шрудность найти корабль, опъѣзжающій въ Грузію, чрезъ Черное море; ибо я вознамѣрился взять сію дорогу, дабы доѣхать до Персіи, и увидѣть въ то же самое время Черкассію, Колхиду, Арменію и древнюю Мидію. Одинъ Армянской купецъ обнадеживаесть насъ, что вскорѣ исполнить сіе наше желаніе. Между тѣмъ сообщу я вамъ еще нѣкопорыя подробности, касающіяся до нравовъ и обычаевъ Турецкихъ.

Сколь намъ кажесть справно видѣть ихъ съ долгими и вычерненными бородами; споль они находятъ чрезвычайнымъ наши долгіе волосы и парики, кои называютъ *чертовымъ*

звѣздою. Турки разняшся съ нами шакже по поводу почешнаго мѣста. Они предпочитаютъ лѣвую руку правой, потому что на семь боку носишся шпага или сабля, и слѣдовашельно въ нашей власпи состоишъ оружіе того, что иденъ по правую руку. Правда, что у нихъ не въ шакомъ обыкновеніи носишъ сабли, какъ у насъ шпаги; да и самыя чужеспранцы мало носяшъ оныя въ Царѣградѣ, боясь, что по чернь надъ ними не насмѣхалась.

Турки не употребляютъ великолѣпія, какъ шолько въ однихъ народныхъ зданіяхъ. Дома обывашелей очень проспы. Дворы большихъ господъ занимають довольно земли, и окружены высокими стѣнами, кои препяшшвуютъ съ улицы въ нихъ сморѣть. Женскіе покои запершы многими дверьми, и храняшся енухами или спарухами. Пошолки крашенныя и позолоченныя. На стѣхахъ вмѣсто карпинъ написаны золотомъ списхи изъ Алкорана, пош мраморныя или изъ плитокъ фаянсовыхъ. Лѣсницы походятъ на спремьянки, надъ копорыми сдѣлана небольшая кровля. Пош успиляютъ рогожками или коврами, а по стѣнамъ дѣлають широкія и очень мало возвышенныя *Софы*, на коихъ сядяшъ, ѣдяшъ и спяшъ. Сядяшъ же поджавши ноги и положась спиною на подушки. Поспелей не видно, ибо ихъ запирають на день, а спеляшъ шолько къ ночи. Оныя соспояшъ въ одномъ или двухъ шюфьякахъ, въ подушкѣ, и въ легкомъ одѣялѣ. Проспыни пришипы къ одѣялу и къ шюфяку. Вмѣсто колпака надѣвають малинкую чалму, и спяшъ въ поршкахъ и въ полукафтани.

Шахматная игра въ великомъ упопребленіи у Турковъ; но они за грѣхъ почипають играшь въ деньги. Хотя проиграешь Турокъ, хотя выиграешь, не показываешь ни радости, ни печали: но игра ихъ шакъ веселишь, что они проводятъ въ ней цѣлые дни. Регли шакже въ упопребленіи въ Турціи, но всегдашнее увеселеніе военныхъ людей ешь спрѣланіе изъ лука: въ чемъ они очень сильны. Въ Царьградѣ находящіяся дома, гдѣ сими играми можно забавляшь за умѣренную цѣну. Ни карпш, ни печальной упѣхи разоряшь друга и вводишь въ скуку шого, кто не играешь, совсѣмъ они не знаютъ.

У Турковъ ешь публичныя танцовщицы, копорыя ходяшь по домамъ, куда ихъ позовушь. Оныя бывають Жидовки или Христіанскія невольницы: но обыкновенно наряжають мальчиковъ въ женское платье. Когда имъ данъ волю, и примѣпяшь они, что веселяшь ихъ непристойностями, то дѣлають наисквернѣйшія и безчестныя шѣлдвиженія. Съ малолѣтства они шакъ приучили свое шѣло къ разнымъ положеніямъ, что изъясняють движеніями наипохопливѣйшія подробности непопребной жизни.

Между увеселеніями ихъ должно считашь хожденіе за цвѣтами, копорыя они сильно любятъ. Они предпочитаютъ шюльпанъ всѣмъ цвѣтамъ. Турки имѣють обыкновеніе срѣзывать цвѣты при самомъ корнѣ или луковицѣ, и спавяшь въ карафишь, у копорого шея долга. На оную надѣвають ярлыкъ бумажной или

пергаминовой, вырѣзанной узоромъ, на коемъ пишущъ, какого рода цвѣшь. Здѣсь почипаешь знакомъ наивеличайшаго почшенія, еспыли къ кому въ подарокъ пришлеться *Тюльпанъ*. Наконецъ цвѣтокъ сей пользуется нѣкопорымъ образомъ въ Турціи, божескими почестями, ибо въ честь его устанавленъ праздникъ. Обыкновенно опсправляють оной въ Сераль въ Апрель мѣсяцъ. На дворѣ спроишь деревянная галерея, въ ней дѣлають лавки, на копорыхъ спавишь, на подобіе амфитеатра, ужасное множество карафиновъ съ шюльпанами. Между карафинами спояшь подсвѣшники, а на самыхъ возвышенныхъ лавкахъ, великолѣпныя клѣпки съ Сулпанскими кинарейями, и хрустальные шары, налитые разноцвѣтными водами. Галереи, пирамиды, башенки, и спроеіе окружающее дворъ, убраны шакже цвѣтами и площадками, и дѣлають видъ весьма прищной. Посреди двора разбиваешь Сулпановъ шаперъ, предъ коимъ раскладывають подарки, присланные опъ Вельможъ, или опъ первыхъ его невольниковъ. Женщины Серальскія въ чрезвычайныхъ нарядахъ спавовяшь между цвѣтами. Кажеться, что природа и искусство соединяють въ сей день для упѣхъ одного человека, взирающего на сіи красоты. Женщины танцуютъ, поють, и дѣлають все, что Сулпану заблагодарсудишь имъ приказашъ. Праздникъ кончидъ раздачею подарковъ, кои подносятъ, именовъ Сулпанскимъ, Кизляръ-ага женщинамъ, наиболее увеселившимъ своего Государя.

Ешь много случаевъ, при копорыхъ самъ Сулпанъ принимаешь подарки. Всѣ масперо-

вые, когда онъ самъ выѣзжаетъ на войну, съ церемонією оныя къ нему приносятъ. Султанъ смогрипъ изъ одного Кюска сей ходъ, кошпорой шпанеся чрезъ главныя улицы. Сперва ѣдетъ на верблюдъ одинъ Еффенди, и чинаетъ громогласно Алкоранъ. Онъ окруженъ молодыми юношами въ бѣлыхъ одеждахъ, поющими также стихи изъ Алкорана. За нимъ идетъ человекъ покрытый зелеными въшивами, представляющій землепашца, насывающего землю. Съ нимъ находится множество жипелей съ вѣнками изъ колосьевъ, на подобіе Церерина, кои размахиваютъ серпами, какъ бы хлѣбъ жали. Послѣ везутъ на быкахъ въпреную мельницу, въ кошпорой молодые люди мелютъ; за нею ѣдетъ на быкахъ же печь. Мальчики представляютъ, что въ ней пекутъ и бросаютъ въ народъ небольшіе хлѣбцы.

Слѣдуетъ попомъ цехъ булочниковъ, по два въ рядъ, въ лучшихъ своихъ одеждахъ и неся на головѣ булки, сайки, и пироги. Они послѣдуютъ двумя шупами, у коихъ лице вымарано мукою, и кои смѣшатъ народъ разными глупыми шупками.

Прочіе цехи также проходятъ всѣ. Отличныя между ими, какъ то золошари, купцы торгующіе парчами и пр. великолѣпно одѣты, и ѣдутъ верхами, имѣя знаки своего промысла. Скорняшники, на примѣръ, везутъ кожи бѣлыхъ горностаевъ, лисиць и пр. но споль хорошо сдѣланныхъ, что они походятъ на живыхъ.

Сей ходъ составляетъ корпусъ тысячь въ пятнадцать, гошовой слѣдовавъ за Султаномъ, есплы повелипъ. Наконецъ волонперы замыкаютъ шествіе, и просипъ быпъ удоспосены той чеспи, чтобъ жизнь свою положить за Государспво. Они наги по поясъ. У иныхъ руки пробины и спрѣлы въ нихъ шорчатъ, а у иныхъ въ головахъ, и кровь печетъ по лицу. Иныя ножами разрѣываютъ нарочно руки, и брызжутъ кровію на зрипелей. Сіе опшрапительное кровопролитіе почипаепся за выраженіе любви ихъ ко славъ. Еспъ шакіе удалцы, что упошребляютъ сей ужасной способъ, для того, чтобъ засшавипъ себя любить. Когда они идутъ подъ окнами своихъ любовницъ, то выпыкаютъ въ себя другую спрѣлу въ честь прекрасныхъ ея очей; а женщины, для ободренія и похвалы, дѣлаютъ имъ знаки. Въ Гишпаніи еспъ также съумасшедшіе, которые разсѣкаютъ себѣ пѣло до крови, бичами или кошкою упошребляемою Каптолицкими монахами, чтобы любовницы хорошо ихъ принимали.

Прежде чернь здѣсь была споль нагла, что часпо нападала на чужеспранныхъ, и срывала особливо шляпы, кои ей пропивны. Не любить она также смогрѣпъ на новыя моды въ плапьяхъ привозимыхъ прѣжжими изъ разныхъ земель. Они называютъ насъ безхвостыми обезьянами, почипая недоспойнымъ для человека рядипся въ скошовъ. Однакожъ шеперь чернь стала поучпивѣе, нежели прежде. Правда, что Турки все по спарому презираютъ прочіе народы, ложное конечно, но общее имъ съ другими народами вселенной предразсужденіе. Зло-

получной для нихъ конецъ войны съ Россією опворилъ имъ глаза, что они и въ шомъ, въ чемъ предпочипали себя цѣлому свѣпу, ш: е: въ храброспи, нынѣ далеко опть сосѣдей опспали, и усмирилъ ихъ шакъ, что не шолько Рускому, но и всякому чужеспранцу можно по Царюграду ходишь безъ опасноспи.

Что касаешся до наглоспи, въ кошорой укоряешся чернь, вы конечно согласишесь, что во всякой землѣ человекъ спранно одшой, чинишся для нее позорищемъ, и подвергаешъ себя смѣху сволочи и робяшъ. Но въ Турціи меньше сіе примѣчаешся, нежели во многихъ Хрисціанскихъ большихъ городахъ. На примѣрь человекъ по Турецки одшой и съ бороною, больше бываешъ преданъ наглоспямъ въ Парижѣ, нежели Французъ въ Царьградѣ. Всѣмъ шакже извѣсно, какъ принимаюшъ въ Лондонѣ по улицамъ Француза; конечно у Турковъ спсходишельнѣ бы съ нимъ спспушили. Я ходилъ здѣсь почти всякой день, и иногда въ пустыхъ закаулкахъ, но ни однажды со мною ничего непріятнаго не случилось. Во всѣхъ Турецкихъ обласпяхъ находяшся Капуцины, Доминиканы, наконецъ монахи всякой шерспи, сѣрые, черные, бѣлые, босые, обушые, кошорыхъ бы за плашь каменьемъ прибили въ Протеспаншскихъ земляхъ. Мнѣ кажется, сказалъ уже я, что всѣ вѣры имѣюшъ въ Царьградѣ спшолько же безопасноспи, какъ въ Амстердамѣ. Правда, что Турки всѣхъ не исповѣдующихъ ихъ закона, почипаюшъ осужденными на вѣчный огонь на шомъ свѣшѣ, но покрайней мѣрь не жгущъ никогда на сѣмъ, какъ Каполики.

Жадносшь ешть господспвующій порокъ между Турками: все здѣсь купишь можно, даже и правосудіе. Милосши не инако получаюшся какъ чрезъ подарки. Самъ Государь промышляешъ симъ презришельнымъ шоргомъ, а Миниспры подражаюшъ его примѣру. *

Я есмь и пр.

* Сверхъ упомянутыхъ мною выше книгъ, описующихъ Турецкую землю, имѣемъ мы на нашемъ языкѣ еще слѣдующія; 1. „Монархія Турецкая, описанная чрезъ Рикота, Аглинскаго Секретаря Посольства при Опшоманской Порть.,, Напечаш. въ Санктшпетербургѣ 1741 года въ листъ. 2. „Статьи изъ Энциклопедіи принадлежащія къ Турціи,, переведенныя С. Башиловымъ 2. тома въ 8. Напеч. въ С. П. бургѣ 1769. 3. „Крашкое описаніе древнѣйшаго и новѣйшаго сосшоянія Опшоманской Порты.,, Сочин. Федора Эмина. Напеч. въ С. П. бургѣ 1769 въ 8.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyciemo-Duże
pow. Białystok
№. —

ПИСЬМО XVII.

Грузія и Имеретія.

Содрогнешь, Государыня моя! я собираюсь покуситься на то же предпріяніе, что *Язонъ*. Я вскорѣ буду въ Колхидѣ, землѣ нынѣ еще больше Варварской, нежели была она во время *Аргонавтовъ*. Но на дорогѣ предспавляешся мнѣ спрана не споль дикая, а имянно Грузинская земля. Удивленія достойная въ ней вещь естѣ красота женщинъ, копорую конечно почестъ можно за предметъ наибольше привлекающій путешеспвенника.

Грузія въ шарину обширнѣе была, нежели въ наши времена. Она проспиралась отъ *Тавриса* и *Ерцераума* до рѣки *Дона*, и называлась *Албанією*, а нынѣ замыкаешъ спольво въ себѣ *Иберію* древнихъ. Сіе Царство прилежащее Имперіи Персидской было часпо покоряемо и часпо буншовалось. Персы не однократно предпринимали его завоевапъ. Теперъ владѣетъ Грузією *Царь Ираклій*, копорому Персидскій *Шахъ-Надиръ* опдалъ и другія двѣ небольшія области, *Борчалъ* и *Козалъ*. Вамъ не прошивно, думаю, будешъ, естѣли я опишу его съ нѣкошорую подробностію. Онъ отъ роду имѣетъ лѣтъ около шестидесяти, роспъ средній, лице продолговатое и смуглое, глаза большіе, бороду малую, весьма хипрѣ и великой наѣздникъ. Онъ жилъ нѣсколько при *Шахъ-Надирѣ* и съ нимъ бывалъ въ походахъ: почему и ввелъ у себя обычаи и обхожденіе Персидское, да и во всемъ спараешся подражашъ Персіанамъ. Имѣетъ

семь сыновъ и шестъ дочерей. Владѣетъ уже лѣтъ съ двадцать, да еще и при жизни опца своего всемъ уже почти правилъ. Сосѣдей своихъ, Персидскихъ Хановъ, содержитъ въ спрахѣ и несогласіи, а въ ссорахъ бываешъ у нихъ посредникомъ, за что каждой изъ нихъ присылаешъ къ нему подарки: въ случаѣ же начинающей у нихъ войны, даешъ одному изъ нихъ нѣсколько войска, и симъ самымъ другой почипаешъ уже себя побѣжденнымъ: ибо войско Грузинское славится въ здѣшнихъ краяхъ нахрабрѣйшимъ, а Царь искуснымъ полководцомъ и великимъ воиномъ. Самъ никогда безъ пшполепа за кушакомъ не ѣздитъ, а естѣли неприяпелъ близко, то и ружье имѣетъ за плечами. Въ сраженіяхъ первой даешъ примѣръ, и съ обнаженною саблею скачешъ на неприяпеля. Плащѣ носитъ всегда богатое, и шапку обвиваешъ кушакомъ по Персидскому обычаю. Любитъ пышностъ и дворъ его наполненъ чиновными, какъ у *Шаха*: отъ чего не сполько сокровищъ собирапъ не можетъ, но и подданныхъ въ разореніе приводитъ. Всѣ повелѣніи самъ подписываешъ, и прикладываетъ печать. Сп столица его естѣ *Тиффлисъ*, не проспранной, но пріятной городъ. Въ немъ мы опдохнули отъ шрудовъ понесенныхъ въ дорогѣ. Я не обезпкою васъ разсказываніемъ оныхъ, а спану корощко описывапъ, что мнѣ здѣсь покажешся шого достойнымъ. Не опасайпесь, чтообы паковыя описаніи были часпы въ семь писемъ. Въ спранѣ по копорой я путешеспвую, нѣтъ ничего рѣже городовъ.

Тиффлисъ лежитъ на берегу рѣки *Куръ*, прошекающей чрезъ Грузію, при подошвѣ горы,

къ копорой примыкается. Почти всё дома споящие при водѣ, построены на голомъ камнѣ, и городъ съ сей стороны спѣнь не имѣеть, а съ другихъ оными обнесень. Есть въ немъ презрядныя зданія народныя и обывательскія, да осмѣлюсь сказать, и палаты. Наилучшія безъ прошиворѣчія супъ пѣ, кои принадлежатъ Царю. Онѣ составлены изъ многихъ залъ, у копорыхъ окна на рѣку и на обширныя сады. Въ сихъ мало видно плодоносныхъ деревьевъ, но много служащихъ ко украшенію, и ко умноженію пѣни и прохладности. И такъ не можно сказать, чпобъ сія спрана была совсѣмъ не просвѣщена: ибо въ ней часно предпочиается, какъ въ нашихъ щаспливыхъ климапахъ, пріятное полезному.

Передъ дворцомъ находится проспранная площадь, на копорой можетъ помѣститься тысяча человекъ конныхъ. Она окружена лавками, и примкнуша къ базару, лежащему противъ воротъ дворца. Вы знаете, что *базарамъ* называють рынки. Оныя здѣсь просторны, построены изъ камня и содержатся въ чистотѣ: во Франціи на противъ того рынки изображивають лучшіе и главнѣйшіе города.

Другое зданіе также изрядно построенное есть Каравансерай, или поспоялой дворъ. Оныя здѣсь служатъ, какъ и въ Турціи, жилищемъ пріѣзжихъ, и содержатся на щепъ Государевъ. Есть здѣсь и бани, но въ маломъ числѣ: имъ предпочитаютъ теплицы. Сіи послѣднія всё каменныя со сводами, и построены лѣтъ болѣе спа. Свѣтъ въ нихъ получается сверху. Ванны, въ копорыхъ ложатся люди, здѣланы изъ песанаго камня. Въ одной изъ

оныхъ вода такъ тепла, чпю едва терпѣть можно, а въ другихъ холоднѣе и сѣрою пахнеть. Жипеди любятъ въ нихъ мыться, и думаютъ, чпю женщины бѣлизною своею обязаны симъ теплымъ водамъ; а чпю бани здоровы, по я самъ собою испыталъ. На горѣ лежатъ крѣпосты на поддень города. Въ ней нѣтъ жипелей, а находится только гарнизонъ, и нѣсколько пушекъ безъ лафетовъ. Обывательскіе дома въ городѣ всё каменные; но на нихъ сверхъ пополоковъ нѣтъ кровель. Женщины въ хорошее время имѣють обыкновеніе сидѣть на пополкахъ, служащихъ вмѣсто площадокъ. Въ домахъ довольно чистю. Покои по большей часи убраны деревомъ, полы уклады коврами. Печей нигдѣ нѣтъ, а вездѣ каминны. Улицы въ городѣ узкія, такъ чпю въ иныхъ съ нуждою верхомъ можно проѣхать. Чистоты совсѣмъ не наблюдаютъ, и удивительно, чпю не всегда шамъ бываетъ моровое повѣтріе. Кажется, чпобы надлежало Христіанской вѣрѣ опправляться здѣсь съ точностию и усердіемъ; ибо никпому не препятствуетъ, но все сіе замыкается въ нѣкопорыхъ только внѣшнихъ знакахъ. Церквей Греческаго закона есть здѣсь тринадцать, Армянскаго семь, а Каполицкаго одна. Соборъ есть древнее зданіе, построенное изъ камня и содержится въ порядкѣ. Онъ сдѣланъ крестомъ, съ куполомъ въ срединѣ, копорой лежатъ на чепырехъ преполсныхъ сполбахъ, и въ верху кончатся колокольнею. Таковъ видъ у всѣхъ древнихъ церквей въ Азіи, и конечно не уступаешь наружности нашихъ. Я позабылъ сказать, чпю главной олтарь стоитъ посреди часпи церкви, прошиволежащей

Воспоку, но не упомяну о живописи, копорою изписаны въ ней спѣны, ибо я не видалъ ничего хуже. Кто повѣришь, что мастера сихъ безобразныхъ малеваній суть преемники *Парразіевы* * и *Алеллесовы*? **

Епископской домъ примыкнулъ къ собору; а и шопъ и другой, построены на берегу рѣки, равно какъ и церковь, называемая *Каволкосо-вою*, соединена съ домомъ пашырскимъ. Въ ней одной служить сей Намѣстникъ Паптіарха. Грузинцы говорятъ, что нерукошворенный образъ, полученный, по преданію, *Авгаромъ* *** отъ самаго Іисуса Христа, долго хранился въ сей церкви. Церковь *разрушенія* лежала на концѣ города. Дали ей сіе имя пошому, что одинъ Царь Грузинской построилъ ее, дабы очистишься отъ грѣха, копорою навлекъ на себя разорваніемъ безъ всякой причины мира съ сосѣдями. Въ послѣдующія времена громъ опбилъ отъ оной не малую часть, но другой Царь Грузинской починивъ, и не перемѣня ни вида ни имени, здѣлалъ изъ нея пороховой магазинъ.

Городъ Тиффлисъ довольно многолюденъ, и нарочитую опправляетъ шорговлю. Не извѣстно, кто его построилъ и когда. Онъ выдержалъ многія осады, и переходилъ въ разныя

* Славной живописецъ, родомъ изъ Ефеса, и современникъ Зевксиса, жилъ за 420. лѣтъ до Р. Х. Наилучшая его работа была картина представляющая народъ Афинскій. Онъ такъ возгордился своимъ дарованіемъ, что носилъ пурпуровую одежду и корону на головѣ, починая себя Царемъ живописцевъ.

** Смотри Томъ I. Спр. 201.

*** См. Мин. чеп. 16 день мѣсяца Августа.

руки. Въ 850 году разорили его Татары, копорые, озлясь на сопрошивленіе жителей, бросали въ него зажженные сосновыя шишки, и обратили его въ пепель. Сказываютъ, что при семъ случаѣ погибло больше пятидесяти тысячъ народа.

Вопъ все, что могу я вамъ сказать до спойнаго примѣчанія о споилицѣ. Прежде, нежели мы въ нее пріѣхали, показывали намъ Царской домъ называемой *Сефи-Абадъ* п: е: жилище Сефіево. Лежитъ онъ на высотѣ, и видно, что не меньше былъ прирѣзъ окружностями, какъ и внутреннимъ украшеніемъ. Къ сему прибавить надлежитъ, что весь холмъ обдѣланъ былъ широкими площадками, а на нихъ текли водопады и каналы.

Изъ Тиффлиса ѣздили мы въ Сурамъ, въ Гори и въ Али, единственныя послѣ споилицы города въ Грузіи, и признаюсь, что не награждены были за понесенной нами трудъ.

Сурамъ, по истиннѣ сказать, не что иное есть какъ село, важное для близъ лежащей къ нему крѣпости, копорая довольно велика, изрядно построена, но при всемъ томъ имѣетъ гарнизона шолько спо человекъ. Мужики же въ деревняхъ какъ сего города, такъ и прочихъ, живутъ въ землянкахъ: но во всякой есть башни или крѣпости, куда они убираются съ женами и дѣтьми во время нападенія *Лезгинцевъ*. Сей послѣдній народъ есть сосѣдній Грузинцамъ. Они дѣлаютъ частые набѣги на Грузію, и спараются особливо ловить пригожихъ женщинъ; ибо Турки и Персіане великія даютъ за нихъ деньги, такъ, что увѣряли меня, платящъ до пяти тысячъ рублевъ за одну жену.

щину, ежели она красавица. Лезгинцы обыкновенно сіи набѣги чиняшь во время убиранія хлѣба. Мужики, вмѣсто жипницъ, зарываюшь хлѣбъ свой въ ямы.

Не далеко отъ Сурама видна прекрасная долина, со щцаніемъ обработанная, и покрытая рощами, деревнями, холмами, загородными домами и небольшими замками Грузинскихъ бояръ. Сія долина называется *Семахе*, именемъ значущимъ *Три замка*. Жипели утверждаютъ, что *Ной* вышедши изъ ковчега, избралъ сей округъ, и что сыновья его поспроили каждой по замку. Не правда ли, что сіе значить во зло употребить знаменованіе слова? Но какъ бы по нибыло, увѣряюшь, что опшуда долина получила свое имя.

Гори, городъ лежащій въ восьмидесяти верстахъ отъ Тифлиса, въ двое больше Сурама, но и совсѣмъ шѣмъ есть весьма малое мѣстечко. Дома въ немъ и базары суть мазанки. Здѣсь можно найти за дешевую цѣну все нужное для жизни, но всего изобильнѣе и вкуснѣе свиное мясо. Сказываютъ, что и имя *Гори* происходитъ отъ слова значущаго *Свинью*. Сіе произведение не споль благородно, какъ названіе долины, о которой говорилъ я выше. Гори имѣетъ, равно какъ и Сурамъ, свою крѣпость, построенную на одной высотѣ. Споешь она около ста двадцати лѣтъ и здѣлана по чертежу одного Миссіонера Августинскаго чина. *

* Миссіонерами называются Каполицкіе монахи, посылаемые Папою и другими духовными властями для обращенія въ вѣру народовъ не исповѣдующихъ Христіанскаго закона, или лучше не признающихъ Папской власти.

Мнѣ почти нѣчего сказать объ Али, * небольшомъ городкѣ, лежащемъ верстахъ въ сорока отъ перваго, между горами предъ однимъ шѣснымъ проходомъ, который запирается деревянными ворапями. Сіе мѣсто разделяетъ Грузію съ Имеретією, которая еще лучше, кажется, опредѣлена отъ нее самою частію горъ Кавказскихъ.

Преодолѣвъ сіи препятствія, кои продолжаютъ около семидесяти верстъ, и за коими должно переѣзжать немалую рѣку, вступили мы въ превеликую долину, которой конца не видно, и которая въ ширину имѣетъ почти вездѣ около пяти верстъ. По краямъ ея поселено великое число деревень, и между ими возвышается крѣпость *Скандеръ*. Сіе имя даюшь восточные народы *Александрю*, коему здѣсь приписывается построение помянутой крѣпости. Она не велика, и меньше заслуживаетъ имѣть даваемого ей основателя, нежели Горская, хотя сія послѣдняя и создана простымъ монахомъ.

Не далеко отшуда находилъ деревня, почитаемая за городъ, хотя нѣтъ въ ней ни воровъ ни спѣнь, а число домовъ не превосходитъ пятидесяти. *Котатисъ* (или *Кутанисъ*) состоящій изъ двухъ сотъ домовъ, есть столица Имеретіи, и также не имѣетъ ни спѣнь ни укрѣпленій, а лежитъ при подошвѣ холма, на берегу рѣки *Фазы* (*Ргона*.) Съ другой стороны на холмѣ противуположенномъ первому, но превосходящему оной высокою, спояла крѣ-

* Я не могъ доискаться ни въ какихъ новѣйшихъ описаніяхъ сего города, а думаю, что онъ перемѣнилъ свое имя.

посль Купайская, имѣвшая башни и двойныя стѣны, кои подкрѣпляемы будучи природнымъ положеніемъ, чинили ее способною къ защищенію.

Дворецъ Царской и господскіе дома построены на той же споронѣ, гдѣ городъ, но въ нѣкоторомъ отъ онаго распояніи. Они составляютъ полукругъ, захвапывающій почти весь городъ. Впрочемъ сіи дома сами собою мало доспойны примѣчанія, а дворецъ носитъ только имя; ибо, какъ оной, такъ и дома Князей и обывашелей, суть сараи безъ оконъ, покрытые соломою и печей не имѣющіе, а огонь раскладывается посрединѣ. Начиная отъ Царя до послѣдняго челоука, всѣ спяшь въ одномъ углу, а въ другомъ спояшь лошади.

Не смотря на сіе, видны еще здѣсь оспашки цвѣщущаго Государства. То же долженъ я сказать и объ Грузіи. Ежели въ сихъ двухъ земляхъ нѣкоторыя деревни сохранили имя городовъ; то происходитъ сіе отъ того, что въ старину имѣли они видъ и пространство оныхъ.

Имеретія смежна съ *Кахетією*, и отъ отъ почти въ одинаковомъ состояніи. Послѣдняя далеко простирается въ Кавказскія горы, и есть, собственно говоря, древняя *Иберія*. Въ ней нѣтъ другихъ городовъ, кромѣ столицы, дающей имя всему Государству, гдѣ древнія развалины столь же часто видны, какъ въ Имеретіи и въ Грузіи. Вотъ все, что могу я объ ней сказать, да и сіе основываю на словахъ нѣкоторыхъ Миссіонеровъ. Имъ не было никакой нужды меня обманывать, а что бы самому въ помъ удостовериться, много бы спойло пружу

дужу въ преодоленіи всѣхъ препятствій, ежелибъ я захопѣлъ шуда ѣхать.

Въ окружности рѣки Фаза, находилась провинція *Гуріель*, не меньше опустошенная другихъ областей, и зависящая отъ Турковъ. *Ахалцихе*, мѣсто пребыванія прехбунчужнаго Паши, есть небольшой городокъ съ крѣпостию построенною въ Кавказскихъ горахъ, и имѣющею двойныя стѣны съ башнями. Городъ населенъ Турками, Армянами, Грузинцами, Греками и Жидами. Всякой изъ нихъ можетъ свободно исповѣдывать свою вѣру, и по сей причинѣ, видны тамъ вмѣстѣ синагоги, церкви и мечети. Когда Грузія была въ наспоящей своей силѣ, то составляли ее *Карталиня*, *Кахетія*, *Имеретія*, *Мингрелія*, *Гурія* и *Ахалцихе*. Всѣ почти народы обитающіе въ Кавказскихъ горахъ, и *Кабарда* были у нее въ подданствѣ. Послѣднія четыре области назывались Губерніи, и управляемы были Губернапорами; Владѣтель же носилъ имя Царя. Во время нападенія *Чингис-ханова* на Грузію, (что было при Царѣ *Ручудалѣ*) онѣ оппали. Въ Имеретіи сдѣлался особой Царь, а Мингрельской, Гуріельской и Ахалцихской Губернапоры, учинились самовладѣтельными Князьями, и изъ нихъ послѣдній, принявъ Магометанскую вѣру, вступилъ въ подданство къ Турецкому Султану.

Здѣсь, кажется мѣсто описать вамъ *Кавказскія горы*, кои равно прославляемы были и историками и спихопворцами. Посправедливости Кавказъ, есть одна изъ наивысочайшихъ горъ въ свѣтѣ. Она наполнена камнемъ, пропастью, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проложены по ней пропашны. Хребетъ горъ покрытъ

безпрестанно снѣгомъ, и попому необищаемъ. Роснушь однако на немъ деревья, хопя и по правда, что одни только сосны. Мы имѣли сполько любопытства и опваги, что на него взощли, и видѣли съ сей ужасной высоты облака, не сполько подъ ногами, но и въ нарочитомъ опъ насъ опдаленіи. Воздухъ шамъ очень сухъ и спонокъ: можетъ бытъ и для сей причины никпо не хочеть на горѣ поселишься: а около горы, кругомъ видны селеніи и земля обрабощанная; сврхъ того она очень изобильна медомъ, хлѣбомъ и *Гомелью*, кошорой, много похожъ на просо.

Колось сего Гомя содержишь въ себѣ больше прехъ сощъ зерень, а соломина его не малое сходство имѣеть съ сахарною проспью. Съюють его весною, а собирають въ Октябрѣ, и поощасъ сушашъ, вѣшая на высокихъ кольяхъ, на солницѣ. Спусти двадцать дней, снимають его съ кольевъ и прячуть. Молощашъ тогда, когда надобно его варить; варить же въ водѣ. Когда вода начинаеть кипѣть, мѣшашъ ее поощихоньку деревянною лопаткою. При чемъ ссѣдается онъ шѣспомъ, и поощѣваетъ скорѣе получаеъ. Вѣдять его поощасъ по свареніи: что дѣлаеъ не сполько по обыкновенію, да и по нуждѣ; ибо онъ никуда не годень, ежели прощпынешъ, или бываетъ подварень. Тѣспо его очень бѣло, но кпо къ нему не привыкъ, не находишь никакого вкуса. Правда, что не долго и привыкнушь, да и шакъ, что послѣ съ шрудомъ опъ него опощпанешъ. Многіе предпочищашъ его пшеничному хлѣбу, кошорой бережешся для знатныхъ людей; да я шому и не дивляюсь. Я самъ къ нему шакъ привыкъ, что

не охотно принялся опяшь за обыкновенной хлѣбъ. Изъ Арменіи и Грузіи присылають сюда брашь сіи зерны цѣлыми возами, и самыя знатныя Турки любяшь спрашно сію пищу. Надобно пить вино, когда его пошь, для исправленія холодипельнаго его качества: что шакже не прощивно жипелямъ здѣшнихъ спранъ. Щаспие для нихъ, что ещъ чѣмъ удовольствовашь сію склонность. Вино здѣсь очень хорошо, и не дорого. За шалеръ, (шестидесять копеекъ) можно его купить вѣсомъ до прехъ сощъ фунповъ. Часпо виноградь гнѣеть на степлѣ, попому, что нѣкому его збирашь

Я ссазалъ уже, что съ одного краю до другаго. прощѣаетъ чрезъ Грузію рѣка *Куря*. Иныя называютъ ее *Киръ*, а иныя *Корюй*. Рассказывають, что на сію рѣку былъ пущень во младенчествѣ своемъ *Киръ*, и опъ него она прощана *Киромъ*, а послѣ Курюю. Она еще по преимущество имѣеть предъ вѣми рѣками въ Персіи, что по ней одной во всей Имперіи могутъ ходить суда.

Но сама собою она меньше *Фаза*, (Ріона) другой рѣки, раздѣляющей Имеретію и Гуріель съ Мингреліею и шакже выпекающей изъ Кавказскихъ горъ. Сказывають, что *Фазъ* ещъ *Фисонъ*, * одна изъ чепырехъ рѣкъ Рая земнаго. Я о томъ ничего не знаю, но знаю, что вода въ ней очень хороша, хопя мушна и цвѣтъ имѣеть свинцовой. На *Фазѣ* находишь много пріятныхъ оспрововъ. На самомъ большемъ, видны развалины крѣпости поощроенной Турками. Мы бесполезно искали оощащковъ храма *Рен*, кошорой, сказывають, цѣль былъ еще во

* Выщія гл. 2. сп. 11.

время Императора Ксенона: но теперь никаких нѣтъ слѣдовъ онаго, равно какъ и города *Себаста*, споль часто Географами упоминаемаго, и *Колхоса* еще чаще прославляемаго спихворцами.

Нѣкопорые изъ сихъ послѣднихъ думаютъ, что первые *Фазаны*, коихъ видѣли въ Греціи, были привезены *Аргонавтами*, и къ сему прибавляютъ, что и имя Фазановъ дали симъ птицамъ по той причинѣ, что поймали ихъ на берегу Фаза. Правда, ихъ много въ сей спорнѣ, и они гораздо здѣсь больше, лучше и вкусомъ пріятнѣе, нежели во Франціи, хотя и во Франціи уже не безъ причины предпочитаютъ ихъ другимъ птицамъ.

Я возвращаюсь къ Грузинской землѣ, къ которой можно присовокупить Имеретію, что касается до воздуха, произрастннй, нравовъ и обычаевъ, предославляя себѣ упомянуть особо въ концѣ письма, въ чемъ между ими найду разность. Въ той и другой области воздухъ здоровъ, земля плодоносна, когда поливается. О семъ неопимѣнно пецись должно, а инаково сія плодоносная земля ничего не принесетъ. Грузія есть страна, гдѣ живутъ наиприятннйшимъ образомъ и съ малымъ иждивеніемъ. Она изобилуетъ хлѣбомъ, садовыми овощами, и плодами. Хлѣбъ, вино, мясо весьма вкусны: а особливо ни что сравниться не можетъ съ дичиною. *Каспійское море*, которое не далеко отъ Грузіи, и рѣка Кура, протекающая черезъ всю землю, приносятъ съ излишествомъ морскую и рѣчную рыбу. Правда, что народъ, такъ сказать, живетъ свищиною; но нѣтъ ничего такъ пріятнѣе сего мяса, какъ уже я упомя-

нулъ, и сверхъ того больше здѣсь свиней, нежели другой страны. Поля ими покрыты. Вспрей также много; мясо ихъ вкуснѣе и самой свинины. Вино очень хорошо, и нѣтъ народа въ свѣтѣ, который бы пилъ больше Грузинцовъ.

Виноградъ растетъ около деревьевъ, приносящихъ пріятные плоды всякаго рода. Грунтъ земли наилучшаго свойства, и изобилуетъ шелкомъ: что составляетъ не малой торгъ у жителей съ Турками. Другая отрасль ихъ торговли еще прибыльнѣе, хотя и спрого имъ запрещенная, то есть продажа женщинъ, изъ которыхъ Грузинцы, по жадности своей къ барышу, здѣлали шоваръ весьма по вкусу Туркамъ.

Ничего нѣтъ прелестнѣе здѣшнихъ женщинъ. Я не могъ сморгнѣть на нихъ безъ удивленія. Сно-то землю можно назвать обиліемъ красоты, ежелибъ онѣ сами себя не портили, какъ то ниже усмоприся. Здѣсь споль же рѣдко случается увидѣть дурную женщину, сколько въ другомъ мѣстѣ совершенную красавицу; на всякомъ почпи шагѣ онѣ попадаются. Я конечно не увеличиваю. Трудно себѣ представить черпы порядочнѣе, спань ровнѣе, больше пріятностей въ выпуклѣ, какъ имѣютъ Грузинки. Сказываютъ, что удивительная красота здѣшнихъ женщинъ воспрепятствовала *Магомету* сюда придти. Не много ли шѣмъ дѣлаютъ чести воздержности сего мнимаго и наименьше другихъ воздержнаго на семь пунктовъ пророка? По крайней мѣрѣ то извѣстно, что послѣдователей своихъ не приписали онъ въ разсужденіи употребленія женщинъ.

Одежда у Грузинокъ та же, что и у Персианокъ; но онѣ, кажешся, у насъ перенили худой обычай, бѣлишся и румянишся безъ всякой мѣры; обычай, копорой равно какъ и у насъ, порпипь самые прекраснѣйшіе лица. Когда Грузинка еще не убрана, то закрываешъ лице покрываломъ, оспавляя одни глаза: но нарядясь дѣлаешся спрашною, не смотря на всю красоту. Волосы, копорые очень черны, распущены у нее спереди, брови пакъ насурмлены, что сходяшся кажешся вмѣстѣ, нарумянена безъ милости. Плашь ихъ раскрыто до самаго пояса, и грудь наружи, но обыкновенная у нихъ ухватка закрываешъ ее руками. Преширокіе шпаны, коихъ видна часпъ изъ подъ плашья, похожаго нѣсколько на сарафанъ. и здѣланнаго изъ синяго кумачу. Голова обверчена бѣлымъ плашкомъ, копорой не больше одного раза въ году моешся, и изъ подъ копорого выползли волосы, а сверхъ того спянупа еще повязкою изо всѣхъ цвѣшовъ въ свѣстѣ. Инья плешупь одну спорону въ мѣлкія косы, кои лежапъ по плечу. Увѣряюпъ, что нравъ ихъ не всегда соопвѣстпвуешъ пригожспву. Сіе примѣчаешся и въ другихъ земляхъ; но не думаю, чтообъ въ другихъ мѣспахъ женщины имѣли сполько склонности къ мущинамъ. Сіи прекрасныя Грузинки по видимому почипаюпъ себя для того полько и сотворенными, чтообъ влюбипся и заражапъ любовію другихъ; и не можно на нихъ смопрѣпъ, не почувствовавъ спраспи, когда привыкнешъ къ ихъ убору.

Плашь знатныхъ Грузинцовъ похоже на Персидское, но поселяне одѣшы на подобіе козаковъ. На головахъ носяпъ родъ чалмы и

кланяюпся ее не сйдавши. Подлоспъ обливаешъ ноги въ сырую овчину или воловью кожу, и носипъ до шѣхъ поръ сію обувь, пока сама не свалитсѣ. Персианамъ также подражаюпъ они въ обувь, въ спроеніи домовъ, въ сидѣннѣ, въ ѣдѣ, и сколько могупъ, въ роскоши. Подъ симъ разумью я главнѣйшее дворянство. Оно имѣешъ одно обыкновение, въ копоромъ подражаніе не участвуешъ, по еспъ; пирапипъ своихъ подданныхъ наибевчеловѣчнѣйшимъ образомъ. Имѣніе, вольность, жизнь сихъ нещаспныхъ, принадлежипъ дворянамъ. Они присвоили себѣ право заспавляпъ ихъ работою сколько хошяпъ, не давая имъ ни плапы, ни пици. Берупъ у нихъ дѣшей, продаюпъ или дѣлаюпъ невольниками: а особливо спараюпся продавапъ женщинъ. Чрезмѣрная красота пола, чинипъ для нихъ сей поргъ и удобнымъ и прибыльнымъ. Покрайней мѣрѣ пакъ они послупали прежде; но нынѣ наказываюпся за подобную продажу лишеніемъ зрѣнія.

Съ другой спороны, между Грузинскими и прочихъ земель, о коихъ я говорю въ семь письмѣ, дворянами, еспъ обыкновение покупашъ себѣ жену, по еспъ давапъ не малые подарки ея опцу. Изъ сего производипъ, что, дабы за нее заплапипъ, продаюпъ многихъ другихъ женщинъ, и по меньшей мѣрѣ сполько, чтообы было чѣмъ наполнипъ пребуемое число денегъ. Исключая сіе непохвальное барышничество, обычай покупашъ себѣ жену, царспвуешъ во всемъ воспокѣ, и издревле былъ во упопребленіи. Не по сей ли причинѣ и послупаюпъ шамъ съ женами, какъ съ невольницами?

Въ семь царствъ владычествуетъ также свобода въ разсужденіи вѣры. Каждой воленъ исповѣдываться шу, копорая покажется ему лучшею, или неспягоспною. Почему жипели здѣшняго края сушь смѣшеніе множества другихъ народовъ. ЕСТЬ Армяне, Греки, Жиды, еСТЬ Турки, Персіане, Индѣйцы, Ташары, еСТЬ Россіане, и другіе Европейцы; но Армянъ больше всѣхъ. Между сими двумя народами продолжаешся ненависть, копорая пишается разностию во нравахъ и обычаяхъ. Первые, ш: е: Армяне, гораздо пронырливѣе. Они опправляють всѣ нижнія должности, и ни копорой не признають за подлюю, еспли только она приносипть имъ барышъ: а Грузинцы напрошивъ надушы гордостію и высокомеріемъ. Они шакъ ведуть себя съ Армянами, какъ мы съ Жидами, и не вступаютъ съ ними ни въ какіе союзы.

Одни и другіе показываютъ, что они истинные Христіане: но у Грузинцовъ вѣра ограничивается въ нѣкопорыхъ наружныхъ обрядахъ, въ постѣ, и въ долгихъ молишвахъ. Обращены они были, сказываютъ, въ вѣру одною женщиною изъ Иберіи, копорая сама крестилась въ Царьградѣ. И шеперь еще рассказываютъ чудеса, шворенныя ею для доказанія Апостольскаго своего посланія.

Грузинцы имѣють Намѣстника Паптріаршаго, копорого называютъ они *Каволикосъ*. Нынѣшній еСТЬ брапъ двоюродной Царю Ираклю, выхавшій лѣтъ шому съ десяти изъ Россіи, гдѣ онъ имѣлъ Владимірскую Епархію. У нихъ еСТЬ также Архіепіскопъ и многіе Епископы, подчиненные Паптріарху, но не имѣющіе нужнаго прописанія. Церкви по городамъ до-

вольны чисты и богаты, а въ деревняхъ пропивное шому примѣчается. Въ рѣдкой еСТЬ Царскія двери, а большое украшеніе состоиптъ въ двухъ образахъ самаго дурнаго письма. За монастырями хопя и еСТЬ деревни, но какъ обровъ съ нихъ збирають Архіереи, шо и употребляютъ на свое содержаніе и прихопи, а церкви безъ всякаго поправленія оспаюшся. Большая часть послѣднихъ поспроены на горахъ; ихъ можно видѣть съ дороги версптъ за двадцать, опкуда и молятся, рѣдко къ нимъ подходящъ ближе, а въ нихъ и шого рѣже бываютъ. Причина, для копорой Грузинцы спроятъ сіи церкви, еСТЬ предувѣреніе, что создавши храмъ Богу, очищается опъ всѣхъ грѣховъ, хопя бы они были и смертельные. Другая причина, для чего спроятъ они ихъ въ мѣстахъ неприсущныхъ, думаю ша, чтобы избѣжашъ убышка на содержаніе и шруда бывать въ оныхъ. Въ пшнадцати версахъ выше Тиффлиса на рѣкъ Куръ лежиптъ монастырь *Цхети*. На семь мѣспъ прежде населенія Тиффлиса былъ многолюдной городъ. Опъ онаго оспалась церковь, копорую можно почестъ за наилучшее зданіе во всей Грузіи. Великоною она будетъ съ Московскою Успенскою соборъ, но вышиною превосходиптъ. Вся складена изъ песаной плішы безъ желѣзныхъ связей. Споиптъ уже девашой вѣкъ, и начинаешъ обваливаться, ибо около спа лѣтъ не помыщляли ее починивашъ.

Попы здѣсь женаты. Греческая вѣра не обязываетъ ихъ къ холосшой жизни: но напрошивъ священнической чинъ не избавляетъ опъ невольничества. Дворяне могутъ ихъ са-

жасть въ пюрмы, наказывасть и мучишь, какъ другихъ подданныхъ. Они упопреляють ихъ въ работы, опнимають у нихъ дыпей, а прежде и самихъ продавали невольниками Туркамъ. Грузинцы наружно всѣ богобоязливъ, но внутренно лицемѣры, и какъ они ни мало не просвѣщены, по и почишаютъ за меньшій грѣхъ обидишь человека, нежели наѣсться въ постъ мяса. Въ церквахъ молящся въ шапкахъ, и по большой часпи сидя, а иные во время службы и спясть: что я самъ видалъ.

Царь естъ самовластной, но народъ не весьма послушливъ, и не поропишь исполнять его повелѣній. Наказываетъ онъ рубленіемъ головы, закидываніемъ живыхъ каменьею, обрѣзываніемъ языка, носа и ушей, и биеніемъ палкою по пятамъ, какъ у Турковъ; а по большой часпи опнятиемъ всего имѣнія; что приносишь ему не малой доходъ. Виновапаго, а иногда и праваго, названнаго виновашымъ, спараются пайно схватишь; ибо всѣ, ежели напередъ о томъ свѣдаютъ, уходящъ къ Туркамъ, Персіанамъ и Лезгинцамъ.

Царь Ираклій имѣетъ, сказывающъ, доходу до полупораспа тысячъ рублей; но повѣришь тому не лъзя, ибо не держащъ они ни приходныхъ ни расходныхъ книгъ.

Оброкъ съ мужиковъ Царскихъ и дворянскихъ збираетъ хлѣбомъ, скопомъ и виномъ, смопря по имуществу каждаго; иной плащитъ по чепверши пшеницы, по десяти ведръ вина, иной меньше. Царь ничего самъ объ томъ не знаетъ, а посылаетъ сборщиковъ, называемыхъ *Есаулами*, копорые крадутъ больше, нежели для него збирають.

Въ Тиффлисѣ естъ монешной дворъ, опдаваемой на опкупъ за придцащъ тысячъ рублей, а паможня ходишь за десяти тысячъ въ годъ. Сверхъ того Ханы, Ганжинской присылаетъ дани по годно десяти тысячъ; зриванской придцащъ, не считая другихъ подарковъ. Дворяне, копорые подданныхъ своихъ невольниками почишаютъ, дѣлаются сами паковыми предъ Царемъ, дабы получишь чинъ или жалованье. Иногда доходитъ до наипрезрительнѣйшихъ подлостей, и даже до того, что предають ему дочерей своихъ. Естъ у нихъ другой обычай, не споль частой, но не меньше злоупребительной, хопя и пропивнаго рода. Они рѣшатъ судебныя паязбы способомъ оружія, и сіе называется у нихъ: *идти предъ судъ Божій*. Правда, что сей обычай перпимъ только между дворянствомъ, но для него позволенъ правами. Когда судьи не могли объяснишь ссоры, ни помиришь двухъ дворянъ; по позволяють имъ бишь въ огороженномъ мѣстѣ. Оба богатыри исповѣдываются, причащаются; попомъ схватываются, и побѣжденной проигрываетъ паязбу.

Вы вспомните конечно, Государыня моя, что чипывали нѣчто подобное въ Французской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, сей способъ найши правду, былъ въ спарину въ обычаѣ; попому что прародители наши были споль же мало просвѣщены, какъ теперь Грузинцы. Ежели поискать, по найдутся можетъ бышь въ наши времена другія кой какія сходства между Грузинцами и нынѣшними Французами.

Народъ Грузинской вообще легкомысленъ, лѣнивъ, упрямъ, воспитывается безъ всякаго

наспавленія. Не только Княжескіе и дворянскіе, но и Царскіе дѣти не учаща ничему, хотя и все ученіе у нихъ соспоишь въ одной грамотѣ. Почему многіе Князья читають не умѣють, а напрошивъ благородныя женщины всѣ принуждѣнны и читають. Самъ Папріархъ Имеретской грамоты не знаетъ. Я съ нимъ говоря спрашивалъ, для чего онъ не выучился. На сіе отвѣчалъ онъ мнѣ: „на что мнѣ умѣнь писать? развѣ для того, чтобы къ дѣвкамъ писать письма.“ Когда братъ Царской и священноначальникъ шакъ разсуждаетъ, то вы сами судить можете, что должно заключить о подлыхъ людяхъ.

Когда придетъ имъ читать, то раскладываютъ бобами. Чернь весьма безполкова: надобно говорить съ ними долго о дѣлѣ, да ежели и поймутъ, то мнѣніе перемѣняютъ десять разъ на день, по склонности своей къ обману, кою и большіе у нихъ люди не почитають за порокъ.

Во всей Грузіи нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ. Царь Ираклій завелъ было желѣзной заводъ въ *Борчалѣ*, но принужденъ былъ разорить по причинѣ Лезгинскихъ набѣговъ, а дѣлаются только, да и то часпными людьми, песпрыя набойки. Правда, что въ Тифлисѣ льютъ пушки, морширы и ядры, но они и Турецкихъ хуже. Дѣлають также въ Грузіи порохъ, но весьма дурной.

Лучшее у нихъ вино естъ Кахепинское, копорое не уступааетъ Поншаку. Жители очень бѣдны. У рѣднаго можно найти рубль денегъ, да когда и появится, то, ежели господинъ не успеетъ опнять, опнимають ихъ

Царь: а хлѣба мужику оспавляютъ сполько, сколько спашь можешь до новаго.

Поселяне и жены ихъ, плашье носятъ до износу, и не прежде думаютъ начинаютъ о приобрѣненіи другаго, какъ уже старое свалилось съ плечъ. Я часпо видалъ нагихъ бабъ, копорья скинувъ рубашку мыли въ рѣкѣ, и пощасъ оную еще мокрую на себя надѣвали: а дѣти ихъ бѣгаютъ почти всегда нагѣ.

Жены содержатся по Азіатскому обычаю. Ежели мущина встрѣшитъ на улицѣ женщину, хотя бы жену свою, никогда не оспановится; а ежели говоритъ съ нею спанетъ, то женщина почтеть себя за безчестіе. Знапныя и зажимочныя носятъ сверхъ плашья, шапы кисейныя или покрывалы до самой земли, изъ подъ коихъ видны одни глаза. Сказываютъ, что прежде онѣ не закрывались; но какъ Персіане завладѣли Грузіею, то брали всѣхъ пригожихъ женщинъ, кои имъ попадались: и для сей причины начали онѣ ходить подъ шапами. Грузинець почтаетъ за ругательство, ежели у него спросишь о женѣ и дочерѣ, или спанетъ пить ихъ здоровье.

Замужъ зговариваютъ дѣвочекъ лѣтъ прехъ и чепырехъ, а выдаютъ иногда и прежде двенадцати. Сему обычаю причиною также Персіане. Когда *Шахъ Надиръ* владѣлъ Грузіею, то брали насильно всѣхъ пригожихъ дѣвочекъ, гдѣ только свѣдали, не выключая даже и Царскихъ дочерей. Меня увѣрили, что была у Шаха Надира и сестра нынѣшняго Царя Ираклія. Должно знать, что Персіане не похищаютъ замужнихъ женъ: то по сей причинѣ и выдавали Грузинцы шакъ рано дочерей замужъ,

а обыкновеніе будучи однажды введено, и понынѣ продолжается. Самъ Царь Ираклій дочь свою по прѣшнему году сговорилъ за одного изъ подчиненныхъ своихъ Князей.

Знашныя женщины въ дороги ѣздятъ верхомъ, на богатоубранныхъ лошадахъ, имѣя шляпы обшитыя шаффою и галуномъ, и держа въ рукѣ зонтикъ или подсолнечникъ; * а для спарыхъ и больныхъ, дѣлають покрышыя качалки.

Со времени бышя Россійскаго войска, Царь завель у себя спулья, сполы, фарфоровую посуду, и всѣ приборы къ столу выписаль изъ Россіи. Также и многіе Князья ѣдятъ уже ложками, а до того жили по Азіатски, сидѣли на полу, и ѣли руками. Кушанье гонювайтъ по Персидски. Проспой народъ питаенся весьма бѣдно. Едва одинъ разъ въ мѣсяцъ ѣстъ мясо, а обыкновенная его пища хлѣбъ и вареные бобы.

Не можно на вѣрно положишь числа жителей Грузіи, да и самъ Царь не знаетъ, ибо нѣтъ у нихъ никакого изчисленія, а думаю, что въ Грузіи наберется около сна тысячь душъ: въ *Кахетіи* же, другой землѣ ему подвластной, и того болѣе: ибо она не споль ошь Лезгинцовъ разоряется, и по сей причинѣ жителы здѣшніе шуда уходятъ и селяшся.

Когда кто умреть, вся родня сходится и производишь великой плачь. Всякой должень шущъ вышь, хотя бы и не хошлось. Большихъ господъ кладушь въ гробы, а прочихъ проспо въ землю. Трауръ носятъ цѣлой годъ.

* Первые шляпы и подсолнечники вывезены къ нимъ изъ Россіи.

Соспоитъ оной въ черномъ плашь, и одѣваюшся, какъ можно, безобразнѣ. Убѣгать должно шакже всякихъ увеселеній и *броды* не красишь. Я позабылъ сказашь, что Грузинцы имѣють обыкновеніе красишь красною краскою бороды и ногши, а женщины и ладони.

Грузинцы имѣють свои деньги; полько нѣтъ у нихъ серебряной монеты больше придцапи копѣекъ, называемой *Абазъ*, а мѣдныя дѣлаюшся въ Тиффлисѣ съ именемъ Царя Ираклія. Прочія же золошья и серебряныя ходятъ здѣсь Персидскія и Турецкія, кои доспаюшся за продажной медъ, масло, и синюю крашенину.

Имеретія соспавляетъ нынѣ особое царство, и граничитъ къ Воспоку съ Грузіею, къ Югу съ Турецкою областію, къ Съверу съ *Осетинцами*, а къ Западу съ Мингреліею и Гуріею. Нынѣшній ея Царь называется *Соломонъ*. Описавъ Грузинскаго Царя, кажется мнѣ не надобно опушшишь и сего, шѣмъ наипаче, что они оба вмѣстѣ извѣспны учинились по участию, принятому ими въ послѣдней Турецкой войнѣ.

Царь Соломонъ роспа средняго, и не весьма хипрой человекъ, но по виду своему кажется воинъ храброй, и опважной; о чемъ можно судишь по слѣдующему. Въ Имеретіи былъ обычай продавашь и мѣняшь Туркамъ на разныя надобности мужеской и женской поль: но когда вступилъ онъ въ правленіе, пошчасъ запрешилъ и шо и другое, не уважая, что придетъ въ ненавистъ у своихъ подданныхъ: ибо чрезъ шо лишилъ ихъ доходовъ. До того времени Князья и дворяне мѣняли мужиковъ и дѣвожь,

не только на лошадь или саблю, но иногда и на пафспную икру. Помянутымъ запрещеніемъ раздражилъ онъ и самыхъ Турковъ. Они долго спарались поймать его, или убить, и Царь принужденъ былъ скрыватьсѣ въ горахъ, и жить въ шалашахъ, пока не вспунилъ въ Имеретію корпусъ Россійскихъ войскъ во время послѣдней войны; а сидя въ оныхъ крѣпкихъ мѣстахъ заманивалъ онъ шуда и побивалъ наголову Турковъ. Такимъ образомъ оборонялся онъ цѣлые шесънадцать лѣтъ. Съ малолѣтства ища себѣ убѣжища и упражнясь въ обманахъ, получилъ къ тому склонность, а выросши въ лѣсахъ и ущельяхъ здѣлался почти дикимъ человѣкомъ. Обыкновенное его платье естъ смурой кафтанъ. За плечами всегда носитъ ружье. Не лзя его узнать съ проспымъ Имеретинцемъ. Имѣетъ онъ однако парчевыя платья, но надѣваетъ ихъ рѣдко. Иногда носитъ на шеѣ, на серебряной цепочкѣ, зубочиспку и ухвершку, а ѣздитъ на ослѣ, кошораго одного я и видѣлъ во всей Имеретіи, и обувается въ сапоги; прочіе же Князья уверпываютъ ноги суконными покромами, а чернъ совсѣмъ боса. Щеголи красятъ усы красною краскою. Когда Россійскимъ войскомъ взятъ былъ у Турковъ сполничной здѣшній городъ Кушаисъ; то Царь, жившій до тѣхъ поръ и съ Царицею въ горахъ и вертепахъ, какъ сказано выше, велѣлъ въ Кушаисѣ спѣны подорвать, говоря, что въ защищеніи города на своихъ Князей надежды не имѣетъ, а гарнизона содержатъ не въ силахъ.

Онъ самъ не знаетъ о своихъ доходахъ, но по всякому извѣстню, что имѣетъ ихъ мало. Съ поселянъ податъ беретъ хлѣбомъ, виномъ

и скотомъ. Ежели какой Князь или кто и изъ проспыхъ людей провинился, то беретъ на себя все его имѣніе: что и составляетъ главной его доходъ; и сіе бываетъ причиною, что нѣтъ у него правыхъ. При мнѣ случилось, что велѣлъ онъ опнять все имѣніе у одного Князя, поспавляя ему въ вину, что онъ не шакъ ему поклонился, какъ надлежало. Князь клялся, что не преспунилъ обычая, и что инаково никогда не кланивался, но принужденъ былъ распашься съ имѣніемъ. Сверхъ того для уменьшенія расходовъ, Царь ѣздитъ со всемъ Дворомъ по деревнямъ, и когда въ одной все у мужиковъ съестъ и выпьетъ, ошправляется въ другую.

Однимъ словомъ, Царь Имеретской не имѣетъ великолѣпія приличнаго Государю, хотя и бываетъ окруженъ Князьями и народомъ. Споломъ также другихъ не превосходитъ. Въспо хлѣба, ѣстъ гоми и жареное мясо, а въ постъ пафспную икру и *Лабіо*, п: е: вареные бобы: ложекъ и вилокъ у него не знаютъ.

Получивъ нынѣ всю Имеретію въ свое владѣніе, Царь можетъ собрать до шеспи тысячъ войска. Пушекъ при ономъ нѣтъ, а спроеваго порядка и совсѣмъ они не знаютъ. Войско собираетсѣ на звукъ трубы, а прочія Царскія повелѣнія объявляются народу на ярмонкѣ, бывающей въ каждую пяпницу, слѣдующимъ образомъ. По собраніи людей, одинъ человѣкъ взлезаетъ на дерево и кричитъ Царское повелѣніе. Послѣ сего каждой поселянинъ, возвратясь въ домъ, долженъ оное объявить всѣмъ въ своей деревнѣ.

Въ Имеретіи содержатъ вѣру Греческаго исповѣданія. Каѣсликосомъ или Намѣспникомъ

Папріаршимъ шеперь еспь брапть нынѣшняго Царя. Митрополипы также находяпся, но только у пуспыхъ церквей: ибо церкви здѣсь бѣднѣе еще Грузинскихъ. Въ иныхъ, какъ и шамь, нѣпть царскихъ дверей, и образовъ. Вмѣсто иконоспаса забрано вымаранными досками, а вмѣсто образовъ, вырѣзанъ и прилепленъ надъ Царскими дверьми Крестъ изъ бумаги. Не обинуясь можно сказать, что чище бываешъ въ крестьянской избѣ. Видна однако и понынѣ въ нѣкоторыхъ развалившихся каменныхъ церквахъ спѣнная живопись и особливо въ городѣ Купаисѣ, въ разоренной Турками лѣпъ сто назадъ, соборной церкви, гдѣ уже выросли превеликіе фиговые деревья, видѣль я образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы также на спѣнѣ писанной. По развалинамъ судишь можно, что зданіе было преогромное, и что вообще церкви были въ лучшемъ состояніи: а шеперь, какъ совсѣмъ у нихъ обыкновенія нѣпть дѣлать подаваніе, опчасу больше онѣ разваливаюпся.

Правленіе здѣсь хопя и самовластное, но повелѣніи Царевы худо исполняюпся, и жизнь его всегда въ опасости. Народъ непослушливъ, хопя и наказываешся преспрогимъ образомъ. Между прочими казнями, слѣдующія показались мнѣ совсѣмъ новыми. Заряжаютъ нарочно здѣланную деревянную морширу, и попомъ спрѣляютъ въ виновапаго, а иныхъ заливаютъ извеспью. Къ непослушанію ободряеш ихъ то, что виновапой имѣешъ всегда способность уйпи къ Туркамъ, лишь бы напередъ узналъ о будущемъ своемъ нещастіи.

Въ рѣкахъ здѣшнихъ водипся довольно рыбы, но жипели не пользующся ею, или опть лѣноспи, или опть неумѣнія ловишь; ибо неводъ совсѣмъ не знаюпъ, а ловяпть крючками. Когда я Царю рассказывалъ, какимъ образомъ ловяпть въ Европѣ рыбу и въ садки сажаютъ, дабы никогда въ ней недоспапку не было; онъ не только пому дивился, но кажешся, что и не совсѣмъ мнѣ вѣрилъ.

Въ горахъ здѣшнихъ непременно должно бышь всякимъ рудамъ. Царь мнѣ сказывалъ, что оныя и найдены были, но что онъ ихъ оставилъ, дабы Турки, провѣдавъ не разорили земли, ища воспользоваться сокрытыми сокровищами.

Хлѣбъ здѣсь сѣютъ наибольше называемой томи, о которомъ я уже упоминалъ. Родипся также ячмень и пшеница, но мало, и пшеничной хлѣбъ дѣлать одни Князья изрѣдка. Плодовъ здѣсь и хлопчатой бумаги много, но первыхъ они въ зиму беречь не умѣютъ.

Имеретинцы суть народъ крупной, сухощавой и смѣлой; лица у нихъ свѣжѣе, нежели у Грузинъ, бороды брѣютъ, а оставляютъ только усы. По смерти родныхъ запускаютъ бороду на цѣлой годъ.

Селеніи ихъ бываюпть по два и по три двора, а еспь только одна деревня называемая *Хони*, въ которой съ двѣспи дворовъ, а другая, коей имени не упомяну, пянешся верспы на двѣ, гдѣ всякой мужикъ имѣешъ свой садъ. Скопа водяпть не много; куръ имѣютъ опмѣнной величины. Вообще Имеретинцы очень бѣдны. Прежде продавали они Туркамъ, въ крѣпостяхъ живущимъ, масло, медъ и скопину: но шеперь

никакой торговли не знаютъ, и всѣ нужныя вещи привозятся къ нимъ Армянами изъ Грузіи.

Деньги у нихъ ходятъ Турецкія, но и шѣхъ кромѣ Паръ * я не видалъ. Цѣны они деньгамъ не знаютъ. Когда мужикъ продаетъ курицу, проситъ за нее пять паръ, но если при плашежѣ увидитъ у покупающаго больше денегъ, то уже не отдаетъ за ту цѣну.

Поселяне вмѣсто хлѣба ѣдятъ гоми, и пьютъ чрезмѣрно, къ чему приобучаютъ ихъ со младенчества. Они никогда не сядутъ обѣдать безъ вина.

Вообще Имеретинцовъ почестъ можно за дикой народъ, ибо они съ горъ никуда не выѣзжаютъ. По ихъ мнѣнію, шопъ далеко былъ, кто былъ въ Ахалцахъ, Турецкомъ пограничномъ городѣ. Всѣ они лакомы до денегъ, великіе обманщики и прямые воры. Того и почитаютъ, кто другихъ въ сихъ дарованіяхъ искуснѣе. Спыда и совѣсти не знаютъ, и брашъ не вѣрятъ брашу.

Начиная отъ самаго знашнаго до самаго подлаго, никто безъ оружія со двора не ходитъ. Если Царь и Князь сошедши вмѣстѣ сядутъ разговаривать, то всякой вынявъ ножъ палочку спругаетъ. Я шому сперва дивился, но послѣ узналъ, что они не вѣрятъ другъ другу, и у всякаго по сей причинѣ оборонительное оружіе, то есть ножъ, на первой случай уже въ рукахъ гошовой.

О числѣ жипелей не могъ я отъ нихъ свѣдать, ибо сами они не знаютъ, но кажется, что не будетъ сна тысячи душъ. Говорятъ

* Турецкая серебряная, или справедливѣе мѣдная не посеребренная монета въ при денежки.

они по Гречески съ нѣкоторою опмѣною, но не споль краснорѣчиво, какъ ихъ сосѣди.

Не удивляйтесь, Государыня моя, ежели найдете въ семъ письмѣ меньше порядка, нежели въ предъидущихъ. Я спарался о шомъ шолько, чтооь ничего не опуститъ, и какъ можно скорѣе опсюда выѣхать.

Теперь нужна намъ опвага, равнал Язновой, для предпріятія пупешеспвія въ Колхиду. Рассказываютъ намъ оь ней въ ужасъ приводящія вещи: но ободраетъ меня склонность и охота къ сему пупи одного Грузинца изъ Тиффлиса, которой приспалъ къ намъ во время нашего здѣсь пребыванія. Докпоръ его вылѣчилъ отъ нѣкоторой болѣзни, и онъ изъ благодарности хочетъ проводить насъ въ Персію, гдѣ часто бывалъ шую же самую дорогою, копорую мы выбрали. Онъ умѣетъ по Персидски, нравы Мингрелянъ ему свѣдомы; по чему и можетъ намъ быть полезенъ.

Biblioteka prywatna

Я есмь и пр. Jakuba Antoniuka

Dobrzyniewo-Duże

pow. Białystok

Nr.

ПИСЬМО XVIII.

МИНГРЕЛИЯ,

или

Древняя Колхида.

О ужасная земля! В древней Колхидѣ нѣтъ уже злешаго руна, но опасности спали еще больше, нежели были во время Аргонавщевъ.

Мы переправились черезъ Фазу въ Купаисѣ. Я упомянулъ, кажется, въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что сія рѣка раздѣляетъ Имеретію съ Мингреліею. На ея берегахъ стоялъ древній городъ *Колхосъ*. Мы бесполезно искали онаго слѣдовъ, и сполько же бы бесполезно было искать города, или села, во всей нынѣшней Колхидѣ. Въ ней находящіяся полько двѣ деревни, лежащія на морскомъ берегу. Большая называется *Анаргія*, хотя въ ней полько сто дворовъ; правда что разстояніе между ими даетъ ей видъ обширнаго селенія. Въ старину, сказывающъ, былъ на семь мѣстѣ городъ, именуемой *Ираклія*. Прочія жилища мѣста въ Мингреліи состоятъ изъ хижинъ, или лучше скажутъ, изъ шалашей, разсыянныхъ по всѣмъ равнинамъ сей дикой страны. Есть однако нѣсколько замковъ, еспли позволено симъ именемъ называть здѣшнія зданія. Главной принадлежитъ Князю, коему дается названіе *Дадіанъ*. Нынѣшній именуется *Каций*, и живещъ въ ономъ замкѣ, какъ въ единственномъ надежномъ мѣстѣ на случай войны. Не предсавше

его себѣ, Государыня моя, услыша надежное мѣсто, крѣпостію, коюрой взяты не лзя. Онъ для защиты своей имѣетъ каменную стѣну и нѣсколько пушекъ: но сія стѣна такъ слаба, что полковою пушкою можно здѣлать въ ней проломъ. Однимъ словомъ, походитъ онъ на тѣ крѣпости въ Европѣ, кои держатся не могутъ и противъ ескадрона гусаръ.

Прочіе замки принадлежатъ разнымъ господамъ; всѣ построены въ самыхъ густыхъ мѣстахъ лѣса, и состоятъ изъ каменной башни отъ тринадцати до сорока футовъ вышины. Подлѣ оной каменной башни построены еще пять или шесть деревянныхъ, а около ихъ построены избы, иныя изъ бревень, иныя изъ сучьевъ, или хвороста, иныя изъ простирака. Все разстояніе, занятое строеніемъ, обнесено плетнемъ, и окружается дремучимъ лѣсомъ, коюрой такъ часпъ, что сіи убѣжища чинятся не проходными, кромѣ того мѣста, чрезъ коюрое просѣчена дорога: но и пѣу въ случаѣ нападенія, обыкновенно загачивающъ и замѣшывающъ деревьями: почему очень трудно въ нихъ ворваться. Въ такихъ случаяхъ замки служатъ убѣжищемъ дворянамъ Мингрельскимъ и ихъ подданнымъ. Въ каменную башню запирающъ всѣ сокровища господина и ищущихъ у него спасенія. Деревянные служатъ кладовыми для съѣстныхъ припасовъ, и для сбереженія жень и дѣшей, ежели доидетъ дѣло до приступа. Въ семь мѣстѣ всякой опшиживаещя, пока не уидетъ непріятель; ибо нападеніе, за недоспакомъ пропитанія у осаждающихъ, не продолжается болѣе пяти или шести дней. Послѣ чего каждой Мингрелецъ возвращается

въ старой свой домъ, или спроеишь новой, ежели прежній разорень.

Спроеиеніе домовъ ничего имъ почти не спроеишь; ибо всѣ срублены изъ лѣса, а сего чрезвычайно у нихъ много. Господскіе дома бываютъ въ два жилья, а крестьянскіе въ одно, то есть поземные; но всѣ вообще неспокойны, не чисны, и не имѣютъ ни прубъ ни окошекъ. Свѣтъ входитъ и дымъ выходитъ черезъ дверь; ибо очагъ здѣланъ посреди избы. Передъ дворцомъ и передъ дворами знатныхъ господъ, бываетъ дворъ обнесенной полисадникомъ. На немъ допускаютъ они къ себѣ своихъ подданныхъ, и судятъ ихъ ссоры. Что принадлежитъ до послѣднихъ, въ жилищахъ ихъ нѣтъ ни двора, ни загороды. Въ одной избѣ, а особливо ночью, запираются они сами, ихъ жены, дѣти и скотъ.

Кто любопытенъ осмопрѣшь здѣшнюю бѣдную землю, должно ему переправляясь чрезъ многія рѣки; но щещно искашь моста во всей Мингрелии, да и лодки на рѣдкой рѣкѣ находятся. Чрезъ нѣкоторыя переѣзжаютъ въ бродъ. Таковыя мѣста извѣсны жителямъ и они переправляются слѣдующимъ образомъ: соединяются нѣсколько человекъ вмѣстѣ, и идутъ кучею опираясь на долгіе щесты. Симъ способомъ прерываютъ упорность щеченія, которое очень спремительно. Всѣ помянутыя рѣки выходятъ изъ Кавказскихъ горъ и впадаютъ въ *Черное море*, омывающее Мингрелию и близлежащія страны. Его называютъ также *Евксинской лонтъ*, и подъ симъ именемъ оно наибольше извѣстно. Имя *Черного* дано ему отъ Турковъ для означенія сердитыхъ его волнъ; ибо никакое море не бываетъ столь бурно, и

ни на которомъ не погибаетъ спольно кораблей. Можно къ сему прибавить, что и незнаніе Турковъ въ мореплавательной наукѣ, умножаетъ бѣдствія, причиняемыя сею спихією на *Черномъ морѣ*.

Климатъ въ Колхидѣ довольно умѣренной. Въ ней ни холодно, ни тепло; но дожди бываютъ такъ часты, что причиняютъ сырость, которая, соединясь въ нѣкоторое время съ солнечнымъ зноемъ, производитъ заразу, или опасныя болѣзни. Воздухъ въ Колхидѣ бываетъ часто смертоноснымъ для чужестранныхъ, елики они долго въ ней проживутъ, да и не меньше онъ вреденъ и самымъ жителямъ. Во всей землѣ не найдешь спарика въ семдесятъ лѣтъ.

Земли пахотной очень мало въ Мингрелии. Она такъ мягка, что споеишь только бросить на нее зеренъ. Хлѣбъ самъ собою растетъ, и корень впускаетъ глубже фуна. Ежели въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляютъ соху, то у ней сошники и палицы бываютъ деревянные, но позже производятъ дѣйствіе, что и желѣзные. Впрочемъ вообще земля въ Колхидѣ дурна. Растетъ на ней малое число пшена, пшеницы и ячменя, но много родится гоми. Огородныя овощи рѣдки, а изъ плодовъ видѣли мы почти всѣ тѣ же, что и у насъ, хотя и всѣ они не здоровы. По щастію, что не имѣютъ соку, почему и не можно ихъ объѣсться. Одинъ виноградъ показался мнѣ превосходнаго вкуса. Земля въ Колхидѣ весьма способна къ произрастѣнію онаго. Лозы его бываютъ чрезмѣрно толсты, и взвиваются до вершинъ самыхъ высокихъ деревьевъ. Собира-

юпь винограда всегда великое множество, и вино бываетъ изрядное: почти во всей Азии трудно сыскать лучшаго, и оно бы несравненно превзошло доброюю Бургонское, еспль ильбъ жишели умѣли съ нимъ обходиться. Передавивъ виноградъ въ выдолбленныхъ пняхъ деревьевъ, кои служатъ у нихъ вмѣсто чановъ, наливають они вино въ большіе кувшины или корчаги, врытыя въ землю въ самыхъ домахъ, или недалеко отъ оныхъ. Оныя корчаги будугъ величиною съ обыкновенную бочку, по еспль пакою, въ которую войдетъ бушлыокъ приспа. Сколь скоро сосудъ будетъ полонъ, покрываютъ его деревяннымъ кругомъ, насыпаютъ землю, и не прогаютъ до тѣхъ норъ, пока не дойдетъ нужда взять изъ него вина.

Земля сія изобилуетъ въ домашней скотинѣ. Лошадей въ ней много, но быковъ не столько, а свиней еще больше, нежели въ Грузии и онѣ вкуснѣ шамошнихъ. Въ козлятинѣ вкусъ дурень. Живность хороша, но рѣдка; дичина очень пріятна. Лѣса наполнены кабанями, оленями, козами и зайцами. Куропатки, фазаны, перепелки, дикіе голуби составляютъ для жишелей ловлю изобильную и не трудную. Голуби велики и питаются жолудями, которые обыкновенно глотаютъ цѣлкомъ. Звѣрей ловятъ сѣтми, а фазановъ и рѣчныхъ птицъ соколами и ястребами.

Рѣдко найдешь землю, которая бы столько была изобильна хищными птицами, начиная отъ сокола до орла. Водятся оныя на Кавказѣ, равно какъ пигры, леопарды, львы, волки и лр. а особливо послѣднихъ много. Еспль пать также звѣрь *Шакаль* или *Чекалка*, по-

хожій на лисицу, но больше ея, обжорчивѣе, и гораздо опаснѣе. Онѣ поѣдаетъ звѣрей, которые его слабѣе, разгребаетъ могилы, и кидается на живыхъ людей. Для избѣжанія сего неудобства, наваливаютъ на могилы большіе камни. Сей звѣрь почитается за *Гиенну* древнихъ, которая также падка была къ мерзвымъ пѣламъ. Шакалы ходятъ рѣдко по одиночѣ, но всегда спаницами, и воютъ перекрикиваясь между собою. Голосъ ихъ сухъ, пронзительнъ и походитъ на кошечье мяуканье. Они подобны выпьемъ на кошечъ еще и тѣмъ, что одни кричатъ выше, другіе ниже, и составляютъ устрашающій концертъ, когда зачнутъ свою музыку.

Вопь, Государыня моя, все то, что имѣлъ я вамъ сказать о положеніи и произрастѣніяхъ Мингреліи. Теперь приступлю къ гражданскому ея сословію и ко нравамъ жишелей. Дая сіе наименованіе народу столько варварскому, я почти его во зло употреблю; однакожъ имѣетъ онѣ Государя, а въ спарину имѣлъ и вѣру, но оная совсѣмъ исчезла, хотя и оспались не только попы, которые исчезаютъ всегда послѣдніе, но и Намѣстникъ Папріаршій. Сіе походитъ на загадку, хотя вы и удобно опгадашь ее можете. Изясню я ее однакожъ, поговоря сперва о Князѣ Мингреліи.

Сей владѣлецъ не богатъ, и очень мало имѣетъ власпи. Знапные Мингреляне почитаютъ его, но пользуются между тѣмъ такими преимуществами, кои походятъ на привилегіи, присвоенныя себѣ Французскимъ дворянствомъ, лѣтъ съ двѣсти тому назадъ. Поданные ихъ суть невольники; и они, чего Фран-

цузы не смѣли дѣлать, продають ихъ Туркамъ или другимъ народамъ, которые захопляютъ только покупають. Чѣмъ больше дворянинъ Колхидской имѣеть подданныхъ, тѣмъ онъ богаче; ибо всякой мужикъ долженъ сплавить ему по возможности своей извѣстное количество хлѣба, скопа, вина и другихъ вещей, сверхъ того, что обязанъ его содержать день, два, а иногда и при въ году: ибо господинъ ѣздитъ отъ одного мужика къ другому, пока годъ кончится, а сему подражаетъ и владѣлецъ, съ собою только разницею, что дворянинъ не можетъ объѣдать какъ однихъ крестьянъ, а онъ объѣдаетъ и крестьянъ и дворянъ. Посѣщеніи его обыкновенно разоряють тѣхъ, кому онъ чинитъ сію честь. Онъ возитъ съ собою весь свой домъ, женъ, дѣтей, слугъ, и даже пословъ, естли случатся какіе при его дворѣ. Съ нимъ бываетъ мало лошадей, пошому, что весь скарбъ носится мужиками и бабами. Сей обычай Мингрелянамъ кажется благороднѣе, нежели употребляютъ лошадей.

Въ семь годовомъ объѣздѣ владѣлецъ собираетъ подаши, и судитъ распри между подданными. Онъ принимаетъ дорогою челобитныя, и отдаетъ Миниспру, которой читають ихъ вслухъ. По прочтеніи испецъ, отвѣпчикъ, и ихъ участники поднимають крикъ, бьютъ въ землю дубинами, и охаютъ, дабы возбудить въ Князѣ жалоси, давая ему имана лесныя и самыя священныя, какъ: *Государь мой, Императоръ мой, Богъ мой* и пр. Каждой пшяущійся предспавляетъ свидѣтелей. Князь объявляетъ свое рѣшеніе, которое бываетъ всегда окончательнымъ, и сіе такъ дѣлается, что

часто онъ и не оспанавливается на пути своемъ. Самое должайшее опкладываніе бываетъ до наслѣга, но и тогда прибывъ на мѣсто, гдѣ намреть ночевать, кончитъ онъ дѣла прежде, нежели пойдетъ спать. Что вы о семъ скажете, Государыня моя? Сей скорой способъ не можете ли предпочестися нашимъ безконечнымъ выпискаемъ, докладамъ, опредѣленіямъ и пр.

Впрочемъ сей родъ суда употребляется только для мужиковъ. Господа сами рѣшаютъ свои споры силою. Обиженной нападаетъ вооруженною рукою на деревни своего соперника, грабитъ и жжетъ его дома, вырываетъ винограды, опгоняетъ скопину, бьетъ его крестьянъ и пр. Часто случается, что соперникъ обороняется, и одинъ изъ двухъ оспается на мѣстѣ. Иногда пошъ, которой слабѣе, прибѣгаетъ къ Государю, а сей повелѣваетъ призвать предъ себя обвиняемаго какому нибудь знающему господину, и миритъ ихъ больше, нежели судитъ. Онъ бы и не подумалъ мѣшаться въ шаковыя ссоры, естли бы пшяущіеся сами не допускали до него жалобъ, или бы къ посредству его не прибѣгали.

Ссоры такъ часто случаются между дворянствомъ Мингрельскимъ, что они ходятъ всегда вооруженны и препровождаются шолкимъ числомъ людей, какое только содержатъ могутъ. Ни они сами, ни охранители ихъ никогда инаково на лошадей не садятся, какъ вооружась съ головы до ногъ, и спятъ, имѣя при себѣ саблю.

Сабли у нихъ прямыя, а прочее оружіе состоитъ въ лукѣ, стрѣлѣ, чеканѣ и щипѣ. Они дѣйствуютъ копьемъ и изъ лука стрѣляютъ

съ удивительнымъ проворствомъ. Бьютъ на полепъ самыхъ быспрыхъ пшницъ. Огнеспрельное оружіе употребляютъ рѣдко, и обходиться съ нимъ не умьютъ. Они почипаются за споль же храбрыхъ воиновъ, сколь и за славныхъ разбойниковъ. Топь, кшо побывалъ въ ихъ землѣ, не можешь покрайней мѣрѣ не дасть имъ сего послѣдняго наименованія.

Войны съ сосѣдями не что иное суть, какъ набѣги и грабительствы. Еспшли они осщануся побѣдителями, преслѣдуютъ непришеля безъ остановки и опускаютъ его земли, дѣлаютъ жителей невольниками, сколько имъ возможно, и возвращаются домой съ такою же поспѣшностію, съ какою начали нападеніе. Нѣтъ между ими размъны плѣнныхъ. Каждая спорона продаетъ взятыхъ, и рѣдко своихъ назадъ выкупаеть. Не только всякой начальникъ, но и солдатъ, копорой взялъ плѣннаго, имѣеть надъ нимъ право жизни и смерти. У нихъ больше въ употребленіи продаватъ ихъ, нежели убивать, и сей родъ добычи предпочитаютъ они въ воинскихъ набѣгахъ всякому другому. Почему и носятъ всегда за подсомъ веревку для вязанія побѣжденныхъ: а когда не случится непришелей, коихъ бы могли положить, то употребляютъ упомянутую веревку часпо на то, что связываютъ сосѣдей и земляковъ, копорыхъ послѣ продаютъ, какъ невольниковъ и непришелей.

Военныя силы въ Колхидѣ не многочисленны, и не превосходятъ чепырехъ тысячъ человекъ. Всего страннѣе то, что въ семь войскъ пѣшихъ только при спа человекъ; прочіе всѣ конница. Не должно искать у нихъ

ни порядна, ни устройства. Войско не разделено ни на полки, ни на роты. Каждой господинъ, каждой дворянинъ ведетъ съ собою на сраженіе своихъ подданныхъ, а сіи дѣйствуютъ, впередъ идуть, назадъ подаются, гонятъ, и убѣгаютъ, смотря на его движеніи. Храбрость ихъ зависить совершенно отъ храброспи предводителя.

Надобно еще сказать слово о Князѣ Мингрельскомъ. Дворъ его бываетъ довольно многочисленъ въ праздничные дни, а въ будни видно при немъ не больше спа дворянъ: служащихъ же и чиновныхъ наберется съ при спа. Дворъ Княгини сосавленъ изо спа человекъ счипая мушинъ и женщинъ. Въ нѣкопорые дни въ году бываетъ онъ также люднѣе, и въ такое время умножается почти такимъ же числомъ женщинъ, копорыя спройны и хорошо одѣты. Государь не дѣлаеть денегъ, кои мало имьютъ хода въ его земляхъ. Вся торговля опправляется способомъ промъны, а обыкновенная промъна, чинится опдачею людей за надобныя вещи, или шовары. Ежели Мингрелецъ имѣеть нужду въ какомъ нибудь снадобѣ, опдаеть за него сына, дочь, жену, а часпо и жену своего сосѣда.

Народъ споль дикой, споль жестокосердой, сохраняетъ однако, какъ я уже упомянулъ, нѣкопорые обряды набожества, споль же прошивные, по правдѣ, испинному разуму Христіанскаго закона, какъ благоприспоиспи и здравому разсудку. Колхидяне приняли, сказываютъ, вѣру отъ тойже самой невольницы, копорая обратила Грузинцовъ. Оная перемѣна произошла при *Константиѣ*. Сей Царь, ра-

дуюсь что другіе Государи подражаютъ ему въ обращеніи, даль великіе дары погдашнему Князю Мингрелии, учинившемуся Христіаниномъ. Греческіе обряды держались долго у сего народа, но политическія премъны, войны, время, и особливо невѣжесство и распустиство поповъ, погасили сіи первоначальныя искры благочестія. Вѣра Колхидянь учинилась недоспапочно, какъ и правленіе, споль же нескладна и неприспойна, какъ и прочіе ихъ обычаи.

Мингрельцы исповѣдуютъ Греческой законъ, имѣютъ Намѣстника Папріарнаго, называемаго такъ же какъ и въ Имеретіи, *Каѳоликосъ*. Онъ прежде почипался Мингрельскимъ и Имеретинскимъ, но какъ у нихъ въ сіе доспоисство жалуешь Ахалцихской Паша шого, кшо его больше подарить, шо предъ симъ за нѣсколько лѣтъ оной Паша объявилъ Каѳоликосомъ Имеретіи и Мингрелии, брата роднаго Царя Соломона: опъ чего между оными Каѳоликосами и по нынѣ о семъ санѣ споръ происходитъ. Опъ Каѳоликоса зависятъ всѣ Мингрельскіе Епископы. Его можно почесать Папою сей спраны. Церковь Мипрополипанская находилась въ Пивіопѣ, въ споронѣ *Абказовъ* или *Абазовъ*, другаго народа еще дичае Мингрелянь. Сія церковь посвящена во имя *Св. Андрея*, и еспли вѣришь преданію жителей, шо въ семъ мѣспѣ сей Св. Апосполь поспрадалъ мученически. Теперъ еще видень, прощивъ паперпи, мраморной сподбъ, изъ котораго, говорятъ, вышель испочникъ кипящей воды, въ шо время, какъ его мучили. То по крайней мѣрѣ вѣрно, что жители имѣютъ великое почшеніе къ сподбу. Что же касается до церкви, она

есть начальспивующая во всей Колхидѣ: однакоже каждой Каѳоликосъ бываешъ въ ней сполько однажды во всю свою жизнь, и погда при немъ находящяся всѣ Епископы. Онъ въ ней варишь свяшой елей, копорой называютъ они *Миро*, и копорой служишь въ крещеніяхъ и другихъ случаяхъ. Сей елей чрезъ нѣсколько лѣтъ спановишся шакъ густъ, что его рѣжутъ ножемъ.

Обыкновенное упражненіе Каѳоликоса состоитъ въ осмотрѣніи своей Епархіи. Вы конечно подумаешъ, что посѣщеніи его устанвлены для вспомошествованія и приведенія на путь истинный вѣренныхъ ему душъ, для бдѣнія надъ порядкомъ церковнымъ, и надъ поведеніемъ Архіереевъ и поповъ: шакъ называются въ Колхидѣ равно какъ и въ Греціи, просные священники. Сей пастырь не имѣетъ другаго вида, какъ жить на иждивеніи своихъ овецъ, и содержать на ономъ всѣхъ своихъ людей, коихъ бываешъ съ нимъ человекъ до двухъ сотъ, шакъ что въ цѣломъ году не удаешся ему два раза пообѣдать дома; а шѣ всѣ, кому здѣлалъ онъ Chesъ своимъ посѣщеніемъ, разоряются. Каждой изъ его подданныхъ долженъ ему спавить нѣопорое количесство хлѣба, вина и другихъ произраспѣній: въ шомъ и соспощъ его вѣрной доходъ, а случайной, или взяшки иногда и превосходящъ оной; ибо Каѳоликосъ не исповѣдываешъ самъ инако, какъ за не малую сумму, не поешъ обдни меньше шестидесяти, а за спавленіе Епископа не беретъ меньше шрехъ сотъ рублей. Правда, что весьма онъ прилѣженъ къ молитвѣ, что провождаешъ на оной часъ ночи;

что воздержень во всякое время, не пьешь вина по поспамъ, и сильно поспишься всю спраспиную недѣлю: но для сихъ причинъ и почитаютъ его за святаго. Выключая выше-сказанное, невѣжесство его не уступаетъ невѣжесству Епископовъ и прочаго подчиненнаго ему духовенства. Едва умѣетъ онъ читать молишвенникъ и прѣбникъ, и безъ сумнѣнія не разумѣетъ ни того ни другаго.

Епископы еще и того хуже. Многие изъ нихъ учатъ на изустъ службу, ибо читаютъ не умѣютъ, и слѣдуя примѣру главы, не поютъ инаково обѣдни, какъ договорясь и получа довольныя деньги. Они также всегда воздерживаются, поспящая во время посповъ. Бдяще тогда по одному разу на день и по поздо; не вкушаютъ ни рыбы ни вина, но въ другія времена безъ запрудненія напиваются до пьяна, въ чемъ имъ весьма исправно подражаютъ ихъ подчиненные.

Есть вещь, въ которой сіи послѣдніе имъ не послѣдуютъ, то есть въ великолѣпнн одѣяннн. Епископы рядятся очень богато, а попы споль бѣдно, что смотрѣшь на нихъ жалко. Священноначальники ѣздятъ часто на войну, и водятъ своихъ подданныхъ, а еще чаще на охошу. Они имѣютъ хорошихъ лошадей, копорья обыкновенно не дорого имъ споятъ, ибо получаютъ за разрѣшеніе грѣховъ.

Что касается до поповъ, ихъ много и въ великой бѣдности. Живутъ они доходами себѣ определенными, но сіи весьма малы. Они принуждены пахать не только свою землю, но что еще хуже, и господскую, ѣздить съ ними въ ихъ походахъ, служить имъ какъ неволь-

никъ, да и поступаетъ съ ними, какъ съ невольниками. Народъ не больше имѣетъ къ нимъ уваженія, какъ и дворянство, а почитаетъ только, когда попь служишь обѣдню, или кто занеможетъ. Тогда посылаютъ за попомъ и спрашиваютъ у него, выздоровѣетъ ли больной, или нѣтъ. Попъ принимается за книгу, перерачиваетъ листы, и объявляетъ немощному, что такой или такой образъ на него гнѣвается; что для умилоспивленія должно положить вкладу, а инако онъ умереть можетъ. Больные отдають иногда сей вкладъ самому попу, а попь часто даетъ себѣ преимущество передъ образомъ.

Удивительное дѣло, какъ Колхидяне боялись образовъ. Не предмету представляемому на образъ, но веществу его возсылають они молишвы, и чинятъ прозбы. Однихъ почитаютъ пошому, что мнятъ ихъ бытъ злыми, и симъ послѣднимъ наибольше даютъ вкладовъ. Приближаются къ нимъ со страхомъ, крепясь и молясь въ землю, и бия себя въ грудь. Обыкновенная ихъ молишва предъ сими образами состоитъ въ томъ, чтобы онъ спасъ жизнь его, и побилъ его непріятелей. Ежели покрадутъ Мингрельца, онъ идетъ предъ образъ съ попомъ, взявъ съ собою два хлѣбца и кувшинъ вина, и говоритъ предъ нимъ слѣдующее: *Ты знаешь, что меня покрали, и что я не могу поймать вора. И такъ прошу тебя чрезъ сей приносимой даръ, убить его, и здѣлать съ нимъ, какъ я дѣлаю съ сею лалкою.* Произнося послѣднія слова, выпыкаетъ онъ предъ образомъ палку въ землю, и до пѣхъ поръ бьетъ обухомъ, пока не влолпитъ шакъ, что совсѣмъ

ея не будешь видно. Вы по сему можете судить, что заповѣди объ опущеніи ближнему спольже мало знаемы сими мнимыми Христіанами, какъ брагская любовь. Они тепло молящяся о разореніи и смерти своихъ непріятелей. Вамъ хочещя можете быть знать, куда дѣвается приношеніе? Попъ и молищикъ уносятъ его назадъ съ собою и вмѣстѣ ѣдятъ и пьютъ.

Мингреляне имѣютъ также множество мощей, между коими естъ и очень рѣдкіе, на примѣръ, часть древа Креста Господня, сорочка, по ихъ словамъ, Пресвятой Богородицы, и пр. Я видѣлъ сію послѣднюю. Она дѣлана изъ желтаго полотна и вышита по мѣстамъ цвѣтами. Подобныя украшенія на сорочкѣ приписываемой Св. Дѣвѣ, доказываютъ, сколь мало имѣютъ разсудка дѣшніе народы.

Какъ бы шо ни было, жишели даютъ первое мѣсто своимъ образамъ предъ всѣми мощами. Они почищаютъ только раки и фушляры пошому, что видятъ на нихъ золото и серебро, украшающее ихъ съ наружи. Правда и шо, что нѣкопорыя у нихъ спашуи вылипы изъ серебра, и что чѣмъ богаше металлъ, изъ котораго дѣлано изображеніе, тѣмъ большее въ нихъ возбуждаеть усердіе.

Церкви ихъ не всѣ достойны называться симъ именемъ. Епископскія содержатся въ чистотѣ, а иныя и великолѣпно; но просныя приводятъ въ жалость и ужасъ: столь мало онѣ чисны. Впрочемъ вещи нужны для опправленія службы или очень дурны, или совсѣмъ ихъ нѣтъ. Дабы о томъ имѣть понятіе, представте себѣ круглой престолъ на камнѣ утвержденной;

на семь престолѣ замаранную ушварь; вмѣсто сосуда деревянной спавецъ; вмѣсто блюда деревянная шарелка; вмѣсто воздуха спарые лоскушья: кадило желѣзное, а доспальныя вещи симъ соотвѣспвующія; погда вы и вообразить можете, какимъ образомъ здѣсь опправляется наивеличественнѣйшая служба Христіанской вѣры. Но сіе касаетя только до поповъ приходскихъ.

Сверхъ оныхъ и сверхъ Епископовъ, естъ родъ Архимандритовъ, или Игуменовъ, имѣющихъ довольные доходы. У нихъ свои церкви, кои содержатся гораздо лучше, нежели приходскія. Естъ также монахи слѣдующіе правилу Св. Василія. Сихъ называютъ Мингреляне *Отцами*. Одѣваются они въ рясы изъ сукна темнаго цвѣта, бородъ не брѣютъ и волосы имѣютъ долги, поспаящяся и молящяся усердно, поютъ обѣдни когда кто заплашитъ щедро, и въ шомъ полагаютъ всю должностъ, и всѣ свои обязательства. Находящяся здѣсь равнымъ образомъ и монахини, копорыя одѣты совсѣмъ въ черное, носятъ покрывалы шого же цвѣта, не ѣдятъ никогда скоромнаго, но имѣютъ свободу ходитъ гдѣ хощатъ, и оспавлять монашеской чинъ, когда имъ за благо разсудитяся. Сіи дѣвы изъ смиренія, берутъ себѣ имена церковныя: одна называется на примъ: *Метла воротъ дома Господня*, другая *трялица лампады* и пр.

Попы дѣшніе имѣютъ нѣкопорыя преимуществы, коими не позабываютъ пользоваться: я хочу сказать супружествомъ. Вѣра Греческая позволяеть имъ жениться одинъ разъ въ жизни, съ тѣмъ только, чтобы конечно взялъ онъ дѣвицу: но сіи добрые паспыри женятся безъ

разбора на дѣвкахъ и на бабахъ, и повпоряютъ сіе сполько разъ, сколько умреть у нихъ женъ. Надобно сполько опъ Епископа получить на то позволеніе, за которое плаща удвоится по мѣрѣ повпоренія прозъбы объ ономъ.

Большая часть сихъ поповъ и совсѣмъ крещены не были; въ которомъ случаѣ не рѣдко бывають и сами Епископы, кои мало думаютъ, крещены ли въ ихъ Епархіяхъ младенцы, или нѣтъ: а попы съ своей стороны крестятъ сполько пѣхъ, коихъ опцы послѣ купели могутъ ихъ хорошенько попопчивать. И такъ ребенокъ просполюдима находящагося не въ соспояннй убишь быка, шеленка, или свинью, починается за недоспоянаго бышь Христіаниномъ.

Я видалъ сихъ поповъ въ службѣ. Ничего нѣтъ не приспоянѣ, какъ опсправляютъ они обѣдню. Не возможно почши споль не рачиво чшо нибудь въ свѣспѣ дѣлать. Когда служатъ они соборомъ, часто имъ случается перерывать службу, дабы поговорить о вещахъ поспороннихъ, и иногда неприспоянхъ. Бываетъ шакже и то, чшо попь, ежели найдеть церковь запершу, недожидается чшобъ ее опшвори, а зачинаетъ на паперши. Не рѣдко служатъ они въ домахъ, и еще чаще въ погребкахъ. Чшо касается до запасныхъ даровъ, они загошворяють ихъ на цѣлой годъ въ великой чешверпокъ и храняшь, ешшли нѣтъ дароносицы, въ коженомъ или холспяномъ мѣшкѣ, и пр. Я не хочу болѣе вычислять всѣхъ ихъ поступковъ: ибо прихожу опъ шого въ содроганіе.

Мертвыхъ здѣсь хороняють по прошествіи сорока дней. Сродники живутъ между пѣмъ на щепъ наслѣдства. Все движимое опдаётся понамъ, опсправляющимъ похороны. Почему смерть просполюдима всегда разоряетъ его семью, какъ во Франціи погребеніи, запечатаваннй и сочиненіе рееспра имѣнью, пускають по міру и вдову и сиропъ, копорые и пѣмъ удовольспвіемъ не наслаждаются, чшо бы пожинъ на щепъ наслѣдства хопя сорокъ дней.

Всѣ сіи подробности, и все шо, чего я самъ собою не могъ видѣть, рассказываны мнѣ Миссіонерами Мингрельскими, копорые суть Театины, * люди чесные и усердные къ посправленію шакowychъ злоупопребленій, хопя они и спараются о шомъ сполько подъ рукою и безъ всякаго успѣха. Но какъ они Римскаго исповѣданія, и слѣдовательно не шерпящіе ни какого другаго закона, шо и я не совсѣмъ имъ подавалъ вѣру. Народъ здѣшній привязанъ къ спраннымъ своимъ обрядамъ удивительнымъ образомъ. Онъ увѣренъ, чшо весь долгъ Христіанскій въ шомъ замыкается, чшобъ поспишься нѣкопорые дни въ году, и всякой праздникъ начать пѣмъ, чшо бы съеспъ курицу и напишься; чшо бы часто знаменовать себя креспомъ, молишь предъ образами и особливо пишь вино, и ѣспъ свинину: должносши, ко-

* Театинами называется монашескій орденъ, основанной въ Римѣ въ 1524 году Папою Павломъ IV. копорой прежде самъ назывался Театъ. Сіи монахи не имѣють ни деревень, ни земли, а живутъ подаянїемъ, употребляються наичаще другихъ въ посылки для обращенія невѣрныхъ народовъ, носять полукафшанья и плащъ черной, а чулки бѣлые.

спорья исправляютъ они съ великою почтоспю.

Приспую я теперь къ гражданскимъ обычаямъ, между которыми полагается супружество. Не видно ничего такого, почему бы заключить можно было, что они почитаютъ его за духовное таинство. Они покупаютъ женъ своихъ, какъ въ Грузіи, и вообще сваятъ за правило имѣть многихъ. Часто первая служитъ вмѣсто служанки послѣ пришедшимъ; иногда отсылаютъ ее къ ея отцу; а иногда продаютъ Туркамъ. Они утверждаютъ, что доброе есть дѣло жениться на многихъ женахъ, и имѣть многихъ наложницъ, потому, что родится больше дѣтей, и слѣдовательно больше прибыли отцу; ибо онъ продаетъ ихъ, слѣдующаго обыкновенію земли, въ неволю чужеземнымъ.

Вотъ нѣкоторыя обряды наблюдаемые при свадьбахъ знаменитыхъ Мингрельцовъ. Сколь скоро уговорится онъ съ отцомъ невесты о цѣнѣ, продаетъ поспасъ сполько своихъ подданныхъ, что бы наполнилъ требуемую сумму. Между тѣмъ позволяется ему ходить изъ рѣдка къ своей невестѣ; и почти всегда бракъ совершается между ими прежде свадьбы, предъ которымъ дѣлаются пиры продолжающіеся многіе дни и ночи. Впрочемъ вѣчаютъ днемъ и ночью, въ погребу или на паперсяхъ церковныхъ; для нихъ все равно, но въ церкви вѣчаютъ законъ не позволяетъ. Также запрещается законъ женщинамъ входить въ церковь, кромѣ одной Княгини Мингрельской: прочія же споятъ на паперсяхъ. При вѣчаніи свержъ попа, находится, какъ въ Греціи, посаженной

опецъ, которой между тѣмъ, какъ читаетъ священникъ молитвы, шиваетъ вмѣстѣ платье у жениха и невесты. Потомъ беретъ два вѣнца изъ цвѣтковъ, или изъ шелку, кладетъ ихъ поперемякамъ на головы вѣчающихся и переноситъ съ одного на другаго, сообразуясь читаемымъ молитвамъ. Когда оныя окончатся, опецъ беретъ хлѣбъ, ломаетъ его на многіе куски, кладетъ первой въ ротъ жениху, впророй невестѣ; и повпоряетъ сіе при раза, а самъ ѣстъ седмой. Послѣ чего даетъ имъ пить пакже по при раза изъ кружки, и выпиваетъ оспасковъ. Тѣмъ и кончится вѣчаніе.

Съ сего часа посаженной опецъ начинаетъ быть ближайшій сродникъ молодымъ. Онъ долженъ мирить ихъ, когда побранятся. Домъ ихъ ему отворенъ, какъ его собственнорой. Онъ можетъ быть на единѣ съ новобрачною когда хочетъ пакъ, что мужу и сказавъ прошивъ того нѣчего: да впрочемъ они и не очень прихотливы въ разсужденіи супружеской вѣрности. Ежели Мингрелецъ заспанетъ съ кѣмъ свою жену, имѣетъ право принудить любовника дать себѣ свинью. Вотъ единственнорой опмщеніе, кое мужа чинятъ за сію обиду, да и взяную свинью, что не меньше васъ удивитъ, ѣдятъ они всѣ пророе вмѣстѣ.

Женщины почти всѣ пригожи, и всѣ, даже и дурныя, приманчивы. Послѣднія бѣлятъ и румянятъ лица спраннымъ образомъ, не щадя ни лба ни носа, ни подбородка. Старухи имъ подражаютъ. Что принадлежитъ до пѣхъ, у которыхъ красота совокуплена съ молодоспю, онъ сполько чернятъ себѣ брови. На головѣ носятъ покрывало, закинутое назадъ. Прочій ихъ

головной уборъ, нѣсколько походить на Европейской, а плащъ на Персидское. Мушцины, да и самыя знатныя, имѣютъ только родъ рубашки и поршкы. Вельможи носятъ коженой поясъ, шириною въ чепыре пальца, покрышой серебряными бляхами. Къ сему поясу привязываютъ они ножъ, камень чѣмъ его восприть, при коженыхъ мошны, изъ кошпорохъ въ одной соль, въ другой перецъ, въ прешней шило, нишки и иглы. Они пакже на немъ носятъ иногда огниво, и предлинную веревку, кошпору около себя опутываютъ, и кошпора служить для привязыванія разныхъ вещей, кои случится опниать у непріятеля, или украситъ у сосѣда. Голову на верху брѣютъ на подобіе вѣнца и покрываютъ туменцо валеною скуфьею. Зимною носятъ сверхъ скуфьи шапку, подбину мѣхомъ: но для збереженія, кладутъ и шу и другую въ карманъ, когда дождь пойдетъ, желая лучше голову вымочить, нежели ея уборъ.

Сіе происходитъ отъ ихъ бѣдности. Простолюдимы пакъ нищи, чпо ходятъ почти нагіе. Большая изъ нихъ часнъ, имѣютъ только для покрытія нѣла бурку валеную, но и она не длинѣе колѣнъ. Они всунувъ голову въ здѣланную на ней дыру, оборачиваютъ ее въ шу спорону, откуда дуетъ вѣтеръ, или идетъ дождь. Обувь состоитъ въ подошвѣ изъ сырой буйволовоы кожи, и походить на капуцинскую: но о плащѣ того сказать нельзя. Въ Мингреліи капуцина почли бы по одеждѣ его за перваго Миниспра и богача.

Мнѣ случилось бывать при столѣ Владѣльца, гдѣ находилась и Книгиня. Весь дворъ, даже и конюхи, ѣдятъ съ ними вмѣстѣ. Все

различіе состоитъ въ помѣ, гдѣ кому сидѣть, по еснъ выше или ниже. Таковыя пиры не весьма великолѣпны, даже и у самаго Князя, а у Вельможъ и спрашивать нѣчего. Нѣсколько мяса, или сухой рыбы изжареной, нѣсколько огородныхъ овощей, составляютъ кушанье Государское; а проспымъ безо всего гомомъ довольствуются подданные; чпо покрайней мѣрѣ дѣлается часто. Правда, чпо въ праздники, или когда гости обѣдаютъ, бываетъ на столѣ дичина; иногда бьютъ къ пому дню быка, корову или свинью, кладутъ скотину цѣломъ въ помъ кошель, въ кошпормъ варили гомъ, и подаютъ мясо полусырое и безъ всякой приправы. Лучшая часнъ кладется передъ хозяина, равно какъ и пшеничной хлѣбъ, живность, и дичина: а онъ посылаетъ участки гостямъ, кошпорохъ хочетъ опличить. Два челоѣка подаютъ крутомъ пить, и не меньше вдругъ какъ цѣлую стопу. За неучтивство почнутъ, ежели не будешь пить столько разъ, сколько поднесутъ сіи Ганимеды: и въ церемоніальныхъ обѣдахъ пить подаютъ, пока главные гости не попадаютъ: при кошпормъ случаѣ, не удостоиваютъ уже они, принимаютъ обыкновенныхъ сосудовъ, но пьютъ чашками или спавцами.

Въ таковыхъ бесѣдахъ, да и всегда почти, разговоръ у мушцинъ идетъ о сраженіяхъ, воровствѣ, смерпоубивствѣ, похищеніи и продажѣ невольниковъ. Съ женщинами говорятъ о другихъ, но не всегда о весьма чеспныхъ вещахъ, чпо ихъ много веселитъ. Отъ самыхъ скверныхъ словъ, ни мало онѣ не краснѣются, и сами учась дѣшею выговаривать ихъ съ малольспва. Судя о женщинахъ по наружному

виду, кажутся онѣ шихи, нѣжны, чувствительны: но всѣ походящѣ на *Медю*, которая какъ вамъ извѣстно, родилась въ ихъ землѣ. Я не ушаю опъ васъ, что мнѣ сильно хочеться, съ ними разстаться: потому, что жизнь безпрестанно находишь въ опасности, въ народѣ споль варварскомъ. Ешьлибъ не было здѣсь Миссионеровъ, къ коимъ знашны имѣють нѣкоторое уваженіе, мы бы подвергнулись нещасію. Они намъ подають помощь, для продолженія пупи въ Арменію, куда немедленно мы и опсправимся.

Я есмь и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok

№

П И С Ь М О XIX. Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok

Арменія.

Сіе имя не можешь вамъ бышь неизвѣстно. Государыня моя. Объ немъ часто упоминаеться въ священной и свѣтской Исторіи. Арменія почиаеться за первую землю, населенную людьми, спасшимися опъ попопа. Въ ней еще и гораздо прежде были жипели, ешьли по правда, какъ утверждають нѣкоторые писатели, что здѣсь находился земной рай. Но сполько разъ перемѣняли положеніе сего чудеснаго сада, что ничего о шомъ вѣрнаго сказать не дья.

Иные думаютъ, что *Арамъ*, внукъ Ноевъ, получилъ себѣ на часъ Арменію, и назвалъ ее по своему имени; другіе дають иное произведеніе оному: но какъ бы по ни было, Арменія сама собою того доспойна, чтобъ объ ней знашь. Она была шепромъ великихъ произшествій и кровопролитныхъ сраженій, и неоднократно управлялась собственными Царями, но которые худо умѣли защищать свои владѣнія.

Ни одинъ завоеватель не нападалъ на сію землю безъ того, чтобъ ее не покорить. *Гайкусъ* успановилъ первой порядочное правленіе у Армянъ. Сила ихъ возраспала подъ его преемниками до самаго царшвованія *Арея*, прозваннаго *прекраснымъ*, и побѣжденнаго *Семирамидою*. Сія Царица, которую злодѣйшвіе возвелъ на престоль Ассирійской, услыша о его красотѣ, опсправила къ нему пословъ съ подар-

нами, для упрощенія его прїѣхать къ своему двору. Армянской Государь, любя жену свою, взиралъ безприсраспнымъ окомъ на приглашеніи Семирамиды. Она ему отдавала попомъ руку свою съ пресполомъ Ассирійскимъ: но Арей полагая все свое величество, въ обладаніи сердцемъ супруги, и въ любви своихъ подданныхъ, отвергъ принятіе руки и Царскаго вѣнца. Озлобленная Царица, собираетъ многочисленное войско и нападаетъ на области Армянскаго Государя; но и въ самомъ испребленіи непріятеля, наиспрожайше повелѣваетъ спасти въ бою любовника. Храброснь его дѣлаетъ щещными всѣ прилагаемыя ею о сохраненіи его попеченія. Онъ лишается жизни, предводительствуя своими опборными войсками. Царица въ опчальніи прибѣгаетъ даже и къ самой волшебной наукѣ, для возвращенія ему жизни, и возвышаетъ ему великолѣпную гробницу, коей изображеніи и надписи, довольно доказываютъ безпредѣльную ея спраснь.

Арменія, доставшаяся во владѣніе *Ассиріанамъ*, чрезъ долгое время, считалась провинціею сей великой Имперіи. Попомъ управляли ею собственныя Цари, до временъ *Александра*, которой покорилъ ее себѣ. Въ малолѣтствіе *Антиоха Великаго*, многіе полководцы взбунтовали провинціи, надъ коими получили правленіе. Арменія раздѣлилась тогда на два Государства, названныя *большою* и *малою* Арменіею. Начало царствованія *Тигранова* было начало величества Армянъ, а конецъ, концемъ ихъ упадка. Бывъ покоряемы по *Пароянамъ*, по *Римлянамъ* по перемѣнкамъ, а иногда и обѣими въ одно время, сносили они всѣ несчастія, и всю

тяжестъ войны, которой были предметомъ. Таковыя замѣшательствы продолжались до самаго того времени, какъ Арменія превращена *Траяномъ* въ Римскую провинцію, при *Маркѣ Аврелии*, а нынѣ составляетъ она часть владѣній Персидскихъ и Турецкихъ. Сии двѣ державы долго дрались, дабы завладѣть всею, но наконецъ раздѣлили ее между собою. При семъ раздѣлѣ верхняя или большая Арменія досталась Персіи, а меньшая Турціи.

Я опишу въ семъ письмѣ первую, то есть большую. Рѣка *Араксъ* отдѣляетъ ее отъ *Мидіи*. Мы переправились черезъ нее къ *Старой Юльфѣ*, которая прежде бывала нарочитымъ городомъ, но нынѣ есть только селеніе отъ тридцати до сорока домовъ, или шелашей имѣющее. Нынѣ ничего безобразнѣе сего округа. Не видно въ немъ ни одного дерева, ни малѣйшей зелени. Спаринной городъ былъ растянутъ по скату одной горы, разширился до самаго берега Аракса, и по оному составлялъ амфитеатръ: отъ былъ разоренъ *Абасомъ Великимъ*, Персидскимъ Шахомъ, не хотѣвшимъ допустить Турковъ, въ немъ укрѣпиться.

Въ тридцати версхахъ отъ Юльфы, спитъ *Накшванъ*, городъ меньше разоренной не жели первой, но могущій, не смотря на то, почестъся только шибію грежняго своего состоянія. Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что находились въ немъ сорокъ тысячъ домовъ, а теперь едва есть ли двѣ тысячи. Срединна города есть часть наилучше выстроена. На ней видны проспранные базары, многіе каравансераи, бани и другія народныя зда-

ни; и всё оныя больше полезны, нежели великолпны.

Есщли повѣришь Армянскимъ писателямъ, то *Ной* основалъ Накшиванъ, и послѣ попопа въ немъ жилъ. Сіе можно почестъ только за догадку; но та мысль, что Накшиванъ (*Эшия*) есть древній *Арваксатъ*, основана на вѣроподобіи и на исторіи, хранящейся въ славнѣйшемъ по всей Арменіи монастырѣ, Опъ *Абаса Великаго* Накшиванъ былъ также разоренъ и опустошенъ, по опниати его у Турковъ. Онъ съ нимъ поступилъ немилосердно по той только причинѣ, что не имѣлъ надежды его сохранить.

Изъ сего города, почитаемаго столицей, одной часпи вышней Арменіи, должно переѣхать около ста двадцати верстъ, чтобъ бытъ въ *Эриванъ*, другой столицѣ больше первой. Весь округъ по дорогѣ населенъ деревнями, изрядно обработанъ и плодороденъ. Вопъ все что объ немъ сказать можно: развѣ по только еще прибавить, что находится здѣсь великое множество мужскихъ и женскихъ монастырей. Я упомяну послѣ о главнѣйшихъ, но теперь приступилъ къ Эривану.

Сей городъ великъ, но нечислѣ и меньше людей, нежели можно судить по его пространству. Сады занимаютъ наибольшую часть города. Лучшія зданія суть: Епископское подворье и церковь называемая *Катовикъ*, оба построеныя при послѣднихъ Царяхъ Армянскихъ; мечеть *Деуф-Султанова*, названная по имени основателя; нѣсколько Каравансераевъ, да и въ сихъ строеніяхъ не видно ни малѣйшаго вкуса. Городъ лежитъ между двумя

рѣками. Одна называется *Зенгуй*, другая носитъ Армянское имя, значущее *Сорокъ Источниковъ*. Сказываютъ, что составляется она изъ полкаго числа ручьевъ, но теченіе ея недалеко простирается. Главная площадь въ Эриванѣ четверугольна, пространна и осажена деревьями. Она служитъ къ разнымъ увеселеніямъ, употребляемымъ въ семь народѣ: какъ карусели, бѣганьи, борьба, ѣзда на лошадяхъ и пр. Крѣпость отдѣлена и составляетъ, такъ сказать, особой городъ. Въ ней считаютъ около восьми сотъ домовъ, и во всѣхъ живутъ Персіане. У Армянъ есть только шамълавки, но и въ нихъ не позволено имъ препроводить ночи. Крѣпость защищается опъ одного бока према кирпичными стѣнами, на коихъ подѣланы зубцы, но безпорядочно; а на противъ лежащемъ боку, находится преужасная бездна, и по оной течетъ рѣка *Зенгуй*. Въ сей крѣпости и на самомъ краю пропасти, стоитъ домъ Губернашорской. Одно положеніе его приводитъ сему власпелину безпрестанно на память опасности, неразлучныя во всякой Имперіи, а особливо въ Азіи, съ большими чинами и мѣстами.

Рѣка *Зенгуй*, о которой я упомянулъ, протекаетъ часть Арменіи, а выходитъ изъ озера въ прехъ дняхъ опъ Эривана лежащаго. Оно очень глубоко и въ окружности имѣетъ около ста двадцати верстъ. По Персидски называютъ его *Сладкое Озеро*, потому, что вода въ немъ солодкава. Оно производитъ девять родовъ рыбъ. Посреди озера находится небольшой островъ, а посреди острова монастырь, основанный лѣтъ за шесть сотъ пятьдесятъ.

Наспояшель имѣеть санъ Архіепископа, а присвоиваетъ себѣ имя Паптріарха, которое оспориваетъ у него Армянской Паптріархъ, но здѣшній напропивъ не хочетъ его признавать за своего начальника.

Вы сами заключите, что столица Арменіи, должна почипаться за весьма древнюю, по крайней мѣрѣ между Армянами, ибо *Ной* жилъ въ ней еще прежде попапа. На семь же мѣстѣ, сказываютъ, находился рай земной: таковыя приписанія походятъ на гордоснѣкопорохъ домовъ въ Нѣмецкой землѣ. Объ зриваніи можно по же заключить, что и объ оныхъ весьма недавно извѣстныхъ фамиліяхъ, что онѣ спараются вывести начало свое, изъ самыхъ древнѣйшихъ времянь. Я почишаю его меньше древнимъ, нежели часпъ монастырей, разсѣянныхъ въ семь округъ Арменіи. Ихъ счищаютъ двадцать восемь, въ помѣ числѣ пять женскихъ. Два главнѣйшіе супъ *Куервирабъ*, Армянское имя значущее *церковь на кладезѣ* и *Учь Клессія*, то есть, *три церкви*. Имя перваго производится отъ того, что церковь построена надъ колодеземъ, въ которой *Св. Григорій*, сказываютъ, былъ брошенъ, какъ некогда Даниилъ въ львиной ровъ, и также, какъ онъ, чудомъ питаемъ. Второй монастырь въ великомъ почипеніи у Армянъ. Они называютъ его *Екс-Міазинъ* то есть, *сошествіе единсущнаго Сына порожденнаго*, потому что говорятъ, они, Иисусъ Христосъ явился шупъ въ видимомъ образѣ, святому Григорію, которой былъ и основашель сей церкви и первой Паптріархъ въ Арменіи. Къ сему прибавляютъ, что сынъ Божій самъ начерпалъ лучемъ свѣта,

рисунокъ церкви, въ которой не примѣпно однако ничего чудеснаго, ни въ планѣ, ни въ спроснѣи, а представляеть она прегрубое и шемное зданіе. Все складено изъ шесанаго камня, даже до колоколенъ, копорыхъ верхи подобны сирѣламъ. Внутри нѣтъ никакого украшенія, ни живописнаго, ни рѣзнаго. Мы нашли въ ней одинъ олптарь, и три придѣла. Пресполь также каменной, и снабженной довольно богашпою ушварью. Что здѣсь называется ризницею, можетъ уподобиться ризницѣ свашаго Діонисія во Франціи. Находятся въ ней золотыя кресны и сосуды, превеличайшія серебряныя лампы и подсвѣшники, такия же раки и *лр.* Почипаютъ особливо здѣсь множеспво мощей, и между другими ребро Св. Іакова, Епископа Іерусалимскаго; перспъ св. Пепра; два перспа св. Іоанна Креспшителя, и руку св. Григорія, того самаго, которой спросилъ церковь, которой по общему мнѣнію, обратился въ вѣру всю Арменію, и копораго для сей причины Армяне прозвали *Просвѣтителемъ*.

Посреди церкви виденъ большой чешвероугольной камень, о коемъ Армяне насказали намъ премножеспво чудесъ. Они ушверждали, что лежишь онъ на самомъ помѣ мѣстѣ, на копоромъ явился Иисусъ Христосъ св. Григорію, ихъ Апосполу; что покрываешся имъ пропасть, въ копорую сынъ Божій, начерпая планъ церкви, низвергъ діаволовъ, дающихъ оракулы въ близъ лежащихъ капицахъ, и что (ибо не все еще шупъ) жершвенникъ, на коемъ *Ной* приносилъ жершву, изнедъ изъ ковчега, споялъ на семь же самомъ мѣстѣ, гдѣ лежишь шеперь шаинспвенной камень.

Имя данное монастырю *Трехцерковной*. Происходитъ отъ того, что вблизи стоятъ двѣ церкви, одна по правую, а другая по лѣвую руку, первая святой *Каяны*, а другая святой *Релсны*, двухъ дѣвицъ Римскихъ, которыя, сказываютъ, убѣжали въ Армению во время девятаго гоненія, и были мучены на мѣспахъ, гдѣ послѣ построены церкви: но онѣ съ давняго времени опустились, и по развалинамъ ихъ можно только видѣть то, что онѣ были на сихъ мѣспахъ. Что принадлежитъ до помянушаго монастыря, въ немъ обыкновенно живутъ Армянской Папріархъ. Запрещено ему опшуда выѣзжать инаково, какъ для причинъ опносительныхъ къ его сану; но онъ не всегда наблюдаетъ строго сей законъ. Не однимъ примѣромъ доказать можно, что Азіатскимъ первосвященникамъ, не больше мило пребываніе въ своихъ Епархіальныхъ монастыряхъ, какъ и въ нѣкоторыхъ земляхъ Европейскихъ.

Папріархъ Армянской намѣстниками у себя имѣетъ, десятка съ два Епископовъ, кои спавшися изъ монаховъ. Оныя и проповѣдуютъ сидя, и имѣютъ пастырскіе костюмы, по которымъ и различаются отъ простыхъ спарцовъ. Они почитаются также у Армянъ за великихъ учителей; что не весьма много значить; ибо сами сіи учители почли бы за сущихъ невѣждъ при нашихъ средственнѣхъ проповѣдникахъ. Впрочемъ, всѣ церковныя чины, продаются у Армянъ тому, кто даетъ больше. Епископы покупаютъ саны у Папріарха, а сей у Магомешанъ.

Бѣлые попы, всѣ здѣсь женаты, или крайней мѣрѣ могутъ жениться. Запрещено

имъ служить обѣдню, первую недѣлю послѣ свадьбы, и имѣть дѣло съ женою прежде, нежели пройдетъ недѣля послѣ службы, но сіе принужденіе имѣетъ мѣсто, одинъ только разъ. Послѣ вольно имъ поступать, какъ они хотятъ.

Что принадлежитъ до монаховъ, они провозждаютъ какъ и у насъ, жизнь холоспую, и ограничены въ своихъ церковныхъ услугахъ. Могутъ они служить обѣдни, а всякой другой священнической должности опсправленіе, имъ запрещено. Испускъ ихъ бываетъ иногда дологъ, иногда коротокъ. Иные облачаются въ монашеское платье, по восьмидневномъ испытаніи: сей похвальной способъ заслуживаетъ, чтобы не въ одномъ углу Азіи ему слѣдовали.

Сколь скоро надѣнуть на желающаго опспричься монашеское платье, запираютъ его на сорокъ дней, въ такое мѣсто, гдѣ онъ ни съ кѣмъ не говоритъ, и не видитъ солнечнаго сіянія. Сверхъ того обязанъ онъ, препроводить все время уединенія въ постѣ и мошвахъ. За симъ заключеніемъ слѣдуетъ двудневный постъ: послѣ котораго можетъ онъ ѣсть мясо, и жить наравнѣ съ своими братьями. Я позабылъ сказать, что при надѣваніи платья, спригуть имъ волосы крестомъ: а когда оныя выроснутъ, вновь ихъ подспригаютъ, но въ видѣ уже вѣнца, которой монахи спараются подщипать, какъ Греческіе попы гуменцы. Удивительно, что всѣ Армяне имѣютъ сей вѣнецъ. Будучи увѣрены, что такое сприженіе, установлено для приведенія на мысль шерповаго вѣнца, и что сей наружный знакъ для Христіанина, есть наивещественнѣйшій; всѣ его имѣютъ, миряне, попы и спарцы.

Впрочемъ вѣра здѣшняго народа состоитъ почти въ однихъ обрядахъ, привычкахъ и подражаніи. Съ малолѣтства учають ихъ знаменованъ себя крестомъ, говорятъ *Христусъ*, поспинься. Вотъ и все; и они думаютъ, что сего и довольно. Всякой другой членъ вѣры, всякое другое опправление набожества имъ неизвѣстны, кромѣ того, что ходятъ въ церковь, еспли она близко. Поспы ихъ долги и часпы, и занимають около девяти мѣсяцовъ въ году. Они сущь сиюль спроги, что шрудно себѣ предспавить, какъ можеть народъ ихъ перенести. Поспипься въ Арменіи значить, не ѣспь до заходженія солнца, воздержашься отъ мяса, рыбы, масла, яицъ, молока и вина. Последнее не всегда сурово наблюдается, но рѣдко нарушается запрещеніе о первыхъ; а еще рѣже бываетъ, чтобъ Армянинъ перемѣнилъ свою вѣру. Хотя въ неволѣ у Магомешанъ, хотя угнѣтаемъ и ограбляемъ, сими гордыми власпелинами, никогда народъ Армянской не нарушалъ закона. Онъ шакоевъ пребываетъ, каковъ былъ за штысячу двѣсти лѣтъ.

Моленіе и служба опправляется у Армянъ на ихъ природномъ языкѣ; а причащаются одинаково священники, народъ и даже и младенцы. Всѣ ѣдятъ хлѣбъ освященной, и пьютъ изъ одного пошира. Армяне употребляютъ вино не мѣшаное, а хлѣбъ обыкновенной. Утверждаютъ, что въ Иисусъ Христъ единое естество; что Свяшой Духъ, шрешье лице Троицы происходитъ отъ Ошца чрезъ Сына. Впрочемъ нѣтъ между ими шакихъ ученыхъ, которые бы были въ состояніи не только разшолоковать, но и понимать сіе ученіе. Они слѣдуютъ мнѣніямъ

своихъ предковъ, и шѣтъ меньше отъ онаго удаляюшсь, что не ищутъ ни мало проникнуть. Трудно доказать неосновательность мнѣнія, шакому человеку, которой не доускаетъ себѣ извѣстить онаго, и не хочеть слушать чинимыхъ ему возраженій.

Я позабылъ сказать вамъ, о доходахъ Армянскаго духовенства. Оные нарочито велики, а больше всего способствуетъ ко умноженію ихъ, повѣрине ли вы? продажа свшного мира. Трудно изчислить всю духовную силу, ему здѣсь приписываемую. Никакая немощь душевная, по ихъ словамъ, не можеть ему противиться. По сему мнѣнію, которое духовенство всячески спараетъ шипать, продажа сего священнаго шовара безпредѣльна. Патриархъ продаетъ его Епископамъ, сіи понамъ, а попы народу.

Я упомянулъ, что въ Арменіи множество мужскихъ монастырей. Въ оныхъ всѣ монахи слѣдуютъ правилу *св. Василія*, которой въ Азии въ немаломъ почшеніи. Правда, что богатшвы ихъ, не могутъ сравниться съ имѣніемъ Капюлицкихъ монаховъ, но Магомешане не опнимають у нихъ свободы, опправляють службу и пользовашься собраннымъ.

Вольно шакже всѣмъ Христіанамъ здѣшней земли, опправляють всенародно службу своей вѣры. Мусульмане, упражняясь частыми обмовеніями и многочисленными молишвами, даютъ Армянамъ волю изнурять себя бичеваніемъ и безпреспанными посшами. Нѣтъ почти ни одного монашескаго ордена въ Капюлицкихъ земляхъ, развѣ только называемый

Делатраль * копорого бы монахъ могъ поспоришь съ Армяниномъ, исполняющимъ исправно всѣ правила своей секпы.

Сей народъ ходишь молишься въ одинъ монашерьъ, называемой *Апостольской*, лежащей при подошвѣ горы, на копорой, какъ увѣряюшь, оспановился *Ноевъ Ковчегъ*. Армяне вѣряюшь, что сей Папприархъ, основаль на самомъ помъ мѣстѣ, гдѣ споишь монашерьъ, первое свое жилище, и принесь первую жерпву послѣ попопа. Къ сему прибавлюшь, что на помъ же мѣстѣ, найдены мощи Апостоловъ *Андрея и Матвея*, и что черепъ послѣдняго хранился въ церквѣ въ монашерьѣ. Мнѣ не можно было самому въ испиннѣ сего ушвердишься, но то правда, что набоженство народа къ монашерью, чрезвычайно: епо ихъ обыкновенная земля.

Что принадлежишь до близъ лежащей горы, Армяне и Персіане называютъ ее обыкновенно *Мацисъ*. Первые производяшь сіе имя опъ *Маса* или *Мезеха*, сына Арамова, опъ копорого они, по словамъ ихъ, сами произошли. Впорые на своемъ языкѣ имянуюшь ее то *Куб-рубъ*, то ешь *Гора Ной*, то *Сагат-Толлусъ*, или *Щастливой холмъ*, разумья чрезъ то опмѣнность, коей гора удостоена была приняиємъ ковчега, несущаго впораго опца человеческого рода, и его дѣшей. Армяне думаютъ, что сей славный и древній корабль,

* Монашерьъ во Франціи, лежащій на границѣ Нормандской, основанной въ 1140 году; убижище мучащихся совѣстію, по учиненіи какого скрытаго опъ людей пресупленія, опчаявшихся о милосердіи Божіи, и прекращающихъ жизнь свою суровостями, прошивными благоушробию Творца.

споишь еще и понинѣ на вершинѣ горы, прибавляя къ сему, что Богъ запрешиль приближаться шуда людямъ, да и дѣйспвищельно прудно человеку на нее взойни. Однихъ природою произведенныхъ препяиспвій къ пому уже довольно, безо всякихъ другихъ, копорыхъ по видимому совсѣмъ нѣтъ. Гора всегда покрыва снѣгомъ, ни въ какое время не тающимъ, и копорого часть можетъ бытъ также спара, какъ и самой годъ попопа; ибо должно думать, что шопъ снѣгъ, копорой лежалъ опъ сошворенія міра, распаялъ опъ падающихъ водъ во время всемірнаго наводненія. Впрочемъ священное писаніе не даешъ никакого особаго имени горѣ, а говоришь проспо, что ковчегъ оспановился на горѣ Араратской; и кажешся всѣ въ помъ согласны, что *Араратъ* ешь не что иное, какъ Арменія.

Ежели вѣринъ нѣкопорымъ писателямъ, и между прочими, *Иосифу* историку; во времена ихъ показывали оспанки ковчега, и употребляли вмѣсто предохранительнаго лѣкарства порошокъ, (по видимому смолу), коимъ онъ былъ обмазанъ. Сіе прошиворѣчишь мнѣнію Армянъ, копорые ушверждаюшь оно еще и чудомъ. Они говорятъ, что одинъ монахъ изъ Ексмазина, именуемой *Таконъ*, копорой послѣ былъ Епископомъ въ *Низеи*, вознамѣрился взойни на вершину помянутой горы, или погибнуть въ семь предпріяиіи. Онъ не безъ шуда дошелъ до половины, и думалъ, что можетъ иди и далье: но всякое ушро. находилъ себя на помъ же мѣстѣ, съ копорого опсправился на канунъ. Наконецъ Богъ, подвигнушой его шерпнѣемъ, послалъ къ нему чрезъ Ангела ку-

сокъ ковчега, повелѣвая опложишь предпріятіе, прошивное его волю, и слѣдовапельно, превосходящее силы человѣческія. Чпо до меня касаеться, я очень увѣренъ, чпо не нуженъ Ангель, для воспрепятствованія любопытнымъ людямъ, взойти на вершину сей ужасной горы; но чпо нуженъ онъ на прошивъ для того, чпобъ взнесъ ихъ шуда.

Арменія естъ спрана плодоносная, и вообще пріятная. Воздухъ въ ней здоровой, хотя нѣсколько и густъ. Зима долга и холодна. Снѣга бывають часты, велики, и покрывають всѣ поля. Случается также, чпо лучи солнца ударяя весь день на снѣгъ, такъ чпо пушешествующіе не могутъ сморѣть, причиняють въ глазахъ ѣдкость, опъ коей взоръ ослабѣваеть. Дабы избавишь опъ сего зла, жители употребляютъ средство, которое нѣсколько боль уменьшаеть, по естъ повязывая по глазамъ черной, или зеленой шелковой плашокъ. Другое неудобство для проѣзжихъ, когда двое встрѣяются, надобно спорить кому своропить въ снѣгъ, ибо дорога такъ узка, чпо двѣ лошади не могутъ разѣхаться. Ежели силы равны, по доходить до драки, а инако шопъ уступаютъ, шпо слабѣе или прусливѣе.

Суровость зимы принуждаетъ мужиковъ заграбать виноградъ, сколь скоро холодъ покажеться, а опкрываютъ они ихъ опять не прежде весны. Вамъ извѣстно, чпо Ной былъ первой насадитель винограда. Преданіе Армянское говоритъ, чпо у нихъ здѣлалъ шаспливой шому опытъ сей Папріархъ, и показывають мѣсто верстахъ въ чепырехъ опъ Эривана. Ежели сіе правда, Ной долженъ былъ доволенъ

быть своимъ шрудомъ, ибо вино въ шомъ округѣ чрезвычайно хорошо: да почши шже сказашь можно и о всей Арменіи. Земля повсюду приноситъ изобильно всякіе плоды, и все нужное къ пропитанію и содержанію жителей. Съ большимъ шпараніемъ о земледѣліи, можно бы ее учинишь плодороднѣе: однакожь и шеперь вещи нужныя для пищи очень дешевы. Дичины и рыбы также много, какъ и плодовъ земныхъ. Сосѣдніе народы хвалять много форелей и карповъ изъ Эриванскаго озера. Однимъ словомъ, Арменія естъ наилучшій округъ въ Азіи, сей часши свѣта въ шпарину шоль изобильной, а нынѣ шоль опущенной, по крайней мѣрѣ въ шомъ мѣстѣ, которое почиается колыбелью рода человѣческаго. Нынѣшняя бѣдность кажетъся опровергаетъ древнее ея великолѣпіе: или лучше сказашь, обвиняетъ ея состояніе шпановишь шеперь доказательствомъ шого, чпо была она въ шпарину. Можно уподобишь Азіатской климатъ шпаріку, коего силамъ прежде удивлялись, и шпорого въкъ учинилъ весьма слабымъ. Многочисленное поколѣніе его окружають, но онъ безсилнѣе всѣхъ, получившихъ опъ него рожденіе.

Древняя спрана Мидянь, куда мы опѣвѣжаемъ, не въ цвѣтущемъ также положеніи находишь, естли говоритъ правду нашъ Грузинець: но я самъ буду скоро въ состояніи оп шомъ вамъ донести.

Я есмь и пр.

ПИСЬМО XX.

М и д і я.

Мы пріѣхали, Государыня моя, въ *Таврисъ*, кошорой сосоставляеть часпъ древняго царства Мидянъ, да увѣряють, чшо онъ былъ тогда и споллицею онаго. *Таврисъ*, говоряшь естъ не чшо иное, какъ славная *Екбатана*, поспроенная *Деіоцезомъ*. Вы безъ сумвнїя приведете себъ на памянь повѣстъ о семъ Царь, кошорой изъ проспююдима дошелъ до престола. Таковыя примѣры не рѣдки, но шо бываешъ не споль часпо, чшо Деіоцезъ учинился Царемъ единспвенно пошому, чшо пріобрѣлъ славу справедливаго человѣка: выборъ удивленїя дошпойной въ народъ споль грубомъ, споль непросвѣщенномъ, каковы тогда были Мидяне! Злополучїи, соединенныя съ безначаліемъ, показали имъ нужду въ начальниѣ, а избранной ими въ вождя, опвѣшпвовалъ ихъ ожиданїю. Онъ далъ имъ законы, и чшо больше, вселилъ въ нихъ благоправіе. Исторїя предоспавила намъ часпъ перемѣнь, коимъ подвержено было пошомъ сіе Царспво. Наконецъ учинилось оно опяшь провинціею Персидской монархїи, какъ было при наслѣдникахъ Кировыхъ.

Таврисъ самъ собою претерпѣлъ пакже не мало перемѣнь. Онъ былъ основанъ, или по крайней мѣрѣ возобновленъ, женою славнаго *Дарона Решильда*, Халифа Багдадскаго, и по чши до основанїя разоренъ землепрясеніемъ. Когда выстроили его вновь и проспраннѣе и великолѣпнѣе пржняго, другое прясеніе земли

еще перваго сильнѣе, въ одну ночь совсѣмъ его разрушило. Нѣкошорой славной звѣздочепъ, говоряшь, предсказалъ сіе бѣдспвіе, но его ни кпо не послушалъ. Больше сорока пысячь человѣкъ, не хопѣвшихъ выбрапъся изъ города, были погребены подъ развалинами своихъ домовъ. *Таврисъ* выспроенъ въ претпїй разъ. Топъ же самой звѣздочепъ предсказалъ, чшо городу нѣчего больше опасатъся землепрясенїи, но чшо угрожають ему великія наводненїи. Произшеспвіе оправдало предсказанїе. Прорїцателю должно было прибавишь, чшо *Таврисъ* не однокрашно будешъ взяпъ, и разоренъ. Никакой другой городъ не былъ сполько подверженъ приключенїямъ сего рода. *Селимъ*, Сулпанъ Турецкой, покорилъ его. Едва онъ вышелъ, *Таврисъ* перерѣзали Опшманской гарнизонъ. Наслѣдникъ *Селимовъ* вновь завладѣлъ симъ сильнымъ городомъ, поспроилъ въ немъ вѣрнопспъ и снабдилъ ее према спами пушками и чешпырмя пысячами гарнизона: но сіе не возпрепятспвовало впоричному возмущенїю, кошорое споль же удачно произведено въ дѣспвіе, какъ и первое. Новая осада *Тавриса*, при пошъ же Сулпанъ, (*Солманъ II.*) и шѣмъ же полководцомъ, кошорой завладѣлъ имъ въ первой разъ. Онъ взялъ городъ приспупомъ, предалъ его огню, грабежу и всѣмъ ужасамъ, кои свирѣпой и раздраженной побѣдишелъ позволишь себъ можешъ. Опходя оставилъ въ немъ десятишь пысячь гарнизона: но оныя вновь были испреблены. *Османъ*, великій Визирь Амурашовъ, пришелъ опомспишь за новую измѣну. Городъ взяпъ и разоренъ въ чешвершой разъ. Наконецъ Турки укрѣпили его пакъ,

какъ онъ никогда еще укрѣпить не былъ. Не смотря на всѣ ихъ предосторожности. *Абассъ Великій*, Шахъ Персидскій, ихъ опшуда выгналъ, и Таврисъ оспался во власти Персіанъ. Вещь примѣчанія достойная, что до сего времени, а сіе происходило въ началѣ прошлаго вѣка, Персидскія войски въ войнѣ не упошребляли огнеспрѣльнаго оружія, и съ начала одному шолько полку Абассъ роздалъ ружье; но увидя изъ того великую пользу, ввелъ упошребленіе онаго и во всѣхъ своихъ войскахъ.

Городъ Таврисъ лежитъ при горѣ, копорую почищаютъ за гору *Оронтъ*, часпо упоминаемую въ древнихъ писателяхъ. Небольшая рѣчка, называемая *Слингча*, пропекаетъ сквозь городъ; другая, шакже не весьма широкая, идетъ мимо города съ полуночной спороны. Вода въ ней бываетъ солона цѣлые шесть мѣсяцовъ въ году: ибо въ сіе время наполняется она ручьями, спремящимися чрезъ землю покрытую солью. Въ Таврисѣ счищаютъ пятнадцать тысячъ домовъ и сполько же лавокъ: что и соспавляетъ два рода спроеній раздѣленныхъ между собою. Лавки споятъ въ срединѣ города, въ улицахъ покрытыхъ сводами, очень широкихъ и долгихъ, и имѣющихъ опъ сорока до пятидесяти фушовъ вышины. Сіи мѣспа, называемыя *Базаръ* или рынокъ, освѣщены куполами, и наполнены множествомъ поваровъ. Внутренній ихъ видъ, соединяясь съ великимъ числомъ ходящаго народа, представляетъ глазамъ пріятное позорище. Что принадлежитъ до домовъ, они занимаютъ наружную округлость сего обширнаго города вшораго въ Персіи по богатству, по величинѣ и

по числу жителей. Въ немъ счищаютъ около прехъ сошъ Каравансераевъ, а въ каждомъ изъ нихъ, можетъ помѣститься около прехъ сошъ человекъ. Сіи Каравансераи, кои должны бы служить вмѣсто прашпировъ провзимъ, служатъ шолько кровлею; ибо всякой долженъ спараться самъ промышлять все нужное. Въ награжденіе за шаковой недоспапокъ, есть здѣсь шри гостепрїимницы, въ копорыхъ кормятъ даромъ, два раза въ недѣлю всѣхъ, кто бы ни пришелъ: но рѣдко позволяютъ въ нихъ ночевать. Я мало въ Таврисѣ видѣлъ большихъ домовъ, или огромныхъ палащъ, но напрошивъ множество прекрасныхъ мечетей: одну между прочими, копорая вся внутри и часпю снаружи позодочена. Она спстроена однимъ Царемъ Персидскимъ, копорой велѣлъ себя называть *Геонха*, или *Царемъ вселенной*. Самые маленькіе Князья на воспокъ не рѣдко присвоили себѣ сіе цаименованіе. Мечеть, называемая *Двуминаретная*, достойна примѣчанія по двумъ башнямъ; ибо онъ чуднаго спроенія, потому что верхняя гораздо шире, и болшій имѣетъ поперечникъ, нежели ша, копорая служить ей основаніемъ. Всѣхъ мечетей въ Таврисѣ счищаютъ двѣспи пятдесять. На концѣ города на западъ находится пустыня, копорую Персіане имянуютъ *Аліевы глаза*. Сей Али, зять Магомешовъ, по увѣренію послѣдоващелей его, былъ наипрекраснѣйшій человекъ въ свѣтѣ. По сей причинѣ, когда они хопятъ что похвалишь, или сказашъ прелесшная вещь, называютъ ее *Аліевы глаза*.

Вы конечно не имѣете объ томъ сумнѣнія, что развалины должно быть много въ ша-

комъ городъ, кошорой вышерцль сполько осадъ и перемьнь. Мало видно камней и горъ, коихъ бы вершины не были покрыты оспаиками замковъ или другихъ спроеній. Дворецъ послднихъ Персидскихъ Государей, лежалъ на подденъ города, а попь, въ кошоромъ жилъ славной *Хозрой*, на воспокъ. Армяне говорятъ, что въ семь по замкъ, заперъ сей Государь всь священныя вещи, кои похипилъ онъ изъ *Иерусалима*, и между коими находился истинный Крестъ Господень.

Всего больше удивило меня въ Таврисъ сборное мѣсто. На немъ можно пославить въ боевой порядкъ, съ лишкомъ прицашъ тысячь человекъ. На сію площадь гулять ходять больше другихъ, а особливо по вечерамъ. Въ сіе время подлой народъ спекается шуда сморьшь разныя позорищи, какъ проворство и кривляны шущповъ, сраженіе быковъ и овновъ, пляску волковъ и *лр.* Сіе послднее препровожденіе времени, почиается чернію за наипряпнѣйшее. Еспь у нихъ также борцы, и что удивительнѣе, комедіанты, читающіе нѣкопорыя спихопвореніи. Таковы были первоначашки драматическіе у Грековъ, да и въ Европѣ; но сумнѣваюсь я, чпобъ Таврисъ когда нибудь произвелъ Софокла, или Корнелія.

Число жишелей Тавриса можетъ простираться опъ прехъ до чешырехъ сопь тысячь, включая въ оное и множество чужеспранныхъ. Городъ сей можно почесъ за наипѣтущій въ шорговль и въ рукомеслахъ по всей Азій. Въ немъ премножество фабрикъ, на коихъ дѣлаются шпофы, изъ хлопчатой бумаги, изъ шелку, и изъ золота. Каждой годъ упошребляется

въ работу больше шести тысячъ кипъ шелку. Другое не меньше существенное превосходство въ немъ еспь изобиліе вещей, не только нужныхъ для жизни, но и для роскоши. Хлѣбъ, вино, мясо, дичина, рыба, живность и *лр.* покупаются за малую цѣну. Я долженъ упомянуть при семь случаѣ, что Персіане за пичпо почиашошь дичину, кошорая по сей причинѣ и оспаешся для одной черни. Орла иногда купинъ можно за пашъ копѣекъ: дикая коза продается нѣсколько дороже, но пошому что вѣситъ больше. Въ окружностиахъ города родится около шестидесяти различныхъ родовъ винограда.

Въ оныхъ находится также много мѣспъ, гдѣ ломаюшь бѣлой мраморъ, соленая варница, и золотой рудникъ. Еспь много минеральныхъ ключей, холодныхъ и теплыхъ. Между мраморами, о коихъ упомянулъ, одинъ еспь прозрачной, дѣлающійся, сказываюшь, изъ спущающей воды, лежащаго вблизи минерального ключа.

Воздухъ въ Таврисъ чрезвычайно сухъ, но здоровъ. Спужа произптельна, и продолжается болѣе, нежели въ другихъ частяхъ Мидіи; пошому, что городъ лежитъ на полночь и окруженъ горами, кошорыя покрыты снѣгомъ цѣлыя девять мѣсяцовъ въ году. Во всякое время видны облака, но дождь идетъ рѣдко лѣшомъ.

За пятьдесятъ верспъ ошь Тавриса, ѣдучи въ Арменію, лежитъ *Марантъ*, городъ состоящій изъ двухъ тысячъ пашъ сопь домовъ и поликагожь почпи числа садовъ; что вдвое увеличиваетъ его обширность. Сей городъ довольно хорошь, хотя и не предшавляетъ взору ничего примѣчанія доспойнаго, еспшли исклю-

чипь преданіе Армянское, утверждающее что въ Мараншѣ погребень *Ной*. Главное сему доказательство есть, что имя Мараншъ, производися ошъ Армянскаго глагола *погребать*. Я выдаю вамъ сіе доказательство за то, чего оно стоить: но не такъ шрудно будетъ мнѣ васъ увѣрить, что когда время не пасмурно, то не оставляя Маранша, видна гора, на которой, сказываютъ, остановился ковчегъ, спасшій ошъ пошона сего Папиріарха и его дѣшей.

Мараншъ лежитъ при концѣ долины, имѣющей двадцать пять верстъ въ ширину, и пресѣкаемой не большою рѣчкою, изъ которой прокопали ручейки, для поливанія садовъ и пашень. Плоды въ первыхъ очень хороши, а долина есть наипрекраснѣйшая и плодоноснѣйшая во всей Мидіи. На ней все найши можно, даже и Кошениль, * драгоцѣнное и рѣдкое произведеніе природы. Правда, что не съ излишествомъ находятъ ее здѣсь, и что только одну недѣлю можно ее збирать лѣтомъ, когда солнце спойтъ въ знакъ льва. Жители увѣряютъ, что прежде сего времени, она не приходила еще въ зрѣлость, а нѣсколько спуская перезрѣваетъ. Несѣкомое, изъ котораго ее вы-

* Кошениль есть несѣкомое родящееся наибольшее въ Мексикѣ, на правѣ называемой „Индійская смоковница“, видомъ похожее на клоповъ. Изъ него дѣлается самая лучшая краска алая и пурпуровая. Инако называютъ сіе раснѣие „Канцелярнымъ сѣменемъ“, а въ Россіи подобной оному несѣкомому есть, такъ называемой Червецъ, которой собирается въ Іюнь мѣсяцъ, съ нѣкоторыхъ правъ, и особливо съ земляники, въ Украинскихъ поляхъ, и употребляется для крашенія.

нимаютъ, пропадаетъ пройдши лиспочикъ, на кошоромъ родилося и выросло.

Дорога очень шрудна до славной рѣви *Аракса*, разделяющей Мидію съ Арменією. Она вытекаетъ изъ горы Араратской, и впадаетъ въ Каспійское море. Сія рѣва шавъ быспра и сердита, особливо въ нѣкоторыя времена года, что никакая плотина не можетъ на ней успоить.

Нынѣшняя Мидія, сіе древнее Царство, не составляетъ уже теперь сама собою и провинціи: ибо включена въ *Азербайжанскую*, кошорая захватила и другія, и имянно *Ассирию*. Слово *Азербайжанъ* на Персидскомъ языкѣ значитъ *огненное мѣсто*, или *огненная страна*. Называютъ ее, какъ сказываютъ пошому, что наиславнѣйшее капище огню, въ ней было пошроено. Вы знаете, что *Зороастръ* ввелъ между своими послѣдователями, поклоненіе сей спихи, кошорую выдавалъ за самаго Бога. Сіе богослуженіе, наидревнѣйшее изъ шѣхъ, о коихъ до насъ дошло свѣденіе, существоеть еще между *Гебрами*, провинціи Азербайжанской. Они показываютъ и мѣсто, гдѣ споялъ упомянутой храмъ. Онаго уже нѣтъ, но священной огонь, ежели вѣрить Гебрамъ, находится все на томъ же мѣстѣ. Они говорятъ, что шѣ, кого набоженство шуда приводитъ, видаетъ его исходяща изъ земли въ видѣ пламени Къ сему прибавляютъ, что ежели разрыть землю, и поставитъ въ нее копель, вода пошчасъ закипитъ, и въ минушу сваритъ, что положено въ копль. Я не испышывалъ сего чуда.

Правительство провинціи Таврійской, или Азербайжанской, есть главнѣйшее въ Персидской

Монархию. Разницы очень мало между дворами сего рода власкеллиновъ и самаго Шаха. Сей Государь обыкновенно посылаетъ къ нимъ свои повелѣнія чрезъ одного чиновника *Куломху*, коего названіе значить, *Царской невольникъ*: но сіе не поному, что дѣйствительно невольники посылаются съ повелѣніями. Они имѣютъ при дворѣ Шаховомъ почти ту же должность, что при Европейскихъ Камергеры, или Камеръ-юнкеры. Всѣ они знашнаго произхожденія, и вспунаютъ въ придворную службу иногда съ пяти лѣтъ. Жалованье ихъ умеренно, и умножается по мѣрѣ къ нимъ Государевой милосши; но таковое умноженіе не бываетъ въ пягоспъ Шаху. Ежели онъ хочетъ подарить какому Куломхѣ, тысячь пять или десять рублей, посылаетъ его куріеромъ къ копорому нибудь богатому градодержателю. Сей же обязанъ съ самаго прѣзда одѣть его, угощать, увеселять во все время его пребыванія, и учинить ему знашной подарокъ при опѣздѣ.

Софи иногда употребляетъ сіе же средство, для запламы работающимъ на него художникамъ и масперовымъ. Онъ посылаетъ ихъ съ какою нибудь припшною вѣспію, къ Вельможамъ своего двора, и получаемой за по подарокъ, платитъ масперовому, чѣмъ ему Государь былъ долженъ.

Есть еще другой родъ куріеровъ, посылаемыхъ къ Губернашорамъ провинцій. Сіи взяли самыя нужныя повелѣнія, и ѣздящъ на почтѣ, или бѣгаютъ пѣшкомъ, еспли лошадей не заспанутъ: ибо порядочно учрежденныхъ почтъ нигдѣ нѣтъ на Воспокрѣ. Таковые

куріеры имѣютъ право опнимать лошадей у попадающихся проѣзжихъ; погда сіи послѣдніе должны сами бѣгать за ними пѣшкомъ, или слугу послать до первой перемѣны, дабы лошадей получить назадъ: поному, что запрещено куріерамъ ѣздить далѣе одной станціи на той же лошади. Съ помощію денегъ и кулаковъ можно иногда и не дать куріеру лошади, но рѣдко послѣдніе употребляютъ; а обыкновенно кончатся кошелькомъ или ушуккою лошади.

Сіе повѣствованіе не подастъ вамъ, безъ сумнѣнія, высокой мысли объ успройствѣ здѣшней земли: дѣйствительно порядкомъ мы можемъ похваспанъ передъ Персіанами. Выгода учреждений нашихъ, и польза изъ оныхъ происходящая спановится гораздо чувствительнѣе, когда проѣдешь Азію, Африку, да нѣкошорую часть и Европы. Надежнѣйшее средство заспавить молчать умницъ нашихъ, все перецѣганивающихъ и все въ свѣтѣ худымъ почишающихъ, есть принудить ихъ поѣздить по симъ частямъ свѣта. Ежели они не съ большею прежней къ опечестиву любовію возвращаются, по крайней мѣрѣ меньше спанутъ опорочивать домашнія заведенія.

Сей минуны пришли мнѣ сказать, что мимо нашего жилища провожаютъ молодую невѣсту, къ домъ къ жениху. Я оспавляю перо, чтообъ посмошря вамъ донесъ. . . .

Молодая, копорая ѣхала мимо моего дома, съ своими провожатыми, есть дочь богатого купца здѣшняго города. Ее выдаютъ за одного чиновнаго человека, принадлежащаго Губернашору. Я не могу вамъ сказать, хорошали она,

ибо изъ подъ покрывала не видно было ни лица, ни спана. Сидѣла она на лошади, а около ея несли множество факаловъ. По сему вы сами заключите, что шеперь ночь, но мною сонъ еще не овладѣлъ: а какъ дѣло идетъ о свадебномъ обрядѣ, я опишу вамъ что при томъ происходитъ не только у Мидянъ, да и у Персіанъ: пошому, что оба сіи народа, бывъ одной вѣры и подъ однимъ владыніемъ, имѣють почти одинаковыя обряды. Они супружество почитаютъ непреложнымъ обязательствомъ для всякаго Мусульманина, а холостую жизнь злоупотребленіемъ прошивнымъ естеству. Въ доказательство сего приводятъ одно мѣсто изъ книги своего пророка утверждающее, что *въ день страшнаго суда, земля, на коей холостой человекъ обыкновенно сылалъ, возстанетъ противъ него, и будетъ говорить: какое учинила я преступленіе, что бы быть похороненою человекомъ, злодѣемъ естества; я, которая безпрестанно старалась о рожденіи и размноженіи существъ? Сіи мысли такъ вкоренились въ головы у Мусульмановъ, что они понявъ не въ состояніи, какъ Христіане почитаютъ за добродѣтель плесную чистоту, и какъ могутъ между ими найтись такіе люди, которые обязываются сохранять воздержаніе. Правда, говорящъ они, что со времени Иисуса Христа до самаго Магомеша, холостая жизнь была позволена, пошому, что начальникъ Христіанской вѣры самъ былъ холостъ, и родился отъ дѣвы; но послѣ пришествія новаго законодателя и установленія новаго богочтенія, Богъ не пребудетъ, чтобы служили ему чрезъ воздержаніе: всякой человекъ обязанъ исполнять долгъ супружества.*

Магомешане, послѣдующіе Алію, признають при рода супружества, кои всѣ у нихъ позволены и вѣрою, и гражданскими законами. У нихъ можно взять жену, купишь ее какъ невольницу, или нанять на нѣсколько лѣтъ, согласясь въ цѣнѣ. Правда, что за законныхъ признаются только тѣ, на коихъ женятся соблюдая всѣ правила; но рѣдко случается, что бы Персіанинъ пользовался таковымъ позволеніемъ, какъ для домовыхъ причинъ, (ибо свадьбы многого расхода пребудутъ въ Персіи), такъ и для того, чтобы избѣжать шума и ссоръ между многими женами, имѣющими одинакое право на мужа, и одинакую власнъ въ домѣ. Имъ кажется и пріятнѣе, и спокойнѣе покупать или нанимать сполько жень, сколько захочется. Законъ признаетъ за законныхъ всѣхъ дѣшей производящихъ отъ подобнаго брака, такъ, что ежели невольница родитъ ребенка прежде насвоящей жены, хотя бы сія была и княжна, сынъ невольницы дѣлается спаршимъ въ семьѣ, и пользуется всѣми правами къ спаршинству привязанными. Причина сего обычая есть та, что благородство и знатность идутъ отъ одного отца, а мать ни мало въ томъ не участвуетъ.

Впрочемъ, здѣсь одни только знатные и богатые, пользуются правомъ имѣть законныхъ жень. Свадьбы дѣлаются чрезъ свахъ; ибо обыкновеніе запрещаетъ женщинамъ показываться предъ мужчинами. Отецъ никогда не бываетъ при условіи о свадьбѣ своей дочери. Онъ свѣрчаетъ только будущаго зятя, обнимаетъ его, провожаетъ въ пощъ покой, гдѣ собрались сродники обѣихъ споронъ, и послѣ

уходить: а чинить сіе, говоряще, для того, что бы оставить жениха во всей вольности: прочие сродники, также не бывают при заключении контракта. Жених остается один съ свахами и потомъ, на контракта положено оной написать. Сей послѣдній обязанъ спараться, что бы договоры были исполнены, Иногда самъ главный судья, или первосвященникъ составляетъ контрактъ: но сіе чинится въ такихъ случаяхъ, когда женихъ и невеста бываютъ изъ самыхъ знатныхъ. Невеста никогда не присутствуетъ при уговорѣ, а сидитъ въ ближней горницѣ, у которой дверь не совсѣмъ затворена, а задернута только занавѣсою: почему ее никто и не видитъ. Свадь или повѣренной съ ея стороны, спавовится близъ двери, и пропаянувъ къ оной руку, говоритъ: *Я (имя рекъ) повѣренной твоей, такой то (имя рекъ), отдаю тебя замужъ за такого то (имя рекъ), здѣсь находящагося. Ты будешь навсегда ему женою, за такое то приданое, иль тебѣ обещанное, на которое ты согласилась.* Повѣренной съ стороны мужа говоритъ также: *Я (имя рекъ) повѣренной такого то (имя рекъ), беру его имяемъ въ вѣчную жену (имя рекъ), которая отдана ему за столько то приданого и пр.* Потомъ попъ или кому поручено дѣлать запись, всмаетъ и преклонивъ голову къ горницѣ, гдѣ сидитъ невеста, спрашиваетъ, соглашася ли она на обѣщаніе, учиненное ея повѣреннымъ. Она отвѣчаетъ однимъ словомъ: *такъ.* Равной вопросъ дѣлается жениху, и такой же чинится отъ него отвѣтъ. Послѣ чего пишутъ и заключаютъ контрактъ. Въ подлѣ народъ меньше обря-

довъ наблюдается, и повѣренныхъ у нихъ не бываетъ. Невеста приходитъ подъ покрываломъ въ то мѣсто, гдѣ собрались мужчины: всѣ садятся, и женихъ ей говоритъ: *Я такой то, самъ свой повѣренной, беру тебя, такую то, себѣ въ вѣчную жену, за такое то приданое. Беру тебя за жену, и клянусь въ томъ душою.*

Разность взявъ жену на вѣкъ, или нанять на время, состоитъ только въ разности словъ, коими чинится обязательство. Въ послѣднемъ случаѣ упоминается срокъ, а въ первомъ женится навсегда. Мужчина имѣетъ право отпущать нанятую жену, прежде окончанія срока: и также оба они могутъ возобновить контрактъ.

Впрочемъ законныя женишбы иногда меньше продолжаются, нежели сіи временныя. Разводъ позволенъ у всѣхъ Магометанъ. Довольно, если одна сторона того захочетъ, хотя бы имѣла причину или нѣтъ, другая обязана согласиться. Если случится, что мужъ отпущаетъ жену, онъ долженъ заплащить ей приданое; но она не можетъ ничего требовать, если сама просила о разводѣ. Разводъ можетъ дѣлаться при раза между каждымъ мужемъ и женою, по еспь, что могутъ они расходиться и опять мириться до прехъ разъ, а иногда и до чепьрехъ: но въ такомъ случаѣ, чинится необходимою спранныя церемонія Арлигина Гуллы, въ извѣстной на Ишалинскомъ театрѣ комедіи. Я, въ письмахъ о Турецкой землѣ, упоминалъ о семъ чудномъ обычаѣ, помощію котораго женщины приобретаютъ вмѣстѣ и достоинство поспоянства, и ушѣху получаемую отъ невѣрности.

Приданое состоиптъ здѣсь въ платьѣ, въ каменьяхъ, въ мебелихъ, въ невольникахъ, въ евнухахъ; да и по ежели невѣста знапная. Все сіе посылаешся къ мужу въ десятой день, послѣ свадьбы, по еспѣ, въ день оканчивающій празднество. Посылка дѣлаешся съ пышноспію, при звукѣ трубъ и инструменповъ: часпо занимающъ и у другихъ разныя вещи, дабы увеличипть число приданого въ наружности. Невѣста переходиптъ къ жениху въ слѣдующую ночь, везуптъ ее на верблюдь, или на лошадь съ факалами и со всѣмъ возможнымъ шумомъ, смотря по знапности. Богатое покрывало, непроницаемое взору любопытныхъ, окупываешъ ее съ ногъ до головы; а чинипся сіе для того, сказывающъ, чпобъ уроки ее не взяли; но для чего бываешъ она невидимою передъ своимъ мужемъ, того поняпть не лзя. Онъ и присупиптъ къ ней не можешъ, пока не ляжешъ она въ постелю, да и въ сіе время, не вольно ему войши въ шу горницу прежде, нежели погасяпся свѣчи. Такимъ образомъ, мужъ не знаешъ, пригожа ли его жена, или безобразна, пока не совершиптъ супружества.

Сверхъ чепырехъ женъ, коихъ всякой Персіанинъ взять можешъ, законъ позволяешъ ему имѣпть сполько невольницъ, сколько содержаптъ въ состояннн, и послушашъ съ ними, какъ онъ хочешъ. Когда невольница возымѣшъ щаспнѣе дапть ему сына, пошчасъ одѣваюптъ, даюптъ содержаніе, и оплучаюптъ ошъ прочихъ невольницъ. Она уже и наименованія сего больше не носиптъ, а сынъ можешъ здѣлаптъся первымъ наследникомъ въ домѣ, послѣ ошца.

Обыкновенная цѣна наемныхъ женъ, даже и самыхъ молодыхъ и пригожихъ, еспѣ около восмидесяпши рублевъ на годъ, приложя къ шому пропиппаніе, жилище и одежду. Упопробленіе любовницъ, запрещено закономъ всѣмъ Магометшанамъ. Они почиппаюптъ за грѣхъ съ ними обращашся, но говоряптъ, чпю для учиненія законнымъ знакомства съ шаковою женщиною, довольно того, чпобъ жениптъся на ней на споль коропкое время, какъ захочешся. Къ сему средспву имѣюптъ прибѣжище набожныя Мусульмане. Они жениптъся на нихъ на мѣсяць, на недѣлю, на день, на ночь, а иногда и на одинъ часъ; и послѣ сами говоряптъ, съ холоднымъ духомъ: *Я здѣлалъ контрактъ для утѣхи; я женился.*

Персіане не шолько не могуптъ жениптъся на сеспрахъ, какъ бывало въ спарину, но ниже на мачихахъ, на шепкахъ, и на племянницахъ. Иные беруптъ женъ послѣ своихъ брапьевъ, но и сіе спановипся рѣдко. Прочіе Магометшане не споль совѣспію мучапся. Еспѣ между ими примѣры, чпю самыя Государи женились на родныхъ дочеряхъ, и находили учиптелей вѣры, кои ихъ оправдывали приводя, чпю: *человѣкъ можетъ вкушашъ отъ винограда, илтъ насажденнаго.*

Я бы могъ говориптъ еще о другихъ обычаяхъ народовъ Мидіи, но какъ они весьма сходны съ Персидскими, по упомяну, когда спану о шомъ писалпъ изъ Испагана; гдѣ вскорѣ мы будемъ и проживемъ не малое время: пошому чпю намѣрены ошшуда ѣздиптъ въ разныя мѣста сей обширной Имперіи.

Я есмь и пр.

ПИСЬМО XXI.

Персія.

Страны, по коимъ имѣю я ѣхать, представилъ вамъ. Государыня моя, не меньше гдѣхшей и древнихъ достопамяностей, какъ берега Нила и Меридова озера; но не ища въ развалинахъ, какъ шо было въ Египтъ, доказательствъ величества и могущества первыхъ жителей Персіи, она въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, подаютъ вамъ истинное понятіе о томъ, что была въ старину. Роскошь и нѣга Персіанъ, живущихъ въ наше время, возобновилъ въ разумъ вашемъ, славныя царствованія Ксерсовъ и Даріевъ; и по шолкиихъ вѣкахъ, найдете вы въ ней, еще нѣже нравы и нѣже обычаи.

Наиболье удивляло меня всегда, что нѣ гордыя зданія, кои Персію безмерною учили, находясь всѣ соединены вмѣстѣ въ Персеполь, или его окружностяхъ. Сей городъ, древняя столица Имперіи, былъ кажется столицею свободныхъ художествъ и величества Государей. Вы, Государыня моя, сами о томъ будите судить, когда стану я его описывать: но прежде нежели всунулю въ подробности, не почишаю за бесполезное предложить вамъ, о великихъ перемѣнахъ, коими попрясаема была сія Монархія. Какое бы кто ни имѣлъ знаніе о минувшихъ происшествіяхъ, всегда съ удовольствіемъ принимаетъ воспоминаніе обь оныхъ, и исторія временъ, въ кои мы живемъ, нѣмъ сильнѣ насъ прораждаетъ, чѣмъ сходнѣ

бываетъ съ исторією предыдущихъ вѣковъ. Извините сіе опущеніе: могу ли я больше къ спашу здѣлать употребленіе, какъ изъ читаннаго мною, такъ и изъ разговоровъ моихъ съ людьми знающими?

По весьма древнему преданію, Персіане производятъ свое начало, отъ одного сына *Силова*; баснословіе же выводитъ ихъ отъ *Персея*, сына *Юпитера* и *Данаи*. Что до меня касается, я не выше зачю говорю обь нихъ, какъ съ царствія *Ахемана*, отца *Камбизова*, копорой починается за перваго извѣстнаго Царя, областей Персидскихъ. *Киръ* сынъ *Камбизовъ*, расширилъ границы своего царства, взялъ *Вавилона*, и завоеваніемъ *Ассири* и *Миди*. Персія, незнаемая до того времени, начала казаться Царицею народовъ: слава ея помрачила славу прочихъ царствъ. Наслѣдники *Кировъ* присоединили къ ней новыя области, и самая *Греція*, сія побѣдоносная страна, видѣла селенія свои опустошаемы неизчисленными войсками Персидскихъ монаровъ. *Александръ*, Царь *Македонскій*, вознамѣдился опомститься за свой народъ, и перенесъ войну въ Азію. Все успило усиленію его оружія, и *Дарій* лишился своихъ владѣній.

Со времени сего знаменитаго завоеванія, Персидская Монархія была раздираема войнами и внутренними раздорами, до того времени, пока *Арзасъ*, Царь *Парѣанскій* не покорилъ ее себѣ. Наслѣдники его, прозванные отъ его имени *Арзациами*, владѣли ею почти шесть сотъ лѣтъ. Наконецъ одинъ Персіанецъ, именуемой *Артахсерксъ*, свергнулъ его *Парѣанъ*, а (*Хозрой*) *Козроесъ*, великій, его наслѣдникъ,

учинилъ Персію спрашною всему воспоку. Халифъ *Омаръ*, начальникъ Аравлянъ, лишилъ сего престола наслѣдниковъ Хозроевыхъ, и управлялъ имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ. Спустия нѣсколько вѣковъ, *Тимуръ* или *Талмерланъ*, вождь Тацарской, завладѣлъ Персією, какъ и всею почпи Азією: но *Уссум-хассамъ*, Губернапоръ Арменіи, согналъ съ престола дѣшей Тимуровыхъ, и принудилъ ихъ укрыпъся въ той частп Индіи, копорая нынѣ соспавляетъ Имперію великаго *Могола*, и копорой положили они начало.

Нвошпорой *Исмаель* или *Сафи*, инако *Шахъ Сафи* называсмой, изъ поколнн Уссум-хассанова, собралъ знашное число людей, коихъ къ себѣ привлекъ наружнымъ набожеспвомъ. Онъ называлъ себя производимъ изъ поколнн *Алія*, злпн Магомепова; и подъ покровомъ сего обмана, похипилъ корону, копорую потомство его носило цѣлые двѣспн лѣтъ. Оное царшповало еще въ началѣ восемнадцатого вѣка, когда славной *Тахмасъ-Кулы-Ханъ*, сынъ Губернапора Келарскаго, въ провинціи Хоросанской, учинившійся изъ просшаго солдата великимъ Везиремъ, принудилъ *Шаха-Тахмаса* опказатъся опъ престола. Онъ побѣдилъ великаго Могола, вывезъ изъ Индіи несчетныя сокровищи, ходилъ на *Татаръ Избекскихъ*, збирался войною на Турковъ, но начинающіеся со всѣхъ споронъ возмущеніи въ Персіи, принудили его заключипъ съ ними миръ, въ 1746 году, послѣ копорого принужденъ былъ самъ бѣжатъ изъ Испагана, изъ среды своего собственнаго войска, гдѣ и убипъ на пятьдесятъ девятомъ году опъ роду, племянникомъ своимъ

Али-Кули-Ханомъ. По смертп его провинціи взятыя у Могола, оиптъ возвратились подъ его владнне, а Персія учинилась шеатромъ кровопролитной междоусобной войны. Онъ, во время двенадцатилѣтняго правленія, насильствіями заслужилъ наименованіе похипипела, а побѣдами завоевалъ *. Но я возвращаюсь къ моему путешествію.

Мы выѣхали изъ Тавриса въ Маѣ мѣсяцѣ. Проспранныя равнины, покрытыя безчисленными спадами, и усыанныя деревьями, соспавляютъ прелестной видъ. Оспавя сіи прекрасные луга, всступили мы въ плодоносныя долины, оспенныя липами и пополемъ. Тихой умѣренной воздухъ, и благотворительные вѣтры, производятъ тамъ почпи всегдашнюю весну. Повсюду видно множеспво ключей, скрывающихся между цвѣтами, или впадающихъ въ *Міану*. Сія рѣка и находящаяся за нею гора, раздѣляетъ Мидію опъ Парвіи. Мы переправились чрезъ шу и другую, не безъ горести, ибо жаль было разспашъся съ споль приятными мѣстами.

Парвія еспъ наивеличайшая провинція, во всей Имперіи, знаемая подъ имянемъ *Фракатземъ*. Почпи вся покрыта горами. Воздухъ въ ней сухъ, земля неплодна, изключая мѣста лежащія близъ рѣкъ и испочниковъ. Впрочемъ сія спрана довольно сходна съ мыслями, кокову подають намъ испоріи о древнихъ ея жипеляхъ. *Султанія*, *Казбнъ*, *Хомъ*, *Кахамъ* и *Ислаганъ*,

* Мы имѣемъ на нашемъ языкѣ, исторію о *Тахмасъ-Кулы-Ханѣ*, Г. Решетова, напечатанную въ 1761, и дополненіе къ оной, Г. Брапищера, въ 1763 году.

главнѣйшіе въ ней города, а послѣдній столица и всей Монархіи. Мы не почли за нужно останавливаться на долгое время въ *Султаніи*, гдѣ ничего нѣтъ примѣчанія достойнаго, кромѣ окружности покрытыхъ развалинами. Думающъ, что она была Парѣянскою столицею, и тогда называлась *Тиграноцерт*. Многіе Цари Персидскіе въ ней жили; а обыватели увѣряющъ, что она была изъ наивеличайшихъ городовъ въ Азіи: что кажется и правда: судя по остаткамъ зданій, разсыянныхъ около города.

Казбинъ (*Арсакія*) нарочитое мѣсто, на полдень отъ *Султаніи*, не имѣетъ также ничего примѣчательнаго. Цари Персидскіе долго въ немъ жили до самаго *Абаса Великаго*, который перенесъ дворъ въ *Испаганъ*. Жители выхваляющъ свой виноградъ, составляющій первое ихъ богатство. Въ самомъ дѣлѣ оной очень вкусенъ, чрезвычайно крупенъ, и приносятъ изобильно вина, которое Персіане любящъ, не смотря на запрещеніе пророка, и пьютъ безъ пощады.

Во время пребыванія нашего въ *Казбинѣ*, видѣли мы торжество праздника установленнаго въ память *Гуссейма*, сына *Аліева*, и *Фатмы*, дочери *Магомедовой*. Помянутой *Гуссеймъ*, бывъ побѣжденъ войскомъ одного *Дамасскаго Халифа*, скрылся въ степь; но по прошествіи десяти дней нашли его неприятельскіе солдаты, и убили. Народъ имѣетъ чрезвычайную ревность къ сему торжеству. Черезъ цѣлые десять дней, пока оное продолжается, повсюду видна печаль и горестъ. Набожные, не смотря на обыкновеніе свое, показываютъ, что не рачатъ ни о чистотѣ, ни

объ опрятности. Иные восхищаясь вѣрою, ходятъ нагіе, вымаравъ цѣло въ крови, и намазавъ черными красками. Они кричатъ, плачутъ, бьютъ себя въ грудь, и дѣлающъ всякія странныя коверканья. Въ одинъ вечеръ, какъ мы прогуливались по городу, вдругъ поразили слухъ нашъ ужасной шумъ. Плачевные вопли мужчинъ, женщинъ, робатъ, препровождаемые неистовымъ крикомъ, окончивали послѣдній день торжества. Минуту спустя увидѣли мы, бѣгающія шуда и сюда спаницы сумасшедшихъ, кричащихъ изо всей мочи, и ударяющихъ другъ друга каменьями, которые держали они въ рукахъ. Можно бы было подумать, смотря на нихъ, что неприятель ворвался въ городъ, и предаетъ все огню и мечу: но не льзя было смотрѣть безъ смѣху на кривлянья и на новидности, съ каковою высывали они языки, въ воспоминаніе сказаннаго въ писаніи ихъ о *Гуссеймѣ*, которой убѣгая въ пустыню, перепывалъ ужасную жажду, и отъ оной приходилъ въ изнеможеніе. По перекресткамъ и площадямъ построены были небольшія часовни, а при оныхъ кафедры, на коихъ попы ихъ говорили къ народу проповѣди, увѣщевая подражатъ приводимому ими какому нибудь дѣйствию святаго. Сіи попы кричатъ съ шакимъ жаромъ, что народъ обливаеця слезами, бьютъ себя въ грудь, и кажется шерпиль наинесноснѣйшую горестъ. По окончаніи проповѣди, слушатели кричатъ во все горло. *Гуссеймъ*, *Гуссеймъ*, умножая сей ревъ звукомъ барабановъ и колокольчиковъ.

Прежде нежели пушусь я далѣе, за долготу почипаю дѣлать примѣчаніе, которое будетъ

служить для всѣхъ моихъ послѣдующихъ путешествій. Большая часть именъ восточныхъ, споль у насъ обезображены, что узнать ихъ почти не лзя. Трудность въ произношеніи, причиняетъ несумѣнно такую разность, напримеръ вмѣсто *Сефи* говорятъ Софи, вмѣсто *Хоросана* Коросанъ, вмѣсто *Сава* Саба. Я всячески старался держаться подлиннаго произношенія, и слѣдовалъ въ томъ мнѣнію полмачей, коихъ спрашивалъ, будучи въ тѣхъ мѣстахъ.

Близъ *Сава*, большого и почти разореннаго города, видѣли мы мечеть, называемую *Самуль*, въ которой, сказываютъ, погребенъ сей Пророкъ. Мы ѣхали также чрезъ слѣды города *Рей*, споль славнаго на воспокъ своею древностию, великостию и торговлею, что называли его *Царицею городовъ, супругою мира, и торжищемъ вселенной*. Еще въ девятомъ вѣку почитался онъ за богатѣйшій и люднѣйшій городъ въ Азіи; и еспли повѣришь Арабскимъ и Персидскимъ Географамъ, имѣлъ онъ больше миліона домовъ, шесть тысячъ чепыре сна училищъ, шесть тысячъ шесть сотъ бань, двенадцать тысячъ мельницъ, тысячу семь сотъ каналовъ, и тринадцать тысячъ каравансераевъ. Сего кажется слишкомъ много, и не походитъ оно на правду; но всѣ писатели Восточные въ томъ между собою согласны, и книги ихъ наполнены пышными названіями, кои давали сему великолѣпному городу. Нынѣшніе Персіане, увеличиваютъ сіи мысли, и кажется ничего больше не любящъ, какъ рассказывать чужестраннымъ о древнемъ великолѣпнѣи *Рей*. Междуособныя войны и Танарскіе

набѣги, разорили сей великій городъ, и опорога едва слѣды теперь оспалися.

Я удивился, приближаясь къ Хому (*Аламея*), когда увидѣлъ по полю больше чепырехъ сотъ мечетей, въ которыхъ лежатъ полное же число тѣлъ попомковъ *Алиевыхъ*, почитаемыхъ здѣсь святыми. Хомъ еспь изъ первыхъ городовъ, и опличается великолѣпиемъ своихъ береговъ, базаровъ и мечетей. Онъ опправляетъ не малой поргъ мыломъ, клинками, и бѣлою цѣинною посудою, которая имѣетъ качество холодить воду и всякое другое пише. Наилучшее украшеніе города, и прекраснѣйшій можетъ бытъ храмъ во всей Персіи, еспь огромная мечеть, въ которой похоронены Государи *Абасъ* и *Сефи*. Входъ въ нее соспавляютъ чепыре проспранные двора, насаженные деревьями раздѣленные на курпины, какъ сады, и окруженные спроеніемъ, въ которомъ живутъ попы, учители, и многое число учениковъ, на содержаніи мечети. Паперни и двери изъ мрамора, а запворы украшены позолоченнымъ серебромъ. Мечеть внутри сосвѣтсвуетъ наружному виду. Стѣны съ низу одѣны порфиромъ, и росписаны живыми цвѣтами. Верхъ и нупрь купола, украшены разными изображеніями и правами, изъ лазореваго камня и золопа. Сверху придѣлана изъ липаго золопа спрѣла, поддерживающая такой же полумсяць: а гробницы обѣ изъ мозаика наипревосходнѣйшей работы. Я мало видалъ богатѣе ихъ и драгоценнѣе. Можно сказать, что разпоченіе и пышность, окружающая Персидскихъ обладашелей во время ихъ жизни, не опспаешъ опъ нихъ и по смерти.

Мечеть посвящена нѣкакой *Фатимѣ*, сродницѣ Алиевой, копорой гробъ занимаетъ въ ней главное мѣсто. Покрытъ онъ золоною парчею, и обнесенъ серебряною решеткою. Попы выспавляютъ мощи ея предъ народомъ во времена бѣдспвенныя, и съ давныхъ вѣковъ привлекаютъ ими въ сей храмъ множество молебщиковъ.

Изъ Хома поѣхали мы въ *Каффанъ*, другой городъ въ Персіи, копорой вочитаютъ за древній *Ктезифонъ*. Въ немъ много *Скорліоновъ*, кои опасны; чпо и подало Персіанамъ къ слѣдующей кляпвѣ: *чтобъ Каффанской Скорліонъ ужалилъ тебя въ руку!* Жаръ здѣсь льтомъ неумѣренной; но въ награжденіе много водохранилищъ и ключей. Торговля довольно изрядна; ибо, сверхъ арбузовъ, копорыми снабждается Каффанъ столицу и окрестности, чрезъ большую часть года, получаетъ онъ не малой прибышокъ опъ шелку и бархатныхъ фабрикъ. Изъ всей Персіи, дѣлаются здѣсь лучшіе апласы, и самыя богатыя золопья и серебряныя парчи.

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Испагану, тѣмъ лучше обрабопаны казались намъ поля, богатѣе мужики, люднѣ селеніи. Загородныя дома, огромныя зданія, представлялись глазамъ нашимъ чаще, и напередъ предвѣщали богатство и величество столицы.

Испаганъ есть, можетъ быть, наивеличайшій изъ всѣхъ воспочныхъ городовъ. Включая предмѣстїи, въ окрестности имѣетъ онъ около пятидесяти верспъ: но дома въ немъ обь одномъ жилѣ, и при каждомъ превеликой садъ, не считая огородовъ и садовъ особо разсыян-

ныхъ по разнымъ часпямъ города. Онъ тѣмъ и прїятнѣе, пошому, чпо поманушыя сады и огороды, походящіе на шакъ называемые въ Римѣ винограды, наполнены цвѣтами и плодами во всякое время года, и представляютъ взору видъ прелестной. Впрочемъ въ широкыхъ улицахъ насажены превеликія алеи деревьями, называемыми *Чинаръ*, кои почти споль же высоки и прямы какъ наши сосны, и опъ самага корня выпускаютъ вѣтви. Сіе множество деревьевъ, споящихъ при домахъ, кои вообще низки, причиною, чпо подъѣзжая къ городу не видно спроепія, и скорѣе почтешъ его за дремучій лѣсъ, нежели за столицу проспаннаго Государства. Начало Испагани меньше извѣспно, нежели другихъ городовъ. Но сіе не пренясппствовало многимъ ученымъ исканш его въ самой древности. Одни приписываютъ основаніе его *Гугену*, другіе *Гудъ*, единому изъ двенадцати Папріарховъ. Большіе города, какъ большіе господа, ищутъ скрыть начало свое въ забабонахъ древности: но исторія начинаешъ упомянуть о сей Персидской столицѣ со времени *Талерлана*, шо есть, когда онъ двукратно его бралъ и разорялъ. Мнѣ докторъ о семъ сказалъ; ибо Персіане не споль болспливы, когда о семъ идешь разговоръ.

Думаю, чпо Испоганъ соспавленъ изъ двухъ деревень, кои и понынѣ почищаются за главѣйшія часпши города, и коихъ жипели смершельную между собою имѣютъ ненавистль. Они внушили пошомкамъ своимъ опвращеніе, которое примѣпно въ ежедневныхъ вызывахъ, чинимыхъ склосырами обѣихъ сторонъ. Иногда доходитъ у нихъ до шаквой драки, чпо бы-

взять по двѣсти и по приѣзда бойцовъ съ каждой; и хотя не имѣютъ они инаго оружія, кромѣ палокъ и каменьевъ, всегда почти оспашаешь нѣсколько убитыхъ на мѣстѣ.

Сей великой городъ, лежащій на границахъ Парѣи и Персіи, окруженъ стѣнами очень низкими и слабыми, каковы почти всѣ строеніи. Онъ проспрансивомъ превосходитъ и Парижъ и Лондонъ. Одинъ Пекинъ можетъ съ нимъ быть сравненъ. Видъ его непорядоченъ и продолговатъ съ восхода на западъ.

Мы имѣли письма къ начальнику Французской Компаніи и къ нѣкоторымъ Голландскимъ купцамъ. Опъ перваго я свѣдалъ какъ Шахи дають аудіенціи чужеспраннымъ Посламъ; ибо онъ давно здѣсь живетъ. Вотъ описаніе аудіенціи Индѣйскому Послу, попому что она есть наибольшая при Персидскомъ дворѣ. Большая площадь, называемая *Царскою*, находящаяся противъ самаго дворца, бываетъ чрезмѣрно для сего дня украшена. По обѣ стороны домовъ спавяетъ прекрасныхъ лошадей въ богатыхъ уборахъ, покрытыхъ золопомъ и каменьями. Львы, Тигры, Бяки и Леопарды, приведенные для сраженія, лежатъ на коврахъ. Куча, не меньше ихъ опасная, бойцовъ и борцовъ занимаетъ противъ лежащее мѣсто. Посоль Индѣйскій, въ многочисленномъ препровожденіи, проводился однимъ чиновникомъ до залы аудіенціи. Церемониейсперъ держитъ ему голову и великъ кланяется три раза, или наклоняетъ его почти до самой земли. Посоль, исполнивъ сей обрядъ, подаетъ, ни слова не говоря, грамоту своего Государя. Одинъ чиновникъ принявъ ее изъ рукъ у него, отдаетъ

главному Везирию, а сей подноситъ Шаху, копорой ее кладетъ на подушку, лежащую на правой у него рукѣ, не распечатавъ, не посмопрѣвъ, и не произнеся ни одного слова.

Сколь скоро Посоль выдетъ и пронесетъ мимо оконъ подарки, которые бываютъ всегда богаты, дается знакъ къ началю игоръ. Въ одну минушу все наполняется звукомъ трубы и разныхъ инструментовъ. Танцовщицы, кои въ Персіи какъ и во Франціи, супъ женщины весьма вольнаго жишья, начинаютъ изъяслять радость свою разными скаканіями и пысячью всякихъ дурачесивъ. Съ одной стороны пускають дикихъ быковъ, бросающихся съ великою яростию на другихъ звѣрей. Съ другой борцы, свирѣпѣе еще быковъ, схватываются, бьются и валяются по землѣ. Повсюду лепають копья и стрѣлы. Все наполняется крикомъ сражающихся и зришелей. Игры не прежде сумерекъ кончашся и успуають мѣсто забавамъ, не споль громкимъ и меньше сумопохи причиняющимъ.

Мѣсто, на коемъ осправляются сраженіи, есть большая чепвероугольная площадь, длиною во спю восемьдесятъ, а шириною въ шестъдесятъ шесть сажень, окруженная порядочными домами, на копорыхъ кровли здѣланы площадками. Оныхъ будетъ съ двѣсти и всѣ они равной высоты. Въ низу домовъ, въ пятидесяти фусахъ, находишся каналъ, усаженной плашанами, *якороль* производящими приятную пѣнь. Въ площади поспроены долгіе переходы, называемые *Большимъ базаромъ*, въ копорыхъ купцы разкладыають свои шовары. Ничего нѣтъ выгоднѣе въ воспочныхъ краяхъ

сихъ базаровъ, для укрытія себя отъ ненастья или зноя. Въ Испаганѣ, напримѣръ, ихъ такъ много, что въ дождливой день можно пройти весь городъ, ни мало не обмокнувъ.

Съ сей площади видна часть дворца Софиевъ, которой есть наогромнѣйшее и великолѣпнѣйшее зданіе въ свѣтъ. Богатство навалено въ немъ, такъ сказанъ, кучею, но безъ вкуса, порядка и искусства. Восточные народы не знаютъ того разположенія и соразмѣра въ уборахъ, каково видно у насъ, и которой больше прихотности производить своимъ порядкомъ, нежели употребленнымъ на украшеніе золотомъ и мраморомъ. Персы любятъ только сей родъ драгоценныхъ вещей. Все что поражаетъ грубо чувствы, то только и кажется имъ великимъ и великолѣпнымъ; а то, что не золото или что не дорого, почитается у нихъ за ни что.

Дворецъ имѣетъ больше пяти верстъ въ окружности. Входя въ него съ площади съвозъ возвышенные ворота, построенные изъ порфира. Сіе мѣсто есть вѣрное убежище для всѣхъ ищущихъ въ немъ спасенія, а сіе шѣмъ примѣнѣе, что и мечети не имѣютъ такого права. Во Франціи Королевскіе дома равно шаховымъ же пользуются преимущественномъ предъ церквями.

За входомъ слѣдуетъ предлинная аллея, ведущая къ большимъ строеніямъ, въ коихъ живутъ разнаго ремесла люди, работающіе для Шаха и двора. Оныхъ мастеровыхъ кормятъ и производятъ имъ плату круглой годъ, хотя бы была у нихъ работа, или нѣтъ. Я смошрѣлъ кладовыя съ фарфоромъ, съ шпо-

фами и др. кои почестъ можно по величинѣ за огромные дома. Въ залѣ сихъ магазейновъ здѣланы большіе чаны для водометовъ, изъ порфира; стѣны украшены яшмою, дорогимъ деревомъ, и росписаны. Опдѣленное зданіе, имянуемое *Сорокостолбовое*, еще и того великолѣпнѣе; въ немъ особливо примѣчанія достоинны два покоя, въ которыхъ панели убраны мозаикомъ, а стѣны золоченымъ мраморомъ. Въ одной стѣнѣ протъ Шаховъ. Повсюду жемчугъ, сафиры, изумруды сияютъ на золотыхъ парчахъ, кои ими унизаны.

Вы конечно удивляешесь, что я по сую пору не говорилъ еще о *Серальѣ*. Оной безъ сумнѣнія есть наилучшее мѣсто во всемъ дворцѣ, но войти туда мужинѣ сполько же трудно, сколько и выдти изъ онаго женинѣ. Окруженъ онъ такою высокою стѣною, что нѣтъ дѣвичья монастыря столь крѣпкаго. Земли занимаетъ великое пространство, и сказываютъ наполненъ небольшими домиками, въ коихъ царствуетъ роскошь. Повсюду сады съ каналами, съ ппичками, съ водометами и бесѣдками, безпорядочнымъ но прихотнымъ образомъ разбросанными. Находится въ немъ особое опдѣленіе для Шаховыхъ дѣшей, а другое еще и того обширнѣе для Султаншъ вышедшихъ изъ милости. Съ небольшою разностию, законы Серальскіе въ Испаганѣ почти шѣже, что и въ Царьградѣ. Въ Персіи Государевы наложницы могутъ принимать посѣщенія отъ своихъ сродницъ: чего не дѣлается въ прочихъ восточныхъ Серальхъ; но сами онѣ спрожае содержатся, нежели въ Турецкой землѣ, и не могутъ безъ позволенія ходитъ одна къ дру-

гой. Запрещены имъ всѣ доказательствы пріязни, преходящія границы обыкновеннаго дружества: но не смотря на шаковыя предосторожности, не возможно почти удержатъ шолокое число молодыхъ женщинъ, копорыя лишены будучи всякаго сообщенія съ мужчинами, спараются наградишь и забышь сію неволю между собою, и предаются безпорядкамъ, упошребительнымъ между Азіатскими женщинами. Тѣ, копорыя привлекають на себя глаза Монарха, приходять въ ненависть у прочихъ; и сіи упошребляють наизлобнѣйшія оклеветанніи для испроверженія ихъ щаснія. Таковыя раздоры наполняютъ Сераль замѣшательствами и чинятъ изъ мѣста, гдѣ пребываетъ роскошь, жилище несогласія. Шахъ не находя въ сихъ женщинахъ, кромѣ каверзь и свары, а къ себѣ не видя ни малѣйшей привязанности, осуждаетъ ихъ за самыя бездѣлицы на жестокія наказанія, какъ на примѣръ, на заключеніе въ пюрму, на біеніе калками, плѣтьми, и на другія симъ подобныя.

Непредвиденное обстоятельство принуждаетъ меня оставишь Испагань. Я опъѣзжаю, и по возвращеніи моемъ учиню подробнѣйшее описаніе сей столицы, а окончаніе сего письма займетъ новое мое путешествованіе, и славныя монументы, о коихъ обѣщался я говорить. Начну я изложеніемъ причинъ столь скорого опъѣзда. Прибывъ въ Испагань увѣдомились мы, что дорога, ведущая изъ сего города къ Персепольской долині и въ Ширасъ, столицу Персидской провинціи, съ нѣкопорога времени наполнена разбойниками и бродягами. Сіе извѣстіе насъ попревожило. Докшоръ съ прилѣж-

ностію навѣдывался, какъ совершишь путь безъ опасности. Сказали ему, что посылается Халапъ къ Шираскому Губернатору съ однимъ изъ главныхъ Серальскихъ Евнуховъ. Халапъ есть одежда, копорою жалуетъ Шахъ Вельможей своего двора. Оной бываетъ богатше или убоже по мѣрѣ чина того, кому дается, и есть наиупошребительнѣйшій знакъ чести между Персіанами, какъ шубы и кафтаны у Турковъ. Евнухъ, посылаемый съ Халапомъ къ Губернатору, былъ готовъ къ опъѣзду, и сверхъ великаго числа собственннхъ его служителей, ѣхали съ нимъ множество Шираскихъ купцовъ, кои дожидались способнаго случая домой возвратишься. Мы наскоро собрались, и приспали къ Посланнику.

Опъ столицы до Шираса счипають около восьмидесяти Персидскихъ миль, что учинишь почти шесть сотъ верстъ. Пробравъ Испанскую равнину и окружныя горы вступили мы на обширныя и прекрасныя поля, покрытыя спадами и плодами всякаго рода. Распешъ по онымъ великое множество арбузовъ и финиковыхъ деревьевъ. Чрезъ цѣлыя сто верстъ видны только огороды и луга, изпещренныя цвѣтами. До сего мѣста не видали мы разбойниковъ; Но въ одинъ вечеръ, какъ опправлялись въ путь, примѣтили къ горамъ раздѣляющимъ Парсиду опъ провинціи Персидской или *Фарестана*, вапагу до двадцати человекъ, кои оспановились и на насъ смопрѣли. Они находились близко опъ дороги, но какъ насъ было вчетверо больше нежели ихъ, шо и продолжали мы нашъ путь не оказывая спраха. Мы не успѣли опъѣхать двухъ сотъ шаговъ, какъ

они удалились въ лѣсъ, и пушь намъ очистиши. Спусти чешыре дни послѣ того въѣхали мы въ узкую дорогу, лежащую между угесисными и каменными горами, и копорая одна и естъ къ Персеполу. По ней *Александръ* провелъ съ полцимъ щаспиемъ свои войски, идучи сражаться съ Даріемъ. Не думайте, чпобъ я взялъ сіе обспояпельспво изъ Испоріи: нѣтъ, мнѣ объ немъ сказывали многіе Персіане. Здѣсь еще не забыли имя Александрова, и опуспшеніи его пампсны больше въ Персіи, нежели въ другой какой часпни свѣпа. Конечно произведеніе симъ завоевателемъ дѣйсвіе надъ разумомъ людей, было очень сильно; попому, чпю чрезъ сполько вѣковъ, показывающъ еще съ ужасомъ, даже и самыя мѣста, чрезъ кои онъ шель, и кои опуспшала, какъ дѣлающъ всѣ ему подобныя.

Наконецъ предспавилась взору нашему Персепольская долина. Я тогда вообразилъ себѣ живо, какимъ образомъ съ силы Азіанскія поколебалия опъ горспи Македонцовъ. Видъ сей долины, на коей испуспили послѣднее издыханіе гордоспъ и могущеспво Персидскихъ Царей, привелъ мнѣ на пампспъ божеспвенныхъ живописи безспертнаго *Лебрюна*. Мнѣ казалось, чпю сей великій художникъ преносилъ часпю мыслію на здѣшнія мѣста, дабы въ нихъ почерпнушь шѣ смѣлыя и безпримѣрныя выраженіи, коими обогащены картины его работы.

Мы опспшали опъ попушчиковъ нашихъ, поворопившихъ въ Ширасъ, и поѣхали къ *Перселолу*. Издалека видны огромныя зданіи сего города, споль прославляемыя любопытными, и коихъ опспшки сочиняющъ великолѣпной Ам-

фитеатръ. Я не могъ усташъ удивляясь обширности и величеспву монументовъ, достигающихъ вершинами, кажепса, до самыхъ облаковъ. Навеличайшее изъ помпнутыхъ зданій и въ копоромъ больше опспалось цѣлыхъ кусковъ, естъ *Даріевъ дворецъ*, почппаемой ины. ми за солщеву капище. Какъ бы то ни было, (ибо оба сіи мнѣніи ушверждашь можно): но то правда, чпю Александръ, при разореніи Персеполя, повелѣлъ сберечь сіе спроеіе: оно бы и до сего часа еще сполло, ежели бы равнымъ же образомъ пощадилъ его изспребляющіе все на свѣпѣ Варвары и Ташары.

Фасада помпнутаго дворца имѣеть около двухъ сотъ ппмпидесяти сажень ширины съ сѣвера на югъ, и спю сорокъ шестъ съ воспова на западъ. Онъ соспавленъ изъ прехъ дворовъ и прехъ спѣпъ, изъ коихъ первая въ окружности шестп сотъ девпаною одной сажени. Каменья упошребленныя въ ней цвѣтомъ черныя, гладки какъ мраморъ, и спакой ужасной величины, чпю иныя имѣющъ до ппмпидесяти фушовъ въ длину. Во Франціи издапа книга съ рисунками развалипъ Персепольскихъ. Я прошу васъ ее посмопръпъ; ибо она предспавляешъ спчно всѣ опспшки, и въ ней изрѣспво рисунка совершенно соопвѣщспвуешъ величеспвенности зданій.

Размопримъ шеперь сіе спроеіе внуспри. Вппорой дворъ занимаешъ около шестпидесяти двухъ сажень въ ширину и сорока шестп въ глубину. Великая и прекрасная лѣспница о спю прехъ спупеняхъ, лежащая на сѣверѣ дворца, естъ главной входъ. Она приводптъ къ проспранному Поршпву или переходамъ,

украшеннымъ пиластрами и столбами изъ бѣлаго мрамора, опчасни разбиеными: нѣкоторыя однакожь столбы цѣлы, а оставшіеся пиластры кажутся утверждены на изображеніяхъ чудовищей и великихъ живописныхъ. Вправо отъ Персидска разстояніемъ сажени на двадцать на семь находится площадка на мраморной стѣнѣ длиною въ сорокъ семь сажень. На оную всходили по стѣнѣ лѣстницамъ, и на сей по площадкѣ видны лучшіе и цѣлые куски. Между прочими привлекъ мое вниманіе одинъ состоящій изъ трехъ рядовъ статуи, представляющихъ человѣческіе образы, вышиною въ четыре фуза, а числомъ ихъ больше шестидесяти. Одинъ изъ помянутыхъ рядовъ разрушенъ и осталась въ немъ только половина статуи. Прочіе два цѣлы и представляютъ родъ триумфа. Такъ думалъ мой дозоръ, и думалъ, кажется, не безъ основанія, судя по различности одѣяній, оружія и присвоеній знаковь всѣхъ сихъ статуи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя изъ нихъ покрыты саванами, какъ Индійцы, другія до пояса наги, иныя ведутъ верблюдовъ, колесницы, плѣнныхъ; иныя, коихъ и число больше, несутъ сосуды, щипцы, копья; что все я почелъ за добычу, опіяшую у непріятели.

Другая вещь еще достоинѣйшая любопытства, мраморныя столбы, находящіеся внизу близъ площадки. Многіе изъ нихъ повалены и замешаны землею: но по цѣлымъ можно судить о величествѣ и огромности зданія. Оныя столбы, щипная капители и полувицы, имѣютъ больше пятидесяти фузовъ въ длину: шириною въ окружности около пяти-

надцати фузовъ. Кажется было ихъ шесть рядовъ, а во всякомъ ряду по тридцати по шести столбовъ.

Видны многія другія изображенія между сими драгоценными останками: но описаніе оныхъ, завело бы меня далеко. Благоразумной путешествователь долженъ убѣгать отъ частыхъ и долгихъ подробностей. Когда случился бытъ посреди безчисленныхъ рѣдкостей, и работъ совершеннаго искусства, надобно поступать ему такъ, какъ бы вы сами, Государыня моя, поступили, находясь въ превеликомъ саду, наполненномъ наипрекраснѣйшими цвѣтами. Вы бы не спали разсматривать порознь каждую былинку; но довольствуясь всею вдругъ, удивлялись бы порядку и простотѣ; и ежели бы вкусомъ привлекъ васъ предпочтительнѣе къ нѣкоторымъ изъ нихъ, то бы конечно были отъ такихъ, которыхъ всѣхъ рѣже.

И такъ въ двухъ словахъ скажу я вамъ о двухъ великихъ монументахъ, изсѣченныхъ въ каменной горѣ, въ двухъ стѣнахъ саженихъ отъ Даріева дворца. Оныя суть гробницы древнихъ Царей Персидскихъ, лежація одна на сѣверъ, другая на востокъ. Фасада ихъ занимаетъ семьдесятъ двѣ сажени въ длину, и больше ста двадцати въ вышину. Многіе и великіе столбы, коихъ, капишли изображаютъ головы живописныхъ, составляютъ входъ: но дверей нѣтъ, и не примѣнно, что бы оныя когда либо были. Выше столбовъ сходятъ гробницы, или только подобіе оныхъ. На право и на лѣво, видно множество изображеній людей и звѣрей, а сверхъ всего жертвенникъ, на которомъ представлень священный огонь, и испукавъ въ положеніи бо-

гочпишеля. Любопытство принудило меня взлезть въ сіи зданія чрезъ небольшое отверстие, здѣланное нѣсколько вѣковъ назадъ, и я удивился, когда не нашелъ тамъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ гробовъ, высѣченныхъ изъ мрамора, но въ которые едва можно умѣстить мертвое тѣло. Оныя были открыты и разбиты во многихъ мѣстахъ. Безъ сомнѣнія огромная и великолѣпная наружность гробницъ вселила мысль въ разбойниковъ, что заперты въ нихъ богатые сокровища. Во Франціи принимаютъ больше предосторожностей для спойсвѣія праха нашихъ Государей. Темной погребъ служилъ имъ могилою: приманка богатства не возбуждаетъ желанія ихъ посѣщать.

Я ничего не скажу о надписяхъ и Героглифахъ, находящихся на всѣхъ вышепомянутыхъ развалинахъ. Ученые сполько льпъ мучались ихъ выразумѣть, но по сю пору ничего не разобрали, да и никогда, думаю въ помъ не предусѣюпъ. Можно разпознапъ нѣсколько буквъ Греческихъ и Арабскихъ; но прочія, кои и въ большемъ числѣ, сунъ совсѣмъ незнаемаго языка. Мы съ докторомъ не перспѣвали разсуждать о древности сихъ буквъ, но перялись въ разсужденіяхъ нашихъ: съ большимъ удовольствіемъ ходили мы по долинѣ, попирая ногами сіи гордые дворцы, въ коихъ въ спарину жилаи Киры и Александры.

Трудно, что либо рѣшительнаго сказать по поводу сихъ монументовъ, потому, что не оспалось ни малѣйшей части какого либо возвышеннаго зданія, на которое бы положились можно въ догадкахъ. Не можно однако не признать, что здѣшнія развалины больше по-

ходить на оспашки Дворца, нежели Капища. Не можно также сомнѣваться и о томъ, что всѣ сіи отдѣленные корпусы соединены были галереями и переходами, и что по видимому большая часть разменанныхъ сполбовъ, служили къ такому между ими сообщенію. Однимъ словомъ, не лзя довольно надивипсь великолѣпно спроеиъ, ни довольно сожалѣть о разореніи поль огромныхъ монументовъ, служившихъ славою востоку и жилищемъ Царямъ. Александръ, копорой спася ихъ отъ неисповства и самой войны, обратился въ пепель, по прозвбѣ одной Греческой блудницы, вознамрившейся симъ способомъ опмспить Персамъ сожженіе ими города *Аонизъ*, ея отечества. Сей Государь, при торжествованіи побѣды, здѣлалъ пиръ, на копорой пригласилъ блудницу *Танду* (*Tandu*). Она вида его разгоряченнаго виномъ, присовѣтовала зажечь дворець, и побуждала копирующихъ слѣдовать примѣру Монарха. Войско спольвшее внѣ города, бросилось предупредишь слѣдствіи пожара: но войны, усмотря Александра держащаго факаль въ рукахъ, выли принесенную воду, и присоединились къ нему для разрушенія сего безцѣннаго спроеиъ. Когда Александръ пришелъ въ себя, разкаялся о споль варварскомъ поступкѣ, и сказалъ полько въ оправданіе, что Персы больше бы негодовали, увидя его живущаго во дворцѣ и сидящаго на Ксерксовомъ престолѣ, нежели спомря на изспребленіе самаго дворца.

Наконецъ должно было оспавипсь Персеполь и разспашься съ сими неоцѣненными развалинами. Мы поѣхали въ Ширасъ, и дорогою съ удивленіемъ мѣрили, хотя полько и одними

глазами, великую долину Персепольскую, которая можетъ имѣть въ длину около семидесяти верстъ. Она пресѣкается множествомъ каналовъ и рвовъ, кои рѣка Аравсъ снабжаетъ водою съ изобиліемъ. Конскіе шабуны покрывали ее съ одной стороны, съ другой спада овецъ, верблюдовъ, и земледѣлателей. Проѣхавъ горы, при которыхъ простирается долина, увидѣли мы городъ *Ширасъ*, и прибыли въ оной нѣсколько часовъ спуся.

Сей городъ, какъ я уже сказалъ, есть столица провинціи Персидской нынѣ *Фарсомъ* или *Фарестаномъ* называемой. Начало его весьма древнее. Жители думаютъ, что построены онъ *Киромъ*, и названъ *Кирололемъ*; другіе почищаютъ основателемъ его *Фарса*, внука Симова, и отсюда выводятъ нынѣшнее имя провинціи *Фарсъ* или *Фарестанъ*. Въѣздъ въ *Ширасъ*, съ стороны Испагана, весьма приятенъ. Улица имѣетъ сто пятьдесятъ футовъ въ ширину, а по обѣимъ сторонамъ лежатъ превеликіе сады, какъ почти и во всѣхъ другихъ улицахъ. Главная мечеть была бы прекраснѣйшая во всей Азии, если бы прилагали стараніе починивать и содержать ее въ порядкѣ. Въ ней множество мраморныхъ столбовъ и пиластровъ, кои уже разрушаются. Тоже происходитъ и въ больницахъ, которыя называются здѣсь *Домъ здравія*. Доходами управляютъ духовные, но они большую часть кладутъ себѣ въ карманъ, оставя больнымъ всю свободу умирать. Сіе подало поводъ къ одной пословицѣ, которую можно употребить и для другихъ больницъ: *Домъ здравія есть домъ смерти*.

Въ окружностяхъ *Шираскихъ* показываютъ гробницу спихопворца *Сади*, и развалины одного монастыря, въ которомъ былъ онъ насоятелемъ, ибо *Сади* былъ монахъ хопи спихопворецъ и человекъ разумной. Земля здѣшняго города славна своими превосходными паспвами, гренадами и виноградомъ, изъ котораго дѣлается наилучшее въ Персіи вино.

Изъ *Шираса* хотѣли мы ѣхать въ *Лааръ*, столицу провинціи сего имени, лежащую на полдень Персіи собственно называемой, но скоро оставили наше намѣреніе. Мы услышали, что помянутой городъ не имѣетъ ничего примѣчания достойнаго, кромѣ померанцовыхъ и финиковыхъ лѣсовъ; и не захоули изъ доброй воли шащиться приспа верстъ по жаркой и сухой землѣ. Въ *Ширасъ* ожидали мы нѣсколько дней отъѣзда нашего Посланника, привезшаго халатъ къ Губернатору: и съ нимъ отправились назадъ въ *Испаганъ*.

Я есмь и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniu'ka
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok

№ 100

ПИСЬМО XXII.

Продолженіе Персіи.

Возвратясь въ Испаганъ, опять я принимаюсь за описаніе столицы, прерванное путешествіемъ нашимъ въ Персеполь. Охота съ однимъ Молодою, или училелемъ закона, копорой показался мнѣ человекомъ любящимъ общество, и имѣющимъ не робкую совѣсть. Взаимное любопытство объ обычаяхъ нашихъ земель, завело между нами съ начала разговоръ, а нѣкоторое сходство во нравахъ и образѣ мыслей, нечувствительнѣе насъ привязало одного къ другому. Я часто къ нему началъ ходить, и онъ безъ всякаго затрудненія ввелъ насъ въ лучшіе дома въ Испаганъ. Когда собранія его, люди милосердые и набожные, укоряли его въ томъ, что онъ оскверняется дружескимъ обществомъ съ Христіанами, онъ отвѣтствовалъ имъ, что мы имѣли склонность принять Магомеданской законъ, и что сіе чудо было здѣлано его совѣтами: но самъ ни мало однако не помышлялъ о нашемъ обращеніи; ибо былъ споль разуменъ, что чувствовалъ нестройность своей вѣры. Мы весьма ради были его знакомству, и что нашли друга въ такой землѣ, гдѣ чужестранные не могутъ снискавъ довѣренности, а особливо между духовенствомъ. Онъ дѣлалъ намъ всякія удовольствія, повсюду съ нами ходилъ, и показывалъ вещи примѣчанія достойныя.

Сверхъ Шахова Дворца, о копоромъ я уже говорилъ, видны на той же площади многія другія хорошія зданія, копорыя, кажешся, спорящъ между собою огромностію и величиємъ. Таковы супъ на примѣръ, *Шахова мечеть*, *мечеть гласнаго начальника вѣры* и *Царской рынокъ*. Первая естъ превеликое многугольное зданіе, около копорого идутъ долгіе балконы, на подобіе периль. Папершь соспавляешъ широкой сводъ, украшенной лазоревыми фигурами, а мѣсна, въ копорыхъ они поставлены, здѣланы изъ яшмы, и финифши. Запворы у дверей окованы серебромъ и покрыты изряднымъ мозаикомъ. Молла, примѣпя вниманіе, съ каковымъ смотрѣлъ я на работу, сказалъ мнѣ, что сей мозаикъ удивлялъ чужестранныхъ своею матеріею; но что онъ не находилъ ни малѣйшаго искусства набирать такимъ образомъ куски яшмы, фарфора и лазореваго камня. Попомъ показывалъ онъ намъ тысячи погрѣшностей въ соразмѣрѣ; что еще больше увѣрило насъ о превосходствѣ его вкуса.

Пройдя оную папершь, увидѣли мы яшмовой водоемъ, на такомъ же подножіи. Попомъ приблизились между чепырма не малыми входами къ проспранному двору, посреди коего находился большой водоемъ. У него края были также яшмовые. Прошивъ онаго спояли плещъ другихъ входовъ съ куполами и мраморными пиласпрами. Средній удивительно высокъ. Съ него виденъ весь городъ. Внутри сего входа, соспавляющаго главную часпъ мечети находится нѣкопорой родъ балкона, здѣланной къ сторонѣ Мевки, и на копоромъ Иманъ читаетъ молишвы. Какъ оной пакъ и всѣ спѣ-

ны убраны яшмою, порфиромъ и благовоннымъ деревомъ, на копоромъ вырѣзаны разные списхи изъ Алкорана. Я просилъ друга нашего разположавшъ намъ чпо нибудь изъ надписей. Онъ перевелъ одинъ или два списха, но весьма шемно, и я принужденъ былъ признаться ему, чпо ничего не разумью. Онъ мнѣ опивѣчалъ смѣючись, чпо шемно писано, и чпо надобно много полкованій прежде, нежели доберешся до смысла, каковой присвояется онымъ списхамъ опъ его собраній.

Мы изходили всѣ спроеніи сей огромной мечени; а какъ Молла въ нихъ имѣлъ свои покой, то позвалъ насъ ужинашъ по Европейски. Вошли мы за нимъ въ прекрасную споловую, въ копорой посланы были ковры и лежали бархашныя подушки. Онъ насъ уволить опъ поджапія ногъ, да и самъ шого не здѣлалъ. Съли мы около большой скаперши, на копорую попчасъ спспавили финиковъ, арбузовъ, гренадъ, и нѣсколько бупылокъ Шираскаго вина. Сей ужинъ показался мнѣ очень пріятень, какъ изрядспвомъ плодовъ, пакъ и для шого, чпо хозяинъ далъ намъ и себѣ волю. Онъ первой пиль здоровьи и мы вмѣстѣ съ нимъ смѣялись Алкорановой заповѣди, запрещающей упошребленіе вина. Между прочими плодами находились два *Арбуза*, изъ копорыхъ каждой вѣсилъ по полупуду. Я боялся ихъ ѣспъ, зная, сколь они вредными почипаюшся въ Европѣ; но Молла ободрилъ меня, говоря, чпо ничего нѣпъ здоровѣе ихъ въ Персіи; чпо народъ ничего другаго не ѣспъ цѣлые девяшъ мѣсяцовъ въ году, и чпо лѣкари всегда съ прискорбноспію смопряпшъ на приближеніе времени арбузовъ, на-

рочипо уменьшающее ихъ доходы. Онъ разсказалъ намъ при семь случаѣ, чпо пріѣхали въ Испаганъ два Арабскіе докпора, и видя улицы полны арбузами, другъ другу говорили: „поѣдемъ далье, намъ нѣчего здѣсь дѣлашъ: здѣшній народъ имѣешъ лѣкарспво на всѣ болѣзни.“ Еспъ люди, копорые ѣдяшъ по шридцати фунповъ за однимъ присѣспомъ, и не бываюшъ больны. Здѣсь пакъ ихъ родипся много, чпо въ одинъ день больше расхондися въ Испаганъ, нежели въ мѣсяцъ въ цѣломъ Государспвѣ въ Европѣ. За хорошими споломи подаюшъ ихъ чрезъ весь годъ; ибо берегушъ до новыхъ въ погребяхъ, гдѣ воздухъ не проходипъ, и гдѣ держашъ всегда лампы, дабы опъ спужки они не замерзали.

Возвратися домой, заспали мы двухъ слугъ, копорые пришли сказашъ, чпо Везиръ говоришъ желаетъ со мною. Я опивѣчалъ, чпо конечно принимаюшъ они меня за кого другаго, и чпо я не такога соспожня, ни чина, чпобъ бышъ въ сношеніи съ первымъ Миниспромъ. Я думалъ, чпо, можетъ бышъ, сіи люди были какіе мошеники: но меня увѣрили, чпо они подлинно принадлежали Везирю, а спустя нѣсколько минушъ, пришли еще двое. И пакъ пошелъ я къ Везирю. Я нашелъ его сидящаго съ поджапыми ногами посреди множеспва придворныхъ, при порфировомъ водомешѣ, копорой соспавлялъ наилучшее украшеніе въ залѣ. У большихъ и богатыхъ здѣсь въ обыкновеніи имѣшъ въ покояхъ водомешы для прохладенія воздуха. Я приспупилъ къ Везирю съ почпешіемъ, а онъ указавъ на меня предспоящимъ, посадилъ подѣ себя, съ великими доказашель-

спвами дружбы. Удивлялся я, что нашель въ споль великомъ человекѣ сполько учтивости и ласки, но вскорѣ узналъ пому причину. Онъ просилъ меня показашь ему одну любопытную вещь, о которой ему сказывали. Я догадался, что дѣло идетъ о часахъ, на кои прельщались многіе Персіане, и съ радостію ихъ ему поднесъ. Оборачивая и любуясь съ четверть часа, спросилъ онъ, за сколько я ихъ хочу продашъ. Сей вопросъ привелъ меня въ замѣшательство. Мнѣ не хошлось лишиться часовъ, но какъ онъ продолжалъ спрашивашь, отвѣчалъ я ему, что онъ можеть взяшъ все, чтобы мнѣ не принадлежало. Таковой отвѣтъ его удовольствоваль. Принужденъ я былъ однакожъ сказашь на удачу цѣну гораздо ниже той, чего спюяли часы. Я думалъ, что онъ уважитъ мою учтивость, и ежели не опдастъ назадъ часовъ, то заплашитъ больше, нежели я пребоваль: но ошибся въ моемъ мнѣніи. Онъ удвоилъ учтивство, льстилъ мнѣ, ласкалъ, и давалъ половину пребуемыхъ мною денегъ. Понапрасну я спарался предспавляшъ, что ежелибъ нужда мнѣ пришла збышъ съ рукъ часы, всякой бы золотарь далъ мнѣ въ спрое больше пребуемаго мною: онъ обѣщаль мнѣ свое покровительствво, и увѣрялъ, что я не раскауось объ учиненіи ему услуги, какъ говорилъ, споль важной. Я краснѣлся отъ его скупости, но не видя способа выдти изъ сего приключенія, доказываль ему мою безкорыспность, и не говорилъ больше о деньгахъ. Везиръ похвалилъ мою створчивость, и велѣлъ опщипашъ деньги, благодарилъ мнѣ весьма вѣжливыми словами. Послѣ уже рассказывали мнѣ о многихъ по-

добныхъ примѣрахъ сребролюбія не только здѣшнихъ вельможъ, да и самаго Шаха. По сей повѣсти вы не можете имѣшъ мыслей, приносящихъ честь Персидскому Двору.

Увидясь съ Моллою, опкрылся ему въ моемъ приключеніи. Онъ сердился, но признавался, что отказавъ удовольствовашъ желаніе перваго Министра, здѣлалъ бы я его себѣ смершельнымъ непріателемъ, какъ то иногда случалось; что впрочемъ меня будупъ хорошо принимашъ при дворѣ, и я по крайней мѣрѣ буду имѣшъ то ушѣшеніе, что большіе господа уважашъ меня спанушъ. Сей другъ всячески спарающійся намъ угождашъ, предложилъ сводити насъ въ мечеть главнаго начальника вѣры и на Царской рынокъ, коихъ мы, еще не видали.

Мечеть начальника, такъ названная попому, что сей первой духовной Махометанской вѣры, въ ней опсправляешъ службу, довольно походитъ на Шахову, и при посспрое- ній оной служила ей образцемъ. Она не сполько велика, но споль же хороша и богата. Спѣны убраны яшмою, и росписаны золотыми и лазоревыми изображениями. Дворы наполнены прекрасными водомешами для омываній; и многіе сполбы съ зеленою финифтью поддержи- вають *Юбѣ*, или пресполь, здѣланной изъ яшмы. Молла спрашиваль у насъ, великолѣпнѣ ли мечетей наши церкви? Я отвѣчалъ, что поисспиннѣ церкви въ Европѣ не споль велики, но что Архитектура въ нихъ лучше и правильнѣ; что разность примѣченная мною въ великолѣпії, сосспоитъ въ помъ, что здѣсь золото и серебро на спѣнахъ, а у насъ ле-

жить въ ризницѣ, и упопреляется на священническихъ одеждахъ и церковной ушвари.

Откуда пошли мы на Царской рынокъ; при чемъ видѣли множество женщинъ, идущихъ въ мечеть. Ихъ прилѣжными къ молению дѣлають то, что не имѣють онѣ вольности выходить изъ домовъ, кромѣ мечетей. Набожество имъ приноситъ нѣкоторое утѣшеніе въ неволѣ, и онѣ не опускають имъ пользоваться. Чѣмъ женщина моложе, тѣмъ усерднѣе къ молитвѣ. Въ семь очень онѣ мало ходятъ на нашихъ госпожъ, кои не прежде начинаютъ по церквамъ часто ѣздить, какъ когда качнутъ спарьшья.

Царской Базаръ есть наивеличайшій и наилучшій рынокъ въ Испаганѣ. Ворота на площадь величественны, и всѣ здѣланы изъ цвѣтнаго фарфора, а баясы около оныхъ, одѣты яшмою и порфиромъ. Мы вошли чрезъ сіи ворота на базаръ, состоящій, какъ я уже сказалъ, изъ пространныхъ и долгихъ галлерей, наполненныхъ всякаго рода поваромъ. Средину базара составляетъ прекрасная площадь со сводомъ и съ весьма высокимъ куполомъ. Сюда наибольше ходятъ въ Испаганѣ, а въ великіе жары черныя и ночи шуть проводятъ. Мы долгое время прогуливались по галлерей, а особливо въ шѣхъ рядахъ, гдѣ сядятъ золошари и купцы шелковыхъ шпофовъ, ибо они супъ наилучшіе. Прочіе же занимаются масперовыми всякаго рода, маркипантами, овошниками и *лисками*. Упражненіе послѣднихъ въ томъ состоитъ, чтобъ писать для всѣхъ письма, челобитныя, прозбы. Сверхъ главнаго входа на базаръ, есть еще двой во-

роты; одни ведутъ къ монетному двору, а другіе въ *Царской Караван-серай*, названной симъ именемъ потому, что принадлежишь Хану. Оба помянутыя зданія имѣють великолѣпные входы, подобные воротамъ базара.

Караван-сераевъ очень много во всѣхъ Персидскихъ городахъ и на большихъ дорогахъ. Въ иные пускають безденежно, но за то и услуга въ нихъ дурна, самой нужной вещи не доспаненгъ, ежели не заплашишь. Прочіе отданы на опкупъ, и приносятъ ежегодной доходъ. Въ послѣднихъ жить гораздо лучше, потому, что въ нихъ спановляица люди богатые и зажиточные. Въ большихъ городахъ, какъ въ Испаганѣ, каждая провинція, каждой народъ имѣеть свой Караван-серай. И такъ у всякаго чужестранца, или деревенскаго жителя, копорой прѣхавъ въ городъ, ищетъ жилища, спрашивають, откуда онъ, и провожаютъ въ Караван-серай его земли, или провинціи. Впрочемъ вольно ему жить, гдѣ захочеть, и выбрать шопъ или другой простоялой дворъ по своей мысли.

Молла не обманулся, когда мнѣ сказалъ, что великой Везиръ обо мнѣ вспомнишь. Три дни спустя по продажѣ часовъ, прислалъ онъ мнѣ сказать, что ежели я хочу смотрѣть поржешвеннаго пира, копорой дають Шахъ Вельможамъ своего двора, онъ велишь опвесить мѣсто мнѣ и моимъ припелямъ. Въ назначенной день пошли мы къ дворцовымъ воротамъ, откуда одинъ его чиновной, копорой нарочно шамъ дожидался, ввелъ насъ въ покой близъ залы, гдѣ пиръ опправлялся. Госпей находилось больше прехъ сошь человекъ, кои всѣ

были изъ первѣйшихъ въ Государствѣ, и сидѣли всякой по своему чину. Обѣдъ начашъ десерпомъ, а кончанъ похлебками.

Сколь скоро заиграла музыка, поставлены золошья шарелки на ковры, съ плодами и вареньемъ. Младшіе чиновные наливали вино въ золошья и позолоченныя кружки. Послѣ первой перемѣны, продолжавшейся часа съ два, сняли скаперши, и послали другія не хуже первыхъ. Сія перемѣна соспола въ соусахъ, въ мясѣ и въ жареной рыбѣ. Каждой госпъ имѣлъ передъ собою свою часть, соспоющую по крайней мѣрѣ изъ двадцати разныхъ кушаньевъ на золошыхъ же и финифпяныхъ блюдахъ. Въ прешней перемѣнѣ поставлены похлебки, вареное мясо и пшено, пригошвенное различными образами. Всѣ сосуды были золошые и фарфоровые; подсвѣшники, лампы такъ же лишны изъ золоша, а скаперши изъ шелковыхъ шпофовъ съ золошыми шравами. Меня увѣряли, что споловая Шахова посуда споишь восемь миліоновъ рублевъ. Впрочемъ въ ней и соспоишь главное богатство Персидскаго Монарха. Здѣсь почти все входящее золошо передѣлываютъ въ блюда и шарелки, а ихъ держатъ въ заперши.

Ежели сіе правда, скажете вы мнѣ, то ишь почти Государя въ Европѣ, кошорой бы не былъ въ соспоаніи имѣшь еще больше посуды, ежелибъ вздумалъ употреблять на нее всѣ свои доходы. Я самъ позже думаю, и по многимъ навѣдываніямъ точно увѣрился, что Персія не такъ богата, какъ рассказываютъ объ ней путешествователи. Весь сей блескъ

Персидскаго двора естъ только хвастовство, и такъ сказашъ, завѣсь, за кошорымъ скрывается существовательная ея бѣдность. Золошо рѣдко въ Государствѣ, да и малое онаго количество привозится изъ Индіи, или получается отъ Европейскихъ купцовъ, прѣзжающихъ сюда за шелкомъ и жемчугомъ.

Мы ишь больше довольны были симъ праздникомъ, что Везиръ здѣлалъ намъ честь, присланіемъ со стола разныхъ заѣдокъ и плодовъ. На другой день ходили мы ему благодарить, и онъ вновь обнадежилъ меня своимъ покровительствомъ.

Съ шого времени, какъ мы возвратились въ Испаганъ, то естъ около мѣсяца, всякой день ходили смотрѣшь примѣчанія достоинныя мѣста въ городѣ; всякой день видѣли что нибудь новое; но совсѣмъ ишь любопытство наше еще не было удовольствовано. Я не войду въ подробности, кошорыя могутъ вамъ и не всѣ понравиться. Опасаюсь жребія спрансвующихъ. Они наводятъ скуку по большой части; ибо думаютъ, что сколько бы ни говорили, еще все мало сказали. Судите Государыня моя, объ обширности и великолѣпности сей сполитцы по числу спроеній. Не говоря о большихъ домахъ, гдѣ богатство и роскошь равняется ишкорымъ образомъ съ пышностью Государя, въ Испаганѣ счисаютъ шестидесять двѣ мечети, двѣспи семдесятъ при бани, и штысячу восемь сотъ Караван-сераевъ. Я не кладу въ число народныхъ зданій кофейныя дома, хопя они супъ и такія мѣста, въ кои послѣ банъ наибольше ходятъ.

Бани состоятъ изъ трехъ покоевъ, со щпаніемъ успроенныхъ такъ, что не проходишь въ нихъ ни малѣйшаго сквознаго вѣтра. Въ первомъ раздѣляются, и идушь въ прешій, въ которомъ строишь ванна. Во второмъ находишься большой водоемъ съ теплою водою, проведенною чрезъ трубы въ прешій покой.

Когда былъ я въ первой разъ въ бань, мнѣ казалось, что не вынесу назадъ ни одного члена. Два превеликіе банщика окапали меня сперва водою, потомъ положили на каменной полость, какъ жершву приуготовляемую на за-коленіе. Одинъ изъ нихъ началъ меня шер-спиннымъ доскупомъ такъ сильно шереть, что я бы не хотѣлъ ни за что быть въ его ру-кахъ. Сперва шерпѣлъ я, не говоря ни слова; но не могъ удержаться, чтобы не закричать, когда почувствовалъ, что рвутъ у меня не-милосердно руки и ноги, хотя они и не дѣлали иного, какъ только ихъ вспряхивали и пиянули. Мнѣ споль было не знакомо сіе обыкновеніе, что я бы ихъ обоихъ охотно до смерти убилъ. Они передо мною извинялись, указывая на многихъ Персіанъ, которые позволяли шер-пѣливо скрести себя и ломашь. Я поблагода-рилъ имъ за услугу и послѣ довольствовался уже одною ванною, не желая испытывать ихъ проворства.

Чаще и охотнѣе ходилъ я въ *Кофейные домы*. Сообщество наше умноженное двумя Венгерскими дворянами, прѣхавшими вскорѣ послѣ насъ въ Испагань, не споль было нераз-лучно что бы не было намъ нужды иногда со-бираться и зборное наше мѣсто всегда было въ кофейномъ домѣ. Я никогда не опаздывалъ

туда приходишь: всегда почпи былъ памъ первой; и вопъ что меня веселило наибольше. Между тѣмъ, какъ одни играють въ шашки, другіе пьють и ѣдятъ, одинъ разсказчикъ спа-новится посреди зала, и своими оспроумными и шушливными сказками спарается всѣхъ смѣ-шишь. Въ то же самое время, какъ сей кра-снобай кричишь, какъ умѣешь, Молла спер-венился прошивъ суешь свѣпа; а на другой споронѣ спихопворецъ чишаешь оды, идиліи, епиграммы. Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ смо-прѣшь на сихъ трехъ крикуновъ, изъ кото-рыхъ каждой надрывается, чтобы возбудишь вниманіе въ слушателяхъ; а сіи и не думаютъ объ нихъ, углубя всѣ свои мысли въ игру, или въ дѣло, о которомъ говорятъ. Вы можете по сему судишь, въ какомъ здѣсь почтеніи проповѣдники и спихопворцы. Они и до того блаженства не дошли, чтобы веселишь, какъ во Франціи, праздношапающихся людей.

Наирѣдчайшая въ Испагань вещь есть *Ро-говая башня*, такъ названная по той причинѣ, что въ составленіи ея не упопрелено ни де-рева, ни кирпича, ни камня, и что построена она изъ костей и череповъ козь и другихъ ди-кихъ звѣрей. Ихъ всѣхъ поимали вдругъ на охотѣ, которую приказалъ дѣлать одинъ Шахъ, и на которой находилось больше спа-птысячь охотниковъ. Сія башня очень высока, и головы дикихъ козь, довольно похожія на нашихъ, такъ порядочно уложены, что съ осно-ванія башни до самаго шпнца, повсюду шор-чапъ рога. Разсказываютъ при томъ, что по-строена она во время одного пира, то есть, въ семь или восемь часовъ времени, и что,

когда Архипекшоръ пришелъ Шаху сказать, что недоспаетъ головы одного какого нибудь большого звѣря на самую верхушку, Шахъ, бывъ въ подпьяна, ему отвѣчалъ, *гдѣжъ нашь телерь искать такой головы, какой ты требуешь? Не лъзя найти скотины больше тебя; лускай твою голову и поставятъ на верьхъ.* И въ то самое время приказалъ ему опрубить голову, и поставивъ на маковкѣ башни.

Сколь мы ни заняшы были осмашриваніемъ города, не забывали также и окружности. Однажды Молла пришедши къ намъ, сказалъ, что одинъ Кари, пріятель его, ждетъ насъ къ себѣ ужина въ загородномъ домѣ, верстахъ въ десяти отъ города. Поблагодаря его за учтивость, поѣхали мы въ деревню, гдѣ Кари принялъ насъ весьма вѣжливо. *Кари*, называющіеся здѣсь духовные судьи, назначаемые великимъ Каріемъ, котораго почестъ можно за главнаго законника. До нихъ принадлежатъ гражданскіе суды, а особливо разобраніе ссоръ, происходящихъ по брачнымъ контрактамъ, по духовнымъ и по другимъ судебнымъ записямъ. Сей, о которомъ я говорилъ, былъ человекъ ученой, и доспойной почтения по лѣтамъ, но пріятнаго и веселаго нрава. При входѣ нашемъ сказалъ онъ намъ, что мы будемъ у него въ неволѣ цѣлую недѣлю, но что онъ постарается такъ поступать, что бы не сожалѣли мы о потерѣ нашей свободы. Въ самомъ дѣлѣ все то время, которое мы у него прожили, не прерывались увеселеніи и разными ушѣхи. Игры, музыка, обѣды, гулянье слѣдовали одни за другими; и часы пропекали, казалось намъ, слышномъ скоро.

Въ девятой день поупру рано Кари пришелъ самъ понуждать насъ къ опъѣзду, говоря, что онъ будетъ провожать, и чрезъ то съ нами долѣ пользоваться гуляніемъ. Мы пошчасъ опправились; но въ какое пришли удивленіе, когда спустя четверть часа, увидѣли большую дорогу, покрыту неизчисленнымъ народомъ! Звукъ трубъ и разныхъ инструментовъ, смѣшенной съ крикомъ и восклицаніями былъ слышанъ издалека. Тогда пришло мнѣ на мысль, что пріятель нашъ вывезъ насъ нарочно, чтобы повеселилъ невзначай какимъ ни есть пріятнымъ позорищемъ. Догадка моя явилась основательна. Кари сказалъ намъ, что торжественной праздникъ, коего видимъ мы пріутопвленіи, былъ причиною возпрепятствовавшею ему удержатъ насъ у себя долѣ.

Сей праздникъ, продолжалъ онъ, называется *Шатировъ*, или Шахова пѣшаго слуги. Тотъ, кто желаетъ принять быть въ сію должностъ, обязанъ сходить двенадцать разъ пѣшкомъ между возхожденіемъ и захожденіемъ солнца, къ одному сполбу споящему въ шести верстахъ отъ города; что учинитъ больше семидесяти верстъ въ двенадцать часовъ. Площадь убрана севодни, какъ обыкновенно бываетъ въ день аудіенцій Персольскихъ, и наполнена бойцами, звѣрями, и шанцовщицами. Улицы и дорога, по коимъ идетъ Шапиръ, украшены коврами и цвѣтами, напысканы благовонными духами. Но вы сами все сіе увидите лучше, примолвилъ онъ, нежели я сказать могу. Тогда приблизились мы къ сполбу. Ходокъ или лучше скороходъ опправился въ путь уже въ другой разъ. Всякой выхвалялъ его легкостъ,

а пока онъ назадъ возвращался, народъ предавался радости. По обѣимъ сторонамъ дороги поставлены были для принятія людей шапры, въ коихъ продавались всякаго рода пивья и заѣдки. Въ нихъ пѣли, кричали, и напивались допьяна; а какъ скоро трубы возвѣщали возвращеніе ходока, всѣ вучею бросались, онъ радости кричали и выбѣгали къ нему на встрѣчу. За Шапиромъ всегда шло превеликое множество людей. Самые большіе господа, дѣти Министровъ, и знатнѣйшіе придворные, дѣлаютъ себѣ честь бѣгать съ нимъ въ запуски.

Сіе позорище возбудило и меня послѣдовать другимъ; Венгерцы наши такъ же хотѣли бытъ учасниками. Кари и Молла не пропустили намѣренію нашему, но крѣпко запретили намъ назадъ возвращаться съ Шапиромъ. Мы просились съ друзьями, какъ услышали, что онъ уже пришелъ и готовились за нимъ слѣдовать. Мнѣ кажется, что я никогда не бѣгивалъ такъ охотно и такъ скоро. Похвалы зрителей обратились на насъ, а музыка служила къ нашему ободренію. Мы выпередили Шапира; но еспьлибъ надлежало вдрогорядь съ нимъ шягаться, я думаю, что трубы и восклицаніе народа мало бы принесли намъ помощи.

При концѣ двенадцатаго бѣгу, Шахъ, въ препровожденіи своихъ любимцовъ, выѣхалъ на встрѣчу Шапира и сказалъ ему мимоѣздомъ, что онъ принимаетъ его въ число своихъ пѣшихъ служителей. Сіе празднество было наилучшее изъ всѣхъ, кои видѣлъ я въ моихъ путешествіяхъ: оно рѣдко случается, и сіе самое дѣлаетъ его столь поржесивеннымъ.

Я еще не упоминалъ о гульбищѣ Испанскомъ, хотя имъ было и начать мнѣ надлежало. Сіе гульбище составляетъ наилучшій въездъ въ городъ, съ стороны *Юлфы*, мѣстечка, или знашнаго предмѣстія, въ которомъ живутъ всѣ чужестранные и Христиане. Представте себѣ алею, длиною въ тысячу прістпсажень, и шириною въ пятьдесятъ. Посреди пропекаетъ каналъ, коего берега шириною въ шесть футовъ, служатъ для пѣшихъ. Великолѣпные и пространные сады съ спроеиетъ, споятъ по обѣимъ сторонамъ; а наконецъ затородной Шаховъ Дворецъ, которой такъ убранъ и такою прелестною имѣетъ видъ, что ничего лучше вообразить себѣ не можно. Я въ немъ нѣсколько разъ бывалъ, и мнѣ показалось, что все то, что природа и искусство въ свѣтѣ произвели, было въ немъ собрано. Воды, водопады, сады, цвѣты представляютъ подобіе утѣхъ обѣщаваемыхъ опъ Магомеша истиннымъ Мусульманамъ въ его раю. Алея соединена съ Испанскимъ предмѣстіемъ великолѣпнымъ мостомъ чрезъ рѣку *Зендерутъ*. Оной построень изъ кирпича и песаного камня, и раздѣленъ въ длину на три части между собою паралельныя. Средняя изъ нихъ ширѣ, и по ней свободно проѣхатъ могутъ при кареты рядомъ. Другія двѣ по правую и по лѣвую сторону средней, отдѣлены опъ нея стѣною фушовъ въ десять вышиною такъ, что прое могутъ по мосту идти въ одно время, и другъ друга не видатъ. На сихъ стѣнахъ подѣланы въ нѣкоторомъ между собою разстояніи опверстїи, на подобіе ворошь, дабы изъ спороннихъ отдѣленій можно было выходить на

моствъ, а съ моспа на оныя. Надъ сими послѣдними здѣланы своды для охраненія прохожихъ отъ дождя и солнечныхъ лучей.

Городъ Испаганъ вообще худо выстроень и наполненъ зданіями, копорыя отъ вепохоспи валяпся. Большая часть улицъ узки, и нѣтъ ни одной вымощеной камнемъ: что дѣлаеть ихъ весьма неприяпными. Дома построены изъ кирпича, и по большей части низки; есть однакожь между ими иные въ два жилья, но выше нѣтъ ни одного. Стѣны покрыпы замазкою изъ извести и слюды, отъ чего не мало блестяптъ. Надъ всякимъ строеніемъ здѣланъ куполь, смопря по величинѣ его. Внутри домовъ нашель я наибольше примѣчанія достойные водомешы и богатпыя въ покояхъ живописи. Краски несравненно въ Персіи живѣе всѣхъ другихъ мѣспъ, и сухой тамошній воздухъ сохраняеть навсегда ихъ яркой цвѣпъ. Въ каждомъ домѣ близъ дверей находипся спокъ, въ копорой бросаюптъ нечиспощу: но по причинѣ сухаго воздуха, не происходиптъ отъ него вони: а только пѣмъ помянушые спокы неприяпны, что здѣланы почти на самой поверхности земли, и слѣдовашельно удобно въ нихъ унаспъ можно.

Земля въ окружноспяхъ сей сполицы довольно и плодородна и обрабопана: а какъ произраспѣній ея сушь пѣже, что и во многихъ провинціяхъ Персіи, то я упомяну только о рѣдкихъ плодахъ и живопныхъ сего Государспва.

Сверхъ деревъ, каковы роспущъ въ нашихъ краяхъ, здѣсь находяпся свойспвенные полуденнымъ спранамъ, какъ напрымѣръ Плапана, шравы или куспы приносящіе ладанъ, камедь

и манну. *Платана* или *Яворъ* служиптъ наилучшимъ украшеніемъ въ гульбищахъ, садахъ и огородахъ. Она отбрасываеть великую пѣнь, и воспочные народы ушверждаюптъ, что исходящій изъ него запахъ очищаеть воздухъ и прогоняеть заразипельную болѣзнь. *Ладанное дерево* походиптъ на грушу, и испускаеть шу благовопную смолу, копорую упошребляюптъ Христіане въ своихъ церквахъ, а Турки въ пирахъ. *Манна* есть другой родъ испеченія, или росы, собираемой всякое упро на лиспахъ дерева ее приносящаго.

Персія изобилуеть лѣкарспвенными произраспеніями. Я цѣлыя поля видалъ покрыпыя кассією * или рожками, александрійскимъ лиспомъ и ревенемъ. *Ревень* есть корень, копорой здѣсь ѣдятъ какъ у насъ свеклу. Я изъ любопыпспства не одинъ разъ его опшѣдывалъ. Вы сами догадаешесь, что было здѣсь довольно дѣла моему докшору: ежелибъ его послушашъ, то Персія рай земной.

Оспавляя сію землю, всего больше было мнѣ жалъ арбузовъ, финиковъ, гранапъ, и помаранцовъ. Всѣ сіи плоды несказанно вкусны, а особливо два первые. *Финики* роспущъ кистями на деревѣ называемомъ *Пальма*. Сей плодъ величиною съ большую продолговашую сливу, и споль сладокъ, споль пріятень вкусу,

* Кассія есть большой спручокъ, распущій на весьма высокомъ деревѣ, наполненной черною, сладкою и густою жидкостію, имѣющею свойспво чиспиптъ желудокъ. Я видалъ сіи спручки длиною въ пол-аршина, а толщиною въ палець. Рожками называюптъ ихъ отъ подобія съ рогомъ. Помянушую жидкостъ называюптъ также *Дивій медъ*.

что по моему мнѣнію, нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ.

Горы въ Персіи, коихъ очень много, ни въ чемъ не уступаютъ наиплодотворнѣйшимъ полямъ. Последнія изобилуютъ плодами и всякимъ хлѣбомъ, а первыя металлами и минералами. Персіане говорятъ, что нѣтъ у нихъ ни золотой, ни серебряной руды; но судя по сѣрнымъ и селифранымъ ключамъ, коими всѣ горы наполнены, я осмѣлюсь вѣрить, что не имѣли бы они недоспапка и въ сихъ двухъ металахъ, ежели бы сами были прудолюбивѣе. Они довольствуются сокровищами, получаемыми отъ своихъ шелковыхъ фабрикъ; ибо сей поргъ для нихъ меньше пруденъ. Имъ они доставляютъ золото отъ сосѣдей, вмѣсто того, чтобы пошлѣ вырывать его изъ нѣдръ земныхъ.

Въ семь мѣсѣй прилично поговорить о *Виргозѣ* (*Turquoise*). Дается сіе имя камнямъ горы *Сирузы*, попому что обласъ, въ которой лежатъ помянутая гора, составляла прежде часть Турціи. Въ Персіи есть два мѣста, ихъ коихъ вынимаются сіи каменя, а больше паковыхъ ни гдѣ не извѣстно. Раздѣляютъ ихъ на камни *старой и новой горы*. Мнѣ хотѣлось посмотреть Сирузскую въ Парсидѣ, но не пускаютъ туда никого. Сей заводъ днемъ и ночью спережешся солдатами, а всѣ вынимаемые каменя принадлежатъ Государю.

Я мало видѣлъ рѣдкихъ звѣрей въ Персіи. Самой полезнѣйшей и многочисленнѣйшей есть Верблюдъ. Лошади здѣсь также хороши бываютъ, какъ и въ Аравіи. Превеликія долины покрыты ихъ шабунами, а особливо Таврійская и Персепольская. Порода *Ословъ* не перемѣни-

лась въ Азіи, какъ въ Европѣ. Я повсюду на востокъ видѣлъ ослевъ въ славу, и не дивлюсь больше, что Гомеръ уподобилъ Ахиллеса сему животному. *Пеликанъ*, сія птица, какъ говорятъ, споль чрезвычайная, показала мнѣ очень гадка. Я много ихъ видѣлъ въ путешествіи моемъ въ Ширасъ. Тѣло величиною съ овцу, покрытое бѣлыми перьями; маленькая голова съ широкимъ и долгимъ носомъ: вошь птица называемая *Пеликанъ* или *Неясытъ*. Здѣсь зовутъ ее *Водоносомъ*, по причинѣ широкой сумы, которую имѣетъ она въ зобѣ, и въ которую вмѣщается не мало воды. Я не слыхалъ здѣсь, чтобы она опворяла себѣ грудь для питанія дѣтей своею кровію, а можетъ быть, подало поводъ къ сей баснѣ то, что воспицывается она ихъ съ великимъ пицаніемъ, или, что носилъ къ нимъ воду въ вышепомянутой сумѣ.

Я есмь и пр.

ПИСЬМО XXIII.

Продолженіе Персіи.

Когда писалъ я къ вамъ, Государыня моя, послѣднее мое письмо, тогда не думалъ, что много еще буду ѣздить по Персіи. Съ того времени былъ я въ разныхъ провинціяхъ, и не прежде возвратился въ столицу, какъ преперпѣвъ не малья опасності и пруды. Отсюда уже навѣрно отправилюсь въ Аравію. Вотъ, что побудило меня къ предпріятію сего путешествія: я услышалъ отъ купцовъ недавно прибывшихъ въ Испагань, что одинъ мой землякъ, ѣхалъ съ ними изъ Царяграда, и занямогъ въ Кирман-Шахъ, столицѣ провинціи Кирманской, на Персидской границѣ. Сія вѣсть не могла меня не пронуть. Я ждалъ племянника своего, къ которому писалъ въ Турецкую землю, чтобъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Испагань. Спрашивалъ я у помянутыхъ купцовъ, нѣтъ ли съ ними ко мнѣ писемъ; но ничего не могъ отъ нихъ добиться. Мнѣ они сказали только, что можетъ быть, привезутъ обшоянелнѣйшія извѣстія Армяне, оставшіеся въ Шаханъ для нѣкоторыхъ дѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, спустя два дни, получилъ я съ ними письмо отъ племянника, которымъ увѣдомлялъ меня о началѣ и слѣдствіяхъ своей болѣзни. Я бросилъ все, уснувая дружбѣ къ сему молодому человеку, и поѣхалъ на легкѣ въ Кирман-Шахъ, гдѣ прямо приспалъ въ Караван-сераѣ, въ которомъ онъ жилъ. Лихорадка повинула его предъ нѣсколькими днями, а радость, что меня

увидѣлъ и прилагаемыя мною спараніи, вскорѣ возвратили ему и совершенное здоровье.

Мы пѣмъ начали, что осмопрѣли *Кирман-Шахъ*, городъ основанной нѣкоимъ Бергамомъ, сыномъ Шапуровымъ и наибширнѣйшій въ *Караманіи*. Въ немъ находился, огромной замокъ, защищенной искусвомъ и природою. Проспранные сады умножали его красоту. Между рѣдкостями считающся оспапки древнихъ монастырей, коихъ число чрезмѣрно велико. Что принадлежишь до народныхъ и обывашельскихъ зданій, они и дурны и безпорядочны, да большею частію и развалились. Частые набѣги Аравлянъ и Турковъ были причиною сихъ бѣдствій. Въ землѣ родится много плодовъ и хлопчатой бумаги.

Находясь въ обласпи, которой я до того не зналъ, пришло мнѣ желаніе осмопрѣть главные города. Мы отправились въ *Гемеданъ*, лежащій на сѣверо-западъ отъ Кирман-Шаха. Любопытство мое наиболее возбуждено было пѣмъ, что въ спарину носилъ онъ имя *Екбатаны*, и столицы Персидскаго Царства. Государи жили въ немъ въ лѣпнее время, которое здѣсь весьма тихо и пріятно. Пспроилъ его *Арфаксадъ*, Царь Мидскій. Во всей Мидіи, въ срединѣ коей онъ лежишь, не было города ни больше, ни прекраснѣе. Спѣны его заслуживали примѣчаніе; ибо было ихъ семь разной высоты и разнаго цвѣта. Издали больше походили они на декораціи пшапра, нежели на укрѣпленіе города. Гемеданъ можетъ еще и понынѣ считапаться между большими городами, будучи и многолюденъ и нарочито укрѣпленъ. Въ немъ много *Жидовъ*, и приходишь оные изъ

разныхъ земель, для поклоненія гробамъ *Есфирь* и *Мардохея*, погребенныхъ, какъ увѣряють, въ *Евбапанѣ*. Мы ходили смонрѣшь сѣи достопамятныя гробницы, спояція въ часовнѣ посреди синагоги. Оныя здѣланы изъ кирпича, и одѣшны досками, выкрашенными черною краскою. При нихъ нашли мы не малое число сихъ добрыхъ Израильянъ, молящихся съ великимъ благоговѣнемъ. Они упоминають о сихъ знаменитыхъ особахъ съ восхищеніемъ и благодарностию, каковую обыкновенно великія благодѣянія вселяють въ чувствительныя сердца.

Съ того времени, какъ *Шахъ-Надиръ*, знаемой подъ именемъ *Тахмасъ-Кулы-Хана*, завладѣлъ Персидскимъ пресполомъ, опияшымъ у Шахъ Тахмаса, послѣдняго Шаха изъ Сефейскаго поколѣнія, онъ не преспавалъ продолжая войну, по съ взбунповавшимися подданными, по съ Индѣйцами, по съ Турками, по съ Аравлянами, всегда былъ въ полѣ, и никогда почти не жилъ въ городахъ, но въ палаткахъ, посреди своихъ воиновъ. Для приведенія къ концу неограниченныхъ своихъ предпріятій, изъ Гемедана, здѣлалъ онъ арсеналь, когда споялъ близъ сего города верспахъ въ пяши. Было у него тогда войска около двухъ сотъ тысячъ человекъ, но большая часть соспояла изъ женщинъ, маркипанцовъ и слугъ. Лагерь раздѣленъ былъ на части. Посреди находился пространный рынокъ, подобной долгой и широкой улицѣ, по бокамъ коей вмѣсто домовъ, спояли палатки съѣшными припасами всякаго рода. Цѣна всему была назначена. Порядокъ споль хорошо наблюдался, что не можно было опасаться ни обмана въ покупкѣ, ни обиды опъ войска.

Главная его кваршира оплчалась высокою и красною шашровъ, а по правую и по лѣвую руку, разбишны были шашры Министровъ и главныхъ чиновачальниковъ. Всѣ оныя были здѣланы изъ бумажнаго полошна, или кумачу разныхъ цвѣшовъ; верхъ и бока подбишны шелковымъ, и вышишны преузорочнымъ образомъ. На землѣ слали въ нихъ рогожки, кой не пропускають влажностп, и чиняшны шаковыя жилища споль же здоровыми, какъ и покои въ домахъ. Шашерь аудіенціи споялъ на прехъ древкахъ съ позолочеными шарами. Онъ весь здѣланъ былъ изъ тонкаго полошна кирпичнаго цвѣша, подбишны наилучшимъ апласомъ, и сообщался со многими другими служащими къ разному упошребленію. Въ самыхъ дальнихъ, жили Шаховы жены, коихъ, сказывають, было шестьдесятъ, и при нихъ сполько же Евнуховъ; а когда войско выспупало въ походъ, всѣ онѣ ѣхали въ нѣкопоромъ опдаленіи на бѣлыхъ лошадяхъ. Вельможи и чиновники имѣли шажке своихъ женъ съ собою, въ опдѣленныхъ палаткахъ, около коихъ спояли нарочно здѣланныя изъ полошна ограды, на подобіе заборовъ. Въ лагерь были Караван-сераи для пріѣзжающихъ, какъ въ городѣ. Шахъ часто объѣзжалъ самъ лагерь верхомъ на богатоубранной лошади. Сказывають, что имѣлъ онъ чепыре полныя убора, одинъ Изумрудной, другой Яхонтовой, прешей и чепвершой Жемчужной и Алмазной; и всѣ въ оныхъ каменя были чрезвычайной величины и цѣны. Одежда его соопвѣшпвовала сему великолѣпію, и шажке унизана была драгоцѣнными каменьями, а чалма почти совсѣмъ ими покрывалась. Онъ пріобрѣлъ всѣ сѣи

неизчисленныя богашства въ походѣ своемъ въ Индію, завоевавъ шамашнюю сполину и взявъ сокровищи Мугамеда-Шаха Императора Могольскаго.

Въ здѣшнемъ краю есть горы, которыя въ окружности имѣють не меньше полушораспа верста; наибольшую изъ нихъ почитается *Елвендъ* въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гемедана. Вершина ея всегда покрыва снѣгомъ, и служишь водохранилищемъ, снабжающимъ водою около лежащія поля; споль изобилуетъ оная гора ключами и источниками. Гора *Бизотуская*, лежащая въ шрехъ дняхъ отъ Елвенда, имѣеть шу особливостъ, что съ оной спороны кажутся валища въ долину. Сказываютъ, что одинъ наисильнѣйшій человекъ своего времени, называемой *ферга*, прорѣзалъ ее въ семь мѣстъ, дабы здѣлать для себя проходъ. На ней примѣшны еще слѣды долоша, а въ разрѣзѣ видны двенадцать изображеній человеческихъ, высѣченныхъ въ камень. Персіане, въ окружности живущіе, много намъ шакже выхваляли изображеній, находящіяся на боку сей горы лежащемъ на западъ. Мы оныя показали весьма древними, и соснояли въ двухъ гнѣздахъ или выемкахъ, изъ которыхъ одна можетъ имѣть до двадцати, а другая до десяти фушовъ въ вышину. Надъ большою, между двумя сполбами Коринескаго ордена, начертанъ исполинъ на конѣ, держащій на плечѣ ужасной величины копье, а въ низу два ангела, имѣющіе по обручу въ рукѣ. Большая украшена премя испуканами, изъ коихъ двухъ Персіане почитаютъ за Царей своихъ а шретью же за Царицу, славную въ ихъ льпописяхъ: а въ меньшей шакже видны два выпуклыя изображенія, и въ низу

надпись на шакомъ языкѣ, котораго не находимъ мы шеперь слѣдовъ.

Въ два дни прибыли мы въ *Таримару*, небольшой городокъ, защищаемой изрядною крѣпостью. Намъ шуть показывали пирамиду поставленную въ честь одного спариннаго Султана, имѣющую спю двадцать лактей въ высоту, и спю въ поперешникѣ. Сія спрана изобилуетъ плодами и оливками, которыя почитаются наилучшими въ Таримарской провинціи.

Въ слѣдующій день прѣехали мы въ *Сируцабадъ*, а отшуда въ *Ногавендъ*. Сей послѣдній городъ построень *Ноемъ*, по сказанію воспочныхъ жителей. Лежитъ онъ на горѣ, но не имѣеть ничего доказывающаго его древностъ. Мы показалось удивительно, что въ семь округъ не споль много расшеть винограда, какъ во всѣхъ прочихъ; есть оной однако, но не въ довольномъ количествѣ, по моему мнѣнію, для шакого селенія, которое хвалища, что имѣло основателемъ изобрѣшателя винограда. Славень онъ одержанною надъ Персіанами побѣдою отъ Магомешанъ подъ предводительствомъ *Омара*. Аравляне много объ оной говорятъ, и называють ее *Побѣдою лобѣдъ*.

Кунсаръ, въ которой прибыли мы нѣскольکو дней спушя, есть небольшой по красивой городокъ, лежащій въ прелесшней долинѣ, напаяемой многими рѣчками, способствующими садамъ въ ихъ плодородіи. Воздухъ здѣсь чистъ, гульбищи прекрасны, поля плодоносны. Между прочимъ росшеть *Манна*, изъ которой Персіане дѣлають пирожное, мѣшая ее съ писшашами и мувою.

Мы все приближались къ Испагану. Пле-

мянникъ мой, копорой видѣлъ полько малую часпъ Персіи, оказываль нѣкопорое сожалѣніе, чпо прибывъ въ сполицу, принужденъ будешъ опяпъ ее оставишь чрезъ нѣсколко дней, и опправишь въ Аравію, не выдавъ главнѣйшихъ Персидскихъ городовъ. Я самъ думаль, чпо не безъ причины будешъ онъ не доволенъ своимъ пушеспвиемъ, еспли не поважу къ нему нѣкопорого снисхожденія. Сіе побужденіе и желаніе увидѣшь обласпи, коихъ я еще и самъ не видалъ, обязади меня ѣхашъ въ провинціи Хузиспанскую, Гиланскую, Мазендеранскую, и Хоросанскую. Я увѣдомилъ о намѣреніи моемъ докпора, копорой съ своей спороны объѣзжалъ окружности Испагана.

Мы сперва опправились въ Сузу (*Сустра*) прежнюю сполицу всей Персіи. Имя Сузы, значущее *Лилею*, было ей дано пошому, чпо с ѣ цвѣшь роспешъ въ ней въ великомъ изобиліи. Сказываюпъ, чпо *Мелмонъ* сынъ *Титона*, почитаемаго въ баснословіи мужемъ *Аероры*, былъ основашелемъ сего города, и чпо *Киръ*, покоря Мидянь, здѣлалъ его своею сполицею. Онъ имѣлъ шупъ, говоряпъ, огромной дворець на золопыхъ сполбахъ; украшенныхъ безцѣнными каменьями. Спѣны поспроены были изъ кирпича и бипумена, какъ въ Вавилопъ. Послѣ *Кира*, Цари Персидскіе препровождали въ немъ зиму, копорая въ сихъ спранахъ очень пшха. Я знаю по себѣ, чпо льпо здѣсь несносно, и змѣи очень опасны. Въ семь городъ на берегу рѣки *Евлевъ* (*Увалъ*) пророкъ *Даніилъ* имѣлъ видѣніе двурогаго овна и однорогаго козла. (*) Гробъ сего свяпшаго мужа находилъ здѣсь предъ

(*) Прор. Даніила глав. 8. ст. 3.

нѣсколкими льпами, но послѣ перенесли его на самой берегъ рѣки, и нынѣ покрыпъ оной водою *Дарій*, сынъ Гиснасповъ, копорого священное писаніе называюпъ *Ассверомъ*, (*) выдалъ въ Сузѣ славной на *Жидовъ* указъ, по прозьбѣ вѣроломнаго *Амана*; но *Есвиръ* предусѣла съ помощію красопы своей, смягчишь сердце Монарха, и слезы сей прелеспной дѣвицы спасли жизнь всему ея народу. (**) Въ семь же самомъ мѣспѣ оной государъ здѣлалъ попъ славной пиръ, копорой продолжалъ спе восьмдесяпъ при дни. *Александръ* нашель въ немъ девяпъ пысячь паланпновъ денегъ, и сорокъ пысячь въ спипкахъ. Теперъ Суза еспъ самой дурной городъ, а вскорѣ будешъ, какъ и прочіе, громада развалинь.

Хуцерьъ, нынѣшняя сполица Хузиспанская, не еспъ Суза, какъ по ложно думали нѣкопорые пушеспсвовашели. Онъ по мнѣнію ихъ поспроенъ на высопѣ *Гушенгомъ*. Сей городъ нарочито великъ, хопъ и много пресперишь въ послѣднія войны. Въ немъ опправляетъ не малая порговля шелкомъ и золопными парчами, дѣлаюпимися на фабрикахъ, коихъ мы видѣли не малое число. Плопина, ведущая рѣку въ Хуцерьъ, примѣчанія dospойна. Вообще много здѣсь превосходныхъ плодовъ и паспвъ. Родипся хлопчатая бумага, сахарныя проспи, пшено и хлѣбъ всякаго рода.

Мы проѣхали *Гиланскую* провинцію, копорая не успунаешъ предыдущей въ плодородіи. Главной въ ней городъ еспъ *Ряще*. Онъ лежипъ

(*) Въ нашей Библии названъ онъ Арпаксерксъ, см. Есвиръ гл. 1. и слѣд.

(**) Книг. Есвиръ гл. 8.

на пріятномъ мѣстѣ недалеко отъ Каспійскаго моря. въ превеликой долинѣ, окруженной горами. Воздухъ въ немъ не здоровъ, и жители почти всегда больны, и по большой части блѣдны и сухи. Мы поопаслись пробыть шуть долго.

Блудчи вдоль морскаго берега, прибыли мы въ *Мазендеранъ* или *Табристанъ*, весьма пріятную и плодоносную провинцію. Ее обыкновенно называютъ *Садомъ Персіи*. Наполнена она необитаемыми и неприспунными горами, но въ награжденіе того, поля и долины въ ней прелесныя. На нихъ родится хлопчатая бумага, сахаръ и всякіе плоды. *Джорджанъ*, столица ея, велика и многлюдна. Видѣли мы оспанки спѣны, копорая шла на двадцать пять верспъ, и два жорновые камня съ великимъ пицаніемъ отъ жипелей сохраняемые. Каждой изъ нихъ имѣеть около пятидесяти лопей въ окружности.

Во время нашего пребыванія въ семь городѣ, отправлялось протспвенное торжесство въ честь *Магомета*. Первое называется *Шеб-Мараге*, то есть *Ночь возшествія*, и дѣйсствительно отсправляется ночью, а состоить въ чтеніи молитвъ и Алкорана. Послѣдователи лжепророка говорятъ, что въ шрпей день по смерти его, Архангель Гавріиль привель ночью къ могилѣ пророка крылатаго коня, называемаго *Боракъ*, на котораго посадилъ его и увезъ на небо. Второй предмѣтъ праздника есть день, въ копорой Архангель Гавріиль принесъ, сказывають, Магомету повелѣніе начать проповѣдывать, и одарилъ его духомъ пророчества. Третья часть торжесства установлена въ честь,

не знаю, какого возвращенія *Авраамова* въ Мекку, въ копорой будшо сей свяшой Папріархъ, говорятъ, основаль свое жилище.

Джурджанъ находится въ полупора спѣ верспяхъ отъ *Амоля*, изряднаго города при подошвѣ горы *Тавра*, гдѣ, сказывають, споло лагеремъ войско *Александрова*. Въ немъ есть огромной дворець, изъ коего видны всѣ окружныя поля. Онъ теперь служить вмѣсто загороднаго дома Мазендеранскимъ Губернапорамъ. На рѣкѣ видень мостъ о двенадцати дугахъ. Сады и гульбищи въ *Амоль* насажены кипарисами чрезвычайной полцины и высоты. Въ окружностяхъ находятся многіе желѣзные заводы, и съ нѣкопораго времени льють въ нихъ чугуныя пушки.

Егересъ, пойма провинціи городъ, лежитъ ближе къ морю. Шахъ въ немъ построиль великолпной дворець. Надъ главнымъ въздомъ здѣланъ *Гербъ Персидской*, то есть, левъ и возходящее солнце. Дороги усажены соснами и помаранцами, а въ садахъ множесство плодоносныхъ деревьевъ. Великое число ручьевъ, приведенныхъ въ водоемы, способствують къ плодородію и прохлажденію. Спроеніи споль огромны, что безъ хвастовства Персіане могутъ назвать ихъ царскими. Я удивился, увидя залу *Дивана*; она и проспранна и прекрасна. Спѣны и пополокъ писаны лазорью, и украшены золотыми цвѣтами.

Мы прожили нѣсколько дней въ семь городѣ и часпо веселились позорищами, въ коимъ Персіане очень спраспны. Нѣтъ Губернапора, даже и между самыми мѣлками, копорой бы не держаль своихъ собственныхъ *Бор-*

цовъ, Музыкантовъ и Танцовщицъ. Первые супъ пакіеже, каковы бывали въ Греціи, съ пою однако разноспію, что упражняются они въ одной борьбѣ. Музыканты и танцовщицы показываютъ ремесло свое на театрахъ. У нихъ всё поютъ, какъ во Французской оперѣ, и сіе уподобленіе подходитъ шѣмъ ближе, что танцы соединены съ пѣніемъ, а любовныя дѣла составляютъ доходъ танцовщицъ; но шѣмъ оно и кончилось. Французъ щещпно искалъ будеть Армиды на воспомощномъ театрѣ. Комедіи Азіатскія замыкаются въ однихъ живыхъ изображеніяхъ любви, и не умѣренныхъ оныя упѣхахъ. Танцы ихъ также выразительны и не меньше не благочинны. Въ оныхъ оказываютъ онѣ чудную легкость, поворотливость, и различность движеній приводящую во удивленіе. Ни кто, кромѣ танцовщицъ, въ пляскѣ не упражняется; ибо она въ Персіи почитается безчестною; а причиною тому можетъ быть безпорядочная ихъ жизнь; ибо всё онѣ посвящаютъ себя на народное удовольствіе и за пачковыя всѣми принимаются. Сія самая причина не препятствуетъ однако во Франціи танцовать и честнымъ женщинамъ.

Мы оставили Асреевъ, а вскорѣ попомъ и Мазендеранъ, и вступили въ *Хоросанъ*. Сія провинція, въ древнія времена называемая *Бактрианою*, которую покорилъ великаго пруда сполло *Александръ*, имѣетъ четыре главные города, спорящіе между собою о первенствѣ, или имяни споллицы. Называютъ ихъ *Мешедъ*, *Гератъ*, *Меру* и *Балкъ*. Первой сначала былъ только село, но гробъ *Имана Ризы*, изъ поволенія *Аліева*, привлекалъ въ него сполько на-

рода, что учинился онъ великимъ городомъ. Окруженъ онъ крѣпкою стѣною съ шремя спами башенъ, на ружейной выснрѣль одна опъ другой. Мечеть, въ которой сполитъ гробница помянушаго *Имана*, доказываетъ великолѣпиемъ своимъ набожность и щедрость Персіанъ. На дворѣ подланы великіе мраморные водобои; внутри зданіе украшено яшмовыми, мраморными и порфиоровыми сполбами. Къ своду прикрѣплены золотныя и серебряныя лампы, а стѣны набраны мозаикомъ. Позабытъ не должно и того, что поны сей мечети, пользуются превеликими доходами. Мешедъ лежитъ близъ большаго села *Нисшалура*, изъ котораго получаютъ камни *Бирюза*.

Гератъ, (спаринной *Арія*) естъ, какъ и Мешедъ одинъ изъ четырехъ споллицъ *Хоросанскихъ*. Нѣкоторыя приписываютъ основаніе его *Науходоносору*, другіе *Александру*. Лежитъ онъ въ долину покрытой садами и виноградными, пресѣкаемой рѣчками, получающими воду съ ближней горы; а защищается изрядною крѣпостию и стѣнами, около которыхъ идутъ водяные рвы. Въ спарину близъ сего города сполитъ славной храмъ *Гебровъ*. Величина его и богатство возбудили зависть въ *Магомешанахъ* имѣвшихъ недалеко отсюда одну бѣдную мечеть. *Магомешовы* попы, видя спеченіе народа со всѣхъ споронъ въ сей храмъ солнца, попустили своихъ послѣдователей зажечь оной, и пакъ капище обращено было въ пепель; а когда *Губернаторъ* провинціи хотѣлъ наказатъ зажигальщиковъ, то, сказываютъ, четыре тысячи *Магомешанъ* присягнули, что они никогда не видали на семь мѣстъ солнца

храма, но одну мечеть. Герась былъ взятъ и разоренъ нѣсколько разъ войсками, по *Чингис-хану*, Царя Индѣйскаго, по *Тилмура*. Турки имъ также владѣли съ частію Хоросана. Похваляющія въ немъ плоды, и особливо розы, изъ копорыхъ дѣлають наилучшую въ свѣтѣ гуляфную воду. Ковры, кои икупъ въ Герась, въ великой чести во всей Персіи.

Бдучи въ *Меру*, другой городъ въ той же провинціи, мы было погибли подъ пескомъ, копорымъ вѣпръ насъ засыпалъ; не одинъ разъ збрасывалъ онъ насъ съ лошадей, и мы ничего не видали опъ пыли: но всего хуже было то, что не знали, въ копорую сторону ѣхать, ибо вѣпромъ занесло всѣ дороги, и не видно было ни малаго слѣда. И такъ принуждены мы были взять двухъ проводниковъ, копорые вели насъ ночью, и я примѣшилъ, что они смотрѣли на звѣзды, какъ кормчіе на морѣ. Городъ Меру стоить посреди сихъ песковъ, изъ копорыхъ доспають множество соли. Онъ построень, сказывають, одною дочерью царя *Артаксеркса* Долгорукаго. Хотя земля и суха, но по причинѣ протекающихъ чрезъ нее прехъ рѣкъ, приносить много хлѣба, а особливо весьма крупной пшеницы. Воздухъ чистъ и здоровъ; болѣзни рѣдки, и никогда почти не опасны.

Я не забуду, что въ Меру видѣлъ праздникъ примѣчанія достпойной больше по баснѣ, копорая подала причину успановишь оной, нежели по наблюдаемымъ при шоржествѣ обрядамъ. Называютъ его *Щецель-Камеръ*, по есть, *Разрѣзаніе Луны*. Персіане сказывають, что *Магометь*, желая утвердишь свою вѣру какимъ нисепъ опмѣннымъ чудомъ, послѣ то-

го какъ насадилъ ей корень оружіемъ, созвалъ шридцать человекъ главныхъ изъ числа не хопищихъ признашь его за пророка: и дождавшись полнаго мѣсяца, повелъ ихъ на поле, гдѣ велѣлъ имъ смотрѣшь на небо. Тогда поднявъ руку, дѣлалъ нѣкоторое движеніе пальцами, и перерѣзалъ на двое мѣсяць. Одна половина спустилась пологохоньку на землю, и Магометь взявъ ее положилъ въ лѣвой рукавъ, изъ копорого она поднялась опяшь вверхъ, и соединилась съ другою половиною. Вопъ, Государыня моя, самое главное и славное чудо Магометанской вѣры. Оно такъ велико и чрезвычайно кажется Персіанамъ, что они шоржествующъ его особливимъ праздникомъ.

Изъ всѣхъ городовъ, присвоющихъ себѣ имя столицы Хоросанской, *Балкъ*, мнѣ кажется, имѣеть больше къ тому права. Прежде пренесенія столицы Имперіи въ провинцію Фарсъ Хоросанская была первою въ государствѣ. Теперь еще видны оспашки ея великолѣпія. Сей городъ великъ и наполненъ хорошими зданіями. Спѣны его построены прочно, и имѣють множество крѣпкихъ башенъ. Долина, на копорой онъ лежитъ, припна. На ней родится много хлѣба, плодовъ и огородныхъ овощей. Рѣка *Оксузъ*, (*Курханъ*) наивеличайшая изъ всѣхъ текущихъ въ Бактріанѣ, извиається по долину, и чинишь поля плодоносными.

Судише о впечатлѣніи, копорое оспавляють въ народахъ минувшія бѣдшвіи, по слѣдующему. Понынѣ въ Балкъ не забыли имени *Александра Великаго*, разорившаго сей городъ. Помняшь еще *Тилмура* ограбившаго оной; по имя *Чингис-ханово* и шого въ немъ извѣстнѣе.

(*) Безъ ужаса выговорить его не могутъ. Вопль чпо намъ рассказывали по сему случаю. Чингис-ханъ осадивъ сей городъ, думалъ чпо онъ вскорѣ здася по примѣру другихъ, коихъ больше спрахъ, нежели сила его войска, принудили искать въ семь способъ спасенія: но напелъ онъ великое сопротивленіе, какого и самъ не ожидалъ. Осажденные учинили нѣсколько вылазокъ, побили у него много людей, и въ одну ночь такою имѣли успѣхъ, чпо ворвались въ окопы и пробрались до самыхъ шапровъ Чингис-хановыхъ. Сей государь раздраженной пакимъ предпріятіемъ опъ горсти людей, о кошоромъ цѣлые народы не дерзали помыслишь, клялся, чпо опмснитъ споль чувствительное озлобленіе. Онъ учинилъ нѣсколько присуповъ, и между шьмъ, какъ всѣ городскіе солдапы защищались съ храбросцію, нѣкошорое число Тапшаръ ворвались въ смѣны однимъ подземнымъ ходомъ, близъ главныхъ воропъ, опбили оные и впустили осаждающихъ. Чингис-ханъ завладѣвъ городомъ, приказалъ всѣмъ жипелямъ выбрашь на поле, и шамъ ихъ умершвилъ. Къ сему прибавляюшь, чпо сей жестокой государь не прежде самъ переспалъ колонъ и рубишь, какъ когда уже у него силъ не спало. Жипели Балка не меньше гордящя древностцію своего города, какъ и храбросцію. Они ушверждаюшь, чпо основанъ онъ *Бахусомъ*, и чпо въ немъ

(*) См. Родословную исторію о Тапарахъ соч. Абулгази-Баядуръ Хана, перев. Г. Тредіаковскимъ и напеч. при Акад. Наукъ томъ I. час. III. стр. 205. гдѣ вся жизнь Чингис-Ханова описана.

сей герой, по возвращеніи изъ Индіи, опсправлялъ свои игры и шоржеспва.

Симъ образомъ проѣзжали мы часпо по проспраннымъ шенямъ всю здѣшнюю провинцію, въ кошорой, сказываюшь, было въ спарину больше штысячи городовъ. Великою *Зороастръ*, избобрѣпапель волшебной науки, предписалъ ему законы. Еще и понынь въ *Хоросанѣ* находишся множеспво Гебровъ, или обожаемыхъ солнца.

Сія провинція съ восточной спороны граничитъ съ *Сегистаномъ* (*Дрангіана*) обласцію, примѣчанія доспойною въ древностяхъ Персидскихъ; ибо она была опечеспво славнаго *Рустана*, героя знаменитаго во всѣхъ восточныхъ свазкахъ. Самые древніе цари Персидскіе въ ней жили; а со времени завоеванія Аравлянами, многіе Магоменанскіе владѣтели въ ней поселились. Одинъ изъ сихъ Сулшановъ вздумалъ завести рай, на подобіе Магоменова, въ прекрасной долинѣ, кошорую и предсплъ здѣлашь наипрелеспнѣйшимъ мѣспомъ въ свѣтѣ. Были шунъ шрѣтнвыя убѣжища, женцины непоняшпой красопы, лучшіе напипки, рѣдчайшія благовонія, мягкія поспели и избранная пища. При входѣ въ долину поспроилъ онъ вѣрность, кошорая сіе мѣспо дѣлала не присупнымъ. Когда нужно ему было произвести въ дѣйспвіе какое опасное предпріятіе, выбиралъ онъ молодого человека опмѣнной силы, и напсивъ допьяна, повелѣвалъ опнести его въ свой рай гдѣ оставлялъ его на два или на при дни вкушашъ всѣ сладости сего прелеспнаго мѣспа. По про-

шеспивии оныхъ, поили его вновь до пьяна и относили къ нему въ домъ шакъ, что онъ шого не чувспивоваль. Тогда Сулшанъ объявляль ему свое намѣреніе, и безъ шруда заохочиваль его предпріять оное, общая навсегда оставивъ его въ раю, кошораго онъ вкусиль уже ушъхи.

Наконецъ прибыли мы въ Испаганъ, гдѣ дожидался насъ докшоръ.

Я есмь и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok
Nr. —

Пупешеспивовашель, ищущій приобрѣсть знаніи, долженъ разсмашривашъ нравы, обычаи, законы шѣхъ народовъ, кои видивъ, и я уже доносиль вамъ, Государыня моя, что сіе самое и было побужденіемъ меня къ спранспивованію.

Вашимъ бы глазамъ Персіане полюбились. Они по большой часши спройны, лицемъ пригожи, и съ природы сильны; но склонность къ любви и къ ушъхамъ, дѣлаеть ихъ нѣжными и слабыми. Вамъ бы не меньше пріятно было съ ними разговаривашъ; я нашель въ нихъ разумъ оспрой и проникапельной, но врожденное любоспраспие къ роскоши часшо уничтожаеть сіи свойспвы. Они спановяшся лѣнницами, лѣшпещами, лицемърами; но что наипаче должно въ нихъ нравивъся чужеспраннымъ, всегда учшвы, шихи, ласковы. Жаль, что по большей часши причиною шому бываетъ корысполубіе; ибо со всѣми сими любви dospойными качеспвами, они ни щедры, ни поспоянны. „Никогда они съ вами не говоряшъ грубо, „сказаль одинъ Поршугальской Посоль, но ни, „когда не здѣлають вамъ никакого добра.“ Ошъ союзовъ ихъ съ Грузинками и Черкашпнами, оба пола здѣлались прекрасными. Женщины вообще имѣють лица пріятныя, спройной спанъ, нѣжную кожу, цвѣшъ прелеспной и глаза черныя; онѣ любяшъ и музыку; веселы, склонны къ дружбѣ, но склоннѣе еще къ чув-

спивованію обиды, спраспны къ унѣхамъ и цѣломудренны единспвенно по неволь.

Знапность природы еспь пустое названіе. Тѣ, кои наивышше имѣють чины, почипаются за благороднѣйшихъ. Такъ думаютъ всѣ Воспочные народы о дворянспвѣ, да можетъ бытъ и умно въ шомъ поснупаютъ, говорилъ мнѣ нашъ Молла, когда я рассказывалъ ему о нашихъ предразсужденіяхъ по поводу дворянства. Желаніе дойти до великаго чина своимъ собспвеннымъ достоинспвомъ, возбуждаетъ и пишаентъ охоту къ подражанію, и возвышаентъ душу къ снисканію благороднѣйшей славы, нежели бытъ можетъ ша, копорая получаентся отъ знаменипыхъ предковъ.

Главное попеченіе сего народа полагаентся въ воспитаніи дѣтей. Оспавляютъ ихъ на рукахъ у евнуха или Имана до двадцати лѣтъ, ежели не женятъ прежде. Изключая сей случай, смотрянтъ за ними весьма прилѣжно и воспитывають съ великою спротоспю. Учатъ равно, какъ и у насъ, всѣмъ наукамъ, но съ шюю разноспю, что въ Персіи основашельно вполковывають шу, копорой хотянтъ его научить, а у насъ со всѣхъ схвапывають шолько одни вершки.

Игры и шѣлесныя упражненія въ великомъ упошребленіи между Персіянами. Мы часто ходили на площадь, гдѣ вся молодежь Испанская собираентся въ извѣспные дни въ недѣль. Одни бросають копья, другіе дѣйствують лукомъ и саблею, а иные борюпся и бѣгають на лошадяхъ, спараясь одержать назначенное за шо награжденіе. Въ сихъ случаяхъ позабывалъ я, что находился въ изнѣжен-

номъ и лѣнивомъ народѣ. Видѣ игорь приводилъ мнѣ на память шо, что рассказывають о младости *Кира*, копорой симъ шочно образомъ себя предуготовлялъ къ великимъ дѣламъ и предвѣщаль завоеваніе Азіи. Племянникъ мой, будучи живъ и горячъ, не удовольспивовался бытъ проспнымъ зрительемъ. Онъ хотѣлъ показати искусство свое Персіянамъ, и не колебался въ выборѣ рода сраженія. Лукъ, копье, борьба были для него упражненія совсѣмъ не знакомыя; онъ умѣлъ довольно хорошо биться на сабляхъ, но бѣганье однакожь любилъ больше. Подъ нимъ была преизрядная Арабская лошадь, и онъ споль хорошо умѣлъ ею управлять, что одержалъ побѣду по признанію и самыхъ своихъ соперниковъ.

Сія склонность къ Персидскимъ обычаямъ учинила жипелей къ намъ благосклонными, а нѣкопное обспояпельспво и совсѣмъ ихъ здѣлало намъ пріятелими. Я принялъ у одного банкира не малую сумму денегъ; докторъ шаже въ оныхъ не имѣлъ недостатка. Мы вознамѣрились одѣться по Персидски, почипая за приспойно сообразоваться обыкновенію земли, въ копорой живемъ. Одежда Персидская весьма покойна и щеголеватая. Мушцины носятъ широкіе шпаны по самымъ плечамъ, долгую рубашку, полукафтанье открытое на груди, и опоясанное нѣсколькими кушаками по брюху. На оное надѣвають они родъ камзола или душегрѣйки коронкой и безъ рукавовъ. Обувь у нихъ теперь почти такая же, какъ и въ Европѣ. Кусокъ парчи и золошой кушакъ, обверченны нѣсколько разъ около головы, соспавляент ихъ чалму.

Вы не можете повѣришь, Государыня моя, какъ намъ приспало сіе платье. Въ первой разъ, какъ мы въ ономъ показались на улицѣ, многіе къ намъ подходили и поздравляли. Они думали, можете бышь, что надѣвъ Персидское платье, не умедлимъ мы принять въскорѣ и ихъ въру. Молла имѣлъ въ поздравленіяхъ свою долю; въ немъ похваляли ревность къ Магомешанскому закону.

Женская одежда мало рознилась съ мужскою. Рубашка ихъ больше открыта около груди, душегрѣйка долѣе, а кушакъ или поясъ уже. Сии поясы удивительное производятъ дѣйствіе надъ спонкимъ спаномъ. Онѣ носятъ родъ сапожковъ, а на головѣ нѣсколько покрываль, изъ подъ коихъ не видно совсѣмъ лица; ибо покрывалы висятъ по самыя колѣни.

Здѣсь очень мало любящъ гулять. Персіянинъ сидя поджавши ноги цѣлой день почищаетъ, что убудетъ у него важности, естли спанетъ онѣ ходитъ съ конца на конецъ аллея. Покой и роскошь супъ единственныя вещи, коихъ ищеть. По сему кажеться, что должно бы у нихъ бышь множеству кареть и колесницъ; но напрошивъ употребленіе оныхъ совсѣмъ имъ неизвѣстно. Мушны ѣздятъ верьхами; женщины рѣдко выходятъ изъ Сералей; а когда ѣдутъ въ дорогу, то носятъ ихъ верблюды въ качалкахъ. Какъ онѣ всѣ пригожи, то и шеряютъ много шѣмъ что не показываюся. Должно признасться, что красота спонитъ имъ дорого: да и дѣйствительно можетъ ли бышь что скучнѣе, какъ препровождатъ всю жизнь въ самой строгой неволѣ? Вы не повѣрите, въ какомъ рабствѣ и принужде-

ніи содержатъ здѣсь женской полъ. Персіане, влюбивше всѣхъ воспочныхъ народовъ, бывають по сей самой причинѣ и ревниве. Жены, коихъ имѣютъ, они много по мѣрѣ своего богатства, заключены въ самое уединеніе и отдаленной части дома. Сверхъ тройной ограды, копорая дѣлаетъ жилище ихъ неприспунною крѣпостию, вмѣшивають они и въру въ свои причуды: они выдумали одинъ законъ, будпо Магомешомъ данной при смерти: *Храните въру вашу и женъ вашихъ*. Въ силу сей заповѣди утверждають, что женщина, копорая осмѣлилась взглянуть на мушину, дѣлаетъ грѣхъ непрощипельной.

Не смотря на сію чрезмѣрную ревность, Персіане поспавляютъ за великую славу, чтобъ Государь почпилъ женъ ихъ своею милостию. Однажды по поводу сего случилось довольно смѣшное происшествіе. Одинъ Шахъ Персидской напившись у любимца своего, хотѣлъ войти въ женскіе покои. Придверникъ ему сказалъ: „покаместъ буду я при сей должности, не войдетъ сюда никогда другой бороды, кромѣ моего господина. Какъ, закричалъ Шахъ, „развѣ ты меня не знаешь? Знаю отвѣчалъ „онъ, что ты Царь надъ мужьями, а не надъ „женами.“ Любимецъ узнавъ о сей смѣлости, бросился къ ногамъ Монарха, говоря: „Государь! не причти мнѣ въ вину пресупленія „моего негоднаго раба; я уже его согналь. Придверникъ посупилъ похвально, отвѣчалъ „Шахъ; и ежели ты его сослалъ, то я беру „его въ мою службу.“

Покои Персидскихъ женъ снаружи и внутри върены спражъ шѣхъ спарыхъ чудовищъ,

коихъ называютъ *Евнухами*, и коихъ видъ одинъ можеть прогнать бога любви. Сии диконравные и немилосердые хранищели, не могли бытъ ни мало полезны женскому полу, полагаюшь удовольствіе свое въ шомъ, чпобъ вселянь въ нихъ страхъ и пренесть: чпо и доставляешъ имъ столь великую власнь въ домахъ Вельможъ и особливо при дворѣ. Евнухъ почти всегда имѣетъ довѣренность у своего господина, и управляетъ его дѣлами. Иные изъ нихъ при дворѣ въ великой силѣ, а многіе имѣюшь и первые чины въ Имперіи.

Голландской Банкирь, о которомъ я выше говорилъ, давалъ мнѣ на сихъ дняхъ чпшашъ книгу, привезенную недавно изъ Франціи, изъ коюрой я лучше узналъ нравы и жизнь Евнуховъ и женщинъ, заключенныхъ въ Персидскихъ Сераляхъ, нежели въ самой здѣшной столицѣ. Оная состоитъ въ прекрасныхъ письмахъ, въ коихъ сочинилель представляетъ намъ съ великою испинною, сихъ изувѣченныхъ людей по жестокосердыми, по ползающими, и говорилъ, что они бываюшь вмѣстѣ и шпраны и невольники прелеспныхъ и молодыхъ зашворницъ, надъ коими поручена имъ спража. Сии несчастныя съ постели господина переходящъ въ руки наказывающаго евуха, и по перемѣнкамъ или наслаждаюшся сладоспрасшными объашіями, опъ коихъ бываюшь маперями, или шерпящъ унижающія поправленія, кои уподбляюшь ихъ малолѣшнымъ дѣшамъ. Надобно всѣ сии подробности слышашъ опъ самаго сочинилеля; или лучше опъ Персіанина, его любовницъ и евуховъ.

„Сии вѣрныя спражи наипрекрасшйшихъ въ Персіи женщинъ, имѣюшь въ своихъ рукахъ ключи опъ шѣхъ пагубныхъ дверей, кои опверзаюшся для одного шолько человека. „Между шѣмъ, какъ они оберегаюшь сей драгощной залогъ, господинъ покоинся, наслаждаясь всевозможною безпечношю. Спргупъ они равно во время ночной пишины и во время дневнаго шуму. Ихъ неушомимымъ спараніемъ подрѣшленя добродѣшель, когда начинаешъ колебашся; и ежели бы которая изъ женщинъ покусилась преспунитъ предѣлы должносши, они умѣюшь лишащъ и надежды, въ шомъ предущѣть. Они сущъ бичъ порока и подпора вѣрносши. Но хощя повелѣваюшь надъ женщинами, въ шоже время и сами имъ повинуюшся; исполняюшь слѣпо всѣ ихъ хощенія, и принуждаюшь ихъ самихъ шажке наблюдащъ законы Сераля. Когда они посшавляюшь за славу оказывашъ имъ самыя пошдѣшнія услуги, когда съ почпеніемъ и спрахомъ; по шпрошивъ повелѣваюшь какъ власшщели, ежели увидящъ послабленіе въ правилахъ благоприсшосши и скромносши. Въ самое шое время, какъ ползаюшь у ногъ учащницъ любви господина, не упускаюшь и шогда даващъ имъ чувшвовашъ, сколь много онѣ опъ нихъ зависящъ. Они доставляюшь имъ всѣ упѣхи, почпшаемыя невинными, укрощаюшь ихъ безпокойшвія, увеселяюшь музыкою, пляскою, пріятнымъ пѣніемъ; собираюшь ихъ часшо вмѣстѣ, возящъ въ загородные дома; а когда надобно выдши изъ качалокъ для переѣзду чрезъ рѣку, женщины садящся въ свои клѣшки, и невольники несущъ

„ихъ на плечахъ, скрывая ошь взора всѣхъ
„мущинъ.“

Послушайте Государыня моя, какъ говоришь Персидской господинъ своимъ евнухамъ, и какими онъ ихъ починаешъ. „Что вы за люди? Вы ни что иное, какъ презрительное орудіе, копорое я всякую минушу могу изпребитъ по моей волѣ; копорое до шѣхъ поръ цѣло, пока умѣетъ повиноваться; копорое произведено въ свѣтъ, чпобъ жить подь моими законами и умереть, когда я захочу; копорое дышетъ только, покамѣетъ любовь моя, да даже и самая ревность имѣетъ нужду въ вашей подлости; и наконецъ, копорое не можетъ имѣть другаго блаженства, кромѣ покорности, другой души, кромѣ моей воли, другой надежды, кромѣ моего благополучія.“

Дабы совершенно описать вамъ евнуховъ, я предспавлю вамъ другую карпину, въ копорой одинъ изъ сихъ сквернавцовъ самъ изчисляетъ выгоды и непрятности своей должности. „Я живу въ Сераль, говоришь онъ, какъ въ небольшемъ царствѣ; высокомѣріе мое, единая оставшаяся во мнѣ спрасъ, находить всегда чемъ себя удовлетворить. Я съ удовольствіемъ вижу, что все на мнѣ лежитъ, и что всякую минушу имѣю въ мнѣ нужду. Я охотно сношу ненависть всѣхъ сихъ женщинъ, ошь копорой утверждаюсь опчасу крѣпче на моемъ мѣстѣ: но и онѣ не съ благодарнымъ имѣю дѣло: всегда гошовымъ меня находятъ въ доспавленію себя увеселеній. Я всегда предь ними, какъ неподвижная ограда. Онѣ выдумываютъ предпріятія, я ихъ опчасу оставляю; вооружаюсь опказомъ, защищаюсь совѣ-

спію препятствующею мнѣ исполнить ихъ волю. Должность, добродѣтель, скромность, спыдъ всегда у меня на языкѣ. Я привожу ихъ въ опчаяніе, говоря безпрестанно о слабости ихъ пола, и о власти нашего господина.“

„Но совсѣмъ онимъ не избавленъ я ошь безчисленныхъ непрятностей, всякой день выдумываемыхъ сими мспительными женщинами, спарающимися въ оныхъ превзойши и меня самого. Онѣ имѣютъ ужасные пороки: между ними всегда, какъ на морѣ, бываетъ приливъ и опливъ власти и повиновенія. Онѣ налагаютъ на меня самыя презрительныя должности, за малѣйшею бездѣлицею поднимаютъ меня ночью разъ по десяти. Опъ повелѣній, приказовъ и упрямства ихъ нѣтъ мнѣ покою; кажешся, что онѣ нарочно между собою смѣняются; чпобъ меня мучить; приходи ихъ идушь одна за другою. Часно веселятся шѣмъ, что принуждаютъ меня удвоить оспорожность, дѣлая мнѣ тысячи ложныхъ довѣренностей. То приходять мнѣ сказывать, что около стѣнъ шапашся молодой мущина; по слышенъ былъ спукъ, по передали письмо. Все сіе меня смущаетъ, а смущеніе мое веселитъ ихъ и ушѣшаетъ. Онѣ радуются, что я самъ себя мучу. Иногда держатъ онѣ меня какъ прикованнаго за дверью и день и ночь. Спараются пришворяясь большими, падаютъ въ обмороки, пугаются. Въ шаковыхъ случаяхъ должно оказывать слѣпое повиновеніе и неограниченное къ нимъ снисхожденіе. Опказъ ошь пакого человека какъ я, ешь дѣло неслыханное; и ежели бы я умѣшкалъ повиноваться, онѣ бы имѣли тогда право меня наказать.“

„Сіе еще не все: я ни одной минутой не бываю увѣренъ въ милосердіе моего господина; я сполько имѣю злодѣевъ, кои вредятъ мнѣ въ его довѣренности, и не помышляюшь ни о чемъ какъ единственно о моей пагубѣ. Для нихъ бываюшь такіе часы, въ которые мнѣ не вѣрять; часы, въ которые всегда я виновать. Я вожу въ поспелю господина моего женщинъ раздраженныхъ: и можно ли въ такомъ случаѣ надѣяться, что замолвятъ за меня слово, и что моя сторона будетъ сильнѣе? Мнѣ всего должно опасаться опъ слезъ ихъ, опъ вздоховъ, опъ объятій, опъ самыхъ упѣхъ, въ коихъ онѣ погружающся. Онѣ тогда находящся на мѣстѣ ихъ пріумфа; прелести ихъ спановящся для меня спрашны; лобызаніи ихъ уничтожающъ въ одну минуту прошедшія мой заслуги, и ни что меня обезпечить не можетъ въ человекѣ, копорой въ такое время самъ виѣ себя. Сколько разъ случалось мнѣ лечь спать въ милости, и проснувшись въ несчастіи, бытъ жертвою любовныхъ договоровъ и мира, произведеннаго вздохами..“

Вопъ еще описаніе жизни, каковую вѣдуть женщины въ Сераль. „Передъ мужа приходятъ онѣ изощивъ всѣ уборы, кои изобрѣсши можетъ воображеніе. Онѣ съ удовольствіемъ осматривающъ сіи чудеса искусства, и удивляющся, до чего ихъ можетъ доводитьъ желаніе ему понравиться. Но вскорѣ, спараясь принудить занятыя прелести успунишь природнымъ, повелѣвающъ имъ снятъ уборы, въ коихъ начинающъ находить пречистствіи, и предспашъ предъ себя въ естественной простотѣ. Всякая новая прелестъ иребуещъ у него дани.

Сіи женщины перемѣняющъ въ одну минуту тысячи разныхъ положеній. Ежеминутно новыя повелѣніи, и новое повиновеніе. Онѣ за ничто почитающъ спыдливоссть, и думаютъ шолько о славъ превзойти своихъ соперницъ..“

„Сіи роды пріумфовъ приводятъ иногда Сераль въ ужасной безпорядокъ и расстройствво. Тогда между женщинами возгараещся война. Нѣтъ между ими ни одной, копорая бы не предпочитала себя другимъ пороною, красотою, богатствомъ, разумомъ, и не искала бы воспользоваться оными для одержанія первенства. Какое различіе въ ихъ сосполніи. Однѣ печалющся, но съ гордосстію; другія безмолвны, но шѣтъ паче спрадающъ; иныя сами ничего уже не ожидая, упѣшающся шѣтъ, что со злосстію на прочихъ взирающъ; иныя, въ коихъ не погасла еще надежда, въ высокоумри своемъ сердящся. Не смотря на сіе внушрешнее смяшеніе, иногда въ наружности видно спокойствіе, великія перемѣны скрываются и печали заключающся въ сердцѣ; радоссть изъ него не изходитъ. Повиновеніе не меньше наблюдается, и порядокъ сохраняется споль же спрѣго, какъ и прежде: но случается иногда и то, что повсюду слышны жалобы, спонь, укоризны, неудовольствіи до шѣхъ поръ, пова внухи вооружащъ всею спротосстію, не возспановящъ пишины и порядка..“

„Въ Сераляхъ добропорядочно содержиныхъ не бываетъ слышно ни ссоръ ни раздоровъ; повсюду царствуетъ глубокое молчаніе. Всѣ женщины ложатся и вспающъ въ одинъ часъ. Въ баню ходящъ одна за другою и выходящъ, сколь скоро евнухъ даещъ знашь. До-

спальное время все почши сидящъ въ заперти въ своихъ покояхъ. Принуждаютъ ихъ держать себя опрятно, безъ того онѣ нейдутъ спать, чшобъ не опрыскашся благовонными водами. Въ спальню къ мужу не ходятъ прежде позыва; принимають сію милость съ радостію, и оной себя лишенными видятъ безъ ропшанія; но не меньше присматриваютъ одна за поступками другой, и кажешся, какъ бы стоворясь съ евухами, сами спараютъ умножитъ свою опъ нихъ зависимость..»

„Сіи спрашныя пвари, въ коихъ самое малѣйшее несовершенство есть шо, что они не люди, заблаговременно пріучаютъ себя къ жестокому правленію. Они спараютъ познатъ сердце женщины, опкрытъ склонности, притворство, вывѣдаютъ наискровеннѣйшія мысли, противную разумъ самыхъ пайныхъ словъ, воспользовашся ихъ слабостями, не удивляшся ихъ гордости, смотрѣтъ на ихъ слезы безъ смятенія и наказывашъ ихъ безъ милосердія. Будучи непріятели равно обоого пола, они готовы предашь себя на мученіе сильнаго, лишь бы могли сами перзашъ слабого. Сіи недостойные изверги челоѣческой природы, презрительные невольники, коихъ сердце неприсупно чувствованіямъ любви, оплакиваютъ свое состояніе для того, что бы женщинъ здѣлашь несчастливѣе. За наималѣйшую проспунку наказываютъ ихъ недостойнымъ образомъ: ибо сіи варвары упѣхою спавятъ огорчатъ ихъ даже и въ самомъ способѣ наказанія; они избрали для нихъ шакое, которое начинаешся пѣмъ, что шревожитъ спыдливость, ввергаешъ въ ужасное уныніе. Душа сихъ не-

счастливыхъ, униженная сначала спыдомъ, приходишь въ себя, и начинаешъ негодовать; вскорѣ крикомъ ихъ наполняешся жилище, и онѣ просятъ пощады у наипрезрительнѣйшаго сквернавца изо всего челоѣческаго рода, спараясь привести его въ жалость. Но должно и то сказать, что чрезъ сію единую спроситъ, Сераль можетъ бытъ для нихъ убѣжищемъ опъ пороковъ и храмомъ, въ которомъ поль ихъ вооружаешся противъ слабости, и дѣлаешся непобѣдимымъ, не смотря на недоспакки его природы. Во всемъ дѣйсвуешъ послушность и должность: самыя упѣхи важновидны, и веселіе сурово; ибо наслаждаются оными не иначе, какъ слѣдствіями повелѣній и зависимости..»

Спараніе о наполненіи убылыхъ мѣстъ принадлежитъ также до евуховъ. Они наибольше показываютъ ревности въ шомъ, чшобъ населишь сіе роскошное мѣсто новыми красавицами, сколь скоро время и обладаніе испощитъ прелести спарыхъ. Разсудитъ, Государыня моя, сколько надобно вещей и суешъ, чшобъ одному челоѣку повеселишся.

Женщины не вольнѣ и въ деревнѣ, какъ въ городѣ; ибо сверхъ того, что Аргусы ихъ не покидаютъ, обыкновенно кричатъ передъ ними вездѣ, гдѣ имъ идти, по улицамъ и по дорогамъ, чшобъ мужчины удалились. Сіи повелѣнія бываютъ гораздо спрожае, когда выѣзжаетъ Шахъ съ своими Сулпаншами; тогда все бѣжитъ, все прячешся; и ежелибъ какой несчастной попался на дорогѣ, въ шуже минушу предали бы его смерти. Скорѣе погущитъ погибнуть женщинамъ, нежели спасуть

ихъ, естли для сохраненія жизни должно показанъ ихъ взору муштинъ.

Въ Персіи жены не приносятъ мужьямъ другаго приданаго, кромъ нѣсколькихъ каменьевъ и домовыхъ уборовъ, а опъ мужей напрошивъ получаютъ деньги. Число оныхъ утверждается контрактомъ, и онъ пониребовать ихъ могутъ, естли мужъ разведется: но должно принять деньги прежде, нежели жена преводила одну ночь внѣ мужня дома, инаково лишается права пребовать оныхъ. Чшо касается до платья и другаго скарба, позволено ей взять сполько, сколько она въ рукахъ унести можетъ.

Я сказывалъ вамъ, чшо можно взять здѣсь жену по смерти, или на время. И пакъ смотря по надеждѣ или по спраху, мужъ дѣлаеть контрактъ на три, на шесть и на девять лѣтъ; и ежели доволенъ женою, шо возобновляеть его при изпеченіи срока. Пріятель нашъ показалъ намъ одного Персіанина, котораго называли *Многоженцомъ*. Онъ имѣлъ жену, коей дали имя *Многомужней*. У него перебывало тридцать женъ, а у нее двадцать чешыре мужа.

Законы, касающіеся до супружества весьма способствують къ распложенію; здѣсь не нужно родительское согласіе, и каждой можетъ слѣдовать своей склонности. Дѣши одного отца имѣютъ равное право къ наслѣдству, хотя бы мать была жена, хотя бы наложница. Здѣсь неизвѣстно безчеловѣчное различіе законныхъ дѣшей съ побочными.

Мало естъ земель, въ которыхъ женщины прекраснѣ Персидскихъ, но нигдѣ не бывають онѣ споль суевѣрны. Я видѣлъ служанокъ

первыхъ госпожъ Испаганскихъ, просящихъ милосины у прохожихъ для своихъ барынь; а сіи собирають подаеніе, дабы набѣвшись за деньги, споль законно пріобрѣтеныя учинились плодородными. Другія думаютъ, чшо для сего надобно пройти подъ пѣломъ висѣльника; иныя моются водою, въ которой мылись муштины въ банѣ; другія ѣдятъ съ благоговѣніемъ часнѣ опшизную при обрѣзаніи.

Непошребныхъ женщинъ пакъ много въ Персіи, чшо онѣ по городамъ живутъ въ особыхъ слободахъ, и имѣютъ надъ собою особыхъ правителей. Онѣ всѣ вписаны въ реестръ, и платья по положенную подаль Государству. Между прочими особливостями, сіе примѣчания достойно, чшо имя ихъ означиваетъ цѣну. Въ Персіи не говорятъ Заида, Фашима; но *двенадцать томановъ, двадцать томановъ*, пакъ какъ бы у насъ вмѣсто Розетны, Викторіи называли десятирублевая, двадцатирублевая.

Вы сами заключить можете, чшо не всѣ онѣ имѣютъ споль дорогія имена; ибо *Томанъ* дѣлаеть девять рублей нашими деньгами. Между сими женщинами естъ и умѣренной цѣны: все сіе зависить опъ лѣтъ, опъ красоты и опъ дарованій. Имяна ихъ перемѣняются при перемѣнѣ прелестей: иногда двадцати томанная беретъ названіе самой мѣлкой монеты.

Танцосщицамъ запрещено продавать благосклонности ниже двухъ томановъ; а естли онѣ шого не споятъ, шо оппускаются изъ шайки съ нѣкоторымъ небольшимъ награжденіемъ. Въ пакомъ случаѣ могутъ онѣ себя про-

давать, за что хопятъ. Всѣ города наполнены сими дѣвками, и онѣ опираютъ свое ремесло въ Караван-сераяхъ, на глухихъ рынкахъ, и даже на монастыряхъ мечетей и училищъ. Иногда приходять и въ самыя кельи Молловъ. Въ одномъ Испаганѣ считаютъ ихъ до двенадцати тысячъ; сполько почти и въ Парижѣ ихъ нѣтъ.

Персіане любятъ лучше бѣсть въ пракирахъ, нежели дома гоповить споль. Я разумью чрезъ сіе проспой народъ; ибо знатные и богатые всегда имѣютъ свои кухни. Я изъ любовныспва бывалъ въ сихъ пракирахъ, или лучше харчевняхъ, въ коихъ можно лишиться охоты бѣсть, сколько бы кто ни былъ голоденъ. Однажды принужденъ я былъ пать обѣдать, ибо дѣла мои меня задержали. Первые предмѣты попадающіеся въ глаза, сушь при превеликіе кошла, изъ кошорыхъ выходить неприятной запахъ. Огонь подъ ними разведенной пипаеися хвороспомъ и сухими листьями, пошому, что дрова здѣсь очень рѣдки. Въ концѣ харчевни, за замаранною завѣсою подѣланы возвышеніи съ перилами, на коихъ садятся госпи. Я съ прочими на сихъ голыхъ софахъ поселился, и не поперялъ перпѣнія въ ожиданіи. Подали каждому изъ насъ по блюду, котораго запахъ привлекалъ прохожихъ. Соспояло оно въ кускахъ баранины, козлятины и лошадинаго мяса, и было приправлено густымъ и невкуснымъ соусомъ. Мнѣ завидно было сморѣть на жадность, съ каковою пожирали мои сосѣди. Я надѣялся, что жаркое будетъ по крайней мѣрѣ пріятнѣе: но не могъ опдѣлить ошъ онаго ни куска. Оно было спаро и

крѣпко, хопя и цѣлую ночь съ огня не сходило: но въ награжденіе съѣлъ я съ десятипокъ хлѣбцовъ, чему не должно удивляться; ибо хлѣбы здѣсь какъ лепешки, и пекутъ ихъ положе между двумя желѣзными листами.

Оспая харчевню, пошелъ я пошчасъ къ моему пріятелю, кошорой долго смѣялся моему обѣду. Когда вы шакъ сево дни счаспивы въ пирахъ, говорилъ онъ мнѣ, то я поведу васъ въ кабакъ, и напередъ опвѣчаю, что вамъ пать будетъ весело. Предложеніе мнѣ полюбилось, и мы шуда пошли. Въ Испаганѣ много кабаковъ или шинковъ, и мы не долго были въ дорогѣ. Вошли мы въ превеликую горницу, въ кошорой ничего примѣчательнаго не было, кромѣ пришедшихъ шуда людей. Одни чрезмѣрно веселились, другіе бѣсились, и казались внѣ себя; иные спали, или лежали неподвижны. Молла велѣлъ мнѣ прилѣжно сморѣть на послѣднихъ, и примѣчать въ нихъ разныя дѣиспвія выпянушаго ими пипья. Оное дѣлаеися изъ хлѣба и маку. Тѣ, кои еще его не пили, казались печальны и унылы; но когда опроспали нѣсколько чашекъ, груспъ ихъ превращалась въ гнѣвъ и сердце. Они бранились, кричали и здорили другъ съ другомъ. Спуспя нѣкошорое время вспупала въ нихъ веселость, погда они начинали смѣяться, пѣть, шупить. Я удивлялся симъ скороспизнымъ перемѣнамъ, и веселился, видя ихъ переходящихъ изъ крайнаго бѣшенства въ чрезвычайную радость. Наконецъ по сихъ восхищеніяхъ наспупала непонятная нечувспвенность: выспавшись, выходили они споль же печальны, какъ и пришли. Вошъ чудныя дѣиспвіи сево пипья, кошорое

Персіане любяць споль спрашно, чпо согласяся скорѣ умереть, нежели быль онаго лишеннымъ.

Ть, кои въ состояніи держашь споль дома, не наполняютъ его множествомъ блюдъ, какъ у насъ. Они кромѣ баранины и живности почти инаго не ѣдятъ: но ѣжностъ во вкусъ и приутошвление дѣлають ихъ сполы приятными. Ѣдятъ они два раза на день. Въ обѣдъ споль ихъ соспоить изъ молочнаго и плодовъ, какъ арбузы, финики, виноградъ, гранаты. Въ вечеру ѣдятъ пшено и мясо. Имѣя запрещеніе вкушашь вино, дѣлають они разныя соспавныя пишы изъ лимоннаго соку и гранатъ, или изъ розовой воды и маку. Амвра и мускъ во всѣ оныя входящъ. Выключая обѣды и сполы, Персіане очень воздержны, можетъ быль, по причинѣ жаркаго климата. Праздничныя сполы бывають у нихъ по вечерамъ: но гостя съзжаются поупру. Тогда пошчивають ихъ легкимъ завпракомъ. Время до ужина проводящъ въ куреніи пабаку, въ разговорѣ, въ чипаніи или пѣніи стиховъ. Какъ они счастливы, чпо не знаютъ играць въ каршы!

При помощи Персидскаго плашья и добра нашего Моллы, были мы допускаемы не сполько къ знашнымъ споламъ, но и въ сообществя ученыхъ и художниковъ. Сколь ни лѣнивы Персіане, они, можетъ быль, одни между всѣми Азіашцами, кои прилѣжатъ къ наукамъ и художествамъ.

Художества наибольше въ почтеніи у нихъ золотарное, красильничье, горшечное и архипектура. Я во многихъ проспыхъ домахъ видалъ золотарей, работающихъ съ небольшою

удобностію, какъ и искусствомъ. Здѣсь въ обыкновеніи дѣлащъ у себя въ домѣ серебряную посуду и другія къ уборамъ принадлежащія вещи. Посылають за масперомъ, и онъ приносить печки свои и инструмены, и поселяещя, гдѣ ему опведунъ мѣсто.

Ежели судить объ архипектурѣ Персидской по шѣмъ спроеніямъ, о коихъ я упоминалъ, кажется, чпо не можетъ ее ничто быль лучше; однакожь не лзя ее и сравнить съ Европейскою. Я уже здѣлалъ примѣчаніе, чпо краски въ Персіи живѣе, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ, а по шому и цвѣшы въ шпанахъ шпофахъ очень ярки. Я всегда любовался, смопря въ магазинахъ на лоскъ и на шѣни шпофовъ, въ копорыхъ разнось цвѣшовъ представляють приятной глазамъ предмѣшъ. Я не осшавилъ также осмопрѣшь и фарфоровыя фабрики, коихъ много въ Испаганѣ. Фарфоръ дѣлаещя во всѣхъ почти городахъ: самой лучшей привозящъ изъ Шираса и Караманіи: но изо всѣхъ художествъ наибольше въ совершенство приведено дѣланіе шелковыхъ и бумажныхъ маперій. Какъ шелку и бумаги повсюду родящя изобильно: шпо и нѣшь почти деревни, гдѣ бы оныхъ не работаши, да и расходъ имъ чрезвычайно великъ. Коловорошы, моповилы, выюшки, употребляють шакіе же какъ въ Европѣ; но драгоценными дѣлають шпофы шпше, въ копоромъ Персіане очень искусны. Они умбють шакже печашь золотомъ и серебромъ; и я съ шрудомъ могъ различить золотыя парчи, на копорыхъ цвѣшы и рисунки были вышпшы, опъ шѣхъ, на коихъ оныя напечатаны.

Я не войду въ подробности о другихъ свободныхъ и механическихъ художествахъ. Сіе завело бы меня далеко. Довольно сказать, что исключая часовое дѣло, печатаніе книгъ, рѣзбу, живопись, всё прочіе супъ почти шже, что и въ Европѣ. Что касается до высокихъ наукъ, оныя еще меньше разнятся съ нашими. Персіане имѣютъ у себя въ рукахъ источникъ наукъ, шѣ славныя шворенія Аристотелевъ, Архимедовъ, Иппократовъ, Платоновъ. Имѣютъ также своихъ ученыхъ, коихъ сочиненія во всякомъ родѣ превосходны. Что я спозналъ объ ихъ философіи, показалось мнѣ нѣсколько смѣшно. Переселеніе душъ есть система Персіанъ и всѣхъ Индійцевъ. Молла также держался оной. Онъ говорилъ шузя, что его душа вошла въ шѣло Персидскаго попа, въ наказаніе за дурасшва и грубости содѣланныя ею, когда она оживошворяла шѣло опкушника.

Нравоученіе ихъ здравѣе въ наружности: ибо Философы ихъ всегда на языкѣ имѣютъ какое нибудь правило, или важное и разумное изреченіе. Я примѣпилъ, что мечети, дома, и даже двери покрыты и украшены шакowymi приповѣсшми, и списалъ изъ нихъ нѣкошорыя, кои здѣсь вамъ сообщаю.

„Человѣкъ можетъ почипаться за цѣло-мудраго, когда ищешь премудрости; но шощъ шпо думаешь, что нашель ее, есть безразсудной и глупой.

„Три вещи не инако познаются, какъ въ штрехъ случаяхъ: храбрость въ сраженіи, мудрость во гнѣвѣ, и дружесшво въ нуждѣ.

„Ежели Царь сорветъ яблоко въ саду у подданнаго: придворные вырвутъ дерево и съ корнемъ.

„Сердце отца лежшъ на сынѣ; сердце сына на камнѣ.

„Когда шобѣ скажутъ, что перенесли гору съ одного мѣста на другое; вѣрь шому, ежели хочешь: но ешшли скажутъ, что человекъ склонности перемѣнилъ, невѣрь шому никогда.

Исторія и Географія у Персіанъ замыкается въ весьма шѣсныхъ предѣлахъ. Мой пріятель признался, что прежде, нежели онъ научился чрезъ обхождение съ Европейцами, никакого понятія не имѣлъ о Королевствахъ Гишпанскомъ, Французскомъ и Англинскомъ, сколь они ни велики. Сшраны новаго свѣта и шого меньше были ему извѣстны. „Невѣденіе, говорилъ онъ, въ кошоромъ мы живемъ, касается до чужешшранныхъ земель, не должно васъ приводить въ удивленіе. Наша заграничная шорговля очень мала. Персіане не имѣютъ шой склонности къ любопытству, кошорой удивляюсь я въ Европѣйскихъ. Будучи съ лишкомъ заняты ушѣхами чувствія увеселяющими, не помышляютъ они ни мало объ обыкновеніяхъ прочихъ народовъ, и не понимаютъ, какъ человекъ можетъ предпріять путешешвы въ опдаленныя земли, для другихъ причинъ, кромѣ нажшпка. Прибавше къ сему, сказала я, что нѣтъ у васъ *Тилографій*. Сей недосшатокъ по истиннѣ шохранишь васъ опшного, что вы дурными книгами не закиданы; но съ нимъ погребены преизшщныя знанія, и прешчено размноженіе оныхъ.

Турецкой языкъ въ Персіи въ великомъ употребленіи, шштому, что солдаты почти всѣ родомъ изъ Турціи; а для сей причины начальники ихъ, и слѣдовательно Вельможи Госу-

дарства, обучаются сему языку, копорой отъ двора распространяется по городу и по провинціямъ. Арабской языкъ, естъ языкъ наукъ и ученыхъ, также духовныхъ и приказныхъ; ибо Алкоранъ, первоначальная книга правъ Персидскихъ, писана по Арабски. Природной языкъ употребляется въ народныхъ актахъ; записяхъ, въ Государевыхъ указахъ и пр. Естъ пословица, что Персидской языкъ способенъ льстить людей; Турецкой бранить; Арабской уговаривать. Что змѣй, прельстившій Евву краснорѣчїемъ, употребилъ Арабской языкъ; что Адамъ и Евва о любви между собою разговаривали по Персидски, и что Ангель, изгнавшій ихъ изъ рая, кричалъ по Турецки.

Персидскій языкъ употребляютъ въ стихотворствѣ, копорое имѣетъ рифмы и стопы, и копорого предметомъ бываетъ почти всегда любовь и женщины. Здѣсь сколь скоро кто умѣетъ любить, тотъ стихотворецъ, а начинаютъ любить, сколь скоро приходятъ въ разумъ. Молла переводилъ намъ нѣсколько стихотвореній. Онѣя мнѣ понравились своимъ жаромъ и дѣйствїемъ, равно какъ и увеличеніемъ вещей, копорыми всѣ они наполнены. Ежели собрать оды и эпиграммы нашихъ стихотворцовъ, они всѣ не сполнятъ одной Персидской пѣсни. Женщинамъ не позволяютъ упражняться въ сочиненіи стиховъ: онпуда и происходить у нихъ сія учпвая пословица: *Ежели курица захочетъ лѣтъ; какъ лѣтухъ, надобно ей перерѣзать горло.*

Хотя пѣніе и панцованіе въ великомъ здѣсь презрѣніи; но естъ однако хорошіе музыканты. Пѣніе ихъ весело, нѣжно и спрасп-

но, равно какъ и стихотвореніе. Обыкновенныя инструменты сунъ: люлия, сврыница, арфа и цитра. Удивительно, что сіи народы, бывъ такъ склонны къ ушѣхамъ, презираютъ такіа два искусства, кои наибольшій имъ придаютъ вкусъ.

Науки наивысше уважаемыя Персіанами, и ведущія къ славѣ и богатству, сунъ умозрительная Астрологія и Астрономія. Къ первой они такое почтеніе имѣютъ, что ничего не начинаютъ, не спрося совѣта у звѣздочеша. Шахъ многихъ таковыхъ держитъ при дворѣ, и повсюду съ собою возитъ. Не знаю, увѣрены ли они сами о неложности своей науки; но народъ показался мнѣ нацѣнъ слѣпою довѣренностию къ ихъ предсказаніямъ.

Вы конечно не сумнѣваетесь, что и врачи находятся въ великомъ уваженіи въ такой землѣ, гдѣ обожаютъ Астрологію. По сей причинѣ они и богачѣ здѣсь звѣздочешовъ. Число ихъ въ Персіи велико, какъ и повсюду, хотя и не сполько здѣсь еще развелось болѣзней, какъ въ нашихъ странахъ. Лихорадка, поносъ, горячка съ пятнами, колѣше въ бокахъ, кровавой поносъ, желтуха, обыкновенны у Персіанъ. Они не знаютъ ни головной болѣзни, ни подагры, ни апоплексїи, ни воспы; да и самая ша, копорую я не хочу здѣсь называть своимъ именемъ, хотя и весьма у нихъ расплодилась, никогда почти не бываетъ опасна. Сухость воздуха, думаю, способствуетъ болѣе къ сохраненію и возстановленію здоровья поврежденнаго.

Въ семь мѣсць письма моего, Молла меня перервалъ. Онъ пришедши ко мнѣ, сказалъ,

что толпа народа собралась передъ дворцомъ. Любопытство понудило насъ туда идти. Мы свѣдали, что Шахъ приказалъ ко двору принести одному Губернатору, на котораго приносили ему жалобы, но что помощію приятелей, предупредилъ зашустить дѣло. Мы видѣли, какъ Шахъ выѣзжая изъ дворца, былъ окруженъ креспыями и бѣдными, просящими объ опущеніи, бросающими чалмы подъ ноги, раздирающими на себѣ плащъ, поднимающими превеликую пыль на воздухъ, и закливающими Монарха унять насиліи и грабежи ихъ Губернатора. Симъ образомъ допускають деревенскіе жители свои просьбы до Государя и просятъ о справедливости. Шахъ приведенной въ смущеніе шаковымъ позорищемъ, оборонился съ великимъ сердцемъ къ одному офицеру своей гвардіи, и приказалъ ему идти поспѣшь разпороть брюхо тому, на коего жалуются. Я видѣлъ, какъ было исполнено сіе ужасное пожеланіе. Губернаторъ самъ находился въ свитѣ Шаховой. Помышлой офицеръ кричалъ ему, что Государь осудилъ его на смерть: послѣ чего пробился сквозь толпу, повалилъ сего бѣднаго на землю и разрѣзалъ ему животою предъ всѣмъ дворомъ.

Вопль каково самовласіе въ Персіи, и почти во всѣхъ другихъ Азіатскихъ областяхъ! Вельможи, удрученные сполнѣ суровымъ игомъ, за честь спавши бытъ въ рабствѣ; а народъ, коего подлостью мыслей защищаетъ отъ всякихъ бурь, Государя почитають и любятъ. Тщешно попы выдають себя за хранителей высшей власни, и утверждають, что царствованіе не должно бытъ разлучено съ бого-

служеніемъ подъ шѣмъ предлогомъ, что Магомень былъ вмѣстѣ и Царь и Первосвященникъ. Слова ихъ сполнѣ же мало впечатлѣваются въ разумъ, сколь пеперь произвели бы въ Европѣ подобныя и сполнѣ многократно возобновленныя записи Римскаго духовенства, но, что не всегда дѣлается въ Европѣ; Персидскіе Государя, почувствовавши вредъ шаковыхъ возмущительныхъ заботъ, отдавали поповъ отъ главныхъ должностей министерства.

Царство Персидское естъ наследное, и одни дѣти мужеска пола имѣють право на престолъ. Старшій сынъ обыкновенно восходитъ на оной послѣ отца: я сказалъ обыкновенно попому, что Шахъ имѣетъ власнѣ назначить наследникомъ того сына, котораго больше любитъ. Сколь скоро новой Монархъ сядетъ на престолъ, то повелѣваетъ лишать зрѣнія своихъ братьевъ, дядей и всѣхъ ихъ дѣтей мужеска пола. Исполнитель шаковаго спрашнаго приказанія, приходилъ къ ворошамъ Серали, и отдавалъ Шахово повелѣніе евнухамъ.

Сии приводящъ передъ него молодыхъ Князей, и между тѣмъ, какъ ихъ держашъ, онъ одною рукою отворяетъ вѣки, а другою выколупываетъ глазъ. Евнухи уводящъ назадъ сихъ несчастныхъ жертвъ, и залѣчивають имъ раны. Сколь ни безчеловѣчна сія полипика, она кажется больше сносною воспомынымъ народамъ, нежели поступки Турецкихъ Султановъ, которые безъ всякой жалости умерщвляли своихъ братьевъ и племянниковъ. Персіане находятъ шу выводу въ ослѣпленіи, что Шаховъ родъ прекратилъ отъ того не можеть.

Какъ Государи въ Азіи по большой часни вѣдаютъ въ ушьи и въ пѣжную жизнь, по и складываютъ всю тяжесть дѣлъ на *Верховнаго Везира*, или перваго Министра. Онъ имѣетъ смолпрѣніе надъ градодержателями, и всѣ гражданскіе, уголовные суды, доходы, торговля, войски, переходятъ черезъ его руки. Прочіе Государственныя Министры суть: *Диван беги*, или главной судья справедливости; *Курчи-баши*, начальникъ пограничныхъ войскъ и Генераль Курчей; *Кулар-Агаси*, начальникъ войска невольниковъ; *Тезфанчи-Агаси*, Генераль пѣхоты; *Толчи баши*, Генераль Фельдцейхмейстеръ. Можно включить въ число сихъ пятерыхъ *Назира* или Шахова дворецкаго. Сіи Министры составляютъ совѣтъ, въ копоромъ Везиръ главою; но рѣшеніи ихъ шегда только хороши, когда Сераль, или совѣтъ женъ и евуховъ, дѣла инаково не рѣшилъ.

Провинціи имѣютъ своихъ начальниковъ, одни управителей, другіе Губернашоровъ или *Хановъ*. Первые обязаны отсылать въ Государскую казну собираемая ими съ народа подати. Губернашоры же суть не большіе Государи, имѣющіе каждой въ своей столицѣ многолюдной и великолѣпной дворъ. Къ Шаху посылаютъ только подарки, избирая на по самыя рѣдчайшія вещи изъ своей провинціи, но обязаны содержать всегда въ готовности положенное число войска для службы Государства. Въ первыхъ вѣкахъ Монархіи называли сихъ Губернашоровъ *Сатралами*: они и шегда не меньше были сильны, какъ и нынѣ.

Сверхъ сихъ властелиновъ, каждой городъ имѣетъ особаго Губернашора, коему вѣрена

главная расправа; для нижнихъ же судовъ определены *Казы* или судьи. Одни смолпрѣтв надъ купцами, другіе надъ войскомъ, третьи надъ полиціею. Всѣ сіи судебныя мѣста шпроги только для неимущихъ. Деньги пою же властію пользуются въ Персіи, какъ въ Европѣ. При блескѣ сего мешалла законы умолкаютъ, правосудіе засыпаетъ, власть опрекается отъ своихъ правъ. Почему богатой преспушникъ ходитъ, поднимая голову; а неимущій виноватой одинъ терпитъ въ мученіяхъ наказаніе за свою бѣдность и преспушленіе.

Наказаніи наибольше употребляемыя въ Персіи суть, палки и ошейникъ. Первые для черни оспавлены: бьютъ ими по подошвамъ, что очень больно; а ошейники накладываютъ на шѣхъ, кои познатишь, но еще не осуждены. Сіе орудіе есть особливаго рода: длиною оно въ три фупа, и составлено изъ трехъ кусковъ дерева, изъ коихъ пошъ копорой короче, дѣлаетъ продолговатой шриугольникъ. Голову наказуемаго кладутъ въ оной, а къ одному углу привязываютъ руку. Симъ образомъ ходитъ онъ по городу, а шпорожемъ къ нему приспавленъ бываетъ кто нибудъ изъ придворныхъ господъ.

Когда преспушникъ осужденъ на смерть, что рѣдко случается, обыкновенная ему казнь есть разрѣзаніе брюха по обѣимъ шпоронамъ пупка. Привязываютъ его за ноги на спину верблюду; порютъ брюхо и послѣ возятъ по городу. Передъ верблюдомъ ходитъ человекъ и кричитъ во весь голосъ, за что казненъ злодѣй. Кончившя же сіе шѣмъ, что вѣшаютъ его за ноги на деревѣ, въ копоромъ нибудъ предмѣстѣ.

Прочіе роды смерти сушь: сажаютъ на колъ, рубящъ руки и ноги, и оставляютъ изувѣченныхъ симъ образомъ мало помалу умиранъ, или закапываютъ по шею въ яму, наполненную подмаскою; шло во многихъ мѣстахъ проѣзываютъ, кладутъ въ раны небольшія зазвѣныя свѣщильни, кои пишуются жиромъ шла, и помалу его сожигаютъ. Смерщубійцевъ судья опдаетъ родшвенникамъ покойника, которые мучатъ его всѣми способами внушаемыми мщеніемъ и злобою. Онъ вручая имъ прешупника, говоритъ: „По закону вамъ позволено пролишь его кровь, но помнише, что Богъ милосердъ.“ Спорожу суда опводятъ его на шо мѣсто, которое сродники покажутъ, кладутъ его на землю, связываютъ руки и ноги, и оставляютъ его неприпелямъ. Человѣкоубивство есть здѣсь наивеличайшее прешупленіе, коего ниже Государь прешипишь не имѣетъ власти, но сродники могутъ оппустить винованому.

Займодавецъ имѣетъ великое право надъ должникомъ. Онъ можетъ его посадить въ шюрму, запереть у себя въ домъ, бить его, лишь бы не изувѣчилъ, продать имѣніе его, женъ и дѣшей.

Нѣтъ земли, въ которой бы шакъ вольно говорили передъ судомъ, какъ въ Персіи. Челобитчикъ и опвѣщчикъ приходитъ къ судѣ, каждой приводитъ своихъ свидѣтелей, и каждой говоритъ самъ не имѣя спряпчихъ. Когда они поднимають шумъ, судья велитъ ихъ бить спорожамъ. Для опправления судовъ нѣтъ особыхъ мѣстъ. Каждой судитъ въ своемъ домъ, въ одной большой залѣ. Въ ней дѣлано мѣсто

съ решешкою, наподобіе алкова, въ которомъ спановятся женщины и опшуда по дѣламъ своимъ говорятъ, но съ шакимъ крикомъ, что часто прерываютъ судъ; ибо спорожу бить ихъ права не имѣютъ. Большая частьъ челобитныхъ ихъ сосноиптъ въ прошеніи о разводѣ, а важнѣйшею къ тому причинною приводишся опъ нихъ холодноспъ, и безсиліе мужей.

Когда въ судѣ нѣтъ свидѣтелей, шо прибѣгаютъ къ присягѣ. Персіане клятнутся надъ Алкораномъ, Жида надъ книгами Моисеевыми, Гебры надъ огнемъ, а Индѣйцы надъ коровою.

Всѣ важные акты должны бить засвидѣтельствованы судьями. Къ нимъ прикладываютъ печати Кади, Губернашоръ, попы и другія значныя особы. Чѣмъ больше печатей на актѣ, шѣмъ онъ дѣйствительнѣе. Ежели дѣло касается до подашей, или опправляется именемъ Государя, шо должно бить записано въ реестрѣ особыми судьями, на шо опредѣленными. По разсмотрѣніи шестерочиновыхъ, подписываютъ разнымъ образомъ. Одинъ пишетъ: *Актъ былъ подъ перомъ*; другой *Справедливъ*; иной, *Дошелъ до нашего свѣденія* и иной, *Прошелъ чрезъ реестры*, иной наконецъ *Внесенъ въ архиву*. Каждая подпись содержишь имя и чинъ; бумага, проходящая чрезъ сполько рукъ, не можетъ не произвешти большихъ расходовъ.

Всѣ земли въ Персіи почиаются принадлежащими Шаху; и владѣтели ихъ пользуются ими по праву уступки опъ Государя на нѣсколько лѣтъ. Когда контрактъ кончился, шо его возобновляютъ, заплаши Шаху годовой доходъ. Персіане рѣдко опдаютъ на аренду

свои деревни; но уговариваются съ земледѣльцемъ, кошорой дають имъ четверть, третью, половину или при четверти дохода, смотря по добротѣ деревни, и по пруду своему. По чему соспоиные Персидскихъ мужиковъ довольно сносно, и въ самыхъ плодородныхъ и вольныхъ обласняхъ Европы, прудно найтинше поселянь, кошорые бы ихъ были счастливѣе.

Что я сказалъ по поводу полиціи Турецкой для воспрепятствованія обману въ продажѣ съспныхъ припасовъ, шо самое наблюдается равно и у Персіанъ. Одинъ мѣщанинъ Испаганской, купя кусокъ мяса, шель домой. На улицѣ встрѣшился онъ съ полицейскимъ властелиномъ, кошорой спросилъ у него, что онъ несетъ? Мясо, ошвѣчалъ ему мѣщанинъ: я его купилъ у шакого шо мясника; но онъ взялъ съ меня больше положенной цѣны, да и шущъ обвѣсилъ, по крайней мѣрѣ пятью или шестью золотниками. Поведи меня къ нему, сказалъ полицейской. Пришедши къ мяснику, велѣлъ онъ взвѣсиль мясо, и дѣйствительно нашлось нѣсколько золотниковъ меньше. Какую пы на него хочешь управу, спросилъ полицейской у мѣщанина? Я шребую, ошвѣчалъ послѣдній, чтошъ у него самага сполько опрѣзано было шѣла, сколько недоспаешъ въ вѣсь мяса. Тотчасъ, сказалъ судья, и пы самъ его опрѣжешъ; но ежели опрѣжешъ больше или меньше наспоющаго вѣса, шо я шевѣ опрублю руку. Мѣщанинъ опрехся ошо всего, и пошелъ домой.

Воинская Персидская сила соспоишь изъ шрехъ родовъ войска: *Милиціи*, *Курчей* и *Невольниковъ*. Послѣдніе соспавляютъ корпусъ въ двадцати двухъ тысячяхъ пѣхошы и кон-

ницы на содержаніи Шаховомъ, и почти всѣ Грузинцы и чужеспранные. *Курчи* происходятъ ошъ спаринныхъ Ташаръ, покоровшихъ Персію, подъ предводительствомъ великаго *Тамерлана*: число ихъ проспиралешъ до шридцати тысячъ; они всѣ водятъ скотъ и приобькли къ земледѣлію. Корпусъ Милиціи естъ наисильнѣйшій по крайней мѣрѣ числомъ. Сими имянемъ называются войски, кои Губернаторы провинцій содержатъ для охраненія и безопасности границъ. Курчи и Милиція служатъ всѣ на лошадяхъ; но что соспавляетъ главную силу въ войскѣ и въ Государствѣ, ученіе и дисциплина: они споль же мало извѣстны Персіанамъ, какъ и прочимъ воспочнымъ народамъ. И шакъ не удивительно, что Персія и вся Азія шoliko-крапно была добычею завоевателей. То горспъ Грековъ порядочно успрочинныхъ, прогоняла цѣлые народы; шо пыма Варваровъ наводнила сіи проспранныя обласпи и доставляла названіе *Героевъ* Александрамъ и Тамерланамъ.

Персіане въ сраженіяхъ слѣдуютъ древнему правилу Парчанъ. Они увиваются около непріятеля; беспокоятъ его частыми шцибками; предаются въ бѣгъ, когда видятъ на себя нападеніе, и возвращаются на сраженіе, когда за ними нѣтъ погони. Они пренебрегаютъ ограждашъ укрѣпленными окопами, и довольствуются однимъ избраніемъ выгоднаго положенія, какъ на примѣръ, лѣсами или узкими проходами. Когда какая провинція угрожаема набѣгомъ, жители ее покидаютъ, разоривъ все, и зарывъ въ землю хлѣбъ и домовыя снадобы. Раздѣленная на небольшія частши армія, занимаетъ для

примѣчанія непріятели, всѣ прудные проходы, и спорить съ нимъ о всякомъ шагѣ, ожидая случая, побить его съ успѣхомъ. Ежели непріятель сильно ее пѣснишь, она подается въ задъ, разоряя оставляемые за собою мѣста и принуждая жищелей убираться во внутрь области. Персидскія войски не берутъ съ собою въ походъ ни тяжелыхъ обозовъ, ни артиллеріи. Они такъ коротко споятъ на одномъ мѣстѣ, что вездѣ удобно находятъ, чемъ пропитаться. Мужики изъ окрестностей наперерывъ къ нимъ носятъ съѣстные припасы. Сей прѣзвой народъ, привыкшій довольствоваться небольшимъ количествомъ пшена или плодовъ, не имѣетъ нужды въ запасахъ. По сей причинѣ армія, состоящая изъ сорока тысячъ челоуѣкъ, движимая у нихъ съ такою же или большею поворотливостію, нежели у насъ малою корпусъ гусаръ.

Полководцы Персидскіе по всегда имѣютъ помѣшательство, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ спрашиваютъ мнѣнія у звѣздочетовъ: а какъ сіи послѣдніе опивѣчаютъ за успѣхъ своихъ предсказаній, по обыкновенно въ совѣтахъ бываютъ робки. Впрочемъ сіи ученые люди съ природы войны не любятъ, и всегда спараютъ опвратить Государя, предвѣщая, что она будеть не благополучна.

Выгодное сей Имперіи положеніе между Персидскимъ заливомъ и Каспійскимъ моремъ должно было, кажепса, привести мореплаваніе въ цвѣтущее состояніе; но оно совсѣмъ здѣсь пренебрежено; и примѣръ Европейцовъ, купечествующихъ во всѣхъ частяхъ свѣта, не могъ

еще до нынѣ обязать Персіанъ учредить порты и строитъ корабли.

Дабы переменить рѣчь, я вамъ, Государыня моя, сообщу нѣкоторыя примѣчанія учиненныя пріятелемъ моимъ Моллою о вѣрѣ его земли. Магометъ признаеть здѣсь какъ и въ Турціи, за истиннаго пророка и Божіа посланника. Сіи оба народы имѣютъ великое почтеніе къ Алкорану; но принимаютъ разныя онаго толкованія. Магометъ, говорящъ Персіане, по возвращеніи изъ послѣдняго своего путешествія въ Мекку, желалъ предупредить всѣ споры, могущіе родиться между его учениками о выборѣ ему преемника. Для сей причины собралъ свое войско, и поднявъ на пукъ связанныхъ оружіемъ *Алія*, своего племянника и зятя, велѣлъ признавъ его за такоаго челоуѣка, котораго Богъ назначаетъ засупитъ его мѣсто. *Абубекеръ*, *Омаръ* и *Османъ* полководцы Магометовы согласились въ наружности на выборъ пророка, но тайно спарались уговорить народъ не признавать *Алія*, проповѣдуя повсюду о порокахъ его и пресупленіяхъ. Между тѣмъ Магометъ занемогъ въ Мединѣ и вскорѣ умеръ. Али, не думая, что въ спорилъ въ его выборѣ, упражнялся въ оплакиваніи и погребеніи пещи. Абубекеръ, Омаръ и Османъ созвали народъ, и дали ему вольность избирать преемника Магомету; но дабы склонить его на свою спорону, уговорили положитьсь въ помъ на одного спараго челоуѣка, находящагося пущже въ собраніи; но котораго они подкупили. Сей наименовалъ Абубекера, пещи Магометова; послѣ чего никто уже не помышлялъ объ *Аліи*. Омаръ и Османъ

упѣшились въ шой надеждѣ, что новой Царь, будучи уже старъ, не долго проживеши. Въ самомъ дѣлѣ, спустя два года по избраніи, Абубекеръ впалъ въ опасную болѣзнь, чувствуя приближеніе смерти, хотѣлъ опадать Алию похищенную у него корону. Омаръ, видя чрезъ шо надежду свою упавшую, задушилъ больного въ постель, и показалъ народу подложное письмо, утвержденное печатію Абубекеромъ, онъ назначалъ его своимъ преемникомъ. Сего было довольно, дабы принудить народъ признашь его за законнаго пророкова наследника. Онъ царствовалъ двенадцать лѣтъ, по прошествіи коихъ, Османъ заступилъ его мѣсто. По смерти сего, Али вошелъ въ свое право. *Госсеинъ*, старшій его сынъ, помышлялъ быти по немъ наследникомъ; но войско шому возпропивилося, и выбрало другаго. Попомки сего Госсеина, хотя и были всегда въ гоненіи, и искали спасенія въ спраншвованіи, почишающа за единыхъ и истинныхъ Магомешовыхъ наследниковъ. Персіане называющъ ихъ *Иманами*, и говорящъ, что двенадцатой и послѣдній Иманъ *Магометъ-Медги*, скрылся въ землѣ, и возвратишиа чрезъ нѣкошорое время, приняши правленіе Государства. Они его дѣйствительнo ожидающъ, какъ Жиды Мессію; и во всякое время держашъ въ главныхъ Персидскихъ городахъ осѣдланыхъ лошадей для его встрѣчи.

Сія повѣсть служиши основаніемъ вѣры здѣшнихъ народовъ. Они говорящъ, что Али есть единый намѣстникъ Магомешовъ, и проклинающъ Абубекера, Омара и Османа, а особливо Омара, почиая сіе проклятіе дѣломъ богоугоднымъ. Турки напронивъ признающъ

сихъ прехъ полководцевъ за наследниковъ и преемниковъ пророка. Сія разносши во мнѣніяхъ произвела непримиримую вражду между оными сильными народами; и они взаимнымъ своимъ опшраченіемъ доказывающъ, какъ шо по несчастію и въ другихъ земляхъ испышано, что фанатизмъ есть наижеспочайшій бичъ Государства.

Меня не шакъ много удовольствовала сія басня, чтобъ не захошѣши выспросиши у Моллы о главныхъ членахъ его вѣры; но все объявленное имъ показалось мнѣ сходно съ шѣмъ, что и Туркамъ предписано Магомешовымъ закономъ

Хотя Персіане по природному предразсуденію увѣрены, что исповѣдуемой ими законъ есть наилучшій; но не показывающъ они шого наглаго презрѣнія и скопскаго опшраченія къ другимъ вѣрамъ, каково примѣчается во владѣніяхъ Султанскихъ. *Аббае II.* Монархъ шполь почишаемой въ Имперіи Персидской, имѣлъ за правило, что Цари обязаны показыващъ равную справедливосши ко всѣмъ своимъ подданнымъ, какой бы они вѣры ни были, и что единому Богу принадлежиши управляши совѣстию. Наследникъ его шакже непорабощенной фанатизмомъ, спрашивалъ у одного Польскаго Посла, какъ бы поступилъ Король *Собіескій*, его Государь съ Турками, по взятіи Царя града, кошорой, какъ шогда носилса слухъ, хотѣлъ онъ осадиши? „Мы бы ихъ всѣхъ переморили, опшвѣчалъ Полякъ, развѣ бы приняли они Христіанской законъ. Хорошо, сказалъ, перекрестися Шахъ, ежели швой Государь возмешъ „Царь-градъ, я шакже здѣлаюся Христіаниномъ.

„Одинъ изъ покойныхъ Шаховъ разсматривая часы, здѣланные нѣкопорымъ Женевскимъ мастеромъ: „ Я примѣчаю, сказала, что Франки гораздо лучше работаютъ, нежели Персіане; и боюсь, чѣмъ они, будучи просвѣщеннѣ насъ въ художествахъ, не были также просвѣщеннѣ и въ томъ, что касается до вѣры.

Послѣднее показаніе стоворчивости Персіанъ, по поводу вѣры, есть то, что они перпяли у себя всѣ законы, и даже позволяютъ чужестраннымъ принявшимъ Магомешовъ законъ, опять отъ онаго отпрекаться. Они всякаго челоука молитву почитаютъ дѣйствительною; и въ болѣзняхъ прибѣгаютъ къ жертвоприношеніямъ чужестранныхъ вѣръ. Но сей духъ челоуколюбія и снисхожденія не одушевляетъ ихъ духовныхъ, коихъ свойство есть быть гонимельми. Я выключая изъ сего числа нашего Моллу, котораго не ослѣпленъ предразсужденіями своего сана.

Когда онъ мнѣ здѣлалъ объясненіе о вѣрѣ, или лучше о сектѣ Персидской: я спросилъ у него, что такое *Седръ*, о которомъ слышу много я слышалъ. Я учинилъ ему также нѣкоторые вопросы о Муфтии и Персидскихъ Дервишахъ. *Седръ*, говорилъ онъ, или великій первосвященникъ, есть наиважнѣйшая здѣсь особа послѣ Везира. Онъ судитъ всѣ духовныя дѣла, и распоряжаетъ доходами мечетей. Онъ думаетъ, что и гражданскія дѣла также должны отъ него зависѣть: но Диван-Беги, коего правленіе подкрѣпляется Государскою властію, оправдываетъ Седру одни только тяжбы касающіяся до наследства, домовъ и контрактовъ. По Седръ первые властелины суть *Шейх-ель-*

исламъ и *Кази*. Власть ихъ обширна: ибо имѣютъ они право мѣшаться во всѣ спорныя дѣла и назначаютъ Казіевъ или нижнихъ судей. Муфтии мало имѣетъ власти въ Государствѣ. У него спрашиваютъ въ спорахъ происходившихъ отъ толкованія Алкорана; но и по дѣлаются изъ одного почтенія къ его сану. Рѣшенія его не признаются, какъ прежде бывало, за оракулы.

Церковное имѣніе состоитъ въ земляхъ, въ домахъ или процентахъ, получаемыхъ изъ Государской и городской казны, въ баняхъ, въ караван-сераяхъ и другихъ вещахъ такого же рода. Ихъ будетъ миліоновъ до семи рублей. Управляютъ же ими съ такимъ порядкомъ и бережью, что, выключая Седра имѣющаго около сорока тысячъ рублей доходу, самыя лучшія ихъ духовныя мѣста едва приносятъ двѣ, или три тысячи. Толкователи Магомешанскаго закона гораздо совѣстнѣе съ деньгами поступаютъ, нежели наши. Они не только пропиваются, чѣмъ одинъ владѣлъ доходами, собираемыми изъ разныхъ мѣстъ; но къ тому еще утверждаютъ, что употребленіе оныхъ должно быть запрещено и тѣмъ, кои могутъ себя доставать довольное пропитаніе своими трудами.

Сверхъ вышепомянутаго, есть также и жалованье. Для первыхъ и для вторыхъ даются письменныя виды. Жалованья инаково получить не можно, какъ представивъ помянутую бумагу въ одномъ духовномъ приказѣ; и когда оной не доволенъ поведеніемъ представляющаго, то удерживается жалованію грамоту и лишается его доходовъ. У кошо-

рыхъ естъ земли, шѣ своими руками себѣ плапашъ, но всякія пашъ лѣпъ принуждены спарашъ о возобновленіи грамопы. Ежели явишъ какое нареканіе на его поведеніе, приказъ опказываешъ выдашъ грамопу, и опнимаешъ имѣніе. Сіе доспойно похвалы: ибо содержишъ духовныхъ въ повиновеніи и въ порядочной жизни.

Древней можно назвашъ родомъ республики монашеской; но не споль многолюдной какъ въ другихъ народахъ, слѣдующихъ Магомешанскому закону. Правленіе ихъ презираешъ, а народъ больше жалоспи, нежели почшеніи къ нимъ имѣешъ. Въ наружности они очень не опришны, грубы, горды и чрезвычайные невѣжи. „Я помню, говорилъ Молла, вы мнѣ сказываютъ однажды, что и у васъ естъ подобныя имъ люди, коими всѣ ваши края наполнены.“

Я уже упомянулъ о нѣкоторыхъ праздникахъ Персидскихъ: но не должно позабышъ и Навруза. Оной естъ начало солнечнаго года, и сей праздникъ бывъ всѣхъ прочихъ древнѣ опправлялся въ спарину съ великимъ шоржеспвомъ. Успановленіе его приписываешъ одному Царю изъ первыхъ Династій сей Имперіи. „Оной Государь, рассказывалъ мнѣ Молла, взошелъ на провъ, чпобъ показашъ себя подданнымъ: а какъ былъ онъ великій красавецъ, шо образомъ своимъ и каменьями короны, на копорую ударяло солнце, споль много ослѣпилъ народъ, что оной закричалъ, *Вотъ Наврузъ*, шо естъ, новой день, и Монархъ при семъ случаѣ учредилъ праздникъ, коимъ шогда начинался Персидской годъ. Онъ продолжался шессть дней:

первые пашъ опмичаемы были благодарностями Государя, а шесшой доказательствами благодарности опъ подданныхъ. Шахъ освобождалъ заключенныхъ въ темницы, раздавалъ награждения, и дѣлалъ милоспи всѣмъ чинамъ Государства. Въ вечеру пашаго дня приводили во дворець одного молодаго и прекраснаго человека, копорой ночевалъ въ передней Шаховой. Пошпру входилъ онъ къ нему безъ всянаго доклада. Шахъ спрашивалъ, кто онъ пашовъ, откуда пришелъ, какъ назывался, и что принесъ? Молодой человекъ опвѣщспвовалъ на сіе: я емъ величеспвенной, имя мое благословенной, присланъ я опъ Бога, и принесъ новой годъ. Сколь скоро окончилъ сіи слова, входили шуда начальники народа, держа каждой въ рукахъ серебряной сосудъ, въ копоромъ насыпаны были зерна разнаго хлѣба, сахарную проспъ и двѣ золотыя монеты; а при концѣ обряда приносимъ бывалъ большой хлѣбъ. Шахъ опвѣдывалъ оной и попчивалъ предспоящихъ, говоря слѣдующее: вопъ новой день, копорой естъ начало новаго мѣсяца и новаго года. Справедливоспъ шребуешъ опъ насъ, чпобъ мы возобновили взаимныя благодарнія, соединяющія насъ однихъ съ другими. Попомъ облекшись въ царскую одежду, давалъ благословенія предспоящимъ, и награждалъ ихъ богатыми подарками, съ коими они и выходили..

„Такой обрядъ, знаменующій насшупленіе спараго Персидскаго года, продолжался до нападешя Аравлянъ. Сіи варвары, коихъ лунной годъ не соопвѣщспвовалъ Персидскому, и кои впрочемъ имѣли крайнее опвращеніе во всѣмъ чужеспраннымъ обыкновеніямъ, не сходспвую-

щимъ съ ихъ предразсужденіями, пренебрегли праздникъ, которой по сей причинѣ и преданъ былъ совсѣмъ забвенію; но одинъ Шахъ возобновилъ его въ пятомъ вѣку Египта и праздновалъ съ шазимъ великолѣпнѣе и пышностію, что всѣ его наслѣдники потомъ ему подражали.,,

„За нѣсколько дней предъ вспуленіемъ солнца въ знакъ овна, придворные астрономы собираются для наблюденія минушы равноденствія. А какъ она наспушпъ, возвѣщается сіе народу пальбою изъ пушекъ и звукомъ липавръ, трубъ и волпорнъ. Праздникъ продолжается недѣлю, которая пропекается въ увеселеніяхъ всякаго рода. На площади предспавляются комедіи, пляски, фейерверки, борьбы и всякія позорища. Вся чернь, даже и самая бѣдная надѣваютъ новые кафшаны; а знатные спараются превзойши другъ друга великолѣпнѣе. Всякой день собираются за городомъ въ какомъ нибудь гульбищѣ, гдѣ бываетъ чрезвычайное спеченіе народа. Сверхъ подарковъ, которыми въ сей день дарятся, посылаютъ также другъ къ другу крашенныя и золоченыя яйца. Шахъ раздаетъ оныхъ до пяши или шестпи сопъ въ Сералѣ. Коронныя чины приходятъ поздравлять Сефія и дарятъ его, сообразуясь каждой съ своимъ доспашкомъ. Онъ также даетъ не малые подарки своимъ женамъ, и награжденіи евнухамъ. Всякой день бываетъ огромной споль во дворцѣ для всѣхъ нуда приходящихъ людей. Вельможи принимаютъ отъ своихъ подчиненныхъ, но за ничпо ихъ спавяпъ, еспли не присовокуплены къ нимъ подарки.,,

Въ семь мѣстъ оставилъ насъ Молла, спѣша къ одному умирающему сроднику; но мы съ нимъ пошли и видѣли наблюдаемые при шазимъ случаяхъ обряды. Когда больной приближается къ концу, на площадкѣ его дома зажигаютъ множество небольшихъ площаекъ, дабы сосѣдей и прохожихъ обязать за него молиться. Призываютъ нѣсколько поповъ, кои увѣщаютъ его покаяться, приводя на память грѣхи, содѣланные въ жизни шазимъ, что не онъ исповѣдуется, но попы за него. При каждомъ грѣхѣ, о которомъ ему напоминаютъ, онъ опвѣчается: *Каюсь*. Потомъ велитъ ему чипашъ исповѣданіе вѣры: а какъ языкъ у него опнимется, чипашъ надъ нимъ молитвы по умершихъ, и нѣкошорыя главы изъ Алкорана. Ежели онъ долго поминся, переносятъ его въ шо мѣсто, гдѣ онъ обыкновенно маливался, и кладутъ на спину ногами и лицомъ къ Меккѣ, дабы его душа получила скорѣе свободу разспашся съ шѣломъ.

По послѣднемъ издыханіи, всѣ окружающіе начинаютъ выпъ, раздираютъ плащъ, бьютъ себя по лицу и по груди, и овазываютъ знаки наичувствительнѣйшей печали. Во время сего горестнаго дѣйсвія, посылаютъ къ полицейскому офицеру шой часпши съ объявленіемъ о смерти, и для испрошенія позволенія о его погребеніи. Покойнику зашворяютъ глаза и ротъ: голову крѣпко завязываютъ полопенцомъ, дабы ротъ не развалился. Выпягиваютъ руки, чшобы онъ не криво лежалъ подлѣ боковъ. Потомъ моютъ умершаго въ его домѣ, или въ особо здѣланномъ для всего народа водоемѣ: каковыхъ много находится въ

большихъ городахъ. Сии обмoveniи бывають, просякаго рода: первое дѣлается обыкновенною водою, въ копорую кладуть пучекъ древесныхъ лиспьевъ; второе канфорною, а прешье просною водою. Тѣло вытирають на сухо, и запыкають всѣ опверсiи хлопчатною бумагою. Послѣ чего обвершывають его въ сукно, на коемъ набожные пишутъ списхи изъ Алкорана, и кладуть во гробъ, какъ можно скорѣе; ибо по прошествiи девяти или десяти часовъ, тѣло шакъ начинаеть пухнуть, чпо никакимъ образомъ не уложится въ гробъ. Сiю чрезвычайность, случающуюся съ мерпвыми здѣшней земли, приписывають великой сухости воздуха. Ежели должно гробъ нести въ какое опдаленное мѣсто, какъ иногда завѣщавають больные, наподняють его солью, извещiю и смолою, не выпопрашивая однако шѣла, и инаково не балзамируютъ въ сей часпи Азии, почиая за беззаконiе вынять изъ умершаго легкое, сердце, или черевы.

Выносъ дѣлается безъ всякой пышности, а присупсвуетъ при оной только попъ и нѣсколько слугъ. Тѣло несуть невольники или прiатели покойника, копорыхъ смѣняють первые попавшiеся на встрѣчу. Каждой въ шакowychъ случаяхъ охотно помогаеть, и часпо самые знатные люди слазашъ съ лошадей для опданiя сего долга умершимъ. Иногда предходитъ гробу знамя, или хоругвь мечеши, и Алкоранъ раздѣленной на придцашъ шомовъ, изъ копорыхъ, каждой шомъ несетъ въ рукъ особой ученикъ. При погребенiи знатныхъ людей, везуть на нѣсколькихъ лошадяхъ оружiе и чшму умершаго, и кладуть ихъ подлѣ покойника въ

могилу, какъ у насъ хороняшъ Епископовъ во всемъ одѣянiи, или Генераловъ въ мундирѣ и пр. Каждой изъ предшоящихъ бросаетъ на него нѣсколько земли, говоря: „Мы принадлежимъ Богу; мы произошли отъ Бога, и возвращаемся къ Богу.“

Могилу покрывають пескомъ или кирпичемъ, чшобъ не росла на ней трава, а часпо кладуть надгробной камень съ нѣсколькими словами изъ Алкорана. Мужескую могилу пошому узнашъ можно, чпо на камнѣ изображена чалма. Сродники по набожности приходяшъ въ нѣкопорое время въ году на могилу, и кладуть пироги или крендели и плоды пошвенные Ангеламъ хранишелямъ, но коими пользуются попы.

Трауръ продолжается сорокъ дней. Первые восемь проводятся въ ужасной горестпи. На сiе время запираются, дабы плакашъ въ свободѣ, не имѣя другой одежды, какъ сарафанъ изъ полстой холщпины весь изодранной. Они бы и не ѣли, ешшли бы сосѣди не приносили кушанья, и не принуждали ихъ къ пому. Въ девятой день ходяшъ въ баню, и брѣють голову и бороду; надѣвають плашье получше, и начинають посѣщашъ прiателей. Однакожъ вой и плачь продолжается въ домахъ, безпрерывно какъ въ первые восемь дней, но при чешьре раза въ недѣлю, а особливо въ шощь самой часъ, когда умеръ покойникъ. Печаль отчасу спановится умѣреннѣе до сороковаго дня, шо ешъ, до конца шраура.

По возданіи послѣдняго долгу больному, Молла звалъ меня, для разгнанія печальныхъ мыслей причиняемыхъ умирающимъ, смошрѣшь людей увеселяющихъ проворсшвомъ рукъ и шѣлдвиженій. Оныя забавляли насъ разными вещами, въ которыхъ дивился я ихъ искусству. Двое между ими пришворились, что поссорились. Одинъ ударилъ другою ногою по чалмѣ и изъ нее выпало съ двенадцать змѣй, кои начали ползати по горницѣ. Одинъ изъ сихъ гадювъ пустился на меня, и принудилъ уступити себѣ мѣсто; но меня увѣрили, что они не вредящъ; ибо всѣ зубы у нихъ вырваны. Тотъ, которой ихъ выпустилъ, опять собралъ и положилъ въ свою чалму.

Оспая ихъ, пошли мы гулять за предмѣстїи. Въ то время мужики мяли хлѣбъ быками и ослами: ибо они не молопятъ какъ у насъ. Я долго любовался на сіе зрѣлище. Сперва здѣлали они кругъ шаговъ въ тридцать въ поперешикъ, и около онаго покладаи снопы: потомъ запрягли помянутую скопину въ небольшіе дровни, на кои сѣлъ человекъ, и погонялъ быковъ по кругу до тѣхъ поръ, пока ему не показалось, что хлѣбъ довольно размятъ. Опъ сего дѣйствїя солома спановишя мягче и прїятнѣе для скопины. Какъ въ Персіи нѣтъ сѣна, то лошадей кормятъ одною соломой, мѣшая съ ячменемъ.

Возвращаясь, видѣли мы, что набиваютъ, (ибо была зима) погреба *льдомъ*. У Персіанъ онъ въ великомъ употребленіи. Вы пожелаеши конечно узнать, откуда его доспаютъ въ па-

кой землѣ, гдѣ жаръ чрезвычайной, и холодъ продолжается споль коронкое время. Я вамъ сіе изъясню. Зимою нарочные люди ходятъ на близъ лежащія горы, роютъ шамъ ямы, глубиною палцовъ въ пяць, наполняютъ ихъ водою, копорая къ другому дню замерзаетъ, и повшоряютъ до шѣхъ поръ сію работу, пока ледъ не здѣлается нарочитой толщины. Тогда колютъ они его на куски и прячутъ въ ледникахъ, здѣланныхъ въ каменныхъ горахъ, гдѣ онъ и сохраняется чрезъ цѣлое лѣто. Лѣду такъ много въ сей землѣ, что обыкновенная ему цѣна денежка фунтъ, а бѣднымъ даютъ и даромъ. Персіане зберегаютъ также снѣгъ и находятъ, что холодноспъ въ немъ прїятнѣе, нежели во льду, а особливо употребляя его въ шербепахъ. Дни, въ которые набиваютъ и опшворяютъ погреба, суть праздники для народа, какъ у насъ сѣнокосы, или собираніе винограда во Франціи.

Время мнѣ окончитъ сіе письмо, а съ нимъ и примѣчаніи мои о Персіи. Разговоры наши съ Моллою могли наполнить бы цѣлые томы. Мое намѣреніе не то, чтобы подробно описывать намъ всѣ мѣлочи, касающіяся до Персіанъ и ихъ обычаевъ; а довольствуюсь и шѣмъ, что объяснилъ самыя любопытнѣйшія. Я попыпался только исправить мысли, копорыя вы уже имѣли о величествѣ и обыкновенїяхъ сего народа.

Изо всѣхъ земель, по копорымъ мы ѣздили, ни гдѣ насъ больше не любили и не угощали, какъ въ здѣшней: для сей причины не безъ го-

решши мы ее и осматриваемъ; однакожь надобно выѣхать. Мы намѣрены осматрѣть Аравію прежде, нежели пущимся въ Индію, хотя по близости отсюда и должно бы начать послѣднею. Мы сядемъ на корабль въ Персидскомъ заливѣ. Я уже, кажется, прежде сказалъ, что рѣшеніе наше о выборѣ пути не отъ прямыхъ и ближайшихъ, но отъ приятныхъ и выгоднѣйшихъ дорогъ зависить.

Я есмь и пр.

ПИСЬМО XXV.

Аравія.

Вы ужаснетесь, Государыня моя, когда свидаете, что я нахожусь между Аравлянами (Аравітянами или Арабами:) ибо не сомѣнно, чтеніе путешесствій раздражило васъ противъ сего народа, которой вы уже спавите ворами и разбойниками. Не бойтесь, между ими есть люди почтенія достойные, и опложа все предразсужденіе на спорону, Арабы, столь очерченные въ нашихъ описаніяхъ, не суть ни столь звѣри, ни столь варвары, ни столь Арабы, однимъ словомъ какъ то воображаютъ.

Приятное* у насъ раздѣленіе трехъ Аравій, *Счастливой, Пустой и Каменистой*, совсѣмъ не извѣстно восточнымъ Географамъ. Оныя всѣ вмѣстѣ составляютъ наибольшій въ Азіи полуостровъ, ограниченной на востокъ Персидскимъ заливомъ, а на западъ Чернымъ (*Краснымъ*) моремъ; и сей полуостровъ называется просто *Аравія*. Мы держались раздѣленія принятаго въ Европѣ, и начали путешесствіе пою обласію, коей плодородіе земли, изящный климатъ и обширная торговля, дали имя *Счастливой Аравіи*.

Аденъ, столица ея, откуда я имѣю честь къ вамъ писать, есть большой, крѣпкой, многолюдной, но вообще худо выстроенной городъ. Находясь въ немъ однако народныя зданія великой красоты, и осматривая доказывающіе великолѣпіе старинныхъ строеній. Порть его, которой и великъ и безопасенъ, есть почти

Томъ II.

18

*Принятое

общее сборное мѣсто жишелей свѣта. Европейцовъ, Турковъ, Африканцовъ, Персіянъ и Индѣйцовъ, всѣхъ можно здѣсь видѣть; и сей приливъ и опливъ, ежели осмѣлюсь шакъ называть, разныхъ народовъ, различающихся нравами и одеждою, соспавляетъ зрѣлище, какого самые главные Порты въ Европѣ никогда взору представити не могутъ.

Жишели Аденскіе, хопя имѣютъ живость воспочныхъ, супъ пиши и вѣжливъ. Главное упражненіе ихъ состоитъ въ торговлѣ, но любящъ и прилежащъ они къ наукамъ; и тѣ, кои имъ счастье позволило опличиться предъ другими, пользуются здѣсь опмѣнностію, каковую богатствами и чинами не всегда можно приобрести. Какъ я имѣлъ письма къ одному изъ сихъ ученыхъ Арабовъ, называемому *Абул-Мегметъ*, я велѣлъ себѣ указать домъ его на другой день нашего приѣзда. Повѣрите ли вы, и не исчезнуть ли предубѣжденіи ваши, по прочтеніи слѣдующаго описанія?

Сколь скоро вошелъ я въ презрядной покой, въ которомъ сей Философъ упражняется въ своихъ прудахъ, увидѣлъ выступающаго ко мнѣ на встрѣчу весьма миловиднаго и учтиваго челоука. По окончаніи первыхъ привѣтствій, и напившись кофью, (что здѣсь необходимо) говорили мы о наукахъ, и особливо о Математикѣ. Имѣя нѣкопорыя знанія Геометріи, Астрономіи и мореплаванія, не обробѣлъ я передъ нимъ, и шакъ хорошо удалось мнѣ выдти изъ перваго разговора, что Аравлянинъ принялъ меня за великаго мудреца. Рѣчь моя и обхожденіе ему полюбились; онъ меня унял у себя обѣдани, и для большей мнѣ почести,

велѣлъ также позвать лучшихъ ученыхъ въ городъ. Обѣдъ былъ посредственной; ибо прѣзвощъ еспь добродѣтель Аравлянъ, да и сверхъ того Абул-мегметъ не былъ богатъ; но въ награжденіе разговоръ мы имѣли веселой, любопытной и полезной. Говорили вскользь почасти обо всѣхъ наукахъ. Я вооружился безстыдствомъ, какъ и поупру; а сверхъ и не совершенно умѣлъ по Арабски; по они и приписывали погрѣшности, въ кой я впалъ, больше недоспадку въ языкѣ, нежели въ знаніи. Какъ бы по ни было, кажешся мнѣ, что я не посрамилъ чести ученаго Европейца, за котораго они меня принимали: но боясь, что въ продолженіи не узнали многого невѣжества, обратилъ разговоръ на другое, и оказалъ имъ любопытство, услышавъ о главныхъ произшествіяхъ ихъ испоріи. Симъ много ихъ польстивъ: ибо Арабы (просише имъ сію слабость, копорую мы споль великодушно съ нами раздѣляемъ:) весьма высокія мысли о своемъ народѣ имѣютъ, и предпочитаютъ себя, со всею скромностію, всѣмъ народамъ въ свѣтѣ. Признаются они однако, что начала Испоріи ихъ очень темны, и что даже и имена первыхъ ихъ Царей не извѣстны.

Они думаютъ, что предки ихъ происходятъ отъ *Исмаила*, сына Авраама и Агари. Сперва управляемы они были, какъ и всѣ прочіе народы, старѣйшинами семей; но по размноженіи рода челоуческаго, сильнѣйше, какъ по всегда случаетъ, поработили себѣ слабыхъ, и мало по малу Аравія учинилась раздѣленною на разныя владѣнія, коихъ начальники воевали другъ противъ друга, чрезъ нѣсколько вѣковъ.

Таковыя домашніе раздоры принесли по крайней мѣрѣ шу пользу, что пріобучили къ войнѣ Арабовъ такъ, что ни Камвизы, ни Киры, ни Монархи, царствовавшіе въ Ниневіи и въ Екбапанѣ, не могли ихъ покорить. Слава сія предоспавлена была *Александрю*, которой дѣйствительно завоевалъ Аравію въ короткое время. По смерти сего побѣдителя, желавшаго, какъ сказываютъ перенести шуда сполулицу своихъ владѣній, сіи народы пользуясь несогласіемъ своихъ новыхъ повелителей, свергли Греческое иго, и здѣлавшись вольными, выбрали себѣ Царя изъ своего народа.

Таковое правленіе продолжалось до времени *Августа*, которой Арабовъ покорилъ Римской власпи, и они, казалось, находились въ постыдномъ забвеніи; но въ срединѣ шестаго вѣка, и при концѣ *Юстиніанова* царствованія, появился одинъ изъ шѣхъ чрезвычайныхъ людей, которой родясь для превращенія лица земли, наполнилъ всю Азію звукомъ своего имени, и разпространилъ славу и вѣру Аравлянъ.

Сей чудной человекъ; сей первосвященникъ, законодавецъ и завоевателъ; сей славной обманщикъ, изъ простаго купца здѣлавшейся Монархомъ Аравіи; сей основателъ цвѣтущей Имперіи, коей оспанки составили при сильныхъ Монархіи; сей не объемлемой разумъ, которой безъ помощи знаній человеческихъ помрачилъ славу наискуснѣйшихъ политиковъ; сей пророкъ шопоко прославляемой, основателъ вѣры, не уступающій своимъ разпространеніемъ Христіанскому закону, сей искоренитель шолитическихъ Царствъ, которой наполнилъ землю кровію, и которой искалъ испребить все то, что

люди не пріобрѣли въ разсужденіи наукъ и просвѣщенія; сіе чудовище и сей великій человекъ, естъ пошп славной *Магометъ*, которой родясь, какъ *Кропелъ*, не будучи ни къмъ знаемъ, дошелъ какъ и онъ, лицемѣремъ, храброспію, и счашиемъ до самодержавной власпи и утвердилъ ее въ своемъ родѣ; чего не учинилъ ненавистный похипишель престола *Карла перваго*.

Магометъ имѣлъ наслѣдниковъ, какъ я уже вамъ прежде доносилъ, мудраго и храбраго *Абу-бекера*, которой имя Царя перемѣнилъ на имя *Халифа*, значущее на Арабскомъ языкѣ *Налѣстникъ пророка*. *Омаръ* будучи предприимчивѣе своего предшеспвенника, разпространился съ спремленіемъ по всей Сирии, Палестинѣ и Египту, и завоевалъ оныя съ безпримѣрною скороспію. Сей-шо Халифъ, изъ ревности къ *Алкорану* сожегъ славную *Александрійскую Библиотеку*, собранную *Итоломееми*, и соспоявшую, сказываютъ, изъ шести сотъ тысячъ книгъ: не наградимая потеря для наукъ и художествъ, и долженспвующая учинить въ ученыхъ лѣтописяхъ имя *Омарова* навсегда ненавистнымъ.

Омаръ оспавилъ корону *Отману*, которой завоевалъ Африку, и сокрушилъ *Колосъ Родоскій*. *Отманово* мѣсто зашпушилъ *Али*, и не довольспвуясь владѣть шрономъ Магомета, своего шестя и дяди, ввелъ новоспи въ вѣру, и былъ зачинщикомъ раскола, для котораго много пролило крови, и которой продолжается и понынѣ въ Персіи и окружныхъ ея областяхъ. По смерти *Алія*, убишаго на четвертомъ году царствованія, *Новіасъ* похипилъ

Халифство и перенесъ Магометовъ скипетръ въ другой родъ, но только на время; ибо наслѣдники пророка опять взошли на его престолъ въ особѣ *Абул-абаса*, начальника *Династии Абассидской*, такъ названной потому, что Абуль происходилъ отъ Абаса, брата Абубекерова, и дяди Магометова.

Для сего не могу я предсказать взору вашему, Государыня моя, Арабскихъ льпописей, или пересказахъ вамъ въ воспомыныхъ выраженіяхъ все то, что слышалъ въ разговорѣ сихъ ученыхъ людей? Каковую бы не слыханную храбрость и мужество въ нихъ увидѣли! Какая опвага въ предпріятіяхъ! Какая скорость въ исполненіи! Какое стремленіе въ успѣхахъ и завоеваніяхъ! Въ одномъ мѣсцѣ нашли бы вы Арабовъ пропекающихъ подъ разными именами * Азію, Европу и Африку, и завладѣвшихъ въ два вѣка большимъ числомъ земель, нежели могли учинить *Римляне* слишкомъ въ пять сотъ лѣтъ. Въ другомъ, удивились бы вы подвигамъ Каледа, Гегіана, Амру: сіи люди намъ не знакомы, но имъ только недоспало, дабы учиниться славными, испориковъ и спихотворцовъ могущихъ предать имена ихъ вѣчности.

Не заключите однакожь изъ сего, что нѣтъ у Арабовъ людей прославившихся въ наукахъ и знаніяхъ. Я, не робѣя, скажу, что мало земель, которыя бы произвели больше ученыхъ во всякомъ родѣ: Философія, Геометрія, Медицина, Астрономія, Географія, Спихотворство, Краснорѣчіе, ни что отъ нихъ не ушло. *Авиценна*, *Аверрои*, *Албуфеды*, *Алга*

* Сарацины были народъ, вышедшій изъ Аравіи.

зены и тысячи другихъ, о коихъ могъ бы я здѣсь упомянуть, суть имена извѣстныхъ и въ Европѣ. Творенія ихъ берегаются въ нашихъ краяхъ съ бережливостію, и приносятъ честь нашимъ книгохранилищамъ. Что я говорю? Самой языкъ Арабской не есть ли предметъ, равно какъ Греческой и Еврейской, ученія нашихъ мудрецовъ, ежели смѣю сказать, членъ нашей учености? Но я чувствую, что разпалюсь, и что намѣреніе мое соспоитъ не въ объясненіи того, что Арабы были въ старину, но каковы они теперь. И такъ возвращаясь къ моей рѣчи, приспущаю къ продолженію описанія *Адена*, которое было началъ, и оспавилъ.

Сей городъ, сперва разоренной, а потомъ возобновленной *Римлянами*, лежитъ при подошвѣ высокой горы, которая изгибаясь наподобіе дуги, объемлетъ его почти со всѣхъ сторонъ. Таковое положеніе, чиня безопаснымъ его гавань, учинило бы самый городъ добычею перваго непріятеля, естлибъ не были взяты предоспорожностію построеніемъ на вершинѣ и въ перешейкахъ горы, небольшихъ крѣпостей, снабденныхъ изрядными гарнизонами и исправною артиллеріею. Городъ обнесенъ стѣною, хотя слабою, особливо съ стороны моря; но и ступь защищена она редушами и пяпью или шестью башарейми, на коихъ поставлены прѣвеликія мѣдныя пушки. Съ сухопутной стороны не можно иначе възхашъ въ Аденъ, какъ по весьма узкой дорогѣ, которая соединяя городъ съ матеріею землею, вдается въ море, наподобіе языка. Три крѣпости, построенныя въ ѣкопороумъ между собою разстояніи, одна на кон-

ць, другая на срединѣ онаго языка, а претпья близь города, и снабженныя людьми и пушками, дѣлають невозможнымъ высаженіе людей въ семь мѣсць, и слѣдовашельно городъ неприступнымъ съ спороны земли: а какъ впрочемъ онь моря защищается онь добрыми башарями, и вѣрнопспую съ пятидесятью пушками, шо можно легко заключить, чшо Аденъ и въ спарину, и нынѣ еспь наикрѣпчайшій городъ въ Азіи. Онь хвалился выдержаніемъ многихъ осадъ со славою, шо еспь, чшо видѣль подь оконами своими неудачу *Алфонса Албужерка*, безполезно его осаждавшего въ началѣ шеснадацатаго вѣка; *Раил Солимана*, почитаемаго Барберуссомъ своего времени, и другихъ полководцовъ, хоня не споль славныхъ въ испоріи. Съ моря вѣзжаютъ въ него чрезъ широкую заливъ, коего опверспіе будеть верспь на сорокъ. Оной заливъ раздѣляешся на двѣ рейды, большую и малую. Послѣдняя ближе къ городу и соспавляеть собственно гавань, шириною верспь въ пять. Въ ней повсюду споянь можно на якорѣ въ оснадацать, двадцать и двадцать двѣ сажени глубины; и самыя большіе корабли могутъ въ ней приспавать.

Въ Аденѣ считаешся около шеспи тысячь домовъ, изъ копорыхъ многіе въ два жилья и съ площадками. Губернапорской дворъ не имѣеть ничего великолѣпнаго, но огромностію своею заспавляеть на себя смощрѣнь. Внутри его не видали мѣ ни зеркаль, ни позолоты, и никакихъ другихъ бездѣлицъ, украсающихъ покой въ Европѣ. Богатыя Персидскія ковры, порфиоровыя столы, драгоценныя сосуды, изъ коихъ беспреспавно изхощишь благо-

воніе ароматовъ, соспавляють убранспво сего дома, изъ копораго свержъ поого видны всѣ примѣныя положенія, могущія случишься на морѣ и на землѣ. Главныя приказныя люди имѣють шакже покойныя жилища. Но вообще мало видно хорошихъ домовъ. Изъ сего числа надобно выключишь народныя бани, кой по причинѣ жаровъ и по правиламъ вѣры, здѣсь необходимы. Я даже и въ Египтѣ мало видаль зданій, могущихъ съ ними сравнишься. Сверхены они куполомъ съ окнами, внутри украсены великолѣпными галлерейми на прекрасныхъ сподбахъ. Все зданіе раздѣлено на покои, кабинешы, сѣни съ сводами, кой всѣ ведуть въ помянутую главную залу покрывшую куполомъ, а она убрана яшмою и самымъ луччимъ мраморомъ. Водоемы, изъ копорыхъ бьеть чистая вода, охладдають сіе прелеспное мѣсто: однимъ словомъ, все способспвуетъ ко украсенію зданія, копорое, хоня и не дѣло рукъ Римскихъ, еспь безъ прощиворѣчія во вкусѣ сихъ власпелиновъ міра и доспойно зрѣнія. Въ Аденѣ нахощишь шакже нѣсколькo не дурныхъ базаровъ. На нихъ продають мясо, рыбу и огородныя овощи, но великой расхощь причиняемой спеченіемъ чужеспранныхъ, сильно цѣну всего возвышаешъ, и вообще жизнь здѣсь дорого.

Вы у меня конечно спросите, зависипть ли сей городъ онь Турецкаго Султана? Онь ему принадлежалъ въ спарину, но нынѣ нахощишь во власпи *Короля Темеискаго*. Я ѣздиль къ его Двору, въ свипѣ одного молодого Князя Арабскаго, изъ поколѣнія Абассидовъ, называемаго *Типъ-Алманзоръ*, и слѣдовашельно въ спсощяніи нахощу спсощать вамъ и Королев-

ство и Король. Помянутой Князь имѣлъ съ собою въ дорогѣ около двадцати пяти чело-вѣкъ. Ему полюбилось, что я ищущу умножить число его придворныхъ; ибо Арабскіе наши мудрецы съ похвалою обо мнѣ ему говорили, и онъ показывалъ мнѣ всякую оплихность.

Мы выѣхали изъ Адена въ первые дни весны, и прибыли въ Моку, коей имя нынѣ спользнакомо въ Европѣ. Сей городъ лежишь на берегу Чермнаго моря, не далеко отъ валива Бабель-мандельскаго и меньше Адена величиною, но не меньше портовой; а многіе думаютъ, что со временемъ и помрачипъ его. Жители въ немъ счищаются около десяти тысячъ. Гавань его замыкается двумя мысами, копорые, сгибаясь въ одну спорону, сходятся между собою, на подобіе полумѣсяца. На об-ихъ концахъ сего полумѣсяца построены крѣпости для прикрытія рейды, имѣющей верстъ пять въ ширину. Большіе корабли могутъ въ ней споятъ на якорь, но не могутъ войти въ гавань, по той причинѣ, что она не очень глубока.

Губернаторъ Моки, которому поручены и другіе города, богатъ и силенъ. Онъ живеть въ огромномъ дворцѣ, и содержишь не малое число придворныхъ. Пышностию равняется съ Турецкимъ Пашею; безъ него не выѣзжаетъ, чтобы не имѣть предъ собою шести сотъ чело-вѣкъ военныхъ, а позади многочисленной дворъ. Въ проѣздъ его бьютъ липавры, игра-ютъ трубы и несутъ передъ нимъ знамена: Королевское, Алиево и Магомепово. Войски спрѣляютъ нѣсколько разъ изъ ружей, кои всегда заряжены пулями. Что касается до

окружности Моки, ничего въ свѣтъ нынѣ безобразіе и бесплодіе. Не справедливо дума-ютъ, что родился здѣсь Кофъ. Климатъ впро-чемъ чрезвычайно жарокъ, и ежелибъ не было хорошей гавани, Мока была бы и нынѣ ни-кому не извѣстная деревня.

Мы не долго въ ней прожили, какъ и въ Мозѣ, не большомъ городкѣ, примѣчанія досто-йномъ по однимъ только приятнымъ окружно-спямъ и превосходной живности, копорую въ немъ кормятъ. Какъ верблюды могутъ здѣсь перейти около ста верстъ упромъ, то мы изъ Моки пріѣхали еще рано въ Монзери, де-ревнишку соспоящую изъ семи или осьми до-мовъ: что и принудило насъ препроводитъ ночь подъ пальмовыми деревьями, коихъ здѣсь много, и подъ коими спалъ я крѣпко. На дру-гой день выѣхали мы на зорь, и вступили въ пространную и прекрасную долину, по копорой, при помощи хорошей погоды и равной дороги, доѣхали въ Тагъ при захожденіи солнца. Тагъ есть нарочитой городъ, обнесенной стѣ-ною и укрѣпленной замкомъ, копорой виденъ верстъ за тридцать, ибо построенъ на горѣ. Онъ снабженъ тридцатью пушками, и слу-житъ шормою Королевству Темеискому: за-ключаются въ него Государственные колод-ники. По горѣ разведены сады, дѣлающіе при-ятной видъ, и сверхъ гульбища, приносятъ и шу пользу городу, что снабжаютъ превосход-ными овощами. Я ничего чрезвычайнаго не при-мѣшилъ въ Тагѣ, кромѣ восьми или десяти ме-чешей, изъ копорыхъ иныя убраны гранитомъ и поддерживаются двойнымъ рядомъ столбовъ, кои показались мнѣ весьма не дурны.

Изъ Тага прїѣхали мы ночевать въ *Манзуель*. Прежде живали въ немъ здѣшніе Короли, а теперь оспались только развалины не показывающія ни огромности ни красоты. Видны однако два замка примѣчанія достойные, по единой древности. *Ирамъ*, въ которой прїѣхали мы, два дни спустя, есть наилучшій и величайшій городъ въ Іеменѣ. Въ первой день ночевали мы въ *Габалѣ* укрѣпленномъ городѣ, въ которомъ обыкновенно Губернапоромъ бываетъ сынъ, или сродственникъ Королевскій.

До сего мѣсяца путь нашъ лежалъ чрезъ прелестныя области; но оставя *Ирамъ*, вѣхали мы въ утесистыя и пустыя горы, гдѣ чуть не перемерли отъ жару и жажды. Мы цѣлой день шацились по помянутымъ горамъ, и оснавили ихъ вершю за пять до *Дамара*, первоспашейнаго города, лежащаго посреди плодоносной долины. Въ немъ пробыли мы четвере дни, какъ для отдохну такъ и для пого, чѣмъ бы приготовить ко вѣзду въ *Моабъ*, гдѣ живетъ Король Іеменскій.

Моабъ, которой называется здѣсь *Муабль*, расположенъ на высотѣ, окружающей Дамарскую долину. Построенъ онъ послѣднимъ Королемъ, какъ и многіе другіе замки, ибо онъ любилъ строиться: но хотя былъ въ немъ разумъ и нѣкоторое знаніе правилъ архитектуры, вкуса однакожь не доставало. Ему нужды не было, покойно ли расположеніе, лишь бы горницы были велики. Одинъ его любимой загородной дворъ, верстахъ въ пяти отъ *Мааба* показался мнѣ правильнымъ: его по сей причинѣ и называютъ *Домъ Грацій*, и самъ

Король почиалъ его наилучшимъ изъ всѣхъ имъ построенныхъ.

Аудіенцію Тиць-алманзору назначили въ пятый день послѣ нашего прибытія въ *Моабъ*. Сей Князь ѣхалъ на прекрасной и богато убранной Турецкой лошади. Мнѣ и главнымъ чиновнымъ дали Арабскихъ. Доспальная свита шла пѣшкомъ, или сидѣла на верблюдахъ. Такимъ образомъ проѣхали мы городъ, при восклицаніи безчисленнаго народа, пришедшаго изъ *Дамара* и ближнихъ мѣстъ смотрѣть Князя, произходящаго отъ великаго пророка: Прибывъ во дворець, надобно было намъ спѣшить и идти сквозь пяперы ворошы, изъ которыхъ три каждыя споялъ особый караулъ. Вышли мы попомъ на проспранной, но не порядочной дворъ. Тутъ одинъ чиновникъ изъ внутреннихъ покоевъ, принявъ и поздравивъ Тиць-алманзора, повель насъ къ Королю, гдѣ просиль, чѣмъ бы мы сняли башмаки, какъ по дѣлается обыкновенно: и тогда ввелъ въ аудіенць камору. Король имѣетъ благородной и довольно пріятной видъ, хотя и нѣсколько смугль. Онъ сидѣлъ на возвышеніи покрытомъ Персидскимъ ковромъ, облокотясь на подушки, а въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ спояли главнѣйшіе придворные чиновники. Тиць-алманзоръ повались ему въ ноги, говорилъ Арабскую рѣчь, но съ такою благородною осанкою, чѣмъ я удивился. Король былъ доволенъ привѣтствіемъ, и для доказательства своей благосклонности далъ Князю поцѣловать руку, наговоря премножество ласкательныхъ словъ. Аудіенція продолжалась съ четверть часа, и между тѣмъ онъ и меня удостоилъ своимъ разговоромъ, спра-

шивая о проспранствѣ, силѣ и торговлѣ нашей земли. Онъ дивился морскимъ и сухопутнымъ нашимъ войскамъ, особливо когда услышалъ о нашихъ побѣдахъ.

По окончаніи аудіенціи, Тиць-алмазоръ провоженъ въ свои покои, кои по приказу Королевскому, были опведены въ самомъ дворцѣ для него и его чиновныхъ. Дворецъ построень съ двумя флигелями, соспавляющими превеликую чешвероугольную площадь; но впрочемъ безъ всякаго вкуса, порядка и понянія объ архитектурѣ. Внутри онъ не лучше какъ и съ наружи. Вы о помъ судить будете по Королевскимъ покаямъ, кои обипы кругомъ проспнымъ сипцомъ, да и по не выше шести футовъ. Король самъ очень не богато одѣтъ, такъ чпо можно бы почестъ его за проспнотодима, ежели бы господспвенной видѣ не предвѣщаль, кпо онъ такъовъ. Толикая проспнота въ Монархѣ удивилъ васъ; но чпо до меня касаешся, я думаю, чпо много въ сіе входить вѣра. Въ самомъ дѣлѣ Король Іеменской не только самодержавной, но еще и Иманъ, или первосвященникъ Магомешова закона; а всѣ служилели сей вѣры, какъ Кади или судьи за правило имѣютъ казаться скромными въ плащѣ и въ домахъ. Самой Муфши, хопя вышній духовной начальникъ, и верховной исполковашель закона, живешъ безъ пышности, и довольспвуешся почтениемъ, сопряженнымъ съ достоинспвомъ великаго попа.

Есть однако дни, въ кои Король показываешся народу во всемъ великолѣпнѣ царскаго сана. Я видѣлъ сіе самъ въ одну пяпницу, когда онъ ѣхалъ въ мечешъ за городъ. Шеспвѣ

начиналось корпусомъ пѣхопы, соспавленнымъ изъ тысячи человекъ, которые здѣлали выспрѣль, выходя изъ дворца. За пѣхопою ѣхало богато-убранныхъ двѣспи человекъ конной Королевской гвардіи, на хорошихъ лошадяхъ. Сіи всадники сверхъ палаша и карабина имѣютъ небольшія копья, близъ желѣза обипыты золопою бахрамою съ киспями. За ними въ нѣкопоромъ распояннѣ ѣхалъ Король на бѣломъ конѣ, сіяющемъ дорогими каменьями. Одинъ чиновникъ на превеликой лошади везъ надъ нимъ, для укрьпнѣ его отъ солнечныхъ лучей, зонпникъ изъ зеленой камки собранной фалбарою и опороченной золопою бахрамою, а сверху былъ на немъ позолоченной шаръ, надъ коимъ придѣлана пакая же пирамида. Передъ самымъ Королемъ ѣхалъ чиновникъ, везущій Алкоранъ въ красной сумкѣ, а за нимъ первой человекъ былъ другой чиновникъ, держащій его саблю, у которой ручка и ножны весьма богаты. На нее надѣтъ былъ красной золопомъ вышпшой мѣшокъ. По боку Монарха развѣвало зеленое знамя, называемое *Королевскимъ*. Пяпдесять завоеванныхъ лошадей всѣ въ золопѣ, и пяпдесять верблюдовъ богато-убранныхъ замыкали шеспвѣ, въ продолженіе котораго безоспановочно били въ барабаны, играли въ трубы и гобои. На возвращномъ пути еще больше оно было достоино примѣчанія; ибо пѣхопа дѣлала свои еволюціи, а конница билась на копьяхъ, и представляла народу образъ сраженія. Сіе продолжалось до захожденія солнца, и всѣ войски выспрѣливъ вдругъ, пошли въ весьма изрядномъ порядкѣ, при боѣ барабанномъ и лишаврѣ.

Таково бываетъ великолѣпіе при дворѣ Іеменскомъ въ торжественные дни. Чѣмъ васъ касается до обыкновенной жизни Короля, ничего нѣтъ просить. Встаешь онъ, сколь скоро разсвѣтаетъ, обѣдаетъ въ девять часовъ, ложится отдохнуть въ одиннадцать, пробуждается въ два; въ три часа прогуливается, или ходитъ въ совѣтъ, ужинаетъ въ пять, и всегда идетъ спать въ одиннадцать. Сей порядокъ никогда не перемѣняется. Въ два часа, какъ онъ встаетъ, бьютъ въ барабаны, войски спановятся подъ ружье. Въ сіе время бываетъ ихъ разводъ, и Вельможи допускаются цѣловать Королю руку. Чѣмъ касается до стола, никогда на ономъ не подають дичины; но напрошивъ слишкомъ много молодой козлятины, шелятины, говядины и баранины изрубленной въ мѣлкіе куски и сваренной вмѣстѣ со пшеномъ, изюмомъ и пряными кореньями всякаго рода. Живность щиплютъ, сколь скоро ее заколютъ и жарятъ, не давъ ей полежать. Арабы весьма любятъ сіе кушанье. Чѣмъ принадлежишь до меня, мнѣ шакъ оно было неприятно, что обѣдъ мнѣ всегда готовилъ мой слуга, которой умѣлъ нѣсколько повареннаго искусства: но дабы не разгнѣвать Іеменской Дворъ, я ходилъ тихонько ѣсть въ одно Муабское предмѣстіе, гдѣ нарочно для шого нанялъ горницу.

Чѣмъ за городъ, и чѣмъ за столица, сей *Муабъ*! Въ немъ нѣтъ ни мечети, ни дома, кошорые бы построены были изъ камня. Я часно дивился, что Іеменскіе Государи предпочли деревню городу *Санаъ*, гдѣ жилали ихъ предки. Въ самомъ дѣлѣ Санаа многолюденъ и

по Аденъ самой богатой городъ. Тысячи драгихъ оспапковъ, разсыанныхъ повсюду доказываютъ, сколь онъ преперилъ онъ пренесенія столицы: но не смотря и на то, есть еще въ немъ много хорошихъ зданій и огромныхъ мечетей. Его, въ разсужденіи садовъ и превосходной воды, сравниваютъ съ Дамаскомъ. Онъ нарочно укрѣпленъ: стѣны городскія столь широки, что можно провесити на нихъ восемь лошадей рядомъ. Посреди города возвышается холмъ и на ономъ построены были Королевской дворець. Теперь только видны развалины; но по нимъ судить можно о его величинѣ и великолѣпіи. Впрочемъ нѣтъ ничего подобнаго въ красотѣ окружностямъ Санаискимъ. Огороды, луга, рощи, долины, все кажется нарочно тамъ сотворено для прельщенія взора: и какъ воздухъ въ немъ умеренной, а дерева покрыты во всякое время, одни цвѣтами, другія плодами, то весна вѣчно пребываетъ; или лучше сказать, что соединяется съ осенью и сославляетъ одну часть года. Толкія преимущества, кажется должны бы были возбудить въ Іеменскихъ Короляхъ сожалѣніе объ оспавленіи жилища въ *Санаъ*; но они не безъ причины предпочли безопасность удовольствію. Порядокъ въ наслѣдствѣ не учрежденъ въ сей землѣ: то есть, хотя и избирають Короля изъ одного поколѣнія, но сынъ, и еще меньше старшій, не всегда возводится на престоль. По смерти Монарха пошъ изъ Князей коронуется, кто имѣетъ больше достоинства, пришелей, или кто проворнѣе другихъ; и какъ подобные Государи всегда должны опасаться соперниковъ, какъ и много пому при-

мѣровъ было, то они думаютъ, что безопаснѣе для нихъ запирашся въ замкахъ, гдѣ повелѣвать могутъ, нежели жить въ большихъ городахъ, въ коихъ бунты бывають всегда сильнѣе. Вошь для чего Муабъ, Манзуель и Ѳкопорья другія крѣпости, лежащія въ городахъ, предпочтены пріятной Санаъ!

Впрочемъ Король Іеменской естъ сильной Государь, владѣющій счастливою Аравіею, включая одну провинцію, называемую *фарташское Королевство*. Онъ самовластенъ, и не зависящъ отъ Турецкаго Султана, къ которому посылаетъ, и отъ него принимаетъ Пословъ; но шаковыя посольства касаются только до торговли, ибо союзовъ между ими не бываетъ, по причинѣ великой другъ ко другу недовѣренности, и миръ не долго бы подержался, ежели бы Арабы были высокоумнѣе, или Турки боялись меньше Арабовъ. Ибо должно признашся, что здѣшніе народы великодушны; а когда обучены, то храбросъ въ нихъ безпримѣрна. Но вошь чѣмъ они заслужають отъ васъ къ себѣ почтеніе: честность въ нихъ не уступають отвагѣ, честь у нихъ естъ первымъ ко всему побужденіемъ, и такъ сказають, душою ихъ дѣйствій: ею управляются всѣ ихъ поступки. Обманъ почитають они презрительнымъ, двоякость подлости души, воровство безчестіемъ, а ложь мерзостью. Правда, что сіе начертаніе не приличествуетъ всѣмъ Аравлянамъ безъ изыятія; но здѣсь говоритъ только о Іеменскихъ.

Но что думаетъ объ Аравійскомъ золотѣ, споль прославляемомъ древними, о которомъ и самое Священное писаніе во многихъ мѣстахъ

упоминаетъ? Я признаюсь просто, что не видалъ и не слыхалъ, чтобы здѣсь были золотыя рудники. Можеть однако спашся, что Аравляне по лѣности своей, копорая во всемъ примѣтна, запустили ихъ копанъ. Увѣряють, что ручьи, спремѣющиеся съ горъ, несуть золотой песокъ, копорой иногда находятъ въ рѣкахъ. И такъ вѣроятню де и Священное писаніе подтверждаетъ сію догадку, что ежели бы Арабы были меньше лѣнны и больше заботливы, нашли бы золотыя руды въ Морлевиствѣ Іеменскомъ. Но хощя бы была справедлива, или нѣтъ сія мысль, о копорой судить я вамъ оставляю, счастливая Аравія естъ споль богата своею землею, что можеть обойтиса безъ шаковыхъ вспомогательныхъ сокровищъ. Въ самомъ дѣлѣ, не упоминая о драгоценныхъ каменьяхъ и ароматахъ, коими *Царица Савская*, владычествовавшая въ Іемень, споль щедро одарила *Соломона*, * сей край изобилуетъ пшеномъ, хлѣбомъ, плодами и овощами, кои не хуже Европейскихъ. Сверхъ того, скопа здѣсь безчисленное множество виноградъ, коего сокъ не смонря на Магомешанской законъ, разгоняють иногда важность Арабовъ, родится изобильно: но должно признашся, главное богатство и самая прибыльная торговля состоить въ *Кофѣ*.

Вамъ знакомо сіе прелестное питье, дающее духъ бодрости нашимъ спихотворцамъ, распалюющее воображеніе въ срапорахъ, очищающее мысли въ мудрецахъ, разгоняющее пасмурность въ задумчивыхъ, и здѣлавшееся между нами новымъ узломъ соединяющимъ обще-

* Царствѣ Кн. 3. Глава 10.

спво; но можетъ быть не знаете вы дерева, на которомъ оно родится? И такъ починаю за долгъ обстоятельно объ немъ поговорить. Впрочемъ описывать я спану по моимъ собственнымъ наблюдениямъ, и почну себя награжденнымъ, ежели удастся мнѣ сказать что нибудь могущее, удовольствоваться ваше любопытство.

Въ одномъ Королевствѣ Йеменскомъ, изключая всѣ прочія обласи Аравіи, родится кофейное дерево. Оно растетъ отъ шести до двенадцати футовъ въ вышину, а полциною бываетъ въ десять, двенадцать и пятнадцать дюймовъ, разумѣется въ окружности. Какъ оно обыкновенно расширяется въ кружекѣ, и нижніе сучья стгибаются; по почки всегда, или по крайней мѣрѣ чрезъ нѣсколько лѣтъ, имѣетъ видъ подсолнечника. Кора на немъ бѣловапа и шароховапа, листья темно-зеленые и походятъ на лимонные, цвѣтки бѣлые и раздѣлены на пять листочковъ какъ ясиновые; запахъ отъ цвѣта весьма приятенъ, и имѣетъ въ себѣ нѣчто благовоннаго; но положи его на языкъ, нашель я, что вкусомъ онъ горекъ.

Сіе дерево съютъ, а не такъ садятъ какъ виноградъ, по естѣ вкапывая въ землю черенки. Оно всегда зелено, и не вдругъ лишается листьевъ, любитъ мокрѣя мѣся; а по сей причинѣ и растетъ при подонвахъ горъ и вдоль ручьевъ; (что производить приятныя аллеи и виды) а на долинахъ подъ большими деревьями, коихъ тѣнь доставляетъ ему нужную влажность; но я видалъ его на открытомъ воздухѣ приносящее плодъ и безъ сей помочи: правда

что было по въ умѣренныхъ климахахъ, гдѣ часто его поливаютъ. Когда цвѣтъ опадаетъ, на его мѣстѣ появляется небольшой плодъ или ягода, которая сперва очень зелена, но созрѣвая краснѣетъ, и бываетъ величиною съ крупную вишню. Подъ шлою въ ней найдется вмѣсто косточки бобокъ, онъ по и называется *Кобью*. Сей бобокъ облеченъ въ весьма тонкую кожицу, которая бываетъ иногда мягка, и вкусъ имѣетъ неприятной, но послѣ твердѣетъ. Когда же отъ солнца ягода совсемъ высохнетъ, по шло, которое прежде можно было ѣсть, дѣлается мѣшечкомъ темновапаго цвѣта и служитъ шелухою или наружною обверткою кофе. Бобъ спановится въ сіе время твердой и свѣтлозеленаго цвѣта. Въ каждомъ мѣшечкѣ бываетъ по одному бобу, раздѣляющемуся на двѣ половины, и каждая половина составляетъ зерно кофе.

Говоря о сихъ мѣшечкахъ, вспомнилъ я что однажды заспавъ знакомаго Араба, жарящаго оные при огнѣ, на желѣзной лопаткѣ; удивясь сему, вскричалъ я: что ты дѣлаешь? къ чему годишься сія шелуха? Я тебѣ прощаю незнаніе свое, опшвѣчалъ онъ усмѣхаясь, попому что ты чужестранецъ, но самъ пошчасъ признаешься, что сія презираемая побою шелуха, имѣетъ свою цѣну, и что для питья она столько же хороша какъ и зерно, ежели еще не лучше. Въ самомъ дѣлѣ положилъ онъ нѣсколько шелухи полуизжареной въ горшечкѣ кипящей воды, и спустя нѣсколько минутъ, далъ мнѣ опшвѣдать. Мнѣ такъ приятно показалось сіе питье, что я его не пощадилъ. Оно служитъ обыкновеннымъ питьемъ знатнымъ и

зажигочнымъ людямъ, и называется: *Султан-шина Кофъ*.

Кодейное дерево имѣетъ шу особливостъ, что въ одно время и цвѣтеть и плоды приносятъ, изъ коихъ иные зелены, а другіе совсѣмъ уже поспѣли. По сей причинѣ собираютъ ихъ при раза въ годъ; но сборъ въ Маіѣ бываетъ изобильнѣе и предпочитается прочимъ. Я изъ любопытства ходилъ однажды смотрѣть, какимъ образомъ оной дѣлается. Ничего нѣтъ простѣе. Подъ деревомъ спелюшь большія простыни. Человѣкъ прясетъ пошихоньку дерево, и зрѣлая кофъ падаетъ на землю. Набравъ такимъ образомъ, сыплютъ ее на рогожи, для сушенія на солнцѣ: и какъ примышатъ что мѣшечки уже могутъ отвориться, давятъ ихъ, кашая по рогожамъ деревянныя, или каменные валики; что Арабы умѣютъ дѣлать съ великимъ искусствомъ и проворностію. Когда Кофъ очистится отъ шелухи, кладутъ ее опять на солнце, попому, что она еще зелена, и не бывъ суха, могла бы испортиться на морѣ. Послѣ провѣваютъ ее для вычищенія, и сыплютъ въ мѣшки для отвозу на рынокъ. Хотя мало есть въ Іеменѣ мѣстъ, гдѣбы не родилась кофъ, но изобильно собирается она только въ окружностяхъ *Санан*, *Галбани* и *Бетель-фаги*. Я удивлялся красотѣ кофейныхъ деревьевъ въ семъ послѣднемъ округѣ, коихъ плодъ славится лучшимъ въ Іеменѣ, какъ вино Бургонское предпочитается всѣмъ винамъ во Франціи.

Бетель-фаги есть нарочитой, и можетъ быть наилучше построеной городъ, во всей Аравіи. Дома въ немъ кладены изъ кирпича;

многіе изъ нихъ о двухъ жильяхъ и съ площадками. Есть также нѣсколько огромныхъ палатъ и очень не дурныя мечети, у коихъ минареты выбѣлены внупри и снаружи. Городъ не обнесенъ стѣнами, но на ружейной оупъ него выстрѣлъ спойтъ замокъ, служащій ему крѣпостию. Въ немъ находилъ колодезь, въ кошоромъ вода минеральная, и споль горяча, что почерпнувши не можно ее никакъ пишь; но спановилъ очень хороша и спудена, когда простойтъ нѣсколько часовъ, а особливо ночью.

Во время пребывания моего въ Бетельфагъ, пошелъ я однажды изъ любопытства на *Базаръ*. Оной лежитъ посреди города, великъ и соспавленъ изъ двухъ дворовъ, окруженныхъ покрышыми переходами. Повѣритъ не лзя, какое множество шупъ продается *Кофи*. Деревенскіе жители находя прибыль въ семъ поварѣ, приносятъ ее сюда всякой день, но они теперь спали хипрѣ прежняго. Спеченіе чужеспранныхъ привлекаемыхъ славою сего произраспенія, опворили имъ глаза, и *Богаръ*, кошорой лѣтъ двадцать назадъ спойлъ десяти или двенадцать пiasпровъ (шестъ и семъ рублевъ) продается нынѣ спшкомъ по семидесяти рублевъ. *Богаръ* называется мѣра, содержащая семъ сошъ пятьдесять фунтовъ. Когда кофъ куплена, опвозятъ ее въ Моку, опспоящую отъ Бетель-фаги верспахъ во спа семидесяти, а опшуда опсправляютъ моремъ, куда надобно. По сему-то и называютъ ее *Мокскою кофью*; а въ Мокѣ, какъ я уже спазалъ, совсѣмъ оной не родилъся.

Употребленіе кофи введено не прежде пятнадцатаго вѣка и между самими Арабами. Одинъ Адиской Муфти пилъ ее въ болѣзни, и почувствовалъ облегченіе. Примѣръ его ввелъ ее въ честь; и построены особыя дома для продажи кофи открытымъ образомъ. Шерифъ Мекской заказалъ пить ее подъ жестокимъ испязаніемъ, и велѣлъ запереть всѣ кофейныя дома. Сіе гоненіе на кофъ умножило къ ней жадность въ Арабахъ. Египетскіе и Сирскіе народы возымѣли шуже спросъ, и кофъ введена въ обычай въ Царѣградѣ, гдѣ шакже нарочныя дома для продажи ея были открыты. Ученые люди, и особливо стихотворцы, а за ними игроки, въсповщики были первые, копорые почти не выходили изъ оныхъ. Сіи дома и сборищи размножились, разумѣется въ Царѣградѣ, шакъ скоро, что возбудили въ полицейскихъ служителейъ вниманіе. Въ нихъ бывали Паши и главные придворные чиновники. Иманы начинали уже жаловаться, что мечени спановятся пусты, а кофейныя дома всегда набиты людьми. Дервиши и всѣ, не имѣющіе другаго ремесла кромѣ набожества, явно обшомъ ропщали; и наконецъ проповѣдники принялись кричать не только прошивъ домовъ, гдѣ продавали кофъ, но и прошивъ самой кофи, ушверждая, что она заказана закономъ, какъ крѣпкое питье. Вопросень былъ Муфти о семъ дѣлѣ, и рѣшилъ, что не должно пить кофи. Съ сего часа запрещено ее продавашъ явно; но ничто не могло оспановить необузданной склонности; и градодержатели уставши мучиться безъ всякой пользы, предпочли терпѣть то, чего воспрещать не были въ

состояніи. Кофейныя дома появились въ большемъ числѣ, нежели прежде. Они были вдаругорядъ зашворены по Везирскому повелѣнію, и вошь что подало къ шому поводъ сему первому Миниспру: онъ ходилъ переодѣвшись по главнымъ Цареградскимъ кофейнымъ домамъ, и нашель въ нихъ шайки людей праздныхъ, разговаривающихъ о правительствѣ, ругающихъ Миниспровъ, и рѣшавшихъ съ великою дерзостію наиважнѣйшія Государственныя дѣла. Пошелъ онъ пошомъ въ кабаки, но шамъ заспалъ только людей веселыхъ, копорые пѣли пѣсни или разговаривали о любовницахъ и о своей храбрости. По сему разсудилъ онъ, что кофейныя дома супъ опасныя зборищи; и сіе самое принудило его изшребить ихъ, а шивки оспанить, не боясь никакого зла ошь людей ходящихъ въ нихъ-веселишься.

Со времени запрещенія въ Царѣградѣ, сіе питье не меньше оспанлось шамъ въ употребленіи, и кофейныя дома ошакъ возобновились въ сей столицѣ. По рынкамъ и по большимъ улицамъ носятъ превеликіе кофейники на жаровняхъ, и продають кофъ охотникамъ. Впрочемъ помянутое запрещеніе починалось учиненнымъ для одной только столицы. Во всѣхъ другихъ городахъ, да и въ самыхъ малыхъ мѣстечкахъ, не переводились никогда открытыя кофейныя дома, и нѣшь хозяина богатаго или убогаго, копорой бы не пилъ дома кофи по нѣсколку разъ на день. Наконецъ дабы короче выразить склонность Турковъ къ сему питью, скажу я, что ежели мужъ не даешь женѣ напишься кофи, или по бѣдности не имѣеть на что оной для нее купишь; то сей опказъ по-

читается за законную причину къ разводу. Въ аудиенціяхъ у великаго Везира подчиваютъ кофью Пословъ, и ежели бы какому Министру чужеспранному не подали оной, то сіе почлось бы за первой знакъ разрыва.

Я укоряю самъ себя, что ничего еще не упоминаю о Іеменскихъ госпожахъ. Вообще онѣ не прошивны, но мало имѣютъ вольности по ревнивости своихъ мужей. Позволяется имъ однаковъ ходитъ между собою въ гости, при насуплении ночи. Тогда онѣ выходящъ, и ежели вспрѣшашся на улицѣ съ мужчиною, спановящъ подъ домами, и до шѣхъ поръ споящъ въ молчаніи, пока не минетъ мушкетера. Одѣны онѣ почти какъ Турецкія женщины. Носятъ сафьянные сапожки а на головѣ превеликое покрывало, которое, будучи спущено на передъ, закрываетъ имъ лице, но такъ что они сквозь его видѣть могутъ. Муабскія женщины почтипаютъ за великое украшеніе носить въ носу золотное кольцо, чернятъ у себя подъ глазами, и прунтъ соспавомъ ногши, у рукъ и у ногъ, отъ чего они спановящъ красны. Въ Аденѣ и въ Мокѣ женщины не слѣдуютъ сему спранному обычаю, довольствуясь природною красотою, а держашся его только деревенскія щеголихи, кои еще не вошли во вкусъ.

Сколь ни пріятно Королевство Іеменское, мы не проживемъ здѣсь долѣе. Уже всѣ у насъ учрежденія здѣланы ѣхашъ чрезъ Аравіискія степи въ Палестину, которая давно воспаляетъ въ насъ любопытство. Мы чувствуемъ опасности, коимъ подвергнуться должны на дорогѣ; но награждены будемъ за то зрѣлищемъ важныхъ находящихъ въ ней предмѣтовъ.

Я есмь и пр.

Каменистая Аравія.

Представше себѣ, Государыня моя, землю сухую и знойную, покрытую горячими песками и голыми горами; на кошорой нѣтъ ни деревьевъ ни воды; въ кошорой не видно ни городовъ ни жилищей: и вы будете имѣть истинной образъ той частіи Аравіи, кою называютъ *Каменистою*, не по качеству каменистаго грунта, какъ нѣкоторые о томъ написали, а отъ *Петры (Камня)*, столицы сей провинціи.

Но повѣрите ли вы? Не смотря на плодоносныя области Греціи и Азіи, сіи прелестныя спраны, изъ коихъ я насилу могъ выхашъ, меньше для меня имѣли пріятностей, нежели здѣшняя дикая и необитаемая степь. Важныя произшествія, коимъ она чрезъ споль долгое время служила шеапромъ, знаменитыя чудеса, шворенныя чрезъ многолѣпнее пребываніе въ ней Евреевъ, все сіе наполняло меня удивленіемъ. Воображеніе мое, распаленное зрѣніемъ самыхъ шѣхъ мѣспѣ, представляло мнѣ ихъ споль живо; позорище сіе такъ начерпавалось въ моей мысли, что казалось, будто имѣю я ихъ передъ глазами, и на нихъ смотрю. Такъ, Государыня моя, и сіе не еспь ложъ обыкновенная въ пушениствовашеляхъ, ищущихъ ослѣплять блескомъ выдумокъ и воображеній. Въ одномъ мѣспѣ я видѣлъ, какъ говоритъ Пророкъ, море убѣгающее отъ лица Израилева и шворяющее ему свободной пупъ сквозь свои свирѣпяющія волны, поглощая въ

пропасняхъ своихъ колесницы и всадниковъ Фараоновыхъ а). Въ другомъ, брегъ звучащій радостными кликами и высокимъ гласомъ похвалъ пѣсни, важнаго израженія и вѣчной памяти достойнаго залога, Моисеева благодаренія б). Далѣе, я видѣлъ горы опверзающіяся, смятающіяся, распаявощія и испускающія ключи прѣсной воды для уполенія въ знойной спранѣ жажды и упошенія ропшанія Евреевъ с). Въ иномъ мѣстѣ, громъ и молнія предвѣщающія пришествіе сильнаго Бога Авраамова. Изъ среды воспламененнаго облака, вѣчный Опець наставлялъ свой народъ и давалъ ему законы. Спрашный его гласъ, препровождаемый ужаснымъ звукомъ грома, наполнялъ меня смертельнымъ страхомъ d). Я падалъ ницъ, покланялся землѣ освященной присущивіемъ самаго Бога. Въ иномъ видѣлъ я Моисея, сего хранилеля Божія всемогущества; Моисея, сего великаго мужа, хотя бы онъ и не былъ великимъ Пророкомъ; я его видѣлъ, въ восторгѣ ревности къ Богу, сокрушающаго сврижали, на коихъ самъ Творецъ міра начерпалъ законъ e); въ прахъ обращающаго презрительной предмѣшъ Израильскаго богослуженія; принуждающаго начиналелей вкусить оной прахъ распворенной въ ихъ пипіи, и омытъ въ крови двадцати тысячъ брапій, злопресупленіе ихъ идолопоклоненіе f). Въ иномъ, приутошвленіи къ сраженію представлялись моему взору. *Амаликъ*, гордой наступатель на народъ Божій, падающій подь мечемъ *Иисуса Навина*, или луч-

а) Исхода глава 15. б) Тамже гл. 15. с) Тамже гл. 17. d) Тамже гл. 19. e) Тамже гл. 32. f) Тамже.

ше опть дѣйствія молишь Моисея, которфй воздѣвъ руки къ Небу снизпращивалъ молнію поразившую сего врага Господня g). Въ иномъ, землю поколебанную до основанія, опверзающуюся съ ревомъ, изрыгающую пожирающій пламень, и свергающую въ нѣдра свои дерзкаго соперника первосвященника *Аарону* h). Народъ изумленный бѣгущій въ скинію, созданную съ великимъ искусствомъ, коей самъ Богъ удоспоилъ начертать образъ и управлять успроеніемъ i). Огнь мщенія, изходящій изъ сего свящилища, и очищающій смертію *Надаба* и *Абіу*, виновное небреженіе сихъ помазанниковъ Господнихъ к).

Однимъ словомъ, вся степь живошворилась предо мною. Всякой шагъ приводилъ мнѣ на память чудо, и сіи великія дѣла голову мою занимали, шакъ сильно, что однажды чуть было не лишился я жизни. Я опдалился въ пустыню, дабы свободнѣе чинить размышленіи: уединенность мѣста, хладъ утра, все даже и самой мракъ ночи къ тому призывалъ. Заря едва начала обѣлять край горизонша, какъ поразилъ слухъ мой незапно крикъ, за копорымъ послѣдовало пысяча голосовъ. Я смопрю; вижу кучу Арабовъ, кои высочивъ изъ засады, и обнаживъ сабли, скакали во всю пору. Я шолько что успѣлъ приближиться къ моимъ поварищамъ, кои не меньше побуждаемы будучи словами, какъ моимъ примѣромъ, бросились на сихъ разбойниковъ. Оныѣ шакъ вѣдомымъ незапнымъ и неожиданнымъ нападеніемъ приведены были въ изумленіе, разсѣялись въ

g) Исхода гл. 17. h) Числѣ гл. 16. сп. 32. i) Исхода гл. 35. к) Левитъ, гл. 10.

минушу, оставя между нами одного изъ своихъ собратій, которой упалъ съ лошадыю онъ насъ заколошу. Я кричалъ, чѣмъ бы пощадили сего бѣднаго, которому мой слуга успѣлъ уже дать нѣсколько ударовъ палкою, въ промѣнь на его збрую; ибо онъ оружіе его прибралъ въ рукавъ, пакъ, чѣмъ никто не думалъ съ нимъ о томъ и спорить. Сіе приключеніе принесшее мнѣ честь между моими дорожными поварищами, произошло въ виду горы Синайской, къ которой прѣехали мы нѣсколько времени спустиа по возхожденіи солнца.

Синай, сія славная гора въ лѣпописяхъ Божія народа, лежишь на полуостровѣ, сославляемомъ двумя заливами Чермнаго моря, и споль близко отъ горы *Ораба* * (*Оръ* или *Хоривъ*) чѣмъ можно ихъ почестъ за одну: да и Святое писаніе говоришь нераздѣльно, чѣмъ законъ былъ данъ Моисею на горѣ *Орь*: ибо въ самомъ дѣлѣ обѣ онѣ сущъ вершины одной горы и раздѣлены только не большею долиною. Синай находится на воспокъ, а *Орь* на западъ; но первая выше второй цѣлою шрестью, а послѣдняя напротивъ имѣетъ преимуществва, которыхъ лишена Синай.

Споль святое мѣсто не могло не служить убѣжищемъ такимъ людямъ, коихъ духъ Божій сопровождалъ во всякое время по спезямъ Иисуса Христа въ здѣшной пустынь, да и была она населена, такимъ множествомъ пустынниковъ, чѣмъ насчитывали ихъ иногда до чешырнадцати тысячъ; по крайней мѣрѣ пакъ здѣсь рассказываютъ. Сія склонность къ затворничеству весьма проспыла; и на Синаѣ едва най-

* Числ. гл. 20. ст. 23.

дется ли теперь шестидесять монаховъ, слѣдующихъ правилу св. Василія, и имѣющихъ наславникомъ самаго здѣшняго Архіепископа. Мы къ нему ходили на поклонъ. Мнѣ показалось, чѣмъ саномъ обязанъ онъ наибольше бѣлой своей бородѣ. Онъ насъ посадилъ подлѣ себя, и по короткомъ разговорѣ, которой не подавалъ высокихъ мыслей о его просвѣщеніи; „не перайше времени, свазалъ онъ намъ, осмоприше чѣмъ естъ любопытства доспойнаго въ семь монашырѣ и въ окружностяхъ; послѣ вы опобѣдаеши, и пойдете опдыхашъ до ночи.“ При сихъ словахъ вспали мы и вышли въ препровожденіи одного монаха, котораго должностъ состоить принимашъ молещиковъ.

Сей Манпоръ, назывался *Василій*, былъ человекъ молодой и спройной, съ веселымъ лицомъ и разуміе намъ показался самаго его паспыря. Сперва повелъ онъ насъ въ церковь, коей величина и великолѣпіе меня удивили. Ощецъ *Василій* примѣши сіе говорилъ мнѣ: „Сей храмъ естъ дѣло рукъ Юспиніана: сіи мраморы привезены изъ Египта по Чермному морю; а камни достаеми мы изъ нашихъ горъ. Они пакъ шверды, чѣмъ для пиленія должно употребляшь цѣлы мѣсяцы; но когда выглажены, по пакъ крѣпко связываются, способомъ нѣкоторой подмазки, находящейся у насъ же въ пустынь, и споль спановятся прочны, чѣмъ сіе зданіе, не смотря на свои висячіе своды и тысячю чешыреста лѣтъ древности, не шребовало еще починки. Въ самомъ дѣлѣ спроеніе казалось такимъ, какъ бы только было совершенно. Каменя въ немъ очень бѣлы и весьма лоснящяся: соразмѣръ впрочемъ точно наблю-

день; и сей монументъ достоинъ бы былъ, по всему судя, цвѣтущихъ дней древней Греціи, еспьли бы былъ лучше освѣщенъ, и еспьли бы спашуи, коими наполненъ со излишествомъ, могли почестись по крайней мѣрѣ за посредственныя, равно какъ живописи и выпуклыя изображенія.

Изъ церкви прошли мы въ трапезу, которая проспрана, но по ширинѣ слишкомъ долга; въ прочемъ не дурна, хощь и шемна; порокъ господствующій во всѣхъ спрѣдѣніяхъ сего монастыря, исключая начальникову залу, въ которой похулишь нѣчево. Я мало видалъ споль веселыхъ жилищъ, но пища памощная не соотвѣтствуетъ пріятности мѣсна. Дѣйствительно монахи ведутъ спрогую жизнь не ѣдая ни мяса, ни рыбы, да и госпи ихъ перпяишь сію суровость. Правда, что недоспашовъ награждають они привезенными съ собою припасами, безъ коихъ не лзя бы и ѣздишь по сей землѣ.

Мы только заглянули въ спарческія кельи, кои показались истинными шюрмами, ибо спѣшили осмопрѣшь скорѣ наружности. И такъ вышли вонъ. Первой предспавившейся глазамъ нашимъ предмѣнъ былъ монастырь, укрѣпленной на подобіе замка. „Что ето значить? спросилъ я у опца Василія; противъ кого здѣланы такія укрѣпленія? Противъ Аравлянъ, опвѣчалъ онъ, безпрестанно шатающихся около нашей ограды, и покушающихся иногда приспупанъ къ оной. Когда ихъ мало, мы безъ труда ихъ опгоняемъ; но когда приходять въ великомъ числѣ, то инако збышь ихъ не можно съ рукъ, какъ опдачею просимыхъ

ими припасовъ: опъ чего сами мы не рѣдко лишаемся нужнаго. Вы имѣете худыхъ сосѣдовъ сказалъ я. Правда, опвѣчалъ монахъ, но поидемъ скорѣ, чшобъ не здѣлалось намъ чего неприяшнаго. Вотъ ихъ засада, и я боюсь, чшобъ не приключилось вамъ несчастія. Не бойся, говорилъ я, Арабы ваши насъ знаютъ, видались съ нами вблизи, и конечно больше насъ боются, нежели мы ихъ..

Говоря сіе пришли мы къ пещерѣ, гдѣ Моисей принялъ скрижали завѣща. Изъ нее здѣлана часовня, въ которой все соотвѣтствуетъ благочестию, но ничего нѣтъ примѣчательнаго, кромѣ спашуи св. Законодавца, деспойной Фидіасовыхъ рукъ. Арабы изъ почшенія къ пещерѣ построили надъ нею изрядную мечеть, въ которой собираются на молибву. Шаговъ задесяишь опъ нея бѣеть ключъ прѣсной воды, проведенной по жолобамъ въ монастырскую кухню. Кромѣ сей холодной воды, хвалимой для доброты ея, монахи ничего не пють, но опъ того не меньше другихъ здоровы.

Какъ дорога съ сего мѣсна спановишся крупа, и гора чрезвычайно ушесиспа, то не можно бы идиши далѣ, ежели бы не было здѣлано нарочно спупенекъ въ камнѣ. Съ подошвы до вершины счищють оныхъ около четъ чехъ тысячъ. Мы опважно предпріяли сей пущъ, но такъ запыхались взойдя на вершину, что принуждены были сѣспъ для опдохновения. Хребетъ имѣеть около семидесяти шаговъ въ длину и прищанъ въ ширину, и можешь помѣститься свободно человекъ до пяти сопъ. На поверхности его находяшся многіе бугры и надъ однимъ изъ нихъ часовня, въ которой,

сказываютъ, лежали мощи св. *Екатерины* около чепырехъ сошь лѣтъ; послѣ перенесены оныя въ монашескую церковь, и спояны въ ней подѣ великолѣпнымъ балдахиномъ. Ихъ нивно не видѣшь, а показываютъ только одну руку, на копорой всѣ пальцы унизаны золошыми кольцами. При подошвѣ сего бутра бьешъ ключъ, коего вода починаешъ за чудотворную; ибо не свойственна, чшобъ на шакомъ возвыщенномъ мѣстѣ могъ бытъ источникъ. При самомъ ключѣ видна пещера, въ копорой *Моисей* препроводилъ сорокъ дней прежде вшоричнаго принятія скрижалей завѣша. а) Я не спяну вамъ описывать страшной дикости сего мѣста, гдѣ царствуетъ повсюду скука, и гдѣ тишина навела бы на васъ страхъ.

Долина разделяющая Оръ и Синай весьма пріятна. На ней лежатъ многіе сады, изъ копорыхъ въ однихъ родятся плоды, въ другихъ преизящные овощи. Работу опправляютъ въ нихъ монахи, и получаютъ отсюда главную свою пищу. Идя по долинь видѣли мы *Куллину неопаленую*, б) или лучше мѣсто, гдѣ споялъ сей кустъ, копораго, какъ вы сами можете заключить, уже теперь нѣтъ. Полномъ взлѣзли мы на камень, изъ коего *Моисей* изпочилъ воду, о чемъ упоминаешъ въ Исходѣ. в) На камнѣ видны двенадцать скважинъ, чрезъ кой, сказываютъ, шекла вода. Опшуда взошли мы къ пещерѣ, гдѣ скрылся *Пророкъ Илія*, во время гоненія опъ *Иезавели*. * Сводъ сей пещеры, очень влаженъ и унизанъ шакъ сказать, каменными ссѣдинами, чудными по величинѣ и

а) Исхода гл. 34. б) Исхода гл. 3. в) Гл. 17. ст. 6.
* Царст. 3. гл. 18.

по виду. Подлѣ сей пещеры находилъся другая; въ оной св. *Стефанъ* зашворникъ препроводилъ сорокъ лѣтъ, въ постѣ и моливѣ. Повороши въ правую сторону, пришли мы на плоскость, гдѣ вшарину споялъ монашескъ св. *Василій*. Между развалинами онаго, ибо спроеія уже нѣтъ, видѣли мы камень, на копоромъ спуня верблюжья шакъ хорошо высѣчена, что бы можно почешъ ее за здѣланную масперомъ. Арабы съ почтеніемъ ее цѣлуютъ, признавая за спуневъ *Магометова Верблюда*. Нѣшпорые изъ нихъ прямо было на насъ пошли, но увидя, что мы вооружены, приняли на себя видъ благоговѣнія, подѣловали съ униженноспію камень, и возвратились въ свой пунъ въ молчаніи пошупя глаза. Мы же пошли въ пріятной небольшой лѣсокъ, изъ копораго поднялись, по весьма опшлой дорогѣ, на вершину горы. Сіе мѣсто показалось намъ прелеснымъ. На немъ видны при ручьѣ, шекущіе по дерну всегда зѣленющемуся, и между пополевыми деревьями; подѣ шѣнко копорыхъ сѣли мы опдохнуть. Уединеніе мѣста шакъ намъ полюбилось, что охотно бы мы согласились пробить цѣлой день; но время не опъ насъ зависило. Впрочемъ насшупилъ уже полдень. И шакъ возвратились мы въ монашескъ, гдѣ нашли обѣдъ, пригошвенной спараніемъ моего слуги. Сѣли мы за столъ, и какъ яркой на горахъ воздухъ возбудилъ въ насъ голодъ, шпо и ѣли мы съ жадноспію наши припасы, а опецъ *Василій* свою морковь.

Веселой правъ сего монаха насъ не мало забавлялъ. Никогда спарець монашескую своему не дѣлалъ больше чесши. Примѣня, что онъ

*

говорить, какъ человекъ знающій свою землю: „сколько, спросилъ я у него, считаете вы отсюда до Мекки и Медины? — Развѣ вы помышляете тамъ побывать? — Безъ сумнѣнія, сказалъ я. Такъ вамъ хочется посидѣть на копь? продолжалъ спарецъ. Кому? мнѣ? нимало, говорилъ я. О! о! вскричалъ онъ, я бы никогда сего опъ васъ не ожидалъ. Чпо же такое? спросилъ я у него съ смущеніемъ. О чемъ идееть ваша рѣчь? изьяснишесь, пожалуйста. — Развѣ вы хотите пошурчить? — На чпо я опвѣчалъ, шурчитесь вы сами: да будете прокляты Магометь и его послѣдователи! Однакожь нѣтъ другаго средспва, продолжалъ опецъ Ваемій; и еспѣли увидяшь васъ на Мекской или Мединской землѣ, вы будете принуждены перемѣнить вѣру, или согласиться посидѣть на копь. Когда шакъ, шпо мы сильно обманулись, говорилъ я, обрапя рѣчь къ моимъ шоварищамъ; и я шеперь вижу, господа, чпо по пусшому мы ѣздили. „Не сполько какъ вы думаете,“ сказалъ на сіе монахъ съ веселымъ лицомъ; я былъ два раза въ Меккѣ и въ Мединѣ, и могу вамъ дать всѣ нужныя объясненія. Сія рѣчь васъ удивляетъ, но удивленіе кончилось, когда узнаете вы, чпо я родился на островѣ Кипрѣ, и съ малолѣпства назначенъ былъ въ купеческой промыселъ; чпо я пятьнадцаши лѣтъ попался въ руки морскому разбойнику, и проданъ въ Варварію одному офицеру Марокскаго Императора; чпо сей человекъ, у коего голова набиша была шолько своею сепшою, принудилъ меня перемѣнить вѣру; чпо съ нимъ ѣздилъ я два раза въ Мекку и Медину, и чпо имѣлъ счастье въ послѣднемъ

пуши опъ него уйши и скрыпъся въ сію пушпыню для очищенія поканіемъ души моея опъ преслупленія, въ кое впалъ чрезъ премъненіе вѣры., Сіе признаніе намъ было пріятно. Мы его просили, не опкладывая разказапъ подробно о всемъ происходящемъ въ сихъ двухъ славныхъ городахъ, во время пребыванія шамъ молеельщиковъ.

„Мекка и Медина, началъ онъ свою повѣсть, дѣлающъ часпъ провинціи, называемой *Гегіазъ*, собспвенно не принадлежащей ни къ копорой изъ шрехъ Аравій, хопя и находящейся на помъ же полуостровѣ. Въ Меккѣ *Магометъ* качался въ колыбель, а въ Мединѣ лежишь въ могилѣ. Оба сіи города признаюпся за свяпые и священныя; и бѣда Хриспіанину, копорой бы опважился къ нимъ подойши за нѣскольго миль. Наиужаснѣйшее мученіе едва можешь загладишь споль великое свяшопашспво.“

„Мекка, о копорой я вамъ разкажу напередъ, лежишь при подошвѣ высокой горы въ семидесяпи верспахъ опъ Гидды, гавани на Черномъ морѣ, и по словамъ Арабовъ, *Евва* была въ ней погребена. Сей городъ великъ, богатъ и многолюдень. Нѣпъ около него ни спѣнь, ни окоповъ: свяпость ему служишь уврѣпленіемъ, и охраняешъ его опъ всякихъ нападеній. Много въ немъ хорошаго спроенія и большихъ палапъ, но ничпо сравнишься не можешь съ великолѣпиемъ Караван-сераевъ, кой чрезвычайной красопы. *Караван-сераями*, какъ вамъ извѣспно, называются постпоялые дворы, въ копорыхъ пріѣзжіе спановляпся въ Меккѣ, во время ихъ посѣщенія сего мѣспа. При одномъ

конць города возвышаеяся *Гарама*, превеликой дворъ окруженной пройнымъ рядомъ столбовъ и сводовъ. Съ перваго взгляду видаеяся онъ чрезмѣрно въ глаза, не смотря на свою неправильность и спранный вкусъ. Посреди *Гарама* стоить *Кибе*, или небесной домъ, построеной вспарину ангелами, пренесенной на небо во время понона и вновь *Авраамомъ* созданной, по образцу перваго посланному къ нему съ неба.,

„Сей домъ, не заслуживающій впрочемъ любопытства своимъ видомъ имѣеть тридцать футовъ въ вышину, пятнадцать въ длину и двенадцать въ ширину. Порогъ у дверей здѣланъ нарочно такъ высоко, чптобъ человекъ споя на землѣ, не могъ его достать рукою. Двери всѣ серебряныя, спворченныя, шириною въ пять, а вышиною въ десять футовъ. Входящъ въ нихъ по деревянной лесницѣ утвержденной на чепырехъ колесахъ, вопорую одинъ *Иманъ* придвигаея къ стѣнѣ. Когда кто хочеть молиься, надобно заплашиь *Иману*: послѣ чего вольно лести по лесницѣ. Три столба осмиугольные, вышиною около двадцати футовъ, поддерживающъ все зданіе. Они здѣланы изъ дерева *Алое*, въ полцину человека; каждой изъ одного куска, и пославлены на прямой линіи. Внутри *Кибе* убранъ шелковыми штофами, бѣлыми и красными, а снаружи черными съ каймою вверху и въ низу, или лучше обшинными золотыми кушаками, кои не поршиаь вида. Сіи штофы даюя на счесть *Султана Турецкаго*; всякой годъ ихъ перемѣняюя: и шарые, кои починаюя за драгоценную свялость, дѣляяся между имъ и

Княземъ *Мекки*, которой получаетъ оыъ нихъ не малой доходъ. *Верблюды*, несущій сѣ завѣсы, признаеяся за освященнаго: по возвращеніи обившиваюя его цвѣтками, и не упошребляюя больше ни въ какую работу. Дабы вселишь почщеніе къ *Кибе*, обнесли его кругомъ не большою стѣною, а для запрепятствования, чптобъ дождь не повредилъ основанія, прибили къ кровлѣ, здѣланной площадкою, золотой жолобъ, копорой выдаея около шестипи фуговъ изъ подкровли, и опводишь вдаль воду спекующую въ него съ площадки. Внутри сего храма итьиь ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ чернаго камня, принесеннаго *Архангеломъ Гаврииломъ* къ *Аврааму*, когда созидаль онъ *Кибе* и служившаго сему *Папріарху* вмѣсто подмоспки: ибо самъ собою поднимался и опускался, дабы меньше онъ имѣлъ шруда, и не былъ принужденъ дѣлать дырь въ стѣнѣ. Сей камень прежде былъ бѣлой; но по грѣхамъ людскимъ здѣлался чернымъ. Во стѣ шагахъ оыъ *Кибе*, но въ *Гарамѣ* находишся колодезь *Землемъ*, второй предмѣшь великаго почщенія *Мусульманскаго*. По ихъ словамъ, сей колодезь есть поыъ самой, копорой Ангель показаль *Агарѣ*, когда она спрансывовала въ спени, бывъ изгнана съ *Измамомъ* изъ дому *Аврамова*. Арабы пьюя воду изъ него съ благоговѣніемъ, и приписываюя ей великія дѣйсвія.,

„Всякой доброй *Мусульманинъ* долженъ побываь въ *Меккѣ*, по крайней мѣрь одинъ разъ въ своей жизни: но ревностныя превосходящъ и повелѣніе, ибо есть такіе задорные, чпто ходящъ шуда всякіе десяти лѣтъ. Для сего сби-

раются они караванами, дабы быть в состоянии здѣлать оппоръ Арабамъ, кои набѣгаютъ на моельщиковъ, и грабятъ ихъ безъ милосши. Всякой годъ отправляется пять главныхъ каравановъ въ Мекку: изъ Индіи, изъ Персіи, изъ Дамаска, изъ Каира и *Мусребинской*, подъ копорымъ именемъ разумѣются: Варварія, Фецъ и Марокъ. Сей послѣдній соединяется всегда съ Каирскимъ, копорой по общеніи, состоитъ иногда изо сна тысячъ душъ, считая женщинъ и робятъ. Я вамъ объ немъ и спану рассказываю, дабы вы могли судить и о прочихъ.,

„Сии путешесвіи, предпріятыя изъ благоговѣнія, влекутъ съ собою множество обрядовъ и молебъ. Всякое дѣйствіе, всякой шагъ, всякое, какъ сказать, движеніе моельщика пребуетъ особаго обряда, и препровождается особою молишвою. Дабы приугошеникъ къ сему славному путешесвію, должно шѣмъ зачать, чшобъ заплашнть свои долги, помиришься съ недругами, оспавитъ семь своей чѣмъ жить, и въ дорогу взять шакихъ денегъ, копорыя не незаконно приобрѣтены. Отправляющійся въ пушь, выходя изъ дома, дѣлаетъ два поклона и чшпаенъ молишву. Попомъ прощается съ своими, и слова, кои тогда должно говорить, предписаны также закономъ.,

По нѣкоторыхъ обрядахъ вѣры продолжающихся при дни, избираются начальники, въ повиновеніи коимъ всѣ присягаютъ. Послѣ чего испрося у неба шеплою молишвою защищенія, отправляются въ пушь. Паша определенной Султаномъ, для прикрытія моельщиковъ отъ Арабовъ, препровождаетъ караванъ. Идутъ

только ночью для избѣжанія жаровъ; и когда мѣсидъ не свѣтитъ, зажигаютъ фонари придѣланные къ долгимъ шешамъ. Бѣдятъ, чшо съ собою возьмутъ; ибо земля, по копорой должно идти, не приноситъ ничего и ниже воды, по крайней мѣрѣ шакой, копорую бы пить можно. Бдутъ въ порядкѣ, каждой за своимъ начальникомъ на верблюдахъ, привязанныхъ хвостами одинъ къ другому, и изъ коихъ передніе ведутъ заднихъ. Во время дороги, продолжающейся около шридцати семи дней, поютъ стихи изъ Алкорана; и жаръ, къ исполненію сей должности, шоль въ нихъ великъ, чшо падаютъ часно отъ усалосши и умираютъ, но пить не перестаютъ.

„Сначала оспанавливаются на горѣ *Аратѣ*, гдѣ моельщики оспавляютъ часть одежды и надѣваютъ бѣлой плащъ. Около горы дѣлаютъ ходъ, и закалатъ жершву въ память Авраамова приношенія. За два дни до приѣзда въ Мекку, скидаютъ все платье, надѣваютъ шуфли, дабы не пошрашъ ногами шоль свяшую землю. Такимъ образомъ препровождаютъ недѣлю въ пушь, безпрестанно молясь, раздавая много милосшины, и не вкушая пищи прежде вечера. По прошесвіи сего времени, отправляются опять въ пушь; и какъ скоро увидятъ городскіе ворота, всѣ падаютъ ницъ, бія лбомъ въ землю при раза, и входящъ, поятъ стихи въ честь пророка. Моленіе продолжается при дни, и кому удастся первому поцѣловать черной камень, шопъ почищается за свяшаго, но должно сіе здѣлать въ ялшницу, копорая всегда бываетъ въ числѣ шрехъ дней моленія и по окончаніи предолгой молишвы. Тогда всякой

падаешь къ его ногамъ и цѣлуешь ихъ, и онъ почини всегда бываетъ задавленъ народомъ. По прошествіи прехъ дней, дѣлають ходъ около Кіабе, и идуть ночевашъ въ Минетъ, деревню лежащую верспахъ въ пятнадцати. На зав-прѣ, день меньшаго Баирама, надѣвають преж-нее платье, и приносятъ на жертву нѣсколько овецъ, коихъ раздають пошомъ нищимъ. Всего пріяшнѣ въ семь пущешествіи естъ то, что всякой обязанъ женишся въ Меккѣ на время, кошорое пущъ проживешъ, какъ бы оно ко-рошко ни было. И такъ памонія женщины имѣють симъ способомъ, всякой годъ новаго мужа; а дѣши онъ сего мимоходнаго супруже-ства пользуются нѣкошорю знапшоснью; ибо починается, что они рожденіемъ своимъ обя-заны молишвамъ пророка..

„Оспавя Мекку возвращаються къ горѣ Арапу, гдѣ оспанавливаются на три дни бро-сая всякой день по семи камней на гору, и обходя ее семь разъ кругомъ. Сіи камни пу-щаются въ діавола, дерзнувшаго прельщашъ Авраама въ семь мѣспѣ, и вселяшъ въ него мысль принесши на жертву Исмаила вмѣсто Исаака. Пошомъ возвращаються оная въ Ми-нетъ для поклоненія ямъ учинившейся въ камнѣ онъ головы Магомета, кошорой вывихнувъ ногу, покачулся и ударилъ въ оной головою, а камень пошчасъ учинился мяковъ, чтообъ не ушибишъ пророка. Сіе естъ послѣднее дѣй-ствіе модельщиковъ. Послѣ онаго берутъ благо-словеніе онъ Имана, опходяшъ и опираются въ Медину..

„Молельщики ходящіе изъ Мекки въ Іеру-салимъ для посѣщенія Соломонова храма, при-

обрѣпають, великое уваженіе двойнымъ пущешествіемъ. Имъ въ судахъ вѣрять, сколь скоро придуть въ оной, и они могутъ безъ опасенія служишъ ложными свидѣтелями, такъ что не можно ихъ въ шомъ ни уличить, ни въ судѣ не пріяшнѣ..

„Къ пущешествію въ Медину никто не обязанъ, почему и не имѣетъ онъ шакихъ пре-имуществъ какъ первой, кошорой разрѣшаетъ опно всего, даже и опъ преснуплений, такъ, что и въ судѣ послѣ за оное позванъ не лъзя. Однако почини всѣ бывшіе въ Меккѣ ходятъ въ Медину..

„Сей послѣдній городъ лежитъ на равнинѣ, въ прехъ дняхъ онъ Ямбъ, небольшого города и гавани на Черномъ морѣ. Онъ не споль великъ, и не споль люденъ, какъ Мекка; но вы-спроенъ лучше, и не меньше можетъ бытъ порговой. Мечети въ немъ сущъ главныя зда-нія. Большая мечеть, такъ называемая, по-шому, что въ ней гробъ Магометовъ споншъ на воспокѣ посреди города. Входяшъ въ нее переходами: у нихъ сполбы мраморные Дори-ческаго ордена; но худо высѣчены и слишкомъ шолсны. Гробъ пророка заключенъ въ башнѣ или кругломъ зданіи съ куполомъ, кошорой на-зываютъ Турбе. Сіе круглое зданіе опшрышо онъ половины до самаго купола, и окружено галлереею, у коей въ спнѣхъ подѣланы окны съ серебрянными рѣшетками. Спѣна самаго зданія не имѣетъ опшверспій, но покрыта па-кимъ множествомъ дорогихъ каменьевъ, а осо-бливо на шой споронѣ, къ кошорой споншъ гробъ головою, что, думаю, нѣтъ въ свѣтѣ шакого богатаго мѣспа. Между прочими на-

ходяпся два Алмаза, изъ коихъ одинъ шириною въ два пальца, а другой, кошорой больше и перьваго, естъ шолько половина прешьяго еще Алмаза, кошорой *Османъ*, сынъ Ахметовъ, вельль распилить на двое, и половину прислалъ въ Медину, а половину оставилъ на украшение своей чалмы. Султаны всегда носятъ съ того времени сей алмазъ, и оной почитается за наилучшій въ Имперіи. Въ галлерей и въ Турбъ здѣланы серебряныя кованыя створчатныя двери. Моделъцики въ оную не входятъ, ибо слишкомъ бы шѣсно было; и слѣдовашельно видишь шолько наружныя сокровищи, о кошорыхъ я упоминалъ; но какъ шолна уйдешъ, то отворяютъ двери зданія, и я былъ въ немъ съ моимъ господиномъ: ибо онъ имѣлъ шакой чинъ, чшо могъ добитъ сей опшмѣности.

„Гробъ Магометовъ споишь между *Абубѣкеровымъ* и *Омаровымъ* на самомъ полу: и шакъ желъзной обручъ пришагаемой магнитнымъ сводомъ, естъ сущая баснь. Онъ здѣланъ изъ бѣлаго мрамора и покрытъ богатымъ ковромъ, каковы бывають у Султана и у Пашей Турецкихъ. Три тыщи лампадъ всегда горятъ около его: всѣ онѣ серебряныя, и масло шакъ чисто, чшо нѣтъ ни малѣшаго запаха. Я невоиду въ описаніе всѣхъ дураческыя чинимыхъ около гроба; довольно сказашъ, чшо Мекка и Медина сущъ средопочіе Магометанскаго севѣрія; а пошому и можно догадаться, чшо нѣтъ глупости, кошорой бы не дѣлали шуптъ набожныя Мусульмане.

Такимъ образомъ рассказывалъ намъ опецъ Василій: но любопытство мое не было удовольствовано. Онъ самъ его возбудилъ нѣко-

шорымъ словомъ выговореннымъ безъ примѣчанія. „Вы упомянули, сказашъ я ему, объ какомъ по *Князѣ Мекки*; развѣ сей городъ не зависить опъ Султана? Мекка и Медина опшвѣчалъ онъ, имѣють своихъ особыхъ Князей, кои сущъ и свѣтскіе и духовныя начальники вмѣстѣ. Ихъ называють *Шерифы*, и почитають за самыхъ благороднѣйшихъ въ свѣтѣ, пошому чшо производять они опъ Магомета чрезъ *Фатиму* его дочь, а жену Алія его племянника, и единаго изъ его преемниковъ. Они не зависятъ опъ Султана, но сей Государь мѣшается однако въ ихъ дѣла во время войны между ими, да и по по причинѣ могущаго изъ оной произойти соблазна, кошорой онъ, какъ Халифъ, долженъ предупреждать и опвращать. Тогда говоритъ онъ съ ними твердо, и ежели Шерифъ заупрямится, свергаетъ его; но власпъ не простирается далѣе, и наслѣдникъ всегда избирается изъ ихъ же рода. Я самъ видѣлъ шакого сверженнаго Шерифа, кошорому Король Йеменской опредѣлилъ на содержаніе по спу пѣспровъ (шестъдесятъ рублей) на день. Но я принужденъ васъ оставить, промолвилъ онъ; меня должность призываетъ, да и вамъ шаже время отдохнуть. Спупайте за мною и покинемъ лишніе разговоры. По сихъ словахъ опшелъ онъ насъ въ покой, гдѣ приготовлены были постели, кои по причинѣ усталости нашей, показались намъ очень мягки. Мы спали пять или шестъ часовъ и выѣхали при насшупленіи ночи, обнявъ опца Василія и поблагодаря начальника.

Мы тогда были въ мѣсяцѣ Мартѣ, и жары уже чрезвычайно усилились; но мы ѣхали безъ

оспановки, и на другой день въ восемь часовъ прибыли къ одному озеру, при кошоромъ сполало нѣсколько пальмовыхъ деревьевъ. Мы опъ успалоспни полегли подъ ними, дабы нѣсколько опдохнуть. Едва зашворили мы глаза, какъ разбудилъ насъ крикъ одного изъ нашихъ людей, ходящаго по полю, за кошорымъ погнался змѣй изъ рода называемаго *Шезифоны*, коихъ угрызение неизлѣчимо. Не объ чемъ было долго шупъ думать. Мы влѣзли на деревья, подъ коими спали, и какъ насъ больше было, нежели деревьевъ, я сидѣлъ на моемъ самдругѣ. Сіе убѣжище не совсѣмъ надежно; ибо *Шезифонъ*, обвиваясь около дерева, вспалзываетъ на него съ великимъ проворствомъ; и шопъ, опъ кошората мы убѣгали, пущилъ прямо на меня. Я даль ему сперва волю, но какъ онъ поднялъ голову, что бы бросишься, я выспрѣлилъ изъ пистолета, и пробилъ его насквозь пулею шакъ, что онъ упалъ мершвой. Мы его вымѣрили. Въ длину имѣлъ онъ при фула семь дюймовъ, шашъ линѣй, а въ овружоспни или въ шолщину одиннадцашъ дюймовъ чешыре линѣй. Угрызение сего пресмыкающагося не причиняетъ весьма жестокой боли: но язва шопчасъ швердѣетъ, надувается и производишь опухоль, кошорая наполняется густою и черноватою мокротою. Въ колѣнкахъ чувспивуется успалоспшь, голова вершится и вскорѣ умираюшь. Сіе приключеніе принудило насъ проводишь оспашокъ дня въ оспорожоспни, и сплояшь по перемѣнкамъ на часахъ, что бы не бышь подверженнымъ шомуже въ другой разъ.

Но сія опасоспшь можетъ почеспшься за ничшо въ рассушденіи шой, кошорую видѣли

мы въ слѣдующій день. На дворъ было холодно-вапо, и возходящее солнце предвѣщало красной день. Но вдругъ все премѣнилось, воздухъ началъ колебаться, небо показалось въ огнѣ. Мы заключили, что *Сануль* спанетъ душъ, бросились шопчасъ ничкомъ на землю, держа рукою за поводъ нашихъ лошадей, кои по природному побужденію ущемили головы между ногъ. Минуту спущия послышали мы свистъ, похожій на шакой, когда огонь прещитъ, а за нимъ полуденной вѣшеръ продолжался около семи минутъ, и шопомъ воздухъ ушнилъ и небо прочиспилось. Мы вшпали всѣ здоровы, и ради, что избѣжали опъ бѣды.

Сануль, еспъ заразительной вѣшпръ, уби вающей человекъ во мгновение ока, но производишь сіе дѣйствіе въ двухъ фулахъ опъ земли. Дуешъ онъ шолько въ нѣкошорыя извѣспныя времена, продолжаешъ семь минутъ, и предсѣдуемъ бываешъ знаками, кои я описалъ выше. Тѣ, коихъ умерщвляетъ, шоподитъ на людей спящихъ сладкимъ сномъ; но какъ они вшупри созжены, шпо члены ихъ распадаюшся, шкорм скоро до нихъ дошронешся, и руки оспашошся въ рукахъ у шого, кшо думая спашаго разбудитъ, за нихъ шопянетъ.

Мы имѣли намѣреніе ѣхашъ далье до мѣспечка *Гулень*, лежащаго вершпахъ въ пашнащати: но лошади у насъ шакъ успали, что не могли совсѣмъ ишши; и шакъ возвратились мы назадъ въ деревню *Циркъ*, въ коей было около шорока шипелей. Сіи добрые люди приняли насъ, какъ можно, лучше; убрали сами лошадей нашихъ, и заживнѣйшій изъ нихъ опдалъ намъ свой домъ. Оной шоспроенъ изъ

алебаспра, какъ и прочія въ деревнѣ избы; чему не должны вы удивляться, ибо сего камня множеству, да и очень хорошаго, находится около Цирка, и въ другихъ округахъ каменистой Аравіи: но шаковой даръ природы не весьма полезенъ симъ ограниченнымъ въ разсудкѣ людямъ, равно какъ и пасущіяся на горахъ козы, кои служатъ имъ только для одной пищи.

Ходя около деревни, увидѣли мы спаницу мышей шакого рода, копорой называется ярбо и копорыхъ шолко превозносили Соломонъ. Они двуногія не пошому, чшобы не было у нихъ чешырехъ лапъ, но ходили на однихъ заднихъ, опираясь на долгой хвостъ, копорой служили имъ вмѣсто руля, и оборачиваются по ихъ хотѣнію. Лѣшомъ собираютъ онѣ запасъ на зиму. Жилище ихъ подобно лагерю, гдѣ вся служба опправляется въ порядкѣ. Входящъ въ него чешыремъ опверспіями, и при всякомъ сполщъ часовой. Одна главная мышъ, копорую называщъ можно маіоромъ, обходитъ дозоромъ, и найдя часоваго не на своемъ мѣспѣ или спящаго, пошчасъ смѣняетъ и наказываетъ. По данному опъ часоваго знаку вся спаница поднимается, и убѣгаетъ въ противоположную сторону. Сказываютъ, чшо онѣ по срыли плошину, сдѣланную Царицею *Гейсою*, копорая почипалась за чудо въ свѣспѣ, и коей паденіе причинило достопамятное наводненіе въ исторіи чешвершаго вѣка.

Разказавъ все объ Мевнѣ, не долженъ я позабыть и о славномъ *Балсамѣ*, называющемся по имени сего города, и распушемъ на его землѣ. Оной еспъ произрашеніе одного дерева,

копорое Арабы зовутъ *Балсумъ*. Листья на немъ не много разспивуютъ съ ясенью, но не такъ густы; пень смолиспъ, легокъ и красноватъ; вѣшви понки, долги, благовонны, клейки и одного цвѣша съ деревомъ; цвѣшки мѣлки и пріятнаго запаха; зерно также пахучее содержится въ черномъ мѣшечкѣ, и плаваетъ въ густой жидкости, похожей цвѣшомъ на медь. Оно имѣетъ вкусъ горьковатой и запахъ Бальзама. Вѣшви разщепляются сами собою, и испускаютъ драгоценную смолу, копорая собирается въ коженые мѣшки, сдѣланные на подобіе кошельковъ. Цвѣшъ ея бываетъ сперва бѣловатъ, пошомъ зеленѣетъ, а чрезъ нѣскольکو мѣсяцовъ спановится желшой. Съ начала она очень жидка, но со временемъ чинится споль шверда, чшо должно распускать ея въ спиртъ.

Миръ, еспъ другая благовонная смола, собираемая также въ Аравіи, и пекущая изъ дерева съ иглами и листьями, похожими на оливныя, но должно его надрѣзывать. Изъ нее дѣлаютъ духи, и древніе упопреляли ихъ на балсамированіе умершихъ шѣль. Выжимается изъ нее масло превосходное для ранъ и упопреляемое на другія лѣкарспва во врачебной наукѣ.

Изъ Цирка вѣехали мы гораздо поздно ночью; и по восмидневномъ пупи, въ копоромъ не видали ни городовъ, ни деревень, прибыли въ Буссеретъ, на границу Аравіи и *Идумен*.

Буссеретъ или *Бостра* (*Восоръ*) составляла въ древнія времена часть колѣна Симеонова, и была въ числѣ городовъ назначенныхъ для убѣжища *Иисусомъ Навинномъ*. Трудолюбіе жи-

шелей привело его въ славу; но злодѣйствы навлекли гнѣвъ съ неба. *Исай* былъ онаго провозвѣстникомъ а). А *Иуда Маккавей* исполни шелемъ б). Сей герой взялъ и выжегъ городъ. Послѣ онъ вновь выступилъ, и пришелъ уже въ нѣкошорую силу. Нынѣ естѣ только громада развалинъ; имѣетъ однако Греческаго Архіепископа, живущаго подаянiемъ опъ своего спада.

Окружности Буссерета довольно прiятны; но наполнены *лисицами* того самаго, скъзываютъ, рода, коихъ *Самсонъ* пустилъ въ *Филистимскія* нивы. Сiи лисицы одарены удивительною силою и проворствомъ. Ходятъ онѣ спадами, и великой вредъ причиняютъ мѣлкой скопинѣ, копорою здѣшняя спрана избилуешъ. Передъ глазами нашими нѣсколько овецъ зарѣзанныхъ вложили въ насъ охоту, копорая и удалась намъ не хуже Самсоновой. Въ два дни набили мы ихъ шестидесятъ: а сiе принесло намъ похвалу опъ всего города, и посѣщенiе опъ главныхъ начальниковъ. Оплапавъ имъ за оныя, и заготовивъ нужные припасы, выѣхали мы на другой день, и чрезъ нѣсколько дней прибыли въ *Киль-Ханъ*, потомъ въ *Бонеръ*, опшуда въ *Моли*, и наконецъ въ *Петру*, столицу всей спраны.

Сей городъ * естѣ не что иное, какъ вуча хижинъ, поставленныхъ безъ порядка и безъ размѣра; по сей причинѣ и нынѣ въ немъ прямыхъ улицъ, а всякая почестъся можешъ за

а) Прор. *Исайя* гл. 21. ст. 11. б) 1. Книг. *Маккавейск.* гл. 5. ст. 28.

* Израильшяне называли его *Сила*, *Арзенъ*, *Резенъ*, а нынѣ именуешъ онъ *Арахъ*.

глухой переулочъ. Имя ему дано, по превеликой каменной горѣ, при подошвѣ копорой онъ лежишъ. Воздухъ здѣсь палящій и не здоровой: но не смотря на шо, живущъ спарики имѣющiе всю крѣпосшъ и силу: ибо воздержанiе у нихъ служишъ первымъ правиломъ къ сбереженiю здоровья, коему ниже худой воздухъ вредишъ не можешъ. Сiя столица зависишъ опъ Турецкаго Султана, копорой содержишъ въ ней Агу. Оной начальникъ принялъ насъ учпиво, и пригласилъ обѣдашъ. Мы его такъ же къ себѣ позвали и угостили; и все время пребыванiя нашего въ *Пепрѣ*, прошло въ взаимныхъ привѣтствiяхъ. Спустивъ восемь дней, опправились мы, и не спѣша по причинѣ жаровъ, прiѣхали въ *Торъ* на Чермное море.

Самая любопытнѣйшая вещь, копорую видѣли мы въ сей дорогѣ, была деревцо, изъ коего печешъ смола, называемая здѣсь *Небесного Манного*. Мы изъ нее здѣлали хлѣбъ, но вкусъ онаго не совсѣмъ былъ прiятенъ, хотя и сахарной. Арабы за велико ее почищаютъ, и я думаю, что въ самомъ дѣлѣ, естѣли хорошенъко ее вычистишъ, заслуживаетъ она вниманiе врачей.

Торъ (*Суръ*) былъ первымъ опдохновенiя мѣспомъ Израильшянамъ, по переходѣ Чермнаго моря. Вы знаете, что они нашли шупъ двенадцать испочниковъ и семьдесятъ деревъевъ, или стеблей финиковыхъ. * Испочники и понынѣ сущешвуююшъ; но приняли въ себя прежнюю горесшъ, копорую *Моисей* опнялъ

* *Исход.* гл. 15. ст. 27.

брошеніемъ въ нихъ древа, опъ Бога ему показаннаго. Вода въ нихъ шепла, хопя и не во всѣхъ, и Арабы зимою чиняшъ въ нихъ свои омовеніи.

Всего удивительнѣе въ Торѣ нашель я ловъ нѣкоторой рыбы, называемой *Морскимъ человекомъ*; ибо дѣйствительно имѣеть она двѣ человѣческія руки съ пою разницею, чпо пальцы соединены между собою перепонкою, какъ лапы у гуся. Мясо ея, сказывающъ, довольно нѣжно. Ихъ достаютъ крюками какъ киповъ, а кожа ея такъ пверда, чпо дѣлають изъ нее щипы, кошорыхъ пуля не пробиваетъ.

Мы вознамѣрились оспановиться въ Торѣ, чпо бы опдохнушъ съ дороги, но для доктора всякой покой бѣда: онъ умиралъ со скуки, и здоровье его перемѣнялось видимымъ образомъ. И такъ вздумалъ онъ произвеспи въ дѣйствіе одно намѣреніе, коимъ давно уже заняпа была его голова, шо еспь, сыскашъ *Толазной Острова*, полагаемой *Страбною* и древними на Черномъ морѣ въ окружностяхъ *Кейреха*, но кошораго понынѣ ни кпо не могъ еще опыскашъ. Онъ ввѣрилъ мысль свою одному Рагузскому шкиперу, великому мореходцу, прославившемуся разными пупешествіями. Сей топчасъ согласился; приугоповленіи здѣланы немедленно, и мы опсправились съ лестною надеждою, учинились себя безсмертными новымъ опкровеніемъ.

Сначала вѣперъ намъ благопріятспивоваль, и мы уже видѣли брега Африканскіе, какъ вдругъ вихрь сломилъ у насъ мачпу, и повредилъ ко-

рабъ. Тогда принуждены мы были пристапъ въ *Гиддѣ*, гавани Меккской, о коей я уже упоминалъ выше. Мнѣ давно хошѣлось посмопрѣшъ сего города. Опець Василій, мнѣ объ немъ рассказывалъ. Онъ великъ, богатъ и спроніемъ наилучшій изо всѣхъ въ здѣшней землѣ. Спеченіе моельщиковъ изо всего Магометанскаго свѣпа причиною, чпо онъ и весель; но сіе спеченіе чинилъ также, чпо все въ немъ дорого, даже и самыя нужныя вещи. Складница воды стоилъ при копѣйки. Городъ подвластенъ Султану, и управляется Пашею, коего власпъ весьма ограничена: почему и упражняется онъ больше въ шорговлѣ, нежели въ дѣлахъ. Христіанъ впускають въ портъ да и въ самой городѣ, гдѣ они шоргуютъ во всей свободѣ; но не могутъ селишъ по причинѣ сосѣдства Мекки; не позволяють имъ далеко и въ окружностяхъ ходилъ. Небольшой замокъ и нѣсколько желѣзныхъ пушекъ составляютъ всю силу сего мѣспа, кошорое не могло бы и защищиться, еспьлибъ его осадили въ надлежащемъ порядкѣ: но осадилъ его шрудно, пошому чпо большіе корабли не могутъ войши въ Портъ, а берегъ такъ высокъ и упесистъ, чпо войска никакъ высадишъ не лзя.

На починку корабля нашего довольно было прехъ дней, по прошествіи кошорыхъ выѣхали мы, направляя пупъ по Кейрехскому берегу, кошорой весь объѣхали, не оспавя осмопрѣшъ ни одного угла, но бесполезно. Оспровъ *Толазовъ* конечно обворожень, и скрывается опъ глазъ смертныхъ. И какъ мы не были въ силахъ уничтожитъ очарованіе, да и запасы у

насъ спали перемежались: по и возвратились въ Торь, не получивъ инаго плода изъ спрансывованія кромъ того, что видѣли *Чермное море*, которое можно также назвать и *Зеленымъ*: ибо оно красно мѣсами, а мѣсами зелено, что происходить отъ мѣлкости сего моря и отъ прозрачности воды его, сквозь которую виднѣ на днѣ индѣ красной песокъ, а индѣ зеленая глина, иногда и весьма высоко распуцающая.

Я есмь и др.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok
Nr. _____

Пустая Аравія.

Я уже доносилъ вамъ, Государыня моя, что восточные Географы не знаютъ раздѣленія чинимаго въ Европѣ Аравіи на три части. Въ самомъ дѣлѣ мало разности въ климатѣ и землѣ между каменистою и пустою Аравіею. Последняя, называемая отъ жителей *Беріара*, тянется отъ сѣвера на югъ, отъ Діарбека и Суріи до счастливой Аравіи. На востокъ имѣетъ она *Евфратъ* и *Терекъ*, по еспѣ, древнюю *Халдею*, а на западъ Палестину и Каменистую Аравію. Съ одной только стороны Евфрата еспѣ въ ней плодоносныя земли, а впрочемъ сославляетъ она песочную степь, по которой безъ компаса и проводника проѣзжіе не могли бы найти дороги. Судите, сколько предосторожностей должно было намъ принимать передъ отъѣздомъ нашимъ въ Палестину: ибо путь лежалъ чрезъ сію землю. По счастью приласкали мы къ себѣ не большими подарками, припасенными въ Меккѣ, нѣсколько Арабовъ, кои и были для насъ великою помощію. Сии добрые люди охотно согласились съ нами ѣхать, и дали намъ наставленія какъ о безопасности въ пути, такъ и о нравахъ жителей. Нравы Аравлянъ обитавшихъ въ городахъ мало разнятся съ Турецкими. И такъ спашу я въ семъ письмѣ говорить только объ Арабахъ, живущихъ по полямъ въ палаткахъ; ибо на нихъ обратилъ я наибольшее мое вниманіе.

По безчисленныхъ безпокойствахъ, прибыли мы въ *Аннагъ*. Сверхъ чрезвычайнаго перепѣннаго нами въ пескахъ жару, умирали мы отъ жажды. Воды, кошорою запаслись, не спало; а въ дорогѣ находили только воду сѣрную и очень не приятную. Въмѣсто умаленія жажды, она еще ее умножила.

Городъ *Аннагъ*, различествующій съ другимъ сего имени, лежащимъ на Бассорскомъ заливѣ, въспарину былъ славенъ обширностію и купечествомъ. Въ послѣднемъ вѣкѣ, считалось въ немъ чепыре тысячи домовъ, кошорые по большой части разорены Турками. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ острововъ на рукавѣ Евфрата. Сіе выгодное положеніе и замокъ также Турками разоренной, дѣлали его наикрѣпчайшимъ городомъ въ Азій. Теперь не спойтъ онъ примѣчанія, но и по сѣпору богатъ и опправляетъ не малую торговлю. Мы въ немъ нашли купцовъ, кои наградили намъ нѣкоторымъ образомъ невозможность обспоятельно вызнатъ сію часть Аравіи, споль впрочемъ славную и самыми ея степями. Все, что ни рассказывали они о другихъ двухъ городахъ *Аннагъ* близъ *Вассоры* и *Тангин*, не могло возбудишь въ насъ любопытства. Сей вшорой *Аннагъ*, гораздо меньше перваго, хопя положеніемъ своимъ могъ бы быть также торговымъ.

Жаль мнѣ очень было, что не имѣлъ я времени осмопрѣшь вблизи *Муній*, находящихъ въ пескахъ, чрезъ кои мы ѣхали. Хопя, по словамъ купцовъ нашихъ, были они не что иное, какъ пѣла человѣческія, изсохшія отъ солнечнаго жара. Надобно числу ихъ быть

очень велику; ибо часпо въ степи поднимаются ужасные вѣпры, кои наносятъ горы изъ песку, и засыпаютъ цѣлые караваны.

Бедуины населяютъ воспчную часть пустыи Аравіи. Они заспутили мѣсто древнихъ *Исмаелитовъ*. Ихъ называютъ Бедуинами отъ слова Бедуи, значущаго на ихъ языкѣ, *полевой* или *стелной обитатель*. Сей народъ расселился по всему воспоку, во время Крыжацкихъ или Крестовыхъ походовъ, и продавалъ шѣмъ свои услуги, кпо больше плапиль. Ихъ вездѣ принимали для упопреленія проптивъ Христіанъ, коихъ въ самомъ дѣлѣ били они нещадно. Жадность Бедуиновъ, возбужденная награжденіемъ, обѣщаннымъ отъ Султана Мелех-салы за каждую голову не опускала ни единаго случая, заслужить оное. Они въ сраженіяхъ не опаснѣе были другихъ; но малыми спычками принуждали безпрестанно къ боямъ, и всегда что нибудь выигрывали. Сіе имъ шѣмъ было способнѣе, что вооруженіе ихъ легко: а Крыжаки, обремененные желѣзомъ и всѣми оружіями, не могли дѣйствовать проворно.

Бедуины пребываютъ подъ палашками, и жилищъ неподвижныхъ не имѣютъ. Переносятъ палашки, по возпрелованію пищи для спады, состоящихъ въ козахъ и овцахъ. Земля, произрастая одно Тамариндовое дерево и кустарникъ, не можеть прокормить другихъ животныхъ. Не большое число луговъ и ячмень служить въ пищу ихъ кобыламъ, коими одними они и торгуютъ.

Сей народъ такъ гордъ своимъ происхожденіемъ, что презираетъ земледѣліе и механическія художества. Упражняетъ только въ

шомъ чпо смотришь за скопиною, или выбѣгаешь на дороги для грабленія проезжихъ. Лѣшомъ спановятся они на высокахъ, откуда и видяшь проезжающихъ; спада оспаются въ долинахъ; а когда не спанешь имъ корму, лагерь переносится на другое мѣсто: чпо случается почти всякіе пятнадцать дней. При наступленіи зимы оспавляютъ они высопы, и идуць на восповъ до самой Кесаріи Палестинской, внѣ *Кармилльскихъ горъ*, и располагаются въ долинахъ на морскомъ берегу.

Въ лагеряхъ живутъ они по воински подъ черными шапрами, зѣланными изъ козьеи шерсти; и подвластны Князьямъ своимъ, коихъ называютъ *Емирами*. Сии имѣють при себѣ чиновниковъ, называемыхъ *Шехи*, и повелѣвающихъ нѣкоторымъ числомъ Арабовъ. Не смотря на сей распорядокъ, Бедуины супъ народъ вольной, и Емировъ ихъ не можно называть Королями. Правда, чпо владѣющій въ Палестинѣ за Иорданомъ, между Синайскою горою и Меккою, въ исторіяхъ нашихъ имѣеть названіе Арабскаго Короля; но дають ему оное пошому, чпо по обширности и многолюдству сей страны, больше онъ властенъ, и принуждаетъ Турковъ имѣть къ себѣ почтение и платитъ годовую дань; для ошвращенія его ошъ грабежа каравановъ, идущихъ въ Мекку.

Вы подумаешь, можешь быть, чпо сей споль вдавшійся въ грабежъ народъ не справедливъ и не милосердъ. Правда, чпо жизнь ихъ походитъ на разбойничью; но они ни злы, ни безчеловѣчны; а напрошивъ упражняются въ добродѣтели спраннопріимства, и никогда не нарушаютъ вѣрности къ чужеспраннымъ,

копорые бываютъ у нихъ безъ опасенія. Они съ ними живутъ и поспуцають, какъ со своими родными.

Вѣра ихъ еспъ шаже самая, чпо и у Турковъ. Слѣдуютъ они Магометову закону, копорой самъ произошелъ изъ поколенія Аравлянъ Исмаелиновъ; но они больше суевѣрны, нежели набожны. Какъ по большей части между ими одни только Емиры, Шехи и ихъ писцы умѣють чинать и писать: по народъ и довольствуется шѣмъ, чпо ошъ нихъ слышитъ изъ Алкорана, и полагаешь всѣ заповѣди вѣры въ обрѣзаніи, въ постѣ и молишвѣ. Сверхъ шого слѣдуютъ они еспіеспвенному закону, въ копоромъ и живутъ, съ споронны правоученія, довольно исправно, по крайней мѣрѣ по своему понятію. Не почитають на примѣрѣ, за грѣхъ грабить проезжихъ; ибо думаютъ, чпо всѣ около нихъ живущіе народы супъ ихъ непріятели, и чпо обкрадывая приводятъ ихъ въ несостояніе себѣ вредитъ, но никогда не лишаютъ жизни, развѣ защищая свою собственную. Еспшли изблизка и безъ всякаго приспраснія разсмотрѣшь поведеніе Европейскихъ морскихъ каперовъ, да и нѣкоторыхъ Государей; по найдешь, можешь быть, чпо не прудно извинитъ воинскую жизнь Бедуиновъ. Они въ прочемъ признають единство и неограниченность Бога, блаженство праведныхъ въ будущемъ вѣкѣ, и казни опредѣленные злымъ.

Они часто говорятъ о Богѣ, копорого боятся, и очень рѣдко о вѣрѣ, въ разсужденіи копорой шерпятъ и самыхъ Хрисціанъ, оспавляя имъ всю свободу. Обрѣзываютъ дѣтей

мужеска пола въ такомъ возрастѣ, чпобъ они могли о помъ помнишь. Родители владупъ ему въ рошъ меду, или конфекшовъ, а во время обряда бьютъ въ барабанъ, чпобъ ихъ веселишь и выгнашь изъ памяти боль. Дъши Емировъ, Шеиховъ и знатныхъ людей, обрѣзываются съ большими обрядами. Надѣваютъ на нихъ великолѣпное платье, которое они носятъ определенное время, и пошчиваютъ всѣхъ присутствующихъ. Иногда приносятъ жертвы при рожденіи и обрѣзваніи младенца, закалая нѣсколько быковъ и овецъ, при призываніи имя Божія, и снявъ кожи, раздають мясо нищимъ пребуя, чпобъ они молились.

Бедуины наблюдаютъ Рамазанъ, какъ Турки; но молодые люди и спарики могутъ не говѣшь, ешьли поспъ превосходятъ ихъ силы. У нихъ не наказываютъ шѣлесно, какъ у Турковъ, нарушителей поста.

Всякой молился особо въ палаткѣ, или посреди поля. Они примѣчаютъ, когда наступитъ часъ молитвы, и отправляютъ оную одни ранѣ, другіе позже, пошому чшо нѣшь у нихъ мечети въ лагерь, ни Имановъ призывающихъ на молитву въ положенные часы. Но въ пятницы и въ Рамазанъ Емиры, Шеихи и главнѣйшіе Арабы распилаютъ ковры посреди лагерь, или на какомъ пріятномъ и выгодномъ мѣстѣ, и молятся всѣ вдругъ. Писцы и другіе ученые, ешли шупъ случашся, отправляютъ должностъ Имана; а ежели между ими найдешся кто въ состояніи здѣлать увѣщаніе, они его слушаютъ съ великимъ вниманіемъ и пошпеніемъ, послѣ чего всякой идетъ домой.

Бедуины, въ разсужденіи омовеній, повелѣнныхъ закономъ, не могутъ бышь шакъ исправны, какъ Турки; не вездѣ находятъ воду, а мюются, когда попадется имъ рѣка, или источникъ. Иногда погружаются они въ море, ешьли думаютъ, чшо необходимо нужно омовеніе; и сія спрогосшь совѣспи очень между ими обыкновенна.

Народное свойство и пошоянство во нравахъ меня удивило. Вся наша вѣжливостъ не можетъ сравняшь съ просполою и челошкюлюбіемъ Бедуиновъ. Мы имѣемъ шолько, шакъ сказать, кору, одно названіе сообщественныхъ добродѣтелей, а они душу и внутренностъ.

Въ самомъ дѣлѣ наибольше истинну доказываетъ гостепрѣимство ихъ, ошота служишь и горячностъ, съ какою принимаютъ чужестранцовъ; скромностъ въ словахъ и поведеніи, презвая жизнь, спараніе о содержаніи покоя и пишины и о изгнаніи зависти, ссоръ и злословія.

Когда чужой прѣдетъ къ нимъ въ лагерь, а особливо, ежели не одинъ, а съ кѣмъ нибудъ изъ ихъ народа, принимаютъ его въ палаткѣ, въ которой послана для него рогожка, для сидѣнія и спанья, пошому чшо нѣшь у нихъ другіхъ уборовъ. По долговременномъ увѣреніи объ удовольствіи, чшо его видяшь, спрашиваютъ у него часшо о его здоровѣ, пошчиваютъ кофью, табакомъ, и разговариваютъ со всею возможною ласкою, а между тѣмъ жены прѣгошвляютъ кушанье, слуги убирають лошадей, и спараютъ доставишь все, въ чемъ шолько онъ, сопутники его, ешьли случается,

и служители могутъ имѣть нужду. По изготовленіи ужина, всякъ садится около чащъ, наполненныхъ пшеномъ, похлебками и мясомъ, соспраннаннымъ по ихъ обычаю. Ничего во время спола не говоритъ ни слова; а по окончаніи оспатки опдають людямъ. Попомъ приносятъ кофъ и шабакъ, и разговариваютъ до тѣхъ поръ, пока захочется спать. Тогда всякой идетъ на свое мѣсто, и оспавляютъ гостя въ свободѣ со всѣми его людьми. Когда пріѣзжій человекъ знатной, и заслуживаетъ особливую опличность, то Емиръ, начальникъ лагеря, присылаетъ къ нему поспелю, подушки и одѣяло, ежели онъ намѣренъ у нихъ прожить нѣкошорое время. Когда онъ вспанетъ, поштиваютъ его завпрокомъ, приходятъ его пощщать, возятъ на охошу, на копейныя игры, на гульбици, по деревнямъ, по лагерямъ другихъ Емировъ; и гдѣ только можеть онъ найши удовольствіе, вездѣ показывають дружбу и готовность ему угодитъ. Когда захочетъ онъ опщхатъ, благодаритъ хозяевъ, и садится на лошадей съ своими людьми безъ дальныхъ обрядовъ: а сіи добрые Бедуины, желаютъ ему здоровья и успѣха въ его дѣлахъ. Ежели захочется ему изъ благодарности подаритъ чѣмъ Шеиха, или слугъ его, то они принимаютъ; но нѣтъ у нихъ обыкновенія проситъ. Угощаютъ, не ища никакой мзды, и только для того, чптобы угоспитъ, какъ по мы испытали сами собою не одинъ разъ.

Бедуины уже съ природы важны, степенны и умѣренны, употребляютъ еще и припворспво чпто бы шаковыми казаться. Сколь скоро достигнуть до возраспа женишьбы,

едва дерзають усмѣхнуться и о самыхъ шушочныхъ вещахъ. За правило поспавляютъ, чпто смѣяться приспойно однимъ только дѣвицамъ и молодымъ женщинамъ. Говоритъ мало, и не говоритъ никогда безъ нужды. Всего мудренѣе показалось мнѣ въ ихъ правѣ, чпто имѣють они у себя женъ и дѣшей, чпто естъ, великихъ говоруновъ, и слушають болшаніе ихъ съ спойческою холодноспію, не прерывая и не опвѣчая, хопя бы продолжалось оно цѣлой день. Дабы заспавитъ ихъ самихъ слушають съ удовольствіемъ, должно съ ними говоритъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, не шоропясь, изъяснять свободно, въ малыхъ словахъ заклочать многое, и особливо не задѣвать никого колкими словами; не употребляютъ ни шушокъ, ни насмѣшекъ, ни злословія. Они со вниманіемъ слушають рѣчь, и опвѣчаютъ, гораздо спустя по окончаніи оныя. Въ чемъ супъ суціе аншиподы съ Французами.

Ежели случится имъ дойти до ссоръ или только до сердца; то потчасъ приходятъ въ себя, и взаимно друкъ другу напоминають о должностяхъ своихъ разсужденіями, сравненіями и оспроумными рѣчами. Рѣдко бываетъ, чптобы одинъ другаго ударилъ, какъ бы онъ ни показывалъ, чпто хочеть вынять кинжалъ. Между ими одна только злоба за пролипіе крови сродспвенниковъ бываетъ не примирима. Еслили одинъ Арабъ убьетъ другаго, дружба разрывается между ихъ сѣмьями и всемъ попомспвомъ: все сообщеніе кончится; нѣтъ больше ни обхожденія ни союза. Еслили обспоятельспвы доведуть ихъ до какого общеспвеннаго дѣла, какъ напрімѣръ, до женишьбы: вопро-

шаемая спорона съ скромностію отвѣчаетъ, что сіе не возможно; что кровь была пролита въ ихъ сѣмьяхъ, и что ей должно сохранить честь свою. Они никогда сего непростятъ, пока не опомспятъ; но во ожиданіи случая исполнятъ своё желаніе, показываютъ видъ честности и умѣренности. Неудовольствіе видѣть себя обязаннымъ къ опмщенію, естъ безъ сумнѣнія одна изъ причинъ, для коихъ поспунаютъ они вѣжливо между собою, и отдаляютъ все могущее довести ихъ до крайности. Никогда они не напиваются до пьяна: никогда не играютъ въ деньги.

Сей народъ, по причинѣ вѣжливости въ общежительствѣ, имѣетъ мысли смѣшныя и съ лишкомъ спрогя; такова напримѣръ слѣдующая: они думаютъ, что великое преступленіе изпустить при людяхъ вѣпръ, даже и не хопя. Тѣ, съ коими случится сіе несчастіе, почитаются за безчестныхъ; никто съ ними знаться не хочетъ, и сей родъ презрѣнія, или лучше, проклятія, принуждаетъ ихъ часпо удаляться, или совсѣмъ переходить жить къ другому какому народу, дабы не подвергаться всегдашнему поруганію и всѣмъ слѣдствіямъ худой славы.

Арабы имѣютъ и другія суевѣрія, столь же мало основательныя. Всѣхъ страннѣе почитеніе идолопоклонническое къ *бородѣ*. Они почитаютъ ее за священное украшеніе, данное опъ Бога, какъ для различенія съ женщинами, такъ и за служащее существиельнымъ знакомъ власти и вольности. Слѣдуя примѣру своего пророка, никогда ее не брѣютъ; и сіе почитается у нихъ заповѣдью вѣры. Терпятъ

однако, когда тѣ, у коихъ, говоря ихъ языкомъ, *кровь бѣшеная*, брѣются; но сколь скоро они женятся, по судомъ бываютъ наказаны за брѣніе бороды. Между ими спавился за большее безчестіе опрѣзавъ кому бороду, нежели у насъ высѣчь внушомъ и заклеить; многіе Аравляне предпочитаютъ и самую смерть паковому бородѣ посрамленію. Я видѣлъ одного Араба, которому челюсть проспрѣлили изъ ружья. Онъ соглашался лучше умереть, нежели позволить лѣкарю, для лѣченія раны, обрить себѣ бороду. Насилу его къ тому уговорили; и когда дѣло было здѣлано, онъ до тѣхъ поръ никому не казался, пока не выросла борода по прежнему, и носилъ на лицѣ черное покрывало.

Жены цѣлуютъ бороды у своихъ мужей, дѣти у опцовъ, когда придуть съ ними здороваться. Мущины другъ другу такъ же бороду цѣлуютъ, возвращаясь изъ дороги. Въ посѣщеніяхъ первой у нихъ обрядъ прыскавъ ее благовонными водами и куришь Алоевымъ деревомъ, опъ котораго запахъ очень пріятенъ. Когда ее чешутъ, что случается всякой день послѣ молильвы, спелятъ плашокъ на колѣна, собираютъ прилѣжно всякой упавшій волосокъ, и завершываютъ въ бумажку, пока накопится нѣкоторое оныхъ количество, которое опносятся на кладбище. Большая, долгая и густая борода, естъ для нихъ предмѣтъ почитенія, и знаютъ предопредѣленія. „Взгляни только на его бороду, говоряшь они, по и повѣришь, что онъ мужъ праведной, котораго Богъ опличаетъ своею особливою милостію.“ Ежели, что безъ сумнѣнія случается иногда между ими, Арабъ съ видною бородою впадетъ въ какое важное

преступление, говорятъ они: „Какое несчастіе „для шакой бороды! Какъ она достойна сожалѣнія!„

Послѣ бородъ ничего нѣтъ у Бедуиновъ дороже кобыль: они предпочитаютъ ихъ жеребцамъ, потому что кобылы выносятъ больше труда, голода и жажды, а особливо что не ржутъ: симъ они много выигрываютъ въ своихъ засадахъ, гдѣ скрываются для нечаяннаго нападенія на проезжихъ. Арабы пренебрегаютъ знаніемъ о своихъ прародителяхъ; но весьма стараются вѣдать происхождение жеребцовъ, коихъ гоняютъ къ припуску. Даютъ имя *Кеггиланъ* благороднымъ лошадямъ, *Даликъ* лошадямъ старинной породы, но смѣшаннымъ съ подлою; подлыхъ или неблагородныхъ продаютъ всегда дешево и называютъ *Гидишъ*. Къ кобыль благородной породы не припускаютъ никогда жеребца, коимъ бы не былъ также благороденъ: что чинится въ присутствіи надежныхъ людей, кои даютъ свидѣтельство, подписанное и запечатанное предъ секретаремъ или писцомъ Емира, или другой какой чиновной особы. Въ семь актъ упоминаются разные поколѣнія породы лошадей и имена ихъ предковъ.

Когда кобыла ожеребится, дѣлается впрочемъ актъ съ тѣмиже обрядами, въ которомъ описывается время, рожденіе, плодъ, видъ, шерсть и признаки жеребенка: и сей актъ полагается ему цѣну. Самые малые жеребята благородные стоятъ при ста рублевъ наличными деньгами или въ промѣнъ на другой скотъ. Меня увѣряли, что одинъ Князь съ горы Кармильской не взялъ прехъ тысячи рублевъ за

одну кобылу. Въ такую цѣну бываетъ ихъ мало, а очень много въ шесть сотъ, въ семь сотъ, въ девять и въ тысячу двѣсти рублевъ.

У одного Араба была кобыла, коимъ показывалъ онъ намъ родословную, начинающуюся по отцу и матери, за пять сотъ лѣтъ. Онъ плакалъ отъ радости глядя на нее, и обнимая, говорилъ съ нею по цѣлымъ часамъ: „глаза мои, „душа моя, сердце мое! я тебя вскормилъ у „себя въ домъ, какъ дочь мою; никогда ни билъ „ни бранилъ; гладилъ тебя отъ всего сердца. „Богъ тебя да сохранишь, милая, дорогая моя! „ты хороша, ты пригожа, ты пиха, ты лю- „безна. Богъ тебя да сохранишь отъ худого „глаза!„ Помощь обнималъ онъ ее опять, цѣловалъ ей глаза, и выходилъ отъ нее пятясь задомъ, прощаясь какъ съ любовницею и говоря робачьимъ голосомъ, какъ у насъ дѣлаютъ госпожи съ спальными собачками.

Кобылы перескакиваютъ ручки и рвы съ не меньшею легкостью какъ лани! и ежели упадетъ съ нее на скаку съдокъ, она тотчасъ остановится и дожидается, пока онъ оправится и опять сядетъ. Способъ воспитанія дѣлаетъ ихъ столь смирными и послушными. Для нихъ нѣтъ другой конюшни, какъ палатка, въ которой живетъ самъ хозяинъ. Онъ никогда ее не бьетъ, а ласкаетъ напропивъ, разговариваетъ съ нею и ходитъ, какъ за роднымъ ребенкомъ. Дабы сберечь ее отъ уроковъ, вѣшаетъ ей на шею разные *Талисманы*, по есть, молитвы завернутыя въ треугольную бумажку, и зашитыя также въ треугольной кожаной мѣщечикъ. Между другими чрезвычайностями, сіи лошади такъ любятъ пабач-

ной дымъ, что бѣгають за человекомъ, когда увидяшь, что онъ набиваетъ трубку. Ежели имъ дунешь дыму въ носъ, онъ вобравъ его въ себя, приобдринаются и скалять зубы, какъ бы хотѣли смѣяться оупъ великаго удовольствія.

У Арабовъ нѣтъ другаго жилища, кромѣ палатокъ. У Емировъ оныя, какъ и у прочихъ, здѣланы изъ шкани, или войлока, изъ козлиной шерсти, но съ шюю разноситю, что другихъ величинаю больше. Они имѣють многіе шапры: одинъ для слушанія приходящихъ, одинъ для себя, одинъ для женъ, и нѣсколько другихъ не большихъ, въ которыхъ живутъ слуги, гоповяють кушанье, и сохраняются вещи. Расположеніе лагеря бываетъ округлое, сколько позволишь земля. Емировы палатки спояють въ срединѣ, а прочіе Арабы спавяють свои около, опсхупя придцать шаговъ, изъ почщенія къ нему и его женамъ.

Многіе купцы изъ Дамаска ѣздяють всегда за Емировымъ обозомъ съ ящиками, наполненными полопномъ, шпофами, сапогами, пуфлями, сѣдлами, уздами и всѣми нужными вещами. Они ихъ продають за наличныя деньги, или мѣняють на припасы; на домъ Емировъ спавяють все надобное, и онъ имъ плащють исправно. Повѣрите ли вы, Государыня моя! сей народъ, копорой упражняется въ грабежъ проѣзжихъ, споль честень въ своемъ лагерѣ, что купцы часто оспавляють палатки, въ которыхъ разклады у нихъ шовары, и никогда не могутъ пожаловаться, чтобы что пропало. Я купилъ у нихъ кусокъ шпофу, и раздѣлилъ семи или восьми бывшимъ шупъ

Арабамъ. Сія щедрость здѣлала ихъ намъ друзьями.

Проспые люди въ домахъ своихъ не имѣють инаго снадобья, кромѣ рогожекъ, на которыхъ спяють, и нѣсколько одѣяль. Изголовье у нихъ обыкновенно бываетъ камень положенной подъ рогожку. Посуда состоить въ кошлахъ, двухъ или прехъ деревянныхъ чашахъ, въ которыхъ подають похлебку и мясо, въ ручной мельницѣ, кружкахъ, и мѣшкахъ изъ козьеи шерсти, для поклажи плащья. Емиры ихъ позаживнѣ: у нихъ еспъ постели, ковры и очень хорошия одѣялы, одѣ бумажныя спеганыя золопомъ и шелкомъ; другія шелковыя съ серебряными и золопыми правами, или шипыя; подушки бархатныя, суконныя, или апласныя, какъ у Турковъ. Одѣялы подшиваються бѣлыми простынями; но простыни на постеляхъ бываютъ разноцвѣсныя полосащья; ибо бѣлой цвѣтъ почищается за священной, и они не смѣють на немъ ложиться. Впрочемъ Бедуины никогда не спяють безъ порпокъ, и чиняють сіе по скромности. У нихъ за великое ругашельство и обиду спспавляется показать кому, хошя бы не наркомъ какую либо часнь шѣла нагу, а особливо задъ. Того, копорой бы увидѣлъ нагое шѣло, почли бы за человека опрекшагося оупъ вѣры, и должно бы ему шопчасъ вновь оную исповѣдать. По сему же правилу скромности, робяща никогда не купаються безъ порпокъ, и наказываются не шакъ какъ въ Европѣ, но сѣкущъ ихъ лозами по подошвамъ.

У Емировъ, Шеиховъ и другихъ знашныхъ Арабовъ споль состоить изъ большаго куска

кожи вырѣзанной кружкомъ, которой кладуть на рогожку: посуда мѣдная, ложки деревянные, чаши серебряныя, фарфоровыя, цениныя, или изъ зеленой мѣди. Знашныя люди садятся около стола, поджавъ ноги на кресль, какъ у насъ порпные: а прочіе спавъ на колѣни, присядають на пятахъ. Скапершей у нихъ нѣтъ, и блюда спавяшь на кожу, на которой по краямъ кладуть ложки и пшеничныя лепешки. Вилочъ также не употребляютъ, что и за набоженство у нихъ почиается. Бедуины говорятъ, что *Магометъ* отпущеніе въ грѣхахъ далъ тѣмъ, кои ѣдятъ премо пальцами. Мясо берутъ правою рукою, попому что лѣвая опредѣлена на омовеніе, по исправленіи естественныхъ нуждъ. Оное изрѣзано въ куски, и шавъ разварено, что удобно раздѣляется. По сей причинѣ не употребляютъ они и ножей. Похлѣбка, вареное мясо, жаркое, соусы, салаты и плоды спановятся вдругъ на столъ. Пока ѣдятъ, ничего не пьютъ, развѣ самая не шерпимая жажда принудитъ попроситъ воды. По окончаніи стола, вспають всѣ принося Богу благодареніе, идушь пишь и мышь руки, попому пьютъ кофѣ, или куряшь табакъ.

Чернь ѣсть еще неопрятнѣе, хватая горшью изъ чашъ мясо, пшено и пилавъ, и смявъ его рукою въ комы, наполняетъ ими ротъ. Ежели оспанется что въ рукѣ или упадетъ на бороду, они опряхають въ чашу. Наѣвшись, пьютъ безъ мѣры изъ кружки, которой кругомъ ходитъ, а вымывши руки мыломъ или землею, куряшь и пьютъ кофѣ. И то и другое въ великомъ между ими употребленіи у мушнъ и женщинъ.

Арабы пьютъ вино, когда есть случай, и говорятъ, что заповѣдь пророка есть больше совѣтъ, нежели запрещеніе. Имѣють они еще другое пишье, соспавляемое изъ абрикосовъ, изюму и другихъ сухихъ плодовъ, которые кладуть на каунъ въ воду, дабы наспоались. Они его спавяшь на столъ въ чашкахъ вмѣстѣ съ мясами, и черпають ложками, когда нишь захочется. Одни Емиры и Шеихи употребляютъ шербеть.

Пилавъ, обыкновенная пища у Бедуиновъ, есть не что иное, какъ пшено свареное въ водѣ или мясномъ отварѣ, съ шафраномъ, изюмомъ, горохомъ и лукомъ. Когда оно вскипитъ, то покрываютъ его, и оставляютъ при огнѣ, чтобъ разбухло. Попому кладуть коровьяго разшопленнаго масла, перцу и сахару. Въ похлѣбки ихъ пшено также входитъ, а оныя дѣлаются изъ баранины, козляпины и куръ изрѣзанныхъ въ куски.

Хлѣбъ, есть главнѣйшая вещь при ихъ столѣ. Пекутъ его сполько, сколько надобно, попому что не на дрожжахъ дѣлають, и слѣдовательно хорошь онъ бываетъ только въ шопъ день, когда изпечень. Они разводяшь огонь въ каменной корчагѣ, и какъ оная разгорится, мѣсятъ муку и обмазываютъ около ее тѣсто рукою. Сіе тѣсто будучи жидко, скоро выпекается и хлѣбъ самъ опстааетъ отъ корчаги. Симъ способомъ можно его напечи много въ короткое время. Есть у нихъ и другой печеной въ золѣ, или между двумя сковородами окладенными коровьимъ каломъ. Онъ бываетъ шолспѣ, какъ наши булки, и мякишь показался мнѣ довольно хорошь; но печеной его лучше,

бѣле и запахъ имѣнъ приятной, но также, какъ и другіе, черспвой нигуда не годишся.

Одежда Емировъ и Шеиховъ мало рознился съ Турецкою. Прочіе Арабы имѣюшъ полстную рубашку съ долгими рукавами, холщинные порпки, бумажной кафшанъ, наподобіе рясы, кошорой иденъ до половины икры, ременной поясъ, на коемъ виситъ кинжалъ, и плащъ баракановой съ черными и бѣлыми полосами. Зимю носяшъ полукафшаньи здѣланныя изъ овчинъ, и надѣваюшъ ихъ на выворотъ, когда дождь идетъ, а волосомъ внутрь, когда день красной. Дождь спекаетъ по шерспи, не касаясь до мездры; когда полукафшанье намокнешъ, то они вспряхиваюшъ, опъ чего оно скоро высыхаешъ. Въ большіе жары сверхъ обыкновенной одежды, надѣваюшъ они широкую рясу, изъ бѣлаго полотна здѣланную, наподобіе рубашки. Чалма ихъ, еспъ небольшая шапочка изъ краснаго сукна обверченая кисеею, опъ кошорой одинъ конецъ виситъ наподобіе пуха перьевъ, а другимъ обвиваюшъ шею для защищенія ее опъ солнца.

Бедуины не имѣюшъ ни уборовъ домашнихъ, ни плащя зеленаго цвѣта. Одни произшедшіе опъ колѣна Магомешова пользуюшся правомъ носить зеленыя чалмы. Персіяне, кои упопреляюшъ сей цвѣтъ, почитаюшся за ерешиковъ, другими магомешанами. Арабы чулковъ не носяшъ. Въ лагеръ надѣваюшъ шупли на босую ногу, а верхомъ сапоги. Опправляясь на промысль, вооружаюшся саблею, копьемъ, желѣзною булавою, а часто и шопоромъ. Имъ извѣстны наши огнестрѣльные оружія; но они за ужасное дѣло почитаюшъ дѣйство-

ванъ ими прошивъ людей, хотя грабимые ими проѣзжіе ежедневно даюшъ имъ въ томъ примѣръ. Тѣ, у коихъ еспъ ружье, стрѣляюшъ изъ него по однимъ шолько пшицамъ.

Бедуинки одѣшъ также просто, какъ и мужья ихъ. Обыкновенно носяшъ онѣ рубашку изъ бѣлаго холста, а на ней кафшанъ съ превеликимъ на головѣ покрываломъ, кошорымъ окупываюшъ шею и нижнюю часпъ лица по самой носъ. Зимю надѣваюшъ онѣ душегрѣйки спеганныя на хлопчатой бумагѣ, а на ногахъ носяшъ шупли. Припомните, Государыня моя, что я къ вамъ писалъ объ уборѣ Арабскихъ женщинъ, живущихъ около Пальмиры. Бедуинки также гадки, какъ и онѣ, и также шочно умираюшся.

Жены Емировъ и Шеиховъ нѣсколько попригоже просныхъ Арабокъ, пошому что онѣ болѣе и шпанше ихъ, одѣваюшся чище и съ лучшимъ вкусомъ. Рубашки у нихъ кисейныя вышпныя шелкомъ, равно какъ и порпки; корсеты изъ золотой парчи, апласу или другаго какого шелковаго шпофа застегнушыя ниже пояса двумя пуговицами, а вверху совсѣмъ на груди запахнушыя нарочно, шшобъ грудямъ не было шѣсно, и шшобъ оныя были не много видны въ срединѣ. Верхнее плащье бархатное, апласное, а иногда и парчевое. Онѣ имѣюшъ также и кафшаны похожіе на наши камзолы, но долгіе по самыя пяпы, и надѣваюшъ ихъ шолько зимю. Башмаки или шупли ихъ малы и фигурны, а когда со двора идушъ, надѣваюшъ сапожки. Головной уборъ состоилъ въ шапочкѣ изъ золотой или серебряной парчи съ флеровою повязкою завязанною на лбу: вы-

ходя, беруть оны́ большое кисейное покрывало, кошорымъ закрываеяся лице, грудь, плеча, и все шло до пояса и ниже. Когда идушь оны́ въ госпи, или на гульбища, надѣвають на ноги обручи убранные множествомъ колець кругомъ висящихъ. Сіи кольца и привязанныя бляхи къ косъ, лежащей по спинѣ, производящъ звонъ, коимъ знашь даюшь, что оны́ идушь: и тогда всѣ вспрышніе уклоняюся въ спорону, чтобы ихъ не видашь. Наибольше въ посѣщеніяхъ, а особливо въ первые дни послѣ свадьбы, сіи женщины хваспають богатствомъ своимъ и убранствомъ.

Свапають здѣсь съ такою же тайноспію, съ какою въ Гишпаніи и Ипаліи опсправляюся любовныя дѣла. Когда молодой Бедуинъ влюбился въ дѣвку, то еспь; въ мысли (ибо Арабы никакого сообщенія не имѣють съ женами и дочерьми другихъ) и попому только что слыхалъ объ ней, первое его попеченіе спремипся, чтобы ее увидѣшь: что иногда позволяеть ему самъ опецъ, спряпавъ его въ своей палаткѣ, а иногда и невѣста, услыша о намѣреніи его, будпо нечаянно роняеть покрывало, и показываеяся ему чрезъ нѣсколько минушь, еспли думаеяъ сама о себѣ, что пригожа. Тогда женихъ шребуеяъ ее за мужъ чрезъ кого нибудь изъ своихъ сродниковъ. Договариваюяся о цѣнѣ, кошорую долженъ зяшь заплапипъ пешпо, овцами, верблюдами, или лошадаями, но деньгами никогда. Впрочемъ сія цѣна всегда уравниваеяся съ достоинствомъ дѣвки, съ знапностію ея родни, и съ доходами жениха. Между симъ народомъ и нами еспь двѣ разности, примѣчанія достойныя: здѣсь невѣсту не видишь,

и приданова она не приносипъ; а у насъ, за то только, что ее увидѣль, часпо жепяяся для одного приданова.

Когда обѣ спороны согласны, избирають кого нибудь вмѣсто Кадія или судьи и оны́ сочиняеяъ конспрактъ, а въ необыпностъ его, дѣлаеяъ по Емировъ писецъ. Кади въ низу конспракта пишеть имена свидѣтелей; вошь и все! иныхъ обрядовъ нѣшь. Бѣдные Бедуины, не могущіе чинипъ издержекъ на конспрактъ, беруть только свидѣтелей, и жепяяся словесно, заплапая шупъ же, на чемъ согласилися. По заключеніи конспракта, женщины ведушь невѣсту въ баню, моють ее, надѣвають на нее лучшее плапье, напрыскивають благовоніями волосы, и убирають по ея знапности и богатству. Потомъ посада на кобылу, или на верблюда, покрытаго ковромъ и украшеннаго лпшьемъ и цвѣтами, ведушь при звукѣ музыки и пѣсней, въ палатку, гдѣ бракъ праздноващъ опредѣлено. Мушны съ своей спороны водящъ шакже жениха въ баню, одѣвають его, сколь можно, богатше, и привозящъ верхомъ на лошади. Послѣ свадебнаго спола, мушны веселяяся безъ шуму и съ великою умѣренностію; а женщины напропивъ поють и пляшупъ, бують въ небольшой особливаго рода барабанъ, хвали красопу и достоинствы невѣсты; наконецъ провождають ее въ палатку, назначенную для совершенія брака, и всѣ госпи просящъ Бога сохранишь молодыхъ опъ худаго глаза, что еспь, опъ заговоровъ и очарованій, коими злые люди вредипъ могуть ихъ союзу. Сколь скоро ночь наспушпъ, женщины опводящъ невѣсту къ жениху, ожидающему ее въ особой

палапкъ. Они ни слова между собою не говорятъ; но провожаемые поздравляютъ молодого, копорой сидитъ съ важнымъ видомъ, не шевеля языкомъ, и не дѣлая ни малѣйшаго движенія до тѣхъ поръ, пока невѣста не поклонится ему въ ноги, и пока не положитъ онъ ей на голову золопой или серебряной монеты. Сей обрядъ прижды дѣлается въ сей вечеръ; надѣваютъ на нее другое платье, приводятъ передъ жениха, и онъ также ее принимаетъ и съ такою же важностію какъ въ первой разъ. На восшокъ за великолѣпіе и пышность почитается, раздѣвась часто невѣсту, и надѣвась на нее всѣ платья, спешая къ свадьбѣ. Когда въ третій разъ приведутъ, женихъ вспаесть, обнимаетъ ее, и уноситъ на себѣ въ шу палапку, гдѣ имъ спать. Тутъ ихъ на четверть часа оставляютъ однихъ; по прошествіи копорыхъ моются они холодною водою, и перемѣняютъ одежду. Молодая идетъ въ собраніе женщинъ, а мужъ къ мужчинамъ, и показываетъ доказательствы дѣвства своей жены. Всякъ его поздравляетъ съ симъ благополучіемъ; оспаютъ ночи и слѣдующій день препровождаютъ въ веселии съ подобнымъ прежнему обрядомъ. Послѣ чего каждой идетъ къ себѣ, а новобрачные начинаютъ жить домомъ.

Позабылъ я вамъ сказать; чпо изо всѣхъ сродниковъ обѣихъ молодыхъ, одинъ только невѣстину отецъ не бываетъ на свадьбѣ. Вы не отгадали пому причины, ибо она спранныя: онъ почитается за безчестіе быть не въ своемъ домѣ въ такое время, когда дочь его перелетѣ дѣвство.

Въ нѣкоторыхъ колѣнахъ наблюдается одно довольно чудное обыкновеніе. Женихъ въ провожаніи полпы молодыхъ людей, вооруженныхъ равно, какъ и онъ, палками, ходитъ къ палапкѣ невѣсты, какъ бы съ намѣреніемъ увести ее насильно. Женщины также съ палками спараются прошивитъ его предпріятію, и ему надобно ихъ побѣдить, еспли хочеть ночевать съ женою. Тутъ такъ мало шумятъ, чпо женихъ рѣдко выходитъ изъ сраженія, не получа нѣсколько ударовъ, онъ коихъ иногда принужденъ бываетъ слечь въ поспелю.

Вамъ удивительно покажется, чпо Бедуины всегда вѣрны своимъ женамъ и не знаютъ никогда съ другими, хотя законъ по имъ и позволяеть. Они презираютъ наивеличайшимъ образомъ тѣхъ, кои, слѣдуя примѣру Эмировъ, содержатъ наложницъ. Ежели случится, чпо жена окажется невѣрною мужу, сіе ему не наноситъ безчестія, и онъ довольствуется тѣмъ, чпо ее покидаетъ. Они на своемъ языкѣ имѣютъ слово, соотвѣтствующее нашему *рогоносу*, но упопреляютъ его говоря, о такомъ человѣкѣ, копораго сеспра приличилась въ любовномъ какомъ дѣлѣ: ибо говорятъ Бедуины, жена не происходитъ отъ одной крови съ своимъ мужемъ; и еспли онъ съ нею разведется, она уже больше не жена; но никакъ сдѣлать не можеть, чпобъ сеспра переспала бытъ сеспрою.

Арабы не имѣютъ ни спрячкихъ, ни подъячихъ, ниже такихъ разсылщиковъ, кои у Турковъ посылаются призывать сущаящихся къ суду. Иногда въ Кади выбираютъ Бедуина, копорой всѣхъ ученѣе въ лагерь. Емиръ судитъ

всѣ ссоры, по доносу челобитчиковъ и свидѣтелей, и по словесно безъ всякаго письма. Рѣшеніе его шопъ же часъ исполняется безъ переноса въ вышнее мѣсто. Тамъ, гдѣ нѣтъ Емира, судитъ Шейхъ, но не окончательно. Бедуины ходящъ, какъ можно, наирѣже съ челобитьемъ къ Емиру или Шейху. Они скорѣе уприсятъ равныхъ себѣ, а особливо шакихъ, коихъ не почищаютъ приспрасными, разбираютъ свою ссору: въ судѣ говорятъ безъ крику и не прерывая другъ друга: не произносятъ: *ты лжешь*; не бранятся, всегда довольны рѣшеніемъ избраннаго судьи, и исполняютъ вѣрно, что онъ присудитъ.

Тяжбы ихъ производятъ почти отъ однихъ торговъ при продажѣ и покупкѣ скотины, или промѣнѣ на запасы. Когда они чинятъ сію мѣну, бросаютъ горсть земли на мѣняемыхъ лошадей, овецъ и *лр.* и говорятъ передъ свидѣтелями: *мы отдаемъ землю за землю*. По произнесеніи сихъ словъ, не можно уже никакъ нарушить торгу.

Въ образѣ жизни, какую ведутъ Арабы, не случается имъ почти имѣть уголовныхъ дѣлъ. Въ шаковомъ случаѣ Емиръ могъ бы битъ палками, повѣсиль, посадиль на колъ, опрубиль голову, или опрѣзатъ преступнику бороду: но купцы насъ увѣряли, что мало очень бывало шаковыхъ казней. Они съ пою же умеренностию веселятся, съ каковою опправляютъ дѣла. Препровождаютъ цѣлые дни въ пиить кофе, въ куреніи табаку, въ разсказываніи исторій, слышанныхъ отъ своихъ опцовъ, или до нихъ дошедшихъ чрезъ преданіи предковъ. Когда они не собираются, или не ѣз-

дятъ на разбой, одни гуляютъ верьхами, другіе ходящъ на охопу за кабанами, коихъ убиваютъ копьями, или за зайцами и козами, ловя ихъ собаками. Сей родъ козъ, называемой *Газеллы*, не извѣстенъ въ Европѣ: она скоро спановишся ручною, и воспочные народы любятъ ее за то, что она очень пижа и весела. Когда Арабъ хочеть назватъ женщину красавицею, говоритъ, что у нее глаза, какъ у Газеллы. Они всегда симъ живошнымъ уподобляютъ своихъ любовницъ и молодыхъ женъ, дабы однимъ словомъ здѣлать похвалу, и дабы поняши о ихъ прелесняхъ. Газеллы имѣютъ большіе черные глаза, и особливо начерпана на ней нѣкошорая невинная пужливостъ, походящая на спыдлиностъ молодой дѣвицы.

Не знаютъ здѣсь ни каршъ, ни костей. Обыкновенныя игры суть шашки и *Мангала*. Сія послѣдняя состоитъ изъ доски съ двенадцатию ямками, въ копорыя кладутъ не большіе камешки, и играютъ въ чешъ или не чешъ.

Увеселеніи женщинъ ограничиваются въ посѣщеніяхъ, разговорѣ, пѣніи и пляскѣ. Какъ онѣ совсѣмъ музыки не знаютъ, по поютъ всѣ однимъ голосомъ заунывнымъ, печальнымъ и могущимъ скорѣе заспавиль зѣватъ, нежели развеселишь. Инструменты ихъ суть: барабанчики, щелкуши и дудки деревянные или проспяныя. Онѣ по нихъ и поютъ и пляшутъ. Мушны и женщины рѣдко пляшутъ при всемъ народѣ, и почищаютъ сіе увеселеніе только тогда за честное, когда забавляются имъ въ своихъ домахъ.

Бедуины не знают иного лѣкаря, кромѣ Бога. Онъ написалъ, говорящъ они, на челѣ людей, сколько имъ жить, и вся врачевная наука не можетъ избавить ихъ отъ смерти, когда часъ тому придетъ; однако же въ бо- лѣзняхъ своихъ, что рѣдко случается, принимаютъ лѣкарствы, составляемыя женщинами, знающими силу въ правахъ. Они вѣрятъ также палисманамъ и нѣкоторымъ моливамъ, чрезъ чтеніе коихъ, по ихъ мнѣнію, можно выздороветь. Если придетъ лихорадка, ложатся на солнцѣ, во время зноба, а въ пѣни, когда жаръ наспушитъ. Если почувствуютъ боль непрерывной въ которой нибудь часъ пѣла, прикладываютъ къ тому мѣсту огонь, помощію бумажной свѣщильни, которая сообщаетъ ему жаръ свой, и запекаетъ. Никогда клистировъ не ставятъ. Сіе было бы, по ихъ мнѣнію, проклятія достойная непристойность, на которую ниже для сохраненія жизни они не согласятся. Будучи увѣрены, что душа пребываетъ въ крови, по и имѣютъ опроверженіе отъ пусканія оной, и избѣгаютъ того, сколько возможно. Раны, получаемыя на разбой, увѣрили ихъ о пользѣ лѣкарской науки, и они почитаютъ лѣкарей: но какія бы чудеса ни рассказывали имъ о докшорахъ, ни чему не вѣрятъ. Изъ сего однако народа вышли наискуснѣйшіе восточные врачи. Славной Шеихъ Мегеметъ *Ебисина*, котораго, испортивъ имя, называемъ мы *Авиценна*, былъ Бедуинъ. Сочиненіи его столь извѣстныя въ Европѣ, знаемы также Турками и Арабами, которые ихъ читаютъ и по нимъ поступаютъ. Одни только спешные объ нихъ не вѣдаютъ и не хощатъ

вѣдать: но отъ того живутъ не менѣ другихъ. У Бедуиновъ часто попадаются столбнячїе спарики, которые никогда больны не бывали.

Когда Бедуинъ умретъ, моютъ его, зашиваютъ въ просыпню, и относятъ при пѣни моливъ въ общее кладбище, опведенное на высокомъ и отдаленномъ отъ лагеря мѣстѣ. Муцины не плачутъ надъ умершимъ; ибо надѣются найти въ раю своихъ сродниковъ и друзей; а плачутъ женщины, потому что имѣя быть исключены изъ жилища блаженныхъ, и поселены внѣ онаго съ Христіанами, думаютъ, что не увидятъ уже по смерти того, кого наиболее любили въ жизни. Сїи женщины кричатъ изо всей силы, царапаютъ себѣ руки и лице, рвутъ волосы, и падаютъ иногда на землю, какъ бы печаль причиняла имъ обморокъ. Берутъ горстью песку, или земли и сыплютъ себѣ на голову и на лицо; бѣгаютъ, останавливаются и дѣлаютъ для оказанія горести многія кривляны. Тотчасъ послѣ похоронъ наследники покойника, дѣлятъ по равнымъ частямъ его имѣніе, а въ случаѣ спора соглашаются между собою чрезъ посредство Эмира, а иногда и друзей; и рѣдко происходятъ отъ того ссоры. Наслѣдство впрочемъ мало здѣсь значить. Свойство имѣнія ихъ, состоящаго въ палаткахъ, въ посудѣ и въ скотѣ, не подастъ причины къ большимъ раздорамъ. Самые просвѣщенные народы, не держатся столь непорочной добродѣтели, и не имѣютъ столь челоуколюбивыхъ и не прищворныхъ нравовъ. Таковы суть Арабы вообще, Г. М. и Бедуины въ особеннсти!

Въ сихъ степныхъ мѣстахъ видѣли мы позорище, о коемъ начиналъ я уже говорить: ибо оно въ обычаѣ во всѣхъ земляхъ слѣдующихъ Магометову закону, по еспѣ, проѣздъ каравана. *Караваны* бываютъ различнаго рода, одни состоятъ изъ молеельщиковъ, собирающихся въ Мекку изъ всѣхъ владѣній Ошпоманской Имперіи. Для оныхъ назначается сборное мѣсто, откуда отправляются въ извѣстной день и по извѣстной дорогѣ. Другіе предмѣпомъ имѣютъ торговлю и отправляются всякой годъ изъ Бассоры въ Алепъ. Сіи состоятъ изъ шрехъ до чешырехъ тысячъ верблюдовъ определенныхъ единственно для поклажи Турковъ, и ведомыхъ пяпью или шестью спами чловѣкъ. Купцы избрали сей образъ ѣзды по Аравіи, какъ меньше убыточной и надежнѣйшей. Мы видѣли въ степи одинъ изъ сихъ послѣднихъ каравановъ; и вопъ что при семъ случаѣ свѣдали:

Арабы, имѣющіе продажныхъ верблюдовъ, посылаютъ ихъ къ Губернапору города Аннаги близъ Бассоры. Онъ назначаетъ людей къ каравану, и избираетъ начальника, копорому всѣ должны повиноваться. Для караулу его, даетъ спо пяпъдесяпъ чловѣкъ, кои ѣдутъ на *Дромедерахъ* и обязаны защищать караванъ отъ всякихъ нападковъ и грабежа. Сколь скоро предводителъ даетъ знакъ къ отпѣзду, верблюдники убираютъ ноши; а по впорому знаку караванъ выступаетъ въ дорогу. Двое изъ военныхъ людей открываютъ шествие, и должны ѣхать верспы за двѣ въ переди для увѣдомленія, что въ случаѣ какой опасности, могли заранѣе приняпъ предоспорожность. Прочіе

солдаты, составляющіе провожатыхъ каравана, ѣдутъ почпи всегда въ серединѣ кучею при знамѣ; но ежели передовые подадутъ вѣспъ объ опасности: они тогда раздѣляются на двѣ часпи, изъ копорыхъ одна беретъ мѣсто передъ караваномъ, а другая позади его. Въ то же самое время верблюдники, или правящіе сими живошными, зажигаютъ фитили и всѣ спановяпся въ боевой порядокъ. Шапающіеся Арабы, отъ коихъ однихъ изъ всѣхъ воровъ и наспоищъ опасность, показываются на добрыхъ лошадяхъ, и часпо двадцати или тридцати чловѣкъ довольно бываетъ, для приведенія всего каравана въ разспройство. Они весьма искусно схватываютъ вѣсповыхъ, пужаютъ верблюдовъ, не даютъ времени войску соединиться, и никогда почпи безъ пого не появяпся, что въ не доспаетъ какой добычи, пошому что верблюды легко пужаются и разбѣгаются въ разные спороны. Но когда заблаговременно подадутъ вѣспъ о приближеніи разбойниковъ, проводники кладутъ верблюдовъ и связываютъ имъ заднія ноги: а приведя ихъ симъ образомъ въ безопасность, сами соединяются съ солдатами, и идутъ на непріятеля съ пистолетами и ружьями. Сіи шапающіеся воры, имѣя только саблю и копье, не смѣютъ нажидать на себя огнеспрѣльнаго оружія, и пошчасъ убѣгаютъ. Должно въ похвалу имъ сказать, еспли позволено хвалипъ сей родъ людей, что и въ самыхъ грабежахъ они меньше безчловѣчны, нежели Европейскіе разбойники. Имъ только дѣло до кошалька и имѣнія проѣзжаго, а до жизни его ни мало не касаются; не браняпъ его, не бьютъ, и ободравъ весьма учпвымъ однако

образомъ оппускаюшь его, но и шупь еще пошчиваюшь кофью. Иногда соспавляли они не большую армию изъ семи до осьми сошь человекъ, для ограбленія богатаго каравана, ходящаго всякой годъ на поклоненіе въ Мекку. Они содержатъ лазупчиковъ, которые тайно навѣдываются о соспоянніи каравана, о шоварахъ его, о числѣ конныхъ провожатыхъ, и о дорогѣ, которую онъ возьметъ. Лазупчики, увѣдомясь о всѣхъ сихъ подробностяхъ, предускоряюшь опъѣздъ его, чшобъ дашь знашь своимъ шоварищамъ; а сіи ѣдутъ въ тѣсныя и закрытыя мѣста, гдѣ прячутся въ засады, и незапно на караванъ нападаюшь. Ежели найдутъ его по своей силѣ, шо, для избѣжанія сраженія, посылаюшь опъ себя одного съ предложеніями. Когда согласится караванъ дашь пребуемую сумму, принимаюшь ее съ учшивоспшію, и пошчивавъ кофью, разспіаюшся друзьями; но ежели число воровъ превосходитъ, караванъ плашптъ тогда больше денегъ.

Верблюды въ сихъ дорогахъ идушь на волѣ спадомъ какъ овцы, и безъ всякаго порядка. Походка ихъ шиха; и хопя они дѣлаюшь большіе шаги, но дороги не больше перейдутъ въ день, какъ пѣшій человекъ. Чашто случается чшо и выпереживаетъ пѣшеходець, пошому чшо они дрожатъ и останавливаются при всякомъ кустѣ. Они не больше пяпидесяпи версптъ на день перейши могушь; да и тогда должно имъ пробышь въ дорогѣ часовъ шринадцашъ. Повелѣніе остановишься даешъ, и мѣста для ночлеговъ назначаешъ начальникъ каравана. На оныхъ проводники пускаюшь верблюдовъ въ поле искапъ корму. Они шамъ хо-

дять часъ или два, и возвращаюшся; шупь ихъ привязываюшь за ногу. Спашъ они мало; изо всѣхъ живопныхъ меньше опдыхаюшь. Ни одна выючная скопина не имѣетъ меньше прихошей, не довольспвуется шакъ малымъ, и не можетъ пробышь шакъ долго безъ пшпья: иногда они по чепыре дни воды не видяшь, а весь ихъ кормъ соспоишь въ нѣсколькихъ сухихъ и перегорѣлыхъ лиспняхъ, которые находящп они сами на куспахъ; или верблютники кладутъ имъ въ ротъ шарикъ изъ шѣспа, кошорой они жуошь цѣлой день.

Верблюды зимою бываюшь покрышы долгою и кудреватою шерспшо, какъ овцы; весной оная линяешъ, и лѣтомъ они кажутъ шакъ сухи и поджары, чшо можно ихъ пршнпшь за живопныхъ другаго рода. Шерспшь ихъ, бивъ всякой понѣ, выключая бобра, пршдешся какъ шелкъ, и служишь къ тканію тѣхъ прекрасныхъ восшочныхъ камлоповъ, кои и имя свое получаюшь опъ описываемаго мною живопнаго.

Верблюдъ съ природы шихъ и спооенъ. Управляетъ онъ безъ узды, безъ оброши, а шолько однимъ голосомъ. Когда онъ въ рсходѣ, дѣлаетъ своенравенъ и сердиптъ; тогда надбно его выючипъ чрезвычайно много, а иногда доходишь и до шого, чшо его уздаюшь. Въ пршпускѣ самка спановишься на колѣни. Же-ребяшь носяшь по одиннадцати мѣсяцовъ; имъ шопшчасъ по рожденіи стобаюшь ноги подъ брюхо, и въ семь положеніи держатъ нѣсколь-ко дней, чшо бы пршучипъ ихъ наклоняшься. Верблюды вскормливаемые въ шпепи, не бываюшь шакъ велики, ни сильны какъ шѣ, кои родящпся

по дорогѣ изъ Царяграда въ Персію. Сіи послѣдніе съ виду лучше, сильнѣе, и носятъ по двадцати по пяти пудъ, а здѣшніе напрошивъ не могутъ поднять больше пятнадцати.

Способъ навьючивашь ихъ довольно чуденъ. Имъ надобно наклоняшьяся шакъ, чшобъ брюхомъ лежатъ на земли. При первомъ разѣ, когда свиснушъ, верблюды спановишьяся на колѣни, поджавъ ноги, шакъ чшо споишъ онъ тогда на середнихъ суставахъ. Ежели въ семь положеніи еще не довольно низокъ, верблюдишъ свиснишъ въ другой разъ, и верблюды сгибаешъ другой суставъ, и ложишьяся на брюхо: и тогда его нагружаютъ какъ хошяшъ. Наконецъ при прешьемъ свисшъ, поднимаетъ на ноги, и идешъ въ дорогу.

Аромадеры супъ почти одного рода съ верблюдами. Между ими не больше находишьяся разности, какъ между верховою и возовою лошадыю: они шолько легче, поворощивѣе, и больше способны къ ѣздѣ.

Имѣя выгоду ѣхашъ на бодрыхъ Арабскихъ лошадахъ, намъ конечно не приходило на мысль, упопробишъ верблюдовъ для окончанія дороги, кошорой мало уже оспавалось до границъ Палестины. Дорога здѣсь вездѣ одинакова, шо ешъ, не видали мы ни городовъ, ни деревень, ни хлѣбныхъ полей, ни луговъ, ни лѣсовъ, ни деревьевъ, ни рѣкъ, ни испочниковъ: повсюду были пески, кустарникъ; повсюду не ровная земля: надобно было шо поднимашьяся въ верхъ, шо спускашьяся въ низъ, шо ѣхашъ по горамъ,

шо по долинамъ, шо по сырой и вязкой землѣ, наполненной мочевидами и калеями. Во всемъ пути видѣли мы шолько зайцовъ; ихъ шакъ много, чшо они spadaми бросались у насъ между ногъ. Много шакже здѣсь мышей, ящерицъ, змѣй и саранчи. Вспрѣчались мы шолько съ одними шапающимися Арабами, коихъ все упражненіе, какъ уже я сказалъ, состоишъ въ воровствѣ. Вопъ какою дорогою прѣхали мы къ подошвѣ горы Фавора, опкуда не медля, опправились въ Иерусалимъ.

Я есмь и пр. Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniska
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok
Nr. —

ПИСЬМО XXVIII.

ПАЛЕСТИНА.

или

Обътованная Земля.

Теперь поведу я васъ, Государыня моя, по самой малой и самой славной спранѣ свѣща; по крайней мѣрѣ въ насъ должна она возбуждать наибольшее любопытство. Въ ней шагу не можно спунить безъ того, чпобъ не приводилъ онъ на память какого шаинства или чуда. Перемѣны, прешерпѣнныя ею, вамъ довольно извѣстны, и я не еспановлюсь для исчисления оныхъ. Вы знаете, чпо *Моисей*, по многихъ шрудахъ и чудесахъ, привелъ въ нее *Израильтянъ*, оспавивъ Египецъ. Сіи новые жипели изшребили прежнихъ, и сами были часто обезпокоиваны и покаряемы по *Филистинами*, по *Ассирианами*, по другими народами. *Римляне*, завоеващели свѣща, не признали ихъ недоспойными своего оружія. Іерусалимъ былъ покоренъ ихъ власпи по наикровопролишнѣйшей и доспомятнѣйшей осады *. Ошъ Римлянъ перешель онъ къ *Грекамъ*, ошъ Грековъ къ Арабамъ, предводимымъ наслѣдникомъ Магомешовымъ *Омаромъ*. Арабы шакже были выгнаны *Сарацинами*, кои и оспавались власпишелями до самыхъ Кресповыхъ похо-

* См. исторію о послѣднемъ разореніи святаго града Іерусалима. Напеч. четвартымъ шисне- въ Санкшпетербургѣ 1765. 8.

довъ, шого шріумфа ревности къ вѣрѣ споль худо понимаемой, а еще хуже управляемой, Наконецъ явились *Турки*, изшребили владѣніе Халифовъ, изгнали совсѣмъ Христіанъ изъ Палестины, и понынѣ спокойно оною владѣють: да и не надѣюсь, чпобъ вскорѣ какой Христіанской Государь предпріять намѣреніе изшоргнушь ее изъ ихъ рукъ.

Толикое число разныхъ повелішелей ввели съ собою и разные законы. Сей уголь земли испыталъ всѣ образы правленія, и не былъ щасливъ ни подъ кошорымъ, выключая, можешъ бышь, одно Соломоново. Нынѣ спрана сія управляешся разными Пашами, подъ власпию Турецкаго Сулпана: но главной между ими ешь Паша Іерусалимской. Умѣли однако Арабы сохранишь въ немъ нѣкошорую шѣнь власпи, и *Самаританская* область понынѣ собственно зависитъ ошъ Емира, кошорому поручено провожатъ караванъ мошельщиковъ въ Мекку.

Наиспособнѣйшее время, для ѣзды на поклоненіе въ Іерусалимъ, ешь праздникъ Пасхи; и какъ оный имѣлъ наспунить въ скоромъ времени, шо я и воспользовался симъ обшпояшельшвомъ.

Гора Фаворъ, на кошорой исполнилось преображеніе Іисуса Христа, и къ подошвѣ кошорой пріѣхали мы, какъ я уже сказала, оставя Аравійскія степи, безъ сумнѣнія ешь самая крушая гора въ Палестинѣ. Вершина ея, въ спарину укрѣпленная, представляешъ шеперь взору однѣ развалины, лежація на плодоносной землѣ, и окруженныя деревьями. Помянушныя развалины сунъ оспашки зданій поспроенныхъ

Св. Еленою и Князем Танкредомъ. Единая до-
стопамятностъ, доказывающая благочестіе
сей Царицы, и по нынѣ сохраненная, естъ
больница, копорю пользующія Турки.

Съ высоты сей горы, имѣющей видъ пи-
рамиды, взоръ можеть проспираться на мно-
гія другія горы, и на часъ Палестины. Видна
съ нее гора Ермонъ, охлаждаемая всякое ушро-
росою, и при подошвѣ копорой былъ воскре-
шенъ сынъ вдовицы, бесплодныя горы *Гиль-
бойскія*; мѣсто, на копоромъ *Саулъ* вопро-
шаль волшебницу а), гора, съ копорой спадо
свиной, зараженныхъ бѣсами, сверглося въ Ти-
веріадское море, омывающее ея основаніе; гора
озлобленія, гдѣ *Соломонъ* построилъ высокое
капище надъ весію, въ копорой содержалъ сво-
ихъ женъ чужезпрановъ б); пустыня св. Ио-
анна, лежащая на утесистой горѣ; гора *Мо-
риазъ*, на коей, по мнѣнію нѣкоторыхъ, совер-
шилось жертвоприношеніе *Авраамово*, и ко-
порая еще больше попомъ просвѣпилась смер-
тню сына Божія; наконецъ многія другія горы,
учинившіяся достопамятнымъ какимъ нибудь
произшествіемъ чипаемымъ во святомъ Писа-
ніи. Испочникъ въ *Канѣ*, изъ копорого я самъ
пилъ воду, также опъ нее не опдаленъ. Слав-
ная *Долина Юдоль Иосафатова*, лежащая ме-
жду горами Моною и Сіономъ, и въ копорой,
увѣряюпъ, имѣеть бытъ спрашной судъ, по-
казалась намъ не шире пяпи верспъ. Дума-
юпъ, что получила она свое имя опъ Иосафа-
та, Царя Іудейскаго, построившаго на ней
свою гробницу; или опъ того, что слово *Ю-*

а) Царствъ книг. 1. гл. 28. б) Царствъ. книг. 3.
гл. 11. сп. 7.

сафатъ, значить судъ Господень. По сей долину
пропекаетъ попокъ *Кедарскій*, имѣющий въ са-
момъ широкомъ мѣстѣ не больше чепырехъ
футовъ, а воду въ одно только дождливое
время.

Не далеко опшуда находися *Жидовское
кладбище*, и они принуждены плашпъ очень
дорого, чтобъ на немъ бытъ погребену: ибо
льспяпсъ, что паковая близостъ доставитъ
имъ преимущесиво предстать первымъ, и
лучшее занятъ мѣсто, во время спрашнаго
суда.

Мы не прежде могли въѣхать въ *Геруса-
лиму*, какъ по полученіи позволенія опъ Гу-
бернашора, безъ копорого ни одного Франка
шуда не впускаюпъ. Какая должна бытъ раз-
ностъ между симъ несчастнымъ городомъ и
сполицею Соломона! Не сохранилъ онъ ниже
прежняго своего мѣста. *Голгова* (*Краниево* или
Лобное мѣсто), на копоромъ построена церь-
ковъ св. Гроба, въ старину почипалась за по-
носную; ибо на ней казнили пресступниковъ,
и для сей причины находилась внѣ города, а
нынѣ состоитъ посреди онаго; гора же *Сіонъ*,
на копорой былъ сооруженъ храмъ, теперь
изключена изъ города. При подошвѣ Голгова на-
ходяпсъ при гроба, изъ коихъ одинъ здѣланъ
изъ порфира, и заключаепъ, какъ думаюпъ,
прахъ великаго первосвященника *Мелхиседека*.
Другіе два гораздо новѣе, какъ по свидѣтель-
спвуютъ ихъ надписи. Положены въ нихъ *Го-
дефруа Бульянской* и братъ его *Бадунъ*.

Церьковъ св. Гроба не велика, но заклю-
чаепъ двенадцать свяпилицъ. Каждое изъ
нихъ приводитъ на память нѣкоторое обсто-

яшельство смерти и воскресения Господа нашего Иисуса Христа. На многих из сих мѣстъ здѣланы олтари, какъ на примѣръ, на шѣхъ, гдѣ воины ему ругались, гдѣ созlekли съ него одежду, гдѣ взяли его подъ спражу, гдѣ привязали къ сполбу, гдѣ возвысили на крестъ, гдѣ онъ былъ обвитъ плащаницею, положенъ во гробъ и пр.

Дабы построить сію церковь на горѣ неравной, надлежало срывать землю, а въ другихъ мѣстахъ насыпать: но какъ непременно желали оставить въ цѣлости шѣ, на коихъ совершались спраши, то и принято намѣреніе ввести въ самую церковь часть горы: таково особое мѣсто, гдѣ споялъ крестъ Спасителя нашего и всходящъ на оное по двадцати двумъ ступенямъ. Таковъ есть гробъ, копорой съ начала былъ высѣченъ въ горѣ, а теперь весьма возвышенъ спойтъ надъ горою. Камень, покрывавшій его, украденъ, сказываютъ, Армянами, кои хранятъ его въ своей церкви.

Здѣсь есть истинное мѣсто, чпобъ описать вамъ обряды спрашей Христовыхъ. Оныя суть почное повпореніе того, чпо Спаситель нашъ прешерпѣлъ опъ Жидовъ. При начатіи у придерживающихся Римско-Каполическаго исповѣданія гасятъ всѣ свѣчи, и одинъ монахъ говоритъ въ темнотѣ проповѣдь около полу часа. Попомъ всякой беретъ зажженную свѣчу, и идущъ на поклоненіе во святилища біенія, темницы раздѣленія ризъ, и поруганія. Въ нихъ поютъ стихи, и говорятъ проповѣди иногда на Испаланскомъ, иногда на Гишпанскомъ, а иногда на Французскомъ языкѣ. Передъ симъ

великимъ ходомъ несутъ крестъ съ распятымъ Иисусомъ Христомъ, обыкновенной величины, пригвожденнымъ и имѣющимъ на главѣ пернотой вѣнецъ и лице окровавленное. Сіе распятіе есть совершенной работы. Попомъ всходящъ на лобное мѣсто, кладущъ крестъ на землю, подражаютъ дѣйствию пригвожденія, и спавятъ его въ шу же скважину, въ копорой настоящій былъ водруженъ. Два монаха снимаютъ съ него образование Господне, которое споль искусно здѣлано, чпо члены въ немъ стибаются; обвиваютъ его пеленами, и бросаютъ на него благовонныя травы; послѣ чего кладущъ во гробъ. Сіи обряды, сами по себѣ бывъ весьма плачевны, уступаютъ попомъ мѣсто радованію въ день Пасхи.

Я забылъ сказать, чпо въ нѣсколькихъ шагахъ опъ мѣста, гдѣ былъ водруженъ истинный крестъ, видна разщелина въ горѣ, сдѣлавшаяся, сказываютъ, опъ прясенія земли, когда Иисусъ Христосъ изпустилъ духъ. Удивленія достойно, чпо церковь св. Гроба занимаетъ почти всѣ мѣста, на коихъ случились главнѣйшія произшествія прежде и послѣ спраши Спасителя.

Обрядъ священнаго огня мнѣ показался чрезвычайнѣе другихъ. Онъ въ употребленіи у однихъ только Грековъ и Армянъ Палестинскихъ. Попы ихъ увѣряютъ народъ, чпо на канунъ Пасхи спсходитъ огонь съ неба, и за сіе собираютъ деньги съ молельщиковъ, коихъ всегда бываетъ множество. Происходящее при семъ случаѣ не весьма бы послужило въ другомъ мѣстѣ ко вселенію благоговѣйныхъ мыслей. Сколь скоро Римскіе Каполики окончатъ

свою службу, Греки гасяпъ всѣ лампы, и начинаютъ не ходишь, но бѣгать около св. Гроба, крича и воя не льпымъ голосомъ. Всякой разъ проходя мимо гроба, возклицають *Елейсонъ*, и продолжаютъ сіе, бѣя себя веревкою по плечамъ. Изрѣдка возводяпъ очи къ Небу, держа множество загашенныхъ свѣчъ въ рукахъ, во ожиданіи желаемого огня.

Потомъ дѣлается проекрапной ходъ около церкви. Намѣспникъ Папріарха Греческаго и первой Армянской Епископъ, приближаються къ двери св. Гроба, отворяють оныя, входяпъ и запираються: а прежде того гасяпъ шамъ, какъ уже сказано, и въ присущствіи самыхъ Турковъ, всѣ свѣчи и лампы. Спустия минушу, выходяпъ они назадъ, съ зазженными свѣчами. Тогда присушаешь народъ, дабы удѣлишь часть опъ сего огня, копорой подносяпъ къ бородѣ, къ лицу, къ груди, въ надеждѣ, что онъ предохраняешь опъ наиведичайшихъ золь, а самъ вреда не причиняешь.

Время мнѣ возврапиться къ описанію мѣсположенія города, называемаго нынѣ *Святыйль Градомъ*. Вы конечно не ожидаете найши въ немъ великолѣпія. Городъ шoliko крапъ разоренной, не можешъ инаго предспа-вишь взору, кромѣ развалинь; да и развалины понынѣ оспавшіяся вообще мало заслуживають примѣчанія; но для насъ все должно бышь драгоцѣнно въ шакомъ мѣспѣ, гдѣ основалась наша вѣра. Здѣсь должно имѣшь Библию въ рукахъ, при осмопрѣніи сего свяшаго мѣспа.

Большая часть мѣспъ упоминаемыхъ въ вешхомъ и новомъ законѣ, перемѣнили свой видъ. Правда что шемница, изъ копорой Ан-

гель освободилъ св. Петра, и понынѣ служишь шюрьюмою заключеннымъ; но домъ *Зеведеевъ* превращень въ церковь, равно какъ и домъ св. Марка. Въ сей послѣдней хранишь рукописной новой завѣпъ на Сирийскомъ языкѣ, писанной, сказывають, за восемь сопъ пяпъдесяпъ льпъ. Еспъ въ ней шакже каменная купель, въ копорой, какъ увѣряють, Апостолы крестили людей.

Домъ, въ коемъ плевали въ лице Иисусу Хриспу, премѣненъ шакже въ церковь; а церковь напропивъ шого поспроенная надъ домомъ св. *Фолмы*, сдѣлалась мечешью. Армянской монастырь, лежащій на проспранномъ мѣспѣ, заслуживаетъ бышь описанъ. Въ церкви, споящей на самомъ шомъ мѣспѣ, на копоромъ во главу усѣченъ св. *Иаковъ*, достойна примѣчанія капедра, убранная черепахою и жемчужными раковинами съ немалымъ вкусомъ. Въ ней показывають многіе каменя собранные, по видимому, съ давнаго времени; камень, о копорой *Моисей* разбилъ Скрижали; камень, на копоромъ Иисусъ Хриспъ спояль, когда крестился, и еще одинъ выняпой изъ шого мѣспа, на коемъ онъ преобразился.

Оспавя монастырь, ходили мы шомпрѣпъ погреба, лежащіе въ одномъ саду при подошвѣ горы *Моріага*. Въ дорогѣ видѣли мы домъ, въ коемъ жилъ Пилапъ, но нынѣ онъ не великолѣпень. Еще видна надпись на спѣнѣ надъ вороптами, содержащая слова разъяренныхъ жидовъ: *Возьми, раслии его*. Видѣли мы шакже палашу, въ копорой надѣвали на него багряницу, возлагали шерновой вѣнецъ, ругались, и по ланипъ били его; мѣспо, на коемъ Пилапъ

показаль его народу, а не много подалѣ мѣспю, гдѣ онъ упаль, неся орудіе своего спрданія; мѣспю, гдѣ свѣтая Дѣва спюяла во время распія; мѣспю, гдѣ св. Вероника оперла лице Божіе, и наконецъ мѣспю, гдѣ Симонъ былъ принужденъ нести крестъ. Мы оспановились также для осмопрѣнія нѣсколькихъ сводовъ оспавшихся выше *Висанды* и пещеры, въ копорой родилась Богородица, включенной въ монаспырь монахинь св. Анны.

Погреба горы *Моріага*, * построены для увеличенія мѣспа подъ храмъ, имѣющъ спю пятьдесятъ фузовъ глубины, и соспавляющъ двѣ дороги покрытыя превеликими камнями, и поддерживаемыя подспавами или высокими сполбами изъ одного камня, имѣющими шесть фузовъ въ поперешникѣ. Храмъ совсѣмъ разорень. На его мѣспѣ спюишь небольшая мечеть. Всю ея красоту соспавляетъ выгодное положеніе, копорого одного довольно, что бы придашь ей видъ, почшеніе заслуживающій. Увѣряюшь, что построена она на самомъ шомъ мѣспѣ, гдѣ была *Святая Святыхъ*. Въ нѣкопоромъ ошшуда распояніи, видны великолѣпныя врата храма: единой оспашокъ сего огромнаго зданія, спасшійся ошъ разоренія. Турки оныя заклали; ибо имѣющъ пророчество, что гибель ихъ придетъ чрезъ сіи врата. Далѣ идучи по городской спѣнѣ, видень конецъ сполба высунувшійся изъ спѣны. Турки говорящъ, что на немъ, въ послѣдній день, сядетъ *Магометъ* и спанетъ судить людей собранныхъ въ долину, низу лежащей. Что касаеться

* Гора, на копорой Царь Соломонъ построилъ храмъ Іерусалимской.

до меня, мнѣ показалось, что Мусульмане выбрали не довольно покойное мѣспю для своего пророка, копорого впрочемъ спюль много почитаютъ.

Исходя городъ Іерусалимъ, вознамѣрились мы осмопрѣшь и окружности его. Пещера, съ копорой *Пророкъ Іеремій* написалъ плачь свой, и шемница его имѣетъ шюлько по примѣчанія достойнаго, что равно почитаютъ ошъ *Жидовъ*, *Турковъ* и *Хрисціанъ*. Гробницы Царей, высѣченныя въ каменной горѣ, можетъ бышь, естъ наипрекраснѣйшій монументъ древности. Входъ оныхъ приводитъ на мѣспю окруженное горою. На полдень находится поршникъ украшенной рѣзбою, на копорой видны еще цѣвѣны и плоды. При концѣ онаго сходящъ въ гробницы, то естъ, шесть палатъ одинакой величины, но коихъ пошолки и спѣны четвероугольны, углы спюль равны, и все такъ цѣло, что походитъ на жилье высѣченное въ одномъ кускѣ мрамора. Помянушыя палаты, выключая первую, заспавлены каменными гробами, спюящими по споронамъ внупри спѣнѣ, и прежде были покрыты другими камнями, на коихъ предспавлялись вырѣзанныя листья: но сіи каменя перебишы. Всѣ палаты всегда сухи, помощію спюка, копорымъ сбѣгаетъ вода безпреспанно каплющая съ пошолка и спѣнѣ. Въ семь зданій оспались пеперь однѣ двери, высѣченныя изъ одного камня съ такимъ искуспвомъ, что рѣзба не могла бы на деревѣ бышь лунче.

Проводники наши повели насъ пошомъ въ одинъ Армянской монаспырь, въ копоромъ находится келія, служившая шемницею Іисусу

Христу, и мѣсто, на коемъ св. Пепръ его опшрекся. Они показывали намъ также, но издалека, мечень поспроенную на развалинахъ церкви: а сія спояла на мѣспѣ шого дома, въ копоромъ успановлено было шаинспво Евхарисшии. Мимоходомъ видѣли мы колодезь, при копоромъ Апосполы разлучились, опсправляясь проповѣдывающъ Христіанскую вѣру. Смопръли мы также развалины дома, въ коемъ воспослѣдовало усненіе пресвятыя Богородицы; мѣсто на коемъ вѣхозаконный Священникъ *Афоній* покусился коснувшись несомого на погребеніе пречистаго ея Тѣла; а) пещеру, въ копорой св. Пепръ оплакивалъ свою невѣрность; прудъ въ копоромъ мылася *Вирсавія*, когда увидѣлъ ее *Давидъ*; б) и *Село крови*, такъ названное попому, что было куплено за цѣну измѣны *Иудиной*. Нынѣ служишь оно кладбищемъ *Армянамъ*. Грунпъ, будучи весь изъ мѣла, сохраняеть въ цѣлости шѣла долгое время. Наконецъ видѣли мы домъ, въ копоромъ сокрылися Апосполы; спуденець *Неемин*, гдѣ положень былъ священной огонь; прудъ *Силоинъ*, испочникъ, къ копорому св. Дѣва ходила за водою, и мѣсто, на коемъ повѣсился *Иуда*.

Равнымъ образомъ привлекли вниманіе наше гробъ *Захарія* и сполпъ *Авессаломовъ* с), двѣ знапныя древности въ здѣшнемъ краю. Особливо съ почпненіемъ смопръли мы гробъ Пресв. Дѣвы. Къ нему сходяпъ въ подземной погребъ по сорока двумъ спупенямъ. Въ помъ же мѣспѣ спояпъ гробы св. *Анны* и св. *Иосифа*. Не далеко опшуда видѣли мы камень, на ко-

а) Мин. чеп. Авг. 15. б) Царств. 2. гл. 11.
с) Царств. 2. гл. 18. сп. 18.

поромъ св. *Стефанъ* былъ побипъ каменіемъ, и пещеру, въ копорую жиды бросили его шѣло; гробницы Пророковъ, кои сушь разныя пещеры, имѣющія между собою соединеніе. Видѣли мы также гору, на копорой св. Апосполы *Петръ*, *Иаковъ* и *Іоаннъ* уснули, во время спраспи Сына Божія; мѣсто, по копорому ходилъ *Иуда*, когда предаль учипеля своего; мѣсто, презираемое и самими Турнами. Они поспроили мечень на *горѣ Елеонской*, съ копорой *Иисусъ Христосъ* вознесся на Небо. Можно безъ всякаго приспраспія заключишь, что не изъ набожностпи къ мѣсту учинили они сіе, но въ намѣреніи полученія опъ благочестивыхъ Христіанъ не малаго дохода.

По удовольспвованіи любопытства нашего всешь шѣмъ, что еспъ dospойное примѣчанія въ *Іерусалимѣ* и его окружноспяхъ, мы желали также видѣпъ *Виванію*, *Внолесль* и *Назаретъ*. *Виванія* лежишь полько съ небольшимъ въ двухъ верспахъ опъ *Іерусалима*. Первой домъ въ сей деревнѣ принадлежалъ, сказывающъ, *Лазарю*, и близъ онаго находилпся могила, въ копорой онъ воскресъ. Оная еспъ небольшая пещера, предъ копорую лежишь другая, и въ сію сходяпъ по придцапни пяни спупенькамъ. Показывающъ также домъ, въ копоромъ *Марія Магдалина* помазала муромъ ноги Спасителю. Испочникъ Апосполовъ, гора, на копорой Сынъ Божій былъ искушаемъ, другая, гдѣ онъ разговаривалъ съ дѣволомъ, не далеко опъ *Виваніи*. Опшуда, повернувъ въ долину *Іерихонскую*, нашли мы ручей, копорого *Елисей* усладилъ воду, и деревню *Іерихонъ*. Въ ней шеперь живеть нѣсколько бѣдныхъ

Арабовъ. Далѣ увидѣли мы развалины древней церкви и монастыря посвященнаго св. Иоанну Крестителю, близъ мѣста, гдѣ онъ крестилъ Иисуса Христа. На другой день искали мы при *Мертвомъ морѣ* оспашковъ *Содома* и *Гомора*; но тщетно. Говорятъ однакожь, что видно бываетъ нѣчто изъ оныхъ, когда вода опадаетъ, чего не могли мы дожидаться. Хотѣли насъ также увѣрить, что жена *Лотова*, или, лучше сказать, сполбъ соляной, въ копорой сія чрезмѣру любопытная женщина была превращена, еще понынѣ въ цѣлости. Ежели сіе правда, то наши дѣлатели спашуй должны бы предпочесть соленой камень мрамору и порфиру. Мало изъ ихъ работы можешь сопротивляться времени, и успоить тысячи чешыре лѣтъ, борясь съ воздухомъ и ненастьемъ.

Я уже сказалъ, что имѣли мы намѣреніе побывать въ Виелеемѣ. Мы шуда опправились, и на дорогѣ видѣли множество предмѣстовъ досшойныхъ возбудишь въ насъ благочестивое любопытство. А именно, домъ Симеоновъ; древо, подъ копорымъ опочила Святая Дѣва несучи Сына своего во храмъ. Монастырь посвященной Пророку *Иліи*, гдѣ показывали намъ камень, на копоромъ онъ спалъ; гробъ *Рахили* и наконецъ горохъ преданной проклятію опъ св. Дѣвы, и опъ сей кляввы премѣнившійся въ камень. По прибытіи въ Виелеемъ водили насъ къ яслямъ и въ часовни святаго Иосифа, невинныхъ, св. Павла, Евсевія и св. Геронима. Онъ пошому досшойны примѣчания, что приводящъ на память бывшія здѣсь произшествія.

На полдень опъ Виелеема верспашъ въ шесни, находящся пруды и сады, изобрѣшен-

ные и начерпанные *Соломономъ*. Не далеко опъ нихъ виденъ водоводъ разоренной Турками; а близъ онаго пещера, сокрывшая св. Дѣву съ ея младенцемъ опъ неистовства Иродова; между шѣмъ какъ св. Иосифъ пріутоповлялъ нужные припасы для пуши ихъ во Египеть. Многие вѣрящъ, что св. Дѣва не могли пропитать младенца, изъ персей ея шолкое количество вышло млека, что лежащія на семь мѣстъ камня были онымъ окроплены. Къ сему прибавляющъ, что помянутыя камни шопчасъ превратились въ бѣлыя, и съ шого времени сохранили сей цвѣтъ, имѣя также силу умножать млеко у женщинъ. Опбивающъ опъ нихъ маленькой кусочикъ, полкушь, кладущъ въ небольшіе мѣшечки, запечатываютъ печашью сосѣдняго города, и посылающъ ихъ во всѣ Христіанскія земли.

Въ недалекомъ разстояніи опъ Виелеема, вошли мы въ церковь посвященную св. *Георгію*. Въ ней показали намъ двѣ желѣзныя цепи, коими онъ былъ окованъ въ шемницѣ, и коимъ приписывается даръ, исцѣлящъ сумасшедшихъ.

Возвращаясь въ Иерусалимъ, видѣли мы монастырь св. Иоанна, въ коемъ церковь имѣетъ изрядной куполь и мраморной полъ; пещера или домъ, въ копоромъ *Маріамъ* поздравила *Елисавету*, и говорила: *величитъ душа моя и пр.* монастырь святаго Креста, основанной св. *Еленою*, маперію Царя *Константина*, и названной симъ именемъ, пошому, что по увѣренію монаховъ, построень на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ росло древо, изъ коего здѣланъ Крестъ Спасителевъ.

Мы ѣздили также въ *Назаретъ*. Церковь поспроенная въ видѣ крестна, имѣла много сполбовъ, кои опчаспи разрушены. Трудно усмопрѣпъ, какую хипроспю верьхъ, прежде подпершой оными разбиыми сполбами, держипся шеперь самъ собою. Монахи коропкимъ образомъ шолкують сіе произшесствіе; ибо называютъ его чудомъ. Близъ церкви споишь домъ *св. Иосифа*, и синагога, въ кошорой проповѣдывалъ Иисусъ Хриспосъ.

Конецъ спранспивованія моего по Іудеи уже приближался. Я не почипаю за нужно сказывашъ вамъ, что ѣздили мы съ изряднымъ конвоемъ: необходимая предоспорожностъ, въ разсужденіи Арабовъ, кои всегда гошповы соединипсь для грабежа, и опъ коихъ должно опшбывашься.

Проѣзжая чрезъ Палестину съ шрудомъ, вѣришь, что споль малая земля могла пипашъ многочисленной народъ. Видны еще поиспипннѣ, оспашки шрудолобія и спаранія, съ коковымъ шщились Жиды учинипсь сію землю плодородною. Они все шо умѣли упошребипсь въ пользу, что шолько положеніе ея могло имъ доставипсь прибыльнаго. На горахъ дикихъ и нынѣ не обработанныхъ родилса шогда хлѣбъ и всякіе овощи. Собирая каменья, и складывая ихъ наподобіе стѣны, носили шуда землю и соспавляли шакимъ образомъ насыпи и площадки, возвышая амфитеатромъ одни надъ другими. Горы, покрывшия симъ образомъ опборною землею, должны были произращашъ вдвое пропшвъ гладкой земли, и представляшъ видъ взору пріятнѣйшій; но шеперь все оное изобиліе еспъ сонъ. Спепи, дикія пуспныни,

бездны заступили мѣспо прекрасныхъ зрѣлицъ. Оспались однакожъ еще нѣкошорые округи нѣсколько обработанные; мѣспа, на коихъ роспешъ Турецкая пшеница, просо, шабакъ и хлопчатая бумага; но долины *Герихонская* и *Езраелонская*, заспавляюпъ сожалѣпъ, что не въ шрудолубивыхъ рукахъ шеперь находипся. Я цѣлое поле видѣлъ, на кошоромъ нѣпъ инаго кромѣ правы, называемой у насъ дикой Ишалиянской копръ, и другія негодныя расшѣнн. Прямѣпиль я также во многихъ мѣспашъ сего поля, соляную корку. Между правами, цвѣшами и плодами, произрасташоющими во Іудеи, особливо разсмашривалъ я *Розу Герихонскую*, похожую на цвѣшокъ бузипы *Мандрагоры*, кошорые *Лиа* дала *Рахили*, плодъ не пріятной и не здоровой, величиною съ яблоко; * шраву называемую *Ните*, коей сѣмена опшвозипся въ Египешъ, и служашъ къ соспавленію синей краски. Я не долженъ также позабышъ *Захоны*, плодъ подобной не созрѣлому грецкому орѣху, и распуцѣй на иглошпомъ куспѣ. Его шолкутъ въ игоши, кладушъ въ кипяшокъ, гдѣ выпускаешъ онъ масло, кошорое, ежели прпнпашъ внутрь, еспъ превосходное лѣкарспво для шого, кшо ушибешся, а съ наружи заживашоупъ опъ него раны.

Что до живопныхъ принадлежипсь, оныя здѣсь почши шѣже, что и въ другихъ округахъ, да можешъ быпъ, въ нихъ еще и меньше змѣй, нежели въ Обѣшванной землѣ. По поводу *Саранчи* (*акрида* или *лружіе*), коими пипалса

* Вышія гл. 30. ст. 14.

въ пустынь *св. Иоаннъ*, докпоръ спарался изыскашь, какой родъ несѣкомыхъ разумѣешь черезъ нихъ священное Писаніе, и могутъ ли они дѣйствительно служить въ пищу? Онъ свѣдалъ отъ жителей, что есть у нихъ живое сего имени, подобное пшницѣ, которое чрезвычайно плодуще, и изъ котораго Арабы дѣлають хлѣбъ въ неплодородные годы. Ихъ набирають, сколько поймашь можно полкушь и мѣсяшь родъ хлѣбцовъ, которой пекушь, а иногда жаряшь, поливая коровимъ масломъ, иногда же и соусы изъ нихъ готовятъ.

Иорданъ, есть единая рѣка въ Палестинѣ. Она чрезъ всю сію землю протекаетъ, и впадаетъ въ *Тиверіадское*, а отсюда въ *Мертвое* море. Сіи же два моря суть не что иное, какъ два великія озера. Тиверіадское длины не больше имѣешь девятиосна, а ширины шриццати верстъ. Имя свое получило отъ *Тиверіады*, города построеннаго *Иродомъ*, въ честь Тиверію; многія развалины доказываютъ прежнюю его величину. *Мертвое* море присоединяется къ *Герихонской* долинь. На немъ сбирается плавающая поверхъ воды смола, или бишуминъ. Не далеко отсюда на горахъ находится *Сѣрной камень*, которой, будучи положенъ на огонь, становится легче, не теряя количества или величины, и испускаетъ несносной смрадъ. Вода въ семь моръ солона, имѣетъ худой вкусъ, горька и вонюча; но по не правда, чтобы пшницы летяющія надъ нимъ, падали мертвыя. А напрошивъ на берегу попадаются раковины, по коимъ заключить можно, что водятся въ немъ и рыбы. Въ *Иудей* есть также и ключи теплой воды, и одинъ

между прочими такъ горячь, что руки въ немъ держать не лзя.

Святая земля вообще слѣдуетъ Турецкому закону, а между Христіанами первенство имѣють Римскіе Каполиви, хотя и у Грековъ есть же церкви. Увѣряють, что *Салмариана* имѣють особую вѣру; и опправляютъ служеніе на нѣкопорой горѣ.

Пробывъ нѣсколько времени въ столицѣ Палестины, опправились мы въ *Сиду*, или *Сидонъ* съ Консуломъ сего города, котораго нашли въ *Иерусалимѣ*. Мы переѣхали рѣку *Белусъ*, изъ песка коей составилось первое на свѣтѣ стекло, и прибыли въ городъ *Акру*, древнюю *Итолеманду*, славной шеапръ войны между Христіанъ и Сарацыновъ. Въ семь по городъ находился дворець и церковь великаго Магистра Кавалеровъ Спраннопримцовъ, или нынѣ называемыхъ *Мальтійскими*, коихъ стѣны видны еще оспанки, а по развалинамъ судить можно, что и городъ былъ богатъ и силенъ. Между прочимъ достоинны примѣчанія развалины одного дѣвичья монастыря, кои опасаясь наглосши отъ Турковъ, изрѣзали себѣ лице, и чрезъ по изъ красавиць здѣлались спрашными: таковая жершва въ женщинахъ никогда не бываетъ плодомъ сумнительной добродѣтели.

На другой день увидѣли мы *Бѣлой мысь*, по коему лежитъ дорога, шириною въ шесть футовъ здѣланная *Александромъ*, и осмопрѣли мѣсто, гдѣ стоялъ *Тиръ*. Сей городъ споль славной, споль гордый въ спарину, служивъ нынѣ убъжищемъ нѣсколькимъ бѣднымъ рыбакамъ. Симъ образомъ исполнились слова Пророка *Езекиля*: и обвалятъ стѣны, и разорятъ

столлы и разсѣю прахъ его, и дажь его въ гладокъ камень *. Нашли мы шупъ опмѣннаго вида одинъ мраморной сполбъ длиною въ сорокъ пять фушовъ, валяющійся между развалинами церккви, въ копорой погребень былъ *Оригенъ*. Не видно никакихъ слѣдовъ славной плошины, коею *Александръ* соединилъ городъ съ маперию землею; ее совсѣмъ занесло морскимъ пескомъ.

Въ окружностяхъ *Тира* видны *Водохранилищи Розелайскія*, построеныя, какъ увѣряють, *Соломономъ*. Самое большое имѣеть осмиспоронной видъ и одинадцать сажень въ поперешникъ. Спѣна окружающая его, и съ копорой сходящъ по премъ лѣспницамъ въ галерею, шириною въ двадцать одинъ футъ, здѣлана изъ смѣси кремней и хрящу споль крѣпкой, какъ камень. Спѣна въ ширину имѣеть восемь фушовъ. Водохранилище очень глубоко и всегда полно: мы прѣхали послѣ того въ *Сарелту*, деревню славную тѣмъ, что жилъ въ ней Пророкъ *Илія*. Отсюда прибыли въ *Сидонъ*, довольно проспранной, и еще не худо населенной городъ, хопя и разоренной Турками, кои по обычаю своему, погребли подъ деревенскими шалашами, налюбобышнѣйшіе куски древности.

Здѣсь должно кончатся спранспвованіе докшора. Худое здоровье обязываетъ его возвратишься во Францію, и лишаетъ меня шоварища, коего намѣшшишь не можно. Мы шеперь на разспаняхъ; опсправляюшя опсюда два корабля, одинъ въ Марселію, другой въ Еги-

* Пророка Іезекіил. гл. 26. ст. 4.

пепъ. Первой повезеть докшора въ нѣдры его опечесшва; а на другомъ опсправляюсь я въ Каиръ, будучи опъ часу больше разпалемъ желаніемъ, для копорого оставилъ свою родину на время. Меня увѣряють, что поспѣю я шуда еще за нѣсколько дней до выпшупленія большаго каравана въ Мекку. Сіе было бы для меня способнымъ случаемъ дохашъ до какого нибудь Порша на Черномъ морѣ, опшуда могъ бы я съспъ на корабль въ Индію. И пакъ, Государыня моя, не надѣюсь я писашъ къ вамъ прежде, нежели прѣду въ Сурапъ.

Я есмь и пр.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka
Dobrzyniewo-Duże
pow. Białystok

№.
Конецъ.

Второго Тома.

Р Е Э С Т Р Ъ

собственныхъ Имянь и Вещей примѣчанія
доспойныхъ, содержащихся въ семь

Вшоромъ Томѣ.

Biblioteka prywatna
Jakuba Antoniuka

Dobrzyniewo-Duże

pow. Białystok

Спр.	Спр.
Ааронъ	301
Ааликъ	338
Ааронъ Решильдъ	150
Аббасъ	261
Абазъ, монеша	105
Абазы	122
Абассъ 137. 152. 170.	173
Абиу	301
Абказы	122
Абубекеръ	259
Абул-Абасъ	278
Албу-Мегемешъ	274
Авгаръ	86
Августъ	276
Авессаломовъ столбъ	370
Аверрои	278
Авицеина	352
Авраамъ	219. 310
Аврора	276
Агамемнонъ	33
Агаръ	311
Агличане	27
Адамъ	248
Аденъ, городъ	273. 279
Бани	281
Домы	280
Жиштели	274
Исторія	275. 276. 277
Портъ	273
Укрѣпленіи	279
Адріанополь	33
Адріанъ	34
Азербаянъ	157
Аисты, птицы	85
Акиссаръ, городъ	21
Акра, городъ	377
Албанія	82
Албукеркъ	280
Албуфедъ	278
Алгазеинъ	—
Алфонсъ	280
Александрійская Библиотека	277
Александръ Вели- кій 19. 23. 30. 89. 136. 167. 182. 217. 221. 276	
Али 168. 173. 259.	277
Али, городъ	89
Али-кули ханъ	169
Алиевы глаза	153
Алмазы	316
Амаликъ	300
Аманъ	217
Амоль	219
Амурашъ	32. 34
Анаргія	112
Андранахъ	35
Андрей Апостолъ	122. 146
Андроникъ	29. 32
Анна св.	370
Аннагъ	327
Аннибалъ	15
Аншигонъ	23
Аншіохъ	23. 136
Апамея	173
Апеллесъ	86

	Стр.		Стр.
Аполлонія, городъ	19	Климашъ	148
Арабскія лошади	338. 339	Малая	136
Арабской языкъ	45	Монашвыри	140
Аравія	273	Патріархъ	142
Раздѣленіе ея	—	Перемѣны	136
Ученые люди	274. 278	Плодородіе	148
Аравія камениспая	296	Правленіе	136 —
Караванъ 312. шаг.	313	Арсакія	170
Описание ея	299	Аршаксерксъ	167. 222
Разбойники	301	Арфаксадъ	138. 211
Чудеса	300	Асресъ	219
Аравія пуспая	273. 327	Ассириане	136
Грабежи		Ассирія	157. 167
Жипели		Асверъ	217
Звѣри и гады		Афоній	370
Караваны	312	Ахалцихе, городъ	91
Положеніе		Ахеменъ	167
Разбойники	355	Аязалукъ, деревня	30
Аравія щасптивная	273	Аеины	187
Богапство	291	Базаръ 26. 84. 152.	295
Города	309	Базилпошама, рѣка	36
Золошья руды	291	Бассора	328
Исторія	275 —	Бакпріана	220
Просвѣщеніе въ наукахъ	255	Балкъ	220. 223
Аракъ, рѣка	137	Балсамъ Мекской	320
Арамъ	135	Баскулембей	19
Арашатъ	147	Бахусъ	224
Арашъ	313	Башиловъ	81
Арбузы	192	Баязетъ	6
Аргонавты	82. 94	Бедуины	329
Арей	135	Болѣзни	352 —
Арсасъ	167	Вѣра	331
Арзаиды	—	Вѣрность къ же- намъ	349
Арія	221	Женщины	345
Арменія	135	Жилища	340
Большая	136	Имя что значить?	329
Вѣра	144	Лагерь	329
Доходы духовен- ства	145	Лошади	338. 339
		Мщеніе	335

	Стр.		Стр.
Нравы	333	Василій св.	145. 303
Образъ жизни	333	Везиръ Турецкой	4. 59. 252
	и 336	Верблюды	356
Обрѣзаніе	331	Водоносъ	209
Обычаи	332	Виѣванія	311
Одежда	344	Виѣлеемъ	—
Оружіе	—	Виѣсаида	368
Пища	342	Вѣпръ плешворный	319
Погребеніе	353	Габалъ	284
Правленіе	329	Гарамъ	310
Свадьбы	346 —	Газелли, звѣрь	351
Спранноприм- ство	333	Гайкусъ	135
Суды	349	Галбани	294
Суевѣріе	336	Гебры	157. 221
Торгъ	340	Гегіазъ	309
Увеселеніи	351	Гейса	320
Упражненіи	350	Гемеданъ	211
	72	Геонха	153
Безеспень	72	Герашъ	221
Белусъ, рѣка	377	Гермусъ, рѣка	22
Бешель-фаги	294	Гигесъ	20
Визопунъ	214	Гидишъ	338
Веріаръ	327	Гидда	325
Вириоза, камень	208	Гилбойскія горы	362
Богаръ, вѣсъ	295	Гиланская провинція	217
Большой Базаръ	177	Гиенна, звѣрь	117
Бонеръ	322	Годефроя Буліонской	363
Бонневаль	66	Голгофа	363
Боракъ	218	Голуби	35. —
Бороды	337	Госсеинъ	260
Борчалъ	82. 102	Гомеръ	27. 36
Боспра	321	Гоми, хлѣбъ	92
Братищевъ	169	Гоморъ	372
Бруса, городъ	15	Гора - Ной	146
Бунчукъ	60	Гори, городъ	88
Бурса	15	Граникъ, рѣка	19
Бурція	15	Греки	36
Буссеретъ	321	Греція	167
Бѣлой мысъ	377	Григорій св.	140
Вавилонъ	167	Грузинки	95. 103

	Стр.		Стр.
Нравы	98	Династія Абассид-	
Обычаи	104	ская	278
Одежда	96	Диван-Беги	252
Грузія	82	Диванъ	55
Вино	93	Долиманъ	39
Власть Царя	100	Домъ Грацій	284
Воздухъ	94	Донъ, рѣка	82
Вѣра	98	Драгоманъ или пере-	
Города	87	водчикъ Поршы	7
Границы	82	Дивій медъ	207
Дворянство	97. 101	Дрангана	225
Деньги	105. 110	Дромадеры	358
Доходы	100	Ебисина	352
Исторія	82	Евва	309
Нравы	101	Евляя	216
Одежда	103	Евксинской понтѣ	114
Погребеніе	104	Евнухи	51. 232
Попы	99	Евроша, рѣка	36
Прежнее сословіе	91	Евфрагъ	327
Свадьбы	97	Едерне, городъ	35
Столица	83	Едренгъ, городъ	—
Церкви	85	Езраелонская долина	375
Число жителей	110	Езекиль Пророкъ	377
Гуленъ	319	Екатерина св.	306
Гуріель, провинція	91	Екбатана	150. 211
Гуссеимъ	170. 171	Ексмизинъ	140
Гухенъ	175	Елвендъ	214
Гушенгъ	217	Елена	37
Даданъ	112	Елена, св.	362. 373
Дамаръ	284	Елеонъ, гора	371
Данае	167	Елисавета	373
Даниль Пророкъ	216	Елисей Пр.	371
Дарданеллы	32	Елеспонтской ка-	
Дарданъ	—	наль	32
Дарій	19. 167. 217	Еминъ	81
Деисты	69	Ероспратъ	30
Деіоцезъ	150	Ерцерумъ	82
Дервиши	47. 66. 264	Есаулы	100
Деуф-Султанова	138	Есфирь	212. 217
Джурджанъ	218	Ефесъ, городъ	29

	Стр.		Стр.
Еффендія	69	Ираклій, Царь	82. 100
Ешя	138	Ираклія	112
Еюпъ	52	Ирамъ	284
Женщины Турецкія	41	Иродъ	376
Красота ихъ	48	Исай Пророкъ	321
Любовныя письма	45	Исмаель	168
Нравы	41	Исмаиль	275. 311
Одежда	39	Исמידъ, городъ	14
Падкость къ умѣ-		Испаганъ	169. 174
хамъ	48. 80	Базаръ	177
Поведеніе	48	Бани	200
Рай	71	Башня роговая	201
Разводъ	49	Гульбище	205
Упражненіе	71. 81	Дворецъ	178
Жиды	211. 217	Дома	174 и 177
Займы	62	Женщины сераль-	
Захарій св.	370	скія	179
Захонъ, плодъ	375	Загородной дво-	
Зеведей	367	рецъ	183
Зендерумъ	205	Караван-сераи	197
Земземъ	311	Кофейные дома	200
Зенгуй, рѣка	139 —	Мечети	195
Золопо	290	Начало города	175
Зороастръ	157. 225	Обширность	174
Иберія	82. 90	Площади	176 —
Идумея	321	Рынокъ	196
Илія Пророкъ.	306. 372. 378	Сераль	179
Иманы	67. 74. 260	Сигроени	183. 206
Имеретія	82	Укрѣпленіи	176
Войско	107	Улицы	175
Вѣра	—	Израильяне	212
Границы	105 —	Исусъ Навинъ	300. 321
деньги	105. 110	Іаковъ Ап.	147. 367
Доходы	106	Іезавель	306
Народъ	101. 110	Іеменское Королев-	
Невѣжество	101. 102	ство	292
Обычаи	105	Женщины	298
Правленіе	108	Жители	274
Селеніи	109	Столица	284. 288
Столица	90	Іеменской Король	281

	Спр.		Спр.
Власть его	290	Капитанъ-Паша	65
Выходъ	296	Каплиджи, деревня	16
Дворецъ	286	Караван-серап	197. 309
Наслѣдство	289	Караваны	354 —
Образъ жизни	298 —	Караманія	211
Иеремій Пророкъ	369	Кари	202
Иерихонская долина	371	Карія	23
Иеракъ	327	Карлъ I.	277
Иерихонъ	371	Карпалинія	91
Иерусалимъ	154. 363	Карпъ, рыба	149
Монастырь	367. 372	Каспійское море	94
Обрядъ св. огня	365	Каповикъ	138
Обрядъ спра-		Кафтанъ	6
стей	364	Каффанъ	174
Окружности	371	Кахамъ	169
Описание мѣстъ	362	Кахешія	90. 104
	и 363	Кацій	112
Погреба	367	Кошениль	156
Положеніе	368	Каяна св.	142
Церк. св. Гроб.	363	Каѳоликосъ	98. 122
Иоаннъ Апостоль	371	Кейрехъ	324
Иоаннъ Креститель	376	Кедрскій источникъ	363
Иосафатова долина	362	Кеггиланъ	338
Иосифъ	147. 370. 374	Килъ-ханъ	322
Иуда	175. 371	Кирополь	188
Иуда Маккавей	322	Кирман-шахъ	211
Кабарда	91	Киръ	93. 167. 216
Кавказскія горы	—	Кибе	310
Кади	55	Козахъ	82
Кадилескеръ	—	Козроесъ	167
Казбинъ	169	Колосъ Родосскій	275
Кази	252. 263	Колхида	112
Каинарджи	8	Колхосъ, городъ	94. 112
Каистръ, рѣка	23. 29	Константинъ	121. 373
Кассія	207	Копашисъ, городъ	89
Камбизъ	167	Копъ	291. 293. 295
Кандавлъ	20	— Султаншина	294
Кантемиръ, Князь		Кришеисъ	27
Дмитрій	70	Кромвель	277

	Спр.		Спр.
Ктезифонъ	29. 174	Македоняне	33
Куб-рубъ	146	Малтійскіе кавалеры	377
Куер-вирабъ	140	Мангала, игра	351
Куларъ Агаси	252	Манзери	283
Кумъ, городъ	27	Манзуель	284
Куломха	158	Манна	207. 215
Кунсаръ	215	Манна небесная	323
Кура, рѣка	83. 93	Мараншъ	155
Курханъ	223	Мардохей	212
Курчи	257	Марсильи, Графъ	66
Курчи-Баши	252	Маріамъ	373
Купаисъ, городъ	89	Маркъ Аврелій	137
Кушаки	37. 39	Маркъ св.	367
Лааръ	189	Матвей Апостоль	146
Лабіо	107	Мацисъ	—
Ладонъ	206	Меандръ, рѣка	23. 29
Ладонное деревцо	207	Медея	134
Лазаръ	371	Медина	309. 315
Ласкарисъ	34	Мезехъ или Масъ	146
Ла прапъ, монахи	146	Мекка	70. 309
Ле Брюнь	180	Князь ея	317
Ледъ	270	Мелисъ, рѣка	27
Лезгинцы, народъ	87	Мемнонъ	216
Лидія	20	Мечепъ начальника	195
Лилея	216	Мера	220. 222
Лисицы	322	Мершвое море	372. 376
Ліа	375	Мешедъ	220
Лопова жена	372	Мидія	137. 150. 167
Лубашъ, городъ	19	Браки	159. 160 —
Луна	222	Почипаніе огня	157
Магдалина	371	Приданое	164
Магнезія, городъ	23	Разводы	163
Магнетесъ, городъ	—	Разность нынѣш-	
Магнитъ	—	ней съ древнею	151
Магомелане	161		152. 153
Магомешъ	95. 218. 222.	Столица	150
	259. 277. 309. 342.	Мизія	19
Магомешъ Мегди	260	Мимасъ, гора	29
Мазендеранъ	218	Милиція	256
Македонія	33	Мингрелія	91

	Стр.		Стр.
Виноградъ	115	Муабъ	284. 288
Владѣлецъ	117. 118	Женщины	298
Военная сила	120	Мугребинской кара-	
Войны	—	ванъ	312
Вѣра	122	Муфши	52. 58
Дворянство	97. 102	Муми	328
Женщины	131	Наврузъ, праздникъ	264
Красота ихъ	—	Навуходонсоръ	221
Нравъ	—	Надабъ	301
Одежда	—	Назаретъ	371. 374
Замки	112. 113	Назиръ	252
Звѣри	116	Накшиванъ	137
Климатъ	115	Невольники, войско	256
Обыкновеніи граж-		Неемія	370
данскія	130	Неспорій	30
Одежда	96. 97	Неясъшь, пшица	209
Оружіе	119	Низивія	147
Пища	133	Никомидія, городъ	14
Погребеніе	129	Нишапуръ	221
Полишическое со-		Новіасъ	277
спояніе	133. 134	Ногавендъ	215
Свадьбы	130	Ноевъ ковчегъ	146
Селеніи	112. 113	Ной	148. 156. 215
Минешъ	314	Овидій	22
Муръ	321	Оксусъ	223
Мгро	123	Олимпъ, гора	15. 33
Миссіонеры	88	Омаръ	168. 215. 259. 277
Міана	169	Оребъ	302
Моабъ	284	Ореспа	34
Моголь	168	Опцы	127
Моисей	300. 306. —	Орестъ	33
Моза	283	Оригенъ	378
Мока	282	Оронтъ	152
Губернашоръ	—	Орханъ	15
Окружнoshi	283	Орбъ	302
Мокская кофъ	295	Осепинцы	105
Моли	322	Ослы	208
Моншонія, городъ	14	Османъ	151. 259. 316
Моріагъ, гора	362. 368	Осса, гора	33
Морская свинья	24	Опманъ	277

	Стр.		Стр.
Подишагъ что зна-		Игры	228
чишь?	13	Кабаки	243
Пактоль, рѣка	22	Казни	250. 253
Палеологъ	34	Караван-сераи	197 —
Палестина	360	Куріеры	158 —
Вѣра	377	Ледъ какъ хра-	
Города	371	нился?	270 —
Живошныя	375	Лѣкари	249
Перемѣны	360	Миниспры госу-	
Правленіе	361	дарственныя	252
Рѣки и озера	376	Многоженство	231. 240
Пальма	207	Музыка	249
Папуши	39	Наслѣдство	240
Парразій	86	Науки	246. 247
Паръ	110	Нравоученіе	246
Паряне	136	Обычаи	229
Парѳія	169	Одежда	—
Паши	60	Перемѣны	243
Пеликанъ, пшица	209	Пища	198. 242
Пеліонъ, гора	33	Пляски	177
Персей	167	Позорищи и уве-	
Персеполь	182	селеніи	177. 203
Гробницы	185	Полиція	256 —
Дворецъ	183	Положеніе	258
Долина	182	Произраспеніи	206 207
Развалины	183	Происхожденіе	172
Персія	166	Разводы	240
Богашство	198	Свадьбы	239
Военная сила	256	Скупость вель-	
Воспитаніе дѣтей	228	можъ	194
Вѣра	171. 259	Сраженіи	257
Гербъ	219	Сстроеніе	192. 195. 206
Города	169	Суды	250. 254. 255
Горы	188. 214	Трактиры	227. 242
Губернашоры	252	Художество	244
Духовенство	202	Языкъ	248
Жены наемныя	63. 165	Персіянки	227
Звѣри	208	Жизнь ихъ въ се-	
Земли кому при-		раляхъ	236. 237 —
надлежатъ	255	Одежда	230

	Стр.		Стр.
Приданое	240	Савская Царица	291
Суевѣріе	—	Сагап-попрусѣ	146
Петра	299. 322	Сади	188
Петръ Апостолъ	367	Солоника	32
Пещера седмихъ спящихъ	30	Салоники	—
Пиндъ, гора	33	Самаришане	377
Писцы	196	Самсонъ	322
Плантана	207	Самуилъ	172
Покрывало женское	37	Саная	288. 294
Поликарпъ св.	27	Санумъ, вѣснрѣ	319
Пруза, городъ	25	Сарабанъ, рѣка	22
Прузіасъ	—	Саранча	375
Пшолемаида	377	Сарацны	278
Пшодомей	277	Сардисъ, городъ	19
Рахиль	375	Сардоникъ, камень	20
Раи-Солиманъ	280	Сарды, городъ	19
Ревень	207	Сареппа	378
Репнинъ Князь Николай Васильевичъ	7	Сарпъ, деревня	20
Репсина св.	142	Саулъ	362
Решетовъ	169	Сатрапы	252
Рея	93. 172	Святая святыхъ	368
Риза	220	Себастъ, городъ	94
Рикотъ	81	Сегисманъ	225
Римляне	136. 278. 279	Седрѣ	262
Ріонъ, рѣка	93	Селимъ	151
Роговая башня	201	Село крови	370
Россійское посольство въ Царьградъ	7	Семахе	88
Рузма	17	Семирамида	135
Румянцовъ Задунайскій, Графъ	—	Сераль	179
Петръ Александровичъ	8	Сефи	172. 173.
Русманъ	225	Сафи	168
Ручудамъ	91	Сефи-абадъ	87
Ряца, городъ	217	Сидонъ	377
Сава	172	Симъ	167
		Синай, гора	302
		Пуспынники и образъ ихъ жиція	304
		Сипила, гора	23
		Сируза	208

	Стр.		Стр.
Сируц-абадъ	215	Сципionъ	23
Сіонъ	363	Сѣрной камень	376
Скандеръ, крѣпость	89	Табрисманъ	218
Скорпионы	174	Таврисъ	150
Скушари	14	Таврѣ	219
Смирна, Амазонка,	23	Табъ	283
Смирна, городъ	—	Таисъ	187
Собіескій	261	Талисманъ	339
Содомъ	372	Тамерланъ 168, 175.	257
Солиманъ	280	Танкредъ	362
Соломонъ 291. 362.	373	Тангія	328
Соломонъ, Царь Имеретскій	105	Танцовщицы	76. 241
Солунъ, городъ	32	Таримара	215
Софа	74	Ташары Узбекскіе	168
Спаги	63	Техмасъ-Кулы-Ханъ	168
Спингча	152		212
Стефанъ св.	307. 371	Теашины	129
Сладкое озеро	139	Темпейскія долины	33
Счастливей холмъ	146	Теокрипъ	36
Спратонъ	324	Термейской заливъ	32
Спримонъ, рѣка	33	Тезфачи-Агаси	252
Суза	216	Тиверіадское море	362
Сулманія	169	Тиграноцерша	170
Сулманъ Турецкій	51	Тигранъ	136
Аудиенци	7	Тицъ-Алманзоръ	281
Власть	48. 52	Тимариоты	62
Вспуленіе на престолахъ	51	Тимуръ	168. 222
Жалобы какъ до него доходятъ	54	Типографія	43.
Коронація	51	Типонъ	216
Обязательствы	53	Тифлисъ, городъ	83.—
Перо	54	Тіаширъ, городъ	21
Печать	—	Тмоль, гора	—
Типулы	53	Томанъ	241
Схумасшедшіе	23	Топчи-баши	252
Сурамъ	87	Торъ	323
Суръ	323	Траянъ	137
Суэтра	216	Турбе	315
		Турки	361
		Турція	1

	Стр.		Стр.
Бани	16	Праздникъ въ се-	
Военная сила	62	ралъ	77
Воспа	3	Увалъ	216
Гаданіе	47	Уссумь-хассанъ	168
Докшоры	—	Учь-клиссия	140
Домъ для сбума-		Фазаны, пшицы	94
сшедшихъ	23	Фаза, рѣка	89. 93
Домы	75	Фарфоръ	245
Законъ	68. 73	Фаршашское Коро-	
Жипели	38	левсво	290
Игры	76	Фареспанъ	181. 188
Казни	57	Фашима	317
Множеносво	48	Фарсъ	188
Множесво собакъ	57	Фашма	170. 174
Моровая язва	31	Ферга	214
Музыка	47	Фередже	39
Наглось черни	79	Филиппъ Македон-	
Наслѣдство	48. 51	скій	54
Науки	44. 46	Филиппины	360
Нравы	38	Финики	207
Обычаи	—	Фисонъ, рѣка	93
Одежда	39	Фрак-аш-земъ	169
Пища	42	Франки	27
Почетное мѣсто	75	Халашъ	181
Привѣтствіи	42	Халифъ	277
Прозваніи даваемые		Халдея	327
чужестраннымъ	13	Хадкидонъ	14
Разводы	49	Хамелеонъ, звѣрокъ	28
Свадьбы	50	Ханы	252
Склонность къ		Хосрой великій	154
цвѣшамъ	76	Хомъ	169
Суды	54	Хони	109
Увеселеніи	76	Хоривъ	302
Угощеніе	42	Хозрой	154
Училищи	47	Хоросанъ	172. 220. 225
Флошъ	65	Храмъ Ефесскій	29. 31
Художесвы	43	Храмъ Діанинъ	— и 31
Чиновники	58	Хуцеръ	217
Языкъ	45	Царь-градъ	296
Тюльпанъ	77	Циркъ	321

	Стр.		Стр.
Цхепи, монастырь	99	Шейх-Ель-Исламъ	262
Царской базаръ	196	Шеб-Мараге	218
Чалмы	39	Шерифъ	317
Чекалка, звѣрь	116	Ширасъ	188. 189
Чоршово гнѣздо	74	Эриванъ	132
Чингис-ханъ	91. 222	Юбе	195
Черное море	114	Юльфа	137. 205
Чинаръ	175	Юпиперъ	167
Шакалъ, звѣрь	116	Юспиніанъ	276
Шашировъ праздникъ	203	Яворъ	177. 207
Шахъ-надиръ	82. 103. 212	Язонъ	82
Шахъ Персидскій	176. 252	Ямбо	315
Аудиенци	176	Янычар-Ага	64
Власть	202. 252	Янычары	63
Наслѣдство	251	Ѡаворъ, гора	359. 361
Пиры	197	Ѡаида	187
Способъ обогащать		Ѡессалія	33
придворныхъ	158	Ѡаширъ, городъ	21
Шахъ Сафи	168	Ѡома Апостоль	367
Шахъ Тахмасъ	—	Ѡракія	33
Шезифонъ, змѣй	318		

Biblioteka prywatna
 Jakuba Aniońska
 Dobrzyniewo-Duże
 pow. Białystok
 Nr.

Fovaeon
Cenark
Vrál
Agap
Padyrnock
Sroaly
Ennit
Mahnosdra
Rodria
Nepus nepusti
Boydychow
Chion
Miluslo
Julha
Lad
Krigie
Siddou
Oli
Kacyle
Vaireo
Rex
Roi
Imperator
Hajin
Sibach in sroch

Vnigdr
Pop
Parhol
Robin
Saman
Kajdon
Map.
Jndian
Mittor
Bramin
Bouza
Bene
Biblioteka prywatna.
Jakuba Ant. Cuka
Dobrzynow - tuze
pow. Bialystok
Nr. —

Storne mēvīstg

Ulcopatra
Zenebia
Joane d'Arce
Elizabeth
Kabinjua Madagaycarha
Kolonjua n
More Teresa
Melore Bona

[Faint handwritten notes, possibly bleed-through from the reverse side]

Tami indri:

1. Rames
2. Majest
3. Chryphus
4. Buelde
5. Mahomet
6. Hammirabi
7. Cyrus
8. Salto vider velli
9. Peras
10. Kord velli
11. Deynys Chon
12. Tomblou
13. auter
14. Kolimb
15. Napaleon
16. Hiller
17. Lann
18. Stalin
19. Churchill
20. Foch
21. Mastro-Timp
22. Roosevelt
23. Korfuijere
24. Warthynphon
25. Nelson
26. Bismarck
27. v. Mettke
28. Fryderyk velli
29. Fitzvobis
30. Lyika
31. Tito
32. ~~Cyrus~~ Hannibal
33. Togo
34. Oyema
35. Alfred velli
36. Bolvoss Chuby
37. Gedymin
38. Karel xii
39. Jindar Balaf
40. Perystles

41. Ghendri
42. Alylla
43. Menetilo
44. Mahdi
45. Korte
46. Pirone
47. Tito Crong Kap Sulu
48. Mohamed II
49. Lion d'Arce
50. Pict velli
51. Echl
52. Vasco de Gama
53. Jan Iduss
54. Mannerheim
55. Cromwell
56. Richelieu
57. Joanne d'Arce

Mahomet: Arabie 276-279.

95603

XIX

